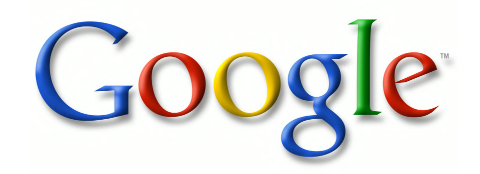


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

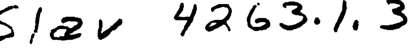
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

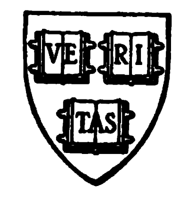
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

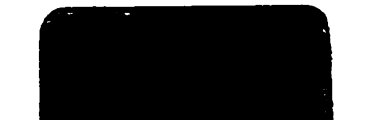
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/



HARVARD COLLEGE
LIBRARY



BOUGHT FROM
A SPECIAL APPROPRIATION FOR
DUPLICATE BOOKS



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ

ДЕРЖАВИНА

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Я. ГРОТА.

2е АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

(БЕЗЪ РИСУНКОВЪ.)

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ. ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1869.

Digitized by Google

Slav 4263.1.3

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
APR 29 1938

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, іюнь 1869 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ І-й томъ нашего изданія вошли стихотворенія Державина за все время царствованія Екатерины II. Въ настоящемъ томѣ мы сочли удобнымъ остановиться на 1808 годѣ, такъ какъ въ этомъ году издано, при жизни поэта, собраніе его сочиненій въ четырехъ частяхъ, доставившихъ главное содержаніе для первыхъ двухъ томовъ нашего изданія. Напечатанная имъ въ 1816 году пятая часть войдетъ, вмѣстѣ съ неизданными его стихами, въ составъ слѣдующаго тома; изъ нея мы сообщаемъ теперь только то немногое, что относится еще къ 1807 и 1808 годамъ.

Все, написанное Державинымъ послѣ 1796 года, вообще гораздо менѣе извѣстно, нежели прежнія его произведенія, которымъ онъ наиболѣе обязанъ своею славой. Между тѣмъ и изъ позднѣйшихъ его стихотвореній многія весьма замѣчательны: въ нихъ есть мѣста, которыя запечатлѣны такою силою таланта, что, не смотря на нѣсколько устарѣвшій языкъ и на шероховатости, неразлучныя почти съ каждою пьесой Державина,

Digitized by Google

они никогда не потеряютъ цѣны. Вотъ почему не безполезно будетъ обозрѣть здѣсь хотя бѣгло содержаніе этого тома.

По количеству заключающихся въ немъ стихотвореній видно, что производительность поэта послѣ Екатерины нисколько не ослабѣла. Изъ двѣнадцати годовъ, обнимаемыхъ настоящимъ томомъ, скуденъ одинъ только 1803-й, въ которомъ Державинъ занималъ высокій постъ министра. Изъ духовныхъ стихотвореній этого тома особеннымъ богатствомъ содержанія отличается *Безсмертіе души*. Надежды, какія возбуждало начало царствованія Павла, отразились и на поэзіи Державина: оды *На Новый годъ*, *Къ Музѣ*, *На Мальтійскій орденъ* служатъ отголоскомъ общихъ отрадныхъ ожиданій. Другую сторону настроенія поэта показываютъ его извѣстныя два стихотворенія: *На возвращеніе гр. Зубова изъ Персіи* и *Развалины*.

Изъ остальныхъ одъ укажемъ на вызванныя смертію И. И. Шувалова (*Урна*), Л. А. Нарышкина и великой княгини Александры Павловны (*Эродій надъ гробомъ праведницы*); но особенно заслуживаютъ быть упомянутыми пьесы, которыя написаны по поводу вызова изъ деревни, побѣдъ и кончины Суворова (*Орелъ*, *На переходъ Альпійскихъ горъ* и *Снигирь*). По картинамъ природы достойно вниманія *Утро*. Наступленіе для Россіи новаго вѣка съ воцареніемъ Александра I и нѣкоторыя событія въ его борьбѣ съ Наполеономъ отозвались на лирѣ Державина стихотвореніями, изъ которыхъ часть можетъ быть причислена къ счастливымъ его произведеніямъ. Наконецъ не должны быть забыты посланія къ *Храповицкому*, *Капнисту*, *Тончію*, *Оленину*, *Евгенію*, *Атаману* (Платову) и др.; далѣе многія подражанія древнимъ (напр. *Похвала сельской жизни*, *Горючій ключъ*, *Геркулесъ*), обширный отдѣлъ переводовъ изъ

Digitized by Google

Анакреона, также оригинальныя эротическія и т. п. пьесы (между прочимъ *Арфа*, *Русскія дѣвушки*, *Цыганская пляска*, *Альбаумъ*).

Рукописи поэта, служившія намъ пособіемъ при редакціи настоящаго тома, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя уже описаны въ Предисловіи къ I-му тому. Присовокупимъ только объ одной изъ нихъ небольшое замѣчаніе. Было сказано, что автографъ Казанскаго университета, описанный подъ цифрою 7, конченъ не позже 1802 года; впослѣдствіи мы имѣли основаніе убѣдиться, что вся эта тетрадь составилась въ 1797 и 1798 годахъ (о чемъ подробнѣе см. ниже на стр. 152).

Принятый нами въ основаніе хронологическій порядокъ сочиненій могъ быть соблюдаемъ здѣсь, вообще говоря, съ бóльшею точностію нежели въ предыдущемъ томѣ, потому что къ позднѣйшимъ произведеніямъ своимъ самъ поэтъ присоединялъ въ рукописяхъ обстоятельныя указанія этого рода. Такимъ образомъ мы могли, большею частью, располагать стихотворенія не только по годамъ, но и по мѣсяцамъ, мѣстами даже по днямъ, къ которымъ они относятся. При тѣхъ источникахъ, какіе находятся въ нашихъ рукахъ, само собою разумѣется, что многія изъ хронологическихъ данныхъ, случайно являвшихся въ прежнихъ изданіяхъ Державина, оказались невѣрными и исправлены нами; съ другой стороны, время сочиненія значительнаго числа стихотвореній его оставалось до сихъ поръ вовсе неизвѣстнымъ и нынѣ въ первый разъ опредѣляется съ несомнѣнною точностью.

Помѣстивъ въ Предисловіи къ I-му тому эпиграфъ, при которомъ Державинъ посвятилъ свои стихотворенія Екатеринѣ II, передаемъ теперь другой эпиграфъ, приложенный имъ ко 2-й

Digitized by Google

части изданія 1808 года вслѣдъ за посвященіемъ императору Александру I: «Мы не намѣрены ласкать ему нигдѣ, яко «существу высочайшему, или яко нѣкоему божеству: «ибо говоримъ не о тиранѣ, но о Гражданинѣ, не о «Государѣ, но объ Отцѣ отечества, который почи«таетъ себя намъ равнымъ, но тѣмъ паче насъ превы«шаетъ, чѣмъ болѣе равняетъ себя съ нами.» (Плиній въ словѣ императору Траяну) *.

* Первыя строки взяты Державинымъ слово въ слово изъ перевода А. А. Нартова (вѣроятно, съ нѣмецкаго), изданнаго въ Петербургѣ 1777 года. Начиная отъ слова *который*, Державинъ выражается нѣсколько иначе. Именно у Нартова сказано: «Онъ почитаетъ себя равнымъ намъ; и тѣмъ паче превышается, что равняетъ себя съ нами». Въ подлинникѣ соотвѣтствуетъ эпиграфу слѣдующее мѣсто: «Nusquam ut deo nunc, nusquam ut numini, blandiamur. Non enim de tyranno, sed de cive; non de domino, sed de parente loquimur. Unum ille se ex nobis, et hoc magis excellit atque eminet, quod unum ex nobis, putat» (C. Plinii secundi Panegyricus etc. Norimbergae, 1746). Похвальное слово Траяну впослѣдствіи переведено съ латинскаго Я. Толмачевымъ; этотъ переводъ изданъ въ Спб. 1820 года.

Я. Гротъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ ТОМА II.

Digitized by Google

1798.

1799.

Digitized by Google

1800.

1801.

Digitized by Google

1802.

1803.

1804.

1805.

Digitized by Google

1806.

1807.

Digitized by Google

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОТЪ 1797 ДО 1808 ГОДА.

Digitized by Google

Digitized by Google

1. БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ[1].

1797.

Умолкни, чернь непросвѣщенна, 1
Слѣпые свѣта мудрецы[2]! —
Небесна истина, священна!
Твою мнѣ тайну ты прорцы.
Вѣщай: я буду ли жить вѣчно?
Безсмертна ли душа моя?
Се слово мнѣ гремитъ предвѣчно:
Живъ Богъ — жива душа твоя!

Жива душа моя! — и вѣчно 2
Она жить будетъ, безъ конца;
Сіянье длится безпресѣчно,
Текуще свѣта отъ Отца.
Отъ лучезарной Единицы,
Въ комъ всѣхъ существъ вратится кругъ,
Какія ни текутъ частицы,
Всѣ живы, вѣчны: — вѣченъ духъ.

Духъ тонкій, мудрый, сильный, сущій[3] 3
Въ единый мигъ и тамъ и здѣсь,
Быстрѣе молніи текущій
Всегда, вездѣ и вкупѣ весь,
Неосязаемый, незримый,
Въ желаньи, въ памяти, въ умѣ
Непостижимо содержимый,
Живущій внутрь меня и внѣ;

Духъ, чувствовать, внимать способный, 4
Все знать, судить и заключать,
Какъ легкій прахъ, такъ міръ огромный
Вкругъ мѣрить, вѣсить, исчислять,
Ревущи отвращать перуны,
Чрезъ бездны преплывать морей,

Digitized by Google

Сквозь своды воздуха лазурны
Свѣтъ черпать солнечныхъ лучей;
Могущій время скоротечность, 5
Прошедше съ будущимъ вязать,
Воображать блаженство, вѣчность
И съ мертвыми совѣтъ держать,
Плѣняться истинъ красотою,
Надѣяться безсмертнымъ быть, —
Сей духъ возможетъ ли косою
Пресѣчься смерти и не жить?
Какъ можно, чтобы царь всемірный[4], 6
Господь стихій и вещества[а],
Сей духъ, сей умъ, сей огнь эѳирный,
Сей истый образъ Божества,
Являлся съ славою такою,
Чтобъ только мигъ въ семъ свѣтѣ жить,
Потомъ покрылся бъ[6] вѣчной тмою?
Нѣтъ, нѣтъ! сего не можетъ быть.
Не можетъ быть, чтобъ съ плотью тлѣнной, 7
Не чувствуя нетлѣнныхъ силъ,
Противу смерти разъяренной
Въ сраженье воинъ выходилъ;
Чтобъ властью царь не ослѣплялся,
Судья противъ даровъ стоялъ,
И человѣкъ съ страстьми сражался,
Когда бы духъ не укрѣплялъ.
Сей духъ въ пророкахъ предвѣщаетъ[5], 8
Паритъ въ піитахъ въ высоту,
Въ витіяхъ[в] сонмы убѣждаетъ,
Съ народовъ гонитъ слѣпоту;
Сей духъ и въ узахъ не боится
Тиранамъ правду говорить:
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить.
Премудрость вѣчная и сила, 9
Во знаменье чудесъ своихъ,
Въ персть земну[г] душу, духъ вложила
И такъ во мнѣ связала ихъ,
Что сдѣлались они причастны

Digitized by Google

Другъ друга свойствъ и естества:
Въ сей водворился міръ прекрасный
Безсмертный образъ Божества!

Безсмертенъ я! — и увѣряетъ 10
Меня въ томъ даже самый сонъ:
Мои онъ чувства усыпляетъ,
Но дѣйствуетъ душа и въ немъ;
Оставя неподвижно тѣло,
Лежащее въ моемъ одрѣ,
Она свой путь свершаетъ смѣло,
Въ стихійной пролетая прѣ.

Сравнимъ ли и прошедши годы 11
Съ исчезнувшимъ, минувшимъ сномъ:
Не всѣ ли виды намъ природы
Лишь бывшихъ мечтъ явятся сонмъ?
Когда жъ оспорить то не можно,
Чтобъ въ прошломъ времѣ не жилъ я:
По смертномъ снѣ такъ непреложно
Жить будетъ и душа моя[6].

Какъ тма есть свѣта отлученье, 12
Такъ отлученье жизни — смерть;
Но коль лучей, во удаленьѣ,
Умершими нельзя почесть,
Такъ и души, отшедшей тѣла:
Она жива, какъ живъ и свѣтъ;
Превыше тлѣннаго предѣла
Въ своемъ источникѣ живетъ.

Я здѣсь живу, — но въ цѣломъ мірѣ 13
Крылата мысль моя паритъ;
Я здѣсь умру, — но и въ эѳирѣ
Мой гласъ по смерти возгремитъ.
О! если бъ стихотворство знало
Брать краску солнечныхъ лучей, —
Какъ ночью бы луна[4], сіяло
Безсмертіе души моей.

Но если нѣтъ души безсмертной, 14
Почто жъ живу въ семъ свѣтѣ я?
Что въ добродѣтели мнѣ тщетной,
Когда умретъ душа моя?

Digitized by Google

Мнѣ лучше, лучше быть злодѣемъ [e],
Попрать законъ, низвергнуть власть,
Когда по смерти мы имѣемъ,
И злой и добрый, равну часть.
Ахъ, нѣтъ! — коль плоть, разрушась, тлѣнна 15
Мертвила бъ нашъ и духъ съ собой,
Давно бы потряслась вселенна,
Земля покрылась кровью, мглой;
Упали бъ [*] троны, царства, грады,
И все погибло бъ золъ въ борьбѣ;
Но духъ безсмертный ждетъ награды
Отъ правосудія себѣ.
Дѣла и сами наши страсти — 16
Безсмертья знаки нашихъ душъ:
Богатствъ алкаемъ, славы, власти;
Но, всѣ ихъ получа, мы въ ту жъ
Минуту вновь — и близъ могилы —
Не престаемъ еще желать;
Такъ мыслей простираемъ крылы,
Какъ будто бъ ввѣкъ не умирать.
Нашъ прахъ слезами оросится, 17
Гробъ скоро мохомъ зарастетъ;
Но огнь отъ праха [3] въ томъ родится,
Надгробну надпись кто прочтетъ:
Блеснетъ, — и вновь подъ небесами
Начнетъ свой Фениксъ новый кругъ [7].
Все движется, живетъ дѣлами,
Душа безсмертна, мысль и духъ.
Какъ сѣрный паръ прикосновеньемъ 18
Вмигъ возгарается огня,
Подобно мысли сообщеньемъ
Возможно вдругъ возжечь меня;
Вослѣдъ же моему примѣру
Пойдетъ отважно и другой:
Такъ дѣлъ и мыслей атмосферу
Мы простираемъ за собой!
И всяко сѣмя роду сродно 19
Какъ своему приноситъ плодъ,
Такъ всяка мысль себѣ подобно

Digitized by Google

Дѣянье за собой ведетъ.
Благіе въ мірѣ духи, злые
Суть вѣчны чада сихъ сѣменъ;
Отъ нихъ тѣ свѣтъ, а тму другіе
Въ себя пріемлютъ, жизнь иль тлѣнъ.

Бываю веселъ и спокоенъ, 20
Когда я сотворю добро;
Бываю скученъ и разстроенъ,
Когда содѣлаю я зло:
Отколь же разность чувствъ такая?
Отколь борьба и перевѣсъ?
Не то ль, что плоть есть персть земная,
А духъ — вліяніе небесъ?

Отколѣ, чувствъ по насыщеньѣ, 21
Объемлетъ душу пустота?
Не оттого ль, что наслажденье
Для ней благъ здѣшнихъ — суета,
Что есть для насъ другой міръ краше,
Есть вѣчныхъ радостей чертогъ?
Безсмертіе — стихія наша,
Покой и верхъ желаній — Богъ!

Болѣзнью изнуренна смертной[8] 22
Зрю мужа праведна въ одрѣ,
Покрытаго ужъ тѣнью мертвой;
Но при возблещущей зарѣ
Надъ нимъ прекрасной, вѣчной жизни
Горѣ онъ взоръ возводитъ вдругъ;
Спѣша въ объятіе отчизны,
Съ улыбкой испускаетъ духъ.

Какъ червь, оставя паутину 23
И въ бабочкѣ взявъ новый видъ,
Въ лазурну воздуха равнину
На крыльяхъ блещущихъ летитъ,
Въ прекрасномъ веселясь убранствѣ,
Съ цвѣтовъ садится на цвѣты:
Такъ, и душа, небесъ въ пространствѣ
Не будешь ли безсмертна ты?

О нѣтъ! безсмертіе прямое — 24
Въ единомъ Богѣ вѣчно жить,

Digitized by Google

Покой и счастіе святое[9]
Въ Его блаженномъ свѣтѣ чтить.
О радость! о восторгъ любезный!
Сіяй, надежда[и], лучъ лія,
Да на краю воскликну бездны:
Живъ Богъ — жива душа моя!

[а] Господь стихіевъ, вещества (Первонач. рукоп.).
[б] Потомъ сокрыться ...
[в] Витійствомъ ...
[г] Въ плоть тлѣнну ...
[д] Въ нощи будто луна ...
[е] Мнѣ прибыльнѣе быть злодѣемъ.
[ж] Поверглись троны ...
[з] ... отъ пепла ...
[и] Утѣшь, надежда ...

---

[1] Начальныя двѣ строфы написаны еще въ 1785 г., въ Петрозаводскѣ (см. томъ I нашего изданія, стр. 149, примѣч. 1 къ *Уповающему на свою силу*); но все остальное — только въ исходѣ 1796*. Стихотвореніе было напечатано, какъ говоритъ Державинъ (*Об.*), отдѣльно въ 1797 году. Потомъ оно помѣщено въ изданіи 1808, ч. II, I.

[2] Слѣпые свѣта мудрецы.

Въ изданіи 1808 г. *міра мудрецы;* но въ экземплярѣ, принадлежавшемъ Державину, поправлено его рукою, согласно съ рукописями: «свѣта мудрецы».

[3] Духъ тонкій, мудрый, сильный, сущій *и проч.*

Мицкевичъ въ своихъ лекціяхъ о русской литературѣ, читанныхъ имъ въ Парижѣ, выставляя самостоятельный ходъ мыслей оды, не заимствованный у философовъ восемнадцатаго вѣка, восхищается особенно этою строфой и входитъ по поводу ея въ подробное объясненіе слова *духъ*, которому онъ не находитъ соотвѣтствующаго во французскомъ языкѣ **:

* Мы позволили себѣ отнести къ 1797 году то, что написано Державинымъ въ исходѣ предыдущаго, послѣ кончины Екатерины II.

** Нелишнимъ считаемъ помѣстить здѣсь въ переводѣ всѣ три слѣдующіе за симъ отрывка изъ лекціи Мицкевича: «Чрезвычайно важно въ точности опредѣлить значеніе слова *духъ*, потому что отъ него происходитъ, можно сказать, цѣлая треть словъ обширнаго семейства славянскихъ языковъ (?) ... Итакъ *духъ* не соотвѣтствуетъ французскому *esprit*, какъ его разумѣетъ большая часть философовъ или какъ обыкновенно принимаютъ его, но означаетъ духовнаго, внутренняго человѣка, одушевляющаго тѣло, — *spiritus* въ смыслѣ библейскомъ. Нашъ поэтъ разумѣетъ здѣсь духъ по идеямъ и чувствамъ дѣйствительно славянскимъ; онъ не принимаетъ теоріи тѣхъ философовъ, которые смотрятъ на умъ какъ на высшую часть человѣческаго духа; онъ не признаетъ также души и тѣла отдѣльными частями; онъ говоритъ, что *Духъ* существуетъ самъ по себѣ и отдѣльно, что онъ воплощается

Digitized by Google

«Il est essentiellement important», говоритъ онъ между прочимъ, «de préciser la signification de ce mot *Duch*, parcequ'on peut dire qu'un tiers des mots de la vaste langue slave dérive de ce seul mot (?)... *Duch* signifie donc, non pas *l'esprit* (*mens*) tel qu'il est compris par la plupart des philosophes, non pas *l'esprit* suivant l'acception vulgaire du mot, mais l'homme spirituel, l'homme intime qui anime le corps, le *spiritus* dans le sens biblique. Notre poète conçoit ici l'Esprit d'après l'idée et les sentiments réellement slaves; il n'accepte pas la théorie des philosophes qui regardent l'intelligence comme la partie sublime de l'esprit humain; il ne regarde pas non plus l'âme et le corps comme parties séparées; il dit que *Duch* existe en lui-même et séparément, qu'il s'incarne tantôt dans les désirs, tantôt dans l'intelligence, tantôt dans le coeur, mais sans être absorbé par aucun de ces organes. Ainsi, l'intelligence, le corps, le coeur sont des organes, et non pas des parties de l'Esprit. Nulle part on ne trouve cette idée profondément slave aussi bien exprimée que dans ces strophes de Dierżavin.» Переходя потомъ къ одѣ *Христосъ* и ставя нѣкоторые стихи ея выше всего, что писалъ Державинъ, Мицкевичъ замѣчаетъ: «Il est malheureux que les historiographes russes, au lieu de marquer l'année où le poète recevait des décorations et des grades, n'aient pas fixé la date de ses diverses compositions.» Изъ этихъ словъ видно, что Мицкевичу не были извѣстны ни *Ключъ къ сочиненіямъ* Державина, ни *Объясненія* его *, хотя впрочемъ ни тотъ, ни другой комментарій дѣйствительно не опредѣляютъ времени сочиненія оды *Христосъ* (1814); время, когда написано *Безсмертіе души*, напротивъ, указано обоими комментаріями. Тѣмъ не менѣе Мицкевичъ прибавляетъ: «Je suis porté à croire que cette ode (*Христосъ*) et celle sur l'immortalité de l'âme datent de sa première jeunesse» (!). См. Pisma Adama Mickiewicza, Paryż, 1860, tom IX, стр. 56.

[4] Какъ можно, чтобы царь всемірный *и проч.*

Въ бумагахъ Державина мы нашли особый листъ съ замѣчаніями духовнаго цензора, писанными вѣроятно въ 1797 году, на оду *Безсмертіе души* **. Первое изъ нихъ относится къ этой строфѣ и изложено въ слѣ-

то въ желанія, то въ умъ, то въ сердце, но не будучи поглощаемъ ни однимъ изъ этихъ органовъ. Итакъ умъ, тѣло, сердце суть органы, а не части Духа. Нигдѣ эта глубоко-славянская идея не выражена такъ хорошо, какъ въ этихъ строфахъ Державина». — «Очень прискорбно, что русскіе исторіографы, вмѣсто того, чтобы означать, когда поэтъ получалъ ордена и чины, не постарались опредѣлить годы, къ которымъ относятся различныя его сочиненія». — «Я полагаю, что оды *Христосъ* и *Безсмертіе души* написаны имъ въ первой молодости». (На дѣлѣ выходитъ, что первую онъ написалъ на 72-мъ году, а вторую началъ 42-хъ, кончилъ 53-хъ лѣтъ отъ роду).

* *Ключъ* изданъ въ 1822, *Объясненія* въ 1834 г.; а Мицкевичъ читалъ свои лекціи въ 1841.

** Общая цензура была учреждена въ 1796 г.; духовная — въ 1797. Въ Петербургѣ духовнымъ цензоромъ назначенъ былъ архимандритъ Антоній Знаменскій и отправлялъ эту должность до 1799 г. Преемникомъ его по цензорству былъ протоіерей Стахій Колосовъ. Въ Москвѣ, въ ту же пору, была

Digitized by Google

дующихъ словахъ: «Духъ человѣка именуется *царь всемірный*, *господь стихіевъ*, *вещества*. Хотя г. авторъ показываетъ основанія, на коихъ утверждается право души человѣческой на оныя высокія титлы; но многимъ изъ читателей могутъ оныя подать поводъ къ сомнѣнію о правильности ихъ.»

[5] Сей духъ въ пророкахъ предвѣщаетъ.

Второе замѣчаніе духовнаго цензора: «Ежели это говорится, въ несобственномъ смыслѣ слова, о пророкахъ политическихъ системъ съ счастливыми догадками: то имѣетъ свою справедливость. Въ собственномъ христіанскомъ разумѣ предвѣщаніе сіе принадлежитъ токмо Духу Бога и присвоительно Св. Духу.»

[6] Житъ будетъ и душа моя.

Вмѣсто этого было сперва: «Воскреснетъ и душа моя,» противъ чего духовный цензоръ въ третьемъ и послѣднемъ замѣчаніи своемъ возразилъ: «Сего душѣ, точно говоря, приписать не можно. Правда, здѣсь предварено: *по смертномъ снѣ;* однако и сіе можетъ дать случай кривому толку, какъ нѣкоторые думали уже, что души до воскресенія находятся въ состояніи сна и мертвости.» Эти весьма умѣренныя замѣчанія задѣли самолюбіе Державина, и онъ набросалъ на спискѣ ихъ колкій отвѣтъ. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

[7] Начнетъ свой фениксъ новый кругъ.

Первоначально было: «Младый орелъ начнетъ свой кругъ.» Ср. «Въ ихъ урнахъ фениксы взродятся» (томъ I, стр. 427) и «Одна лишь персть твоя осталась» и проч. (тамъ же, стр. 231 и сл.).

[8] Болѣзнью изнуренна смертной.

Въ первоначальной редакціи не было всей этой строфы, прибавленной передъ напечатаніемъ оды въ изданіи 1808 г. Слѣдующую, предпослѣднюю строфу, сказано въ *Ключѣ къ соч. Д.*, авторъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ.

[9] Покой и счастіе святое.

Въ изд. 1808 г. «счастіе прямое» — опечатка.

---

2. МОЛИТВА[1].

О Боже, душъ Творецъ безсмертныхъ 1
И всѣхъ, гдѣ существуетъ кто!
О Единица числъ несмѣтныхъ,
Безъ коей всѣ они — ничто!
О Средоточіе! Согласье!
Все содержащая Любовь!

учреждена духовная цензура въ Донскомъ монастырѣ. Тамъ съ 1800 г. предсѣдателемъ духовно-цензурнаго комитета былъ Богоявленскій архимандритъ Викторъ Прокоповичъ-Антонскій (И. Чистовичъ). — Цензоромъ *Безсмертія души* былъ, какъ оказывается по всѣмъ соображеніямъ, Антоній Знаменскій.

Digitized by Google

Источникъ жизни, блага, счастья,
И малыхъ и большихъ міровъ!
Коль Ты лишь духомъ наполняешь 2
Своимъ цѣвницы твари всей[2],
Органомъ симъ увеселяешь
Себя средь вѣчности Твоей,
И вкругъ отъ миріадовъ звѣздныхъ,
Піющихъ свѣтъ съ Твоихъ очесъ,
Самъ черплешь блескъ лучей любезныхъ
И льешь ихъ въ океанъ небесъ;
И мнѣ, по плоти праху тлѣнну, 3
Когда на тотъ одинъ конецъ
Ты вдунулъ душу толь священну,
Чтобы въ гармонію, Творецъ,
И я вошелъ Твою святую:
О! ниспошли жъ мнѣ столько силъ,
Чтобъ развращенну волю злую
Твоей я волѣ покорилъ,
И такъ бы сдѣлалъ душу чисту, 4
Какъ водный ключъ, сквозь блатъ гнилыхъ,
Какъ запахъ розъ, сквозь дебрь дымисту,
Какъ лучъ небесъ, сквозь безднъ ночныхъ
Протекши, тѣми же бываютъ,
Что̀ были въ существѣ своемъ,
Или свѣтлѣй еще сіяютъ,
Чѣмъ злато, жженое огнемъ.
Подаждь, чтобъ все мое желанье, 5
Вся мысль моя единъ былъ Ты,
И истинъ бы Твоихъ алканье
Пожрало міра суеты;
Чтобъ правды, совѣсти, закона,
Которы мнѣ Ты въ грудь вліялъ,
Изъ подлости, хотя бъ у трона,
Я ни на что не промѣнялъ;
Чтобъ, знавъ мое происхожденье[3], 6
Моихъ достоинствъ я не тмилъ;
Твоей лишь волѣ въ угожденье
Въ лицѣ царя Твой образъ чтилъ;
Чтобы, трудясь я безвозмездно,

Digitized by Google

Творилъ самимъ врагамъ добро,
И какъ Тебѣ добро любезно,
Такъ ненавидѣлъ бы я зло;
Несчастныхъ, утѣсненныхъ слезу 7
Чтобы спѣшилъ я отирать;
Сердца, подобныя желѣзу,
Моей горячностью смягчать;
Чтобъ не былъ я ни гордъ, ни злобенъ;
На лонѣ нѣгъ не воздремалъ;
Но былъ душой Тебѣ подобенъ
И всю ее съ Тобой сливалъ.
О, сладка мысль и дерзновенна — 8
Желать съ Творцомъ сліянну быть!
Когда придетъ неизреченна
Мнѣ радость та, чтобъ въ Богѣ жить?
Когда съ Тобой соединюся,
Любви моей, желаній край!
Гдѣ предъ лицомъ Твоимъ явлюся,
Тамъ мрачный адъ мнѣ будетъ рай!

[1] Написана въ одно время съ *Безсмертіемъ души* и вмѣстѣ съ этой одой напечатана отдѣльно въ 1797 г. (*Об. Д.*); во вгорой разъ — въ изданіи 1808, ч. II, x.

[2] Своимъ цѣвницы твари всей.

По *Об. Д.*, здѣсь подъ *цѣвницами* разумѣются жизненные сосуды. 7-й стихъ 1-й строфы ср. съ стихомъ оды *Богъ*: «Источникъ жизни, благъ податель.»

[3] Чтобъ знавъ мое происхожденье —
т. е. созданіе по образу и подобію Божію.

---

3. НА НОВЫЙ 1797 ГОДЪ[1].

Занесъ послѣдній шагъ — и, въ вѣчность 1
Ступя, сокрылся прошлый Годъ;
Пожрала мрачна неизвѣстность
Его стремленье, быстрый ходъ.
Гдѣ ризы свѣтлы, златозарны,
Гдѣ взоры голубыхъ очесъ[2]?
Гдѣ вѣкъ Екатерины славный?
Ужъ нѣтъ ихъ! — Въ высотѣ небесъ

Digitized by Google

Явился Новый Годъ намъ въ мірѣ
И Павелъ въ блещущей порфирѣ.
Онъ поднялъ скиптръ — и пробѣжала 2
Струя съ небесъ [а] во мракъ темницъ [3];
Цѣпь звучно съ узниковъ упала
И процвѣла ихъ блѣдность лицъ;
Въ объятьяхъ семьи восхищенныхъ
Облобызали возвращенныхъ
Сыновъ и братьевъ и мужей;
Плоды трудовъ, свой хлѣбъ насущный,
Узрѣлъ всякъ въ житницѣ своей.
Подобно, утра царь воздушный [б],
Выходитъ солнце въ подвигъ свой:
Блеснетъ лишь посреди эѳира,
Бываетъ благодѣтель міра
Отрадой, свѣтомъ, теплотой.
Онъ принялъ мечь — и лучъ горящій 3
Въ рукѣ его увидѣлъ врагъ;
Пронесся духъ животворящій
Въ градахъ, въ домахъ, въ полкахъ, въ судахъ.
Всѣхъ ранній пѣтелъ возбуждаетъ,
Отъ сна всякъ къ дѣлу поспѣшаетъ
И долгъ свой тщательно творитъ;
Всякъ движется, стремится [в], внемлетъ:
На стогнѣ крѣпко стражъ стоитъ,
Передъ зерцаломъ судъ не дремлетъ,
Скрываетъ Злость главу свою
Подъ царскимъ [г] бдительнымъ призоромъ;
Орелъ съ высотъ такъ быстрымъ взоромъ
Шипящу въ мракѣ зритъ змію.
Возсѣлъ на тронъ — и освѣтилась 4
Душа его огнемъ щедротъ:
Сѣдина почестьми покрылась;
Сбираютъ [д] бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ;
Увѣчныхъ воевъ [е] награждаютъ;
Прощенье недруги внимаютъ,
Заслуги получаютъ мзду.
Такъ Богъ въ величіи, во славѣ,
Во благовременну чреду,

Digitized by Google

Льетъ благодать своей державѣ
Въ заряхъ, въ росахъ, въ дождяхъ, въ лучахъ;
Всѣ руки къ небу воздѣваютъ
И отъ него всѣ ожидаютъ
Себѣ возможныхъ твари благъ.
Россія, лавромъ отягченну 5
Отъ браней вознеся главу,
Внимаетъ черезъ всю вселенну
Гремящую о немъ молву:
Кто сей, щедрѣй Екатерины
И ревностнѣй еще Петра[4]?
Садить въ сердца[2] блаженства крины,
Потоки злата и сребра[3]
Воздержностью пролить желаетъ,
Собою роскошь истребляеть?
Кто сей, по образу Атланта 6
На рамена поднявшій свѣтъ,
Шагами твердыми гиганта
Неробко чести въ храмъ идетъ?
Грозитъ противнымъ не войною,
Но мирной масличной лозою,
Нося при ней готовый громъ?
Онъ дерзкихъ взглядомъ усмиряетъ;
Христова Церковь Павла въ немъ[5]
Избранный тотъ сосудъ встрѣчаетъ,
Который миръ, любовь и свѣтъ,
Всѣ добродѣтели во нравы
И жажду неземныя славы
Въ благочестивы души льетъ;
Кто мудръ ума по просвѣщенью, 7
А сердцемъ больше щедръ и благъ[6];
Аттилѣ вслѣдъ къ распространенью
Границъ не ступитъ ни на шагъ;
Въ той истинѣ увѣренъ твердо,
Что царство не войной цвѣтетъ,
Онъ кровь народовъ милосердо
Своихъ и вражіихъ блюдетъ.
Водимый истиной святою,
Законовъ подъ одной чертою,

Digitized by Google

Полсвѣту скорый[i] судъ даритъ[6],
Обогатитъ торговлей грады,
Плодомъ, стадами вертограды,
Людьми пустыни заселитъ;
По долгу строгъ и правосуденъ, 8
Но нѣженъ, милостивъ душей;
На казнь жестоку медленъ, труденъ[7],
Ждетъ исправленія людей;
Виновныхъ милуетъ, прощаетъ,
Несчастныхъ[к] слезы отираетъ,
Покоемъ жертвуетъ драгимъ,
Участвовать въ трудахъ супругѣ[8]
И сыновьямъ велитъ своимъ;
Чистосердечья ищетъ въ другѣ[9],
Блаженствомъ общимъ дорожитъ,
Народной споспѣшая льготѣ.
По доблести и по щедротѣ
Аврелій зрится въ немъ и Титъ.
Лети, о Новый Годъ! ты смѣло 9
Съ сей вѣстью росскихъ въ слухъ сыновъ;
Свершай предположенно дѣло
Судьбами искони вѣковъ;
Спѣши во древнюю столицу,
Обрадуй тысячи сердецъ,
Надѣнь на Павла багряницу
И на главу его вѣнецъ
Взложи отъ камени честнаго[10],
Въ залогъ намъ вѣка золотаго.
Спѣши, укрась его супругу 10
Подобной[л] почестью царя,
Веселье лей земному кругу,
Какъ восходящая заря;
Намъ будущихъ вѣковъ блаженныхъ,
Обильныхъ, мирныхъ, несравненныхъ,
Начальникъ красный будь и вождь!
Да съ твоего отнынь полета
Во благовременьи[м] намъ дождь
Весной прольется и средь лѣта
И, нѣдра напоивъ[н] земли,

Digitized by Google

Произраститъ златыя нивы;
А вѣтры, парусъ вздувъ игривый,
Поставятъ въ пристань корабли;
Да мы подъ Павловымъ владѣньемъ 11
Еще свѣтлѣе процвѣтемъ,
И вѣкъ его безсмертнымъ[о] пѣньемъ
На лирахъ сердца воспоемъ;
Побѣды громки[п] позабудемъ
И всѣхъ земныхъ народовъ будемъ
Счастливѣй внутрь, а внѣ сильнѣй;
О бывшемъ не вздохнемъ блаженствѣ,
Коль будетъ духъ нашъ благъ полнѣй,
Коль предуспѣемъ въ совершенствѣ,
Въ дѣлахъ и мира и войны;
Да здравье намъ[р] цвѣтетъ царево
И домъ его, какъ райско древо,
Супруга, дщери и сыны!
А ты, о вождь полковъ нетлѣнныхъ[11], 12
Летѣлъ что средь небесныхъ силъ
Ко дню твоихъ торжествъ священныхъ,
Какъ Павелъ на престолъ всходилъ!
Храня его твоей рукою[с],
Временъ впредь цѣпью золотою
Крылаты годы сопряги;
Веди ихъ всѣхъ цвѣтовъ стезями
И счастье Россовъ береги,
Да съ вѣрными себѣ сынами[т]
Отецъ нашъ ввѣкъ не узритъ зла;
Но брань ли взникнетъ, иль коварство,
Вкругъ облесни мечемъ ты царство, —
И ихъ слѣды покроетъ[у] мгла!

[а] Струя небесъ (1797).
[б] Подобно такъ, намъ царь воздушный (Рукоп.).
[в] ... трудится ...
Стражъ крѣпко, бодрственно стоитъ.
[г] Предъ царскимъ ... (1797).
[д] Питаютъ ... (Рукоп.).
[е] ... войновъ награждаютъ (1797).
[ж] Садитъ въ сердцахъ (1797).
[з] Въ домахъ потоки серебра (Рукоп.).

Digitized by Google

[з] А сердцемъ еще больше благъ (1797).
— И столько же по сердцу благъ (Рукоп.).
[і] ... краткій судъ ...
[к] Съ гонимыхъ ...
— Съ невинныхъ ...
[л] Взаимной ...
(Въ изд. 1808 *подобно*, но рукой Державина поправлено *подобной*).
[м] Во благовремени ...
(Ср. томъ I, стр. 167, строфа 17: *во благовремя*, о чемъ Капнистъ замѣтилъ: «не хорошо»).
[н] ... напоя ... (1797).
[о] ... нетлѣннымъ ... (Рукоп.).
[п] Побѣды, брани ...
[р] ... Да здравіе ... (1797).
[с] Возьми бразды своей рукою
Сего ты дня коней, и съ тмою
Временъ крылатыхъ сопряги (Рукоп.).
— Храня сей день твоей рукою,
Впредь съ цѣпью дней его златою (1797).
[т] Да царь, владѣющій днесь нами,
Во весь свой вѣкъ не зрѣлъ бы зла, (Рукоп.)
Но брань коль взникнетъ иль коварство (1797).
[у] ... покрыетъ ... (Рукоп.).

---

[1] По восшествіи на престолъ императора Павла, Державинъ, назначенный въ правители канцеляріи верховнаго совѣта, нѣсколько разъ просилъ у Государя инструкціи, и наконецъ своею настойчивостью навлекъ на себя гнѣвъ царскій: онъ былъ лишенъ новаго своего званія и вмѣстѣ права являться ко двору. Чтобы «возвратить къ себѣ благоволеніе монарха», онъ написалъ оду на восшествіе его на престолъ (подъ заглавіемъ: *На новый 1797 годъ*) и поднесъ ее Императору чрезъ одного изъ приближенныхъ его, Сергѣя Ивановича Плещеева*. «Она полюбилась и

* Плещеевъ (ум. въ 1802 г.) былъ морякомъ и съ 1797 г. вице-адмираломъ. Бывъ принятъ 1759 г. въ «лейбъ-гвардіи кадеты», онъ 1764 поступилъ во флотъ мичманомъ и, съ тѣхъ поръ повышаясь постепенно въ чинахъ, имѣлъ случай совершить морскія плаванія въ разныя отдаленныя страны не только въ Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта: между прочимъ онъ посѣтилъ Америку и Палестину. Пріобрѣтя особенное благоволеніе великаго князя Павла Петровича, онъ съ 1781 года, въ продолженіе 18-и лѣтъ, находился при особѣ его, сопутствовалъ ему въ путешествіи за границу; при коронаціи его былъ назначенъ къ принятію прошеній, долѣе другихъ пользовался милостью Государя и въ послѣднее время былъ генералъ-адъютантомъ. Наконецъ и онъ однакожъ не избѣгъ общей судьбы приближенныхъ императора Павла и 28 іюля 1798 былъ уволенъ отъ службы (Выписка изъ служебныхъ бумагъ Плещеева, доставленныхъ барономъ М. А. Корфомъ). Плещеевъ, какъ мы слышали отъ современника его, былъ масонъ. «Христіанскія добродѣтели, примѣрное благородство души и рѣдкія дарованія ума Плещеева извѣстны всѣмъ, знавшимъ его безпристрастно» (*Зап. И. В. Лопухина*, ч. I, стр. 58, въ *Чт. Общ. ист. и др.*). Въ прежнее время онъ сочинялъ и переводилъ (см. Смирд.

Digitized by Google

имѣла свой успѣхъ. Императоръ позволилъ ему, чрезъ адъютанта своего, князя Шаховскаго, пріѣхать во дворецъ и представиться, и тогда же данъ приказъ кавалергардскому начальнику впускать его въ кавалерскую залю по прежнему» (*Зап. Державина*, *Р. Б.*, стр. 394). Въ *Объясненіяхъ* своихъ Державинъ также замѣчаетъ, что эта ода возвратила ему во дворцѣ входъ *за кавалергардовъ* (см. томъ I, стр. 416), право, которое принадлежало ему по званію сенатора. Похвалы, воздаваемыя въ этой замѣчательной одѣ Павлу I, совершенно оправдываются отзывами другихъ тогдашнихъ писателей, которые, согласно съ *Объясненіями* Державина, свидѣтельствуютъ, что въ началѣ своего царствованія этотъ государь опровергъ своими дѣйствіями всѣ мрачныя ожиданія и многими чертами великодушія, милосердія и справедливости обратилъ общія опасенія въ радостныя надежды (см. особенно *Зап. Болотова*, *Рус. Архивъ* 1864, № 1).

Ода на Новый 1797 годъ была въ первый разъ напечатана въ *Аонидахъ* того же года (кн. II, стр. 15) съ подписью *Д—нъ*, потомъ въ изданіи 1808 г., ч. II, xi. Объ исключеніи ея изъ изданія 1798 см. наше предисловіе къ тому I.

[2] Гдѣ взоры голубыхъ очесъ?

Ср. въ *Изобр. Фелицы* (томъ I, стр. 190): «Небесно-голубые взоры.»

[3] Струя съ небесъ во мракъ темницъ *и проч.*

Въ первые дни своего царствованія императоръ Павелъ оказалъ великія милости: множество людей, а особливо содержащихся за оскорбленіе величества, освободилъ изъ тюремъ; набранныхъ по указу Екатерины рекрутъ возвратилъ въ домы; хлѣбъ, забранный изъ сельскихъ магазиновъ для провіантскаго департамента въ казну, приказалъ отдать обратно. Тогда же онъ, кромѣ драгоцѣнныхъ вещей и нѣсколькихъ милліоновъ денегъ, роздалъ до трехъ сотъ тысячъ душъ крестьянъ. Онъ тотчасъ принялся за устройство арміи, ввелъ въ войска строгую дисциплину, укомплектовалъ полки, и самъ подавалъ примѣръ такой дѣятельности, что всѣ служащіе, какъ военные, такъ и гражданскіе чины, стали очень рано являться къ должности (*Об.* Д.). Рекрутскій наборъ, начатый Екатериною (по 10 чел. съ 1000), былъ великою тягостью для всей Россіи; отмѣна его Павломъ I произвела общій восторгъ и привязала къ нему весь народъ любовію: «повсюду слышны были единыя только пожеланія всѣхъ благъ новому государю» (*Рус. Архивъ* 1864, стр. 70).

[4] Кто сей, щедрѣй Екатерины *и проч.*

«Удивительная щедрота, неутомимая заботливость въ отправленіи дѣлъ, въ первые дни оказанныя, ежелибы соображены были съ благоразуміемъ, то бы государь сей по справедливости былъ наивеличайшій; но послѣдующее время доказало, что это было движеніе какого-нибудь перваго внушенія или осыпать благодѣяніями, или повергнуть въ несчастіе. Онъ имѣлъ весьма острый и просвѣщенный умъ и сердце чувстви-

Роспись, гдѣ впрочемъ не все имъ изданное показано). Жена его, Наталья Ѳедотовна, рожденная Веригина, ум. въ январѣ 1855.

Digitized by Google

тельное и склонное къ добру (ср. строфу 7-ю); но недостатокъ благоразумія или чрезвычайно вспыльчивый нравъ все то въ ничто обратили» (*Об.* Д.). — Не налагая новыхъ податей, онъ увеличилъ содержаніе войскъ, уменьшилъ количество бумажныхъ денегъ и заплатилъ часть внѣшняго государственнаго долга (*Исторія войны въ 1799 г.*, Спб. 1852, т. I, стр. 30 *). Прежняя пышность придворнаго штата исчезла; камергерамъ, вмѣсто шитыхъ мундировъ, даны были мундиры военнаго покроя; камеръ-юнкеровъ же вовсе не назначалось болѣе (Реймерсъ, т. II, стр. 9). Стихи: «Грозитъ противнымъ не войною» и проч. относятся къ тому, что Императоръ въ началѣ своего царствованія не разъ изъявлялъ намѣреніе отступить отъ завоевательной политики Екатерины (см. слѣдующую оду, примѣч. 1). Онъ рѣшился не принимать прямаго участія въ войнѣ съ Франціею и не посылать противъ нея обѣщанныхъ Императрицею 60 т. войскъ; а между тѣмъ дѣятельно принималъ мѣры къ улучшенію арміи (*Исторія войны въ 1799 г.*, т. I, стр. 23; *Рус. Архивъ* 1864, стр. 67).

[5] Христова Церковь Павла въ немъ *и проч.*

Подъ *избраннымъ сосудомъ*, т. е. апостоломъ Павломъ, Державинъ тутъ разумѣлъ императора Павла, показавшаго при вступленіи на престолъ большое благочестіе. Онъ сталъ-было приближать къ себѣ мистиковъ. Новиковъ возвращенъ былъ изъ ссылки и вмѣстѣ съ Лопухинымъ, Баженовымъ и др. пользовался особеннымъ благоволеніемъ государя; но противная партія, какъ то: князь Безбородко, Куракины и особенно Екатерина Ивановна Нелидова, угождая склонностямъ Императора, скоро успѣли удалить мартинистовъ (*Об.* Д.). О вызовѣ и удаленіи И. В. Лопухина см. *Записки* его, ч. I, стр. 56—70. Подъ Баженовымъ должно разумѣть знаменитаго архитектора, Василія Ивановича (род. 1737, ум. 1799), котораго Павелъ Петровичъ, будучи еще великимъ княземъ, въ 1792 г. вызвалъ изъ Москвы и опредѣлилъ по своему вѣдомству. Вступивъ на престолъ, онъ осыпалъ Баженова милостями, произвелъ его черезъ чинъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначилъ вице-президентомъ Академіи Художествъ (Митроп. Евгенія *Словарь свѣт. писат.*, М. 1845). Желаніе масоновъ привлечь великаго князя къ участію въ своихъ ложахъ (см. томъ I, стр. 39), подтверждается слѣдующею пѣснію масоновъ:

«Не чудно возложить оковы
На слабы смертныхъ тѣлеса,
Но взять подъ власть сердца свободны —
Прямые зрятся чудеса.
А если обладать душею
Того, *кто участью своею*
На свѣтѣ превосходитъ всѣхъ,

* Ссылаясь весьма часто на Исторію войны 1799 года, начатую покойнымъ Михайловскимъ-Данилевскимъ, оконченную же и потомъ переработанную Д. А. Милютинымъ, мы должны замѣтить, что пользовались обоими изданіями этого классическаго сочиненія (1852 и 1857), хотя и означаемъ ссылки наши по первому.

Digitized by Google

Съ какимъ примѣромъ — не умѣю
Сравнить великій сей успѣхъ.

«О старецъ, братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль славно, Панинъ*, ты успѣлъ!
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ.
Вѣнчанна мира красотою
Плѣнилъ невинной простотою
И, что есть смертный, вразумилъ;
Власть пышну съ службою святою
И съ человѣчествомъ смирилъ.

«Не мни, что рабствомъ утѣсненный
Тебѣ ласкаетъ слабый льстецъ;
Масоновъ ревность то вѣщаетъ
И оныхъ искренность сердецъ.
Въ порфирѣ дружбы удаленный,
Союзовъ братскихъ отчужденный,
Послѣдуя стезѣ твоей
И въ нашъ вступивши храмъ священный,
Колико пріобрѣлъ друзей!

«Погибъ, отвергнувши совѣты,
Что въ жизнь его давалъ Солонъ,
Грядущій за твоимъ примѣромъ
Блаженъ стократно: онъ масонъ.
Твоя доброта успѣваетъ,
Къ отрадѣ бѣдныхъ честь сіяетъ
И съ той восходитъ вверхъ звѣздой,
Что въ утренней странѣ блистаетъ,
Предвозвѣщая вѣкъ златой.»

(*Хоры и пѣсни масоновъ*, стр. 51, пѣснь XXXVIII).

[6] Полсвѣту скорый судъ даритъ.

«Государь сей желалъ чрезвычайно скоро доставлять правосудіе, обогатить торговлею грады, распространить хлѣбопашество, скотоводство и населить степи пустыя, о чемъ о всемъ указы были даны. Но какъ не держался правила императора Августа, который говорилъ: *торопись не скоро;* то новыя учрежденія сдѣлали болѣе вреда, чѣмъ пользы» (*Об.* Д.).

[7] На казнь жестоку медленъ, труденъ.

Въ короткое время многіе были сосланы, другіе лишены имѣній; но отъ смертной казни Императоръ воздерживался (*Об.* Д.).

[8] Участвовать въ трудахъ супругѣ *и проч.*

Онъ далъ должности какъ своей супругѣ, такъ и дѣтямъ; первой — управленіе Воспитательнымъ домомъ и Ссудною казною; а вторымъ поручилъ быть при полкахъ шефами; старшаго своего сына Александра

* Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель императора Павла.

Digitized by Google

сдѣлалъ с-петерб. военнымъ губернаторомъ (*Об.* Д.). Это было, по словамъ Болотова, «въ противность всѣхъ прежнихъ обыкновеній» (*Русск. Арх.*, стр. 61).

[9] Чистосердечья ищетъ въ другѣ.

Государь желалъ имѣть вокругъ себя чистосердечныхъ людей, а особливо искалъ друга, который говорилъ бы ему правду; но на дѣлѣ вскорѣ удалилъ всѣхъ ихъ. Такъ напр. Гудовичъ, бывшій любимецъ покойнаго отца его, нарочно былъ призванъ изъ деревни для совѣта. Императоръ спросилъ его, по какой причинѣ Петръ III сдѣлался нелюбимъ. Гудовичъ указалъ ему на обычныя занятія покойнаго государя и тотчасъ же былъ прогнанъ (*Об.* Д.). Андрей Васильевичъ Гудовичъ (род. 1731, ум. 1808), флигель-адъютантъ, а впослѣдствіи генералъ-адъютантъ Петра Ѳеодоровича, прожилъ все царствованіе Екатерины II въ черниговской своей деревнѣ (Бант. Каменскаго *Словарь дост. людей*). Павелъ I пожаловалъ его въ генералъ-аншефы и въ кавалеры Александра Невскаго. О братѣ его, Иванѣ Вас., непріятелѣ Державина, см. томъ I, стр. 182 и 183.

[10] ... Взложи отъ камени честнаго.

Выраженіе изъ 20 псалма, ст. 4: «положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камени честна» (поется во время обряда вѣнчанія и хиротоніи). Въ первоначальной рукописи Державина было *камени драгаго*. «Изъ дорогихъ камней», сказано въ русскомъ переводѣ псалтыри, Спб. 1822. Въ предыдущихъ стихахъ рѣчь идетъ о предстоявшемъ путешествіи Государя въ Москву для коронаціи. См. ниже, подъ этимъ же годомъ, пьесу *Къ Музѣ*.

[11] А ты, о вождь полковъ нетлѣнныхъ *и проч*.

Здѣсь разумѣется архангелъ Михаилъ, день котораго празднуется 8-го ноября; императрица Екатерина скончалась 6-го числа. Именемъ арх. Михаила названъ заложенный въ февралѣ 1797 г. зáмокъ, и оно же дано родившемуся черезъ годъ великому князю (см. ниже оду на этотъ случай).

---

4. На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи[1].

Цѣль нашей жизни — цѣль къ покою;
Проходимъ для того сей путь,
Чтобы отъ мразу иль отъ зною
Подъ кровомъ нощи отдохнуть.
Здѣсь намъ встрѣчаются стремнины,
Тамъ терны, тамъ ручьи въ тѣни,
Тамъ мягкіе луга, равнины,
Тамъ пасмурны, тамъ ясны дни;
Сей съ холма въ пропасть упадаетъ,
А тотъ взойти спѣшитъ на холмъ.

Digitized by Google

Кого же разумъ почитаетъ 2
Изъ всѣхъ, идущихъ симъ путемъ,
По самой истинѣ счастливымъ?
Не тѣхъ ли, что, челомъ къ звѣздамъ
Превознесяся горделивымъ,
Мечтаютъ быть равны богамъ;
Что въ пурпурѣ и на престолѣ
Превыше смертныхъ возсѣдятъ?
Иль тѣхъ, что въ хижинѣ, въ юдоли
Смиреннно на соломѣ спятъ[2]?
Ахъ, нѣтъ! Не тѣ и не другіе 3
Любимцы прямо суть небесъ,
Которыхъ мучатъ страхи злые,
Прельщаютъ сны пріятныхъ грезъ;
Но тотъ блаженъ, кто не боится
Фортуны потерять своей,
За ней на высоту не мчится,
Идетъ середнею[a] стезей[3]
И слѣдъ во всякомъ состояньи
Цвѣтами усыпаетъ свой;
Кто при концѣ своихъ ристаній 4
Вдали зрѣть можетъ за собой
Аллею подвиговъ прекрасныхъ;
Давъ совѣсти своей отчетъ
Въ минутахъ свѣтлыхъ и ненастныхъ,
Съ улыбкою часы тѣ чтетъ,
Какъ самъ благими насладился,
Какъ спасъ другихъ отъ бѣдъ, отъ нуждъ,
Какъ быть всѣмъ добрымъ торопился,
Раскаянья и вздоховъ чуждъ.
О юный вождь! сверша походы, 5
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ[4],
Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ, съ ребръ тамъ страшныхъ горъ ліясь,
Ревутъ въ мракъ безднъ сердиты рѣки;
Какъ съ челъ ихъ съ грохотомъ снѣга
Падутъ, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
Зрятъ въ мглѣ спокойно подъ собою

Digitized by Google

Рожденье молній и громовъ.
Ты зрѣлъ, какъ ясною порою 6
Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
Средь водъ играя, отражаясь,
Великолѣпный кажутъ видъ;
Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
Тамъ брызгахъ, тонкій дождь горитъ;
Какъ глыба тамъ сизоянтарна[6],
Навѣсясь, смотритъ въ темный боръ,
А тамъ заря златобагряна
Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ.
Ты видѣлъ, — Каспій, протягаясь, 7
Какъ въ камышахъ, въ пескахъ лежитъ,
Лицомъ веселымъ осклабляясь,
Пловцовъ ко плаванью манитъ;
И вдругъ, какъ бурей разсердяся[4],
Встаетъ въ упоръ ея крыламъ,
То скачетъ въ твердь, то, въ адъ стремяся,
Трезубцемъ бьетъ по кораблямъ:
Столбомъ власы сѣдые вьются
И гласъ его гремитъ въ горахъ[5].
Ты видѣлъ, какъ во тмѣ сѣкутся 8
Съ громами громы въ облакахъ,
Какъ бездны пламень извергаютъ,
Какъ въ тучахъ роетъ огнь бразды,
Какъ въ воздухѣ пары сгараютъ,
Какъ свѣтятъ свѣчъ въ лѣсахъ ряды.
Ты видѣлъ, какъ въ степи средь зною
Огромныхъ змѣй стога кишатъ[6],
Какъ блещутъ пестрой чешуею
И льютъ, шипя, другъ въ друга ядъ.
Ты домы зрѣлъ царей, вселенну, 9
Внизу, вверху ты видѣлъ все[7];
Упадшу спицу, вознесенну,
Вертяще міра колесо.
Ты зрѣлъ, — и какъ въ Вратахъ Желѣзныхъ[8]
(О, вспомни ты о семъ часѣ!)
По духу войскъ, тобой веденныхъ,
По младости твоей, красѣ,

Digitized by Google

По быстромъ Персовъ покореньи
Въ тебѣ я Александра чтилъ[9]!
О! вспомни, какъ въ томъ восхищеньи[г], 10
Пророча, я тебя хвалилъ:
Смотри, — я рекъ: — тріумфъ минуту,
А добродѣтель вѣкъ живетъ[10].
Сбылось! — Игру днесь Счастья люту
И какъ оно къ тебѣ хребетъ
Свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло,
Ты видишь; видишь, какъ мечты
Сіянье вкругъ тебя заснуло,
Прошло, — остался только ты.
Остался ты! — и та прекрасна 11
Душа почтенна будетъ ввѣкъ,
Съ которой ты внималъ несчастна
И былъ въ вельможѣ человѣкъ[д],
Который съ сердцемъ откровеннымъ
Своихъ и чуждыхъ принималъ,
Старѣйшихъ вкругъ себя надменнымъ[е]
Воззрѣніемъ не огорчалъ.
Ты былъ, что есть, — и не страшися
Объятія друзей своихъ[11].
Приди ты къ нимъ! иль уклонися[ж] 12
Познать премудрость царствъ иныхъ.
Учиться никогда не поздно[12]:
Исправь поступки юныхъ лѣтъ;
То сердце прямо благородно,
Что ищетъ надъ собой побѣдъ.
Смотри, какъ въ ясный день, какъ въ бурѣ
Суворовъ твердъ, великъ всегда!
Ступай за нимъ! — Небесъ въ лазурѣ
Еще горитъ его звѣзда[13].
Кто былъ на тысящѣ сраженьяхъ 13
Непобѣдимъ, а побѣдилъ;
Нѣтъ нужды въ блескахъ, въ украшеньяхъ[з]
Тому, кто царство покорилъ!
Умѣй лишь сдѣлаться извѣстнымъ
По добродѣтелямъ своимъ
И не тужи по снамъ прелестнымъ,

Digitized by Google

Мечтавшимся очамъ твоимъ:
Они прошли и возвратятся,
Пройти вновь могутъ и придти [и].
Какъ страннику въ пути встрѣчаться 14
Со многимъ должно и идти
И на горахъ и подъ горами,
Роскошничать и гладъ терпѣть, —
Бываетъ такъ со всѣми нами:
Премѣны рока долгъ нашъ зрѣть.
Но кто былъ мужественъ душою,
Шелъ равнодушнѣй симъ путемъ,
Тотъ ближе былъ къ тому покою,
Къ которому мы всѣ идемъ [14].

[а] Середнею идетъ ... (1804).
[б] Какъ глыба тамъ, скала янтарна,
Навѣсясь, смотритъ въ темный боръ;
А тамъ межъ древъ заря румяна
Усмѣшкой утѣшаетъ взоръ (Рукоп.).
[в] Какъ вдругъ, бураномъ разсердяся,
Встаетъ противъ его крыламъ.
[г] ... въ томъ какъ восхищеньи.
(Такъ и въ изд. 1808, но потомъ поправлено рукой Державина).
[д] Нехитрымъ сердцемъ, откровеннымъ.
[е] Старѣйшинъ вкругъ тебя надменнымъ (Рукоп. и 1804).
[ж] Приди на перси ихъ иль устремися (Рукоп.).
— Приди — иль хочешь, устремися.
[з] Нѣтъ нужды въ царскихъ украшеньяхъ.
[и] Исчезнуть могутъ и придти.

---

[1] Въ дни счастія Валеріана Зубова (род. 1771, ум. 1804) Державинъ привѣтствовалъ его стихами *Къ Красавцу* (томъ I, стр. 419) и *На покореніе Дербента* (тамъ же, стр. 507). Съ кончиною Екатерины II положеніе этого баловня судьбы измѣнилось. «Счастье съ грознымъ смѣхомъ повернуло къ нему свой хребетъ»: императоръ Павелъ, *совершенно отказавшись отъ всякаго желанія завоеванія* *, послалъ ему нѣсколько орденовъ для раздачи его подчиненнымъ и отдѣльныя приказанія полковымъ командирамъ возвратиться съ своими полками въ предѣлы Россіи. Зубову приходилось оставаться въ лагерѣ одному: онъ отправился вслѣдъ за своею арміей и по прибытіи въ Петербургъ подалъ въ отставку; получивъ приказаніе жить подъ присмотромъ въ своихъ деревняхъ, онъ поселился въ Курляндіи, гдѣ ему принадлежали почти всѣ имѣнія преж-

* Подлинныя слова изъ одного рескрипта (*Ист. войны въ 1799 г.*, Спб. 1852, т. I, стр. 23).

Digitized by Google

нихъ герцоговъ *. Поводомъ къ сочиненію этой оды былъ разговоръ Державина при дворѣ съ княземъ С. Ѳ. Голицынымъ (см. томъ I, стр. 159 и слѣдд.), который, упрекнувъ Державина одой на взятіе Дербента, замѣтилъ, что ужъ теперь герой его не Александръ и что льстить не было бы никакой выгоды. Державинъ отвѣчалъ, что въ разсужденіи достоинства онъ никогда не перемѣняетъ мыслей и никому не льститъ, а пишетъ по внушенію своего сердца. — «Это неправда», возразилъ Голицынъ: «нынче ему не напишешь.» — «Вы увидите», сказалъ Державинъ — и, пріѣхавъ домой, сочинилъ эту оду. Хотя стихи его и не были тогда напечатаны, но они въ спискахъ находились у многихъ, не смотря на то, что Зубовъ былъ въ совершенной опалѣ (*Об.* Д.).

Въ печати появились они не прежде 1804 г.: ими открывается сентябрская книжка *Друга просвѣщенія* за этотъ годъ (ч. III, стр. 187), гдѣ они помѣщены съ подписью *Державинъ*, подъ заглавіемъ: ***На возвращеніе изъ Персіи чрезъ Кавказскія горы графа В. А. Зубова, 1797 года.*** Въ изданіи 1808, см. ч. II, XXIII.

[2] Смиренно на соломѣ спятъ.

Первая строфа составляетъ отчасти подражаніе 16-й одѣ II-й книги Горація; ту же оду перелагалъ и Дмитріевъ (см. его *Соч.*, М. 1818, ч. I, стр. 40, гдѣ однакожъ ссылка на Горація сдѣлана совершенно невѣрно). У Дмитріева такъ начинается 2-я строфа:

«При старости и жизни въ цвѣтѣ
Всегда въ отраду намъ покой.»

Начало оды въ подлинникѣ:

«Otium Divos rogat in patenti
Prensus Aegaeo, simul atra nubes
Condidit lunam» *и проч.*

Въ переводѣ же г. Фета:

«Проситъ покоя съ небесъ, кто трепещетъ
Моря Эгейскаго камней подводныхъ *и т. д.*
Проситъ покоя средь битвы Ѳракія,
Просятъ Мидійцы, колчанъ за спиною»...

Въ 2-й и 3-й строфѣ у Державина развита мысль, встрѣчающаяся также у Горація въ извѣстной одѣ Лицинію (ср. томъ I, стр. 352):

«Златую избралъ кто посредственность на долю,
Тотъ будетъ презирать, покоенъ до конца,
Лачугу грязную и пышную неволю
Завиднаго дворца» (кн. II, ода 10 въ перев. г. Фета).

[3] Идетъ середнею стезей.

Ср. въ предыдущемъ прим. выраженіе Горація «Златую посредственность» и стихъ Державина въ одѣ ***На умѣренность*** (томъ I, стр. 351):

Держися лучше середины,

съ соотвѣтствующимъ примѣчаніемъ (ср. тамъ же, стр. 356).

* Главное имѣніе было Вюрцау съ замкомъ и садомъ, разведеннымъ Анной Іоанновной, когда она была герцогиней курляндской (Гельбигъ).

Digitized by Google

[4] Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ.

Уже и Ломоносовъ въ своихъ картинахъ Россіи иногда упоминаетъ Кавказъ; но Державинъ первый изъ русскихъ писателей обрисовалъ нѣсколькими крупными чертами тамошнюю природу, которая послѣ такъ часто вдохновляла нашихъ поэтовъ и повѣствователей. Образы, здѣсь начертанные, можетъ статься, были переданы ему въ разсказахъ самого Зубова. Ср. стихотв. Пушкина *Кавказъ* (1829).

[5] И гласъ его гремитъ въ горахъ.

Гоголь, въ своей блестящей характеристикѣ Державина, выписываетъ послѣдніе пять стиховъ этой строфы и говоритъ: «Тутъ, казалось, хотѣлъ создаться *зримо* образъ старца Каспія, но потерялся въ какомъ-то духовномъ *незримомъ* очертаніи: ухо слышитъ одинъ гулъ гремящаго моря, и вмѣстѣ съ сѣдыми власами старца подъемлется волосъ на головѣ самого читателя, пораженнаго суровымъ величіемъ картины» (*Сочиненія и письма Н. В. Гоголя*, т. III, стр. 442).

[6] Огромныхъ змѣй стога кишатъ.

Между Каспійскимъ моремъ и Испаганью есть мѣсто, почти непроходимое отъ множества змѣй, и потому называемое *Змѣинымъ полемъ* (*Об.* Д.).

[7] Внизу, вверху ты видѣлъ все.

Зубовъ возвысился изъ незнатнаго дворянскаго рода и потому зналъ не только дворъ, но и низшіе слои общества (*Об.* Д.).

[8] Ты зрѣлъ, — и какъ въ Вратахъ Желѣзныхъ ...

Дербентъ называется по-турецки Темиръ-Капу, чтò значитъ желѣзныя врата; персидское же слово Дербентъ означаетъ загороженный входъ (входъ въ гавань изъ моря былъ прежде загражденъ желѣзною цѣпью): дер — ср. дверь; бентъ — ср. binden (Н. Ханыковъ)*.

[9] Въ тебѣ я Александра чтилъ —

т. е. Александра Македонскаго, какъ завоевателя Персіи. Здѣсь Державинъ вспоминаетъ свою оду *На покореніе Дербента* (см. выше примѣч. 1), въ которой было между прочимъ сказано (строфа 3):

* По поводу этого примѣчанія В. В. Вельяминовъ-Зерновъ сообщилъ намъ слѣдующее: «Такое толкованіе слову Дербендъ дѣйствительно возможно; *деръ* در по-персидки значитъ дверь, а *бендъ* بند отъ глагола *бенденъ* بندن то же, что binden. Такъ толкуетъ слово Дербендъ и Клапротъ. Но Каземъ-бекъ въ своемъ Дербендъ-намэ, стр. 474, 475, пр. 10, пишетъ: The common name of the fortress is Derbend, which in the Persian language signifies the *shutter of the gates*, i. e. the defender of the pass, and not porte fermée, as translates it Klaproth (т. е. общеупотребительное названіе крѣпости — *Дербендъ*, чтò по-персидски значитъ *запиратель воротъ*, или защитникъ прохода, а не запертыя ворота, какъ переводитъ Клапротъ). — Толкованіе Каземъ-бека кажется вѣрнѣе. То же самое объясненіе слова *Дербендъ* находится и въ извѣстномъ персидско-англійскомъ лексиконѣ Джонсона, который подъ словомъ *Дербендъ* пишетъ: دربند *dar-band*. The bar of a door. A barrier. A narrow and difficult pass through mountains. Name of a fortress on the Caspian See (Даръ-бандъ. Затворъ у двери. Преграда. Тѣсный и трудный проходъ черезъ горы. Названіе крѣпости на Каспійскомъ морѣ).»

Digitized by Google

Въ столѣтнемъ старцѣ Дарій зрится,
А юный Александръ — въ тебѣ.

Гельбигъ въ Russ. Günstlinge считаетъ разсказъ о столѣтнемъ старцѣ недостовѣрнымъ: но этотъ разсказъ, повторенный и Бантышъ-Каменскимъ въ его *Словарѣ*, основывается на подлинномъ донесеніи Зубова, которое мы нашли въ копіи между бумагами Державина и откуда выписываемъ относящееся сюда мѣсто: «Но единъ остановилъ наше стремленіе, и былъ то 120-и лѣтній старецъ, поднесшій въ началѣ столѣтія ключи Дербентской крѣпости Петру Великому Первому. Оруженосецъ Екатерины Второй тѣ же ключи отъ того же старца принялъ 10-го мая 1796 года».

10 А добродѣтель вѣкъ живетъ.

Въ этомъ и предыдущемъ стихѣ передано содержаніе всей 5-й строфы оды *На покореніе Дербента*:

Но знай: какъ свѣтлый метеоръ,
Такъ блескъ тріумфовъ пролетаетъ;
Почти тогда жъ и исчезаетъ,
Коль скоро удивляетъ взоръ;
А добродѣтели святыя,
Какъ въ небѣ звѣзды, вѣкъ горятъ.

11 Объятія друзей своихъ.

«Сей графъ Зубовъ былъ человѣкъ снисходительный: говорилъ и выслушивалъ всякаго съ откровеннымъ сердцемъ, не такъ, какъ братъ его, любимецъ Императрицы, несравненно старшихъ, почтеннѣйшихъ себя людей принималъ весьма гордо, не удостоивая иногда и преклоненіемъ головы» (*Об.* Д.; ср. томъ I, стр. 417). О В. А. Зубовѣ Жихаревъ въ «Дневникѣ студента» (*Записки Соврем.*, стр. 302) говоритъ: «Зубовъ зналъ во всемъ мѣру, былъ человѣкъ отличныхъ свойствъ, необыкновенно уменъ и такой сердечной доброты, что невольно привлекалъ къ себѣ любовь всѣхъ, его знавшихъ. И не даромъ Державинъ въ то время, когда Зубовъ впалъ въ опалу и возвращенъ изъ Персіи, написалъ къ нему одну изъ прелестнѣйшихъ своихъ одъ, въ которой встрѣчаются такіе глубокомысленные и доказывающіе необыкновенное знаніе человѣческаго сердца стихи, какъ напримѣръ» *и проч.* (Здѣсь выписаны строфы 10 и 11 этой оды).

12 Учиться никогда не поздно.

Будучи при императорѣ Павлѣ въ изгнаніи, Валеріанъ Зубовъ просился въ чужіе краи, чтобы въ путешествіи чему-нибудь научиться (*Об.* Д.). Въ *Воспоминаніяхъ Булгарина* разсказанъ случай, въ которомъ Державинъ выразился довольно сходно объ ученіи. По словамъ Булгарина, графъ Вас. Вас. Орловъ-Денисовъ, вступивъ въ службу на 12-мъ году отъ рожденія, не зналъ ничего, кромѣ русской грамоты. «Державинъ любилъ графа... и, узнавъ, что онъ не въ состояніи платить учителямъ на дому, присовѣтовалъ ему вступить въ пансіонъ, сказавъ, что *учиться никогда и нигдѣ не стыдно*.» Графъ, будучи уже войсковымъ стар-

Digitized by Google

шиною, дѣйствительно сталъ ходить въ частный пансіонъ и узналъ между прочимъ языки французскій и нѣмецкій (*Восп. Б.*, ч. III, стр. 296).

[13] Еще горитъ его звѣзда.

Хотя Суворовъ въ первое время царствованія Павла былъ также въ опалѣ и жилъ въ своемъ имѣніи (селѣ Кончанскомъ) близъ Боровичей, однакожъ Державинъ предугадывалъ, что полководца ожидаютъ новые подвиги (*Об.* Д.). О причинѣ опалы Суворова см. ниже, подъ этимъ же годомъ, пьесу *Къ Лирѣ*.

[14] Къ которому мы всѣ идемъ.

Въ *Другѣ Просвѣщ.*, гдѣ настоящая ода въ первый разъ была напечатана (см. выше примѣч. 1), къ концу ея прибавлено четырехстишіе по поводу случившейся незадолго передъ тѣмъ кончины В. Зубова:

Пришелъ теперь къ сему покою
И ты, прекрасный человѣкъ;
Когда бъ толь славною стезею
И мой пресѣкся вѣкъ!

Передъ подписью имени поэта означенъ день смерти Зубова: 21 іюня 1804 г. (онъ умеръ въ Курляндіи).

Въ той же книжкѣ журнала вслѣдъ за этой одой помѣщено стихотвореніе Державина *Волховъ Кубрѣ* (см. подъ 1804 г.), въ которомъ 10-й куплетъ также посвященъ памяти Зубова и состоитъ изъ слѣдующихъ стиховъ:

Уже и вождь, ногой желѣзной
Ступавшій Александра въ слѣдъ,
Прекрасный человѣкъ, любезный,
Лучъ бѣдныхъ, — блещетъ между звѣздъ.

---

5. ИЗЪ САФО.

ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОДЪ [1].

1 Счастливъ, подобится въ блаженствѣ тотъ богамъ [а],
Кто близъ тебя сидитъ и по тебѣ вздыхаетъ,
Съ тобой бесѣдуетъ, тебѣ внимаетъ самъ
И сладкою твоей улыбкой тайно таетъ [б].

2 Я чувствую въ тотъ мигъ, когда тебя узрю [2],
Тончайшій огнь и мразъ, изъ жилъ текущій въ жилы;
Въ восторгахъ сладостныхъ вся млѣю, вся горю [в],
Ни словъ не нахожу, ни голоса, ни силы.

3 Густая, темна [г] мгла мой взоръ объемлетъ вкругъ;
Не слышу ничего, не вижу и не знаю:
Въ оцѣпенѣніи едва дышу — и вдругъ [д],
Лишенна чувствъ, дрожу, блѣднѣю, умираю [3].

[а] Подобенъ кажется въ блаженствѣ тотъ богамъ (Чернов. рукоп.).

Digitized by Google

[б] Улыбкою тебѣ взаимной отвѣчаетъ.
[в] Въ восторгахъ сладостныхъ хладѣю и горю.
[г] Густая, черна мгла ...
[д] Вся млѣю, чуть дышу, — и въ изступленіи вдругъ,
Лишаясь ...

---

[1] Отъ знаменитой лесбійской пѣвицы сохранились, какъ извѣстно, только двѣ полныя (или почти полныя) оды, изъ которыхъ одна, именно подлинникъ помѣщаемыхъ здѣсь переводовъ, выражаетъ ея пламенную идеальную страсть къ молодой подругѣ. Было время, когда у насъ, по примѣру другихъ литературъ, многіе наперерывъ переводили эту оду; впрочемъ она еще недавно была опять перелагаема по-русски. Державинъ перевелъ ее два раза. Старѣйшій переводъ свой онъ относитъ (*Об.* Д.) къ 1780, позднѣйшій — къ 1797 году. Между тѣмъ въ бумагахъ его списокъ перваго встрѣчается не ранѣе 1790-хъ годовъ, извѣстный же печатный текстъ еще нѣсколько новѣе, и вотъ почему мы рѣшились соединить въ одномъ мѣстѣ оба перевода.

Первый переводъ сдѣланъ, какъ говоритъ Державинъ, по Буало. Надобно замѣтить, что Буало перевелъ сочиненіе Лонгина *О высокомъ*, въ которомъ (гл. VIII) сохранена и эта ода Сафо. Переводъ Державина напечатанъ въ изданіи 1808 г., III, cv, при чемъ онъ названъ *Сафы** *второй переводъ;* невѣрное это заглавіе основывается на томъ, что онъ напечатанъ послѣ другаго перевода — для сравненія обоихъ и въ доказательство, что французскій языкъ песпособенъ къ той силѣ и сжатости, какими обладаетъ русскій языкъ при передачѣ выраженій греческаго. Приводимъ подлинникъ:

Φαίνεταί μοι κῆνος ἴσος θέοισιν
ἔμμεν ὤνηρ, ὅστις ἐναντίος τοι
ἰζάνει, καὶ πλασίον ἆδυ φωνεί-
σας ὑπακούει
καὶ γελαίσας ἰμερόεν, τό μοι μὰν
καρδίαν ἐν στήθεσιν ἐπτόασεν.
ὡς γὰρ εὔιδον βροχέως σε, φώνας
οὐδὲν ἔτ' εἴκει·
ἀλλὰ καμ μὲν γλῶσσα ἔαγε, λέπτον δ'
αὔτικα χρῷ πῦρ ὑπαδεδρόμακεν,
ὀππάτεσσι δ' οὐδὲν ὄρημ', ἐπιρρόμ-
βεισι δ' ἄκουαι.
ἁ δέ μ' ἴδρως κακχέεται, τρόμος δὲ
πᾶσαν ἄγρει, χλωροτέρα δὲ ποίας

* Въ прежнее время у насъ обращались съ именемъ *Сафо* такъ, какъ будто-бы оно оканчивалось на *а* (Ср. въ томѣ I, стр. 405, пьесу *Сафѣ*). Это было довольно раціонально, хотя и неправильно, потому что у насъ нѣтъ женскихъ именъ, оканчивающихся на *о*, а между тѣмъ эта буква слышится здѣсь какъ *а*. Мы и теперь то же дѣлаемъ, когда мужескія имена, *Михайло*, *Гаврило* и др., также *Безбородко*, *Основъяненко* и проч., склоняемъ на подобіе женскихъ. Такъ поступаютъ и Чехи съ своими именами: Vrťátko, Hovádko и т. п.

Digitized by Google

ἔμμι, τεθνάκην δ' ὀλίγω 'πιδεύην
φαίνομαι ἄλλα.
ἀλλὰ πὰν τόλματον —.

(Poetae lyrici graeci, recens. Th. Bergk. Лейпцигъ, 1853).

Переводы этой пѣсни не прекращаются у насъ отъ 1759 до 1862 года. Въ первый разъ обѣ оды Сафо переведены были на русскій языкъ Григоріемъ Козицкимъ*, прозою, въ *Трудолюбивой Пчелѣ* Сумарокова (ч. II, стр. 676), при чемъ та, о которой здѣсь рѣчь идетъ, озаглавлена *На дѣвицу;* въ послѣдній разъ г. В. Крестовскимъ — стихами, въ журналѣ *Время* за сентябрь 1862 г. См. также отдѣльно изданные 1862 *Стихи* его. Интересно сравнить эти два характерическіе образчика языка и литературы двухъ эпохъ, отдаленныхъ одна отъ другой на цѣлое столѣтіе.

А вотъ и буквальный переводъ въ прозѣ, сдѣланный г. Водовозовымъ и помѣщенный имъ вмѣстѣ съ позднѣйшимъ переводомъ Державина (см. ниже) въ статьѣ *Анакреонъ*, въ *Современникѣ* за августъ 1857 года (стр. 154):

«Кажется мнѣ подобенъ богамъ тотъ мужчина, который сидитъ противъ тебя и вблизи внимаетъ сладкому твоему голосу и любовному смѣху. Они заставляютъ трепетать сердце въ груди, и вдругъ исчезаетъ мой голосъ. Языкъ связанъ, и тонкій огонь тотчасъ пробѣгаетъ по моему тѣлу; я ничего не вижу очами, звенитъ у меня въ ушахъ, льется съ меня холодный потъ, всю обнимаетъ меня трепетъ, я блѣднѣе вянущей травы; бездыханная, я готова думать, что умру чрезъ минуту**.»

[2] Я чувствую въ тотъ мигъ, когда тебя узрю.

Печатаемъ этотъ стихъ по рукописи 1790-хъ годовъ, а не по изданію 1808 г., гдѣ вмѣсто *узрю* поставлено *съ нимъ зрю*, что̀ не согласно съ подлинникомъ. Въ одной черновой рукописи: *ни зрю*.

[3] Лишенна чувствъ, дрожу, блѣднѣю, умираю.

Ср. томъ I, стр. 37, въ примѣч. къ стихамъ *Невѣстѣ*, подражаніе заключенію греческой оды. Такъ какъ эти стихи Державина писаны еще въ 1778 г., то нѣтъ сомнѣнія, что ода Сафо дѣйствительно была извѣстна ему очень давно; тѣмъ не менѣе редакція, въ которой переводъ его дошелъ до насъ, относится, какъ показано, къ позднѣйшему времени.

* Григ. Вас. Козицкій, питомецъ Кіевской академіи, адъюнктъ Академіи Наукъ, а съ 1769 до 1775 г. служившій при собственныхъ дѣлахъ Императрицы. Въ 1775 г. (21 дек.) онъ самъ положилъ конецъ своей жизни (См. Russ. Bibl. Бакмейстера и *Отеч. Зап.* 1856, т. CV, «Любитель литературы» П. П. Пекарскаго, стр. 506). Грибовскій въ своихъ *Запискахъ* говоритъ подъ 1792 г., что онъ у П. А. Зубова видѣлъ *родственника его* Козицкаго, слѣдов. *другаго* Козицкаго.

** Съ этимъ любопытно сличить старый буквальный переводъ И. Мартынова въ примѣчаніяхъ къ сочиненію Лонгина *О высокомъ* (*Греч. классики*, ч. XX, Спб. 1826, стр. 49 и 240). *Стихотворенія Сафы, перев. Павломъ Голен.-Кутузовымъ*, М. 1805, содержатъ собраніе ложно приписанныхъ ей позднѣйшихъ поддѣлокъ. — Въ *Соч.* Сумарокова (ч. II, стр. 146) есть также *Переводъ Сафиной оды*.

Digitized by Google

ВТОРОЙ ПЕРЕВОДЪ[1].

Блаженъ, подобится богамъ 1
Съ тобой сидящій въ разговорахъ,
Сладчайшимъ внемлющій устамъ,
Улыбкѣ нѣжной въ страстныхъ взорахъ!
Увижу ль я сіе, — и вмигъ 2
Трепещетъ сердце, грудь тѣснится,
Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ
И молнія по мнѣ стремится.
По слуху шумъ, по взорамъ мракъ, 3
По жиламъ хладъ я ощущаю;
Дрожу, блѣднѣю — и, какъ злакъ
Упадшій, вяну, умираю.

[1]. Этотъ переводъ, отнесенный самимъ Державинымъ къ 1797 г., сдѣланъ имъ вѣроятно по буквальному переводу съ греческаго, въ намѣреніи болѣе приблизиться къ подлиннику. По несходству первоначальныхъ редакцій съ окончательною, присовокупляемъ здѣсь два старѣйшіе текста, изъ которыхъ одинъ найденъ нами въ черновой рукописи, а другой въ *Аонидахъ*. Въ рукописи Казанскаго университета отчасти видны вчернѣ тѣ передѣлки, съ которыми эти стихи вошли въ позднѣйшія изданія.

Они были напечатаны: въ *Аонидахъ* 1797 г. (кн. II, стр. 244), съ подписью *Д—нъ*, въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 104, и въ изданіи 1808, ч. III, LXIII, всѣ три раза подъ заглавіемъ *Сафо*.

1) Текстъ черновой рукописи:

Блаженъ, богамъ подобенъ тотъ,
Кто, сидя напротивъ, внимаетъ
Гласъ сладкій устъ твоихъ — и ахъ,
Улыбку милую любви!
Я вижу то, — и сердце бьетъ
Мнѣ въ грудь сильнѣй, гласъ исчезаетъ,
Языкъ не движется въ устахъ
И быстрый огнь бѣжитъ въ крови.
Темнѣютъ взоры, шумъ въ ушахъ,
По тѣлу мразъ я ощущаю,
Дрожу, блѣднѣю и, какъ злакъ,
Паду безъ чувства, умираю.

2) Текстъ *Аонидъ*:

Блаженъ подобно тотъ богамъ,
Кто близъ тебя, и страстно въ разговорахъ
Внимаетъ сладостнымъ твоимъ устамъ
И улыбанію во взорахъ!
Увижу я сіе, — и вмигъ

Волнуетъ кровь, дыханіе тѣснится,
Языкъ не движется въ устахъ моихъ
И быстрый огнь по мнѣ стремится.
Во слухѣ шумъ, во взорахъ мракъ,
По тѣлу хладъ текущій ощущаю,
Дрожу, блѣднѣю, вяну, будто злакъ,
И бездыханна умираю.

Приложеніе.

Въ *Вѣстникѣ Европы* за мартъ 1807 г. (ч. XXI, № 5, стр. 44) помѣщенъ переводъ этой оды, сдѣланный Жуковскимъ*. Для сравненія считаемъ нелишнимъ приложить его здѣсь, тѣмъ болѣе, что онъ не включенъ въ собраніе сочиненій этого писателя. Замѣтимъ, что Жуковскій, конечно въ намѣреніи устранить отношеніе, чуждое нравамъ новаго міра, заставляетъ Сафо обращаться къ мужчинѣ, а не къ подругѣ.

САФИНА ОДА.

Блаженъ, кто близъ тебя однимъ тобой пылаетъ,
Кто прелестью твоихъ рѣчей обвороженъ,
Кого твой ищетъ взоръ, улыбка восхищаетъ:
Съ богами онъ сравненъ!
Когда ты предо мной, — въ душѣ моей волненье,
Въ крови палящій огнь, въ очахъ померкнулъ свѣтъ;
Въ трепещущей груди и скорбь и наслажденье;
Ни словъ, ни чувства нѣтъ!
Лежу у милыхъ ногъ, — горю огнемъ желанья,
Блаженствомъ страстныя тоски утомлена!
Въ слезахъ, вся трепещу, безъ силы, безъ дыханья,
И жизни лишена!
В. Ж—ій.

Пользуемся случаемъ для помѣщенія здѣсь дополнительнаго примѣчанія къ стихамъ *Сафѣ* (томъ I, стр. 405), къ началу 3-й строфы:

О, если бы я былъ Фаономъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, Фаонъ былъ предметомъ страсти не лесбійской пѣвицы, а другой, позднѣйшей Сафо (см. Велькера Sappho von einem herrschenden Vorurtheil befreit, Геттингенъ, 1816). У насъ преданіе объ этой несчастной любви, кончившейся будто-бы тѣмъ, что Сафо бросилась въ море съ Левкадской скалы, прославлено тремя счастливыми стихами Батюшкова:

«Ты Сафо, я Фаонъ: объ этомъ я не спорю;
Но, къ моему ты горю,
Пути не знаешь къ морю».

Немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что эти стихи написаны на Анну Петровну Бунину, влюбленную въ И. И. Дмитріева.

* Онъ перепечатанъ потомъ и въ изданномъ подъ его именемъ «Собраніи руcскихъ стихотвореній», ч. V.

Digitized by Google

6. Храповицкому[1].

Храповицкій! дружбы знаки 1
Вижу я къ себѣ твои:
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои;
Но съ тобой не соглашуся
Я лишь въ томъ, что я орелъ[2].
А по твоему коль станетъ, 2
Ты мнѣ путы развяжи;
Гдѣ свободно громъ мой грянетъ[3],
Ты мнѣ небо покажи;
Гдѣ я въ поприще пущуся
И препонъ бы не имѣлъ?
Гдѣ чертогъ найду я правды? 3
Гдѣ увижу солнце въ тмѣ?
Покажи мнѣ тѣ ограды
Хоть близъ трона въ вышинѣ,
Чтобъ гдѣ правду допущали[а]
И любили бы ее.
Страха связаннымъ цѣпями 4
И рожденнымъ подъ жезломъ ,
Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
А хотя бъ и возлетали. —
Чувствуемъ ярмо свое[в].
Должны мы всегда стараться[г], 5
Чтобы сильнымъ угождать,
Ихъ любимцамъ поклоняться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать[д].
Рабъ и похвалить не можетъ,
Онъ лишь можетъ только льстить.
Извини жъ, мой другъ, коль лестно 6
Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ[е].
За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ[4].

[а] Въ коихъ правду допущали (Рукоп.).
[б] И рожденнымъ быть нулемъ.

Digitized by Google

[в] Иго чувствуемъ свое.
[г] Должны, должны мы стараться,
Чтобъ царямъ лишь угождать.
[д] Словомъ, дѣломъ ихъ ласкать.
[е] ... я прославлялъ (Въ изд. 1808 опять: *воспѣвалъ* — опечатка).

---

[1] Отношенія Храповицкаго къ Державину уже объяснены при такомъ же посланіи подъ 1793 г. (томъ I, стр. 383); тамъ сообщили мы и нѣсколько біографическихъ о немъ свѣдѣній. Настоящая пьеса была отвѣтомъ на стихи Х. (помѣщаемые нами здѣсь въ приложеніи), въ которыхъ авторъ, прочитавъ сочиненія Д., упрекалъ его за то, что онъ иногда хвалилъ Потемкина и Зубовыхъ. — По свидѣтельству П. И. Бартенева, строфы 4-я и 5-я, особливо послѣдняя, принадлежали къ числу любимыхъ стиховъ покойнаго К. С. Аксакова.

Напечатано въ изданіи 1808 г., ч. II, XXXI.

[2] Я лишь въ томъ, что я орелъ.

Въ посланіи Храповицкаго къ Державину есть между прочимъ стихъ (10-й отъ начала, см. ниже): «Орелъ державный ты, — я пташка».

[3] Гдѣ свободно громъ мой грянетъ *и проч.*

Кажется, этотъ и слѣдующій стихъ должно разумѣть такъ: «покажи мнѣ такое небо, гдѣ бы громъ мой могъ свободно грянуть».

[4] За дѣла — сатирикъ чтитъ.

Послѣдніе два стиха обратили на себя особенное вниманіе Пушкина, Гоголя и Жуковскаго. Гоголь въ началѣ статьи своей «О томъ, что такое слово» приводитъ слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное Пушкинымъ по прочтеніи этихъ двухъ стиховъ: *Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже его дѣла.* «Пушкинъ правъ», продолжаетъ Гоголь: «поэтъ на поприщѣ слова долженъ быть такъ же безукоризненъ, какъ и всякій другой на своемъ поприщѣ» и проч. (*Соч. и письма Н. В. Гоголя*, т. III, стр. 341). Жуковскій въ одномъ письмѣ къ Гоголю говоритъ: «Стихи Державина, служащіе, такъ сказать, темою твоей статьи, не имѣютъ, по моему мнѣнію, никакого яснаго смысла: ошибки писателя не извиняются его человѣческими добродѣтелями; и самолюбіе поэта, оскорбленное критикою, не утѣшится, когда онъ самъ себѣ или аристархъ ему скажетъ: *ты негодный поэтъ, но человѣкъ почтенный.* Но то, что сказалъ Пушкинъ о стихахъ Державина, весьма значительно: оно будетъ теперь главнымъ предметомъ моей съ тобою бесѣды» *и проч.* (*Соч. В. Жуковскаго*, т. XI. Спб. 1857, стр. 147). Здѣсь кстати привести мнѣніе одного нѣмецкаго писателя о словахъ и дѣлахъ поэта: «Поэтъ рѣдко можетъ быть полезенъ человѣчеству *дѣлами*; но онъ можетъ оказывать тѣмъ болѣе пользы *словами*, хваля похвальное, порицая достойное хулы, отстаивая заслугу противъ зависти, карая недоброжелательство и клевету, подготовляя судъ потомства и увѣковѣчивая добродѣтель, какъ образецъ для будущаго. Потому-то дары Музъ ничѣмъ не ниже посылаемыхъ другими богами, и пѣвецъ смѣло можетъ ставить себя на ряду съ героями и сильными міра: ему свойственно все обозрѣвать и наблюдать спокойно; онъ можетъ давать

Digitized by Google

спасительныя наставленія людямъ, ослѣпленнымъ духомъ партій, и даже правителямъ (Гартунгъ во вступл. къ соч. Пиндара, Лейпцигъ, 1855, стр. XXV).

Приложенія къ посланію къ Храповицкому.

1.

Помѣщаемые здѣсь стихи А. В. Храповицкаго, послужившіе поводомъ къ посланію Державина, были напечатаны, однакожъ съ пропусками, въ III-й книжкѣ *Раута*, М. 1854 (стр. 150). Мы прилагаемъ ихъ въ полномъ видѣ по рукописи, доставленной намъ почтеннымъ издателемъ этого сборника, Н. В. Сушковымъ.

ЛЮБЕЗНОМУ АВТОРУ Г. Р. Д.

Пишу къ тебѣ, писалъ какъ прежде,
По старой дружбѣ и надеждѣ,
Что ты, *изъ милости* своей,
Не всяко лыко въ строку ставишь;
Но только самъ себя забавишь,
Смѣяся простотѣ моей.
    Я предъ тобою откровенно
    Прямую правду дерзновенно,
    Необинуясь говорю:
    Орелъ державный ты, — я пташка;
    Хоть въ крыльяхъ не сильна замашка,
    Но мнится, въ облакахъ парю.
Мнѣ мнится вознестись съ тобою,
Свирѣлку согласить съ трубою
И за орломъ вдали порхать;
Въ восторгѣ пылкаго паренья,
Не тѣ услыша ударенья,
Могу свирѣлкой досказать.
    Могу негладкій стихъ погладить,
    Замѣтить, гдѣ стопу приладить
    И какъ бы риѳмѣ мягче лечь;
    Но ежели мои замѣтки
    Съ твоею Музой... не сосѣдки,
    Прошу покорно бросить въ печь.
Люблю твои я стихотворства:
Въ нихъ мало лести и притворства,
Но иногда — *полы лощишь* *....
Я твой же стихъ напоминаю
И самъ поистинѣ не знаю,
Зачѣмъ ты такъ, мой другъ, грѣшишь.
    Достойны громкой славы звуковъ
    Пожарскій, Мининъ, Долгоруковъ

* См. строфу 2-ую оды *На умѣренность* (томъ I, стр. 349).

Digitized by Google

И за Дунаемъ храбрый Петръ;
Но Зубовыхъ дѣла не громки,
И спрячь Потемкиныхъ въ потемки:
Какъ пузырей, ихъ свѣетъ вѣтръ.
Великъ былъ Петръ, великъ неложно;
Но какъ повѣрить намъ возможно,
Что онъ полцарства отдавалъ
За то, чтобъ Ришельё воскреснулъ? ** ...
У насъ бы онъ съ коварства треснулъ,
Или Россію продавалъ.
У насъ цари не Лудовики
И не министрами велики,
Собой велики паче всѣхъ:
Былъ Меншиковъ и Биронъ смиренъ,
И Зубовъ, ставши размундиренъ,
Для всѣхъ Россіянъ только смѣхъ.

29-го марта 1797.

Твоею творческой рукою
И пылкою стиховъ красою
Достойныхъ должно прославлять,
Великихъ, мудрыхъ, справедливыхъ;
Но случаемъ слѣпымъ счастливыхъ
Въ забвеньи вѣчномъ оставлять.

Прибавлено 5-го апрѣля 1799.

2.

Стихи Державина вызвали слѣдующее новое привѣтствіе со стороны Храповицкаго, также напечатанное въ III-й книжкѣ *Раута*:

Вижу, вижу безпристрастно,
Что Державинъ правдѣ другъ:
Сердце честно, чисто, ясно,
Все умомъ постигнетъ вдругъ.
Грянетъ громомъ — всѣ трясутся!
Дастъ хвалу — и вознесутся!
Не орелъ — ты самъ Зевесъ.
Въ пылкомъ, въ громкомъ твоемъ слогѣ
Пиндаръ и Орфей воскресъ. —
Хоть на грязной я дорогѣ
Средь Коломны нанялъ домъ,
Стары счеты разбираю,
Цифры съ цифрами сличаю
И журналъ верчу вверхъ дномъ:
Но тебя я почитаю,
Восхищенъ твоимъ умомъ.

1-го апрѣля 1797.

** Это сказано по поводу стиховъ Державина въ одѣ *Мой истуканъ* (томъ I, стр. 427):
Отдастъ Арману Петръ полтрона,
Чтобъ править научилъ другой.

Digitized by Google

3.

Изъ чиселъ, которыми помѣчены тѣ и другіе стихи Храповицкаго, видно, что Державинъ своимъ посланіемъ отвѣчалъ на первые изъ нихъ немедленно. Получивъ послѣдніе, онъ написалъ опять слѣдующій отвѣтъ:

А. В. ХРАПОВИЦКОМУ.

Какъ назвалъ ты меня Зевесомъ,
Отъ имя Божья грянулъ громъ;
Я съ страху скрылся подъ навѣсомъ
И бью тебѣ, мой другъ, челомъ:
Избавь отъ пышныхъ титлъ: я пѣшка.
Чрезмѣрна похвала — насмѣшка.

Эти стихи были напечатаны въ *Маякѣ* 1842 г. (т. I, кн. 2, *Замѣчатель*, стр. 90) съ слѣдующимъ пояснительнымъ разсказомъ.

«Въ одинъ изъ знойныхъ лѣтнихъ дней 1797 года Державинъ прохаживался въ саду съ А. В. Храповицкимъ. Сбирались тучи, но два «пріятеля не замѣчали ихъ. Разговоръ коснулся поэзіи. Храповицкій рас«пространялся въ похвалахъ великому поэту и въ восторгѣ не щадилъ «никакихъ сравненій. *Вы не поэтъ*, сказалъ онъ: *вы Зевесъ-громовержецъ*. «Въ эту минуту блеснула ослѣпительная молнія и раздался такой ударъ «грома, что Державинъ, при всей своей смѣлости и привычкѣ къ воен«ной жизни, бросился подъ навѣсъ бесѣдки; — туда же побѣжалъ и «Храповицкій. Оба, оглушенные ужаснымъ раскатомъ грома, нѣсколько «времени стояли безмолвно. Наконецъ Державинъ прервалъ молчаніе. «*Вотъ видишь ли, какой я громовержецъ*! сказалъ онъ Храповицкому, — и «въ тотъ же день записалъ въ своей бѣлой книгѣ предыдущіе шесть «стиховъ.»

На выраженное нами сомнѣніе въ дѣйствительности переданнаго тутъ случая Б. М. Федоровъ замѣчаетъ, что разсказъ въ главныхъ чертахъ справедливъ и что дѣло происходило такъ: Храповицкій, жившій недалеко отъ дома Держ., по ту сторону Измайловскаго моста, самъ привезъ ему стихи, въ которыхъ назвалъ его Зевесомъ, и читалъ ихъ ему въ саду. Въ то самое время раздался такой страшный ударъ грома, что оба поспѣшили удалиться: Храповицкій тотчасъ же уѣхалъ домой, а Державинъ спрятался подъ бывшимъ въ саду навѣсомъ. Послѣдній самъ разсказывалъ это г. Федорову въ 1815 г., когда тотъ слишкомъ восторженно похвалилъ его. Державинъ при этомъ вспомнилъ свой отвѣтъ Храповицкому и прибавилъ, что только умѣренная похвала пріятна, какъ благоуханіе розы и резеды, которое иногда вдругъ пахнётъ со стороны на гуляющаго въ саду; густой же дымъ ѳиміама ошеломляетъ.

---

7. ЖЕЛАНІЕ ВЪ ГОРНЯЯ [1].

О, коль возлюбленно селенье 1
Твое мнѣ, Боже, Боже силъ!
Душа въ восторгѣ, въ умиленьѣ;

Digitized by Google

На пламенномъ пареньи крылъ
Къ Тебѣ моя летитъ, стремится,
И жаждетъ Твой узрѣть чертогъ;
А плоть и сердце веселится,
Что царствуетъ мой въ небѣ Богъ[а]!
Какъ голубь храмину находитъ
И ласточка[б] гнѣздо себѣ,
И въ немъ дѣтей своихъ выводитъ,
Такъ я найду покой въ Тебѣ.
Блаженъ въ дому Твоемъ живущій 2
И восхваляющій Тебя,
Защитникомъ Тебя имущій
Въ невинномъ сердцѣ у себя!
Долину можетъ онъ уныму[в]
Въ луга и воды превратить,
Ненастье въ ведро, — духомъ въ силу
Пришедъ, въ Сіонѣ опочить.
Услышь, услышь мое моленье,
О Боже силъ! міровъ Господь!
Внуши сердечное прошенье,
И призри на меня съ высотъ.
Въ Твоемъ мнѣ домѣ день милѣе, 3
Чѣмъ тысячи въ дому другихъ[г];
У прага храма веселѣе,
Чѣмъ у вельможъ на пирѣ злыхъ.
Единъ даешь всѣ благи смертнымъ,
Великолѣпье, славу Ты!
Не оставляешь непримѣтнымъ
Ты и меня въ моемъ пути.
Такъ, Ты, Который управляетъ
Подсолнечной изъ вѣка въ вѣкъ!
Блаженъ, блаженъ, коль уповаетъ
На Бога токмо[д] человѣкъ!

[а] Что ты вѣкъ живъ въ немъ, царь и Богъ (Рукоп.).
[б] И горлица . . .
[в] Юдоль безплодну и уныну
Въ потоки можетъ превратить.
[г] . . . въ дворахъ другихъ.
[д] . . . только.

Digitized by Google

[1] Это подражаніе 83-у псалму написано, по словамъ Державина *(Об.)*, въ 1796 или 1797 году; не имѣя причины вѣрить одному показанію болѣе другаго, мы нашли удобнѣе принять второе. Въ первоначальныхъ рукописяхъ читается заглавіе: Упованіе на Бога. Напечат. въ изд. 1808, ч. II, ш..

---

8. КЪ МУЗѢ[1].

Строй, Муза[а], арфу золотую 1
И юную весну воспой:
Какъ нѣжною она рукой
На небо, море голубую,
На долы и вершины горъ
Зелену ризу надѣваетъ,
Вкругъ ароматы разливаетъ,
Всѣмъ осклабляетъ взоръ.

Смотри, какъ цѣпью птицъ станицы 2
Летятъ подъ небомъ и трубятъ;
Какъ жаворонки[б] вверхъ парятъ.
Какъ гусли тихи, иль цѣвницы,
Звенятъ ихъ гласы съ облаковъ;
Какъ ключъ шумитъ, свирѣль взываетъ,
И между всѣхъ ихъ пробѣгаетъ
Свистъ громкій соловьевъ.

Смотри: въ проталинахъ желтѣютъ, 3
Какъ звѣзды, межъ снѣговъ цвѣты;
Какъ распустившись[в] розъ кусты
Смѣются въ люлькахъ[2] и алѣютъ;
Сквозь мглу восходитъ[г] злакъ челомъ,
Лѣса вѣтвями помаваютъ,
По рдяну водъ стеклу мелькаютъ
Вверхъ рыбы сребромъ.

Смотри, какъ солнце[д] золотое 4
Днесь лучезарнѣе горитъ;
Небесное лицо глядитъ
На всѣхъ, веселое, младое,
И будто[е] вся играетъ тварь;
Природа блещетъ, восклицаетъ:
Или какой себя вѣнчаетъ[ж]
Короной міра царь?

Digitized by Google

[а] Строй, Даша. . . . (1797).
[б] А жаворонки . . . (1804).
[в] А распустившись . . . (1797 и 1804).
[г] . . . выходитъ . . . (1797).
[д] Смотри, и солнце . . .
[е] Какъ будто . . .
[ж] Какъ бы младый себя вѣнчаетъ.
— Не сей ли день себя вѣнчаетъ (Рукоп.).

---

[1] Первоначальное заглавіе этой пьесы было: Дашѣ въ Свѣтлое Христово воскресенье. Апрѣля 5, 1797. Это былъ день коронаціи императора Павла: онъ отправился въ Москву около середины марта, прибылъ 15-го числа въ Петровскій дворецъ, а въ Вербное воскресенье имѣлъ торжественный въѣздъ въ древнюю столицу: народъ встрѣтилъ Государя съ неописаннымъ восторгомъ. На коронаціи присутствовалъ польскій король Станиславъ Августъ, жившій въ Петербургѣ и поѣхавшій вмѣстѣ съ дворомъ въ Москву. Послѣ обряда вѣнчанія императоръ Павелъ посѣтилъ южныя губерніи и, пробывъ мѣсяца два въ отсутствіи, возратился въ Петербургъ (*Зап.* И. В. Лопухина и Реймерсъ). Подъ Дашею поэтъ разумѣлъ вторую жену свою (см. о ней томъ I, стр. 408). Съ приведеннымъ заглавіемъ стихотвореніе напечатано въ *Аонидахъ* 1797 г. (кн. II, стр. 281). Въ *Анакреонтич. пѣсняхъ*, 1804, стр. 15, оно уже названо *Къ Музѣ*; въ изд. 1808 см. ч. III, VII.

[2] Смѣются въ люлькахъ . . .

Здѣсь *люлька* употреблено въ томъ смыслѣ, какой у Нѣмцевъ имѣетъ слово Beet (Bett) — клумба.

---

9. ПРИШЕСТВІЕ ФЕБА[1].

Тише, тише, вѣтры, вѣйте, 1
Благовоніемъ дыша;
Пурпуровымъ златомъ рдѣйте,
Воды, долы! — и душа,
Спящая въ лѣсахъ зеленыхъ,
Гласовъ, эховъ сокровенныхъ,
Пробудися свѣтлымъ днемъ:
Встань ты выше, выше холмъ!

Въ лучезарной колесницѣ 2
Отъ востока Фебъ идетъ[а];
Внизъ съ раменъ по багряницѣ
Въ кудряхъ золото течетъ;
А отъ лиры сладкострунной
Божій тихій гласъ перунной
Такъ рѣками въ долъ падетъ,
Какъ съ небесъ лазурныхъ свѣтъ.

Digitized by Google

Утренней зари прекрасной, 3
Дней веселыхъ свѣтлый царь!
Ты, который дланью властной
Сыплешь свѣтъ и жизнь на тварь,
Правя легкими возжами,
Искрометными конями
Обтекаешь міръ кругомъ,
Стань предъ насъ своимъ лицомъ!
Возсіяй въ твоей коронѣ, 4
Давъ лунѣ и лику звѣздъ,
На твоемъ отдѣльномъ тронѣ,
Твой лучистый, милый свѣтъ!
Стань скорѣй предъ жадны взоры,
Да поютъ и наши хоры
Радостныхъ отца сыновъ
Славу, счастье и любовь!

* ... грядетъ (1804).

---

[1] Это собственно не что иное, какъ вольный переводъ гимна Аполлону, который нѣкоторые приписываютъ Діонисію, жившему, вѣроятно, лѣтъ за 200 до Р. Х. Но Державинъ примѣнилъ древнее произведеніе къ случаю и отмѣтилъ, что его подражаніе было написано въ маѣ мѣсяцѣ на возвращеніе императора Павла изъ Москвы послѣ коронаціи. Въ оглавленіи *Анакреонт. пѣсней* 1804 г., гдѣ эта пьеса въ первый разъ была напечатана (стр. 17), прибавлено: «подраженіе Діонисію Сиракузскому»(?). То же сказано и въ *Объясненіяхъ*. Въ изд. 1808, см. ч. III, VIII.

Приводимъ греческій гимнъ какъ въ подлинникѣ, такъ и въ подстрочномъ переводѣ:

ΥΜΝΟΣ ΕΙΣ ΑΠΟΛΛΩΝΑ.

Εὐφημείτω πᾶς αἰθήρ·
οὔρεα, τέμπεα σιγάτω,
γῆ καὶ πόντος καὶ πνοιαὶ,
ἦχοι φθόγγοι τ' ὀρνίθων·
μέλλει δὲ πρὸς ἡμᾶς βαίνειν
Φοῖβος ἀκερσεκόμας, ἀχέτας.
Χιονοβλεφάρου πάτερ Ἀοῦς,
ῥοδόεσσαν ὃς ἄντυγα, πώλων
πτανοῖς ὑπ' ἴχνεσι, διώκεις,
χρυσέαισιν ἀγαλλόμενος κόμαις,
περὶ νῶτον ἀηείριτον οὐρανοῦ
ἀκτῖνα πολύστρcφον ἀμπλὲκων,
αἴγλας πολυκερδέα παγὰν

περὶ γαῖαν ἅπασαν ἑλίσσων.
ποταμοὶ δὲ σέθεν πυρὸς ἀμβρότου
τίκτουσιν ἐπήρατον ἁμέραν.
σοὶ μὲν χορὸς εὔδιος ἀστέρων
κατ᾽ Ὄλυμπον ἄνακτα χορεύει,
ἄνετον μέλος αἰὲν ἀείδων,
Φοιβηΐδι τερπόμενος λύρᾳ.
γλαυκὰ δὲ πάροιθε Σελάνα
χορὸν Ὥριον ἁγεμονεύει
λευκῶν ὑπὸ σύρμασι μόσχων.
γάνυται δέ τέ οἱ νόος εὐμενὴς
πολυείμονα κόσμον ἑλίσσων.

(Якобса Anthologia graeca, т. II, стр. 230 *).

«Да будетъ безмолвенъ весь эѳиръ; да молчатъ горы и долины, земля и море и дуновенія, отголоски и пѣсни птицъ: къ намъ приближается Фебъ свѣтловласый, звонкій. Отецъ Зари, у которой снѣжнобѣлыя вѣжды, стремящій розовую колесницу по слѣдамъ крылатыхъ коней, сіяя золотыми кудрями, простирая по безпредѣльному хребту неба многовращательный лучъ, ты носишь по всей землѣ благодатный источникъ свѣта! Рѣки твоего безсмертнаго огня раждаютъ возлюбленный день. Для тебя свѣтлый хоръ звѣздъ водитъ хороводы по царственному Олимпу, вѣчно возглашая свободную пѣснь, услаждаясь Фебовою лирой. Впереди же сіяющая Луна выводитъ обычный хоръ, влекомая бѣлыми тельцами. Веселится духъ ея благосклонный, вращая пестрый міръ звѣздъ».

Въ стихахъ Державина императоръ Павелъ уже не въ первый разъ былъ привѣтствованъ названіемъ Феба. Когда при въѣздѣ въ Москву (см. выше стр. 39) онъ остановился у Иверской часовни, два очень молодые воспитанника Троицко-сергіевской семинаріи произнесли приготовленный къ этому случаю стихотворный разговоръ. При появленіи Императора раздалось передъ собравшеюся толпою:

«Бросай же поскорѣй цвѣтъ!» —
Да онъ ли это, знаешь ты? —
«Да какъ же не узнать намъ Феба,
Когда для насъ онъ сходитъ съ неба!»

Государь, сперва непріятно пораженный такою по видимому неумѣстною бесѣдой двухъ юношей, принялъ однакожъ этотъ знакъ усердія очень милостиво, обласкалъ обоихъ семинаристовъ и пожаловалъ каждому изъ нихъ шпагу, ботфорты со шпорами и треугольную шляпу, съ правомъ снимать ее только передъ государемъ и главнымъ начальникомъ ихъ, митрополитомъ Платономъ. Въ этомъ нарядѣ оба ученика присутствовали при коронаціи. Одинъ изъ нихъ (именно тотъ, который произнесъ стихи,

* Беллерманъ издалъ Die Hymnen des Dionysius und Mesomedes (Берлинъ, 1840); здѣсь этотъ гимнъ разсмотрѣнъ критически и предложены измѣненія въ текстѣ. Мы однакожъ не рѣшились отступить отъ прежнихъ изданій. *Гимнъ Аполлону* переводили многіе, въ томъ числѣ Гердеръ и гр. Штольбергъ.

Digitized by Google

напечатанные здѣсь курсивомъ), впослѣдствіи новгородскій и с-петербургскій митрополитъ Григорій (род. 1784, ум. 1860), а въ то время рослый и красивый отрокъ съ звонкимъ голосомъ, разсказывалъ этотъ случай покойному І. И. Ростовцеву незадолго до смерти послѣдняго (слышано отъ присутствовавшего при разсказѣ П. П. Семенова и отъ А. К. Гирса).

Сверхъ того, во время шествія Императора въ соборы, «20 большихъ студентовъ и 20 малыхъ», по распоряженію св. Синода, пѣли сочиненные предварительно три канта, въ одномъ изъ которыхъ встрѣчались стихи:

«Се Фебъ россійскія державы,
Блаженства нашего творецъ» *и проч.*
(Смирнова *Исторія Московской Академіи*, стр. 347).

---

10. Возвращеніе весны [1].

Возвращается весна,
И Хариты вкругъ блистаютъ,
Взоры смертныхъ привлекаютъ.
Гдѣ стоитъ, грядетъ она, —
Воздухъ дышитъ ароматомъ,
Усмѣхается заря,
Чешуятся рѣки златомъ [2];
Рощи, въ зеркалы смотря,
На вѣтвяхъ своихъ качаютъ
Теплы, легки вѣтерки;
Сильфы рѣзвятся, порхаютъ,
Зелень всюду и цвѣтки
Стелютъ по землѣ коврами;
Рыбы мечутся изъ водъ;
Журавли, віясь кругами [3]
Сквозь небесный синій сводъ,
Какъ валторны возглашаютъ;
Соловей гремитъ въ кустахъ;
Звѣри прыгаютъ, брыкаютъ,
Гласъ ихъ вторится въ лѣсахъ.
Горстью пахарь дождь на нивы [4]
Сѣетъ вкругъ себя златой;
Бѣлы парусы игривы
Вздулись на морѣ горой;
Вся природа торжествуетъ,
Празднуетъ весны приходъ,

Все играетъ, все ликуетъ.
Нимфы! станьте въ хороводъ
И, въ бѣлѣйши снѣга ткани
Облеченны, изо льну,
Простирайте нѣжны длани,
Принимайте вы весну,
А въ цвѣтахъ ея щедроты,
А въ зефирахъ огнь сердцамъ.
Съ нею къ вамъ летятъ Эроты:
Безъ любви нельзя жить вамъ.

[1] Написано на пріѣздъ императрицы Маріи Θеодоровны, въ маѣ мѣсяцѣ, изъ Москвы въ дѣвичій (*Смольный*) монастырь * (*Об.* Д). Въ рукописи Казанскаго университета какъ это, такъ и предыдущее стихотвореніе набросаны еще только начерно, со множествомъ помарокъ. Кажется, пьеса эта въ нѣкоторой, впрочемъ отдаленной связи съ XXXVII-ю (44) Анакреоновскою одою (*Весна*), такъ начинающеюся въ переводѣ Львова:

«Посмотри при возвращеньи
Къ намъ пріятныя весны,
Какъ Хариты усыпаютъ
Розами повсюду лугъ!»

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ*, стр. 19, и въ изд. 1808, ч. III, IX.

[2] Чешуятся рѣки златомъ.

«Державинъ о мелкомъ при солнечныхъ лучахъ волненіи рѣкъ сказалъ: *Чешуятся рѣки златомъ*. Онъ первый примыслилъ и употребилъ глаголъ сей, толь прилично изображающій взволнованную вѣтеркомъ поверхность. Подобная новость въ языкѣ или, правильнѣе, въ словесности, есть конечно счастливое вдохновеніе таланта» ... (Шишковъ *Разсужд. о старомъ и новомъ слогѣ*, въ Собр. его сочин., т. II. Спб. 1824, стр. 27).

[3] Журавли, віясь кругами *и проч*.

Ср. у Львова: «Утка плещется водою,
И летятъ къ намъ журавли».

Ср. также въ *Благодарности Фелицѣ* (томъ I, стр. 104) стихи:
Тамъ тучи журавлей стадятся,
Валторнъ съ высотъ пуская громъ.

[4] Горстью пахарь дождь на нивы *и проч*.

У Львова: «Процвѣтаютъ злачны нивы
Земледѣльческимъ трудомъ.»

---

* См. ниже, подъ этимъ же годомъ, стихотвореніе *Праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго монастыря*.

Digitized by Google

11. КУПИДОНЪ[1].

Подъ Медвѣдицей небесной[а],
Средь ночныя темноты,
Какъ на міръ сей сонъ всемѣстной
Сыпалъ маковы цвѣты;
Какъ спокойно всѣ ужъ спали,
Отягченные трудомъ, —
Слышу: въ двери застучали
Кто-то громко вдругъ кольцомъ.
Кто, спросилъ я, въ дверь стучится
И тревожитъ сладкій сонъ?
«Отвори: чего страшиться?»
Отвѣчалъ мнѣ Купидонъ:
«Я ребенокъ, какъ-то сбился
Въ ночь безлунную съ пути[2];
Весь дождемъ я замочился,
Не найду, куда идти[б].»
Жаль его мнѣ очень стало,
Всталъ и высѣкъ я огня;
Отворилъ лишь двери мало,
Прыгъ дитя передъ меня.
Въ тулѣ лукъ на немъ и стрѣлы.
Я къ огню съ нимъ поспѣшилъ,
Теръ руками руки мерзлы,
Кудри влажные сушилъ.
Онъ успѣлъ лишь обогрѣться[3],
«Ну, посмотримъ-ка», сказалъ:
«Хорошо ли лукъ мой гнется?
Не испорченъ ли чѣмъ сталъ?»
Молвилъ, и стрѣлу мгновенно
Острую въ меня пустилъ,
Ранилъ сердце мнѣ смертельно
И, смѣяся, говорилъ:
«Не тужи: мой лукъ годится[4],
Тетива еще цѣла.»
Съ тѣхъ поръ началъ я крушиться,
Какъ любви во мнѣ стрѣла.

[а] Звѣздъ подъ сѣнію небесной

Digitized by Google

Средь полночной темноты,
Какъ на міръ весь сонъ прелестной (1804).
6 И не знай, куда идти.

---

[1] Пьеса *Купидонъ* — та же Анакреоновская ода (III, *Любовь*; 31, Εἰς Ἔρωτα), которая переведена Ломоносовымъ въ его *Риторикѣ* (§ 309) и начинается у него стихами:

«Ночною темнотою
Покрылись небеса;
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза»...

Сумароковъ также подражалъ этой Анакреоновской одѣ, но произвольно измѣнилъ ея содержаніе (*Соч.* его, ч. II, стр. 192).

Купидонъ напечатанъ въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 68, и въ изданіи 1808, ч. III, xxxii.

[2] ... Въ ночь безлунную съ пути.

У Львова ода начинается такъ:

«Въ часъ полуночный недавно,
Какъ Воота подъ рукой
Знакъ Арктоса обращался;
Какъ всѣ званія людей
Сна спокойствіе вкушали,
Отягченные трудомъ, —
У дверей моихъ внезапно
Постучалъ Эротъ кольцомъ.
Кто, спросилъ я, въ дверь стучится
И тревожитъ сладкій сонъ?...
Отвори, Любовь сказала:
Я ребенокъ, не страшись;
Въ ночь безмѣсячную *сбился*
Я *съ пути* и весь обмокъ....»

[3] Онъ успѣлъ лишь обогрѣться *и проч.*

У Львова: «Онъ лишь только обогрѣлся:
Ну, посмотримъ-ка, сказалъ».

[4] Не тужи: мой лукъ годится.

У Ломоносова: «*Мой лукъ* еще *годится*,
И *цѣлъ* и съ *тетивой;*
Ты будешь вѣкъ *крушиться*
Отнынь, хозяинъ мой.»

Въ послѣднихъ двухъ стихахъ оды Державинъ отступилъ отъ близкаго перевода Львова, гдѣ, какъ въ подлинникѣ, она кончается словами Эрота:

«Лукъ еще мой не испорченъ,
Сердце онъ пронзилъ твое».

Digitized by Google

Приложеніе.

(Общее примѣчаніе къ анакреонтическимъ одамъ).

Съ 1797 года дѣятельность Державина по анакреонтической поэзіи особенно усиливается. Вотъ почему мы здѣсь, при первомъ стихотвореніи этого рода, помѣщаемъ примѣчаніе, общее для всѣхъ произведеній Державина, заимствованныхъ изъ Анакреона или, вѣрнѣе, изъ сборника пѣсенъ, которыя долго приписывались Анакреону. Такъ какъ въ нашу литературу до сихъ поръ еще мало проникли результаты германской филологической критики въ отношеніи къ этому писателю, то мы и считаемъ полезнымъ коснуться здѣсь новѣйшихъ о немъ изслѣдованій. Анакреонъ, изъ іоническаго города Теоса (559 — 474 до Р. Х.), былъ поэтъ которому древніе справедливо удивлялись и о жизни котораго дошли до насъ довольно подробныя свѣдѣнія. Его талантъ былъ очень разнообразенъ: онъ писалъ элегіи, ямбы, гимны и особенно *пегніи* (веселыя пѣсни). Но изъ всего этого сохранились одни только небольшіе отрывки; тѣ же пѣсни, которыя такъ давно издаются подъ именемъ Анакреоновыхъ и составляютъ болѣе 60-и, признаны нѣмецкими эллинистами за гораздо позднѣйшія произведенія, принадлежащія вѣроятно уже ко времени христіанства; большая часть ихъ возникли, какъ думаютъ, незадолго до Юстиніана и своимъ происхождеіемъ обязаны многочисленнымъ подражателямъ Анакреона *. Онѣ ни по духу своему, ни по метру, ни по языку, въ которомъ мало признаковъ іоническаго нарѣчія, не носятъ на себѣ печати древности; по содержанію своему онѣ не связаны ни съ какими обстоятельствами мѣста и времени и выражаютъ только отвлеченный паѳосъ **. По всему этому, не считая авторомъ ихъ самого Анакреона, нѣмецкіе критики послѣднихъ десятилѣтій усвоили имъ названіе Anacreontea. Подъ этимъ заглавіемъ онѣ изданы были въ 1825 г. критически Мельгорномъ (Mehlhorn, въ Глогау), и это изданіе до сихъ поръ высоко цѣнится.

Уваженіе, съ какимъ древніе отзываются о произведеніяхъ Анакреона, было перенесено новѣйшими на эти *Анакреоновскія оды*, за которыми можно признать развѣ только достоинство легкости, наивной веселости, затѣйливой шутки и часто замысловатаго содержанія. Эти свойства, вмѣстѣ съ славою имени, сопровождавшаго пѣсни, доставили имъ такой успѣхъ въ новомъ мірѣ, что многіе изъ лучшихъ писателей во всѣхъ европейскихъ литературахъ считали за честь быть переводчиками или подражателями Анакреона, такъ же какъ и Горація.

Не менѣе посчастливилось Анакреоновскимъ одамъ и въ Россіи: лав-

* Ихъ въ первый разъ собралъ Константинъ Кефаласъ; рукопись его относятъ къ десятому столѣтію. Первое изданіе ихъ сдѣлалъ 1554 г. въ Парижѣ Гейнрихъ Стефанусъ. Главное обстоятельство, не позволяющее признать Анакреона дѣйствительнымъ авторомъ приписываемыхъ ему пѣсенъ, — то, что онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего изъ тѣхъ отрывковъ, которые приводятся у древнихъ писателей, какъ достовѣрно принадлежащіе Анакреону.

** G. Bernhardy, Grundriss der Griechischen Litteratur, ч. II, Галле, 1856.

Digitized by Google

рами вѣчно-юнаго старца украшались Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ и многіе другіе. Еще и у Пушкина можно найти нѣсколько подражаній Анакреону. Въ разборѣ стихотворенія Державина *Мечта* П. А. Плетневъ (*Соревнов.* 1824, ч. XXV) подробно изложилъ воззрѣніе на Анакреона, какъ на поэта и философа.

Въ I томѣ настоящаго изданія помѣщены уже и начатки Державина въ анакреонтической поэзіи*. Тамъ же было показано, что онъ сталъ чаще писать въ этомъ родѣ особенно съ тѣхъ поръ, какъ другъ его Н. А. Львовъ въ 1794 году напечаталъ, вмѣстѣ съ подлинникомъ, стихотворный переводъ Анакреона. Самъ Львовъ не зналъ греческаго языка, но онъ переводилъ этого поэта такъ же, какъ въ наше время Жуковскій Гомера, — по чужому подстрочному переводу. Львову оказалъ такую услугу извѣстный Грекъ, переселившійся въ Россію, архіепископъ Евгеній Булгаръ (род. 1715, ум. 1806), который составилъ и примѣчанія къ этому изданію (о переводѣ Львова см. томъ I, стр. 367 и 411). Излагая въ предисловіи біографію и достоинства Анакреона, Львовъ между прочимъ говоритъ: «Искателямъ славы, какъ любезенъ долженъ показаться старикъ сей любивый** и веселый, пролагающій толь легкій путь подражателямъ своимъ! Но по сю пору не было еще Анакреона ни въ какомъ народѣ». Въ вѣкъ, когда поэты стремились быть Пиндарами и Гораціями своей страны, эти слова могли подстрекнуть Державина къ *исканію новой славы.* Мѣсто Фелицы опустѣло въ храмѣ его поэзіи, ему нужны были теперь другіе предметы вдохновенія, и однимъ изъ любимцевъ его музы становится теперь Анакреонъ.

Назовемъ здѣсь и другихъ русскихъ переводчиковъ Анакреона.

Первымъ изъ нихъ былъ Кантемиръ, но его «Анакреоновы оды, преложенныя въ стихи безъ риѳмъ» остались неизданными (*Словарь* митр. Евг.).

Въ 1801 И. И. Мартыновъ издалъ *Анакреоновы стихотворенія*, переводъ съ греческаго въ стихахъ (въ 16-ю д. л.). Этотъ переводъ, со многими измѣненіями и съ примѣчаніями, напечатанъ вторично въ ч. XXIII *Греческихъ классиковъ*, изданной въ 1829 г. вмѣстѣ съ подлинникомъ. Здѣсь въ примѣчаніяхъ помѣщены между прочимъ всѣ переводы и подражанія изъ Анакреона, сдѣланные Ломоносовымъ и Державинымъ.

Болѣе 20-и одъ Анакреона перевела съ греческаго Елисавета Куль-

* Между прежними его стихами встрѣчаются слѣдующія эротическія и т. п. пьесы: *Объявленіе любви*, *Пламидѣ Всемилъ*, *Нинѣ* (1770); *Разлука*, *Пикники* (1776); *Кружка* (1777); *Невѣстѣ* (1778); *На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока* (1779); *Разныя вина* (1782); *Философы пьяный и трезвый*, *Къ Евтерпѣ* (1789); *Анакреонъ въ собраніи*, *Прогулка въ Сарскомъ Селѣ*, *Скромность* (1791); *Къ Граціямъ* (1792); *Амуръ и Психея* (1793); *Сафѣ*, *Призываніе и явленіе Плѣниры*, *Мечта* (1794); *Къ Анжеликѣ Кауфманъ*, *Гостю*, *Другу*, *Спящій Эротъ*, *Анакреонъ у печки*, *Хариты* (1795); *Потопленіе*, *Побѣда Красоты*, *Крезовъ Эротъ*, *Пчелка*, *Бой* (1796). Но изъ всѣхъ этихъ пьесъ только *Спящій Эротъ* и *Бой* содержатъ въ себѣ заимствованія изъ Анакреоновскихъ одъ.

** Вотъ гдѣ уже встрѣчается это слово, употребленное И. И. Дмитріевымъ въ его Запискахъ при воспоминаніи о первой женѣ Державина (см. томъ I, стр. 37).

Digitized by Google

манъ (см. ея *Поэтическіе опыты*, изд. Россійской Академіею, Спб. 1833; 2-е изд. 1839).

Между *Стихотвореніями* Л. Мея, Спб. 1857, двѣнадцать, составляющія особую группу, заимствованы изъ того же источника.

Наконецъ 1861 г. въ Москвѣ напечатаны (16 д. л.) *Пѣсни Анакреона въ переводѣ и съ примѣчаніями* А. Баженова.

Любопытно, что новѣйшіе русскіе переводчики Анакреона безъ оговорокъ принимаютъ его за автора переведенныхъ ими пѣсенъ. Г. Баженовъ ограничился, правда, 50-ю пьесами, но затѣмъ онъ не входитъ (если исключить два-три частные случая въ примѣчаніяхъ) въ разсмотрѣніе мнѣній о недостовѣрности ихъ происхожденія.

Изъ отдѣльныхъ статей объ Анакреонѣ, напечатанныхъ на русскомъ языкѣ, одна только и заслуживаетъ быть упомянутою. Это статья г. Водовозова *Анакреонъ*, помѣщенная въ *Современникѣ* 1857 г., № VIII. Жаль, что при искусномъ изложеніи и хорошемъ прозаическомъ переводѣ многихъ пьесъ авторъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ взглядъ германскихъ критиковъ на Анакреона, утверждая, что изъ его застольныхъ и эротическихъ пѣсенъ сохранилось около 50 пьесъ, которыя *могутъ съ достовѣрностію быть приписаны теосскому пѣвцу*. Нѣсколько далѣе онъ прибавляетъ только, что и онѣ *отчасти заподозрѣны* (стр. 133).

Къ переводамъ и подражаніямъ изъ Анакреона Державинъ присоединилъ много оригинальныхъ пьесъ въ томъ же родѣ. Тѣ и другія составили изданныя имъ въ 1804 году *Анакреонтическія пѣсни*, которыя, потомъ, съ прибавленіемъ многихъ новыхъ, вошли въ III-ю часть изданія его сочиненій въ 1808 г.

Помѣщая здѣсь эти стихотворенія, какъ и всѣ другія, подъ годами, къ которымъ они относятся, мы будемъ часто приводить при нихъ параллельныя мѣста изъ перевода Львова, служившаго Державину главнымъ руководствомъ при его заимствованіяхъ и источникомъ, откуда онъ иногда бралъ безъ измѣненія цѣлые обороты, желая какъ можно точнѣе перелагать бѣлые стихи въ риѳмованные. При ссылкахъ на подлинныя оды *, мы будемъ всякій разъ означать ихъ двумя цифрами, изъ которыхъ одна, римская, будетъ указывать расположеніе ихъ въ Львовскомъ сборникѣ, сходное съ большею частію прежнихъ изданій (editiones vulgares), а другая, арабская цифра, будетъ соотвѣтствовать новому порядку, принятому въ критическомъ изданіи Мельгорна и согласному съ первоначальнымъ сборникомъ.

* Допуская это названіе для означенія приписываемыхъ Анакреону стихотвореній, нужнымъ считаемъ объяснить, что здѣсь греческое слово *ода* принимается въ его простомъ, первоначальномъ значеніи *пѣсни*. Употребляя выраженіе *Анакреоновскія оды*, мы тѣмъ избѣгаемъ смѣшенія съ *Анакреонтическими пѣснями* Державина и въ то же время сохраняемъ связь съ главнымъ пособіемъ нашего поэта, изданіемъ Львова, гдѣ также принято называть стихотворенія Анакреона *одами*, хотя еще Сумароковъ сказалъ объ Анакреонѣ: «писалъ оды или, лучше сказать, пѣсни любовныя и пьянственныя, которыя высоко поставляются» (*Соч. Сум.*, ч. I, стр. 349).

Digitized by Google

12. Праздникъ воспитанницъ Дѣвичьяго монастыря[1].

Еслибъ умъ какой чудесный
Столь возвыситься возмогъ,
Чтобъ, проникнувъ сводъ небесный,
Въ горній возлетѣлъ чертогъ,
И средь тучъ тамъ бирюзовыхъ,
Будто множество зарницъ,
Бѣлокурыхъ, чернобровыхъ,
Миріады свѣтлыхъ лицъ,
Въ ризахъ блещущихъ, эѳирныхъ,
Видѣлъ Ангеловъ небесъ;
Съ ихъ агатныхъ иль сафирныхъ
Черпалъ бы восторгъ очесъ;
Красоты ихъ лучъ небесной
Изумлялъ бы слабый взоръ;
Ихъ гармоніи прелестной
Тихій, умиленный хоръ,
Громкихъ арфъ и лиръ бряцанье
Нѣжно трогали бы слухъ;
Райскихъ древъ благоуханье
Сладко упояло духъ;
Видѣлъ бы, что̀ очи тлѣнны
Не возмогутъ созерцать,
И внималъ[2], что̀ уши бренны
Неудобны въ слухъ внимать;
Слышалъ, Серафимовъ хоры
Какъ Царя царей поютъ,
Какъ вперенные ихъ взоры
Свѣтъ съ Него и радость пьютъ:
Тотъ возмогъ бы, по сравненью
Сихъ божественныхъ чудесъ,
Живо описать къ видѣнью
Россихъ мысленныхъ очесъ,
Какъ полсвѣта повелитель
И его любезный домъ,
Павелъ посѣщалъ обитель,
Юныхъ дѣвъ священный сонмъ;
Какъ онѣ его встрѣчали,

Будто бога иль отца;
Пѣньемъ души восхищали,
А красою всѣхъ сердца.
Или, еслибы рожденье
На водахъ кто зрѣлъ весны
И ея въ лучахъ явленье
Изъ кристальныя волны;
Съ холма кинувъ быстро око
На прекрасный Волги брегъ,
Гдѣ, разлившися широко
И склоняя свѣтлый бѣгъ
На Каспійско море[6] стекляно,
Злачныхъ горъ она въ тѣни,
Море гладко, златордяно
Представляетъ въ ясны дни;
Тамъ бы на песчаныхъ стогнахъ
Зрѣлъ пернатыхъ онъ стада[2],
Что, собравшись въ милліонахъ,
Какъ снѣговъ лежитъ гряда;
Кроткія межъ нихъ колпицы
Въ стаѣ гордыхъ лебедей,
Серебророзовыя птицы,
Лоснятся поверхъ зыбей,
И шурмуютъ и играютъ,
И трепещутся средь волнъ,
Съ перьевъ бисеръ отряхаютъ,
Разноцвѣтный влажный огнь;
Зрѣлъ бы, какъ, сплетясь крылами,
Ходятъ по мелямъ стѣной,
Вдаль расплывшися кругами,
Кличутся промежъ собой;
Громкій голосъ ихъ несется
По водамъ и по полямъ;
Гулъ отъ холмовъ раздается,
Изъ-за рощей тихій гамъ:
Тотъ возмогъ бы драгоцѣнну
Ту картину начертать,
Какъ Марію несравненну[2],
Нѣжную Россіи мать,

Digitized by Google

Юны дѣвы принимали
Во святилищѣ своемъ,
Благовѣйно предстояли
Предъ величества лицомъ;
Въ темной зеленью аллеѣ,
Древъ подровненныхъ въ тѣни,
Снѣга самаго бѣлѣе,
Легче воздуха въ ткани,
Передъ ней онѣ играли
На помостѣ золотомъ,
Пѣли, прыгали [в], плясали
И рядами и кругомъ;
Въ даръ священный приносили
Рукъ издѣлія своихъ [4];
Не сокровища дарили,
Но сердецъ преданность ихъ;
Лишь того искали взоромъ
И желали всей душей,
Чтобъ почтила разговоромъ
Иль улыбкой ихъ своей [г];
А въ сей стаѣ бѣлоснѣжной,
Будто среди птицъ весна,
Къ дѣтямъ взоръ [д] бросая нѣжной,
Зрѣлась божествомъ она; —
Иль, когдабы къ баснословнымъ
Кто восхитясь временамъ,
Къ славнымъ, свѣтлымъ, благовоннымъ
На Олимпъ восшелъ пирамъ
И увидѣлъ бы наономъ,
Подъ паденьемъ шумныхъ водъ,
Подъ янтарнымъ небосклономъ
Въ хладную пещеру входъ
И младыхъ въ ней нимфъ прекрасныхъ,
Славнымъ пиромъ, на столахъ,
На узорчатыхъ, атласныхъ,
Бѣлыхъ, тонкихъ скатертяхъ,
Угощающихъ пріятно
Посѣтителей боговъ,
Какъ хитоны ихъ опрятно,

Digitized by Google

Въ узлы легкихъ облаковъ
Подобравъ онѣ пристойно
Лентами зарей цвѣтныхъ,
Сановито и спокойно
Ходятъ вкругъ гостей своихъ;
Какъ съ улыбкой благородной,
Съ наклоненіемъ чела,
Милой поступью, свободной
Къ гостю каждая пришла;
Принесли имъ: тѣ въ корзинахъ,
Тѣ въ фарфорахъ прорѣзныхъ,
Въ разноцвѣтныхъ тѣ кувшинахъ,
Въ блюдахъ сребряныхъ, златыхъ
Сочножелтыя, багряны,
Вкусноспѣлые плоды,
Въ хрусталяхъ[e] напитки хладны,
Сладки, искрометны льды;
Какъ тамъ боги и богини,
Осклабляяся, глядятъ,
Со герои, съ героини[5]
Яствы сахарны ѣдятъ;
Какъ амброзія небесна
Въ алыхъ таетъ ихъ устахъ;
Разсыпается чудесна
Пища райская въ рукахъ;
Льется въ медѣ благовонномъ
Вспламеняющій[*] нектаръ.
Въ сокѣ розовомъ, перловомъ[6]
Мразъ, гасящій зноя жаръ:
Тотъ бы внятно могъ и живо
Описать сей праздникъ намъ,
Торжество то справедливо
И пріятное очамъ,
Какъ подъ свѣсомъ, наклоненнымъ
На столповъ бѣлѣйшихъ рядъ,
Плющемъ обвитыхъ зеленымъ
Рукъ художествомъ, журчатъ,
Къ большей прелести природы,
На прекрасный Невскій брегъ

Digitized by Google

Льющіясь съ эѳира воды,
Для прохладъ и для утѣхъ;
Гдѣ усердіе являли
И въ привѣтствіе гостямъ
Дѣвы славный полдникъ дали
И царицамъ и царямъ;
Гдѣ ихъ нѣжны сонмы, хоры,
Какъ небесный нѣкій садъ,
Зрителей водили взоры
Межъ утѣхъ и межъ прохладъ; —
Иль, — когда уже зефиры
Начинаютъ влажно дуть,
Боги въ мягкіе сафиры
Идутъ съ пиршествъ отдохнуть,
Какъ златыя Феба стрѣлы,
Прядавъ по волнамъ, скользятъ,
Вечеръ потемняетъ селы,
Окна пламенемъ горятъ.
Еслибъ смертный дерзновенный
Кто отважиться столь[3] смѣлъ,
Чтобъ таинственны, священны
Игры древнія хотѣлъ
Зрѣть украдкой среди нощи
И, по спутаннымъ тропамъ
Проходя кедровой рощи,
Вдругъ увидѣлъ Весты храмъ;
Зрѣлъ вокругъ его, Весталей[7]
Какъ прохаживаетъ строй;
Огнь виситъ внутри кристалей,
Во треножникѣ струей
Послѣ жертвы дымъ курится;
Предъ священнымъ алтаремъ
Каждая дѣвица зрится
Съ преклонившимся челомъ,
Скромной блещущи красою,
Важности святой полна,
Подъ прозрачною фатою,
Будто сквозь туманъ луна;
Купно всѣ съ благоговѣньемъ

Digitized by Google

Жертвенникъ обходятъ вкругъ
И съ тимпановъ удареньемъ,
На колѣни падши вдругъ
Передъ образомъ богини,
Славословіе поютъ;
За дары, за благостыни
Въ жертву ей цвѣты кладутъ
И гласятъ: «О земнороднымъ
Божествамъ прекрасна мать[8]!
Если взоромъ благосклоннымъ
Соизволишь призирать
Дѣвъ, тобою воскормленныхъ,
И прошенью внемлешь ихъ:
То внуши молитвъ усердныхъ
Гласъ воспитанницъ твоихъ,
И даруй, да подъ покровомъ
Матерней руки твоей,
Благонравья въ блескѣ новомъ,
Непорочности стезей
Вслѣдъ мы ходимъ за тобою
И достойными тебя
Будемъ жизнію святою,
Добродѣтель ввѣкъ любя».
Зрѣлъ потомъ бы ихъ въ гуляньи
Средь цвѣтущихъ красныхъ мѣстъ,
Въ разноцвѣтномъ гдѣ сіяньи
Лѣсъ блисталъ лучами звѣздъ;
Какъ, съ невинностью питая
Хладъ безстрастія въ крови,
Забавлялися, не зная
Сладостныхъ заразъ любви;
Какъ, сокрывшись въ листья, въ гроты
И облекшись въ темну ночь,
Мѣтятъ тщетно въ нихъ Эроты
И летятъ съ досадой прочь;
Видѣлъ бы, и тайный зритель
Древнихъ праздниковъ святыхъ,
Игръ сихъ вѣрный былъ[a] сравнитель
Русской Весты дѣвъ младыхъ,

Digitized by Google

Какъ въ вечерній блескъ зарницы,
Подъ прохладнымъ вѣтеркомъ,
День рожденья ихъ царицы [9]
Проводили торжествомъ.
Вся Россія возставала
Съ умиленьемъ зрѣть на нихъ;
Слезы радости роняла,
Такъ привѣтствовала ихъ:
«Я покоюсь послѣ боевъ [10], —
Процвѣтайте [і] въ тишинѣ;
Будьте матери героевъ
И подпорой твердой мнѣ!»

[а] Тѣ внималъ ...
Неудобны постигать (1804).
[б] На Каспійско лоно ...
[в] Пѣли, рѣзвились ... (1804).
[г] Иль улыбкою своей.
[д] Къ сирымъ взоръ ... (Рукоп.).
[е] Въ хрусталѣ ...
[ж] Пламенѣющій (1804).
[з] Столь отважиться кто ...
[и] Былъ бы вѣрный игръ сравнитель.
[і] Вы цвѣтите ... (Рукоп.).

---

[1] Въ день ангела императрицы Маріи Ѳеодоровны, 22 іюля.

Подъ дѣвичьимъ монастыремъ разумѣется учрежденное Екатериною II женское воспитательное заведеніе, которое до сихъ поръ извѣстно подъ именемъ *Смольнаго монастыря* * (ср. томъ I, стр. 485). Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, ввѣрилъ супругѣ своей управленіе какъ этимъ, такъ и многими другими учрежденіями. Она немедленно занялась улучшеніемъ Смольнаго монастыря во всѣхъ отношеніяхъ: изъ назначеннаго ей ежегоднаго дохода въ 1 милліонъ руб. опредѣлила 10 т. на перестройку зданія, увеличила число воспитанницъ, расширила кругъ ихъ занятій и отмѣнила заведенныя въ монастырѣ театральныя пред-

* Въ названіи *Смольнаго монастыря* слились два историческія воспоминанія. На томъ углу, гдѣ Нева южное свое теченіе перемѣняетъ на западное, былъ еще до основанія Петербурга, въ шведское время, дегтярный заводъ, отчего и стоявшая тутъ деревня называлась *Смольною*. Петръ В., упразднивъ заводъ, построилъ на этомъ мѣстѣ, для царевны Елисаветы Петровны, лѣтній домъ подъ именемъ *Смольнаго дворца*, который, по восшествіи ея на престолъ, обращенъ былъ въ *Новодѣвичій Воскресенскій монастырь* для 20 монахинь (1744). Черезъ двадцать лѣтъ Екатерина II учредила здѣсь *Общество для воспитанія благородныхъ дѣвицъ*, къ которому вскорѣ (1765) было присоединено еще отдѣленіе для *мѣщанскихъ дѣвушекъ*.

Digitized by Google

ставленія. Въ 1797 г. воспитывалось въ Смольномъ монастырѣ 300 благородныхъ дѣвицъ, поступавшихъ туда на 8-мъ или 9-мъ году, 200 мѣщанокъ, которыя принимались 10-и и 11-и лѣтъ отъ роду, и еще нѣсколько пенсіонерокъ. Благородное отдѣленіе раздѣлялось на три класса, а мѣщанское на два, и въ каждомъ классѣ воспитанницы оставались по три года; черезъ столько же времени происходилъ періодическій выпускъ ста дѣвицъ (Георги-Безакъ ч. I, стр. 117, и ч. II, стр. 390; Реймерсъ, ч. II, стр. 197).

Еще Екатерина II, посѣщая Смольный монастырь, обходилась съ воспитанницами его болѣе какъ мать, нежели какъ Императрица; Марія Өеодоровна, для которой благотворительность составляла истинную потребность сердца, простирала еще далѣе простоту своего обращенія съ монастырками. Въ праздникъ, бывшій поводомъ къ настоящему стихотворенію, государь посѣтилъ ихъ вмѣстѣ съ своею супругой.

Напечатано въ первый разъ отдѣльно, потомъ въ *Анакреонт. пѣсняхъ* 1804, стр. 21, и въ изд. 1808 г., ч. III, х.

[2] Зрѣлъ пернатыхъ онъ стада.

На нижней Волгѣ водяныя птицы яркобѣлаго цвѣта цѣлыми стаями садятся на песчаные берега и отмели.

Колпица, или *колпикъ*, см. томъ I, стр. 161. Картина, изображаемая здѣсь Державинымъ, была знакома ему съ дѣтства, которое онъ провелъ на Волгѣ и отчасти на Уралѣ, воспитываясь въ Оренбургѣ. На Уралѣ, около Каспійскаго моря, по выраженію Палласа, «птицъ находится несказанное множество, а наипаче весною и осенью» (*Путешествіе*, ч. I, стр. 624). Покойный С. Т. Аксаковъ, оставившій намъ столько картинъ того края, разсказываетъ по этому предмету, описывая рѣку Бугурусланъ въ половодье: «Въ самомъ дѣлѣ, то происходило въ воздухѣ, на землѣ и на водѣ, чего представить себѣ нельзя, не видавши, и чего увидѣть теперь уже невозможно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ я говорю, потому что нѣтъ такого множества прилетной дичи..... Всѣ берега полоевъ были усыпаны всякаго рода дичью; множество утокъ плавало по водѣ между верхушками затопленныхъ кустовъ, а между тѣмъ безпрестанно проносились большія и малыя стаи разной прилетной птицы: однѣ летѣли высоко, не останавливаясь; а другія — низко, часто опускаясь на землю; однѣ стаи садились, другія поднимались, третьи перелетывали съ мѣста на мѣсто: крикъ, пискъ, свистъ наполнялъ воздухъ. Не зная, какая это летитъ или ходитъ птица, какое ея достоинство, какая изъ нихъ пищитъ или свиститъ, — я былъ пораженъ, обезумленъ такимъ зрѣлищемъ» (*Дѣтскіе годы Багрова-внука*, М. 1858, стр. 338 и сл.).

[3] ... Какъ Марію — юны дѣвы принимали *и проч.*

Пріемъ, сдѣланный ими однажды Екатеринѣ II, описанъ въ *Собраніи новостей* за январь 1776. Императрица, проведя около года въ Москвѣ, возвратилась въ концѣ декабря 1775 въ Петербургъ, и первый ея выѣздъ, 30 числа, былъ въ Смольный монастырь. Тамъ, по случаю возвращенія Государыни въ столицу, было театральное представленіе: дѣвицы сыграли французскую комедію L'ambitieux и комическую оперу Le jar-

Digitized by Google

dinier supposé. По окончаніи зрѣлища онѣ «бросились» къ высокой посѣтительницѣ «съ такою горячностью, что чувства ихъ къ ней яко къ матери превозмогали почтеніе къ своей Государынѣ».

Пріемъ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, описанный Державинымъ, не могъ не быть искреннимъ. Выраженіе: Нѣжную Россіи мать было заслужено ею. Общій голосъ современниковъ свидѣтельствуетъ, что она посвящала всю свою дѣятельность заботамъ о благѣ человѣчества. Въ рѣчи, произнесенной 12 декабря 1828 года въ память ея, профессоръ дерптскаго университета Моргенштернъ, подробно излагая ея дѣятельность, замѣтилъ между прочимъ: «О ней можно по всей справедливости повторить то, что примѣняли къ филантропу Говарду: ему казалось, что ничего не сдѣлано, пока оставалось сдѣлать еще что-нибудь—

«Nil actum credens, dum quid superesset agendum».

(Zum Gedächtniss der Kaiserin Mutter, и проч., Рига и Лейпцигъ, 1829.)

Извѣстно, что Марія Θеодоровна, внимательно слѣдя за воспитаніемъ дѣвицъ, посѣщала ихъ еженедѣльно и часто присутствовала на ихъ урокахъ.

Такъ и Жуковскій воспѣваетъ Марію Θеодоровну,

. . . въ красѣ благотворенья
Сѣдящую безъ царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, питомицъ Провидѣнья.
Прелестный видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ тобою;
Тебя хотятъ младенческой игрою
И рѣзвостью невинной утѣшать;
Царицы нѣтъ — онѣ ласкаютъ мать *и проч.*

(*Къ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ*, 1813 г.)

[4] Рукъ издѣлія своихъ.

Она заботилась не объ одномъ умственномъ образованіи воспитанницъ: на мѣщанской половинѣ многіе предметы обученія (какъ-то: логика, геометрія, физика, музыка и проч.) были совсѣмъ отмѣнены, а на мѣсто ихъ введены рукодѣлія, особливо такія, которыя нужны для домашняго быта, и этой половинѣ дѣвицъ поручено шить бѣлье для всего заведенія.

[5] Со герои, съ героини.

Ср. въ томѣ I, стр. 392, стихъ: «Прострётъ со многоцѣнны дани», при которомъ уже было замѣчено, что такое окончаніе творительнаго падежа въ жен. р. несогласно съ формами церковно-славянскаго языка.

[6] Въ сокѣ розовомъ, перловомъ.

Перловомъ, т. е. жемчужномъ (перлъ—жемчугъ). Ср. томъ I, стр. 467, стихъ: «Въ семъ тонкомъ пологу, перловомъ».

[7] Зрѣлъ вокругъ его Весталей.

Форма *Весталы* не есть поэтическая вольность, но употреблялась и въ прозѣ: см. *Краткій миѳологическій словарь* Чулкова.

Digitized by Google

[8] ... земнороднымъ божествамъ — мать —

т. е. мать будущимъ царямъ. Ср. «земныхъ боговъ» въ одѣ *Властителямъ и судіямъ* (томъ I, стр. 71).

[9] День рожденья ихъ царицы.

Не рожденія, а именинъ. Эта ошибка повторена и въ *Объясненіяхъ* Державина. Императрица Марія Θеодоровна родилась 14 октября 1759, вступила въ бракъ 26 сентября 1776, скончалась 24 октября 1828.

[10] Я покоюсь послѣ боевъ.

Въ этомъ стихѣ выражена надежда прочнаго мира, которую внушала политика, принятая императоромъ Павломъ въ началѣ его царствованія (см. выше стр. 17 и 23), но вскорѣ имъ покинутая. Въ первое время по вступленіи своемъ на престолъ Государь при всякомъ случаѣ выражалъ самыя миролюбивыя намѣренія. Такъ Нарышкину, отправленному въ Берлинъ съ извѣстіемъ о воцареніи Павла I, поручено было объявить при этомъ желаніе его жить со всѣми державами въ дружбѣ и согласіи. Черезъ нѣсколько времени Императоръ писалъ прусскому королю Фридриху Вильгельму II: «Мнѣ всегда будетъ пріятно совѣщаться съ вами о положеніи дѣлъ. Скажу болѣе: врагъ нынѣшнихъ модныхъ философическихъ преобразованій, я намѣренъ условиться съ вами о способахъ положить предѣлъ всяческимъ потрясеніямъ государствъ, но уже избирая для того иныя средства, нежели тѣ, какими можно было остановить переворотъ въ его началѣ; а именно средства, сообразныя нынѣшнему состоянію Европы, стараясь возстановить миръ». Наконецъ къ стиху: «Я покоюсь послѣ боевъ» всего болѣе идутъ слѣдующія слова изъ депеши канцлера иностранныхъ дѣлъ, графа Остермана, къ дворамъ вѣнскому, лондонскому и берлинскому: «Россія, будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 года, есть потому единственная держава въ свѣтѣ, которая находилась сорокъ лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній» и проч. (*Исторія войны въ 1799 году*, т. I, стр. 23, 26 и 368). Болотовъ пишетъ: «Носилась повсемѣстная молва, что Государь въ самые первѣйшіе дни своего царствованія отзывался первѣйшему своему министру Безбородкѣ, а потомъ и публично многимъ другимъ, а особливо своимъ военноначальникамъ, что теперь нѣтъ ни малѣйшей нужды Россіи помышлять о распространеніи своихъ границъ, поелику она и безъ того довольно и предовольно обширна; а потому и онъ никакъ не намѣренъ распространять свои границы, а удержать ихъ вѣрно постарается и обидѣть себя никому не дастъ; и въ сходствіе того хочетъ онъ все содержать на военной ногѣ, но при всемъ томъ жить въ мирѣ и спокойствіи. Черта характера миролюбиваго и намѣреніе наиблаженнѣйшее изъ всѣхъ для Россіи!... Всѣ порадовались, сіе услышавъ, и молили Бога, чтобъ оное совершилось въ самомъ дѣлѣ; ибо намъ и дѣйствительно ничто такъ не нужно было, какъ миръ, спокойствіе и тишина» (*Рус. Архивъ* 1864, стр. 67).

Digitized by Google

13. ДАРЪ[1].

«Вотъ,» сказалъ мнѣ Аполлонъ: 1
«Я даю тебѣ ту лиру,
Коей нѣжный, звучный тонъ
Можетъ быть пріятенъ міру.
«Пой вельможей и царей, 2
Коль захочешь быть имъ нравенъ;
Лирою чрезъ нихъ ты сей
Можешь быть богатъ и славенъ.
«Если жъ пышность, санъ, богатство — 3
Не по склонностямъ твоимъ,
Пой любовь, покой, пріятство:
Будешь красотой любимъ».
Взялъ я лиру и запѣлъ, 4
Струны правду зазвучили:
Кто внимать мнѣ захотѣлъ?
Лишь красавицы внимали.
Я доволенъ, свѣта богъ, 5
Даромъ симъ твоимъ небеснымъ.
Я богатымъ быть не могъ;
Но я милъ женамъ прелестнымъ.

[1] Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 78, и въ изд. 1808, ч. III, xl.

---

14. РАЗВАЛИНЫ[1].

Вотъ здѣсь, на островѣ Киприды,
Великолѣпный храмъ стоялъ:
Столпы, подзоры, пирамиды[2]
И куполъ золотомъ сіялъ.
Вотъ здѣсь, дубами осѣненна,
Рѣзная дверь въ него была;
Зеленымъ свѣсомъ покровенна,
Вовнутрь святилища вела.
Вотъ здѣсь хранилися кумиры,
Дымились жертвой алтари,
Сбирались на молитву міры
И били ей челомъ цари[3].

Digitized by Google

Вотъ тутъ была уединенной
Поутру каждый день съ зарей,
Писала, какъ владѣть вселенной
И какъ сердца плѣнять людей.
Тутъ поставлялася трапеза,
Кругъ юныхъ дѣвъ и сонмъ жрецовъ;
Богатство разливалось Креза,
Сребро и злато средь столовъ;
Тутъ арфы звучныя гремѣли
И повторялъ ихъ хоръ пѣвцовъ;
Особо тутъ Сирены пѣли
И гласовъ сладостью, стиховъ,
Сердца и умъ обворожали;
Тутъ нектаръ изъ сосудовъ билъ;
Курильницы благоухали,
Зной лѣтній провѣвалъ зефиръ;
А тутъ крылатые служили
Полки прекрасныхъ мѣткихъ слугъ [4]
И отъ богининой носили
Руки амброзію вокругъ.
Она, тутъ сидя, обращалась
И всѣхъ къ себѣ влекла сердца;
Возставши, тихо поклонялась,
Блистая щедростью лица.
Здѣсь, въ полдень, уходила въ гроты [5],
Покоилась прохладъ въ тѣни;
А тутъ Амуры и Эроты
Уединялись съ ней одни.
Тутъ былъ эдемъ ея прелестный [6]
Наполненъ межъ купинъ цвѣтовъ;
Здѣсь текъ подъ синій сводъ небесный
Въ купальню скрытый шумъ ручьевъ;
Здѣсь былъ театръ, а тутъ качели,
Тутъ азіатскихъ домикъ нѣгъ;
Тутъ на Парнассѣ Музы пѣли;
Тутъ звѣри жили для утѣхъ;
Здѣсь въ разны игры забавлялась,
А тутъ прекрасныхъ Нимфъ съ полкомъ
Подъ вечеръ красный собиралась

Digitized by Google

Въ прогулку съ легкимъ посошкомъ;
Ходила по лугамъ, долинамъ,
По мягкой муравѣ, близъ водъ,
По желтымъ среди розъ тропинамъ[7];
А тутъ, затѣя хороводъ,
Велѣла Нимфамъ, Купидонамъ
Играть, плясать между собой
По слышимымъ пріятнымъ тонамъ
Вдали музыки роговой[8].
Они, кружась, рѣзвясь, летали,
Шумѣли, говорили вздоръ;
Въ зерцалѣ водъ себя казали,
Всѣмъ тѣшили богининъ взоръ;
А тутъ, оставя хороводы,
Верхомъ скакали на конькахъ[9],
Иль, въ лодкахъ разсѣкая воды,
Въ жемчужныхъ плавали струяхъ.
Киприда тутъ средь миртъ сидѣла,
Смѣялась, глядя на дѣтей;
На восклицающихъ смотрѣла
Поднявшихъ крылья лебедей[10],
Иль на станицу сребробокихъ
Ей милыхъ, сизыхъ голубковъ,
Или на пестрыхъ, красноокихъ
Ходящихъ рыбъ среди прудовъ,
Иль на собачекъ, ей любимыхъ,
Хвосты несущихъ вверхъ кольцомъ,
Другъ другомъ съ лаяньемъ гонимыхъ,
Мелькающихъ между лѣскомъ.
А здѣсь, исполнясь важна вида,
На памятникъ своихъ побѣдъ
Она смотрѣла — на Алкида[11],
Какъ гидру палицей онъ бьетъ;
Какъ прочіе ея герои,
По манію ея очесъ,
Въ ужасные вступали бои
И тьмы подѣлали чудесъ:
Приступомъ грады тверды брали,
Сжигали флоты средь морей,

Престолы, царства покоряли
И въ плѣнъ водили къ ней царей.
Здѣсь въ внутренни она чертоги
По лѣстницѣ отлогой шла [12],
Куда гостить ходили боги
И гдѣ она всегда стрегла
Тотъ поясъ, въ небѣ ей истканный,
На коемъ межъ Харитъ съ ней жилъ
Тотъ хитрый Геній, изваянный,
Который счастье ей дарилъ,
Во всѣхъ ея дѣлахъ успѣхи,
Трофеи мира и войны,
Здоровье, радости и смѣхи
И легкіе, пріятны сны.
Въ семъ теремѣ, Олимпу равномъ,
Изъ яшмъ прозрачныхъ, перловъ гнѣздъ [13],
Художествомъ различнымъ славномъ,
Горѣли ночью тучи звѣздъ,
Красу богини умножали
И такъ средь сихъ блаженныхъ мѣстъ
Ее, какъ солнце, представляли ...
Но здѣсь ея ужъ нынѣ нѣтъ:
Померкъ красотъ волшебныхъ свѣтъ;
Все тмой покрылось, запустѣло;
Все въ прахъ упало, помертвѣло.
Отъ ужаса вся стынетъ кровь,
Лишь плачетъ сирая Любовь.

[1] Ломоносовъ, Державинъ, Жуковскій и особенно Пушкинъ воспѣвали Царское Село. Въ 10-й одѣ своей Ломоносовъ, по поводу оказанной ему тамъ милости, говоритъ между прочимъ отъ имени рѣчки Славянки:

«Какъ если зданіемъ прекраснымъ
Умножить должно звѣздъ число,
Созвѣздіемъ являться яснымъ
Достойно *Сарское Село*».

Державинъ посвятилъ ему два стихотворенія. Первое (*Прогулка въ Сарскомъ селѣ*, см. томъ I, стр. 301) представляетъ это мѣсто въ эпоху славы его, второе — при императорѣ Павлѣ, когда опустѣвшее и забытое Царское Село стало приходить въ упадокъ. Въ четырехлѣтнее свое царствованіе Павелъ I прожилъ здѣсь только двѣ недѣли, лѣтомъ 1800 года, и въ это время ежедневно производилъ смотръ гвардіи на большомъ двор-

Digitized by Google

цовомъ дворѣ, который прежде устланъ былъ прекраснымъ дерномъ, а теперь былъ усыпанъ густымъ слоемъ песку и превращенъ въ плацъ-парадъ*. Впрочемъ императоръ Павелъ, отчисливъ отъ Царскаго Села къ Павловску нѣкоторыя большія села, не уменьшилъ суммы въ 30,000 руб., которая при Екатеринѣ II ежегодно отпускалась на царскосельскіе сады и зданія (Реймерса St. Petersburg и проч., ч. II, стр. 384). Поэтъ изображаетъ Царское Село аллегорически въ видѣ острова Киприды, разумѣя подъ этимъ именемъ Екатерину II. Такимъ образомъ онъ еще и по смерти ея возвращается къ идеалу, возбудившему его вдохновеніе въ лучшую пору жизни. «Державинъ», замѣтилъ одинъ критикъ, «въ прелестномъ стихотвореніи своемъ *Развалины* воспѣлъ не Царское Село, не китайскіе домики, не качели, а Екатерину, воспоминаніемъ о которой одушевленъ каждый камень въ семъ жилищѣ мудрости и величія» (Разборъ *Садовъ* Делиля въ переводѣ Воейкова, *Сынъ Отеч.* 1817 г., ч. 35, № III, стр. 117).

Есть на французскомъ языкѣ вольный переводъ *Развалинъ* или, вѣрнѣе, подражаніе, сдѣланное г-жей Свиньиной и изданное въ Москвѣ 1818 г.

Эти стихи Державина были въ 1-й разъ напечат. отдѣльно въ Саксоніи гр. Алексѣемъ Григ. Орловымъ, который былъ высланъ изъ Россіи императоромъ Павломъ (*Об.* Д); потомъ въ изд.: *Анакреон. пѣсней* 1804 г., стр. 30, и 1808 г., ч. III, xi.

² Столпы, подзоры, пирамиды И куполъ золотомъ сіялъ.

«Великолѣпнымъ храмомъ» названъ дворецъ, котораго крыша и нѣкоторыя наружныя украшенія дѣйствительно были вызолочены. Впрочемъ крыша едва ли не была закрашена еще при самой Екатеринѣ. По крайней мѣрѣ, въ Царскосельскомъ лицеѣ уже съ 1811 года ходилъ анекдотъ, что когда позолота начала сходить, то жиды предложили 40 т. руб. за право соскрести ее; но Императрица отвѣчала «qu'elle ne vendait pas ses vieilles hardes» и велѣла закрасить крышу въ зеленый цвѣтъ (Баронъ М. Корфъ)**. Слѣды позолоты вокругъ оконъ и на каріатидахъ у стѣнъ

* «Императоръ Павелъ сначала совершенно забросилъ Царское Село и на поддержаніе его никакихъ суммъ не велѣлъ отпускать; все начало глохнуть, порастать крапивой, покрываться тиной, портиться, валиться, и сіе грозящее разрушеніе пѣвецъ Екатерины, Державинъ, грустно изобразилъ въ стихахъ своихъ подъ названіемъ *Развалины*. Окружающимъ Павла I жалко стало русскаго Версаля, и они склонили въ іюлѣ 1800 года въ него переѣхать. Онъ прожилъ тутъ до сентября, нашелъ мѣсто сіе очаровательнымъ, гораздо лучше Павловска, и объявилъ намѣреніе свое каждое лѣто проводить въ немъ по два мѣсяца. Онъ не могъ это исполнить: въ мартѣ его не стало» (*Воспоминанія* Вигеля, *Русск. Вѣстн.*, 1864, № 8, стр. 515).

** Яковкинъ отвергаетъ слухъ, «будто *кровля* дворцоваго зданія была позолочена». Впрочемъ Державинъ этого и не говоритъ; церковный же *куполъ* надъ дворцомъ или, вѣрнѣе, пять его главъ сіяли золотомъ до пожара 1863 г., и вскорѣ опять явились въ томъ же видѣ. На счетъ наружныхъ украшеній на стѣнахъ Яковкинъ замѣчаетъ: «Прежде, при яркомъ солнечномъ сіяніи, на дворецъ открытыми глазами никакъ и смотрѣть было не возможно» (*Описаніе Села Царскаго*, Спб. 1830, стр. 77. Ср. у Лом.: (Славянка) *Златые кровы* окомъ мѣритъ (Соч. его, т. I, стр. 110).

Digitized by Google

сохранялись еще много лѣтъ, и только по вступленіи на престолъ императора Николая она окончательно замѣнена желтой краской. *Подзоръ* — доска, или навѣсецъ надъ окнами (Акад. *Словарь*, Спб. 1847).

[3] И били ей челомъ цари.

Ср. томъ I нашего изданія, стр. 210 и 380. Въ предыдущихъ и послѣдующихъ стихахъ описываются разныя комнаты и отдѣлы большаго дворца, между прочимъ колоннада, на которой стоятъ статуи знаменитыхъ мужей, и кабинетъ Императрицы. «Въ первыхъ числахъ мая она выѣзжала всегда инкогнито въ Царское Село, откуда въ сентябрѣ также инкогнито въ Зимній дворецъ возвращалась. Въ Царскомъ Селѣ пребываніе имѣла въ покояхъ довольно пространныхъ и со вкусомъ убранныхъ. Всѣмъ извѣстна великолѣпная галлерея, въ которой Государыня иногда прохаживалась, особливо въ воскресные дни, когда садъ наполненъ былъ множествомъ пріѣзжаго изъ С-Петербурга народа; дѣла же слушала или въ кабинетѣ, или въ спальнѣ» (*Зап. Грибовскаго*, стр. 24). Она видѣла «у ногъ своихъ господарей, кавказскихъ владѣтелей, гонимыхъ фамилій государей, пріѣзжавшихъ просить у нея помощи или убѣжища» (тамъ же, стр. 37).

[4] Полки прекрасныхъ мѣткихъ слугъ.

Мѣткихъ, потому что Киприде прислуживали Эроты, вооруженные стрѣлами. Въ *Анакр. пѣсняхъ* — «мёткихъ», въ изд. 1808 «меткихъ», но эта орѳографія, предпочитаемая нѣкоторыми и теперь, ошибочна: мѣтокъ не тотъ, кто ловко *метаетъ*, а кто вѣрно *мѣтитъ* и попадаетъ въ *мѣту*.

[5] Здѣсь въ полдень уходила въ гроты.

Одна изъ каменныхъ бесѣдокъ на берегу большаго пруда съ старомъ царскосельскомъ саду, построенная еще при Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1750 г., называется *гротомъ*. Она вмѣщала въ себѣ разныя скульптурныя произведенія и издѣлія. Но въ началѣ царствованія императора Павла, въ 1797 г., большая часть этихъ драгоцѣнныхъ украшеній была взята оттуда, по его повелѣнію, въ разныя мѣста. При Екатеринѣ II эта бесѣдка стала называться *Утреннею залою*, потому что Императрица иногда занималась здѣсь въ утренніе часы для прохлады (И. Яковкинъ, *Описаніе Села Царскаго*, Спб. 1830, стр. 84).

[6] Тутъ былъ эдемъ ея прелестный *и проч.*

Подъ этими словами должно разумѣть цвѣтной садикъ возлѣ колоннады, огороженный желѣзною рѣшеткой. Купальня до сихъ поръ составляетъ четвероугольное продолговатое строеніе безъ крыши; туда въ деревянный бассейнъ свѣтлая ключевая вода течетъ подземными трубами. Далѣе рѣчь идетъ о разныхъ постройкахъ и другихъ принадлежностяхъ Александровскаго сада, такъ названнаго по имени дворца, начатаго въ немъ 1792 г. для вел. князя Александра Павловича. На мѣстѣ этого парка былъ прежде, еще съ 1721 г., звѣринецъ, который впослѣдствіи, при Елисаветѣ Петровнѣ, былъ обнесенъ каменною стѣною и гдѣ дѣйствительно *жили звѣри:* въ началѣ тутъ были насажены олени и лоси, пойманные въ окресностяхъ мызы *Сари* * (откуда возникло *Сарское Село*).

* Финское слово *saari*, встрѣчающееся во многихъ названіяхъ чудскихъ

Digitized by Google

Стѣна отдѣляла садъ отъ звѣринца и шла за канавой, черезъ которую ведетъ мостъ съ драконами. При Александрѣ I, въ 1818 г., каменную стѣну велѣно было разобрать, и звѣринецъ обращенъ въ паркъ. Здѣсь въ 1778 былъ построенъ театръ, или *оперный домъ;* какъ онъ, такъ и многія другія постройки около него — въ китайскомъ вкусѣ. *Качели* разнаго рода, вмѣстѣ съ другими увеселеніями, находились при такъ называвшемся *карусели*, устроенномъ на уступахъ близъ нынѣшней гранитной террасы и существовавшемъ до 1809 г. (около *катальной горы*, см. томъ I, стр. 526). На мѣстѣ теперешней террасы Екатерина II въ 1795 году повелѣла устроить *огромную свѣтлую галлерею*, и уже стѣны были выведены до верху; но по кончинѣ Государыни строеніе до основанія разобрано и матеріалы развезены къ начатому тогда въ Петербургѣ Михайловскому зàмку, въ Павловскъ и въ другія мѣста. Взамѣнъ неконченной галлереи сдѣлана въ 1807 году гранитная терраса (И. Яковкинъ, *Описаніе Села Царскаго*, стр. 119). *Азіатскихъ домикъ* нѣтъ означаетъ *Китайскую бесѣдку* или *Турецкую кіоску*. *Парнассомъ* называется земляная гора противъ театра, на вершину которой ведетъ извивающійся вокругъ нея довольно широкій всходъ.

[7] По желтымъ среди розъ тропинамъ.

Около круглой непокрытой бесѣдки, или ротонды, между нынѣшней террасой и Орловскими воротами, совершенно насупротивъ (только черезъ воду) дубовой рощи находилось такъ называвшееся *розовое поле*, усаженное вдоль дорожекъ грунтовыми розовыми кустами. Послѣ Екатерины II тамъ перестали сажать розы, но названіе мѣста оставалось еще долго въ употребленіи: его помнятъ первые воспитанники лицея, которыхъ въ свободные часы водили туда за неимѣніемъ въ то время особеннаго сада при заведеніи. «На розовомъ полѣ, помнится, и мы еще застали розы, да и теперь еще растетъ шиповникъ. Запрещеніе ходить по травѣ существовало въ Царскомъ Селѣ и при насъ, и потому Александръ Павловичъ велѣлъ отвести намъ, въ видѣ исключенія, не только собственно *розовое поле*, но и весь обширный лугъ, стелющійся оттуда до Большаго Каприза» (Баронъ М. Корфъ).

[8] Вдали музыки роговой.

Роговая музыка (томъ I, стр. 97), изобрѣтена С. К. Нарышкинымъ съ помощію придворнаго музыканта Мареша въ 1751 г. Это — родъ живаго оргàна. Длина каждаго рога не одинакова (отъ 5 до 10-ти футовъ). Оркестръ въ послѣднее время состоялъ изъ 60 человѣкъ: каждый имѣлъ только одну ноту, а остальное на его листѣ были паузы, которыхъ такты онъ считалъ, пока придетъ его нота. Точность, съ какою этимъ способомъ выполнялись труднѣйшія музыкальныя сочиненія, изумительна. Капеллы роговой музыки были у знатныхъ людей и въ нѣкоторыхъ полкахъ (Георги-Безакъ, ч. III, стр. 649). Ср. у Ломоносова 48-ую надпись.

поселеній, значитъ мѣсто, возвышенное надъ окрестною равниной, собственно же островъ. О названіи *Сарское Село* см. томъ I, стр. 303.

Digitized by Google

[9] Верхомъ скакали на конькахъ.

Здѣсь говорится объ одной изъ забавъ, входившихъ въ составъ карусели. Подобное можно еще и теперь видѣть въ Павловскѣ около *розоваго павильйона*. Дѣти, которыхъ собирали для игры въ присутствіи Государыни, принадлежали къ семействамъ ея приближенныхъ. Все это Державинъ видѣлъ вблизи, когда служилъ при Екатеринѣ II.

[10] Поднявшихъ крылья лебедей *и проч.*

Лебеди царскосельскихъ прудовъ — одно изъ украшеній великолѣпнаго сада. Не даромъ ихъ прославили въ своихъ пѣсняхъ Державинъ, Пушкинъ и Жуковскій. Присутствіе *голубковъ* объясняется двумя *птичными домами*, построенными въ 1774 г. на берегу большаго пруда по обѣ стороны адмиралтейства. Память *любимыхъ собачекъ* Екатерины сохраняютъ французскія надписи на трехъ мраморныхъ доскахъ надъ мѣстомъ ихъ погребенія за гранитною пирамидою близъ мраморнаго моста. Одна изъ этихъ эпитафій написана Сегюромъ (см. его Mémoires и проч., т. II, стр. 33, и Пекарскій, *Зап. Ак. Н.*, т. III, Прилож. 6, стр. 70).

[11] Она смотрѣла на Алкида.

Передъ каменнымъ крыльцомъ, ведущимъ на колоннаду, по обѣ стороны его, стоятъ двѣ колоссальныя бронзовыя статуи Геркулеса и Флоры, отлитыя въ 1785 и 1786 г. съ антиковъ при Академіи Художествъ. Однакожъ здѣсь разумѣется вовсе не эта статуя Геркулеса Фарнезскаго, а монументъ Орлова Чесменскаго — *памятникъ побѣдъ Екатерины*, воздвигнутый въ видѣ ростральный колонны на царскосельскомъ озерѣ. Алкиду, поражающему палицей гидру, уподобленъ побѣдитель конечно по идеѣ медали, изображающей этотъ предметъ и срисованной Оленинымъ для стихотворенія *Флотъ* (томъ I, стр. 478). Затѣмъ выраженіе: «Какъ *прочіе* ея герои ... сжигали флоты средь морей», безъ сомнѣнія неточно; но о точности поэтъ и не могъ слишкомъ заботиться въ картинныхъ воспоминаніяхъ о славной Императрицѣ. Памятники, поставленные Екатериною въ царскосельскомъ саду, прославляютъ собственно только два имени — Румянцова и Орловыхъ, троихъ братьевъ. Памятникъ Ланскому, не имѣющій никакой надписи (въ рощѣ, отшедшей теперь къ собственному саду Государя Императора), сюда не относится. «Графу Орлову», говорила Екатерина, «одолжена я частію блеска моего царствованія, ибо онъ присовѣтовалъ послать флотъ въ Архипелагъ. ... Фельдмаршалу Румянцову должна я побѣдами; вотъ что только я ему сказала: г. Фельдмаршалъ! дѣло доходитъ до драки; лучше побить, чѣмъ самому быть побитымъ» (*Зап. Грибовскаго*, стр. 40 и слѣд.). Въ послѣднее время жизни Потемкина было предположеніе воздвигнуть и ему памятникъ въ царскосельскомъ саду; но смерть его предупредила исполненіе этой мысли, которая послѣ не возобновлялась.

[12] По лѣстницѣ отлогой шла.

Императрица, чувствуя съ приближеніемъ старости слабость въ ногахъ, велѣла устроить (1793) изъ втораго этажа дворца *пологій спускъ*, утвержденный на семи понижающихся аркахъ (Яковкинъ).

Digitized by Google

[13] Изъ яшмъ прозрачныхъ, перловъ гнѣздъ.

Гнѣздами перловъ Державинъ назвалъ *перломутръ*, переведя такимъ образомъ нѣмецкое составное слово *Perlemutter*, изъ котораго образовано наше. Дѣйствительно, слово *гнѣздо* совершенно соотвѣтствуетъ нѣмецкому Mutter, въ значеніи углубленія или впадины, куда что вкладывается. Ср. съ этимъ мѣстомъ стихи 45 и 46 *Видѣнія Мурзы* (томъ I, стр. 107).

Въ царскосельскомъ дворцѣ есть комнаты, въ которыхъ стѣны покрыты дощечками изъ драгоцѣнныхъ каменныхъ породъ, между прочимъ яшмовыми; въ одной полъ выложенъ перломутромъ и рѣдкими родами деревъ. Другая большая комната обита янтарными дощечками, которыя прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I (царств. 1713 — 1740) подарилъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; взамѣнъ ихъ онъ получилъ отъ нея 80 рослыхъ рекрутъ (Георги-Безакъ *Опис. Спб.*, ч. III, стр. 689). Стѣны янтарной комнаты убраны и многими выпуклыми орнаментами изъ янтаря. Пожаръ 1820 года дошелъ (отъ церкви) до этой комнаты, но остановился передъ нею, благодаря кирпичной закладкѣ дверей, тутъ же наскоро сдѣланной (Баронъ М. Корфъ). Съ Олимпомъ еще и Ломоносовъ въ названной выше одѣ 10-й сравнилъ царскосельскій дворецъ, сказавъ въ началѣ ея про себя: «На верхъ Олимпа вознесенъ!»

Двѣ надписи Ломоносова (44 и 47) также воспѣваютъ красоты Царскаго Села.

---

15. ЖЕЛАНІЕ [1].

Къ богамъ земнымъ сближаться 1
Ничуть я не ищу
И больше возвышаться
Никакъ я не хочу.
Душѣ моей покою 2
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

[1] Относится къ второй супругѣ поэта, Дарьѣ Алексѣевнѣ (томъ I, стр. 408). Объ отсутствіи буквы *р* въ этой пьесѣ см. ниже стр.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г. стр. 75, и въ изд. 1808, ч. III, XLI.

---

16. КАПНИСТУ [1].

Спокойства проситъ отъ Небесъ 1
Застиженный въ Каспійскомъ [a] морѣ,
Коль скоро ни луны, ни звѣздъ
За тучами не зритъ, и вскорѣ

Digitized by Google

Ждетъ корабельщикъ бѣдъ отъ бурь;
Спокойства проситъ Персъ пужливый,
Туркъ гордый, Россъ властолюбивый
И въ ризѣ шелковой Манжуръ [2].
Покою, мой Капнистъ! покою, 2
Котораго нельзя купить
Казной серебряной, златою,
И багряницей замѣнить.
Сокровищми всея вселенной [в]
Не можетъ отъ души смятенной
И самый царь отгнать заботъ [3],
Толпящихся вокругъ воротъ.
Счастливъ тотъ, у кого на столѣ, 3
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительскіе хлѣбъ и соль
Поставлены, и сонъ пріятный
Когда не отнятъ у кого
Ни страхомъ, ни стяжаньемъ подлымъ:
Кто малымъ можетъ быть довольнымъ,
Богаче Креза самого.
Такъ для чего жъ въ толь краткой жизни 4
Метаться намъ туды, сюды,
Въ другія земли изъ отчизны
Скакать отъ скукъ или бѣды [г]
И чуждымъ солнцемъ согрѣваться [4]?
Отъ пепелища удаляться,
Отъ родины своей кто мнитъ,
Тотъ самого себя бѣжитъ [5].
Заботы наши и бѣды 5
Вездѣ послѣдуютъ за нами,
На корабляхъ чрезъ волны, льды
И конницы за тороками [д];
Быстрѣй оленей и погодъ,
Стадами облаки женущихъ,
Летятъ онѣ и всюду сущихъ
Терзаютъ человѣковъ родъ.
О! будь судьбѣ твоей послушнымъ, 6
Престань о будущемъ вздыхать;
Веселымъ нравомъ, равнодушнымъ

Digitized by Google

Умѣй и горесть услаждать.
Довольнымъ быть, неприхотливымъ,
Сіе то есть, что быть счастливымъ;
А совершенныхъ благъ въ сей вѣкъ
Вкушать не можетъ человѣкъ.

Вѣкъ Задунайскаго увялъ[6], 7
Достойный въ памяти остаться;
Рымникскаго печаленъ сталъ!
Сей мужъ, рожденный прославляться,
Проводитъ нынѣ мрачны дни:
Чего жъ не приключится съ нами[е]?
Что мнѣ предписано судьбами,
Тебѣ откажутъ въ томъ они.

Когда въ Обуховкѣ[7] стремятся[ж] 8
Твоей стада, блея, на лугъ,
Съ зеленаго холма глядятся
Въ текущій стклянный Пселъ вокругъ;
Когда волы и кобылицы,
Четвероместной колесницы
Твоей краса и честь плуговъ,
Блестятъ, и садъ твой — тьмой плодовъ;

Когда тебя въ темнозелену[8], 9
Подругу въ пурпурову шаль
Твою я вижу облеченну,
И прочь бѣжитъ отъ васъ печаль;
Какъ вкругъ васъ радости и смѣхи[з],
Невинны сельскія утѣхи,
И хоры дѣвъ поютъ весну;
То скука васъ не шлетъ ко сну.

А мнѣ Петрополь населять 10
Когда велитъ судьба съ Миленой[9],
Къ отрадѣ домъ дала и садъ
Сей жизни скучной, развлеченной[и],
И нѣкую поэта тѣнь,
Да правду возглашу святую:
Умѣй презрѣть и ты златую,
Злословну, площадную чернь[10].

[а] ... въ Балтійскомъ ... (Рукоп.).
[б] ... судовщикъ бѣды ...

в Сокровища всея вселенной,
Власть царска отъ души смятенной
Не могутъ отогнать заботъ.
г Скакать отъ скуки и бѣды.
д За конными сидятъ полками;
Быстрѣй еленей и погодъ,
По небу облака женущихъ,
Повсюду человѣковъ сущихъ
Онѣ терзаютъ въ родъ и родъ.
е Чего жъ не можетъ статься съ нами?
ж Въ Обуховкѣ твоей стремятся
Стада съ блеяніемъ на лугъ,
Съ зеленаго холма глядятся
Въ стеклянный Пселъ, текущій вкругъ.
Волы британски *, кобылицы —
Четвероместной колесницы
Краса и честь твоихъ плуговъ;
О, сколько у тебя плодовъ!
Тебя въ волну темнозелену,
Подругу въ золотую шаль ...
з Невинныя вкругъ васъ утѣхи,
Забавы, пляски, игры, смѣхи,
Хоръ дѣвъ поетъ теперь весну
И скука не зоветъ ко сну.
А мнѣ судьба столичный градъ
Велѣла населять съ Миленой.
и Сей жизни суетной, стѣсненной,
Поэзій ** нѣкотору тѣнь,
Чтобъ правду воспѣвать святую,
Духъ твердый презирать златую ...

---

[1] Василій Васильевичъ Капнистъ (род. 1757, ум. 28 октября 1824) былъ однимъ изъ самыхъ старинныхъ друзей Державина, хотя и моложе его четырнадцатью годами. Они сошлись какъ товарищи по Преображенскому полку, въ который Капнистъ перешелъ изъ Измайловскаго въ

* У Капниста былъ старшій братъ, Петръ, англоманъ. Онъ былъ красавецъ собой и служилъ въ гвардіи. Узнавъ, что его замѣтила императрица Екатерина, онъ ни за что не захотѣлъ продолжать службу и уѣхалъ въ Англію, гдѣ оставался до воцаренія Павла. Оттуда онъ привезъ съ собой молодую жену, прелестную англичанку, съ которою и поселился въ Малороссіи. Она никогда не могла выучиться по-русски и, будучи отличной хозяйкой, очень затруднялась тѣмъ, что ея не понимали. «Жизнь Петра Васильевича протекала въ уединеніи, посвященная единственно благу семьи и ближнихъ. Управляя общимъ имѣніемъ, онъ только и думалъ о томъ, какъ бы улучшить и облегчить участь крестьянъ своихъ, надѣлялъ ихъ землею, сколько желали, назначалъ за нее цѣну самую ничтожную, по 1 руб. асс. за десятину, и такимъ образомъ сдѣлалъ ихъ всѣхъ оброчными, не терпя никогда барщинной работы» (Изъ неизданныхъ *Записокъ* сестры его, Софьи Вас. Скалонъ). У него было еще имѣніе близъ Судака, на южномъ берегу Крыма, гдѣ онъ и умеръ.

** Объ окончаніи слова *поэзій* см. томъ I, стр. 35.

Digitized by Google

1772 году. Слѣды ихъ литературныхъ сношеній обнаруживаются очень рано въ рукописяхъ нашего поэта: съ 1778 г. они оба сдѣлались сотрудниками *С-петерб. Вѣстника* и въ это время иногда работали вмѣстѣ (см. нашъ томъ I, стр. 493). Въ *Объясненіяхъ* своихъ Державинъ упоминаетъ, что Капнистъ участвовалъ въ отдѣлкѣ оды *Успокоенное невѣріе*, писанной въ 1779 году (тамъ же. стр. 46) и уже съ тѣхъ поръ, слѣдовательно гораздо ранѣе чѣмъ Дмитріевъ, будущій авторъ *Ябеды* сдѣлался строгимъ критикомъ и совѣтникомъ пѣвца *Фелицы*. Не обладая такимъ самобытнымъ талантомъ, какъ Державинъ, Капнистъ далеко превосходилъ его въ школьномъ образованіи, въ знаніи теоріи искусства, въ версификаціи, въ знакомствѣ съ иностранными языками и даже въ правильномъ употребленіи русскаго, хотя онъ и не могъ, до самой старости, вполнѣ освободиться отъ слѣдовъ своего малоросійскаго происхожденія не только въ выговорѣ, но и на письмѣ (наприм. онъ часто писалъ *ы* вмѣсто *и*). Въ I-мъ томѣ настоящаго изданія мы въ разныхъ мѣстахъ * уже представили доказательства того, какъ дорожилъ Державинъ замѣчаніями Капниста. Между прочимъ мы привели цѣлое стихотвореніе (*Ласточка*) въ передѣланной послѣднимъ редакціи и выписали изъ одного письма Державина нѣсколько строкъ, въ которыхъ онъ выражаетъ намѣреніе поручить Капнисту надзоръ за будущимъ изданіемъ своихъ сочиненій. Такою близостію между обоими поэтами достаточно объясняется сходство направленія въ поэзіи того и другаго. Подобно Державину, Капнистъ былъ друженъ съ Н. А. Львовымъ, съ которымъ онъ сошелся вѣроятно еще прежде чѣмъ съ Державинымъ, именно въ Измайловскомъ полку; Капнистъ такъ же какъ и Львовъ учился въ школѣ этого полка, а впослѣдствіи они породнились, женившись на двухъ сестрахъ, Дьяковыхъ. Жена Капниста, Александра Алексѣевна (см. томъ I, стр. 367 и слѣд.), была образованнѣе своихъ сестеръ, получивъ воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ. Съ 1795 года Державинъ сталъ свояκомъ обоихъ друзей (тамъ же, стр. 408) и слѣдовательно въ настоящемъ стихотвореніи обращается къ Капнисту уже какъ къ родственнику. Къ сожалѣнію, обстоятельства жизни Капниста до сихъ поръ очень мало извѣстны: самыя подробныя, но все еще крайне неполныя біографическія свѣдѣнія о немъ изложены въ *Словарѣ* Бантышъ-Каменскаго (Спб., 1847, ч. II) **. Какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей литературы Екатерининскаго и послѣдующаго времени, онъ бы заслуживалъ болѣе удовлетворительной біографіи. Изъ пятерыхъ дѣтей его еще живы Софья Васильевна, въ замужствѣ Скалонъ, и Алексѣй Васильевичъ Капнистъ; оба живутъ въ Малороссіи, послѣдній въ родовомъ имѣніи Обуховкѣ, извѣстномъ по стихамъ покойнаго поэта. Изъ двухъ умершихъ сыновей Василія Василье-

* См. Предисловіе, стр. XII, XVI и слѣд., также примѣчанія къ одамъ *Величество Божіе*, *На коварство*, *На взятіе Измаила*, *Любителю художествъ* и приложеніе 1 къ *Ласточкѣ*.

** Ср. *Воспоминаніе о Капнистѣ* Н. Горчакова въ *Москвитянинѣ* 1846, № 7, *Смѣсь*, также *Похвальное слово* Капнисту въ *Трудахъ Общ. люб. росс. слов.* т. XXVII, и въ *Атенеѣ* 1828, № 5.

Digitized by Google

вича старшій, Семенъ, пріѣхавъ въ Петербургъ на службу года за три до смерти Державина, жилъ съ тѣхъ поръ въ домѣ его, какъ любимый его племянникъ; онъ умеръ въ 1845 г. директоромъ училищъ Полтавской губерніи. Другой, Иванъ Васильевичъ, былъ московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а напослѣдокъ сенаторомъ и умеръ въ 1860 году. Отъ всѣхъ троихъ есть сыновья. Въ то время, когда написано посланіе Державина, Капнистъ былъ въ Петербургѣ, куда пріѣзжалъ по тяжбѣ съ своимъ сосѣдомъ, помѣщикомъ Тарновскимъ*. Этотъ-то процессъ и послужилъ ему поводомъ къ сочиненію *Ябеды*, которая явилась въ слѣдующемъ году. Около того же времени императоръ Павелъ повелѣлъ выслать изъ столицы всѣхъ неслужащихъ дворянъ. Тогда Капнистъ, имѣя по дѣламъ надобность остаться въ Петербургѣ, просилъ Л. А. Нарышкина доставить ему службу и былъ опредѣленъ при дирекціи театровъ; однакожъ онъ только года два занималъ это мѣсто (слышано 1859 г. отъ Ивана Вас. и 1863 отъ Алексѣя Вас. Капниста).

Въ началѣ пьесы и далѣе въ разныхъ мѣстахъ ея видно подражаніе Горацію,— 16-ой одѣ кн. II (см. выше стр. 24). Дмитріевъ также подражалъ этой одѣ. Но здѣсь-то и видна особенность Державина: онъ почти никогда не ставилъ себѣ цѣлью подражаніе или переводъ, а когда заимствовалъ у другихъ поэтовъ, то обыкновенно съ примѣненіемъ къ избранному имъ самимъ сюжету, взятому изъ дѣйствительной жизни, и съ подчиненіемъ чужаго своему.

Стихи *Капнисту* были напечатаны въ изданіи 1808 г., ч. II, xxiv.

[2] И въ ризѣ шелковой Манжуръ.

У И. И. Дмитріева началу оды Горація соотвѣтствуетъ слѣдующая строфа:

«Пловецъ подъ тучею нависшей,
Игралище морскихъ валовъ,
Не зря звѣзды, ему свѣтившей,
Покоя проситъ у боговъ.
Къ покою простираетъ длани
И Мидіи роскошный сынъ
И мужественный витязь въ брани
Пространныхъ Ѳракіи долинъ».

[3] ... И самый царь отгнать заботъ.

У Дмитріева: «И ревность ликторовъ не можетъ
Отгнать отъ нихъ (*отъ сильныхъ*) заботы, страхъ».

[4] И чуждымъ солнцемъ согрѣваться?

Капнистъ сбирался, по окончаніи своихъ дѣлъ въ Петербургѣ, ѣхать въ чужіе краи (*Об.* Д.).

[5] Тотъ самого себя бѣжитъ.

У Дмитріева: «Мать-родину свою оставишь,
Но отъ себя не убѣжишь».

* Оставляемъ это свѣдѣніе на отвѣтственности тѣхъ, отъ кого получили его: изъ переписки Капниста съ Державинымъ (п. 22 марта 1786 г.) видно, что дѣло съ Тарновскимъ производилось еще въ 1780-хъ годахъ (См. томъ V).

Digitized by Google

Г. Фетъ такъ перевелъ соотвѣтствующее этому мѣсто Горація:

«Что намъ бросаться-то въ жизни юдольной?
Что жъ на чужбину такъ рвешься ты, странникъ?
Гдѣ-то себя самого добровольный
Кинешь изгнанникъ?
Горе въ корабль за тобою, порочный!
Въ конномъ строю злое горе съ тобою,
Лани быстрѣй и быстрѣе восточной
Тучи съ грозою».

Въ подлинникѣ: Quid brevi fortes jaculamur aevo
Multa? quid terras alio calentes
Sole mutamus? patriae quis exsul
Se quoque fugit?» и проч.

Ср. ниже, подъ 1798 г., примѣчанія къ одѣ *О удовольствіи.*

[6] Вѣкъ Задунайскаго увялъ *и проч.*

Румянцовъ-Задунайскій (род. 1725) умеръ черезъ мѣсяцъ послѣ Екатерины II, 8 декабря 1797 г. О Суворовѣ см. выше, стр. 27, примѣч. 13.

[7] Когда въ Обуховкѣ стремятся *и проч.*

Обуховка, деревня Полтавской губерніи Миргородскаго уѣзда на рѣкѣ Пслѣ, впадающей въ Днѣпръ, по положенію своему одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ въ Малороссіи. Обуховка была пожалована Елисаветою Петровною отцу Капниста Василію Петровичу, который въ чинѣ бригадира убитъ въ годъ рожденія сына, при Гросъ-Егерсдорфѣ (о В. П. Капнистѣ статья Тархова въ *Сѣв. Пч.* 1846, № 136). Одно изъ самыхъ удачныхъ стихотвореній Капниста, *Обуховка*, написано имъ въ старости: оно въ первый разъ появилось въ *Сынѣ Отечества* 1818 г. (ч. 48, № XXXIII). Въ общей идеѣ Капнистъ сошелся тутъ съ Державинымъ, который въ 1807 г. написалъ большую пьесу *Жизнь Званская.* Здѣсь умѣстны будутъ слѣдующіе стихи изъ *Обуховки*:

«Пріютный домъ мой подъ соломой,
По мнѣ, ни низокъ, ни высокъ;
Для дружбы есть въ немъ уголокъ;
А къ двери, знатнымъ незнакомой,
Забыла лѣнь прибить замокъ.
Горой отъ сѣвера закрытый,
На злачномъ холмѣ онъ стоитъ
И въ рощи, въ дальній лугъ глядитъ;
А Пселъ, предъ нимъ змѣей извитый,
Стремясь на мельницы, шумитъ»

Для будущихъ издателей Капниста присоединяемъ и варіанты къ этимъ стихамъ. Вм. *пріютный* было сперва *уютный*, 4-й жъ стихъ имѣлъ въ *С. От.* такую редакцію: «А къ двери, нищему знакомой». Слово *нищему* было потомъ замѣнено словомъ *страннику*, а впослѣдствіи и это передѣлано. Первые четыре стиха вмѣстѣ съ видомъ Обуховки помѣщены на тарелкахъ тамошняго столоваго сервиза.

Digitized by Google

Одинъ изъ сыновей поэта Капниста, Семенъ Васильевичъ, также занимавшійся стихотворствомъ, написалъ, въ подражаніе отцу и дядѣ, стихи «Наяда Псла къ Наядѣ Волхова», въ основной идеѣ которыхъ онъ взялъ за образецъ пьесу Державина: *Волховъ Кубръ*. Они были напечатаны въ *Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ люб. русс. сл.* 1815 г., чт. XVII, стр. 105.

[8] Когда тебя въ темнозелену *и проч.*

«Темнозеленые тогда нашивали мундиры, а дамы — пурпуровыя шали» (Об. Д). Ср. у Дмитріева:

«Тебя богатство, знатность рода
Въ червлену ризу облекли».

[9] Когда велитъ судьба съ Миленой *и проч.*

Милена — вторая жена Державина, томъ I, стр. 408 — 411. О домѣ и садѣ см. тамъ же стр. 311. «Сей жизни скучной, развлеченной» неловко отдалено отъ слова: «Къ отрадѣ».

[10] ... Злословну, площадную чернь.

У Горація: ... «malignum spernere vulgus».
У Дмитріева: «И равнодушіе къ сужденью
Толпы зоиловъ и глупцовъ».
У Мерзлякова: «Силу дала мнѣ — черни своенравной
Судъ презирать».
У г. Фета: ... «и къ преступной черни презрѣнье».

Ср. у Пушкина «чернь тупая», «безсмысленный народъ» и проч. въ стихотвореніи 1828 г. *Чернь* и у самого Державина начало *Безсмертія души* (выше стр. 1) «Умолкни, чернь непросвѣщенна», также начало оды *О удовольствіи*: «Прочь буйна чернь, непросвѣщенна и презираемая мной» (см. ниже подъ 1798 г.).

---

17. ЛЮСИ[1].

О ты, Люсенька любезна[a]!
Не бѣги меня, мой свѣтъ,
Что млада ты и прелестна,
А я дуренъ, старъ и сѣдъ[2].
Взгляни на розы и лилеи:
Лель изъ нихъ вѣнки плететъ[3].
Вкругъ твоей пріятенъ шеи
Розовый и бѣлый цвѣтъ.

[a] О Чухоночка любезна (Рукоп.).

---

[1] У графини Екатерины Алексѣевны Стейнбокъ, урожденной Дьяковой, невѣстки Державина, была воспитанница, жившая въ домѣ ея, —

Digitized by Google

Елисавета Өедоровна Штернбергъ. Она была усыновлена графинею, вышла впослѣдствіи за мужъ за графа Магнуса Делагарди († 1856) и жила въ глубокой старости еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Графъ Делагарди былъ внучатный племянникъ графа Стенбока. Ее-то поэтъ и разумѣетъ въ этихъ стихахъ, написанныхъ ей въ альбомъ. Онъ упоминаетъ о ней еще въ стихотвореніи *Графу Стейнбоку*, подъ 1806 годомъ.

Это — подражаніе Анакреоновской одѣ (XXXIV, 49, Εἰς κόρην), переведенной въ изданіи Львова такимъ образомъ:

«Красавица! не бѣгай
Сѣдыхъ моихъ волосъ
И, юностью блистая,
Не презри страсть мою.
Пріятно розы вьются
Съ лилеями въ вѣнкѣ».

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 65, и въ изд. 1808, ч. III, XXXI.

[2] А я дуренъ, старъ и сѣдъ.

Ср. въ *Приношеніи красавицамъ*, подъ 1801 г., стихъ 7: «Дуренъ, старъ и не умиленъ» и въ пьесѣ *Старикъ*, подъ 1802 г., стих. 2: «Ты старъ и сѣдъ и лысъ»; также у Пушкина въ стихотвореніи *Гробъ Анакреона* (1815):

«Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря: я сѣдъ и старъ».

[3] Лель изъ нихъ вѣнки плететъ.

«Даже въ Анакреонтическія пѣсни Державинъ вводилъ славянскія божества вмѣсто греческихъ и римскихъ, для показанія, что можемъ и своею миөологіею украшать нашу поэзію» (Галаховъ, *Исторія русс. словесн.*, т. I, стр. 523).

---

18. ПРАВОСУДІЕ [1].

Итакъ стоишь ты твердо въ томъ: 1
Умершіе, что съ нами жили
И въ жизни сей несытымъ ртомъ
Благъ чашу незаконно пили,
По смерти могутъ избѣжать [a],
Чтобы предъ Божій судъ не стать?
Нѣтъ! знай, что Правосудья око, 2
Хоть бодрствуетъ межъ звѣздъ высоко,
Но отъ небесъ и въ бездны зритъ:
Тѣхъ милуетъ, а тѣхъ казнитъ
И здѣсь, въ сей жизни скоротечной,
И тамъ, и тамъ, по смерти, въ вѣчной [б].
Двоякъ за мрачнымъ гробомъ путь, 3

Digitized by Google

Которымъ злые и благіе
Предъ Вседержителя идутъ.
О! вѣрно такъ. А еслибъ злые
И добрые всѣ равну часть
Могли въ награду принимать[в],
И всѣхъ земное бъ заключало 4
Ихъ нѣдро въ равну, вѣчну тму:
Ахъ! что бы, человѣкъ, мѣшало
Тогда злодѣйству твоему?
Грабь, разоряй, рѣжь, ставь правдивость
Въ ничто, и совѣсть и стыдливость:
Ты можешь все, вся тварь твоя... 5
Нѣтъ, стой! Есть Богъ, есть Вседержитель,
Живыхъ и мертвыхъ есть судья,
Есть нашихъ тайныхъ дѣлъ цѣнитель;
При имени Его одномъ
Трясетъ всю поднебесну громъ.
Боюся я Его прещенья[г]; 6
Благоговѣю передъ Нимъ.
Изъ одного долготерпѣнья
Онъ счастье, славу днямъ твоимъ
И продолженіе даруетъ.
Страшись, когда вознегодуетъ!

[а] Могли ихъ смертью избѣжать (Первонач. рукоп.).
[б] А также и по смерти въ вѣчной.
[в] Могли во мзду свою пріять.
— ... въ возмездье получать.
[г] Его боюсь я изреченья.

[1] Подражаніе древнему греческому поэту Архилоху; переведено съ нѣмецкаго въ 1796 или 1797 году. Такъ говоритъ Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ;* но такъ какъ позднѣйшею критикою доказано, что отъ Архилоха остались одни только небольшіе отрывки и всѣ они приведены въ извѣстность; то въ подлинникѣ настоящей пьесы нельзя признать стихотворенія, дѣйствительно принадлежащаго знаменитому греческому ямбографу (см. Archilochi Jambographorum principis reliquiae, ed. J. Liebel, 1812 и 1819; также Bergk, Poëtae lyrici graeci, 1853). Она напечатана въ изд. 1808, ч. II, xxix. Второй стихъ первой строфы въ изданіи 1808 г. читается: «Что мертвые, что съ нами жили», но рукою Державина сдѣлана въ принадлежавшемъ ему экземплярѣ поправка, принятая и нами. Въ первоначальной рукописи было: *Что мертвые, которы жили.*

Digitized by Google

19. РОЖДЕНІЕ КРАСОТЫ [1].

Сотворя Зевесъ вселенну,
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ;
Вкругъ нектара чашу пѣнну
Разносилъ имъ Ганимедъ.
Медъ, амброзія блистала
Въ ихъ устахъ, по лицамъ огнь,
Благовоній мгла летала
И Олимпъ былъ свѣта полнъ;
Раздавались пѣсенъ хоры
И звучалъ весельемъ пиръ;
Но незапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на міръ
И, увидя царства, грады,
Что погибли отъ боевъ [а],
Что богини мещутъ взгляды
На бѣднѣйшихъ [б] пастуховъ,
Распалился столько гнѣвомъ,
Что, курчавой [в] головой
Покачавъ, шатнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землей [2].
Вмигъ сокрылся [г] блескъ лазуря:
Тма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихорь съ ризъ его и буря
Восшумѣла отъ небесъ;
Разразились всюду громы [д],
Мракъ во пламени [е] горѣлъ,
Яры волны, будто холмы,
Понтъ стремился и ревѣлъ;
Въ растворенны безднъ утробы [ж]
Тартаръ искры извергалъ;
Въ тучи Фебъ, какъ въ черны гробы,
Погруженный трепеталъ;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянулъ громъ,
Міръ, Олимпъ, боговъ чертоги
Повернулись бы вверхъ дномъ [3].
Но Зевесъ вдругъ умилился;

Digitized by Google

Стало, знать, красавицъ жаль[3];
А какъ съ ними не смирился,
Новую тотчасъ создалъ:
Ввилъ въ власы пески златые,
Пламя въ щеки и уста,
Небо въ очи голубыя,
Пѣну въ грудь, — и Красота
Вмигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
А взглянула лишь она,
Тотчасъ буря укротилась
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелѣя табуномъ,
На свои ее взявъ спины[и],
Мчали по пучинѣ волнъ.
Бѣлы голуби станицей[i],
Гдѣ откуда ни взялись,
Подъ жемчужной колесницей
Съ ней на воздухъ поднялись[к];
И, летя подъ облаками,
Вознесли на звѣздный холмъ:
Зевсъ объялъ ее лучами
Съ улыбнувшимся[л] лицомъ[4].
Боги, молча, удивлялись,
На Красу[м] разинувъ ротъ,
И согласно въ томъ признались:
Миръ и брани — отъ красотъ.

[а] Разрушенны отъ боевъ (Рукоп.).
[б] И на бѣдныхъ . . .
[в] Что, кудрявой . . .
[г] Тутъ сокрылся . . .
[д] . . . грозны громы.
[е] Мракъ перунами . . .
[ж] Свѣтъ въ пловущи черны гробы.
[з] . . . богиней жаль;
Чтобъ стихіевъ бунтъ сломился,
Изъ нихъ вновь одну создалъ,
Ввилъ песокъ въ власы златые.
[и] На свои поднявши спины.
[i] Бѣлыхъ голубей станица (1804).
[к] . . . поднялась.

Digitized by Google

[4] Съ улыбающимъ лицомъ.
— Наклонился къ ней челомъ (Рукоп.).
[5] Красотѣ ...

---

[1] О поводѣ къ сочиненію этихъ стиховъ Державинъ ничего не говоритъ. Они были напечатаны въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804, стр. 74, и въ изданіи 1808 г., ч. III, xxxviii. Въ одномъ изъ своихъ разборовъ Бѣлинскій (см. *Сочиненія* его, ч. IV, стр. 469) выписываетъ всю эту пьесу, «поэтическую по мысли и отличающуюся необыкновенными красотами», въ доказательство того, что Державинъ — поэтъ съ громаднымъ талантомъ, но не художникъ.

[2] Распалился — — и землей.

«По нашему мнѣнію, эти четыре стиха — торжество Державинской поэзіи, и не смотря на ихъ какъ бы шуточный тонъ, они исполнены антологической граціи и вмѣстѣ классическаго величія» (Бѣлинскій). Въ этихъ стихахъ совершенно гомерическое представленіе. Для сравненія можно указать въ Иліадѣ, перев. Гнѣдича, пѣснь I, стихи 528—530:

«Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями:
Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида
Окрестъ безсмертной главы, и потрясся Олимпъ многохолмный».

[3] Разразились — — вверхъ дномъ.

«Какая трескотня надутыхъ риторическихъ фразъ! какое безвкусіе въ образѣ выраженія!» (Бѣлинскій). Приведя выше сужденія того же рецензента въ пользу Державина, мы сочли долгомъ выписать и эту, хотя на нашъ взглядъ преувеличенную хулу. О критикѣ Бѣлинскаго въ отношеніи къ Державину надѣемся высказать наше мнѣніе обстоятельно въ концѣ настоящаго изданія.

[4] Зевсъ объялъ ее лучами
Съ улыбнувшимся лицомъ.

«Какіе превосходные два стиха, полные гомерическаго величія и граціи!» (Бѣлинскій).

---

20. КЪ ЖЕНЩИНАМЪ[1].

Зевесъ быкамъ далъ роги,
Копыта лошадямъ,
Проворны зайцамъ ноги,
Зубасты зѣвы львамъ,
Способность плавать рыбамъ,
Пареніе орламъ,
Безстрашный духъ мужчинамъ;
Но что жъ онъ далъ женамъ?
Чѣмъ все то замѣнить?

Digitized by Google

Красой ихъ надѣляетъ:
Огонь и мечъ и щитъ
Красавица сражаетъ.

[1] Подражаніе Анакреоновской одѣ (II, Εἰς γυναῖκας, — 24, Ἐρωτικόν). Редакція Державина весьма близка къ Львовскому переводу, который поэтому и выписываемъ, означая курсивомъ стихи, принятые нашимъ поэтомъ безъ измѣненія:

«*Зевесъ быкамъ далъ роги,*
Копыта лошадямъ;
Онъ скорый бѣгъ далъ зайцу,
Льву полный зѣвъ зубовъ,
Способность плавать рыбамъ;
Онъ птицамъ далъ полетъ,
А мужество мужчинамъ.
Не много что для женъ
Осталось въ награжденье.
Что жъ далъ имъ? — Красоту
Въ замѣну копій, шлемовъ:
И щитъ и огнь и мечъ
Красавица сражаетъ.»

Это одна изъ тѣхъ Анакреоновскихъ одъ, которыя наиболѣе полюбились позднѣйшимъ поэтамъ. Она переведена чуть ли не на всѣ европейскіе языки и была перелагаема на музыку. Въ *Аминтѣ* Тасса (дѣйств. II, явл. 1) есть слѣдующіе стихи, очевидно заимствованные оттуда же:

«Il cervo adopra il corso,
Il leone gli artigli, ed il bavoso
Cinghiale il dente: e son potenza ed armi
Della donna bellezz' e leggiadria».

Въ переводѣ это значитъ: «Олень употребляетъ бѣгъ, левъ — когти, слюнявый вепрь — клыки; а сила и оружіе женщины — красота и прелесть».

Общее наше примѣчаніе ко всѣмъ заимствованіямъ Державина изъ Анакреона, слѣдовательно и къ этому небольшому стихотворенію, см. выше стр. 46—48.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 71, и въ изд. 1808, ч. III, XXXV.

---

21. СОЛОВЕЙ ВО СНѢ [1].

Я на холмѣ спалъ высокомъ, 1
Слышалъ гласъ твой, Соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей!

То звучалъ, то отдавался,
То стеналъ, то усмѣхался
Въ слухѣ издалече онъ, —
И въ объятіяхъ Калисты [а]
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ, 2
Въ скучномъ безконечномъ снѣ,
Ахъ! не будутъ такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ,
И веселья и забавы [б]
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я:
Стану жъ жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой цѣловаться,
Слушать пѣсни соловья.

[а] ... Милены
Клики, свисты, вздохи, пени (Первон. рукоп.).

[б] Ни похвалъ, ни звуковъ славы,
Ни лобзанья, ни забавы
Чувствовать не буду я.

---

[1] Это одна изъ тѣхъ пьесъ, по поводу которыхъ Державинъ въ началѣ *Анакреонтическихъ пѣсней* говоритъ въ обращеніи *Къ читателямъ*: «По любви къ отечественному слову желалъ я показать его изобиліе, гибкость, легкость и вообще способность къ выраженію самыхъ нѣжнѣйшихъ чувствованій, каковыя въ другихъ языкахъ едва ли находятся. Между прочимъ, для любопытныхъ, въ доказательство его изобилія и мягкости послужатъ пѣсни * — —, въ которыхъ буквы *р* совсѣмъ не употреблено.» Выраженное здѣсь понятіе о буквѣ *р* перешло къ намъ съ Запада: такъ наприм. нѣмецкій поэтъ Броккесъ (см. томъ I, стр. 146) избѣгалъ этой буквы, когда хотѣлъ изобразить тишину послѣ грозы (Gervinus, Gesch. der d. Dichtung. т. III, стр. 518), а французу Ронсару наоборотъ казалось, что слова, въ которыхъ она встрѣчается, придаютъ стихамъ звучность и громкость («font une grande sonnerie et batterie aux vers». Arnd, Gesch. der franz. Nationalliteratur т. I, стр. 125).

* Здѣсь означены у Державина нумера десяти пьесъ, которыхъ заглавія мы выписываемъ съ указаніемъ времени ихъ сочиненія: *Анакреонъ въ собраніи*, 1791 (см. томъ I, стр. 299); — *Соловей во снѣ*; — *Желаніе*, 1797; — *Пѣснь Баярда*; — *Вишя*, 1799; — *Тишина*, 1801; — *Шуточное желаніе*; — *Кузнечикъ*; — *Бабочка*, 1802; — *Свобода*, 1803.

Digitized by Google

См. сказанное по поводу описанія соловьинаго пѣнья въ томѣ I, стр. 478. Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 72, и въ изд. 1808 г. ч. III, xxxvi.

---

22. ГОРЮЧІЙ КЛЮЧЪ[1].

Подъ свѣсомъ шумныхъ тополовыхъ
Кустовъ, въ тѣни, Кипридинъ сынъ
Покоился у водъ перловыхъ,
Біющихъ съ горъ, и факелъ съ нимъ
Лежалъ въ травѣ, чуть-чуть куряся.
Пришли тутъ Нимфы и, дивяся,
«Что намъ?» сказали, «какъ съ нимъ быть?
Дай въ воду, въ воду потопить,
А съ нимъ и огнь, чѣмъ всѣ сгараютъ!»
И вотъ! — кипитъ ключъ пѣной весь,
Съ купающихся Нимфъ стекаютъ
Горящія струи поднесь.

[1] Въ *Объясненіяхъ* Державина сказано только, что это переводъ изъ древняго греческаго поэта. Настоящій источникъ этого стихотворенія указанъ г. Печеринымъ въ статьѣ *О греческой эпиграммѣ* (*Современникъ* за декабрь 1838 г., ч. XII). Приводимъ оттуда все мѣсто, относящееся какъ сюда, такъ и къ пьесѣ *Спящій Эротъ* (см. томъ I, стр. 469): «Изрѣдка только мелькаютъ у нашихъ поэтовъ переводы греческихъ эпиграммъ, и то не съ подлинника. У Державина, который такъ удачно умѣлъ передать намъ на отечественномъ языкѣ всю прелесть одъ Анакреона, находимъ только двѣ пьесы, заимствованныя изъ Антологіи. Первая, *Горючій ключъ*, есть переводъ эпиграммы Маріана схоластика, находящейся въ IX отдѣленіи Палатинской Антологіи. Вторая, составляющая первую половину стихотворенія *Спящій Эротъ*, заимствована изъ отрывка, приписываемаго Платону философу (210 эпигр. 4 книги Anthol. Planud.), такъ что всѣ главныя черты прекрасной картины, изображающей спящаго Эрота, принадлежатъ древнему поэту; послѣдняя половина этого стихотворенія есть 30-я ода Анакреона съ нѣкоторыми только измѣненіями. Соединеніе двухъ греческихъ стихотвореній въ одно прекрасное цѣлое заставляетъ удивляться искусству нашего поэта.»

О Маріанѣ неизвѣстно никакихъ подробностей; ему приписываютъ пять эпиграммъ. Приводимъ подлинникъ *Горючаго ключа* вмѣстѣ съ подстрочнымъ его переводомъ:

Τᾷδ' ὑπὸ τὰς πλατάνους ἁπαλῷ τετρυμένος ὕπνῳ
εὗδεν Ἔρως, Νύμφαις λαμπάδα παρθέμενος.
Νύμφαι δ' ἀλλήλῃσι, τί μέλλομεν; αἴθε δὲ τούτῳ
σβέσσαμεν, εἶπον, ὁμοῦ πῦρ κραδίης μερόπων.

λαμπὰς δ' ὡς ἔφλεξε καὶ ὕδατα, θερμὸν ἐκεῖθεν
Νύμφαι Ἐρωτιάδες λουτροχοεῦσιν ὕδωρ.

(Якобса Anthologia graeca, т. III, стр. 218.)

«Здѣсь подъ яворами уснулъ сладкимъ сномъ изнуренный Эротъ, положилъ возлѣ Нимфъ факелъ. Нимфы же другъ другу сказали: Что медлимъ? Потушить бы намъ вмѣстѣ съ этимъ огонь человѣческаго сердца. Но когда отъ факела зажглась и вода, то Эротовы Нимфы стали черпать оттуда для купанья горячую воду».

Горючій ключъ напечатанъ въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 70, и въ изд. 1808 г., ч. III, xxxiv.

---

23. ВЕНЕРИНЪ СУДЪ[1].

На розѣ опочила,
Въ листахъ пчела сидя;
Вдругъ въ пальчикъ уязвила
Венерино дитя:
Вскричалъ, вспорхнулъ крылами
И къ матери бѣжитъ;
Облившися слезами,
«Пропалъ, умру!» кричитъ:
«Ужаленъ небольшою
Крылатой я змѣей,
Которая пчелою
Зовется у людей.»
Богиня отвѣчала:
«Суди жъ: коль такъ пчелы
Тебя терзаетъ жало,
Что жъ твой ударъ стрѣлы?»

[1] Эта Анакреоновская ода (Εἰς Ἔρωτα, XL и 33*) есть одна изъ тѣхъ, которыя чаще всего были переводимы на разные языки, въ томъ числѣ и на русскій. Евгеній Булгаръ въ прим. къ ней говоритъ: «Ода сія столько почтена не токмо учеными нынѣшняго вѣка, но и древними, что и самый замыслами обильный Теокритъ изъ нѣкотрыхъ частныхъ ея красотъ составилъ идиллію» (*Анакреонъ*, Спб. 1794, стр. 186). И другой переводчикъ Анакреона, Мартыновъ (*Греч. классики*, ч. XXIII, кн. 26, Спб. 1829, стр. 295), замѣчаетъ: «Эта пѣснь трогательнѣе всѣхъ Анакреоновыхъ пѣсней». Впрочемъ тутъ Мартыновъ только повторяетъ, безъ

* См. выше, стр. 46, общее наше примѣч. къ *Анакреонтич. одамъ*, въ концѣ котораго объяснено, почему мы означаемъ двумя цифрами, римскою и арабскою, подлинныя оды, приписываемыя Анакреону.

Digitized by Google

указанія источника, сужденіе стариннаго французскаго переводчика Анакреона (Longepierre, Парижъ, 1692, стр. 204): «De toutes les odes d'Anacréon voicy celle qui m'a toujours le plus touché. — La fiction en est toute ingénieuse et toute charmante, l'expression délicate et fine, enfin ce n'est que graces et que beautez.» Много спорили о томъ, чье стихотвореніе — Анакреона или Өеокрита — заслуживаетъ предпочтенія. Одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ критиковъ, Штаркъ, находитъ у Өеокрита болѣе простоты и сжатости, и потому считаетъ его первоначальнымъ авторомъ, въ Анакреоновской же одѣ видитъ только подражаніе (Stark, Quaest. Anacreontic., Лейпц. 1846, стр. 82).

Державинъ сперва перевелъ ее четырехстопными ямбами. Вотъ его первоначальная черновая редакція:

На розовомъ кусту почила
Пчела, подъ листьями сидя;
Въ прекрасный пальчикъ уязвила
Венерино дитя.
Вскричалъ, вспорхалъ крылами,
Къ прекрасной матери бѣжитъ:
«Пропалъ!» облившися слезами,
«Умру я, матушка!» кричитъ:
«На крыліяхъ я небольшою
Змѣей ужаленъ въ палецъ тутъ, —
Ахъ! той, которую пчелою
Всѣ землепахари зовутъ.»
Ему богиня отвѣчала:
«Суди, Эротъ! коль сей пчелы
Тебя терзаетъ столько жало,
Каковъ ударъ твоей стрѣлы?»

Эту редакцію Державинъ набросалъ-было начерно въ рукописи Казанскаго университета (1797 и 1798 г.), но потомъ предпочелъ трехстопный ямбъ (которымъ Ломоносовъ переводилъ Анакреона) и, зачеркнувъ прежнюю редакцію, написалъ на поляхъ другую, явившуюся послѣ и въ печати.

Прилагаемъ и переводъ Львова, печатая для сбереженія мѣста по два стиха въ одной строкѣ:

«Купидонъ, не видя спящей въ розовомъ кустѣ пчелы,
Въ палецъ ею былъ ужаленъ; *вскрикнулъ*, *вспорхнулъ*, *побѣжалъ*
Онъ къ прекрасной Цитерѣ, плача и *крича: Пропалъ*,
Матушка! пропалъ: до смерти, ахъ! ужалила меня
Съ крылышками *небольшая* и летучая змѣя,
Та, которую пчелою землепахари зовутъ. —
Тутъ богиня отвѣчала: Если маленькой пчелы
Больно *такъ терзаетъ* жало, то *суди* ты самъ теперь,
Сколько тѣ должны терзаться, коихъ ты разишь, Эротъ!»

Вотъ эта ода и въ переложеніи Н. Эмина, сдѣланномъ въ 1795 г., (см. ниже, подъ 1798 г., примѣч. 1 къ стихотворенію *Вѣнецъ безсмертія*):

Digitized by Google

Амуръ уязвленный пчелою.

Однажды рѣзвый Купидонъ,
Въ кусточкахъ розовыхъ играя,
Прервалъ безъ мысли и не зная
Трудолюбивой пчелки сонъ.
Хоть пчелка, — сердце есть у ней!
Амуру пчелка заплатила,
Амура въ палецъ уязвила,
Жужжитъ — и скрылась межъ лилей!
Страдаетъ богъ и слезы льетъ,
Не можетъ боли снесть ужасной;
Летитъ къ Венерѣ онъ прекрасной,
Кричитъ: «Нѣтъ силъ ... Ой! руку рветъ!
«Крылата маленька змѣя,
Что пахарь пчелкой называетъ,
Меня несносно уязвляетъ:
Погибъ — и умираю я!» —
Коль вредно жало намъ пчелы,
Венера сыну отвѣчаетъ,
Судижъ богиня продолжаетъ,
Каковъ ударъ твоей стрѣлы.

Пьеса *Венеринъ судъ* была напечатана въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 73, и въ изд. 1808 г., ч. III, xxxvii.

---

24. Къ лирѣ[1].

Пѣть Румянцова сбирался,
Пѣть Суворова хотѣлъ;
Громъ отъ лиры раздавался
И со струнъ огонь летѣлъ. . . .
Но завистливой судьбою[a]
Задунайскій кончилъ вѣкъ[2],
А Рымникскій скрылся тмою[б],
Какъ неславный человѣкъ.
Что жъ? Пріятна ли имъ будетъ,
Лира, днесь твоя хвала?
Міръ безъ насъ не позабудетъ
Ихъ безсмертныя дѣла.
Такъ не надо звучныхъ строевъ:
Переладимъ струны вновь;
Пѣть откажемся героевъ[3],
А начнемъ мы пѣть любовь.

Digitized by Google

[а] Но завистной, слышу, Паркой (Первон. рукоп.).
[б] А Рымникскій ходитъ съ палкой.

---

[1] Это—подраженіе Анакреоновской одѣ (I, Εἰς λύραν; 23, Εἰς κιθάραν), изъ которой заимствовались не только новые, но и древніе поэты, именно Горацій и Овидій. У насъ еще прежде Державинъ ею воспользовался Ломоносовъ, переведя ее и приложивъ отвѣтъ Анакреону. Но Державинъ не перевелъ, а передѣлалъ подлинникъ, взявъ изъ него только основную мысль. То же сдѣлалъ уже и Сумароковъ, но онъ удалился гораздо болѣе отъ подлинника (*Соч.* его II, стр. 189).

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 51, съ такимъ объясненіемъ въ оглавленіи: Похвала графу Румянцову и Суворову, когда первый скончался, а второй находился подъ гнѣвомъ Императора въ его деревнѣ; 1797 года ноября   дня»; потомъ въ изд. 1808, ч. III, XXI.

[2] Задунайскій кончилъ вѣкъ *и проч.*

Румянцовъ умеръ 8 декабря; Суворовъ впалъ въ немилость за нѣкоторые неосторожные отзывы о нововведеніяхъ императора Павла. «Сказывали, что онъ передъ разводомъ показывалъ свою блажность, говоря: *пукли не пушки, коса не тесакъ, а я не прусакъ, я фельдмаршалъ въ полѣ, а не при паролѣ.* Удивительно, что сей тонкій человѣкъ говорилъ такія рѣчи, которыя не сходствовали съ его умомъ. Государю о томъ донесли, и онъ послалъ за нимъ фельдъегеря, съ которымъ онъ пріѣхалъ и явился на другой день на вахтпарадѣ. Вскорѣ онъ сосланъ былъ въ свои деревни, въ Новгородской губерніи находящіяся, гдѣ и проживалъ подъ присмотромъ земской полиціи до назначенія его командовать россійско-австрійскою арміей въ Италіи противъ французовъ» (*Зап. Л. Энгельгардта*, стр. 198. Ср. выше стр. 27, примѣч. 13 къ одѣ *На возвращеніе гр. Зубова изъ Персіи).* При воцареніи императора Павла Суворовъ былъ начальникомъ Екатеринославской дивизіи и издавна пользовался особеннымъ благоволеніемъ его. Но уже въ началѣ 1797 г. Суворовъ навлекъ на себя гнѣвъ Государя за разныя отступленія отъ вновь вводимыхъ тогда военныхъ постановленій. Въ приложеніяхъ къ *Исторіи войны въ 1799 г.* (ч. I, стр. 489 и слѣдд.) помѣщенъ цѣлый рядъ рескриптовъ, въ которыхъ Павелъ I выражалъ ему свое неудовольствіе за употребленіе офицеровъ въ курьерскія должности, за увольненіе ихъ своею властью въ отпускъ и т. п. Суворовъ подалъ въ отставку, но еще прежде нежели прошеніе его пришло въ Петербургъ, былъ уволенъ 6 февраля 1797 года: отношеніемъ отъ 14-го числа гр. Ростопчинъ писалъ ему: «Государь Императоръ, получа донесеніе в. с., соизволилъ указать мнѣ доставить къ свѣдѣнію вашему, что желаніе ваше предупреждено было и что вы отставлены еще 6 числа сего мѣсяца».

[3] Пѣть откажемся героевъ *и проч.*

Ср. въ пьесѣ Пушкина *Анакреонъ* (1815):

«Хочетъ пѣть онъ бога брани,
Но поетъ одну любовь».

Digitized by Google

25. УРНА[1].

Сраженнаго косой Сатурна, 1
Кого средь воющихъ здѣсь рощъ
Печальная сокрыла урна
Во мрачну, непробудну нощь?
Кому на ней чудесъ картина
Во мраморѣ изражена?
Крылатый жезлъ[2], котурнъ, личина,
Рѣзецъ и съ лирой кисть видна!
Надъ кѣмъ сей мавзолей священный 2
Вкругъ отѣняетъ кипарисъ,
И лира гласы шлетъ плачевны?
Кто, Меценатъ иль Медицисъ,
Тутъ орошается слезами?
Чьи блѣдныя лица черты
Луной блистаютъ межъ вѣтвями?
Кто зрится мнѣ? — Шуваловъ, ты!
Ахъ ... ты! — Могу ль тебя оставить 3
Безъ благодарной пѣсни я?
Тебя ли мнѣ, тебя ль не славить?
Я твой питомецъ и — судья[3].
О, нѣтъ! Ужъ Муза возлетаетъ
Моя ко облакамъ златымъ,
Вслѣдъ выспреннихъ пѣвцовъ[4] дерзаетъ
Воспѣть тебѣ надгробный гимнъ.
Смерть мужа праведна — прекрасна! 4
Какъ умолкающій органъ,
Какъ лучъ послѣдній солнца ясна
Блистаетъ, тонетъ въ океанъ:
Подобно въ неизмѣрны бездны,
Отъ міра тлѣннаго спѣша,
Летитъ сквозь миріады звѣздны
Блаженная твоя душа;
Или, какъ странникъ, путь опасный 5
Прошедшій межъ стремнинъ и горъ,
Змѣй слыша свистъ, львовъ ревъ ужасный
Позадь себя во тмѣ и, взоръ
Отъ зубъ ихъ отвратя, взбѣгаетъ

Digitized by Google

Съ весельемъ на высокій холмъ:
Отъ міра духъ твой возлетаетъ
Такъ вѣчности въ прекрасный домъ.
Коль тѣнь и прообразованье [а] 6
Небеснаго сей дольній міръ,
Съ высотъ лазурныхъ восклицанье
И сладкое согласье лиръ
Я слышу; вижу: душъ блаженныхъ
Полки встрѣчать тебя идутъ!
Въ ѳирныхъ ризахъ, позлащенныхъ,
Торжественную пѣснь поютъ:
«Гряди къ намъ, новый неба житель! 7
И, отрясая прахъ земной,
Войди въ нетлѣнную обитель
И съ высоты ея святой
Воззри на долъ твой смертный, слезный,
На жизнь твою, и наконецъ
За подвиги твои полезны
Прими возмездія вѣнецъ!
«Ты бѣдныхъ былъ благотворитель, 8
И вѣчныхъ насладился благъ;
Ты просвѣщенья былъ любитель,
И Божества сіяй въ лучахъ;
Ты поощрялъ пѣть славу Россовъ,
Ты чтилъ Петра, Елисаветъ:
Внимай, какъ звучно Ломоносовъ
Здѣсь славу вѣчную поетъ!»
Поэзіи безсмертно пѣнье 9
На небесахъ и на земли;
Тотъ будетъ гробъ у всѣхъ въ почтеньѣ,
Надъ коимъ лавры расцвѣли.
Науки сѣялъ благотворной [б]
Рукой и возращалъ, любя:
Свѣтъ отъ лампады благовонной
Возблещетъ вѣчно чрезъ тебя.
Планета ты, что̀ съ солнца міра 10
Лучи бросала на другихъ;
Ты въ славѣ не являлъ кумира,
Ты видѣлъ смертныхъ, слышалъ ихъ [5].

Digitized by Google

Картина ты, которой тѣни,
Не рама въ золотѣ — хвала;
Великолѣпіе — для черни;
Для благородныхъ душъ — дѣла.
Но мраченъ, теменъ сердца свитокъ: 11
Въ немъ скрыты нашихъ чувствъ черты;
Оселокъ честности — прибытокъ:
На немъ блисталъ, какъ злато, ты.
Какъ полное мастикъ кадило,
Горя, другимъ ты запахъ далъ;
Какъ полное лучей свѣтило,
Ты дарованья озарялъ.
О, сколько юношей тобою[б] 12
Познанія пріяли свѣтъ!
Какою пламенной струею
Сей свѣтъ въ потомство протечетъ!
Надъ царедворцевой могилой,
Надъ вождемъ молньеносныхъ грозъ
Когда раздастся вздохъ унылой, —
Сверкнетъ здѣсь искра нѣжныхъ слезъ.
Стой, урна, вѣчно невредима 13
Шувалова являя видъ!
Будь лирами піитовъ чтима:
Въ тебѣ предстатель ихъ сокрытъ.
Внуши, тверди его доброты
Сей надписью вельможамъ въ слухъ:
«Онъ жилъ для всенародной льготы[7]
И покровительства наукъ».

[а] Лишь тѣнь и предобразованье (Рукоп.).
[б] Рукой науки благотворной
Ты сѣялъ, возращалъ, любя.

---

[1] Написана по случаю смерти И. И. Шувалова, о которой г. Бартеневъ говоритъ: «Осенью, возвратившись изъ Павловскаго, куда приглашала его на обѣдъ къ себѣ императрица Марія Ѳеодоровна, онъ вдругъ ослабѣлъ, занемогъ и послѣ кратковременной болѣзни скончался, 14 ноября 1797 года. Его похоронили съ великими почестями, въ Невской лаврѣ, въ малой Благовѣщенской церкви..... Отпѣвалъ тѣло петербургскій митрополитъ Гавріилъ, а надгробное слово говорилъ славный въ то время проповѣдникъ, бѣлорусскій епископъ Анастасій Братановскій. На другой день его кончины Государь, ѣдучи верхомъ по Невскому проспекту,

Digitized by Google

остановился противъ его дома, снялъ шляпу и, поглядѣвъ на окна, низко поклонился» (*Біографія И. И. Шувалова*, М. 1857, стр. 78).

Съ самаго времени своего воспитанія въ Казанской гимназіи Державинъ считалъ этого просвѣщеннаго вельможу своимъ благодѣтелемъ и дѣйствительно еще тогда обращалъ на себя его заботливое вниманіе. Шуваловъ былъ главнымъ начальникомъ учрежденной въ 1758 году Казанской гимназіи, какъ кураторъ Московскаго университета, которому она была подчинена. При жизни его Державинъ посвятилъ ему три стихотворенія: *Эпистолу на прибытіе его изъ чужихъ краевъ* въ 1777 г., оду *На выздоровленіе Мецената* въ 1781 и, впрочемъ только отчасти, *Приглашеніе къ обѣду* въ 1795 (см. томъ I настоящаго изданія). Незадолго передъ смертію Шуваловъ еще разъ доказалъ свое расположеніе къ Державину, принявъ мѣры къ изданію его сочиненій въ Москвѣ: они печатались тамъ въ то время, когда смерть постигла мецената (см. Предисловіе къ I-му тому). *Урна* напечатана въ изд. 1808, т. II, xv.

[2] Крылатый жезлъ ...

т. е. Меркуріевъ кадуцей — символъ краснорѣчія. Всѣ исчисленные тутъ предметы означаютъ покровителя искусствъ (*Об.* Д.). Шуваловъ былъ основателемъ Академіи Художествъ и способствовалъ къ учрежденію русскаго театра. Онъ самъ рѣзалъ на мѣди портретъ Ломоносова и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, писалъ стихи.

[3] Я твой питомецъ и — судья.

См. примѣч. 1. *Судья* — потому что въ тяжбѣ И. И. Шувалова съ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ Державинъ, въ то время уже сенаторъ, былъ избранъ ими въ посредники. Онъ кончилъ дѣло къ удовольствію обѣихъ сторонъ, впрочемъ уже по смерти Шувалова (*Об.* Д.). Въ *Запискахъ* своихъ онъ упоминаетъ объ этомъ только мимоходомъ (*Р. Бес.*, стр. 395). Въ одной рукописи къ этому стиху сдѣлано рукой Державина примѣчаніе: «Онъ поручилъ себя третейскому суду автора, по нѣкоторому дѣлу предъ самою своей кончиною». Въ *Ключѣ къ соч. Д.* (стр. 78) сказано: «Авторъ, пріѣхавъ къ Шувалову для увѣдомленія о рѣшительномъ своемъ постановленіи, нашелъ уже его скончавшагося».

[4] Вслѣдъ выспреннихъ пѣвцовъ ...

«т. е. вслѣдъ высоко-летающихъ лебедей, которые, по баснословію, воспѣваютъ прекрасно предсмертныя себѣ пѣсни» (*Об.* Д.).

[5] Ты видѣлъ смертныхъ, слышалъ ихъ.

Онъ выслушивалъ всякаго и даже самыхъ бѣднѣйшихъ людей, къ нему приходившихъ, не уподобляяся истукану или нѣкоторымъ вельможамъ, похожимъ на истуканы (*Об.* Д.).

[6] О, сколько юношей тобою *и проч.*

Относится къ тому, что Шуваловъ былъ кураторомъ университета, отъ котораго зависѣли также гимназіи Московская и Казанская. Сверхъ того онъ посылалъ молодыхъ людей учиться въ Парижъ, также къ Вольтеру и къ Линнею (П. Бартеневъ).

[7] Онъ жилъ для всенародной льготы ...

По свидѣтельству Державина въ его *Объясненіяхъ*, И. И. Шуваловъ

Digitized by Google

способствовалъ между прочимъ, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, къ отмѣнѣ смертной казни и къ смягченію чрезмѣрной строгости наказанія за корчемство (тайную продажу вина). Въ послѣднемъ отношеніи онъ шелъ противъ своего двоюроднаго брата, графа Петра Ивановича Шувалова (ум. 4 января 1762 г.), который возвысился вліяніемъ жены своей, Мавры Егоровны (рожденной Шепелевой), любимицы Елисаветы Петровны. По словамъ Екатерины II (Mémoires, стр. 307), гр. Петръ Шуваловъ былъ въ то время оракуломъ двора и пользовался въ значительной степени довѣріемъ Государыни. Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ* называетъ его человѣкомъ «весьма замысловатымъ, но жаднымъ къ интересу» и прибавляетъ, что онъ захватилъ въ свои руки содержаніе разныхъ откуповъ, какъ-то: внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, лѣснага торга, тюленьяго жиру и особенно вина.

Выраженіе *народная льгота* употреблялъ уже и Ломоносовъ, который въ одѣ 18, строфа 17, сказалъ:

«Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу».

Ср. въ одѣ *На взятіе Измаила* стихъ: «Умѣйте дать ему *(народу)* вы льготу» (томъ I, стр. 245). О заключеніи *Урны* замѣчено въ первоначальной рукописи: «Послѣднія двѣ строки, когда угодно, могутъ служить въ самомъ дѣлѣ надписью».

---

26. НА НОВЫЙ 1798 ГОДЪ[1].

1798.

Младый сынъ солнца на подлунный 1
Сей шаръ сошелъ небесъ тропой.
Кто вѣсть[2], какіе жребьи чудны,
Изъ урны вынувъ роковой,
Онъ броситъ по лицу земному?
Гдѣ повелитъ ударить грому?
Гдѣ радугѣ изъ тучъ блистать?
Кто вѣсть, что̀ тайно злоба люта 2
Предпринимаетъ средь коварствъ!
И близъ грядущая минута
Премѣной не чревата ль царствъ[3]?
Быть можетъ, горы провалятся,
На пошвѣ ихъ моря явятся,
Для созерцанья новыхъ звѣздъ.
Кто вѣсть, что гальскій витязь, Риму 3
Словами только вольность давъ[3],
Надѣть боялся діадиму;

Но что, гордыней обуявъ,
Еще на шагъ рѣшится смѣлый
И, какъ Сампсонъ, столпы дебелы
Сломивъ, падетъ подъ ними самъ?
Мы видимъ троны сокрушенны 4
И падшихъ съ нихъ земныхъ боговъ:
На ихъ развалинахъ рожденны,
Не расцвѣтутъ ли царства вновь?
Мы ведро зримъ по непогодѣ;
Блиставшій на своемъ восходѣ,
Не тмился ль часто въ полдень Фебъ[5]?
Мы зрѣли подлость, ко престолу 5
Ползущую въ подобьи змѣй,
Главу склоняющую долу,
Но жалящу въ сердца людей;
Баконовъ и Мазепъ видали,
Которые хулу сплетали
На благодѣтелей своихъ.
Но что! — Не такъ ли вѣкъ вратится 6
Въ добрѣ и злѣ тревожный свѣтъ?
Здѣсь свѣтелъ океанъ сей зрится,
Тамъ мраченъ, яръ, исполненъ бѣдъ;
Струя, въ пучинѣ погруженна,
Взбѣжавъ сверхъ волнъ, и освѣщенна,
Блеститъ зарницей вдругъ, какъ лучъ[6]!
Но тотъ блаженнѣе, кто, въ тихомъ 7
Заливѣ совѣсти почивъ,
Не загруженъ добромъ, ни лихомъ,
Страстей вѣтрила опустивъ,
Ума на якорѣ глубокомъ
Сталъ въ челнѣ и спокойнымъ окомъ
На суету мірскую зритъ;
Предавшися всевышней волѣ, 8
Свой вѣрно исполняя долгъ,
Славнѣйшей не завидитъ долѣ;
Онъ знаетъ, что даетъ то Богъ,
Что Богъ лишь свѣтомъ управляетъ:
Тѣхъ взводитъ, сихъ уничижаетъ,
Тѣхъ милуетъ, а сихъ казнитъ.

Digitized by Google

[a] Намѣсто узъ свободу давъ (Рукоп.).

---

[1] Написано по случаю открывшихся въ Польшѣ смутъ и завоеванія Бонапартомъ Италіи *(Об.* Д. и другая рукоп.). Подъ польскими смутами или, по выраженію Державина, *возмущеніями* должно здѣсь, вѣроятно, разумѣть образованіе въ предыдущемъ году польскаго легіона, который сражался въ Италіи подъ французскими знаменами. Наполеонъ, учредивъ сперва лигурійскую, потомъ цизальпинскую республику, заставилъ Австрію, миромъ въ Кампоформіо (17 окт. 1797), уступить Франціи свои италіянскія владѣнія.

Напечатано въ изданіи 1808 г., ч. II, xvi.

[2] Кто вѣсть *и проч.*

Ср. въ 4-й строфѣ оды *Ко второму сосѣду* (томъ I, стр. 310):

Кто вѣсть что̀ Рокъ готовитъ намъ...

[3] ... Премѣной не чревата ль царствъ?

Здѣсь вѣрно предугадано то, что ожидало Европу въ слѣдующіе годы.—Ниже въ этой же строфѣ замѣчательна форма слова *пошва* (вм. *подошва*), которое уже было употреблено такъ въ одѣ *Ко второму сосѣду* (строфа 3). Въ смирдинскихъ изданіяхъ, въ одѣ *На Новый 1798 годъ* напечатано *на почвѣ.*

[4] Кто вѣсть, что гальскій витязь, Риму *и проч.*

Французскій генералъ Бертье, вступивъ въ Римъ, провозгласилъ тамъ 15 февраля 1798 года республику. Само собою разумѣется, что въ стихахъ говорится о самомъ Наполеонѣ, который, по словамъ Державина *(Об.)*, «покоря тогда Италію, учинилъ тамъ республику; но послѣ, упоясь самовластіемъ, сдѣлался императоромъ и, нѣкоторыхъ королей лишивъ престола, возвелъ на оный своихъ братьевъ». Въ 3-мъ стихѣ этой строфы замѣчательно употребленіе глагола *обуять* въ среднемъ залогѣ съ творительнымъ падежемъ. Такъ слово это постоянно употребляется Державинымъ. Ср. для примѣра въ 5-й строфѣ *Колесницы* (томъ I, стр. 373) стихъ 4: «Какъ бы волшебствомъ обуявъ». Послѣднія слова 3-й строфы настоящей оды сбылись позднѣе на самомъ дѣлѣ.

[5] Не тмился ль часто въ полдень Фебъ?

По вступленіи на престолъ императоръ Павелъ ознаменовалъ себя многими милостями и благотворными распоряженіями: но «въ полудни своего царствованія, поступая неблагоразумно, заставлялъ всякаго думать, что оно скоро затмится» *(Об.* Д.). Ср. выше, стр. 10, оду *На Новый 1797 годъ.*

[6] Блеститъ зарницей вдругъ, какъ лучъ.

«То есть, самый малый человѣкъ изъ самаго ничтожнаго состоянія возвышается иногда на верхъ высочайшей славы, каковъ Наполеонъ» *(Об.* Д.).

Digitized by Google

27. НА РОЖДЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА[1].

Куда, силъ грозныхъ воевода, 1
Надѣвъ огнепернатый шлемъ,
На бедро лучъ, съ небесна свода
Ты радужнымъ течешь путемъ?
Спустился, зрю, на полвселенну,
На Павловъ и Маріинъ домъ,
И къ отроку новорожденну
Осклабленнымъ приникъ лицомъ.

«Азъ есмь», вѣщалъ[а], «*кто равенъ Богу*[2]!» 2
Дитя! симъ именемъ зовись;
Стань браней, мира на дорогу[б];
Въ доспѣхи правды облекись;
Прими духъ мужества, духъ силы,
Лучъ свѣта, званье, образъ мой
И горняго паренья крылы:
Архангелъ я и пѣстунъ твой.

«Избраньемъ древле я корону 3
На предка твоего надѣлъ;
Недавно вслѣдъ отцу ко трону
Незримымъ спутникомъ летѣлъ[3];
Небесъ имъ поборала сила:
Прими!» — И лишь[в] свершилъ онъ рѣчь,
Порфира отрока покрыла,
И препоясалъ молній мечъ[4].

Едва почули громовержца 4
Перуны росски въ пеленахъ,
На нѣжный гласъ сего младенца
Въ трехсотныхъ[г] отдались громахъ[5];
Россія блескомъ озарилась,
Усердія къ царямъ полна:
Такъ свѣтлымъ токомъ слезъ покрылась,
Какъ сребрянымъ дождемъ луна.

«Подаждь, вселенной Вседержитель!» 5
Взываетъ къ звѣздной вышинѣ,
«Да юный молніи носитель[6]
Михаилъ древній будетъ мнѣ!
Пресѣкъ нестройство тотъ, крамолу,

Началомъ славы былъ моей,
А сей, подпорой ставъ престолу,
Да царствуетъ въ сердцахъ людей!»
Уже хранителя небесна 6
Мой духъ вездѣ съ младенцемъ зритъ:
При люлькѣ, среди сна прелестна,
Надъ нимъ, простря крылѣ, стоитъ;
Эфирную приноситъ манну;
Играетъ солнечнымъ лучомъ,
И въ грудь, на подвиги избранну,
Вливаетъ Божій страхъ съ млекомъ.
То взводитъ онъ его на гору, 7
То ходитъ съ нимъ среди долинъ;
Его младому кажетъ взору
На высотѣ полетъ орлинъ:
Смотри, надъ доломъ какъ летая[6],
Онъ зритъ вкругъ змѣй и вержетъ громъ,
А тамъ, любовью нѣжной тая,
Птенцовъ жметъ кокошъ подъ крыломъ[7].
Иль учитъ: «Ты порфироденъ, 8
Прямой твой долгъ есть долгъ небесъ:
И міра царь есть рабъ Господень,
Взыщи премудрости словесъ:
Священна доблесть — право къ власти;
Лишь правда — надъ вселенной царь;
Благоволеньемъ къ смертныхъ части
Всевышній зиждетъ свой алтарь[8]». —
Отца и матери въ подобьи, 9
Бесѣдуетъ онъ часто съ нимъ;
«Ищи», твердитъ ему, «въ незлобьи
Ты образца дѣламъ своимъ:
Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать рабовъ;
Но Богомъ на престолъ воззванну
Любить ихъ должно, какъ сыновъ[9]». —
Подъ кровомъ ангельскимъ, небеснымъ, 10
Отца и матери рукой
Расти, дитя, расти прелестнымъ,
А возмужавъ, явись герой!

Digitized by Google

Страна твоя сильна, преславна,
Обширно поле, гдѣ парить;
Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна [е],
Гдѣ бъ можно столь добра творить [10]!

[а] Вѣщаетъ: «есть кто равенъ Богу» (1798—1799).
[б] Стань браней міра ...
[в] «Прими!» — Едва ...
[г] Въ трисотныхъ ...
[д] Какъ зритъ онъ въ долъ, кругомъ летая,
Завидитъ змѣй и ...
[е] ... царствія пространна.

---

[1] Род. 28 января 1798 года въ С-Петербургѣ, ум. 28 августа 1849 въ Варшавѣ. — Когда, по случаю рожденія великаго князя, былъ выходъ во дворцѣ, то графъ П. В. Завадовскій (томъ I, стр. 183), въ то время сенаторъ, и О. П. Козодавлевъ, бывшій тогда оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, вызывали Державина написать стихи на приращеніе царскаго семейства. Въ первый затѣмъ съѣздъ при дворѣ онъ привезъ эту оду и передалъ тому и другому по списку ея. Ода сдѣлалась извѣстна всему городу, и нѣкоторые стихи ея, особливо вторая половина 9-й строфы, возбудили большіе толки: по многимъ примѣрамъ строгихъ наказаній за незначительныя вины, распространился слухъ, что и Державинъ пострадаетъ. Тогда онъ увидѣлъ малодушіе нѣкоторыхъ изъ своихъ пріятелей, особливо Козодавлева, который, бывъ отчасти причиною сочиненія оды, боялся прослыть соумышленникомъ поэта. Въ слѣдующее воскресенье, пріѣхавъ въ придворный театръ, Державинъ встрѣтился въ дверяхъ съ Козодавлевымъ: этотъ, поблѣднѣвъ, бросился опрометью прочь, какъ отъ язвы, и во время представленія, увидѣвъ его на скамьѣ передъ собою, пересѣлъ подальше, чтобъ не разговаривать съ нимъ. На первой недѣлѣ великаго поста Державинъ съ женою былъ въ церкви: вдругъ, середи обѣдни, входитъ фельдъегерь и подаетъ ему толстый пакетъ. Жена обмерла отъ испуга, но Державинъ, распечатавъ пакетъ, нашелъ въ немъ золотую табакерку съ брильянтами при письмѣ Нелединскаго-Мелецкаго, объяснявшаго, что этотъ подарокъ Государь жалуетъ ему въ награду за его оду. На другой день онъ видѣлся съ Козодавлевымъ въ Сенатѣ; тотъ, узнавъ объ оказанной Державину милости, первый бросился къ нему на шею съ лобызаніями и поздравленіемъ. Державинъ, отступя онъ него, сказалъ: «Поди прочь отъ меня, трусъ! Зачѣмъ ты намедня отъ меня бѣгалъ, а теперь ищешь?» (*Зап.* Держ., *Р. Б.*, стр. 429, и *Об.).* Изъ примѣч. 1 къ *Фелицѣ* (томъ I, стр. 83) видно, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ другъ къ другу давно находились Державинъ и Козодавлевъ: это подтверждаетъ и переписка между ними. Подробнѣе о послѣднемъ въ біографіи поэта. Здѣсь же не считаемъ умѣстнымъ входить въ какія-либо разысканія для повѣрки разсказа поэта о своемъ пріятелѣ. Ода эта была напечатана сперва отдѣльно

Digitized by Google

въ Спб. въ *императорской типографіи* (мал. 4 д. л., 8 стр.), потомъ въ *Аонидахъ* 1798 — 1799 г. (кн. III, стр. 8), оба раза съ подписью *Державинъ*; въ изд. 1808 г. см. ч. II, XIII.

[2] «Азъ есмь», вѣщалъ, «*кто равенъ Богу!*»

т. е. «азъ есмь Михаилъ»: это еврейское имя значитъ: *кто подобенъ Богу* (mi, кто; ka, намъ; êl, Богъ).

[3] Незримымъ спутникомъ летѣлъ.

«Императоръ Павелъ за два дня до празднованія Архангела Михаила взошелъ на престолъ» (*Об.* Д.), именно 6 ноября, а 8 — Михайловъ день (см. выше стр. 19).

[4] И препоясалъ молній мечъ.

«Въ самый день рожденія Михаила Павловича пожаловали его въ фельдцейхмейстеры, т. е. въ начальники *молніи* россійской, или артиллеріи» (*Об.* Д.).

[5] Въ трехсотныхъ отдались громахъ.

«Рожденіе императорскаго сына возвѣщается обыкновенно тремястами выстрѣлами изъ пушекъ» (*Об.* Д.).

[6] «Да юный молніи носитель *и проч.*

«т. е. да юный предводитель россійскихъ силъ будетъ подобенъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, пресѣкшему неустройство и бывшему началомъ славы россійской» (*Об.* Д.). Выраженіе *молніи носитель* ср. съ стихомъ 9-го куплета оды *На освященіе каменноостровскаго Инвалиднаго дома* (томъ I, стр. 38): «Еще носителя дастъ шлема».

[7] Птенцовъ жметъ кокошъ подъ крыломъ.

«Такъ человѣколюбивъ, какъ пеликанъ или насѣдка, которая цыплятъ своихъ охраняетъ подъ распущенными своими крыльями» (*Об.* Д.).

[8] Всевышній зиждетъ свой алтарь.

«Авторъ думаетъ, что за благодѣянія только Божескія воскурились алтари» (*Об.* Д.).

[9] Любить ихъ должно, какъ сыновъ.

«Сей стихъ великій сдѣлалъ шумъ въ городѣ, ибо императоръ Павелъ весьма поступалъ строго или, лучше сказать, тиранически, что за всякія бездѣлки посылали въ ссылку; то и заключила публика, что на счетъ его сіе сказано» (*Об.* Д.). За этимъ въ рукописи изложены нѣкоторыя подробности, уже вошедшія въ 1-ое наше примѣч. къ этой одѣ.

[10] Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна,
Гдѣ бъ можно столь добра творить!

Эти два стиха приведены Батюшковымъ въ концѣ его статьи: *Нѣчто о морали* (*Соч.* его, Спб. 1834, ч. I, стр. 22). Они же вмѣстѣ съ двумя предыдущими приложены въ снимкѣ съ автографа къ *Памятнику отечеств. музъ* на 1827 г.

Digitized by Google

28. О удовольствіи[1].

Прочь, буйна чернь, непросвѣщенна[2] 1
И презираемая мной!
Простриcь вкругъ тишина священна!
Плѣнилъ меня восторгъ святой!
Высоку пѣснь и дерзновенну,
Неслыханну и невнушенну,
Я слабымъ смертнымъ днесь пою:
Всякъ преклони главу свою!
Сидятъ на тронахъ возвышенны 2
Надъ всей вселенною цари;
Ужасной стражей окруженны,
Подъемля скиптры, судятъ при;
Но Богъ есть вышній и надъ ними:
Блистая молньями своими,
Онъ свергъ гигантовъ[а] съ горнихъ мѣстъ[3],
И перстомъ водитъ хоры звѣздъ.
Пусть занялъ юными древами 3
Тотъ область цѣлую подъ садъ;
Тотъ гордъ породою, чинами;
Предъ тѣмъ полки рабовъ стоятъ,
А сей звучитъ трубой военной;
Но въ урнѣ рока неизмѣрной[4],
Кто малъ и кто великъ, забвенъ;
Своимъ всякъ жребьемъ надѣленъ.
Когда мечъ острый, обнаженный, 4
Злодѣя надъ главой виситъ,
Обиліемъ отягощенный
Его столъ вкусный не прельститъ[б]:
Ни нѣжной цитры гласъ звенящій,
Ни птицъ весеннихъ хоръ гремящій
Ужъ чувствъ его не усладятъ,
И крѣпка сна не возвратятъ:
Сонъ сладостный не презираетъ 5
Ни хижинъ бѣдныхъ поселянъ,
Ниже дубравъ не убѣгаетъ,
Ни низменныхъ, ни тихихъ странъ,
На коихъ по колосьямъ нивы

Digitized by Google

Подъ тѣнью облаковъ игривый
Перебирается зефиръ[в],
Гдѣ царствуетъ покой и миръ.
Кто хочетъ только, чтò лишь нужно[5], 6
Тотъ не заботится никакъ,
Что море взволновалось бурно;
Что, огненный вращая зракъ,
Медвѣдица нисходитъ въ бездны[6];
Что Левъ, на сводъ несяся звѣздный,
Отъ гривы сыплетъ вкругъ лучи;
Что блещетъ молнія въ ночи;
Не безпокоится, что градомъ 7
На холмахъ виноградъ побитъ;
Что проливныхъ дождей упадомъ
Надежда[г] цвѣтъ полей не льститъ;
Что жретъ и мразъ и зной жестокій[д]
Поля, лѣса, а тамъ въ глубоки
Моря отломки горъ валятъ
И рыбъ въ жилищахъ ихъ тѣснятъ.
Здѣсь тонутъ зиждущихъ плотину 8
Работниковъ и зодчихъ тьма,
Затѣмъ, что стали властелину
На сушѣ скучны терема;
Но и средь волнъ въ чертоги входитъ
Страхъ; грусть и тамъ вельможъ находитъ;
Рой скукъ за кораблемъ жужжитъ
И вслѣдъ за всадникомъ летитъ[7].
Когда ни мраморы прекрасны 9
Не утоляютъ скорби мнѣ,
Ни пурпуръ, чтò, какъ облакъ ясный,
На свѣтлой блещетъ вышинѣ[е],
Ни грозды, сокомъ наполненны,
Ни вина, вкусомъ драгоцѣнны,
Ни благовонья ароматъ[ж]
Минуты жизни не продлятъ:
Почто жъ великолѣпьемъ пышнымъ, 10
Удобнымъ зависть возраждать,
По новымъ чертежамъ отличнымъ[з]
Огромны зданья созидать?

Digitized by Google

Почто спокойну жизнь, свободну,
Мнѣ всѣмъ пріятну, всѣмъ довольну [и],
И сельскій домикъ мой — желать
На свѣтлый блескъ двора мѣнять?

[а] Онъ свергъ Денницу съ горнихъ мѣстъ,
И перстомъ движетъ круги звѣздъ (Рукоп.).
[б] Ему столъ вкусный не польститъ.
[в] Переливается зефиръ.
[г] Надеждой . . .
[д] Что сѣтуютъ на зной жестокій,
На мразъ лѣса.
[е] Горитъ на синей вышинѣ.
[ж] Ни благовоньемъ масть своимъ,
Ни сладкій ароматный дымъ.
[з] По новымъ образцамъ отличнымъ
Надменны зданья созидать?
[и] Всегда пріятну, всѣмъ довольну,
И малый домикъ мой — желать
На блескъ богатства промѣнять?
— На горы злата промѣнять?

---

[1] Довольно близкое подражаніе Горацію или даже переложеніе (paraphrasis) 1-й оды книги III-й его одъ. По нынѣшнему употребленію языка заглавіе не выражаетъ содержанія, и вмѣсто *Объ удовольствіи* слѣдовало бы сказать *О довольствѣ малымъ* (Genügsamkeit). Капнистъ также перевелъ эту оду, но въ другой формѣ и подъ заглавіемъ: «Ничтожество богатствъ».

Напечат. въ изданіи 1808 г., ч. II, XVII.

[2] Прочь, буйна чернь, непросвѣщенна *и проч.*

У Горація: «Odi profanum vulgus et arceo».

У Капниста: «Непросвѣщенну чернь съ презрѣньемъ отвергаю».

У г. Фета: «Темную чернь отвергаю съ презрѣньемъ» и къ этому примѣчаніе переводчика: «Передъ совершеніемъ религіозныхъ обрядовъ жрецъ удаляетъ темную непосвященную толпу».

Ср. выше, стр. 69, конецъ посланія *Капнисту*.

[3] . . . Онъ свергъ гигантовъ съ горнихъ мѣстъ.

У Горація: «Reges in ipsos imperium est Jovis,
Clari giganteo triumpho,
Cuncta supercilio moventis».

Въ переводѣ г. Фета:
«Воля Юпитера правитъ царями,
Славный тріумфомъ въ бою съ исполинами,
Грозными свѣтъ потрясаетъ бровями».

[4] Но въ урнѣ рока неизмѣрной *и проч.*

Въ подлинной одѣ:
«Omne capax movet urna nomen».

У г. Фета: «Емкій сосудъ имена всѣхъ вращаетъ».

[5] Кто хочетъ только, что̀ лишь нужно.

У Горація: «Desiderantem quod satis est» ...
У г. Фета: «Малымъ довольный ничѣмъ не смущается».

Въ этомъ стихѣ — главная идея оды, вся сущность ея. Къ послѣдующимъ стихамъ своего перевода г. Фетъ счелъ нужнымъ приложить поясненіе, которое и здѣсь будетъ нелишнимъ: «Кто довольствуется крайне необходимымъ, тотъ не боится, вслѣдствіе неблагопріятныхъ явленій природы, потерять состояніе».

[6] Медвѣдица нисходитъ въ бездны *и проч.*

Медвѣдица и *Левъ* — названія созвѣздій. У Горація названы здѣсь *Арктуръ* и *Козлята*, созвѣздія, находящіяся по сосѣдству съ Медвѣдицей. Капнистъ всѣхъ ближе перевелъ это мѣсто:

«Ни западъ лютаго Арктура не смущаетъ,
Ни звѣзднаго Козла восходъ»

съ объясненіемъ, что древніе полагали захожденіе (*западъ*) Арктура въ октябрѣ, созвѣздіе же Козлятъ восходитъ въ концѣ сентября и предвѣщаетъ бурную погоду. Замѣнивъ названныя Гораціемъ созвѣздія *Медвѣдицей* и *Львомъ* (Левъ находится также по близости Медвѣдицы), Державинъ, кажется, упустилъ изъ виду значеніе, приданное римскимъ поэтомъ восходу и захожденію свѣтилъ: закатъ Медвѣдицы и появленіе Льва у насъ не составляютъ никакихъ примѣтъ.

[7] ... И вслѣдъ за всадникомъ летитъ.

У Горація: ... «neque
Decedit aerata triremi, et
Post equitem sedet atra Cura».

Въ переводѣ г. Фета:

«Онъ на корабль — и забота на палубѣ;
Онъ на коня — и печаль за плечами».

Ср. выше, стр. 68, 5-ю строфу посланія *Капнисту*.

---

29. НА ВОРОЖБУ [1].

Не любопытствуй запрещеннымъ 1
Халдейскимъ мудрованьемъ знать,
Какая есть судьба рожденнымъ
И сколь намъ долго проживать?
Полезнѣе о томъ не вѣдать
И не гадать, что̀ будетъ впредь;
Ни лиха, ни добра не бѣгать,
А принимать, что̀ ни придетъ.
Пусть боги свыше посылаютъ 2
Жестокій зной иль лютый мразъ,

Digitized by Google

Пусть бури, грозы повторяютъ,
Иль грянетъ громъ въ послѣдній разъ:
Что нужды? — Будь мудрѣй, чѣмъ прежде;
Въ прокъ винъ не запасай драгихъ;
Обрѣзывай крылѣ надеждѣ
По краткости ты дней своихъ.
Такъ! время злое быстротечно 3
Летитъ межъ тѣмъ, какъ говоримъ;
Щипли жъ веселіе сердечно
Съ тѣхъ розъ, на кои мы глядимъ:
Красуйся дня сего благими,
Пей чашу радости теперь,
Не льстись горами золотыми
И будущему дню не вѣрь[2].

[1] Въ одной рукописи поставлено въ заглавіи: *На Колдовство*. Подражаніе одѣ Горація (кн. I, ода 11) *Къ Левконоѣ*, но въ подлинникѣ всего только восемь стиховъ, которые и помѣщаемъ здѣсь въ переводѣ г. Фета:

«Не спрашивай; грѣшно, о Левконоя, знать,
Какой тебѣ и мнѣ судили боги дать
Конецъ. Терпи и жди! не знай халдейскихъ бредней.
Дано ли много зимъ, иль съ этою послѣдней,
Шумящей по волнамъ Тиррены, смолкнешь ты,
Пей, очищай вино и умѣряй мечты....
Пока мы говоримъ, уходитъ время злое:
Лови текущій день, не вѣря въ остальное».

Напечат. въ изданіи 1808, ч. II, XVIII.

[2] И будущему дню не вѣрь.

Ср. томъ I, стр. 356, примѣч. 15 къ одѣ *На умѣренность*.

---

30. ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ[1].

Блаженъ, кто, удалясь отъ дѣлъ, 1
Подобно смертнымъ первороднымъ,
Оретъ отеческій удѣлъ
Не откупнымъ трудомъ, — свободнымъ[2],
На собственныхъ своихъ волахъ;
Кого ужасный гласъ, отъ сна[a] 2
На брань, трубы не возбуждаетъ[3],
Морская не страшитъ волна,

Въ судъ ябеда не призываетъ;
И господамъ[б] не бьетъ челомъ[4],
Но садитъ онъ въ саду своемъ 3
Кусты и овощи цвѣтущи,
Иль, дикихъ древъ кривымъ ножемъ
Обрѣзавъ пни, и плодъ дающи
Черенья прививаетъ къ нимъ;
Иль зритъ вдали ходящій скотъ, 4
Рычащій въ вьющихся долинахъ;
Иль перечищенную льетъ
И прячетъ патоку въ кувшинахъ,
Или стрижетъ своихъ овецъ[в];
Но Осень какъ главу въ поляхъ, 5
Гордясь, съ плодами возвышаетъ,
Какъ радъ, что рветъ ихъ на вѣтвяхъ,
Привитыхъ имъ, — и посвящаетъ
Даръ Богу, пурпура краснѣй.
На брегѣ ли въ травѣ густой, 6
Подъ дубъ ли древній онъ ложится:
Въ лѣсу гамъ птицъ, съ скалы крутой
Журча къ нему ручей стремится,
И все наводитъ сладкій сонъ[г].
Когда жъ гремящій въ тучахъ Богъ 7
Покроетъ землю всю снѣгами,
Звѣрей онъ ищетъ слѣдъ и логъ;
Тамъ зайца гонитъ, травитъ псами[д],
Здѣсь ловитъ волка въ тенета;
Иль тонкіе въ гумнахъ силки 8
На куропатокъ разставляетъ,
На рябчиковъ въ кустахъ пружки[е]:
О, коль пріятну получаетъ
Награду за свои труды!
Но будетъ ли любовь притомъ 9
Со прелестьми ея забыта,
Когда прекрасная лицомъ
Хозяйка мила, домовита[5]
Печется о его дѣтяхъ?
Какъ ею, русскихъ честныхъ женъ[ж] 10
По древнему обыкновенью,

Digitized by Google

Весь бытъ хозяйскій снаряженъ[5],
Домъ теплъ, чистъ, свѣтлъ, и къ возвращенью
Съ охоты мужа столъ накрытъ:
Бутылка добраго вина[а], 11
Въ прокъ пива русскаго варена,
Съ гренками коновка полна[6],
Изъ коей клубомъ лѣзетъ пѣна,
И столъ обѣденный готовъ.
Горшокъ горячихъ, добрыхъ щей, 12
Копченый окорокъ подъ дымомъ:
Обсаженный семьей моей,
Средь коей самъ я господиномъ[1],
И тутъ-то вкусенъ мнѣ обѣдъ!
А какъ жаркой еще баранъ, 13
Младой, къ Петрову дню блюденый[7],
Капусты сочныя кочанъ,
Пирогъ, груздями начиненый,
И нѣсколько молочныхъ блюдъ:
Тогда-то устрицы го-гу[8], 14
Всѣхъ мушелей заморскихъ грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чѣмъ окормляютъ насъ Французы[а],
И ужъ ничто не вкусно мнѣ.
Межъ тѣмъ пріятно изъ окна 15
Зрѣть карду съ тучными волами[9]:
Кобылъ, коровъ, овецъ полна;
Дворъ рѣзвыми кипитъ рабами:
Какъ веселъ таковой обѣдъ! —
Такъ откупщикъ вчерась судилъ, 16
Сбираясь быть поселяниномъ;
Но правежемъ долги лишь сбрилъ,
Остался паки мѣщаниномъ,
А нынѣ деньги отдалъ въ ростъ[10].

а Кого гласъ громкій трубъ отъ сна
Въ полночь на брань не возбуждаетъ (Рукоп.)
б И барамъ онъ не бьетъ челомъ.
в Иль шерсть стрижетъ съ своихъ овецъ.
г И все зоветъ пріятный сонъ.
д И тутъ и тамъ ихъ травитъ псами
И гонитъ волка въ тенета.

Digitized by Google

[е] На зайцевъ по кустамъ пружки.
[ж] Когда, благочестивыхъ женъ.
[з] Весь въ домѣ бытъ ей уряженъ,
Изба чиста (тепла), и къ возвращенью.
[и] Двоенаго бутыль вина
И пива въ мартѣ въ ледъ варена
Большая ендова полна,
Изъ коей поднялася пѣна;
Готовы рѣдька, хлѣбъ и соль.
  Горшокъ говяжьихъ добрыхъ щей,
Горячихъ изъ печи подъ дымомъ.
[і] За коимъ самъ я господиномъ,
И тутъ-то за ушми трещитъ!
  А жареный притомъ баранъ *и проч.*
[к] Чѣмъ лакомя, насъ тлятъ Французы,
И все уже не вкусно мнѣ.

---

[1] По *Объясненіямъ* Державина, написана въ Петербургѣ; по *Ключу же къ сочиненіямъ* его, (стр. 79) — въ сельцѣ Званкѣ. Первая половина этой пьесы составляетъ близкій и даже довольно точный переводъ изъ Горація (книга эподовъ, ода 2); во второй поэтъ замѣняетъ римскіе образы подлинника чертами изъ русскаго быта и свободно предается игрѣ своего воображенія. Потому-то въ рукописяхъ его это стихотвореніе и носитъ такое заглавіе: «Горація похвала сельской жизни, соображенная съ россійскими нравами». Въ *Объясненіяхъ* также сказано: «Соображена съ русскими обычаями и нравами».

Этой одѣ Горація подражали многіе поэты на разныхъ языкахъ, напр. Попъ и Клейстъ: у послѣдняго см. пьеу Das Landleben, an Herrn Ramler. Державинъ 1789 г. пародировалъ начало Гораціевыхъ стиховъ въ одѣ *На Счастіе* (томъ I, стр. 171). Русскій переводъ ихъ въ стихахъ, безъ подписи, напечатанъ въ *Другѣ Просвященія* за ноябрь 1804 г., ч. IV., стр. 126. Въ бумагахъ Державина нашли мы писанное имъ очень давно, именно еще въ 1780-хъ годахъ, начало какого-то стихотворенія подъ заглавіемъ *Стансъ*, составляющее по видимому эскизъ этой пьесы. Вотъ первые стихи:

Блаженъ тотъ, кто, отдаленъ отъ свѣта,
Отдаленъ отъ шуму придворнаго,
Препроводитъ въ глубокой тишинѣ
    Минуты дней своихъ.
Громкой гласъ трубы
Не поощряетъ его къ сраженіямъ,
Ни буря, ни гроза
Его не устрашаетъ *и проч.*

Напечатано въ изданіи 1808 г., ч. II, xix.

[2] Не откупнымъ трудомъ, — свободнымъ ...

У Горація другое: «Solutus omni foenore», т. е. не заботясь о ростѣ о барышѣ.

Digitized by Google

[3] На брань, трубы не возбуждаетъ.

Слова *гласъ трубы* весьма неловкимъ образомъ отдѣлены одно отъ другаго.

[4] И господамъ не бьетъ челомъ.

Это предложеніе осталось бы безъ подлежащаго, еслибъ оно, какъ въ изданіи 1808 г., заканчивалось точкой.

[5] Хозяйка мила, домовита.

Ср. 9-й стихъ строфы 1-й оды *Приглашеніе къ обѣду* (томъ I, стр. 463).

[6] Съ гренками коновка полна.

Кóновъ или *конóвъ* — котелъ, горшокъ (*Словарь церк. сл. и русс. языка*, Спб. 1847). Черезъ стихъ выраженіе: «И столъ обѣденный готовъ» въ изд. 1808 г. поправлено рукой Державина: «И ужъ обѣдъ готовъ». Но такъ какъ тутъ недостаетъ одной стопы, то въ послѣднихъ смирдинскихъ изданіяхъ вставлено *се*, и стиху произвольно дана такая редакція: «И се уже обѣдъ готовъ».

[7] Младой, къ Петрову дню блюденый.

Внутри Россіи въ деревняхъ обыкновенно лучшихъ барашковъ вскармливаютъ къ Петрову дню, къ розговѣнью (*Об.* Д.).

[8] Тогда-то устрицы го-гу.

Охотники до устрицъ и дичи любятъ кушать ихъ съ запахомъ, что̀ по-французски называется haut-goût, т. е. высокаго вкуса (*Об.* Д.).

[9] Зрѣть карду съ тучными волами.

Кардою называется въ понизовыхъ губерніяхъ зимняя загорода для скота, который выгоняютъ туда въ ясные дни (*Об.* Д.). По *Словарю ц. сл. и русс. яз.* это — «строеніе для домашняго рогатаго скота»; по *Опыту Обл. великор. сл.* — «ограда изъ жердей или тычинъ около огорода».

[10] А нынѣ деньги отдалъ въ ростъ.

Послѣдняя строфа — опять близкое подражаніе Горацію:

«Haec ubi locutus foenerator Alphius,
Jamjam futurus rusticus,
Omnem redegit Idibus pecuniam,
Quaerit Calendis ponere».

Т. е. сказавъ это ростовщикъ Альфій, уже готовый сдѣлаться поселяниномъ, собралъ въ Иды всѣ свои деньги, а въ Календы старается опять пустить ихъ въ оборотъ.

Извѣстно начало этой оды въ подлинникѣ:

«Beatus ille qui procul negotiis
Ut prisca gens mortalium,
Paterna rura bobus exercet suis,
Solutus omni foenore».

Digitized by Google

31. ПОХВАЛА ЗА ПРАВОСУДІЕ[1].

Кто сей изъ смертныхъ дерзновенной,
За правый судъ что возжелалъ
Вѣнца отъ истины священной
И лиры моея похвалъ?
Кто сей, стяжалъ который право[а]
Людей сердечны сгибы знать:
Чтò свято въ нихъ, и чтò лукаво,
Во внутренности душъ[2] читать[б]?
Кто думаетъ на лица сильныхъ
Не зрѣть, и на мольбы друзей?
Отъ красоты очесъ умильныхъ[в]
Щититься должности броней?
Кто блескомъ не прельстился злата
Въ груди, сіяющей звѣздой?
Кому взглядъ царскій, ихъ палата[3]
Магнитной не были стрѣлой?
Кто забывалъ враговъ обиды,
Отъ мести отвращалъ свой взоръ,
Противны, благосклонны виды
Кому не вкрались въ приговоръ?
Кто хладно зрѣлъ на пиръ, забаву,
Подъ сѣнью роскоши не млѣлъ[г],
Заслуживать мірскую славу
И презирать ее умѣлъ;
Здоровья не щадя, сквозь ночи
Просиживалъ за грудой книгъ;
Отеръ невинныхъ слезны очи
И путь пресѣкъ ко злобѣ злыхъ?
Кто, слабость смертныхъ ощущая,
Соблюлъ законовъ строгій долгъ,
Себя во ближнемъ осуждая,
Былъ вкупѣ человѣкъ и Богъ?
Не онъ ли есть зерцало чести[д]?
Не онъ ли образецъ судей?
Премудръ и глухъ ко гласу лести,
Не проситъ похвàлы ни чьей. —
Такъ, князь! держись и ты сихъ правилъ,

И вѣрь, что похвала — мечта:
Счастливъ, коль отличаетъ Павелъ,
И совѣсть у тебя чиста!

[а] Не тотъ ли, кто присвоилъ право
Сердечны сгибы знать людей (Рукоп.).
[б] И быть всевидящимъ судьей.
[в] Отъ красоты очей умильныхъ
Закрыться должности броней?
[г] Подъ дланью нѣги не тучнѣлъ.
[д] Не ты ль то, князь? — Ахъ, нѣтъ! — я чести
Отдать тебѣ страшуся сей;
Хула для мудрыхъ — голосъ лести.
Доволенъ правдой будь моей.
Благоволитъ тебѣ коль Павелъ
И совѣсть у тебя чиста,
Держися ихъ всегда ты правилъ.
Вотъ честь; моя жъ хвала — мечта.

---

[1] Генералъ-аудиторъ князь Иванъ Андреевичъ Шаховской не разъ просилъ Державина написать ему стихи въ похвалу за правосудіе. Но такъ какъ въ царствованіе императора Павла приговоры составлялись чрезвычайно поспѣшно, и особенно военный судъ долженъ былъ кончать каждое дѣло не далѣе какъ черезъ три дня, «такъ что часто безъ справокъ посылали въ ссылку», то хвалить за правосудіе нельзя было безусловно. Этимъ-то и объясняются послѣдніе два стиха пьесы. Въ черновыхъ рукописяхъ она носитъ заглавіе *Генералъ-аудитору князю Шаховскому*. Потомъ эта фамилія была замѣнена буквами *NN*, и наконецъ придумано совсѣмъ другое заглавіе. Передъ напечатаніемъ пьесы послѣдніе девять стиховъ передѣлывались нѣсколько разъ, такъ что въ одной рукописи ими исписана, съ поправками и помарками, цѣлая страница.

Напечат. въ изданіи 1808 г., ч. II, xx.

[2] Во внутренности душъ читать.

Въ экземплярѣ изданія 1808 г., принадлежавшемъ Державину, поставлено его рукою *душъ* вмѣсто напечатаннаго тамъ слова *ихъ*.

[3] Кому взглядъ царскій, ихъ палата *и проч.*

Подъ *палатой* здѣсь разумѣется Сенатъ; «кто взгляду царскому или наклонности Сената не послѣдовалъ такъ, какъ стрѣла магнитная всегда обращается къ Норду» (*Об.* Д.).

---

32. КЪ САМОМУ СЕБѢ [1].

Что мнѣ, что мнѣ суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если міръ [а] за то бранится,

Digitized by Google

Что иду прямой стезей?
Пусть другіе работаютъ, —
Много мудрыхъ есть господъ:
И себя не забываютъ,
И царямъ сулятъ доходъ [а].
Но я тѣмъ коль безполезенъ [б],
Что горячъ и въ правдѣ чортъ, —
Музамъ, женщинамъ любезенъ
Можетъ пылкій быть Эротъ.
Стану нынѣ съ нимъ водиться [в],
Сладко ѣсть и пить и спать:
Лучше, лучше мнѣ лѣниться,
Чѣмъ злодѣевъ наживать.
Полно быть въ дѣлахъ горячимъ,
Буду лишь у правды гость;
Тонкимъ сдѣлаюсь подъячимъ,
Растворю пошире горсть.
Утромъ раза три въ недѣлю
Съ милой Музой порѣзвлюсь;
Тамъ опять пойду въ постелю
И съ женою обоймусь.

[а] ... свѣтъ ... (Рукоп.).
[б] Если жъ тѣмъ я безполезенъ,
Что горячъ, на правду чортъ.
[в] Стану, стану съ нимъ водиться.

---

[1] Писать *къ самому себѣ* было одною изъ любимыхъ темъ поэтовъ прошлаго вѣка. Примѣръ подобныхъ стихотвореній подали еще древніе; между Анакреоновскими одами есть нѣсколько съ такимъ заглавіемъ (Εἰς ἑαυτόν); изъ нихъ особено XV (7) и XXIV (38) нашли себѣ нѣкоторый отголосокъ въ этихъ стихахъ Державина. Въ переводѣ Львова первая изъ нихъ начинается стихами:

«Что нужды мнѣ до Гига,
Сардійскаго царя»;

а послѣдняя, въ которой всего десять стиховъ, кончается такъ:

«Попеченье, суеты,
Васъ прошу я удалиться;
Что за нужда мнѣ до васъ?
Смерть покуда не подкралась,
Пошучу я, посмѣюсь,
Попляшу съ прекраснымъ Вакхомъ».

Digitized by Google

Ср. *Деревенскую жизнь* Державина, подъ 1802 г.

Стихи *Къ самому себѣ*, безъ подписи, есть уже и въ *Собесѣдникѣ* (ч. VII); Карамзинъ также написалъ стихотвореніе подъ этимъ заглавіемъ (*Аониды*. кн. I, стр. 52, и *Соч. Карамз.*, Спб. 1834, ч. I, стр. 89).

Поводъ къ происхожденію пьесы Державина такъ объясненъ въ *Запискахъ* его (*Р. Б.*, стр. 427): Когда люди сильные при императорѣ Павлѣ пользовались возможностью обогащаться казенными землями и потомъ, для вознагражденія обѣднѣвшихъ крестьянъ, притѣсняли помѣщиковъ, то Державинъ, присутствуя въ межевомъ департаментѣ, возставалъ противъ генералъ-прокуроровъ, князей Куракина и Лопухина, также и противъ государственнаго казначея Васильева за злоупотребленіе государевой милости. Видя, что они на эти упреки не обращаютъ никакого вниманія, онъ написалъ пѣсню *Къ самому себѣ* и распустилъ ее по городу, желая, чтобъ она дошла до Государя и чтобъ его спросили, кого онъ въ ней разумѣлъ. Боясь этого, они старались скрыть ее и втайнѣ раздражали императора Павла противъ Державина.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 52, и въ изд. 1808, ч. III, XXII.

[2] И царямъ сулятъ доходъ.

Министры составляли проекты къ умноженію доходовъ, напр. князь Куракинъ предлагалъ учредить «25-и лѣтній банкъ купонами», а между тѣмъ они получали отъ Государя подарки и разбирали въ свою собственность казенныя земли (*Об.* Д.).

---

33. ГЕРКУЛЕСЪ [1].

Геркулесъ пришелъ Данаю
Мимоходомъ навѣстить:
Я, сказалъ, тобой пылаю
(Онъ хотѣлъ съ ней пошутить).
Съ важнымъ взоромъ и умильнымъ,
Пламени въ лицѣ полна,
Вздумала съ героемъ сильнымъ
Также пошутить она.
Начала съ нимъ разговоры,
Рѣчь за рѣчь и онъ повелъ;
Какъ-то встрѣтились ихъ взоры,
Нечувствительно онъ сѣлъ,
И межъ тѣмъ какъ занялися
Такъ они шутя собой,
Гдѣ, откуда ни взялися [2]
Мальчиковъ крылатыхъ строй:
Вкругъ летали, шурмовали,

Digitized by Google

Надъ главами ихъ паря,
И, подкравшись тихо, крали
Все вокругъ богатыря:
Тотъ унесъ, кряхтя, дубину,
Тотъ сайдакъ, тотъ страшный мечъ;
Стеребили кожу львину
Тѣ съ его могущихъ плечъ.
Не могла не улыбнуться
Красота[a], какъ шлемъ сняла:
Не успѣлъ онъ оглянуться, —
Въ шлемѣ страсть гнѣздо свила.

[a] Тутъ краса ... (1804).

---

[1] Въ *Объясненіяхъ* Державина ничего не сказано объ источникѣ этой пьесы; но очевидно, что первоначальной мыслью ея онъ обязанъ переводу или подражанію изъ Греческой Антологіи. Вѣроятно, въ рукахъ его была изданная Гердеромъ (во второй разъ 1791 г.) книжка такихъ подражаній подъ заглавіемъ «Blumen aus der Griechischen Anthologie»: въ ней встрѣчаются многія изъ тѣхъ стихотвореній Антологіи, которыя перелагалъ Державинъ, хотя въ частностяхъ и не замѣтно, чтобъ онъ слѣдовалъ именно Гердеру. Въ изданныхъ Гердеромъ сборникахъ греческихъ стихотвореній (кромѣ Blumen, онъ издалъ еще Hyle) мы находимъ между прочимъ: гимнъ Арифрона *Богинѣ Здравія* (An die Gesundheit, см. нашъ томъ I, стр. 468), гимнъ Діонисія *Аполлону* (An die Sonne, см. выше стр. 40), стихотвореніе *Горючій ключъ* (Der warme Quell, стр. 82), гимнъ Клеанта *Богу* (Dem höchsten Gott, см. ниже подъ 1800 г.) и наконецъ пьесу *Побѣжденный Геркулесъ* (Der besiegte Herkules), напоминающую настоящее стихотвореніе Державина.

Въ Планудовой Антологіи подлинникъ помѣщенъ (103) подъ заглавіемъ Εἰς ἄγαλμα Ἡρακλέους (На статую Геркулеса), какъ произведеніе Туллія Гемина, которому принадлежитъ еще семь эпиграммъ въ этомъ сборникѣ. Предлагаемъ подстрочный переводъ пьесы:

«Геркулесъ, гдѣ твоя великая вѣтвь, гдѣ немейскій плащъ и колчанъ со стрѣлами? гдѣ гордая сила? отчего изобразилъ тебя Лизиппъ въ скорби, смѣшавъ металлъ съ печалью? Горемъ лишенъ ты оружія. Кто тебя такъ обобралъ? Крылатый богъ, единственный тяжелый бичъ всѣхъ живущихъ, Эротъ».

Къ этому надобно присоединить еще другую пьесу изъ того же сборника, очевидно составившую также матеріалъ для стихотворенія Державина. Она въ нѣмецкомъ переводѣ названа: Die bewaffneten Amor'n (Вооруженные Эроты). Передаемъ ее въ прозѣ: «Посмотри, какъ дѣти Аматузіи ограбили весь Олимпъ; украшенные добычей, они идутъ съ радостными кликами: одни съ оружіемъ Феба, другіе съ перунами Юпитера;

эти насутъ шлемъ, тѣ — щитъ Марса, тѣ — суковатую палицу Геркулеса, иные — трезубецъ, у нѣкоторыхъ окрыленные башмаки Гермеса, у другихъ — зеленѣющееся копье Бромія. Не старайтесь, смертные, избѣгнуть стрѣлъ Эротовъ, когда сами Олимпійскіе уступили имъ оружіе» (Tempe Якобса, Лейпцигъ, 1803, т. II, стр. 128).

Подъ *Данаей* въ первомъ стихѣ у Державина разумѣется просто гречанка (*Об.* Д.). *Геркулесъ* напечатанъ въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804, стр. 63, и въ изд. 1808, ч. III, xxx.

[2] Гдѣ, откуда ни взялися.

Державинъ употребилъ *ни взялися* по привычкѣ своей ставить множественное число при собирательномъ имени (здѣсь — *строй*). См. въ томѣ I, стр. 82, примѣч. къ выраженію: «Хоръ Музъ ... вѣнчаютъ лаврами тебя». Ср. тамъ же стр. 461 примѣч. 4.

---

34. БОГАТСТВО [1].

Когдабы было намъ богатствомъ
Возможно кратку жизнь продлить, —
Не ставя ничего препятствомъ,
Я сталъ бы золото копить.
Копилъ бы для того я злато,
Чтобы, какъ придетъ смерть сражать,
Тряхнуть карманомъ торовато
И жизнь у ней на откупъ взять.
Но ежели нельзя казною
Купить минуты ни одной,
Почто же злата намъ алчбою
Такъ много нашъ смущать покой?
Не лучше ль въ пиршествахъ пріятныхъ
Съ друзьями время проводить;
На ложахъ мягкихъ, ароматныхъ
Младымъ красавицамъ служить?

[1] Переводъ Анакреоновской оды (XXIII, Εἰς χρυσόν; — 34, Εἰς φιλάργυρον), которую переложилъ и Ломоносовъ, по обыкновенію своему, съ присоединеніемъ отвѣта. Въ изданіи Львова, которымъ пользовался Державинъ, она переведена слѣдующимъ образомъ:

На богатство.

«*Когда бы* Плутусъ златомъ
Могъ смертныхъ *жизнь продлить:*
Рачительно бъ старался
Я *золото копить*

На то, чтобъ откупиться
Тогда, какъ смерть явится;
Но жизни *искупить*
Не можемъ мы *казною:*
На что вздыхать, тужить,
Сбирать добро, хранить,
Коль данну смерть судьбою
Цѣной не отвратить?
Мнѣ жребій вышелъ пить
И въ питіи *пріятномъ*
Въ пирахъ съ друзьями жить;
На *ложѣ ароматномъ*
Венерѣ *послужить*».

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 83, и въ изд. 1808, ч. III, LXVI.

---

35. ПАРАШѢ [1].

Бѣлокурая Параша, 1
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ!

Ты, которой повторяетъ 2
Звучну арфу нѣжный гласъ,
Какъ Палаша ударяетъ [2]
Въ струны, утѣшая насъ!

Встань, пойдемъ на лугъ широкой, 3
Мягкій, скатистый къ прудамъ;
Тамъ подъ сѣнью древъ далекой [a]
Сядемъ, взглянемъ по струямъ:

Какъ, скользя по нимъ, сверкаетъ 4
Лучъ отъ царскихъ теремовъ [3],
Звѣзды, солнцы разсыпаетъ
По тѣнямъ между кустовъ.

Какъ за сребряной плотицей 5
Линь златой по дну бѣжитъ:
За прекрасною дѣвицей,
За тобой Амуръ летитъ.

[a] ... высокой (Рукоп.).

---

[1] Прасковьѣ Михайловнѣ Бакуниной «на любовное исканіе Петра Андреевича Нилова» (*Об.* Д.). Бакунины были въ родствѣ съ Державин-

нымъ по второй женѣ его. Отецъ Параши, Михаилъ Васильевичъ Бакунинъ, былъ женатъ на княжнѣ Любови Петровнѣ Мишецкой, сестра которой, Авдотья Петровна Дьякова, была мать Дарьи Алексѣевны Державиной (см. томъ I, стр. 408). Вмѣстѣ съ Парашею жили у Державиныхъ еще двѣ изъ сестеръ ея, Пелагея и Варвара, которыя также упоминаются не разъ въ стихахъ нашего поэта (*Палаша и Варя*)*.

«Любовное исканіе» П. А. Нилова увѣнчалось успѣхомъ. Въ *Запискахъ* своихъ (*Р. Б.*, стр. 434) Державинъ подъ 1801 годомъ разсказываетъ, что онъ узналъ о смерти императора Павла отъ свояченицы своей, жены Нилова, жившей съ мужемъ своимъ у него въ домѣ, которая «часу поутру въ осмомъ ... вбѣгаетъ къ нему ... и сказываетъ, запыхавшись, что Императоръ скончался».

Петръ Андреевичъ былъ сынъ стариннаго пріятеля Державину, тамбовскаго помѣщика, Андрея Петровича Нилова, котораго жена, Елисавета Корнильевна Нилова, въ свое время была извѣстна въ литературѣ, какъ переводчица. Она была урожденная Бороздина, сестра Матвѣя Корнильевича, отца покойному сенатору Константину Матвѣевичу (см. въ томѣ I, наше Предисловіе, стр. X). Сынъ ея, Петръ Андреевичъ Ниловъ, гвардейскій офицеръ, женился на Бакуниной въ январѣ 1799 года; потомъ онъ служилъ нѣкоторое время подъ начальствомъ Державина, позднѣе у кн. П. В. Лопухина, впослѣдствіи же былъ тамбовскимъ губернаторомъ и наконецъ казанскимъ. Онъ умеръ 1839 г. въ Кіевѣ, гдѣ и похороненъ подъ церковью *Аскольдова Могила*. Ниловы въ первое время послѣ женитьбы жили въ одномъ изъ двухъ небольшихъ деревянныхъ домовъ, построенныхъ Державинымъ по обѣ стороны его каменнаго дома близъ Измайловскаго моста (томъ I, стр. 310). Прасковья Михайловна Нилова, женщина высокаго ума и необыкновенной доброты, всѣми любимая и уважаемая, занимала 16 лѣтъ мѣсто начальницы кіевскаго дѣвичьяго института, который былъ ею и основанъ; умерла въ Москвѣ 6 апрѣля 1853 г. и похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ (слышано въ 1864 г. отъ А. П. Кожевниковой, умерш. 8 сент. 1868 г.).

Сестры Бакунины часто вдохновляли нашего поэта: см. слѣдующія здѣсь стихотворенія, также пьесы *Варюша* (1799) и *На разлуку* (1801).

Стихи *Парашѣ* написаны въ Гатчинѣ, куда Державинъ, въ царствованіе императора Павла, ѣзжалъ по службѣ, а можетъ быть иногда и въ гости къ Н. А. Львову, который жилъ тамъ, пользуясь благоволе-

* Другія двѣ сестры были: Татьяна, въ замужствѣ Полторацкая, и Анна, оставшаяся въ дѣвицахъ, такъ же какъ и Пелагея. И онѣ гостили долго въ домѣ Державиныхъ. Отецъ ихъ, М. В. Бакунинъ, провелъ большую часть жизни и умеръ, кажется 1795 г., въ своемъ селѣ Примухинѣ (Тверской губ. близъ Торжка). У М. В. Бакунина было два брата, которые оба носили имя Петра, для отличія же другъ отъ друга назывались *старшій* и *меньшой* Петръ Васильевичъ; при Екатеринѣ II оба они служили въ иностранной коллегіи. Одинъ изъ нихъ, тайный совѣтникъ, пользовался большимъ вѣсомъ, былъ начальникомъ и покровителемъ Н. А. Львовъ (Объ этомъ Бакунинѣ см. переписку 1786 г. въ V томѣ нашего изданія; ср. *Москвит*. 1855, № 6).

Digitized by Google

ніемъ Государя (см. ниже подъ 1804 г. *Память другу*). Первоначальный автографъ этой пьесы съ поправками доставленъ намъ М. П. Погодинымъ. Здѣсь къ 3-му стиху сдѣлано поэтомъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе: «Риѳма совѣтовала написать:

Подрумяненная каша
Какъ со сладкимъ молокомъ.

Но какъ Параша до сладкого не очень охотница и чтобъ мухи на нее не налетали, то сія богатая риѳма и отставлена, а другой на русскомъ языкѣ нѣтъ». При перебѣленныхъ на томъ же листкѣ стихахъ это примѣч. измѣнено такъ: «Въ угожденіе тѣхъ моихъ пріятелей, кои недовольны бываютъ небогатыми риѳмами, должно бы написать:

Какъ румяна, бѣла каша
Съ майскимъ, сладкимъ молокомъ.

Но какъ я боялся, чтобъ на очень сладкую мою Парашу мухи не садились, то и не употребилъ сей богатой риѳмы».

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 82, и въ изд. 1808, ч. III, XLIV.

[2] Какъ Палаша ударяетъ.

Пелагея Михайловна Бакунина, сестра Параши. См. примѣч. 1.

[3] Лучъ отъ царскихъ теремовъ —

Гатчинскихъ (*Об.* Д.).

---

36. ПОРТРЕТЪ ВАРЮШИ [1].

Милая заря весення,
Алымъ блескомъ покровенна,
Какъ встаетъ съ кристальныхъ водъ
И въ небесный идетъ сводъ [а],
Мещетъ яхонтные взоры;
Тихій свѣтъ и огнь живой
Проницаетъ тверды горы [б]:
Такъ, Варюша, образъ твой.

[а] Идетъ на небесный сводъ (Рукоп.).
[б] Проницая . . .
Вотъ, Варюша . . .

---

[1] Варвары Михайловны Бакуниной, которая жила въ домѣ Державина. См. выше стр. 114. Къ той же дѣвицѣ относится стихотвореніе *Варюша*, помѣщенное ниже подъ 1799 г.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 84, и въ изд. 1808, ч. III, XLVII.

Digitized by Google

37 АРФА[1].

Не въ лѣтній ль знойный день[а] прохладный вѣтерокъ 1
Въ легчайшемъ снѣ на грудь мою пріятно дуетъ?
Не въ злакѣ ли журчитъ хрустальный ручеекъ[б]?
Иль милая въ тѣни[в] древесъ меня цѣлуетъ?
Нѣтъ! арфу слышу я: ея волшебный звукъ[г], 2
На розахъ дремлющій, согласьемъ тихострунным
Какъ эхо мнѣ вдали щекочетъ[д] нѣжно слухъ,
Иль шумомъ будитъ вдругъ вблизи меня перуннымъ[2].
Такъ ты, подруга музъ, ліешь мнѣ твой восторгъ 3
Подъ быстрою[е] рукой играющей хариты,
Когда ея чело вѣнчаетъ вкуса богъ
И улыбаются любовію ланиты.
Какъ весело внимать, когда съ тобой она[ж] 4
Поетъ про родину, отечество драгое,
И возвѣщаетъ мнѣ, какъ тамъ цвѣтетъ весна,
Какъ время катится въ Казани золотое!
О колыбель моихъ первоначальныхъ дней[3], 5
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей
И твой по прежнему всегдашній буду житель?
Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть[з], 6
Васъ, дубы камскіе[4], отъ времени почтенны,
По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть
И гробы обнимать родителей[и] священны[5]?
Звучи, о арфа, ты все о Казани мнѣ[і]! 7
Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ[6]!
Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ[7]:
Отечества и дымъ[к] намъ сладокъ и пріятенъ[8].

[а] Не въ лѣтній ль жаркій день ... (Рукоп.).
— Не лѣта ль въ знойный день ... (1799, *Аон.)*.

[б] Иль межъ цвѣтовъ журчитъ кристальный ручеекъ (Рукоп.).
(Въ *Аонидахъ* редакція этого стиха уже измѣнена, но съ сохраненіемъ слова *кристальный*).

[в] Не милая ль въ тѣни ... (1799).

[г] Нѣтъ, нѣтъ; — се, арфа, ты! се твой волшебный звукъ (Рукоп.).
На розахъ дремлющу ... (1799).
(Здѣсь *дремлющу* соотвѣтствуетъ мѣстоименію *мнѣ*; изъ рукописи видно, что и выраженіе *дремлющій* должно было сперва относиться къ *слуху*, а не къ *звуку*).

[д] ... щекотитъ ...
Иль будитъ вдругъ меня стремленіемъ перуннымъ (Рук. и 1799).
[е] Подъ рѣзвою ... (1799).
[ж] Такъ ты; — а паче какъ поетъ съ тобой она
Про родину мою, про отчество драгое, (Рукоп.)
Напоминаетъ мнѣ ... (1799).
[з] Когда наслѣдственны стада и нивы буду зрѣть (Рукоп.).
[и] ... родительски ... (1799).
[і] Звучи жъ, о арфа, ты ...
Звучи какъ Павелъ къ ней ...
— И днесь какъ былъ монархъ ей щедръ и благодатенъ (Рук.).
[к] И дымъ отечества ...

---

[1] Соч. на Званкѣ для Пелагеи Михайловны Бакуниной, которая играла на арфѣ (см. выше, стр. 114 и слѣд.). Въ рукописи къ заглавію прибавлено: *Къ NN*, съ означеніемъ года и мая мѣсяца, а въ другомъ мѣстѣ, іюня. Напечат. въ *Аонидахъ* 1798 — 1799 г. (кн. III, стр. 14) подъ заглавіемъ Къ арфѣ NN, и съ подписью *Державинъ;* въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804, стр. 98, и въ изд. 1808, ч. III, LVIII.

Здѣсь можно найти легкій отголосокъ нѣкоторыхъ стиховъ пьесы Галлера Sehnsucht nach dem Vaterlande (1726), написанной пятистопнымъ ямбомъ и начинающейся такъ:

Beliebter Wald, beliebter Kranz von Büschen! ...

Впрочемъ, кромѣ общаго меланхолическаго настроенія, соединеннаго съ воспоминаніемъ о родинѣ, между обоими произведеніями нѣтъ ничего общаго. *Арфа* Державина отличается особеннымъ оттѣнкомъ унылаго чувства, вообще рѣдко встрѣчающагося въ его поэзіи. «Сентиментализмъ, усвоенный нашею литературою въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго вѣка, не имѣлъ никакого вліянія на Державина. Его элегіи вовсе не похожи на элегіи романтиковъ; въ ясномъ видѣ выражаютъ онѣ положительное чувство горести, происшедшей отъ опредѣленныхъ причинъ, а не возникшей изъ какого-то непонятнаго, невыразимаго настроенія души или созданной по волѣ и прихоти самого субъекта. Примѣромъ можетъ служить *Арфа*, пьеса собственно элегическая» (А. Галаховъ, *Ист. русск. лит.* т. I, стр. 524).

[2] Иль шумомъ будитъ вдругъ вблизи меня перуннымъ.

Ср. въ стихотвореніи *Сафо* (томъ I, стр. 406) въ описаніи игры на арфѣ стихи:

Громчайши гласы побѣжали
И приближался бурный шумъ.

[3] О колыбель моихъ первоначальныхъ дней!

Державинъ родился въ Казани (собственно въ казанской деревнѣ, верстахъ въ 40 отъ города) 3 іюля 1743 года.

[4] Васъ, дубы камскіе ... *и проч.*

«На Волгѣ и на Камѣ находятся огромныя заповѣдныя дубовыя рощи для построенія кораблей» (*Об.* Д.).

Digitized by Google

[5] И гробы обнимать родителей священны.

Родители Державина, армейскій подполковникъ Романъ Николаевичъ (ум. 1754) и Өекла Андреевна (рожденная Козлова, ум. 1784), похоронены въ казенномъ селѣ лаишевскаго уѣзда Егорьевѣ, возлѣ церкви. Мы видѣли ихъ могилы въ августѣ 1862 года: какъ самыя гробницы, такъ и надписи на нихъ еще хорошо сохранились. Державины погребены здѣсь потому, что находящіяся по сосѣдству деревни ихъ, Сокуры, Кармачи и Державино, принадлежатъ къ егорьевскому приходу. См. нашу статью *О дополнительныхъ матеріалахъ для біографіи Державина, собранныхъ въ путешествіи* (*Зап. Ак. Наукъ*. т. II, кн. 2).

[6] Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ.

Императоръ Павелъ находился въ то время въ Казани. Онъ посѣтилъ ее въ маѣ мѣсяцѣ и пробылъ тамъ недѣлю. Въ его присутствіи заложенъ обширный и великолѣпный соборъ Казанскій; тогда же онъ подписалъ уставъ возобновленной въ Казани гимназіи и разрѣшилъ учрежденіе тамъ публичнаго театра (М. Рыбушкина *Краткая исторія Казани*, ч. I, стр. 130, и ч. II, стр. 36, 76). Еще прежде, въ концѣ 1797 г., казанская семинарія была переименована въ академію. По словамъ Державина въ *Объясненіяхъ*, послѣдній стихъ 4-й строфы содержитъ также намекъ на пребываніе Государя въ Казани.

[7] Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ.

Жуковскій употребилъ это выраженіе, съ прибавленіемъ словъ: «и объ нашихъ», въ одномъ письмѣ къ роднымъ (*Русск. Архивъ* 1864 г., стр. 452).

[8] Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

Этотъ стихъ, подобно многимъ стихамъ Крылова и Грибоѣдова, обратился въ поговорку. Его часто повторяютъ, вовсе не зная, что онъ принадлежитъ Державину. Къ распространенію его извѣстности много способствовалъ Грибоѣдовъ, употребивъ его въ *Горѣ отъ ума*. Тамъ, въ 7-мъ явл. дѣйствія 1-го, Чацкій говоритъ:

«Когда жъ постранствуешь, воротишься домой, —
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ».

Встрѣчая этотъ стихъ въ *Горѣ отъ ума*, многіе считаютъ самого Грибоѣдова авторомъ его. Такъ въ фельетонѣ *Спб. Вѣдомостей* 22 октября 1860 г. (№ 20) оба приведенные стиха безъ всякой оговорки приписаны Грибоѣдову; то же повторено въ *Петерб. листкѣ* 8 сент. 1868 г., № 126.

Еще и до Грибоѣдова стихомъ этимъ пользовались въ разныхъ случаяхъ. Въ 1803 г. (см. *Вѣст. Евр.*, ч. X, августъ, № 16) Вас. Наз. Каразинъ употребилъ его въ началѣ рѣчи на основаніе въ Харьковѣ университета.

Батюшковъ въ посланіи къ И. М. Муравьеву-Апостолу (*Вѣстникъ Европы* ч. LXXXVIII, 1816, № 13, и *Сочиненія* Бат., Спб. 1834, ч. II, стр. 156) сказалъ:

«Въ Пальмирѣ Сѣвера, въ жилищѣ шумной славы,
Державинъ камскія воспоминалъ дубравы,
Отчизны сладкій дымъ и древній градъ отцовъ».

Наконецъ, гораздо позднѣе кн. Вяземскій въ стихотвореніи *Самоваръ*, взявъ разсматриваемый стихъ за эпиграфъ, заключилъ такъ:

«Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ!
Не самоваромъ ли — сомнѣнья въ этомъ нѣтъ —
Былъ вдохновенъ тогда великій нашъ поэтъ?
И тѣнь Державина, здѣсь сѣтуя со мною,
Къ вамъ обращается съ упрекомъ и мольбою
И проситъ, въ честь ему и православью въ честь:
Канфорку бросить прочь и — самоваръ завесть».
(*Утр. Заря* 1840, стр. 425, и *Въ дорогѣ и дома*, М. 1862, стр. 133).

Но за всѣми повтореніями счастливаго выраженія Державина еще остается вопросъ, ему ли первоначально принадлежитъ самая мысль разсматриваемаго стиха. Перебирая выходившіе въ его время журналы, мы находимъ на заглавномъ листѣ *Россійскаго Музеума*, который издавался Ѳ. Туманскимъ отъ 1792 до 1794 года, латинскій эпиграфъ: «Et fumus patriae dulcis», безъ всякаго указанія, откуда онъ взятъ. Есть у Гомера одно мѣсто, послужившее по видимому источникомъ подобныхъ, хотя и не совсѣмъ тожественныхъ выраженій, встрѣчающихся у римскихъ писателей. Эпиграфъ же, который, какъ кажется, внушилъ Державину знаменитый стихъ, заимствованъ вѣроятно не изъ классической литературы, а изъ писателя позднѣйшей эпохи Латыни.

По этому поводу К. А. Коссовичъ въ 1863 г. писалъ намъ:

«Первый поэтъ, почувствовавшій сладость въ отечественномъ дымѣ, былъ Гомеръ. Въ первой книгѣ Одиссеи Паллада, хлопоча у Зевеса о возвращеніи на родину Одиссея, задерживаемаго Калипсою, выражается слѣдующимъ образомъ; Калипсо старается очаровать Одиссея и привлечь его къ себѣ своими вкрадчивыми и нѣжными словами; ей хочется, чтобы онъ забылъ Итаку и остался у нея навсегда; но настроеніе души Одиссеевой таково, что *для него сладостна самая смерть, лишь бы только въ виду дыма, убѣгающаго съ кровель его родины* (αὐτὰρ Ὀδυσσεὺς ἱέμενος καὶ καπνὸν ἀποϑρώσκοντα νοῆσαι ἧς γαίης ϑανέειν ἱμείρεται, Od. I, 57 — 58, т. е. если не суждено ему воротиться, то, по крайней мѣрѣ, было бы ему сладостно увидѣть съ своего корабля хоть дымъ отъ кровель прибрежныхъ домовъ его родины)*.

«Послѣ Гомера, помнится, чувство привязанности къ отечеству любили выражать подобною же метафорою и Римляне. Братъ мой, И. А., нашелъ стихъ *съ дымомъ* только у Овидія (Ov. Ep. ex ponto, I, 3, 33): Овидій говоритъ, что тоска по отечествѣ, какъ ни убѣдительны доводы его друга, доказывающіе ея безполезность, поминутно возвращается къ нему въ его изгнаніи... Назови это излишнею чувствительностью, назови это слабодушіемъ: я сознаюсь, что сердце у меня мягко

* Жуковскій такъ перевелъ это мѣсто (ст. 56 — 58 перевода):

... «Но напрасно желая
Видѣть хоть дымъ, отъ родныхъ береговъ вдалекѣ восходящій,
Смерти единой онъ молитъ».

Digitized by Google

какъ воскъ. *Впрочемъ не глупъ былъ и Одиссей, а все-таки онъ жаждетъ имѣть возможность видѣть хоть дымъ съ отечественныхъ очаговъ. Родная земля влечетъ къ себѣ человѣка, плѣнивъ его какою-то невыразимою сладостью, и не допускаетъ его забыть о себѣ.*

Non dubia est Ithaci prudentia; sed tamen optat
Fumum de patriis posse videre focis.
Nescio qua natale solum *dulcedine* captos
Ducit et immemores non sinit esse sui.

Слово *dulcedo* въ связи съ понятіемъ предыдущаго стиха, по мнѣнію моего брата, родило, по всей вѣроятности, уже послѣ римскаго времени, пословицу *dulcis fumus patriae*, изъ которой потомъ вылился у насъ стихъ: *Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ*».

Къ тому же самому приводятъ справки, обязательно доставленныя намъ г. академикомъ Наукомъ и г. профессоромъ Благовѣщенскимъ.

---

38. ЦѢПИ[1].

Не сѣтуй, милая, со груди что твоей 1
Сронила невзначай ты цѣпи дорогія:
Милѣе вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;
Оковы тягостны, хотя они златыя[2].
Такъ наслаждайся жъ здѣсь ты вольностью святою, 2
Свободною живя, какъ вѣтерокъ въ полянкѣ;
По рощамъ пролетай, кропися водъ струей,
И чѣмъ въ Петрополѣ, будь счастливѣй на Званкѣ[3].
А если и тебѣ подъ бремя чьихъ оковъ 3
Подвергнуться велитъ когда-либо Природа:
Смотри, чтобъ ихъ плела любовь лишь изъ цвѣтовъ;
Пріятнѣй этотъ плѣнъ[a], чѣмъ самая свобода.

[a] И плѣнъ пріятнѣй сей (Рукоп.).

---

[1] Написано въ іюлѣ мѣсяцѣ на Званкѣ по случаю потери Анной Михайловной Бакуниной (см. выше, стр. 113, прим. 1 къ стихотв. *Парашѣ*) золотой цѣпочки. Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 100, и въ изд. 1808, ч. III, LXI.

[2] Оковы тягостны, хотя они златыя.

По общепринятому въ нашемъ письменномъ языкѣ, предложенному еще Ломоносовымъ правилу, вмѣсто *они* должно бы здѣсь стоять *онѣ*, такъ какъ *оковы* — женскаго рода (ср. подкова); но Державинъ не всегда держался этого правила (см. въ Граммат. Ломон. позднѣйшихъ изд. § 436).

Digitized by Google

[3] И чѣмъ въ Петрополѣ, будь счастливѣй на Званкѣ.

Новгородскаго уѣзда, грузинскаго повѣта (по прежней номенклатурѣ) сельцо *Званка* находится на лѣвомъ берегу Волхова въ 5-и верстахъ отъ Волховской станціи Николаевской желѣзной дороги, въ 120-и верстахъ отъ Петербурга и въ 70-и отъ Новгорода. Оно было куплено второй женой Державина, вскорѣ послѣ замужства, у матери ея, Дьяковой. Такимъ образомъ Державинъ сталъ проводить здѣсь каждое лѣто послѣ втораго своего брака въ 1795 году (см. томъ I, стр. 408). Въ этой пьесѣ онъ въ первый разъ употребляетъ въ стихахъ имя *Званки*, которое впослѣдствіи часто встрѣчается у него.

Не имѣя дѣтей, Державины, по добротѣ своей и какъ значительнѣйшіе по своему положенію члены обширнаго родства, радушно открывали свой домъ всѣмъ близкимъ и даже давали многимъ изъ нихъ убѣжище подъ гостепріимнымъ кровомъ своимъ. Въ послѣдніе годы жизни Державина домъ его былъ пріютомъ многихъ родныхъ младшаго поколѣнія, которые любили его какъ отца и чтили въ немъ патріарха многочисленной родни. Подробнѣе о Званкѣ въ его біографіи и въ стихотв. *Жизнь званская* подъ 1807 годомъ.

---

39. НА БРАКЪ ГРАФИНИ ЛИТТЫ [1].

Діана съ голубаго трона,
Въ полукрасѣ своихъ лучей,
Въ объятія Эндиміона
Какъ сходитъ скромною стезей,
Въ хитонъ воздушый облеченна,
Чело вокругъ въ звѣздахъ горитъ, —
Въ безмолвной тишинѣ вселенна
На лунный блескъ ея глядитъ;
Иль виноградна вѣтвь младая,
Когда подпоры лишена [2],
Поблекнетъ, долу упадая,
Но, вѣтеркомъ оживлена,
Вкругъ стебля новаго средь лѣта
Обвившись листьями, встаетъ,
Цвѣтетъ и, солнцемъ обогрѣта,
Румянцемъ взоры всѣхъ влечетъ:
Такъ ты, въ женахъ о милый ангелъ,
Магнитъ очей, заря безъ тучъ, —
Какъ бракъ твой вновь позволилъ Павелъ
И кинулъ на тебя свой лучъ, —
Подобно розѣ развернувшись,

Любви душою расцвѣла.
Ты Красота, что, улыбнувшись,
Свой поясъ Марсу отдала[3].

[1] Графъ Юлій Помпеевичъ Литта, главный дѣятель въ доставленіи мальтійскому ордену покровительства императора Павла (см. ниже примѣч. 1 къ одѣ *На мальтійскій орденъ*), принадлежалъ къ миланскому роду, который вмѣстѣ съ домомъ Висконти занималъ по знатности первое мѣсто въ тамошней аристократіи. Въ семействѣ его были учреждены два фамильныя командорства мальтійскаго ордена, и потому Литта очень молодымъ человѣкомъ поступилъ на одну изъ галеръ этого ордена, главною задачею котораго была борьба съ мусульманами. Такимъ образомъ онъ посвятилъ себя морской службѣ, которую, по усилившимся вскорѣ сношеніямъ ордена съ петербургскимъ дворомъ, продолжалъ потомъ, именно съ 1789 г., въ Россіи, и отличился въ войнѣ съ Швеціею, подъ начальствомъ принца нассаускаго. Въ русской службѣ и оставался онъ до конца жизни: онъ умеръ членомъ государственнаго совѣта, въ Петербургѣ, 24 января 1839. Барону М. А. Корфу, бывшему въ то время государственнымъ секретаремъ, поручено было императоромъ Николаемъ опечатать и разобрать бумаги покойнаго, между которыми, какъ предполагалось, могли находиться любопытные документы относительно мальтійскаго ордена. Ничего подобнаго, какъ и вообще важнаго, между ними однакожъ не отыскалось. Всего болѣе любопытства возбуждалъ очеркъ жизни покойнаго, написанный имъ самимъ въ 1828 году, но содержавшій, какъ оказалось, болѣе подробностей о войнахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, нежели о немъ самомъ. «Замѣчательно тутъ», говоритъ баронъ М. А. Корфъ, «только одно обстоятельство: это проектъ сочиненной имъ себѣ самому эпитафіи слѣдующаго содержанія: Julius Renatus Mediolanensis, natus die 12 aprilis 1763; obiit in Domino ... Augusti 1836. — На чемъ было основано это предсказаніе (впрочемъ не сбывшееся) *года* и даже *мѣсяца* его смерти, мнѣ неизвѣстно». Въ отрывкѣ изъ рукописнаго дневника барона, благосклонно намъ сообщенномъ, отмѣчены далѣе слѣдующія данныя для біографіи Литты: «1782. Кавалеръ Правосудія, италіянскаго языка (въ мальтійскомъ орденѣ). — 1782. Караванистъ * въ Мальтѣ. — 1785. Капитанъ галеры. — 1786. Пріоральный визитаторъ въ Ломбардіи. — 1789. Въ русской службѣ капитанъ корабля 1-го ранга, контръ-адмиралъ, кавалеръ ордена св. Георгія 3-й ст. и золотая шпага съ надписью *за храбрость*. — 1795. Уполномоченный министръ мальтійскаго ордена при нашемъ дворѣ. — 1796. Бальи и командоръ ордена. — 1797. Вице-адмиралъ, кавалеръ ордена св. Александра Невскаго и графъ Россійской Имперіи. — 1798. Чрезвычайный посолъ ордена при нашемъ дворѣ. — 1799. Намѣстникъ великаго магистра ордена — 1810. Оберъ-шенкъ; потомъ оберъ-гофмейстеръ и

* ***Караванами*** назывались на орденскомъ языкѣ галеры, на которыхъ предпринимались морскія экспедиціи.

Digitized by Google

членъ государственнаго совѣта. — 1826. Оберъ-камергеръ и кавалеръ ордена св. Андрея. Впослѣдствіи онъ былъ еще предсѣдателемъ департамента экономіи въ гос. совѣтѣ, коммиссіи о построеніи Исакіевскаго собора и попечительнаго совѣта о богоугодныхъ заведеніяхъ.

Какъ видно изъ завѣщанія гр. Литты, онъ оставилъ огромное состояніе, которымъ былъ обязанъ не только своей женитьбѣ (см. ниже), но и собственному своему состоянію*, а также своей разсчетливости. Такъ онъ отказалъ внукѣ покойной жены своей, извѣстной графинѣ Самойловой, жившей давно за границей, 100 т. руб. пожизненной пенсіи; затѣмъ опредѣлены единовременные капиталы: въ пользу тюремнаго общества 100 т. р. для ежегоднаго выкупа изъ процентовъ содержащихся за долги; въ инвалидный капиталъ 100 т. р. для содержанія 10-и инвалидовъ, преимущественно морской службы, въ которой самъ онъ долго служилъ; 10 т. для раздачи бѣднымъ въ день его погребенья; единовременныя выдачи всѣмъ состоявшимъ съ нимъ въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ; единовременныя же выдачи и пенсіи всѣмъ находившимся при немъ людямъ (наприм. камердинеру 15 т. р. и 1000 р. пенсіи) и проч. Наконецъ домъ со всею драгоцѣнною движимостію, деревни и огромные капиталы завѣщаны двумъ роднымъ племянникамъ его, Литтамъ**, австрійскимъ подданнымъ, жившимъ въ Миланѣ. При кончинѣ гр. Литты всѣ сожалѣли о немъ, какъ о любезномъ и пріятномъ вельможѣ, составлявшемъ необходимую принадлежность всѣхъ салоновъ большаго свѣта. Отсутствіе его на одномъ такомъ вечерѣ (послѣднемъ въ его жизни, когда уже начались предсмертныя муки) дало поводъ бывшему тутъ барону М. А. Корфу записать въ своемъ дневникѣ: «Мы такъ привыкли видѣть гр. Литту въ каждомъ салонѣ, любоваться его вѣжливымъ и вмѣстѣ барскимъ обхожденіемъ, слышать его громовой голосъ, смотрѣть на шахматную его игру, за которою онъ проводилъ цѣлые вечера, любоваться его бодрою и свѣжею старостью, что невозможно было не вспоминать о немъ каждую минуту, особенно воображая его мученія». Къ наружной характеристикѣ графа Литты слѣдуетъ прибавить его колоссальную фигуру и величественную осанку.

Обстоятельства, сопровождавшія перенесеніе столицы мальтійскаго ордена въ Петербургъ (см. прим. 1 къ слѣдующему стихотв.), были особенно благопріятны для графа Литты, который и воспользовался ими очень ловко. Получивъ важное мѣсто при Императорѣ-гросмейстерѣ, онъ исходатайствовалъ себѣ командорство въ 10 т. руб., доставилъ брату своему должность папскаго нунція при дворѣ Павла I и наконецъ испросилъ у папы разрѣшеніе жениться вопреки орденскимъ правиламъ. Невѣста его была знатная и богатая вдова, извѣстная графиня Екатерина

* Два командорства его приносили дохода болѣе 300 т. франковъ; во время войнъ Италіи съ Франціею онъ ихъ лишился, но у него остались значительные капиталы.

** Старшій изъ нихъ — герцогъ; этотъ титулъ данъ роду Литта во время италіянскаго королевства при Наполеонѣ I. Великолѣпенъ дворецъ рода Л. въ Миланѣ.

Digitized by Google

Васильевна Скавронская, рожденная Энгельгардтъ, одна изъ племянницъ Потемкина (томъ I, стр. 161). Свадьба графа Литты была въ октябрѣ 1798 г., слѣдовательно около мѣсяца до принятія Государемъ титла великаго магистра. По этому же случаю, вызвавшему стихи Державина, была сочинена италіянская драматическая кантата, тогда же напечатанная подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Il ritorno felice a le sponde del Baltico. Cantata a eseguirsi all' occasione delle faustissime nozze di sua eccellenza la signora contessa Caterina Skavronsky nata d'Engelhard con sua eccellenza il signor conte Balio Giulio Litta in Sant Pietroburgo l'anno 1798. Da rappresentarsi nel palazzo degli eccellentissimi sposi».

Подъ конецъ царствованія императора Павла графъ Литта утратилъ однакожъ свое значеніе. Бывшій въ Петербургѣ въ 1799 году аббатъ Жоржель разсказываетъ, что такое непомѣрное возвышеніе иностранца возбудило неудовольствіе въ русскихъ вельможахъ. Особенно графъ Ростопчинъ, сдѣлавшійся, тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду, изъ камергеровъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и великимъ канцлеромъ мальтійскаго ордена, видѣлъ въ графѣ Литтѣ опаснаго соперника и рѣшился свергнуть его. Внушенія враговъ Литты произвели желанное дѣйствіе: онъ впалъ въ немилость и долженъ былъ удалиться въ имѣнія своей жены. Намѣстникомъ гросмейстера назначенъ фельдмаршалъ гр. Н. И. Салтыковъ; но такъ какъ онъ не привыкъ заниматься дѣлами и дорожилъ только возможностью личныхъ сношеній съ Императоромъ, то дѣйствительное управленіе по ордену перешло въ руки Ростопчина (Georgel, Voyage à St.-Pétersbourg, Парижъ, 1818, стр. 188 и слѣд.).

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 54, и въ изд. 1808, ч. III, xxiv.

[2] Когда подпоры лишена *и проч.*

Невѣста была вдовою лѣтъ 30-и «въ полукрасѣ своихъ лучей», т. е. въ срединѣ своего вѣка (*Об.* Д.). Она род. 1761, ум. 7 февраля 1829. Первый супругъ ея, тайн. сов. гр. Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, послѣдній изъ этого рода, былъ внучатный братъ Петра III (Карабанова *Списки* въ *Чтеніяхъ* 1860, кн. I). Онъ занималъ мѣсто русскаго посланника въ Неаполѣ и умеръ молодъ. Отъ него остались двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, Екатерина, вышла замужъ за славнаго своими военными подвигами князя П. И. Багратіона, а другая, Марія, за графа Павла Петровича Палена (сына извѣстнаго Петра Алексѣевича, бывшаго въ царствованіе Павла I с-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ). Вдовѣ Скавронскаго принадлежалъ между прочимъ домъ въ большой милліонной, впослѣдствіи составлявшій много лѣтъ собственность министерства финансовъ (слышано, какъ и многія изъ вышеизложенныхъ подробностей, отъ покойнаго оберъ-камергера графа А. И. Рибопьера). Отъ послѣдняго брака родилась графиня Самойлова.

[3] Свой поясъ Марсу отдала.

Марсу, т. е. члену рыцарскаго ордена.

Digitized by Google

40. НА МАЛЬТІЙСКІЙ ОРДЕНЪ [1].

Звучитъ труба, окрестны горы 1
Передаютъ другъ другу громъ;
Какъ рѣки, рыцарей соборы
Ліются въ знаменитый сонмъ [а].
Шумитъ по шлемамъ лѣсъ пернатый,
Сребромъ и златомъ свѣтятъ латы,
Цвѣтъ радугъ въ мантіяхъ горитъ:
Хоръ свыше зритъ, какъ съ Геликона
Синклитъ, царица, царь, средь трона
Въ порфирѣ, въ славѣ [б] предстоитъ [2].
Клейноды вкругъ; въ нихъ власть и сила [в]; 2
Вдали Европы блещетъ строй,
Стрѣлъ тучи Азія пустила,
Идутъ Американцы въ бой [г],
Темнятъ крылами понтъ грифоны,
Льютъ огнь изъ мѣдныхъ жерлъ драконы,
Полканы вихремъ пыль крутятъ;
Безмѣрныя поля, долины
Обсѣли вкругъ стада орлины,
И всѣ на царскій смотрятъ взглядъ.
Міровъ владыкѣ лучезарныхъ [д] 3
Такъ внемлютъ всѣ стихіи, тварь:
Въ могуществѣ ему нѣтъ равныхъ.
Властитель душъ, любимый царь
Речетъ — и флотъ сквозь волнъ несется!
Велитъ — и громомъ твердь трясется!
Тьма всадниковъ чрезъ степь летитъ!
И гнѣвъ его есть гнѣвъ вселенной.
Но лишь съ улыбкою священной
Простретъ онъ длань, — и все молчитъ.
Кто сей, предъ важнымъ [е] симъ соборомъ [3], 4
Въ благоговѣйной тишинѣ,
Предсталъ съ унылымъ, кроткимъ взоромъ?
Сонмъ нѣкихъ воевъ зрится мнѣ:
На нихъ кресты, а не эгиды [4]!
Ужъ не Гаральды ль то, Готфриды?
Не тѣни ль витязей святыхъ?

Digitized by Google

Ихъ знамя! — Ихъ остатокъ славный
Пришелъ къ тебѣ, о царь державный!
И такъ вѣщалъ напасти ихъ:
«Безвѣрья гидра проявилась[5]: 5
Родилъ ее, взлелѣялъ Галлъ;
Въ груди его, въ душѣ вселилась,
И весь чудовищемъ онъ сталъ!
Растетъ — и тысячью главами
Съ несчастныхъ жалъ струитъ рѣками
Обманчивый по свѣту ядъ:
Народы, царства заразились,
Развратомъ, буйствомъ помрачились[ж]
И Бога быть уже не мнятъ.
«Нѣтъ добродѣтели священной, 6
Нѣтъ твердыхъ ей броней, щитовъ;
Не стало рыцарствъ во вселенной:
Присяжныхъ злобѣ нѣтъ враговъ,
Законы царствъ, обряды вѣры,
Святыня — почтены въ химеры;
Попранъ Христовъ и скиптръ царей;
Европа вся полна разбоевъ,
Цареубійцъ святятъ въ героевъ:
Ты, Павелъ, будь спаситель ей!
«Мы гробъ святый освободили[з], 7
Гостепріимствъ отверзли дверь[8];
Но насъ наслѣдія лишили,
И мы изгнанники теперь!
Прими ты насъ въ твое храненье!»
Рекли, — печать и жезлъ правленья
Царю, преклоншись, поднесли[и].
Какъ лучь сквозь мрака пробѣгаетъ,
Такъ рѣчь ихъ царску грудь пронзаетъ:
Сердечны слезы[i] потекли[7].
«Живъ Богъ!» царь рекъ — и мечь полсвѣта, 8
Какъ быстры молньи, обнажилъ[8];
Крестообразно, въ знакъ обѣта,
Къ челу вознесъ и преклонилъ;
Мечи несчетны обнажились[к],
Къ престолу правды преклонились;

Digitized by Google

Разверзлось небо, и средь тучъ
Петра онъ, Павла, Іоанна[9]
Узрѣлъ звѣздами увѣнчанна,
Дающихъ знамя, щитъ и ключъ[л]!
Орелъ, судьбой рожденный къ славѣ, 9
Въ гнѣздѣ съ улыбкой молньи зряй[м],
Въ поляхъ какъ левъ, какъ агнецъ въ нравѣ,
Спокоенъ внутрь, внѣ все боряй,
Морей и бурей слышитъ свисты;
Онъ сноситъ зной и воздухъ льдистый,
Онъ выше всѣхъ себя вознесъ:
Такъ чьи жъ поддержатъ небо плечи?
Кто станетъ противъ адской сѣчи?
Одинъ безсмертный, твердый Россъ[н]!
Одинъ[о]! — Твоя лишь доблесть строга, 10
Твой сильный царь, твой духъ, твой Богъ
Отдать безвѣрнымъ могутъ Бога,
Христу алтарь, царямъ чертогъ[10]:
Во громы облеченный ангелъ[п],
Во броню правды вѣрный Павелъ
И съ нимъ Господня благодать[11]
Удобны злобы стерть коварства,
Смятенны успокоить царства,
И славный подвигъ твой вѣнчать.
Дерзай! — Ужъ, свыше вдохновенный, 11
Благословляетъ Сергій путь;
Стихіи спутствуютъ смиренны,
Планеты счастливо текутъ,
Сквозь говоръ птицъ, сквозь звѣрска рева,
На бракъ готовясь, плачетъ дѣва[12];
Сіяетъ крестъ средь облаковъ[р],
Конь бѣлый всадникомъ блистаетъ[13],
На небѣ бардъ въ звѣздахъ читаетъ:
«Симъ побѣдишь твоихъ враговъ!»
Не змѣй ли страшный[с], протяженный 12
Какъ съ горъ на долъ, съ долинъ на холмъ
Сомкнуты изгибая члены,
Чешуйчатымъ блеститъ хребтомъ?
Нѣтъ! полкъ твой такъ, сряженный къ бою[т],

Digitized by Google

Сверкающей вдали грядою
Пойдетъ чрезъ горы и лѣса;
Столпъ огненный предъ нимъ предыдетъ[14],
Пучина[у] глубины раздвинетъ,
И обновятся чудеса.
Въ броню незриму облеченна, 13
Юдиѳь Олферна жнетъ главу,
Самсона мышца напряженна
Деретъ зубасту челюсть льву;
Бѣгъ солнца Навинъ воспрещаетъ,
Трубъ гласомъ грады сокрушаетъ;
Багритъ станъ ночью Гедеонъ;
Давидъ изъ пращи мещетъ камень:
Трясяся, Голіаѳъ туманенъ
Падетъ предъ нимъ, какъ страшный холмъ[15].
Иль Пересвѣтъ съ гигантомъ къ бою[16], 14
Какъ вихорь, на конѣ летитъ,
Крестъ въ лѣвой жметъ, копье десною,
И раздробляетъ вражій щитъ.
Вѣнцы нетлѣнные[17] плетутся*,
На челы вѣрныхъ воевъ вьются,
И райска ихъ кропитъ роса;
Отступники, скрыпя зубами,
Кровь блѣдными изъ ранъ руками,
Отчаясь, мещутъ въ небеса[18].
И се, Маріи подъ покровомъ, 15
Архангельскихъ подъ блескомъ крылъ[19],
Нашъ флотъ въ стремленьи быстромъ, новомъ,
На гордый наступаетъ Нилъ.
Со именемъ Цирцей волшебнымъ[20]
И съ скопищемъ, Христу враждебнымъ,
Противу насъ не устоялъ.
Луна съ крестомъ соединилась[21]!
Вселенна чуду удивилась:
Знать, всѣхъ нечестій свыше Галлъ[х]!
Денницу зрѣли: мудръ и славенъ, 16
Въ сіяньи возносился онъ,
Рекъ: «Вышнему я буду равенъ,
На западѣ воздвигну тронъ». —

Digitized by Google

Но гибельны пути лукавы....[ц]
Кто свѣта царь? кто есть царь славы?
Кто велій Богъ? — «Единъ трисвятъ»!
Воспѣла Херувимовъ сила,
И грозны громы Михаила[22]
Стремглавъ коварство свергли въ адъ.
  Народы міра! вразумитесь, 17
Зря гордыхъ сокрушаемъ рогъ[ч],
И властолюбія страшитесь;
Власть свыше посылаетъ Богъ.
Нѣтъ счастія въ семъ мірѣ чудномъ,
Прибыткомъ, любочестьемъ бурномъ,
Гдѣ вервь отъ якоря снята[23];
Въ одной лишь вѣрѣ есть блаженство,
Въ законахъ — вольность и равенство,
А братство — во любви Христа.
  Я рѣки обращу къ вершинамъ, 18
На крыльяхъ вѣтра вознесусь,
Велю молчать громамъ, пучинамъ,
Лучами съ солнцемъ подѣлюсь;
Но гдѣ предѣлъ ума паренью,
Пристанище къ отдохновенью[ш]?
Кто вшелъ небесъ на вышину?
Никто, — лишь только Богомъ званный:
И я, чрезъ происки коварны[щ],
Ни шага къ трону не шагну.
  Довѣренность! ты, столпъ правленья, 19
Ограда непорочныхъ душъ!
Съ тобой средь змѣй, стихіевъ пренья[ъ]
Покойно спитъ великій мужъ!
Снесись, о духъ, духъ благотворный!
Въ сердца людей, на царски троны,
И воспрети лить смертныхъ кровь[ы].
Скажи: «Народъ — безглавно тѣло;
Пещись о немъ царей есть дѣло[ь]:
Живитъ взаимна ихъ любовь».
  Но кто же сей любви нелестной, 20
Чтобъ всякъ другъ друга бремя несъ,
Научитъ насъ? Отецъ небесной,

Digitized by Google

Нашъ Богочеловѣкъ Христосъ.
Въ трудахъ Онъ сущихъ успокоитъ,
Заблудшихся въ пути устроитъ[ѣ],
Въ болѣзняхъ призритъ, исцѣлитъ,
Скорбящихъ[э] посѣтитъ въ темницѣ,
Послѣдній лептъ отдастъ вдовицѣ:
Сіе сынъ вѣры совершитъ[ю].
Кто жъ горня Іерусалима 21
Наслѣдникъ сей и другъ Христовъ?
Въ комъ доблесть благодати[я] зрима
И сподвижникъ кто Петровъ?
Не тотъ ли, сердца нѣжна свойства
И чувства жалости, геройства
Въ святой душѣ что̀ совмѣстилъ[ѳ],
Отверзъ отеческія длани,
Пріемлетъ странниковъ безъ дани[24]
И душу рыцарствъ воскресилъ?
Да препояшетъ радость холмы, 22
Да процвѣтетъ лице морей,
Да водворится счастье въ домы[ѵ]
Тобой, избранный изъ царей!
Да отдадутъ скалы кремнисты
Обратно пѣсни голосисты,
И лучъ, преломшись отъ стекла,
Какъ въ воздухѣ ярчѣй несется, —
Такъ отъ избытка сердца льется[а]
И благодарность и хвала!

[а] За рядомъ рядъ текутъ во сонмъ (Первонач. рукоп.).
[б] Въ порфирѣ и въ лучахъ стоитъ.
[в] Клейноды съ нимъ, власть, росска сила (1798—99).
[г] Готовы Алеуты въ бой.
— Американецъ съ булавой (Первон. рукоп.).
Тамъ грифы вздулися крылами,
Тамъ огнь драконы дышатъ ртами.
[д] Міровъ властитель лучезарныхъ,
Стихіи такъ всю правятъ тварь ...
Сердецъ владыка, россійскій царь.
[е] Но кто предъ страшнымъ симъ соборомъ,
Въ безмолвной свѣтлой тишинѣ,
Предсталъ печальнымъ, важнымъ взоромъ?
[ж] Такъ оюродили, смутились.
[з] Мы изгнаны. Обитель блага,

Digitized by Google

Щедрота Карла отнята.
Кто призритъ сира, бѣдна, нага?
Ужъ Мальта славная пуста.
[з] Царю на дланяхъ поднесли.
[і] Изъ сердца перлы потекли.
(*Сердечны слезы* написано рукою Н. А. Львова).
[к] Мечей полки съ нимъ обнажились
И всѣ ко трону преклонились.
[л] Прими, рекли, нашъ щитъ, мечъ, ключъ.
[м] Съ улыбкой громы въ люлькѣ зряй.
[н] Никто какъ ты, о храбрый Россъ!
[о] Такъ, ты! — Твоя ...
[п] Одѣтый въ тучи грома ангелъ,
Въ щитъ вѣры православной, Павелъ.
[р] Блистаетъ крестъ средь облаковъ,
Конь бѣлый всадникомъ мелькаетъ (1798—1799).
На небѣ надпись бардъ читаетъ (Первон. рукоп.).
[с] И змѣй ужъ страшный ...
[т] Такъ полкъ твой, наряженный къ бою.
[у] И море ...
[ф] ... вязутся (1798—1799).
[х] Знать, Турка нечестивѣй Галлъ (Первон. рукоп.).
[ц] Но кто зналъ путь его лукавый.
[ч] Смотря на гордыхъ казнь страстей,
Порока властвовать страшитесь,
Довольтесь долею своей.
[ш] Гдѣ пристань, крылъ къ отдохновенью?
[щ] Чрезъ происки, стези коварны
Шага я къ славѣ не шагну.
Довѣренность! душа правленій.
[ъ] ... средь смертной сѣни.
[ы] Уйми въ Европѣ льющу кровь.
[ь] Царей о немъ пещися дѣло.
Живитъ другъ друга ихъ любовь.
[ѣ] Заблудшихся на умъ настроитъ.
[э] Сѣдящихъ ...
[ю] Сіе все духъ Христовъ творитъ.
[я] ... благовѣстья ...
[ѳ] Въ себѣ который совмѣстилъ.
[ѵ] Да внидетъ всѣмъ веселье въ домы.
(Варіанты отъ і до конца исправлены рукою Н. А. Львова, которому и принадлежитъ окончательная редакція соотвѣтствующихъ стиховъ, принятая Державинымъ уже при помѣщеніи оды въ *Аонидахъ*.)
[а] Да отъ избытка ...
Такъ благодарность ...
(Поправка руки Державина въ изд. 1808 г.)

---

[1] Эта ода подъ заглавіемъ: На поднесеніе его императорскому величеству великаго магистерства ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго и на побѣду, надъ Французами россійскимъ

Digitized by Google

флотомъ одержанную 1798 года, въ первый разъ была напечатана отдѣльно и въ III-й книжкѣ *Аонидъ* (1798—1799) съ подписью *Державинъ;* потомъ, съ сокращеніемъ заглавія, въ изданіи 1808, ч. II, xiv. За эту оду Державинъ получилъ табакерку съ брильянтами. Потомъ ему пожалованъ былъ брильянтовый мальтійскій крестъ.

Подъ побѣдою надъ французскимъ флотомъ, означенною въ первоначальномъ заглавіи, должно разумѣть слѣдующее. Русскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Ушакова, пропущенный Портою чрезъ Дарданеллы, соединясь съ турецкой эскадрой, явился передъ Чериго и, поддерживаемый возстаніемъ жителей, занялъ безъ труда не только этотъ островъ, но также Кефалонію, Занте, о. св. Мавры и пр. вмѣстѣ съ большою частію Корфу. Вездѣ Французы сдавались или бѣжали. Это происходило въ октябрѣ и ноябрѣ 1798, а въ слѣдующемъ году завоеваніе Іоническихъ острововъ было окончено. (Allgem. Geschichte der neuesten Zeit, von Fr. Saalfeld, т. II, отд. 2, стр. 124; также *Исторія войны въ 1799 г.*, т. I, стр. 93 и слѣдд.).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ Романовской галлереѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, находится писанный Боровиковскимъ во весь ростъ портретъ императора Павла въ гросмейстерскомъ одѣяніи.

[2] Въ порфирѣ, въ славѣ предстоитъ.

Первыя двѣ строфы содержатъ картину великолѣпнаго торжества, бывшаго въ Зимнемъ дворцѣ по случаю принятія Государемъ титла великаго магистра ордена (см. ниже, прилож. 1). Всѣ наличные мальтійскіе кавалеры, предводимые графомъ Ю. П. Литтою, были въ мантіяхъ и въ шляпахъ съ перьями. Императоръ, въ черной бархатной мантіи, подбитой горностаемъ, въ коронѣ гросмейстера, сидѣлъ рядомъ съ Императрицею на тронѣ, близъ котораго лежали на столѣ царскія регаліи. Члены св. Синода и пр. Сената стояли на ступеняхъ трона; толпы зрителей тѣснились на хорахъ. По улицамъ тянулись ряды войска, въ которомъ поэтъ воображаетъ не только Европейцевъ, Русскихъ, но и представителей азіятскихъ и американскихъ областей, принадлежащихъ Россіи. Подъ *грифонами* (грифъ, баснословная четвероногая птица) разумѣются окрыленные парусами корабли; подъ *драконами* — пушки; подъ *Полканами* * — конница; подъ *орлиными стадами* — русскій народъ.

[3] Кто сей, предъ важнымъ симъ соборомъ *и проч.*

Графъ Литта. См. о немъ предыдущее стихотвореніе.

* Державинъ конечно еще съ дѣтства былъ знакомъ съ русскимъ сказочнымъ міромъ. Впослѣдствіи главнымъ печатнымъ источникомъ его свѣдѣній въ этой области народной литературы сдѣлались изданныя Чулковымъ въ 4-хъ частяхъ *Русскія сказки*, М. 1780, гдѣ можно найти многія имена, встрѣчающіяся у Державина, какъ-то: *Добрыня*, *Торопъ*, *Добрада*, *Полканъ* (ч. I). Здѣсь же (ч. III) упоминается уже и *Всемила*, дочь скиѳскаго царя (Ср. томъ I, стр. 3). Въ другомъ сочиненіи Чулкова (*Абевега русскихъ суевѣрій*, М. 1786, стр. 271) говорится про Полкана: «Славяне почитали его полубогомъ и приписывали ему чрезъестественную силу и невообразимую прыткость въ бѣганіи: онъ имѣлъ съ верху до половины тѣло и сложеніе человѣческое, а отъ пояса коневье.» Ср. томъ I нашего изданія, стр. 97, прим. 20 къ *Фелицѣ*.

Digitized by Google

[4] На нихъ кресты, а не эгиды.

Мальтійскіе кавалеры на броняхъ своихъ и на щитахъ имѣли нашитые бѣлые кресты, а не эгиды (*Об.* Д.). О мальтійскомъ крестѣ см. ниже 4-е приложеніе.

[5] Безвѣрья гидра проявилась.

Все сказанное въ этой и слѣдующей строфѣ относится къ разнымъ извѣстнымъ явленіямъ французской революціи. Выраженіе «присяжные враги злобѣ» означаетъ рыцарскіе ордена, считавшіе главнымъ своимъ призваніемъ вражду съ магометанами (*Об.* Д.). Произносимый здѣсь Державинымъ приговоръ французской революціи совершенно согласенъ съ тѣмъ, что тогда вообще говорилось о французской націи и въ офиціальныхъ документахъ. Такъ напр. въ рескриптѣ императора Павла адмиралу Ушакову (см. выше примѣч. 1-ое) сказано: «Дѣйствуйте вмѣстѣ съ Турками и Англичанами противъ Французовъ, яко буйнаго народа, истребившаго въ предѣлахъ своихъ вѣру и Богомъ установленные законы» и проч. (*Исторія войны въ 1799 г.*, т. I, стр. 90).

[6] Гостепріимствъ отверзли дверь *и проч.*

Черты изъ исторіи ордена: съ основаніемъ его (1048 г.) сопряжено учрежденіе въ Іерусалимѣ *госпиталя* (въ первоначальномъ смыслѣ страннопріимнаго дома) для пріема пилигримовъ, почему орденъ въ первое время и назывался Chevaliers Hospitaliers de St.-Jean de Jérusalem, названіе, которое Н. А. Львовъ въ своей краткой исторической запискѣ объ орденѣ (см. приложеніе 4 къ настоящей одѣ) переводитъ: «кавалеры Гостепріимственные».

[7] Сердечны слезы потекли.

«Императору сіе» (т. е. поднесеніе короны, печати и жезла Мальтійцевъ) «чрезвычайно пріятно было, такъ что онъ отъ удовольствія заплакалъ» (*Об.* Д.).

[8] . . . и мечъ полсвѣта,
Какъ быстры молньи, обнажилъ *и проч.*

«Мечъ полусвѣта» — русскій мечъ (см. томъ I, стр. 210, примѣч. 39). «Императоръ, обнажа свой мечъ и ознаменовавъ себя онымъ крестообразно, присягнулъ, такъ сказать, въ вѣрности ордену, по каковому знаку и всѣ мальтійскіе кавалеры, вынувъ свои мечи, въ ознаменованіе своей вѣрности преклонили къ подножію престола его» (*Об.* Д.).

[9] Петра онъ, Павла, Іоанна *и проч.*

«Авторъ, въ восторгѣ своемъ, смотря на сіе великолѣпное зрѣлище, мечталъ быть свидѣтелями онаго: Петра апостола, держащаго ключъ, Павла апостола, держащаго щитъ, и Іоанна Крестителя, держащаго знамя, — яко ихъ принадлежности». Провидѣніе устроило, что эти же имена означаютъ трехъ императоровъ, царствовавшихъ лишь короткое время (*Об.* Д.). Видѣніе апостоловъ: Петра — какъ протектора католиковъ, Павла — какъ соименника Императору, и Іоанна крестителя — какъ покровителя мальтійскаго ордена (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 76).

Digitized by Google

[10] Христу алтарь, царямъ чертогъ.

«Авторъ думалъ, что некому другому привесть Французовъ на истинный разумъ, какъ однимъ Русскимъ, ... чтò бы въ самомъ дѣлѣ исполнилось, ежелибы продолжился вѣкъ Екатерины, или императоръ Павелъ не отозвалъ бы обратно своихъ войскъ, разсердяся на Австрійцевъ, посланныхъ съ Суворовымъ» (*Об.* Д.)

[11] И съ нимъ Господня благодать.

Авторъ разумѣлъ обыкновенную благодать Божію, споспѣшествующую справедливымъ и благороднымъ подвигамъ; но когда Императоръ приказалъ на знаменахъ и на каскахъ написать это слово, то стали говорить, что подъ нимъ должно разумѣть еврейское названіе благодати (*Об.* Д.).

[12] ... На бракъ готовясь, плачетъ дѣва.

«Наканунѣ сраженія съ Мамаемъ нѣкто Волынецъ, бывшій въ войскѣ князя Дмитрія Іоанновича, съ позволенія его дѣлалъ примѣчанія *(наблюдалъ примѣты)*, отходя въ уединенное мѣсто, гдѣ слышалъ говоръ птицъ или кликъ вороновъ и вой волковъ, обыкновенно сбирающихся на снѣдь труповъ, а сквозь ихъ, въ татарской сторонѣ — плачъ женщины, подобной лишившейся мужа, а на россійской — тихое рыданіе, подобное дѣвицы, идущей на бракъ, изъ каковыхъ примѣчаній и предвѣстилъ великому князю побѣду» (*Об.* Д.). Здѣсь Державинъ не совсѣмъ точно припоминаетъ мѣсто изъ *Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ*, въ которомъ, описавъ явленія грозы на сторонѣ татарской, — тишину и свѣтъ на сторонѣ русскихъ полковъ, воевода Дмитрій Волынецъ объявляетъ, что у него есть еще примѣта. Затѣмъ, сойдя съ коня и приложивъ ухо къ землѣ, онъ говоритъ: «Едино есть на пользу, а другое скорбно: слышахъ бо, господине княже, землю на двое плачущуся, едина страна поганымъ языкомъ плакася горько чадъ своихъ, аки вдова нѣкая; другая же страна аки нѣкая дѣвица, жалостно плачевный гласъ аки отъ свирѣли испущаше» и проч. ... (*Синопсисъ*, Спб. 1785, глава *О примѣтахъ Димитрія Волынскаго*, стр. 154).

[13] Сіяетъ крестъ средь облаковъ,
Конь бѣлый всадникомъ блистаетъ.

Крестъ средь облаковъ съ надписью: «Симъ побѣдишь твоихъ враговъ»— извѣстное видѣніе Константина Великаго. — Ко второму стиху въ *Объясненіяхъ* примѣчаніе: «Георгій побѣдоносецъ пишется на бѣломъ конѣ: то въ старинные годы, когда въ вѣрѣ Русскіе болѣе тверды были и оною воспламенялись, разсказывали послѣ сраженія, что будто видали на бѣломъ конѣ скачущаго воина, который имъ помогалъ одержать побѣду». По поводу побѣды Дмитрія Донскаго въ лѣтописи сказано: «Видѣша бо вѣрніи, яко въ сій часъ Ангели помогаху христіаномъ, и свв. Мученикъ полки, Георгія побѣдоносца и Димитрія мироточиваго» и проч. Легенда о каппадокійскомъ князѣ Георгіи, который при Діоклеціанѣ спасъ царевну убіеніемъ змѣя, чрезвычайно распространилась по всей Европѣ, особенно послѣ крестовыхъ походовъ, и онъ былъ признанъ покровителемъ цѣлыхъ корпорацій и государствъ, наприм. Англіи и Генуи. До сихъ поръ, даже въ протестантскихъ странахъ, можно еще встрѣ-

Digitized by Google

тить во многихъ церквахъ, въ ратушахъ, въ музеяхъ и т. п. скульптурное изображеніе того же всадника, попирающаго дракона, который принятъ и въ нашъ государственный гербъ (у Шведовъ St. Göran).

[14] Столпъ огненный предъ нимъ предыдетъ *и проч.*

Подобно тому, что совершилось съ Израильтянами при исходѣ ихъ изъ Египта (*Об.* Д.).

[15] Падетъ предъ нимъ, какъ страшній холмъ,

«Всѣ сіи библейскія чудеса авторъ ввелъ, предсказывая, что когда помощь Божія будетъ вспомоществовать оружію Россіянъ, то они вѣрно побѣдятъ, что̀ и исполнилось тогда подъ предводительствомъ Суворова» (*Об.* Д.).

[16] Иль Пересвѣтъ съ гигантомъ къ бою.

«Се лежаше храбрый витязь Пересвѣтъ чернецъ и близъ его татарскій Голіаѳъ, отъ Пересвѣта побѣжденный» (*Синопсисъ*, гл. *О походѣ в. кн. Димитрія между трупами*, стр. 169; ср. *Ист. Госуд. росс.*, т. V, гл. 1).

[17] Вѣнцы нетлѣнные плетутся *и проч.*

Опять воспоминаніе изъ *Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ*. Преподобный Сергій, въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, между прочимъ сказалъ ему: «... вѣнецъ же тебѣ еще не готовъ, но инымъ многимъ вѣнцы плетутся (*Синопсисъ*, гл. *О походѣ в. кн. Димитрія въ монастырь св. Троицы*, стр. 135). Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ* ошибочно припоминаетъ и при этихъ стихахъ предсказаніе Волынца. (Ср. выше примѣч. 12).

[18] ... Отчаясь, мещутъ въ небеса.

«Юліанъ, императоръ римскій, въ сраженіи съ христіанами раненъ былъ стрѣлою и, увидѣвъ Христа (какъ повѣствуется въ Четьей-минеи) на облакахъ, меща кровь на небо изъ раны, въ ярости кричалъ: «Напейся, Галилеянинъ, крови моей! Эта картина относится къ отчаянію богоотступниковъ другаго времени, Французовъ» (*Об.* Д.).

[19] И се, Маріи подъ покровомъ *и проч.*

Вслѣдствіе извѣстій о большихъ морскихъ снаряженіяхъ Французовъ въ Тулонѣ, императоръ Павелъ въ апрѣлѣ 1798 г. приказалъ между прочимъ привести черноморскій флотъ въ военное положеніе и вице-адмиралу Ушакову съ 12-ю кораблями крейсировать между Севастополемъ и Одессою. Тогда же было предложено султану усилить турецкій флотъ эскадрою Ушакова, если Порта будетъ имѣть въ ней надобность. Между судами этой эскадры были: корабль Марія Магдалина, кап. Сарадинаке, 68 пуш., и фрегатъ Св. Михаилъ, кап. Сорокинъ, 48 пуш. (*Ист. войны въ 1799 г.*, т. I, стр. 83 и 420). См. выше стр. 132.

[20] Со именемъ Цирцей волшебнымъ.

«Нѣкто генералъ, называемый Цирцей, предводительствовалъ французскимъ воинствомъ, и какъ по баснословію Цирцея была волшебница, то и придано ему волшебство или искусство въ ремеслѣ его, не взирая на которое Россіяне одержали побѣды» (*Об.* Д.). Настоящее имя этого

Digitized by Google

генерала нашлось бы, можетъ быть, въ сочиненіи Француза Bellaire о военныхъ дѣйствіяхъ въ Іоническомъ морѣ, но этой книги мы достать не могли.

[21] Луна съ крестомъ соединилась.

Турки были тогда въ союзѣ съ Римомъ (*Об.* Д.).

[22] И грозны громы Михаила.

«Симъ стихомъ предвѣщаетъ стихотворецъ совершенную побѣду надъ Франціей Михайлѣ Павловичу. Богъ только одинъ вѣдаетъ, сбудется ли это» (*Об.* Д.). Вся эта строфа основывается на одномъ мѣстѣ пророка Исаіи (гл. 14, ст. 12 и т. д.) о Денницѣ, съ которою сравнивается царь вавилонскій, говорящій: «... Взыду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему» и проч., и на повѣтствованіи Четіихъ-миней объ архангелѣ Михаилѣ (см. подъ 8 ноября *Слово на Соборъ св. Архистратига Михаила*).

[23] Гдѣ вервь отъ якоря снята.

«Коль скоро не утверждено сердце человѣческое на христіанскихъ добродѣтеляхъ, то никакими пріобрѣтеніями не обрѣтетъ себѣ покою» (*Об.* Д.). Это напоминаетъ евангельское изреченіе: «Кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?» и проч. (Мат. XVI, 26).

[24] Пріемлетъ странникомъ безъ дани *и проч.*

«Павелъ императоръ весьма милостиво принималъ эмигрантовъ и давалъ имъ помощь безъ всякой отъ нихъ заслуги, и хотѣлъ возстановить рыцарскіе и кавалерскіе ордена» (*Об.* Д.).

Приложенія.

1. Очеркъ исторіи сношеній Россіи съ мальтійскимъ орденомъ.

Считаемъ нужнымъ предложить здѣсь нѣсколько историческихъ данныхъ, относящихся къ предмету настоящей оды, о которомъ у насъ до сихъ поръ почти ничего не напечатано, кромѣ извѣстій, собранныхъ исторіографомъ ордена Лабзинымъ *. Его-то обширное, но малоизвѣстное и уже довольно рѣдкое сочиненіе и послужитъ для насъ въ этомъ случаѣ главнымъ источникомъ **. Мы исполняемъ тѣмъ мысль самого поэта, въ рукописяхъ котораго сохранилась при этомъ стихотвореніи слѣдующая неоконченная замѣтка: «Къ читателю. Для объясненія въ сочиненіи семъ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ прилагается историческое извѣстіе о мальтійскихъ кавалерахъ». Впрочемъ мы не станемъ углубляться въ подробности исторіи ордена и коснемся только его отношеній къ Россіи.

Орденъ *св. Іоанна Іерусалимскаго*, основанный въ одиннадцатомъ столѣтіи при гробѣ Господнемъ для защиты пилигримовъ, долженъ былъ по

* См. приложеніе II къ настоящей одѣ.

** Экземпляръ его *Исторіи ордена*, принадлежащій петербургской публичной библіотекѣ, не полонъ, благодаря одному посѣтителю ея, который не постыдился похитить изъ читальной залы 1-ую часть этой книги.

Digitized by Google

утратѣ крестоносцами Палестины переселиться на островъ Кипръ, а потомъ на островъ Родосъ. Оттуда былъ онъ скоро изгнанъ Турками и въ 1530 году получилъ отъ Карла V во владѣніе островъ Мальту, почему и сталъ называться *Мальтійскимъ*.

Сношенія съ нимъ Русскихъ начались при Петрѣ Великомъ, по повелѣнію котораго бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ въ 1698 году посѣтилъ Мальту для изученія военнаго искусства у рыцарей, прославившихся въ борьбѣ съ Турками. Шереметевъ, имѣвшій съ собою царскую грамоту, былъ принятъ тамъ съ необыкновеннымъ почетомъ и, получивъ отъ гросмейстера большой крестъ съ брильянтами, сдѣлался, первый изъ Русскихъ, мальтійскимъ кавалеромъ. Это было ровно за сто лѣтъ до важной для ордена эпохи, вызвавшей оду Державина.

Со временъ Петра I между русскимъ правительствомъ и орденомъ установились дипломатическія сношенія; но они болѣе 50-и лѣтъ ограничивались одними извѣщеніями и привѣтствіями при переходѣ верховной власти въ другія руки. По вступленіи на престолъ Екатерины II эти сношенія приняли новый характеръ: посылая офицеровъ на службу въ Англію, Францію и Голландію, Императрица приказала командировать 6-хъ молодыхъ людей на островъ Мальту для пріобрѣтенія навыка въ морскомъ дѣлѣ; они оставались тамъ около четырехъ лѣтъ (1765—1769), до первой турецкой войны, по случаю которой были отозваны въ отечество. При этомъ назначенъ былъ въ Мальту повѣренный нашего двора (маркизъ Кавалькабо) для постояннаго пребыванія при великомъ магистрѣ и для содѣйствія русской эскадрѣ, отправлявшейся въ Архипелагъ.

Здѣсь мы должны заранѣе ознакомить читателей съ нѣкоторыми чертами внутренняго устройства ордена. Онъ раздѣлялся на восемь *языковъ*, или націй; кавалеры большаго креста, командоры и простые кавалеры одного государства составляли отдѣльный языкъ ордена. Собраніе одного языка образовало *великое пріорство* того же государства и получало отъ него содержаніе; представители ихъ, по одному отъ каждаго, составляли *капитулъ*, который вмѣстѣ съ *великимъ магистромъ* (гросмейстеромъ) участвовалъ въ управленіи орденомъ.

Каждое великое пріорство распадалось на нѣсколько *пріорствъ*, или пріоратовъ, *пріорства* на *бальяжства* (baillages), а эти послѣднія на *командорства;* имъ принадлежали три разряда недвижимыхъ, частію обширныхъ и богатыхъ владѣній, которыя находились въ разныхъ странахъ и которыми завѣдывали *пріоры*, *бальи* и *командоры*.

Въ 1770-хъ годахъ обстоятельства особенно сблизили Россію съ орденомъ. Дѣло состояло въ притязаніи его на одно польское имѣніе и въ помощи, оказанной ему Екатериною II.

Въ началѣ семнадцатаго столѣтія князь Янушъ Острожскій, послѣдній изъ этого рода въ мужескомъ колѣнѣ, оставилъ завѣщаніе, въ силу котораго, по пресѣченіи потомства и по женской линіи, имѣніе его должно было перейти въ собственность мальтійскихъ кавалеровъ. Лѣтъ черезъ шестьдесятъ послѣ этого распоряженія родъ завѣщателя дѣйствительно пресѣкся смертію послѣдняго князя Заславскаго. Тѣмъ не менѣе воля

Digitized by Google

распорядителя была обойдена, и Мальтійцы должны были вести продолжительную тяжбу съ другими его наслѣдниками.

Наконецъ въ царствованіе Екатерины II, когда связь ордена съ Россіею усилилась, великій магистръ Пинто рѣшился искать въ этомъ дѣлѣ покровительства Императрицы и отправилъ въ Петербургъ полномочнымъ орденскимъ министромъ графа Саграмозо, утвержденнаго и преемникомъ вскорѣ умершаго престарѣлаго Пинто, Хименесомъ. Екатерина обѣщала свое содѣйствіе, повелѣла русскому послу въ Варшавѣ, графу Штакельбергу, согласясь съ министрами вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, поддержать право ордена, и при отъѣздѣ самого Саграмозо въ Варшаву дала ему письмо къ королю Станиславу Понятовскому. Вслѣдствіе того была учреждена особая коммиссія для разсмотрѣнія спора, и по настоянію министровъ трехъ союзныхъ дворовъ дѣло было кончено, какъ того желала Императрица, къ удовольствію обѣихъ сторонъ (1774 г.): въ Польшѣ образовалось новое великое пріорство и шесть командорствъ съ тѣмъ, чтобы и пріоры и командоры были всегда изъ Поляковъ; средоточіемъ управленія этими мѣстностями сдѣлалось острожское имѣніе.

Дѣло это кончилось уже при новомъ магистрѣ, дѣятельномъ и благоразумномъ Роганѣ, питавшемъ необыкновенное, восторженное уваженіе къ Екатеринѣ II. Императрица, оцѣнивъ способности и характеръ графа Саграмозо, изъявила желаніе, чтобы онъ остался при ея дворѣ постояннымъ министромъ отъ ордена. Но такъ какъ средства Мальтійцевъ были въ это время уже крайне истощены, а притомъ въ случаѣ исполненія этой мысли и другіе дворы могли бы потребовать того же, то орденъ долженъ былъ отказаться отъ предложенной ему чести. Между тѣмъ, по случаю замиренія съ Турціею, и маркизъ Кавалькабо былъ отозванъ изъ Мальты. Вскорѣ однакожъ представился поводъ къ назначенію туда новаго повѣреннаго. Этимъ поводомъ было присоединеніе польскаго пріорства, по плану Рогана, къ англо-баварскому *языку:* въ Мальту посланъ былъ капитанъ 2-го ранга Псаро.

Происшедшій между тѣмъ второй раздѣлъ Польши, по которому Волынь, а съ нею и острожскія имѣнія достались Россіи, побудилъ великаго магистра вступить въ новыя сношенія съ С.-Петербургомъ. По желанію Императрицы, чтобы полномочный министръ, котораго Роганъ намѣревался отправить ко двору ея, былъ преимущественно избранъ изъ піемонтскихъ кавалеровъ, это почетное званіе получилъ бальи графъ *Литта*, уроженецъ миланскій, находившійся тогда въ русской службѣ контръ-адмираломъ (см. выше стр. 122). Онъ имѣлъ у Императрицы аудіенцію $^{7}/_{18}$ октября 1795 г. и представилъ ноту о неуплаченныхъ ордену доходахъ изъ Польши. Послѣдовавшая вскорѣ кончина Екатерины доставила Мальтійцамъ еще болѣе щедраго покровителя въ ея преемникѣ.

Императоръ Павелъ, съ дѣтства прислушиваясь къ толкамъ объ этомъ орденѣ и вообще склонный по своему характеру сочувствовать всему романическому, рано уже показывалъ особенное расположеніе къ Мальтійцамъ. Порошинъ въ своихъ *Запискахъ* разсказываетъ подъ 28 февраля 1765 г. (когда великому князю шелъ одиннадцатый годъ): «Читалъ я его высочеству Вертотову исторію объ орденѣ мальтійскихъ кавалеровъ. Из-

Digitized by Google

волилъ онъ потомъ забавляться и, привязавъ къ кавалеріи своей флагъ адмиральскій, представлять себя кавалеромъ мальтійскимъ».

По воцареніи своемъ Императоръ принялъ живое участіе въ судьбѣ ордена, которому тогдашнія политическія обстоятельства уже грозили паденіемъ *, и въ декабрѣ того же года назначилъ двухъ полномочныхъ, именно князя Безбородко ** и князя Александра Борисовича Куракина, для заключенія конвенціи съ бальи графомъ Литтою. Главнымъ содержаніемъ состоявшейся такимъ образомъ $^4/_{15}$ января 1797 г. конвенціи было то, что вмѣсто *польскаго* вел. пріорства и 6 командорствъ возникло *вел. пріорство русское* (россійско-католическое) съ 10 командорствами и что ежегодный доходъ во 120,000 злотыхъ, ассигнованный ордену изъ польскихъ имѣній, былъ возвышенъ теперь до 300,000 злотыхъ (считая злотый въ 25 коп.), съ тѣмъ чтобъ уплата производилась рублями, которые впредь должны были выдаваться изъ государственнаго казначейства. Не довольный еще этимъ пожалованіемъ, Государь изъявилъ желаніе облечься, вмѣстѣ со всею императорскою фамиліею, въ знаки ордена. Но еще до исполненія этого достойный старецъ Роганъ умеръ, и въ гросмейстеры избранъ былъ прежній посолъ нѣмецкаго императора въ Мальтѣ, баронъ Гомпешъ, въ которомъ орденъ надѣялся найти сильную опору противъ враждебной Франціи. Извѣстіе о милостяхъ русскаго государя возбудило между кавалерами общій энтузіазмъ. Отправленный въ Петербургъ кавалеръ Рачинскій привезъ новое полномочіе ловкому бальи, успѣвшему въ короткое время сдѣлать такъ много для ордена; графъ Литта, теперь уже въ званіи чрезвычайнаго посла, имѣлъ 27 ноября торжественный въѣздъ въ столицу, а 29-го публичную аудіенцію, на которой поднесъ Государю титулъ *протектора* и знаки мальтійскаго ордена для него и всѣхъ особъ царскаго семейства, также для государственнаго канцлера князя Безбородки, для вице-канцлера князя Куракина и еще для нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Для самого Императора присланъ былъ старинный крестъ славнаго гросмейстера Лавалетта. Изъ главной аудіенцъ-залы

* Во время французской революціи этотъ орденъ, вмѣщавшій въ себѣ древнѣйшіе дворянскіе роды почти всей Европы, оставался какъ-бы представителемъ старинныхъ привилегій дворянства: съ 1791 по 1795 г. мальтійское правитесльтво явно ободряло и поддерживало рыцарей, желавшихъ присоединиться къ арміи эмигрантовъ (*Путеш. маршала Мармона*, М. 1840, т. IV, стр. 252). Вотъ главная причина ненависти къ нему со стороны французской республики, которая, гдѣ только могла, захватывала орденскія владѣнія. Изъ такого положенія ордена происходило и особенное покровительство, оказанное ему императоромъ Павломъ, который сверхъ того руководился мыслью о пріобрѣтеніи острова Мальты. — «Мальтійскій орденъ былъ не что иное какъ искусная каверза католичества въ Россіи» (*Р. арх.* 1865 г., стр. 1400). См. тамъ же описаніе орденскаго праздника въ письмѣ П. М. Долгорукова къ сестрѣ, изъ Петергофа отъ 29 мая 1799.

** Александръ Андреевичъ Безбородко, род. 6 апрѣля 1747 г., ум. 16 апр. 1799. Онъ пожалованъ въ графы Римской Имперіи 1784; императоръ Павелъ возвелъ его въ день коронаціи, 5 апрѣля 1797, въ княжеское Росс. Имперіи достоинство съ титломъ Свѣтлости, а черезъ двѣ недѣли пожаловалъ его государственнымъ канцлеромъ и президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Digitized by Google

посолъ отправился къ другимъ высочайшимъ особамъ; по возвращеніи его въ тронную прибыла туда Императрица и, принявъ изъ рукъ Государя орденскіе знаки, заняла мѣсто на тронѣ. Затѣмъ къ престолу подошелъ Александръ Павловичъ безъ шпаги и преклонилъ колѣно. Императоръ, надѣвъ шляпу и обнаживъ мечъ, сдѣлалъ имъ три рыцарскіе удара по плечамъ великаго князя, вручилъ ему шпагу, поцѣловалъ его, какъ брата, и возложилъ на него знаки большаго креста. Та же церемонія повторилась съ Константиномъ Павловичемъ. Такимъ же образомъ послѣ того французскій принцъ Конде * былъ пожалованъ въ кавалеры большаго креста и нареченъ великимъ пріоромъ русскимъ. Въ тотъ же день послѣ обѣда Государь принялъ кавалерами большаго креста князей Безбородку и Куракина, роздалъ другіе кресты и назначилъ всѣхъ командоровъ и кавалеровъ русскаго великаго пріорства.

Но въ то самое время, какъ орденъ готовился праздновать такой неожиданный успѣхъ, случилось вдругъ роковое событіе, которое должно было положить конецъ его существованію: вслѣдствіе безпечности и малодушія Гомпеша Мальта была взята Наполеономъ на пути его въ Египетъ. Тогда капитулъ русскаго пріорства, собравшись въ орденскомъ домѣ въ Петербургѣ, издалъ два акта: 1) протестъ «противъ предосудительнаго поступка великаго магистра и другихъ кавалеровъ, нарушившихъ святость своихъ обѣтовъ сдачею безъ всякой обороны орденскихъ владѣній и заключившихъ безчестную капитуляцію, основанную исключительно на личныхъ выгодахъ великаго магистра и его сообщниковъ **», и 2) манифестъ русскаго пріорства, возлагавшій всѣ надежды ордена на протектора. Императоръ отвѣчалъ на эти акты декларацiей, подписанною въ Гатчинѣ 10 сентября, торжественно обѣщая «не только сохранять орденъ во всѣхъ его установленіяхъ, привилегіяхъ и почестяхъ, но и употребить всѣ старанія къ возстановленію его». Въ заключеніе протекторъ приглашалъ находившихся въ Петербургѣ кавалеровъ «сдѣлать всѣ нужныя распоряженія къ пристойнѣйшему и полезнѣйшему отправленію дѣлъ ордена».

Въ этихъ словахъ уже обозначалось намѣреніе Императора принять на себя званіе великаго магистра, намѣреніе, какъ полагаютъ, внушенное ему Литтою, который надѣялся занять въ такомъ случаѣ первое при Императорѣ мѣсто по управленію орденомъ. Онъ становился необходимъ для учрежденія совѣта и канцеляріи новаго гросмейстера, и такимъ образомъ ему легко было сдѣлаться намѣстникомъ Павла по дѣламъ ордена. Къ удивленію всей Европы, русскій царь принималъ верховное начальство надъ религіознымъ и военнымъ орденомъ, признававшимъ папу своимъ духовнымъ главою. Впрочемъ Императоромъ руководила конечно и политика: въ случаѣ возвращенія Мальты ордену, этотъ островъ, по своему положенію въ Средиземномъ морѣ, обѣщалъ Рус-

* Принятый въ русскую службу вмѣстѣ съ своимъ корпусомъ, состоявшимъ изъ пяти полковъ, и назначенный шефомъ одного изъ нихъ (*Спб. Вѣдом.* 1797, № 96).

** Подлинныя слова изъ упоминаемаго вслѣдъ за симъ манифеста.

Digitized by Google

скимъ важную точку опоры въ сношеніяхъ съ Оттоманской Портой. Притомъ Государь, въ качествѣ гросмейстера, становился во главѣ всего европейскаго дворянства.

Провозглашенный въ прокламаціи русскаго пріорства великимъ магистромъ, императоръ Павелъ принялъ этотъ титулъ, и 29 ноября 1798 г., въ день бывшей за годъ передъ тѣмъ церемоніи, весь корпусъ кавалеровъ торжественно поднесъ ему корону и регаліи новаго сана. Императоръ отвѣчалъ чрезъ вице-канцлера своего объявленіемъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: «При семъ вновь повторяемъ торжественно учиненныя прежде, въ качествѣ Покровителя того ордена, обнадеживанія, что Мы не токмо оставимъ навсегда въ цѣлости всѣ установленія и преимущества, присвоенныя сему знаменитому ордену, какъ въ разсужденіи свободнаго исповѣданія вѣры и слѣдующихъ по тому отношеній кавалеровъ римскаго закона, такъ и касательно управленія орденскаго, опредѣляя главное мѣсто пребыванія онаго въ императорской нашей столицѣ; но что и далѣе не престанемъ пещися о возстановленіи его въ то почтительное состояніе, которое соотвѣтствовало бы благой цѣли основанія сего ордена, его прочности и пользѣ. Возобновляемъ и паки увѣренія Наши, что, имѣя верховное начальство надъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и почитая обязанностію нашею стараться о возвращеніи неправедно у него отнятой собственности, не предполагаемъ Мы отнюдь, въ качествѣ Нашемъ Императора Всероссійскаго, никакихъ притязаній, которыя могли бы обращаться во вредъ или ущербъ правамъ прочихъ Намъ дружественныхъ державъ».

По прочтеніи этого акта княземъ Безбородкой, всѣ мальтійскіе кавалеры, приступивъ къ престолу съ колѣнопреклоненіемъ, принесли гросмейстеру присягу въ повиновеніи и вѣрности и допущены были къ рукѣ. Желая сдѣлать этотъ день еще болѣе памятнымъ, Императоръ учредилъ, какъ новый знакъ отличія для поощренія службы русскихъ дворянъ, орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, котораго уставъ теперь же былъ прочитанъ съ престола. Новый орденъ былъ возложенъ на великихъ княгинь и княженъ, а также на нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ. Сенату предписано объявить о совершившемся по всему государству, со внесеніемъ новаго достоинства въ титулъ императорскій. Деклараціею, обнародованной въ Европѣ, дворяне всѣхъ христіанскихъ странъ приглашались ко вступленію въ орденъ. Въ Мальту же, которая должна была опять сдѣлаться достояніемъ ордена, Императоръ уже предварительно назначилъ коменданта и русскій гарнизонъ изъ 3000 человѣкъ.

Въ слѣдующемъ году пріѣзжали въ Петербургъ депутаціи разныхъ западно-европейскихъ пріорствъ для признанія Государя въ званіи великаго магистра *. Кромѣ возстановленнаго имъ русско-католическаго пріор-

* Одинъ изъ участвовавшихъ въ депутаціи германскаго пріорства, 70-и лѣтній аббатъ Жоржель, описалъ свое путешествіе и пребываніе въ Петербургѣ въ зиму съ 1799 на 1800 годъ (см. въ нашемъ текстѣ нѣсколько ниже). Онъ былъ французскій эмигрантъ, жилъ въ Брейзгау и сопровождалъ депутацію въ качествѣ секретаря. Названное Путешествіе напечатано и въ со-

Digitized by Google

ства, онъ учредилъ греко-россійское великое пріорство, назначивъ великимъ его пріоромъ наслѣдника цесаревича Александра Павловича. Составленъ былъ верховный священный совѣтъ, въ которомъ засѣдали: поручикомъ (намѣстникомъ) великаго магистра фельдмаршалъ гр. Н. И. Салтыковъ, генералъ-фельдмаршаломъ ордена великій князь Александръ, великимъ командоромъ князь Лопухинъ, великимъ канцлеромъ гр. Ростопчинъ и проч. Образованъ былъ дворъ по штату прежняго двора великаго магистра съ великимъ сенескалломъ (Нарышкинъ), призрителемъ бѣдныхъ (архіепископъ Амвросій) и т. д. Для гвардіи великаго магистра учрежденъ кавалергардскій корпусъ изъ 189 человѣкъ *). Многимъ полкамъ пожалованъ знакъ ордена на знамена, шапки, кирасы и т. п. Мальтійскій крестъ былъ включенъ въ государственный гербъ, съ которымъ и явился на всѣхъ казенныхъ зданіяхъ въ Петербургѣ. Сверхъ того была устроена католическая церковь во имя св. Іоанна Крестителя (Іерусалимскаго) въ зданіи, которое служило зàмкомъ мальтійскихъ рыцарей. Этотъ домъ (нынѣшній пажескій корпусъ), построенный архитекторомъ Растрелли, принадлежалъ сначала государственному канцлеру графу Воронцову; потомъ онъ поступилъ въ казну, и въ немъ жилъ графъ Остерманъ. Императоръ Павелъ подарилъ его ордену, и надъ главнымъ въѣздомъ прибитъ былъ мальтійскій гербъ — бѣлый крестъ на красномъ полѣ. Церковь была построена архитекторомъ Гваренги и освящена 17 іюня 1800 митрополитомъ Сестренцевичемъ. Императоръ Николай возобновилъ ее въ 1833 году. Она состояла въ завѣдываніи графа Литты до самой смерти его (см. выше стихотв. *На бракъ графини Литты*).

Вниманіе императора Павла къ мальтійскому ордену подало ему между прочимъ поводъ къ учрежденію еще 20-и командорствъ въ награду отличившимся военными подвигами офицерамъ. Почти ежедневно жаловались новые кавалеры и командоры. Знатные дворяне учреждали и съ своей стороны фамильныя командорства. Высочайшіе указы и манифесты кончались словами: «Данъ царствованія нашего въ третье, магистерства же во второе лѣто», и т. п. Въ 1800 г. напечатано «Уложеніе» ордена.

Между тѣмъ взятіе Мальты Англичанами повлекло за собою разрывъ Россіи съ Великобританіею; вспыхнула война, но прежде окончанія ея императора Павла не стало. Дальнѣйшая судьба ордена извѣстна (*Исторія ордена св. Іоанна Іерусалимскаго*, соч. А. Лабзина, ч. V, Спб. 1801); Kurzgefasste Nachricht von S. K. K. Majestät Paul I Gelangung zur Würde eines Grossmeisters и т. д. Nov. 1799, и къ этому еще особо Anhang. 1802, — оба напеч. въ Спб.; Voyage à St.-Pétersbourg de l'abbé Georgel,

ставѣ Записокъ его (Mémoires pour servir à l'histoire des événements de la fin du XVIII siècle, par un contemporain impartial), изданныхъ также 1818 въ Парижѣ; оно занимаетъ томъ VI этихъ Записокъ.

* Коцебу въ любопытномъ своемъ сочиненіи: Das merkwürdigste Jahr meines Lebens (Berlin 1803, стр. 394) разсказываетъ по поводу одного театральнаго представленія: «Государь сидѣлъ за самымъ оркестромъ, и меня поразило, что въ продолженіе всего спектакля позади креселъ его стоялъ гвардеецъ мальтійской гвардіи».

Digitized by Google

Paris, 1818; Реймерса St. Petersburg и проч.; Мих. Данилевскаго и Д. А. Милютина (*Исторія войны Россіи съ Франціею въ 1799*, т. I, Спб. 1852).

2. Нѣсколько свѣдѣній о Лабзинѣ.

Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ, пріятель Державина (см. томъ I, стр. XX Предисловія), — извѣстный масонъ и издатель разныхъ мистическихъ книгъ, въ которыхъ онъ означалъ свое имя буквами У. М. (ученикъ мудрости). См. о немъ *Словарь* митр. Евгенія и въ 1-й книжкѣ *Русской Бесѣды* 1859 г. статью С. Т. Аксакова *Встрѣча съ Мартинистами*, которая однакожъ должна быть читана съ критикой. Къ сообщеннымъ тамъ свѣдѣніямъ прибавимъ, что Лабзинъ въ 1799 году былъ опредѣленъ конференцъ-секретаремъ, а въ 1818 вице-президентомъ Академіи Художествъ. Въ 1804 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники и въ томъ же году получилъ еще мѣсто директора департамента министра морскихъ силъ. Въ 1822 онъ былъ уволенъ отъ службы и умеръ въ ссылкѣ въ началѣ 1825 года (выписки изъ архива Академіи Худож., доставленная Ѳ. Ѳ. Львовымъ). Императоръ Павелъ назначилъ Лабзина исторіографомъ ордена съ жалованьемъ по 600 руб. въ годъ. Сотрудникомъ Лабзина въ этомъ дѣлѣ былъ Вахрушевъ. Первыя части книги ихъ не что иное, какъ переводъ Geschichte des Maltheserordens nach Vertot (сочиненіе Вертô идетъ только до 1725 года), Jena 1793. Другимъ исторіографомъ ордена Императоръ назначилъ, съ пожизненною пенсіею въ 600 р., прибывшаго въ Петербургъ командора Мезоннева (Maisonneuve), который и издалъ здѣсь Annales historiques de l'Ordre и проч., начинающіяся съ 1725 (Реймерсъ, т. II, стр. 74)*.

Несчастіе Лабзина было слѣдствіемъ неосторожнаго слова, произнесеннаго имъ на частномъ совѣщаніи, по поводу предложенія въ почетные члены Академіи Художествъ Румянцова, Аракчеева и Гурьева. Лабзинъ находилъ, что первый достоинъ избранія, второй по крайней мѣрѣ заказывалъ академіи или ея воспитанникамъ нѣкоторыя работы, но послѣдній не имѣлъ никакого права. Доказывая это, Лабзинъ разгорячился и вышелъ изъ предѣловъ благоразумія. Покойный М. А. Дмитріевъ, познакомившійся съ нимъ въ Симбирскѣ, доставилъ намъ, по нашей просьбѣ, въ рукописи слѣдующій любопытный разсказъ объ обстоятельствахъ ссылки его:

«На другой день онъ былъ позванъ къ генералъ-губернатору, графу Милорадовичу, который сказалъ ему, чтобъ онъ ѣхалъ къ Гурьеву и извинился. Лабзинъ не поѣхалъ. — Дѣло это оставалось безъ послѣдствій три дня, пока Государь былъ въ Петербургѣ; но по отъѣздѣ его въ чужіе краи, вслѣдъ за нимъ послано было донесеніе о Лабзинѣ: какъ было это

* Въ концѣ книги Мезоннева можно найти полный списокъ лицъ, принадлежавшихъ къ мальтійскому ордену въ Россіи. Это приложеніе было издано и отдѣльно. Такой же списокъ, подъ заглавіемъ *Державный орденъ св. І. І.* (въ миніат. форматѣ), изд. въ 1800 г. на русск. языкѣ. Къ списку соч. объ орденѣ можно еще прибавить: *Историч. сокращеніе о державномъ орденѣ* и пр., съ итальян. князь Ник. Долгоруковъ, Спб. 1800.

Digitized by Google

представлено, неизвѣстно; но его велѣно было сослать Симбирской губерніи въ городъ Сенгилей.

«Заслуженный больной старикъ, съ больною женой, которая была и его старѣе, отправился осенью 1822-го го года, по дурной дорогѣ, въ простой кибиткѣ, къ дальнему и неизвѣстному мѣсту своего назначенія. Въ добавокъ къ этому, подъ Москвою вывалили ихъ изъ кибитки, и старухѣ Лабзиной повредило это ногу. Но въ Москвѣ жилъ въ это время славный медикъ, извѣстный своимъ благочестіемъ, Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ, который, принявъ при посредствѣ Лабзина ученіе истиннаго благочестія, почиталъ его своимъ благодѣтелемъ. Онъ приготовилъ для принятія его комнаты въ своемъ домѣ, на Прѣснѣ, и — мало этого — испросилъ дозволеніе иллюминовать домъ для пріѣзда своего благодѣтеля. Онъ встрѣтилъ пріѣзжихъ на крыльцѣ низкимъ поклономъ, покоилъ ихъ, и отпустилъ, оказавъ имъ и медицинскую и дружескую помощь.

«Плохо было изгнанникамъ въ Сенгилеѣ: въ этомъ городишкѣ не находили они самонужнѣйшихъ потребностей жизни; но одинъ симбирскій помѣщикъ, Петръ Петровичъ Тургеневъ, братъ Ивана Петровича, по старинной масонской связи, прислалъ имъ возъ домашнихъ припасовъ и другой съ лѣкарственными травами, безъ чего они были бы въ большомъ затрудненіи, и по недостатку денегъ и по неимѣнію никакихъ средствъ въ небольшомъ и бѣдномъ городѣ.

«Вскорѣ Лабзинъ переведенъ былъ въ Симбирскъ. Здѣсь передъ этимъ была масонская ложа, Ключъ къ Добродѣтели, великимъ мастеромъ которой былъ князь Михайло Петровичъ Баратаевъ. Ложи въ 1822-мъ году были закрыты; но имя Лабзина было въ такомъ уваженіи, что братья ложи поставили себѣ за долгъ съ нимъ познакомиться. Александръ Ѳедоровичъ, вслѣдствіе строгости, съ которою было съ нимъ поступлено, былъ сначала въ нѣсколько раздраженномъ состояніи. Князь Баратаевъ былъ ему какъ-то родня; но посѣщенія всѣхъ другихъ казались ему просто любопытствомъ и даже были ему подозрительны: и потому онъ принималъ посѣтителей не совсѣмъ ласково. Но вообще надобно отдать справедливость тогдашнимъ жителямъ Симбирска: они терпѣливо переносили первоначальную раздражительность изгнанника и добились его искренней признательности и искренняго чувства дружества. Они берегли его, какъ больнаго ребенка, какъ бѣдную душу, оскорбленную судьбою. — Симбирскою жизнію своей онъ былъ наконецъ очень доволенъ, такъ что однажды онъ говорилъ мнѣ съ чувствомъ: «Я думалъ, что, уѣзжая изъ Петербурга, я оставлю тамъ друзей, какихъ ужъ не нажить; но вмѣсто того я нашелъ здѣсь такихъ искреннихъ и добрыхъ друзей, какихъ у меня и тамъ не было!» — Вообще онъ былъ въ спокойномъ и по бо́льшей части въ веселомъ расположеніи духа; но нельзя сказать, чтобъ его совсѣмъ не тревожило его фальшивое положеніе. Такъ, по отъѣздѣ моемъ въ Москву, онъ писалъ ко мнѣ отъ 8-го ноября 1823 г.: «Позвольте самолюбію человѣческому полюбопытствовать у васъ: какимъ кажусь я въ глазахъ вашего дядюшки: почитаетъ ли онъ меня за преступника наказаннаго, или за страдальца, невинно впадшаго въ сіе несчастіе?» — Кажется, его занимало

Digitized by Google

мнѣніе и другихъ значительныхъ лицъ. Въ началѣ 1824 года, онъ между прочимъ писалъ ко мнѣ: «Вѣроятно, вы видаетесь иногда съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ. Нѣкогда онъ былъ моимъ начальникомъ по службѣ, и одинъ изъ всѣхъ начальниковъ, который, кажется, зналъ мнѣ цѣну. Итакъ прошу васъ, при случаѣ, возобновить меня въ его памяти и донести ему, что я самъ писать къ нему не смѣю, не потому, чтобъ въ немъ сомнѣвался: надѣюсь также, что и онъ во мнѣ не усумнится; а по обстоятельствамъ, ему небезъизвѣстнымъ, опасаясь, чтобъ не нанесть тѣмъ какого вреда ему или себѣ, когда донесено будетъ, что у меня переписка съ графомъ.»

«*Сіонскій Вѣстникъ* началъ издавать Лабзинъ, какъ извѣстно, въ 1806-мъ году, съ января, но прекратилъ его сентябремъ мѣсяцемъ, неизвѣстно почему; однако въ концѣ послѣдней книжки сказано, что издатель «рѣшается на прекращеніе своего журнала, по обстоятельствамъ не маловажнымъ, и не отъ его воли зависящимъ.» — Но 1817-мъ году, когда были въ такомъ ходу библейскія общества, а масонскія ложи пользовались особеннымъ покровительствомъ, опять возобновилось съ апрѣля мѣсяца изданіе *Сіонскаго Вѣстника*. Однако, въ половинѣ слѣдующаго же 1818-го года журналъ прекратился. Всего, въ оба періода, было издано 24 книжки, составляющія 8 томовъ. Впослѣдствіи, въ концѣ царствованія Александра, особенно въ министерство Шишкова, этотъ журналъ, вмѣстѣ съ другими книгами въ томъ же духѣ, былъ строжайше запрещенъ въ продажѣ и составляетъ донынѣ библіографическую рѣдкость.

«Послѣ запрещенія этихъ книгъ, всѣ книги, изданныя Лабзинымъ, были запечатаны въ петербургскомъ подвалѣ Глазунова и Лабзинъ лишился не только всего дохода, но всего своего имущества, состоявшаго въ этихъ книгахъ. Онъ сдѣлался почти нищимъ и, когда его высылали изъ Петербурга, ему не съ чѣмъ было ѣхать; но князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, имѣвшій всегда отъ Государя нѣкоторыя суммы денегъ на раздачу бѣднымъ, выдалъ ему изъ этихъ денегъ двѣ тысячи рублей ассигнаціями.

«Съ Лабзинымъ жили въ Симбирскѣ: жена его Анна Евдокимовна, которая была, какъ я сказалъ уже, старѣе его лѣтами, и воспитанница ихъ, Софья Алексѣевна Мудрова, племянница знаменитаго доктора Матвѣя Яковлевича Мудрова, который встрѣчалъ и успокоилъ ихъ въ Москвѣ.

«Александръ Ѳедоровичъ скончался въ Симбирскѣ 26-го января 1825-го года, проживши два года въ своемъ изгнаніи. — Жилъ онъ въ Симбирскѣ на Московской улицѣ, въ наемномъ небольшомъ домѣ г-жи Назарьевой. Погребенъ онъ въ Покровскомъ симбирскомъ монастырѣ. Надъ его могилой поставленъ изъ дикаго камня крестъ съ слѣдующею надписью:

«Всю жизнь онъ вѣренъ былъ ученію Христову.
Какъ вѣровалъ, такъ жилъ,
И, братьямъ путь открывъ къ Спасителеву слову,
Онъ западъ дней своихъ страданьемъ освятилъ.»

Digitized by Google

«После его кончины, Мудровъ пригласилъ Анну Евдокимовну съ племянницей переѣхать жить къ нему. Въ его домѣ, на среднемъ Прѣсненскомъ прудѣ, она черезъ нѣсколько лѣтъ окончила жизнь свою.

«Лабзинъ, какъ извѣстно, занимался и литературой. Въ первой молодости онъ перевелъ *Фигарову женидьбу*, комедію Бомаршё. Въ царствованіе Павла издалъ *Исторію ордена св. Іоанна Іерусалимскаго*. Онъ писалъ и стихи. Извѣстны нѣкоторыя его оды Екатеринѣ II и Александру I и переводъ въ стихахъ Делилева диѳирамба на *Безсмертіе души*. Въ Симбирскѣ написалъ онъ одну духовную оду и другую въ видѣ посланія къ женѣ своей.

«Эти послѣдніе его стихи, написанные послѣ моего отъѣзда изъ Симбирска, въ ноябрѣ 1823 года и присланные имъ ко мнѣ въ Москву, болѣе всего свидѣтельствуютъ мирное и христіанское расположеніе души его. Вотъ какъ, обращаясь съ молитвой къ Богу, говоритъ онъ въ нихъ о врагахъ своихъ:

«Прими во власть Твою святую
Равно и всѣхъ враговъ моихъ:
Подай имъ участь преблагую,
Ущедри милостію ихъ
И, превращая зло во благо,
Не подавай Ты имъ инаго,
Какъ милость щедрую Твою.
Да за меня никто не страждетъ,
Но паче всякъ къ Тебѣ возжаждетъ!...
Я судъ и милость воспою!»

(Подробная біографическая статья г. Безсонова о Лабзинѣ и *Воспоминаніе* покойнаго М. А. Дмитріева о его ссылкѣ напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 г.. стр. 817—859).

3. Просьба мальтійскаго ордена къ императору Павлу.

Помѣщаемъ здѣсь найденную нами въ бумагахъ Державина подлинную просьбу отъ имени ордена, поданную императору Павлу графомъ Литтою, о принятіи Государемъ званія великаго магистра. Сколько намъ извѣстно, просьба эта нигдѣ еще не была напечатана.

«Sire,

«L'ordre souverain de St.-Jean de Jérusalem, fondé sur les principes de la bienfaisance et de l'honneur, a constamment rempli le but sacré de son institution. Sept siècles de prospérité et de gloire attestent la sagesse de ses loix et son dévouement à ses devoirs. Forcé jadis d'abandonner l'isle où il régnoit et qu'il rendit célèbre par tant de prodiges de valeur, il vit ses pertes réparées par la générosité d'un Souverain magnanime qui lui donna une nouvelle résidence et dont l'Europe entière admire le bienfait! Dépouillé une seconde fois de l'héritage de ses ancêtres et menacé d'une ruine totale par la dispersion de ses membres, l'Ordre de St.-Jean de Jérusalem vient se jeter dans les bras de l'Auguste Protecteur que la

Digitized by Google

Providence éternelle lui avoit déjà accordé, pour sauver dans le péril le plus éminent son existence et sa gloire. Il supplie Vorte Majesté Impériale de lui accorder le plus signalé des bienfaits, celui d'être son Chef et de le soutenir par Sa puissance. Il confie à Votre Majesté Impériale ses destinées et le dépôt sacré de ses institutions et de ses droits. La proclamation solemnelle que je porte au trône de Votre Majesté Impériale exprime les voeux de tous les chevaliers fidèles à la religion et à l'honneur: Votre acceptation, Sire, sera pour notre ordre le plus sûr garant de son rétablissement, de sa prospérité et de sa splendeur».

4. Извѣстіе Львова о мальтійскихъ кавалерахъ.

Въ рукописной книгѣ сочиненій Н. А. Львова находится историческое извѣстіе о мальтійскомъ орденѣ. Львовъ былъ самъ кавалеромъ его: онъ пользовался милостью императора Павла и жилъ въ Гатчинѣ (см. подъ 1804 г. стихотвореніе *Память другу*). Печатая для любопытныхъ это извѣстіе, въ которомъ мальтійскіе кавалеры названы *Ивановскими*, мы предпосылаемъ ему и слѣдующую собственноручную замѣтку Львова, объясняющую цѣль составленія его: «Г. оберъ-полиціймейстеру Валуеву, требовавшему отъ меня, что такое Мальтійскій орденъ, ибо многіе кавалеры называли его Ordre de Ste-Malte».

«Мальтійскіе кавалеры имѣютъ разныя названія:

«1) Кавалеры Гостепріимственные.
«2) Кавалеры Родосскіе.
«3) Кавалеры Ивановскіе.
«4) Кавалеры Креста.

«Неаполитанскіе купцы изъ Амальфіи въ 1048 году построили въ Іерусалимѣ церковь католицкую во имя Богоматери латинскія; потомъ основали монастырь Св. Венедикта, въ больницахъ онаго давали убѣжище мужчинамъ и женщинамъ, ходящимъ на богомолье. Герардъ Тунгъ или Тумъ построилъ церковь св. Іоанна Крестителя и былъ первый настоятель. Въ 1099 году Годофредъ де Бульйонъ, по взятіи Іерусалима, приписалъ къ сему монастырю земли, которыя онъ имѣлъ во Франціи, и опредѣлилъ доходъ; его примѣру подражали многіе, владѣнія умножились и Герардъ отдѣлилъ учрежденіе кавалеровъ Гостепріимственныхъ св. Іоанна отъ монастыря Богородична, учредя особливую обитель. По смерти Герарда директоры или начальники выбирались кавалерами; Раимондъ дю Пюи ему наслѣдовалъ въ качествѣ магистра, далъ ордену нѣкоторыя правила, которыя утвердилъ папа Калистъ II въ 1120 году. Правила сіи состояли въ томъ, чтобы принимать бѣдныхъ въ больницы, давать убѣжище странникамъ и воевать противъ невѣрныхъ; Иннокентій II-й въ 1130 году утвердилъ сіи правила и далъ кавалерамъ Іерусалимскимъ штандартъ съ изображеніемъ бѣлаго осьмиконечнаго креста на красномъ полѣ; изъ сего потомъ составились и гербъ и печать сего ордена.

«По изгнаніи изъ Іерусалима Ивановскіе кавалеры поселились въ Моргатѣ, потомъ въ Акрѣ, которые они храбро защищали и послѣ потери обѣтованной земли.

Digitized by Google

«Въ 1291 году Лузиньянъ далъ имъ убѣжище въ Лимисонѣ на островѣ Кипрѣ, гдѣ лѣтъ 18 имѣли они резиденцію: въ 1308 году завоевали они островъ Родосъ, съ того времени начали они именоваться кавалерами родосскими; Андроникъ, императоръ греческій, великому ихъ магистру Виларету далъ и право владѣнія на сей островъ.

«Въ 1480 году великій магистръ д'Обюссонъ съ большою храбростію защищалъ резиденцію свою противъ Магомета II и, не смотря на превосходныя силы непріятельскія, выдержалъ атаку цѣлые 3 мѣсяца: въ 1522 Солиманъ съ арміею, въ 300 тысячахъ состоявшею, взялъ сію крѣпость, которая во владѣніи кавалеровъ была 213 лѣтъ.

«По изгнаніи изъ Родоса кавалеры переселились въ Кандію, потомъ папы Адріанъ VI и Климентъ VII дали имъ городъ Витербо, а наконецъ императоръ Карлъ V островъ Мальту, и съ того времени іерусалимскіе кавалеры назвались мальтійскими.

«Мальтійскій орденъ состоитъ изъ 8 націй, которыя извѣстны подъ именемъ 8 языковъ; каждый языкъ имѣетъ своего начальника, начальники имѣютъ право на избраніе великаго магистра.

«Въ мальтійскіе кавалеры принимаются люди доказаннаго благородства; принимаются въ ихъ общества также и женщины подъ именемъ монахинь, коихъ должность состояла въ первоначальномъ учрежденіи смотрѣть за гостинницами и больницами женскаго пола.

«Кавалеры мальтійскіе носятъ крестъ золотой съ бѣлою финифтью на черной лентѣ въ петлицѣ.

«Кавалеры большаго креста носятъ бѣлый холстинный крестъ на черномъ полѣ на супервестѣ, а финифтевый осмиконечный на шеѣ и на такой же лентѣ.»

5. Шуточные стихи Львова.

Въ рукописи Львова передъ этимъ очеркомъ помѣщена еще небольшая пьеса въ стихахъ, которую тоже выписываемъ, такъ какъ и она въ нѣкоторой связи съ исторіей ордена мальтійскаго въ Россіи:

«Вздохъ намѣстническаго мундира Ф. М., единаго при дворѣ сущаго, къ ѣдущимъ кавалерамъ 1799 сент. 20-го * въ Гатчинѣ.

«Блаженны людіе съ крючками,
Что могутъ полы застегнуть
И въ дождь негрязными стопами
Свершить на коняхъ грязный путь,
Въ одежду красну облеченны,
Перомъ блестящимъ осѣненны;
Знакъ рыцарскій ихъ краситъ грудь.
А я въ намѣстнической рясѣ
Межъ краснoперыхъ птицъ одинъ
Шатаюсь, какъ при смертномъ часѣ
Отъ инфантеріи павлинъ.

* День рожденія императора Павла.

И хоть не брызгаю ногами, —
Чрезъ лужи дѣлая прыжки,
Кафтанъ мараю сапогами,
Кафтаномъ пачкаю чулки.
О всадники! взгляните къ низу,
Помилуйте хоть разъ меня:
Иль красную мнѣ дайте ризу,
Иль посадите на коня.»

---

41. ВѢНЕЦЪ БЕЗСМЕРТІЯ[1].

Бесѣдовалъ съ Анакреономъ 1
Въ пріятномъ я недавно снѣ:
Подъ жаркимъ, свѣтлымъ небосклономъ,
Въ тѣни онъ пальмъ явился мнѣ.
Хариты вкругъ его, Эроты, 2
Съ братиною златою Вакхъ,
Ваѳиллъ прекрасный[2] въ рощи, гроты
Ходили въ розовыхъ вѣнкахъ[а].
Онъ дѣвъ плясаньемъ забавлялся; 3
Тряхнувъ подъ-часъ самъ сѣдиной[б],
На бѣлы груди любовался,
На взоръ металъ ихъ пламень свой;
Или, возлегши раменами
На мягки розы, отдыхалъ;
Огнистыми склонясь устами,
Изъ кубка медъ златой вкушалъ;
Иль, сидя съ юнымъ другомъ нѣжнымъ, 5
Потрепывалъ его рукой,
А взоромъ вкругъ себя прилежнымъ
Искалъ красавицы какой.
Цари къ себѣ его просили 6
Поѣсть, попить и погостить;
Таланты злата подносили[в], —
Хотѣли съ нимъ друзьями быть.
Но онъ покой, любовь, свободу[3] 7
Чинамъ, богатству предпочелъ;
Средь игръ, веселій, хороводу
Съ красавицами вѣкъ провелъ.
Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними, 8

Digitized by Google

Шутилъ, пѣлъ пѣсни и вздыхалъ,
И шутками себѣ такими
Вѣнецъ безсмертія снискалъ.
Посмѣйтесь, красоты россійски, 9
Что я въ морозъ, у камелька,
Такъ вами, какъ пѣвецъ тіискій[4],
Дерзнулъ себѣ искать вѣнка.

[а] Во розовыхъ съ нимъ шли вѣнкахъ (Рукоп.).
[б] И, самъ тряхнувши сѣдиной.
— ... тряхнувъ такъ. ... (1804).
[в] Таланты золота дарили.

---

[1] Въ этомъ стихотвореніи выразилось глубокое уваженіе къ Анакреону, завѣщанное древностью и перенесенное новымъ міромъ на мнимаго автора пѣсенъ, которыя мы отмѣчаемъ названіемъ *Анакреоновскихъ одъ* (см. выше стр. 46—48).

При жизни Анакреона теосскаго слава его проникла въ Самосъ, и онъ былъ призванъ къ роскошному двору Поликрата, вступившаго на престолъ около 530 года до Р. Х. Есть поводъ думать, что Анакреонъ былъ наставникомъ самого царя или сына его. Соединяя въ себѣ всю живость и веселую общительность Іонійца, Анакреонъ сдѣлался украшеніемъ этого двора и воспѣвалъ между прочимъ вино и любовь; но, преданный весь чувственнымъ радостямъ жизни, онъ умѣлъ однакожъ соблюсти умѣренность въ наслажденіяхъ и такимъ образомъ до глубокой старости сохранилъ юношескую бодрость. Та же сдержанность, то же отсутствіе необузданной страсти обнаруживается въ его произведеніяхъ, которыя, не смотря на роскошь его фантазіи, отличаются внутреннею прелестью, художническою трезвостью и легкой, плѣнительной формой (Бернгарди, Grundriss d. griech Lit., ч. I, отд. 1, стр. 606—618).

Анакреона воспѣвали многіе поэты. Такъ у Гёте и у Гердера находимъ Anakreon's Grab, подражаніе Греческой Антологіи, у Пушкина также *Гробъ Анакреона* (1815), у г. Майкова *Анакреонъ* (1852). До Державина Н. Ѳ. Эминъ въ своей книжкѣ *Подражанія древнимъ* помѣстилъ оду *Въ честь Анакреону*, которая начинается довольно сходно съ пьесою нашего поэта:

«*Во снѣ* я зрѣлъ Анакреона;
Казалось, онъ къ себѣ манилъ»...

Форма обоихъ стихотвореній совершенно одинаковая, и въ концѣ у Эмина также встрѣчается *вѣнокъ*, хотя и съ другимъ примѣненіемъ нежели у Державина:

«Старикъ любезный мнѣ въ подарокъ
Вѣнокъ съ улыбкой милой далъ».

Малоизвѣстная книжка Эмина (въ малую осьмушку, 98 стр.) заслуживаетъ вниманія въ разныхъ отношеніяхъ. Напечатанная въ Петербургѣ

Digitized by Google

1795 г. и посвященная графу В. А. Зубову, она содержитъ многія взятыя изъ древней литературы эротическія стихотворенія въ переводахъ съ французскаго, которые по времени, когда жилъ Эминъ, могутъ быть названы удачными *. Поэты, изъ которыхъ онъ заимствовался, были: Анакреонъ, Сафо, Θеокритъ, Біонъ, Мосхъ, Катуллъ и Горацій. Передъ произведеніями каждаго поэта помѣщена краткая о немъ замѣтка. Любопытно, что почти всѣ оды Анакреона, которыя выбралъ для подражанія Эминъ, встрѣчаются и у Державина **. Зная тогдашнія отношенія между обоими писателями, близкими къ Зубовымъ, трудно удержаться отъ заключенія, что Державинъ съ намѣреніемъ остановился на тѣхъ же пьесахъ, чтобы доказать свое превосходство надъ противникомъ (см. томъ I, стр. 249). Книжка Эмина могла даже способствовать къ усиленію производительности Державина по эротической поэзіи и къ отдѣльному изданію имъ въ 1804 году *Анакреонтическихъ пѣсней*. Эминъ съ своей стороны писалъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ примѣра Львова, издавшаго въ 1794 году своего *Анакреона*, которымъ послѣ и Державинъ пользовался какъ пособіемъ для торжества надъ самонадѣяннымъ соперникомъ. Насколько особенныя черты эпохи могли благопріятствовать распространенію въ литературѣ анакреонтическаго направленія, предоставляемъ судить самому читателю.

Въ дополненіе къ нашему общему примѣчанію объ Анакреонѣ (см. выше стр. 46) приведемъ мнѣніе о немъ извѣстнаго французскаго писателя Вильмена. Не оспоривая выводовъ германской критики, онъ однакожъ предостерегаетъ противъ преувеличеній и выражаетъ догадку, не дошли ли до насъ отъ Анакреона самыя *доловѣчныя* стихотворенія, т. е. тѣ, которыя были всѣхъ доступнѣе массамъ (les plus vulgaires): «къ нимъ же, быть можетъ, въ послѣдующія времена примѣшались подражанія, стоявшія ниже образца. Но едва ли и самъ образецъ не былъ такимъ поэтомъ,

* Эминъ ум. 8 января 1814 г. Онъ прежде служилъ въ Петрозаводскѣ экзекуторомъ при Державинѣ, а впослѣдствіи былъ въ непріязненныхъ съ нимъ отношеніяхъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія занималъ мѣсто выборгскаго губернатора. По смерти Эмина Державинъ забылъ прошлое и хлопоталъ о назначеніи вдовѣ его пенсіи (см. письмо А. С. Шишкова къ Держ. отъ 9 марта 1814 г.). Эминъ былъ женатъ на сестрѣ драматическаго писателя Хмѣльницкаго; отъ этого брака родилась Вѣра Николаевна, въ замужствѣ Ростовцева (супруга покойнаго графа Якова Ивановича). На книжку Эмина *Подражанія древнимъ* указано съ похвалою въ *Вѣстникѣ Европы* (ч. LII) 1810 г., № 13, стр. 64. Какъ образчикъ приведена тамъ выписанная нами выше, стр. 85, пьеса *Амуръ уязвленный пчелою*.

** Исчислимъ Анакреоновскія оды, встрѣчающіяся у того и другаго, отличая курсивомъ заглавія ихъ у Державина: Лира — *Къ Лирѣ* (см. выше стр. 85); Женщины — *Къ женщинамъ* (стр. 79); Ода III — *Купидонъ* (стр. 44); Амуръ побѣдитель — *Бой* (томъ I, стр. 532); На вкусы — *Богатство* (см. выше стр. 112); Портретъ любовницы — *Анжеликѣ Кауфманъ* (томъ I, стр. 461); Желанія — *Шуточное желаніе* (см. ниже подъ 1802 г.); Амуръ въ оковахъ — *Плѣнникъ* (подъ 1802 г.); Амуръ уязвленный пчелою — *Венеринъ судъ* (стр. 83); Роза — *Лизѣ, похвала розы* (подъ 1802 г.).

Digitized by Google

который пьянствовалъ и остался суетнымъ до старости». Во всякомъ случаѣ Вильменъ допускаетъ, что хоть нѣкоторыя изъ Анакреоновскихъ одъ принадлежатъ древнему Анакреону (Essais sur le génie de Pindare, Парижъ, 1859, стр. 171).

Въ *Об.* Д. пьеса *Вѣнецъ безсмертія* отнесена къ 1802 году. Между тѣмъ въ трехъ рукописяхъ она переписана въ ряду сочиненій 1798. При изданіи *Анакреонт. пѣсней* 1804 вздумалось поэту помѣстить ее въ концѣ ихъ (стр. 155), какъ приличное заключеніе томика, означеннаго именемъ прославляемаго ею пѣвца. Когда, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Державинъ диктовалъ свои *Объясненія*, то онъ, по видимому, забылъ настоящее время сочиненія этихъ стиховъ и отмѣтилъ ихъ четырьмя годами позже чѣмъ слѣдовало *. Во второй разъ они были напечатаны въ изд. 1808 г., ч. III, cxxiii.

[2] Ваѳиллъ прекрасный.

Βαθύλλος, юноша, котораго имя не разъ встрѣчается въ Анакреоновскихъ одахъ. Замѣчательно однакожъ, что его вовсе нѣтъ въ отрывкахъ, достовѣрно принадлежащихъ древнему Анакреону, хотя изъ нихъ и видно, что красавцы мальчики составляли одну изъ принадлежностей великолѣпнаго Поликратова двора: Смердій, Мегистъ, Клеубулъ, упоминаются какъ прелестные любимцы пѣвца нѣги и веселья. О Ваѳиллѣ Евгеній Булгаръ замѣчаетъ: «На счетъ его есть кое-какія повѣсти, которыхъ женщины его времени ни ему, ни Анакреону не прощали...» (*Анакреонъ*, перев. Львова, стр. 82).

[3] Но онъ покой, любовь, свободу *и проч.*

Изъ этихъ словъ можно бы заключить, что Анакреонъ не принималъ царскихъ приглашеній; но извѣстно, что онъ послѣ смерти Поликрата занялъ такое же положеніе при дворѣ Гиппарха въ Аѳинахъ. При всемъ томъ справедливо, что въ такихъ, для таланта неблагопріятныхъ, а часто и гибельныхъ обстоятельствахъ, посреди придворной атмосферы и великосвѣтской жизни, Анакреонъ удивительнымъ образомъ сберегъ всю свободу своей здоровой и гибкой іонической натуры. «Чувственный міръ съ своими благами составляетъ душу его жизни, непоколебимую основу и вѣру его поэзіи; въ этомъ мірѣ вращается онъ съ величайшею легкостью и увѣренностью; наслажденія и тихія радости, предлагаемыя ему настоящимъ, прелесть юношей и красота дѣвъ, удовольствія общества, богатые пиры съ играми и музыкой и легкимъ похмѣльемъ, все это умѣетъ онъ цѣнить реалистическимъ умомъ и обращаетъ въ свое достояніе: никогда темныя стороны и утраты человѣческой жизни его не тревожатъ, даже не приходятъ ему на память» (Бернгарди, стр. 608 и слѣд.).

* Вслѣдствіе этого показанія трудно было опредѣлить время, когда составилась рукопись Казанскаго университета. Одна изъ послѣднихъ въ ней пьесъ есть *Вѣнецъ безсмертія*, и мы, основываясь на словахъ Державина объ этомъ стихотвореніи, полагали сперва, что рукопись кончена въ 1802 г. (см. т. I, Предисловіе, стр. XIII). Такъ какъ однакоже всѣ другія содержащіяся въ ней пьесы писаны въ 1797 и 1798 гг., то по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ мы пришли къ убѣжденію, что она составилась вся въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ.

Digitized by Google

[4] ... пѣвецъ тіискій.

Форма прилагательнаго *тіискій* не такъ произвольна, какъ можетъ показаться по ея отношенію къ имени *Теосъ;* она образована изъ весьма употребительнаго греческаго и латинскаго ὁ Τήϊος Teïus) по другому произн. tiïus), которое перешло и въ нѣмецкій языкъ. Поэтому и Львовъ называлъ Анакреона *тійскимъ*. То же относится къ прилагательному *лесбійскій*. Впрочемъ первое нынче замѣнилось болѣе понятнымъ для насъ *теосскій*.

---

42. Стрѣлокъ[1].

1799.

Я охотникъ былъ измлада 1
За дичиною гулять:
Меду сладкаго не нада,
Лишь бы въ полѣ пострѣлять[а],
На лету я птицъ пернатыхъ, 2
Гдѣ завидѣлъ, тутъ стрѣлялъ;
Въ нехохлатыхъ и хохлатыхъ[б],
Лишь прицѣлилъ, попадалъ.
Но вечоръ вдругъ повстрѣчалась 3
Лебедь бѣлая со мной:
Вмигъ крылами размахалась,
И пошла ко мнѣ на бой[в].
Хвать въ колчанъ ... анъ стрѣлъ ужъ нѣту: 4
Лукъ опущенъ; сталъ я въ пень.
Ахъ, беречь было монету
Бѣлую на черный день!

[а] Лишь бы въ поле — да стрѣлять (1804).
[б] Не въ хохлатыхъ и въ хохлатыхъ.
[в] И пошла со мной на бой.

---

[1] Написано на сенатора Алексѣя Логиновича Щербачева, любителя нѣги и роскоши (*Об.* Д.)*. Изъ одной записки жены Державина, отъ 18 января 1799 г., видно, что эта пьеса, только что написанная, была отправлена ею къ Н. А. Львову съ припискою самого поэта: «Вотъ, братецъ, какія сочиняетъ пѣсни лебедь бѣлая моя; какія твоя поетъ?» На оборотѣ листа замѣтка Львова: «Отвѣтъ мой у Г. Р. *(Гаврила Романовича)* списать; у меня не осталось, послалъ чтò написалъ.» Однакожъ этого отвѣта въ бумагахъ Державина не отыскалось.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 91, и въ изд. 1808, ч. III, LIII.

---

* О немъ говорится и въ *Записк.* Держ. (*Р. Б.*, стр. 354 и 355).

Digitized by Google

43. ОРЕЛЪ[1].

Носитель молніи и грома 1
Всесильнаго Петрова дома!
Куда несешься съ высоты?
Принявъ[а] перуны въ когти мочны,
Куда паришь, Орелъ полночный,
И на кого ихъ бросишь ты?
Еще ль, по манію Беллоны, 2
Стремишься въ прахъ низвергнуть троны,
Брать царства, королей плѣнить? —
Нѣтъ, нѣтъ! предъ Павла знаменами
Ты съ росскими летишь полками
Престолы падши возносить.
Гряди спасать царей, Суворовъ[3], 3
Избавить царства отъ раздоровъ
И власть въ порфиру облещи;
Соименитому герою
Подобно, ты[б] рожденъ судьбою
Коварства узелъ разсѣщи[4].
Гряди, Алкидъ, на гидру дерзку[5], 4
Смири ея ты лютость звѣрску,
Спаси отъ бѣдъ вселенну вновь.
Ужасно жалъ ея сверканье,
Тлетворно, пагубно дыханье,
И смертно ядовита кровь.
Но ты одѣтъ въ броню нетлѣнну, 5
Въ надежду, вѣру несомнѣнну,
Любовью выспренней[в] горишь[6];
Полкъ Ангелъ предъ тобой сомкнется —
И злю тебѣ не прикоснется;
Рога ты буйству сокрушишь.
Съ тобою Богъ идетъ — и Россы, 6
Во знаменье побѣдъ, колоссы
Воздвигнутъ по твоимъ слѣдамъ;
Слухъ пройдетъ въ позднее[г] потомство:
«Тобой стеръ Павелъ вѣроломство
И скиптры возвратилъ царямъ».

[а] Пріявъ . . . (1798—1799).

Digitized by Google

[б] Подобенъ ты...
[в] ... искренней...
[г] ... поздное...
(Такъ, впрочемъ, и въ изд. 1808 г.).

---

[1] Въ февралѣ 1798 года Суворовъ пріѣзжалъ изъ своей ссылки въ Петербургъ по вызову императора Павла; но, не смотря на милостивый пріемъ, недѣли черезъ три отправился назадъ въ свое новгородское имѣніе (см. выше стр. 27, примѣч. 13, и 86, примѣч. 2). Вскорѣ послѣ того нашъ чрезвычайный посолъ въ Вѣнѣ, графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, извѣстилъ Государя, что тамошній дворъ, назначивъ эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго, предводителемъ союзной арміи для войны съ Французами въ Италіи и затрудняясь въ избраніи опытнаго ему помощника, остановилъ свое вниманіе на Суворовѣ, какъ на полководцѣ, который въ предыдущую турецкую войну успѣлъ пріобрѣсти уваженіе и довѣріе Австрійцевъ. Вслѣдствіе того, въ началѣ февраля 1799 г., флигель-адъютантъ Толбухинъ привезъ Суворову собственноручное письмо Государя, которое оканчивалось словами: «... при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну». Суворовъ поспѣшилъ явиться къ Государю; въ самый день прибытія въ Петербургъ онъ былъ принятъ въ службу, но безъ отданія о томъ приказа*, и пожалованъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго (см. выше стр. 142). Черезъ двѣ недѣли онъ отправился въ Вѣну. По этому случаю и написано стихотвореніе *Орелъ*.

Напечат. въ *Аонидахъ* 1798—1799 года (кн. III, стр. 208), съ подписью *Державинъ*, подъ заглавіемъ: Стихи на случай отбытія графа Суворова Рымникскаго въ Австрію, 1799 февраля дня*. Вслѣдъ за этою пьесою помѣщены въ *Аонидахъ* стихи Капниста на прибытіе Суворова въ Петербургъ. Она напечатана также въ *Новостяхъ* (П. Голубкова) за май 1799 г., стр. 11, почти подъ тѣмъ же заглавіемъ, но безъ подписи, слѣдовательно, по всей вѣроятности, прежде чѣмъ въ *Аонидахъ*; въ изд. 1808 г. см. ч. II, xxv.

[2] Носитель молніи и грома.

Ср. съ 3-мъ стихомъ 5-й строфы оды *На рожденіе в. кн. Михаила Павловича* (см. выше стр. 94).

[3] Гряди спасать царей, Суворовъ.

При представленіи Императору Суворовъ, услышавъ его волю, палъ предъ нимъ на колѣни и сказалъ словами псалма: «Господи, спаси царя!»**. Государь отвѣчалъ ему: «Ты иди спасать царей!» (*Об.* Д.). Объ этомъ

* Рескриптъ объ отправленіи Суворова подписанъ 13 февраля. По словамъ Фукса, С. «не хотѣлъ, чтобы въ приказахъ объявили о вторичномъ принятіи его въ службу».

** Въ концѣ псалма 19: «Господи! спаси царя и услыши насъ, когда мы взываемъ къ Тебѣ» (Псалтирь, Спб. 1822).

Digitized by Google

разговорѣ такъ разсказываетъ Фуксъ: «Государь изволилъ возложить на него большой крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Суворовъ палъ на колѣна и съ простертыми къ небу руками воскликнулъ: Да спасетъ Богъ Царя! — Да спасетъ Богъ тебя для спасенія царей! отвѣтствовалъ Императоръ» (*Исторія россійско-австрійской кампаніи*, Спб. 1825, ч. I, стр. 4). Шишковъ, передавая также этотъ разговоръ, прибавляетъ, что Суворовъ, отправляясь вслѣдствіе того въ походъ, сказалъ: «Я пѣлъ басомъ (т. е. у себя въ деревнѣ на крылосѣ), а теперь буду пѣть барсомъ» (*Соч.* А. Шишкова, ч. XIV, стр. 161).

[4] ... Коварства узелъ разсѣщи.

Намекъ на Гордіевъ узелъ, разрубленный соименнымъ Суворову Александромъ Великимъ (*Об.* Д.).

[5] Гряди, Алкидъ, на гидру дерзку.

Сравненіе революціи съ гидрой не въ первый разъ встрѣчается здѣсь у Державина. См. выше стр. 126.

[6] Любовью выспренней горишь.

«Чувство благочестія, одушевлявшее Суворова во всю жизнь, породило въ немъ непримиримую ненависть къ французской революціи. Ея поборниковъ считалъ онъ людьми зачумленными и ими гнушался всѣми силами своей мощной души» (*Исторія войны въ 1799 году*, т. I, стр. 137).

---

44. ПѢНОЧКА[1].

Пѣночка! какъ ты проснешься, 1
Вспрянешь, взглянешь, встрепенешься,
Носикъ, шейку оботрешь:
Про кого ты запоешь?
Запоешь про солнце красно, 2
Запоешь ты про зарю,
И какъ вѣрно, нѣжно, страстно
Мной ты[a], я тобой горю.
Пой, созданіе любезно, 3
Какъ взаимно страстью нѣжно
Млѣетъ сердце, чувства, кровь,
Какъ сладка, сладка любовь;
Какъ отрадно утѣшенье 4
Съ тѣмъ, кто милъ, всечасно быть;
Какъ пріятно восхищенье
Быть любиму и любить!

[a] Ты мной ... (1804).

Digitized by Google

[1] «Сочинена во снѣ и положена на бумагу въ тотъ часъ, какъ проснулся» (*Об.* Д.) При черновой редакціи означено 11 февр. 1799.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 92, и въ изд. 1808, ч. III, LIV.

---

45. РУССКІЯ ДѢВУШКИ[1].

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тіискій[а],
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлью[б] пастушка;
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучатъ[в],
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ;
Какъ ихъ лентами златыми
Чела бѣлыя[г] блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ;
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь[д],
На ланитахъ огневыя
Ямки врѣзала любовь;
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка — души львины[е]
И орловъ сердца разятъ?
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ[ж],
Ты бъ Гречанокъ позабылъ
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эротъ прикованъ былъ.

[а] Видѣлъ ли, пѣвецъ тіискій,
Въ хороводахъ какъ бычка (Первонач. рукоп.).
[б] По свирѣли ..
[в] Башмачками тихо въ ладъ,
Бѣлы руки ..
[г] Чела важныя ...
[д] Розовый по лицамъ сокъ
И изъ косточекъ въ другія
Переходитъ огонекъ.
[е] Вмигъ стрѣлами души львины
[ж] Еслибъ видѣлъ сихъ прекрасныхъ.

Digitized by Google

[1] Изъ черновыхъ рукописей видно, что отдѣлка этой пьесы, особенно во второй ея половинѣ, стоила поэту много труда. Она напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ*, стр. 93, и въ изд. 1808, ч. III, LV.

О формѣ слова *тіиский* см. выше стр. 153; о самомъ же Анакреонѣ — стр. 46 и 150.

---

46. ПѢСНЬ БАЯРДА[1].

Сладостное чувствъ томленье, 1
Огнь души, цѣпь изъ цвѣтовъ!
Какъ твое намъ вдохновенье
Восхитительно, Любовь!
Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.
Умножайся пламень нѣжный 2
Подъ желѣзной латой сей;
Печатлѣйся видъ любезный
Въ мысляхъ и душѣ моей!
Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.
Въ бой иду, не ужасаюсь: 3
Честь любезной отомщу.
Соблещите, — ополчаюсь! —
Молньи, моему мечу![2]
Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

[1] «Сочинена по случаю оперы, игранной предъ императоромъ Павломъ» (*Об.* Д.). Не въ связи ли упомянутая здѣсь опера съ драмою Коцебу *Баярдъ?* Трагедія Дебеллуа* Gaston et Bayard была въ первый разъ играна въ Петербургѣ 6 января 1800 г. (см. Collection des tragédies, comédies et opéras, représentés sur les théâtres impériaux и проч. С.-Петербургъ, 1805 г., 42 тома безъ нумераціи и оглавленія).

* См. о немъ въ томѣ IV, въ примѣч. къ отрывкамъ изъ драматическихъ переводовъ Державина.

Digitized by Google

Это опять одно изъ стихотвореній, написанныхъ съ намѣреніемъ безъ буквы *р* (см. выше стр. 81).

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 94, и въ изд. 1808, ч. III, LVI.

[2] ... Молньи, моему мечу.

Подражаніе стиху Ломоносова, ода 15, строфа 8: «Соблещетъ молнія мечу».

---

47. ВАРЮША[1].

Какъ, Варюша, ты прекрасна! 1
Если не изъ сердца страстна[а],
А изъ дружбы лишь одной
Я, писавши образъ твой,
Написалъ тебя зарею[2]:
То моложе[б] еслибъ былъ,
Я бы съ пламенной душою
Въ тебѣ солнце находилъ.
Написалъ бы, какъ въ диванѣ[3] 2
Въ голубомъ твоемъ тюрбанѣ
Ты сидишь и, для красы
На чело спустя власы,
Всѣхъ улыбкою любезной
Вмигъ умѣешь полонить[в]:
Должно быть душѣ желѣзной,
Чтобъ, взглянувъ, не полюбить[г].
Гдѣ, сокровище такое, 3
Толь прелестное, драгое,
Толь блистающій алмазъ!
Былъ ты скрытъ отъ жадныхъ глазъ
Бриліянтщика младаго,
Что купить тебя не могъ?
Онъ отъ глазъ бы свѣта злаго
Спряталъ, заперъ за замокъ[д].
Не продажный, но завѣтный 4
Ты жемчугъ цѣны несмѣтной,
И нельзя тебя купить,
Кучей злата замѣнить[е];
А чтобъ нравиться прекрасной
И плѣнить тебя кто могъ,

Digitized by Google

Нуженъ мальчикъ нѣжный, страстный,
Взглядъ любви, — крылатый богъ.

[а] Не изъ сердца если страстна (1804).
[б] Но моложе ...
[в] ... находить (Первонач. рукоп.).
[г] Чтобъ взглянуть и не любить (1804).
[д] Тебя спряталъ на замокъ.
— Въ скрынку заперъ на замокъ (Первон. рук.).
[е] ... оцѣнить ...
— заплатить.
— получить.

---

[1] Какъ уже было сказано при стихотв. *Портретъ Варюши* (см выше стр. 115), это имя означаетъ дѣвицу Варвару Михайловну Бакунину, одну изъ сестеръ, жившихъ въ домѣ Державина. Оно напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804, стр. 96, подъ заглавіемъ *Варюшѣ*, и въ изд. 1808, ч. III, LVII.

[2] Написалъ тебя зарею —

т. е. въ пьесѣ *Портретъ Варюши*.

[3] Написалъ бы, какъ въ диванѣ ...

Диваномъ называлась въ домѣ Державина гостиная, гдѣ собирался семейный кружокъ. Спускать прядь волосъ на лицо было тогда модою.

---

48. РОЖДЕНІЕ ЛЮБВИ[1].

Опоясанна цвѣтами
Сходитъ къ намъ съ небесъ Весна,
И младыми красотами
Улыбается она.
Улыбнулась — и явились
Розы и лилеи въ свѣтъ,
Благовонья оживились,
Возблисталъ на листьяхъ медъ,
И по рощамъ разгласилось
Хохотаньемъ эхо вновь;
Радость, счастье водворилось:
Намъ родилася Любовь!

[1] Написано въ Павловскѣ на рожденіе великой княжны Маріи Александровны, старшей дочери императора Александра I. Она родилась 17 мая 1799, умерла 27 іюля 1800 года. Послѣ того у Александра Павловича въ концѣ 1806 г. родилась еще дочь, Елисавета, но и она жила менѣе двухъ лѣтъ (см. оду на ея рожденіе).

Digitized by Google

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 35, и въ изд. 1808, ч. III, XII.

Сверхъ этой пьески Державинъ по тому же случаю написалъ *Прологъ аллегорическій на рожденіе въ Сѣверъ Любви:* см. между драматическими его сочиненіями.

---

49. ГОРКИ[1].

Сегодня мы твое рожденье
Пируемъ въ Горкахъ и Горахъ;
За здравье пьемъ и въ восхищеньѣ
Тебѣ желаемъ всякихъ благъ,
А тожъ и твоему супругу,
Чтобъ долго и пріятно жить,
И недругу давать и другу
Пиры, забавы, — ѣсть и пить[2].

[1] *Горки*, нынѣ уѣздный городъ, въ то время обширное мѣстечко Могилевской губерніи, въ 120 верстахъ къ сѣверовостоку отъ Могилева, на возвышенныхъ берегахъ рѣки Прони (Геогр.-статистич. Словарь П. Семенова, Спб. 1863).

Это мѣсто, такъ какъ и *Горы* (см. слѣдующее стихотв.), принадлежало гр. Соллогубу, женатому на дочери Льва Александровича Нарышкина. Державинъ ѣздилъ въ Бѣлоруссію, по повелѣнію императора Павла, для изысканія мѣръ къ отвращенію голода и для изслѣдованія причинъ бѣдственнаго положенія тамошнихъ поселянъ (*Записки* его, *Р. Б.*, стр. 407 и слѣдд.).

Пьеса *Горки* была написана въ день рожденія, 12 іюля, матери хозяевъ, Марины Осиповны Нарышкиной, рожденной Закревской (томъ I, стр. 503).

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 86, и въ изд. 1808, ч. III, XLIX.

[2] Пиры, забавы, — ѣсть и пить

«Извѣстно, что Л. А. Нарышкинъ охотникъ былъ угощать всякаго рода людей» (*Об.* Д.; ср. томъ I, стр. 503).

---

50. ГОРЫ[1].

Желалъ бы вѣкъ я быть съ жидовочкой прекрасной,
Чтобъ въ Горкахъ и Горахъ съ ней время проводить;
Но вмѣсто я того, по волѣ царской, властной,
Обязанъ истину въ толпѣ крестьянъ слѣдить.
Оставя арфы звукъ, гитары, фортепьяна,
Волшебный гласъ ея и пляску казачка,

Digitized by Google

Я долженъ разыскать, какъ чернь была вся пьяна,
Какъ земскому суду угладила бока;
И словомъ, всякій день подобнымъ занимаясь,
Лишь въ мысляхъ красоты жидовочкины зрѣть;
Талантовъ тысячью и прелестьми плѣняясь,
Бекасами ея лишь — сыту быть умѣть.

[1] *Горы* — казенное мѣстечко Могилевской губерніи чаусовскаго уѣзда при рѣкѣ Быстрой, недалеко отъ названнаго въ предыдущей пьесѣ селенія *Горки*.

Написано 22 іюля въ *Горахъ*, гдѣ Державинъ находился по тому поводу, что ѣздилъ на слѣдствіе въ сосѣднюю деревню Березятню, принадлежавшую графу Полье*. Возвращаясь оттуда однажды ночью въ домъ графини Соллогубъ (см. примѣч. къ предыдущей пьесѣ), онъ былъ встрѣченъ ея дочкой (что впослѣдствіи была княгиня Голицына), которая «изъ шутки перерядясь въ жидовское платье, поднесла автору нѣсколько стрѣляныхъ бекасовъ» (*Об.* Д.).

Напеч. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 85, и въ изд. 1808, ч. III, XLVIII.

[2] Лишь въ мысляхъ красоты жидовочкины зрѣть.

Жидовочкою названа здѣсь дочь красавицы графини Натальи Львовны Соллогубъ (рожденной Нарышкиной), именно Катерина Ивановна, которая, во время коронаціи Александра I вышла за князя Григорія Сергѣевича Голицына (сына Сергѣя Ѳедоровича, см. томъ I, стр. 159). «Она была изъ числа тѣхъ женщинъ, кои къ чести прежняго времени и къ стыду настоящаго, встрѣчались тогда чаще чѣмъ нынѣ: ихъ образцомъ была императрица Елисавета Алексѣевна. Пріятности лица молодой княгини Голицыной были ничто въ сравненіи съ ея скромною любезностію: не покидая земли, она все казалась на дорогѣ къ небу, и еслибы могла быть убыль въ Ангелахъ, то я увѣренъ, что изъ такихъ существъ дѣлали бы ихъ новый выборъ» (*Воспом. Вигеля, Р. Вѣстн.* 1864, № 4, стр. 536).

---

51. ВИДѢНІЕ [1].

Сей день усыпали цвѣтами
Младыя дѣвы ложе мнѣ
И тихихъ пѣсенъ голосами
Восхитили мой духъ во снѣ.
Казалося, за ними слѣдомъ
Я по лугамъ, лѣсамъ ходилъ

* Такъ напечатано это имя, въ изданныхъ Ѳ. Львовымъ *Объясненіяхъ;* въ подлинной же тетради Державина, писанной Е. Н. Львовой, *Поте*, — вѣроятно ошибка.

И, съ линъ златымъ питаясь медомъ,
Благоуханный воздухъ пилъ,
Близъ водъ жилъ въ полѣ елисейскомъ,
Веселостей вкушая тьму;
Но, вставъ, увидѣлъ: въ миломъ сельскомъ
Твоемъ, Жуковскій, я дому.

[1] *Виша* — маленькая деревня Жуковскаго* въ Могилевской губерніи, недалеко отъ *Горъ* (см. предыдущее стихотв.). Державинъ гостилъ и тамъ во время своего путешествія въ Бѣлоруссію.

Стихи эти нѣсколько напоминаютъ VIII (35) Анакреоновскую оду: Ὄναρ (*Сонъ* или *Видѣніе*). Замѣтимъ, что это опять одна изъ тѣхъ пьесъ, изъ которыхъ съ намѣреніемъ изгнана буква *р* (см. выше стр. 81).

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 87, и въ изд. 1808, ч. III, ʟ.

---

52. БРАТСКОЕ СОГЛАСІЕ[1].

Коль красно зрѣлище, пріятно[а],
Гдѣ вкупѣ братія живетъ!
Благоуханье ароматно
Какъ на браду съ главы течетъ,
Браду почтенну Аарона,
Струяся на ометы ризъ[б];
Или Синая и Эрмона
Когда верхи, преклоншись внизъ,
Багрянымъ серебромъ сверкаютъ,
И каплетъ на цвѣты роса:
Такъ ввѣкъ на домъ ихъ низливаютъ
Благословенье Небеса.

[а] Коль зрѣлище красно, пріятно, (Рукоп. и 1811)
Гдѣ мирно общество живетъ (Рукоп.).
[б] Струящуся на борты ризъ.
— Струящусь на ометы ризъ (1811).

---

[1] Изъ псалма 132. Написано въ Шкловѣ, напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, VI. Перепеч. въ *Разсужденіи о лирич. поэзіи*, какъ примѣръ кратко-

* Въ Бѣлоруссіи много Жуковскихъ, имѣющихъ тамъ помѣстья. Знаменитый поэтъ, родясь въ домѣ Бунина, получилъ фамилію по одному изъ нихъ, гостившему въ то время въ Мишенскомъ близъ Бѣлева (слыш. отъ П. И. Бартенева). — О владѣльцѣ Виши ничего ближайшаго не извѣстно.

Digitized by Google

сти (*Чтен. въ Бес. люб. р. сл.* 1811, кн. II, стр. 58). Въ первоначальной рукописи заглавіе пьесы было: *Мирное общество.*

---

53. МЕЛЬНИКЪ[1].

Вечоръ мнѣ красныя дѣвицы
Мѣшокъ пшеницы принесли:
«Вѣдь расклюютъ же даромъ птицы;
Возьми, старинушка, смели».
Бѣла пшеница и румяна,
И такъ была полна зерномъ,
Что вмигъ пришла охота рьяна:
Я ну молоть всѣмъ животомъ.
Мололъ я пристально, трудился,
Ночь цѣлую провелъ безъ сна;
Но что жъ? — какъ ни потѣлъ, ни бился,
Не раскололь я ни зерна.
Смѣясь мнѣ дѣвушки въ назолу,
Пеняли: «Что жъ не мелешь, дѣдъ?»
— «А вы», сказалъ я, «для помолу
Пришли, какъ жерновъ не беретъ».

[1] Написано въ *Горахъ* для шутки на Ѳедора Михайловича Колокольцова, съ которымъ Державинъ былъ давно въ пріятельскихъ отношеніяхъ и о которомъ часто упоминаетъ въ своихъ *Запискахъ* (*Р. Б.*, стр. 300, 313, 315, 317, 489 и 490). Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II Колокольцовъ былъ старшимъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ и исправлялъ, во время болѣзни кн. Вяземскаго, должность генералъ-прокурора; впослѣдствіи онъ былъ сенаторомъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Императоръ Александръ I пожаловалъ его (15 сент. 1801 г.) въ бароны. Ум. 1818. Дочь его Екатерина, противъ желанія отца, вышла замужъ за извѣстнаго писателя Михаила Никитича Муравьева (род. 1757, ум. 1807).

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 88, и къ изд. 1808, ч. III, LI.

---

54. НА КОНЧИНУ ЕКАТЕРИНЫ II И НА ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ПАВЛА I[1].

1 Простря крылѣ, Екатерина
Лишь вознеслася къ Богу въ свѣтъ,
Увы! упала съ насъ корона,
И матери народовъ нѣтъ!

Digitized by Google

Защитницы нѣтъ, равной львицѣ,[1]
И въ скорби лишь отрада намъ,
Что въ домъ она свой возвратилась, 2
Въ домъ Ангеловъ, вкусить свой трудъ;
Что по себѣ не только славу
Оставила, но Божій даръ,
Отца отечества намъ — Павла:
Коль львица мать была, — сынъ левъ!
Богъ силъ въ тебѣ! рожденъ ты мудрымъ; 3
На правдѣ утвердилъ свой тронъ;
Щедротъ и милостей льешь рѣки;
Твой домъ — домъ мира; садъ — сыны;
Златый вѣнецъ — супруга, дщери:
Се друга Божья, смертныхъ — часть!
На тронъ вступилъ ты и мгновенно 4
Отеръ токъ слезъ со всѣхъ ланитъ;
Твой мечъ въ полкахъ несчетныхъ блещетъ
Для мира больше и для благъ,
Которы не изсякнутъ вѣчно.
Ясна заря — и вечеръ свѣтлъ.
Какъ новая звѣзда, возникнувъ, 5
Лучи пріятны льетъ очамъ, —
Живущи на нее всѣ смотрятъ;
Такъ на тебя, всемощный царь,
Зритъ міръ, напастьми угнетенный,
И ждетъ, что усмиришь ты зло.
Престолъ твой окруженъ морями; 6
Межъ ихъ — языковъ тьмы: мольба
Звучнѣй возносится, чѣмъ волны;
Воззри! Израильтяновъ родъ
Свои колѣна преклоняетъ:
Ты жертву ихъ прими, какъ Богъ.

[1] Эта переводная ода сочинена въ подлинникѣ шкловскими Евреями и поднесена ими въ Москвѣ императору Павлу на еврейскомъ языкѣ и въ нѣмецкомъ переводѣ, сдѣланномъ въ Лейпцигѣ. Съ него переведена она Державинымъ въ Шкловѣ при помощи русскаго подстрочнаго перевода и по объясненіямъ Евреевъ. Въ первоначальной рукописи это стихотвореніе названо *Похвальною пѣснью* и къ нему присоединено примѣчаніе: «Предлагаются здѣсь любопытнымъ охотникамъ россійской сло-

Digitized by Google

весности два сочиненія еврейскія*, русскими словами написанныя и порусски переведенныя, для сравненія произношенія и звука словъ сихъ двухъ языковъ. Тонкое ухо можетъ почувствовать и примѣтить преимущество одного изъ нихъ передъ другимъ въ доброгласіи». Въ той же рукописи находится рядомъ съ русскимъ и еврейское заглавіе пѣсни.

Напечат. тогда же отдѣльно; потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, XII.

---

55. ВѢЕРЪ[1].

Когда бъ владѣлъ я цѣлымъ міромъ,
Хотѣлъ бы вѣеромъ симъ быть:
Всѣхъ прохлаждалъ бы я зефиромъ
И былъ бы всей вселенной щитъ;
А ты, махаясь, Хлоя, мною,
Отъ жара сильнаго дыша,
Какъ солнце бы цвѣла красою,
Моей бывъ тѣнью хороша.

[1] Въ *Об.* Д. эта пьеска отнесена къ 1780 году; въ другой же рукописи послѣдняя редакція *Вѣера* встрѣчается, посреди множества помарокъ, въ числѣ стиховъ 1799 г., подъ которымъ мы поэтому и помѣстили ее. Между тѣмъ однакожъ возникаетъ сомнѣніе, не есть ли цифра 1780, означенная при этомъ стихотв. въ *Объясненіяхъ*, описка вмѣсто 1807. Подъ 1799 годомъ въ упомянутой выше рукописи помѣщены все позднѣйшія редакціи стиховъ этого года. Къ заглавію *На вѣеръ* прибавлено тутъ имя *Елисавета С....*, но оно зачеркнуто и нельзя разобрать его вполнѣ. Въ *Анакр. пѣсняхъ* этого стихотворенія нѣтъ, изъ чего можно заключить, что окончательно оно отдѣлано, во всякомъ случаѣ, только передъ изданіемъ 1808, гдѣ см. ч. III, CI.

---

56. НА ПОБѢДЫ ВЪ ИТАЛІИ[1].

Ударь во сребряный, священный,
Далеко-звонкій, Валка! щитъ:
Да громъ твой, эхомъ[2] повторенный,
Въ жилищѣ бардовъ восшумитъ. —
Встаютъ. — Сто арфъ звучатъ струнами;
Предъ ними сто дубовъ горятъ[3];
Отъ чаши круговой зарями
Сѣдыя чела въ тмѣ блистятъ.

* По рукописямъ не видно, какое тутъ разумѣется другое сочиненіе.

Но кто тамъ, бѣлыхъ волнъ туманомъ 2
Покрытъ по персямъ, по плечамъ,
Въ стальномъ доспѣхѣ свѣтитъ рдяномъ,
Подобно[б] синя моря льдамъ?
Кто, на копье склонясь главою,
Событье слушаетъ временъ? —
Не тотъ ли, древле что войною
Потрясъ парижскихъ твердость стѣнъ[3]?
Такъ; онъ плѣняется пѣвцами, 3
Поющими его дѣла,
Смотря, какъ блещетъ битвъ лучами
Сквозь тму временъ его хвала.
Такъ, онъ! — Се Рюрикъ торжествуетъ
Въ Валкалѣ звукъ своихъ побѣдъ[4]
И перстомъ долу показуетъ
На Росса, что по немъ идетъ.
«Се мой», гласитъ онъ, «воевода, 4
Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ[5],
Вождь бурь полночнаго народа,
Девятый валъ въ морскихъ волнахъ[6],
Звѣзда, прешедша міра тропы[7], —
Которой слѣдъ огня черты, —
Мечъ Павловъ, щитъ царей Европы,
Князь славы[8]!» — Се, Суворовъ, ты!
Се ты, вѣковъ явленье чуда[в]! 5
Сбылось пророчество[9], сбылось!
Лучъ, возсіявшій изъ-подъ спуда,
Герой мой вновь свой лавръ вознесъ!
Уже вступилъ[г] онъ въ славны слѣды,
Что древній витязь проложилъ;
Ужъ водитъ за собой побѣды
И лики сладкогласныхъ лиръ.

[а] ... гуломъ ... (1799).
[б] Подобномъ ...
[в] ... явленье чудо!
[г] ... ступилъ ...

---

[1] Написано по полученіи первыхъ извѣстій объ успѣхахъ Суворова въ Италіи: послѣ перехода черезъ Адду онъ $^{16}/_{29}$ апрѣля торжественно

Digitized by Google

вступилъ въ Миланъ, а ода эта была готова уже 12 мая, какъ видно изъ рукописи съ слѣдующею отмѣткой: «Сія ода для напечатанія отъ спб. цензуры одобрена. 1799 года маія 12 дня. Михаилъ Туманскій». Сохранился и оттискъ тогдашняго отдѣльнаго изданія оды съ надписью поэта: «Другу моему Н. А. Львову». Вслѣдъ за тѣмъ ода эта была перепечатана въ іюньской книжкѣ *Новостей* Голубкова (стр. 24), которыя начали появляться въ маѣ мѣсяцѣ того же года. Въ отдѣльномъ изданіи подъ стихами выставлено: *Державинъ*, но въ журналѣ никакой подписи нѣтъ. Заглавіе въ *Новостяхъ* такое: Ода на побѣды надъ Французами въ Италіи, одержанныя фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ Рымникскимъ 1799 года*. Въ изд. 1808 г. см. ч. II. XXVI. Сверхъ того эта ода почти вся перепечатана въ статьѣ П. А. Плетнева: *Финляндія въ русской поэзіи* въ нашемъ *Альманахѣ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго университета*, Гельсингфорсъ, 1842 (стр. 174).

Какъ въ первомъ отдѣльномъ изд. оды, такъ и въ *Новостяхъ* помѣщено при ней слѣдующее примѣчаніе: «Ода сія основана на древнемъ сѣверныхъ народовъ баснословіи. Валка — небесная дѣва. Барды — пѣвцы боговъ и героевъ. Валкалъ — рай храбрыхъ. По исторіи извѣстно, что Рюрикъ завоевалъ Нантъ, Бурдо, Туръ, Лимузенъ, Орлеанъ и по Сенѣ былъ подъ Парижемъ». Для повѣрки этого см. частныя примѣч. къ одѣ.

Въ I томѣ было уже показано, что Державинъ въ 1790-хъ годахъ познакомился съ Оссіаномъ и съ скандинавской поэзіей: вліяніе ихъ обозначилось въ одахъ *На взятіе Измаила и Варшавы*, *На кончину Ольги Павловны* и особенно въ *Водопадѣ* (см. тамъ стр. 251, 338, 453 и 460). Въ настоящемъ стихотв. мы опять встрѣчаемся съ образами и именами, заимствованными изъ этихъ двухъ источниковъ. Исполинскіе подвиги Суворова, такъ же какъ и величавая тѣнь Потемкина, сами по себѣ вызывали такое обращеніе къ міру древней сѣверной поэзіи: къ тому присоединялось, можетъ быть, еще и то выставляемое г. Галаховымъ (*Ист. р. лит.*, т. I, стр. 520) обстоятельство, что Суворовъ любилъ читать Оссіана въ посвященномъ ему переводѣ Кострова (Спб. 1792). Такъ какъ впрочемъ ни та, ни другая область сѣверной поэзіи не была для Державина предметомъ спеціальнаго изученія, то нельзя удивляться, если въ его заимствованіяхъ оттуда оказывается нѣкоторая неточность или смѣшеніе образовъ и сказаній. Между тѣмъ мы можемъ отчасти прослѣдить самые источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ свои свѣдѣнія по этой части. Съ одной стороны, его наставникомъ въ германской миѳологіи издавна былъ Клопштокъ, у котораго встрѣчаются и священные дубы и барды и Валгалла (оды: Wingolf; Herrmann und Thusnelde; die Barden); съ другой стороны, у него были въ рукахъ *Введеніе въ исторію датскую*, Маллета (Спб. 1785, см. нашъ томъ I, стр. 460) и *Оссіанъ* въ переводѣ Кострова. Въ первой изъ этихъ книгъ (ч. I, стр. 74) онъ могъ наприм. прочесть слѣдующее: «Кромѣ сихъ двѣнадцати богинь находятся еще

* При отдѣльномъ же изданіи: «Ода на побѣды Французовъ въ Италіи фельдмаршаломъ» и проч.

Digitized by Google

«другія дѣвицы въ *Валгаллѣ*, или раю героевъ: они должны имъ служить «и называются *Валкиріями*, и *Одинъ* (богъ войны) ихъ также употребляетъ и къ тому, чтобы избирать въ сраженіяхъ тѣхъ, которые должны «быть убиты, и дабы обратить побѣду на ту сторону, на которую ему «за благо покажется. Дворъ боговъ обыкновенно бываетъ подъ великимъ «дубомъ, и тамъ-то они чинятъ правосудіе». Далѣе: «Тѣ токмо, коихъ «кровь пролита была въ сраженіяхъ, могли надѣяться получить тѣ удовольствія, какія имъ *Одинъ* приготовлялъ въ его дворцѣ *Валгаллѣ*» (стр. 87). — Щиты «у отличенныхъ воиновъ были... иногда... обложенные листоватымъ золотомъ или *серебромъ*»... Они иногда употреблялись «для устрашенія непріятеля, ударяя по онымъ» ... (стр. 179).

Въ «Предисловіи» къ переводу Оссіана сказано между прочимъ: «Когда государь пріуготовлялся къ войнѣ, то бардъ приходилъ въ полночь «въ пиршественную залу; онъ возглашалъ пѣснь военную и трикратно «призывалъ тѣни древнихъ своихъ героевъ, чтобъ они взирали на подвиги своихъ потомковъ; наконецъ, повѣсивъ царскій щитъ на дерево, «ударялъ въ него повременно остріемъ копія, продолжая пѣснь военную ... Возвысить или повѣсить на древо щитъ значило обыкновенно «то же, что начать войну» (стр. XXIX). У древнихъ Шотландцевъ при «всякихъ торжествахъ горѣлъ превеликій дубовый столпъ, называемый «отъ нихъ столпомъ пиршества» (XXXVII). Ниже увидимъ, что и сочиненія Екатерины II служили Державину источникомъ понятій о норманскомъ мірѣ.

[2] Ударь — — сто дубовъ горятъ.

«Древніе сѣверные народы или Варяго-Руссы возвѣщали войну и сбирались на оную по ударенію въ щитъ. А Валками назывались у нихъ военныя дѣвы или музы» (*Об.* Д.). Изъ 1-го примѣчанія уже видно, что имя *Валки* есть сокращеніе названія *Валкирій* (послѣднія были дѣйствительно воинскія дѣвы, но значенія музъ не имѣли). Имя *Валки* Державинъ заимствовалъ у Екатерины II, которая гораздо прежде его, именно въ *Историческомъ представленіи изъ жизни Рюрика*, пьесѣ, изданной въ 1786 году, заставляетъ говорить Гостомысла (дѣйств. I, явл. I): «Вы, Валки! дѣвы, окружающія престолъ Перуна и помощницы Одина, призываю васъ поимянно» и проч. — «Барды сѣверныхъ народовъ — поэты, которые пѣснями своими возбуждали ихъ на брань» (*Об.* Д.). У древнихъ сѣверныхъ народовъ были *скальды*, а не *барды*, которые принадлежали кельтійскому племени. «У сѣверныхъ народовъ было обыкновеніе торжествовать ихъ побѣды подъ звукомъ арфъ при зажженныхъ дубахъ, гдѣ и пили они круговую чашу» (*Об.* Д.) Ср. примѣч. 1.

[3] Потрясъ парижскихъ твердость стѣнъ?

Мнимое историческое основаніе этого стиха указано самимъ Державинымъ (см. примѣчаніе 1). Въ упомянутомъ уже нами драматическомъ сочиненіи императрицы Екатерины находится слѣдующее мѣсто (дѣйств. II, явл. VI). Отецъ Рюрика, Людбратъ, встрѣчаетъ на морскомъ берегу Швеціи сыновей своихъ, «возвращающихся со славою изъ походовъ въ полуденныхъ краяхъ Европы», и говоритъ имъ: «Разскажите мнѣ хотя

Digitized by Google

короткими словами походъ вашъ во Францію». — Рюрикъ: «Сперва завоевали мы города Нантъ и Бурдо, потомъ на рѣкѣ Секванѣ пришли къ Парижу; наѣзды посылали на Лимузенъ; отряды наши овладѣли городами Туръ и Орлеаномъ, и въ полонъ взяли Людвига, аббата монастыря св. Діонисія, родственника королевскаго, который противу насъ выѣзжалъ вооруженною рукою». Въ западныхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о походахъ Норманновъ во Францію дѣйствительно встрѣчается имя Рюрика («Rorih, natione Nordmannus». Chronicon Nortmannorum etc. Dr Fr. C. H. Kruse, Dorpat 1851), но нѣтъ никакого основанія думать, чтобъ это былъ нашъ варяго-русскій князь.

[4] Въ Валкалѣ звукъ своихъ побѣдъ.

«По древнему варяго-русскому баснословію, герои ихъ по смерти своей торжествовали побѣды свои въ Валгаллѣ, то есть въ раю» (*Об.* Д.). Мы удержали въ стихѣ форму, какую поэтъ давалъ этому названію.

[5] Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ.

Суворовъ пріучалъ себя измлада къ холоду и жару, ходя въ самые знойные дни съ открытою головою и окачиваясь всякое утро и вечеръ холодной водой со льдомъ, спалъ же онъ на сѣнѣ (*Об.* Д.).

[6] Девятый валъ въ морскихъ волнахъ.

«Извѣстно мореходцамъ, что девятый валъ — самый крѣпчайшій, котораго не могутъ выдержать худые корабли». Любопытно это, впрочемъ не оправдывающееся на дѣлѣ, повѣрье народное о силѣ девятаго вала: «Девятый валъ роковой» (В. Даля *Пословицы русск. народа*, М. 1862, стр. 607). Тутъ выражается миѳическое понятіе о важности числа *девять*, весьма распространенное между самыми разноплеменными народами. Болтинъ, замѣчая, что у Русскихъ нѣкогда былъ употребителенъ счетъ *два девять*, *три девять*, говоритъ, что и Китайцы придаютъ особенное значеніе числу девять (*Примѣчанія на Исторію Леклерка*, ч. II, стр. 395).

Остолоповъ (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 85) въ примѣчаніяхъ къ настоящей одѣ говоритъ: «Въ семъ-то сочиненіи находится извѣстный стихъ: *Девятый валъ въ морскихъ волнахъ*, которымъ и самъ Державинъ всегда восхищался, какъ совершенно оригинальнымъ». Ср. *Мореходецъ*, подъ 1802 г.

[7] Звѣзда, прешедша міра тропы —

«Комета, прошедшая тропики или пути солнечные, т. е. Суворовъ съ оружіемъ многія прошелъ страны» (*Об.* Д.).

[8] Князь славы ...

«До сей оды графъ Суворовъ еще княземъ не былъ, но послѣ перехода Альпійскихъ горъ пожалованъ въ сіе достоинство (*Об.* Д.). Послѣднее свѣдѣніе не совсѣмъ точно: княжество съ титуломъ *Италійскаго* было дано Суворову императоромъ Павломъ 9 августа 1799 г. по случаю взятія Мантуи (Милютинъ, т. II, стр. 405). См. также примѣчаніе къ слѣдующей за симъ одѣ.

[9] Сбылось пророчество —

высказанное въ одѣ *На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи* словами: «Еще

Digitized by Google

горитъ его звѣзда» см. выше стр. 22). Стихъ: «Лучъ, возсіявшій изъ-подъ спуда», относится къ возвращенію Суворова изъ ссылки.

Приложеніе.

Получивъ отъ Державина оттискъ настоящей оды, Н. А. Львовъ отвѣчалъ ему и прозой и стихами, — смѣсью, которая тогда, и еще долго послѣ того, была въ модѣ. Этотъ отвѣтъ, такъ же какъ и самый оттискъ, вызвавшій его, отыскался въ бумагахъ Львова и приводится нами здѣсь. Подшучивая надъ Державинымъ за его «норвежское богословіе», онъ поражаетъ и самого себя: за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (1793) была напечатана заимствованная имъ изъ Маллета «*Пѣснь Гаральда Храбраго*» *.

ПИСЬМО Н. А. ЛЬВОВА КЪ Г. Р. ДЕРЖАВИНУ.

Никольское, 24 мая 1799.

Во первыхъ благодарю тебя, мой добрый другъ за пѣсенку, которую ты спѣлъ русскому Полкану **; въ ней полюбилась мнѣ твоя мистика:

И девятый валъ въ морскихъ волнахъ
И вождь воспитанный во льдахъ,

* Переводъ Львова, *Пѣсня Гаральда Храбраго*, заслуживаетъ вниманія какъ попытка передать произведеніе иностранной литературы другаго вѣка языкомъ и размѣромъ русской народной пѣсни. Мысль о подобныхъ передѣлкахъ господствовала у насъ долго: Капнистъ совѣтовалъ переводить такимъ образомъ Иліаду; почти то же предлагалъ и Сенковскій. По этому предмету см. въ *Пропилеяхъ* 1854 г. (кн. IV) статью М. Н. Каткова: «Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера на простонародный русскій языкъ»:

Переводъ Львова былъ напечатанъ отдѣльно въ 1793 году подъ заглавіемъ, выписаннымъ подробно въ *Словарѣ свѣтскихъ писателей*; при переводѣ прибавлено: «переложена на россійскій языкъ образомъ древняго стихотворенія съ примѣру *Не звѣзда блеститъ во чистомъ полѣ*». Рядомъ съ русскими стихами напечатанъ и французскій текстъ Маллета, служившій Львову вмѣсто подлинника. Митрополитъ Евгеній отзывается о русскомъ переводѣ съ большой похвалою. Предлагаемъ на выдержку 4-ую строфу изъ экземпляра, сохранившагося между бумагами Державина:

«Не досужъ ли, не гораздъ ли я на восемь рукъ?
Я умѣю храбро драться и копьемъ бросать.
Я весломъ владѣю и добрымъ конемъ;
По водамъ глубокимъ плавать я навыкъ давно;
По снѣгамъ на лыжахъ бѣгать аль не мастеръ я?
А меня ни во что ставитъ дѣвка русская!»

Прежде извѣстнаго перевода Батюшкова было у насъ много попытокъ перевести эту пѣснь. Она явилась: въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* (апрѣль 1778 г., ч. I), во *Введеніи въ Датскую исторію* Моисѣенкова (Спб. 1785, ч. II) и въ *Иппокренѣ* (ч. VIII, 1800). Сверхъ того ее перевелъ Богдановичъ (см. его *Соч.*, т. III).

** О названіи *Полканъ* см. томъ I, стр. 97.

Digitized by Google

Затѣмъ, что наше дивно чудо,
Какъ выйдетъ изъ-подъ спуда,
Ушатами и шайкой льетъ
На свой огонь въ Крещенье ледъ.

Вотъ бѣда только для меня твое норвежское богословіе: не вижу я никакой причины къ воскресенію замерзшихъ и нелѣпыхъ боговъ Сѣвернаго Океана.

Нелѣпыя ихъ рожи
На чучелу похожи;
Чухонскій звукъ имянъ
Въ стихахъ такъ отвѣчаетъ,
Какъ пьяный плошкой ударяетъ
Въ пивной пустой дощанъ.

Я право боюсь, другъ мой, чтобы не сказали въ парнасскомъ сословіи, куда ты украдкою изъ Сената частенько ѣздилъ, что

Въ Петрополѣ явился
Парнасскій еретикъ,
Который подрядился
Боговъ нелѣпыхъ ликъ
Стихами воскресить своими
И тѣ мѣста наполнить ими,
Гдѣ были Аполлонъ, Орфей,
Ѳемида, Марсъ, Гермесъ, Морфей.
Какъ онъ бывало пѣлъ,
Такъ Граціи плясали —
И Граціи теперь въ печали.
Онъ шайку Маймистовъ привелъ:
Подъ пѣсни ихъ хрипучи, жалки,
Подъ заунывный жалкій вой
Не Музъ сопляшетъ строй, —
Кувыркаются Валки.
Бывало храбрыхъ рай онъ раемъ называлъ,
Теперь онъ въ рай нейдетъ, пусти его въ Валкалъ.

Сохрани Господи, какъ первую букву новаго твоего рая нечисто выпишетъ переписчикъ: то типографщикъ съ печатнымъ пашпортомъ тотчасъ отправитъ перваго нашего героя, вмѣсто награжденія за храбрыя дѣла, въ ссылку за Байкалъ. Побереги, братецъ, Христа ради,

И храбрыя души
И нѣжныя уши;
Я слова бъ не сказалъ,
Когда, сошедши съ трона,
Эротъ бы Лелю мѣсто далъ
Иль Ладѣ строгая Юнона
Затѣмъ, что били имъ челомъ
И доблесть пѣли наши дѣды,

А что намъ нужды, чьимъ умомъ
Юродствовали Ланги*, Шведы.

Глаза у меня такъ болятъ, что я не только самъ писать, но и поправить писаннаго не могу: съ утра до вечера учу мужиковъ изъ пыли строить палаты**; а пыль и солнце весьма дурные окулисты. Что продиктовалъ, того у меня не осталось, а потому для справки прошу прислать мнѣ копію, которую ямщикъ списать не позволяетъ.

P. S. Я не токмо не получалъ отъ тебя 500 экземпляровъ Росы***; но ниже 5-и не отдавалъ Глазунову, съ которымъ я не имѣлъ никакого дѣла; для удостовѣренія сего пошли ты самъ спросить сихъ экземпляровъ отъ имени моего и сообщи, пожалуйста, отвѣтъ его. Глазунову давалъ книги Петръ Лукичъ****, такъ не ему ли ты отдалъ? сему вѣрь.

Н. Львовъ.

---

57. На переходъ Альпійскихъ горъ[1].

Сквозь тучи, вкругъ лежащи, черны, 1
Твой горній кроющи полетъ,
Носящи страхъ намъ, скорби зѣльны,
Ты грянулъ наконецъ! — И свѣтъ,
Отъ молніи твоей горящій,
Сердца Альпійскихъ горъ потрясшій,
Струей вселенну пролетѣлъ;
Чрезъ неприступны переправы,
На высотѣ ты новой славы
Явился, сѣверный Орелъ!
О радость! — Муза, дай мнѣ лиру, 2
Да вновь Суворова пою!
Какъ слышенъ громъ за громомъ міру,
Да слышитъ всякъ такъ пѣснь мою!
Побѣдъ его плѣненный слухомъ,
Лечу моимъ за нимъ я духомъ
Чрезъ долы, холмы и лѣса;

* Трудно объяснить, что̀ должно значить это названіе, совершенно ясно написанное въ двухъ спискахъ письма. По-литовски Lankas, Lenkas = Полякъ.

** Землебитное строеніе — изобрѣтеніе Львова. См. примѣчанія къ пьесѣ *Память другу*, подъ 1804 г.

*** Еще непонятное слово, такъ же четко написанное. Можно припомнить при этомъ оду Державина *Россу по взятіи Измаила* (впослѣдствіи названную *На взятіе Измаила*); но эта ода была напечатана за девять лѣтъ до настоящаго письма. Развѣ не была ли она вновь издана?

**** Вельяминовъ. См. томъ I, стр. 466.

Digitized by Google

Зрю — близъ меня зіяютъ ады,
Надъ мной шумящи водопады,
Какъ бы склонились небеса[2].
Идетъ въ веселіи геройскомъ 3
И тихимъ маніемъ руки,
Повелѣвая сильнымъ войскомъ,
Сзываетъ вкругъ себя полки.
«Друзья!» онъ говоритъ: «извѣстно,
Что Россамъ мужество совмѣстно;
Но нѣтъ теперь надежды вамъ.
Кто вѣрѣ, чести другъ неложно,
Умреть иль побѣдить здѣсь должно[3]». —
«Умремъ!» кликъ вторитъ по горамъ.
Идетъ, — о зрѣлище прекрасно, 4
Гдѣ, прямо вѣрностью горя,
Готово войско въ брань безстрашно[4]!
Встаетъ межъ ихъ любезна[a] пря:
Всѣ движутся на смерть послушно,
Но не хотятъ великодушно
Идти за вождемъ назади;
Сверкаютъ копьями, мечами:
Какъ холмъ объемлется волнами,
Идетъ онъ съ шумомъ — впереди.
Ведетъ въ пути непроходимомъ 5
По темнымъ дебрямъ, по тропамъ,
Подъ заревомъ, отъ молньи зримомъ,
И по бѣгущимъ облакамъ;
День — нощь ему среди тумановъ,
Нощь — день отъ громовыхъ пожаровъ;
Несется въ бездну по вервямъ,
По камнямъ лѣзетъ вверхъ изъ бездны;
Мосты ему — дубы зажжены[6];
Плыветъ по скачущимъ волнамъ.
Ведетъ подъ снѣгомъ, вихремъ, градомъ, 6
Подъ ужасомъ природы всей;
Встрѣчается спреди и рядомъ
На каждомъ шагѣ съ тьмой смертей;
Отвсюду окруженъ врагами,
Водой, горами, небесами

Digitized by Google

И воинствомъ противныхъ силъ.
Вблизи падутъ со трескомъ холмы,
Вдали тамъ гулы ропчутъ, громы,
Скрежещетъ блѣдны голодъ въ тылъ[5].
Ведетъ — и нѣкая громада, 7
Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути;
Главой небесъ, ногами ада
Касаяся, претитъ идти;
Со ребръ его шумятъ внизъ рѣки,
Предъ нимъ мелькаютъ дни и вѣки,
Какъ вкругъ волнующійся паръ:
Ничто его не потрясаетъ[в],
Онъ громъ и бури презираетъ;
Нахмурясь, смотритъ Сенъ-Готаръ[6].
А тамъ — волшебница сѣдая[7] 8
Лежитъ на высотѣ холмовъ;
Дыханьемъ солнце отражая,
Блеститъ вдали огнями льдовъ,
Которыми одѣта зрится;
Она на всю природу злится,
И въ страшныхъ инистыхъ скалахъ[г],
Нависнутыхъ снѣговъ слоями,
Готова задавить горами
Иль въ хладныхъ задушить когтяхъ.
А тамъ — невидимой рукою[д] 9
Простертое съ холма на холмъ
Чудовище, какъ мостъ длиною[8],
Рыгая дымъ и пламень ртомъ,
Бездонну челюсть разверзаетъ,
Въ единый мигъ полки глотаетъ.
А тамъ — пещера черна спитъ
И смертнымъ мракомъ взоры кроетъ;
Какъ бурею, гортанью воетъ:
Предъ ней Отчаянье сидитъ.
Пришедши къ чудамъ симъ природы, 10
Что̀ бъ славный учинилъ Язонъ?
Составила бъ Медея воды,
А онъ на нихъ навелъ бы сонъ.
Но въ Россѣ нѣтъ коварствъ примѣра;

Digitized by Google

Крылѣ его суть должность, вѣра
И исполинской славы трудъ.
Корабль на парусахъ какъ въ бурю
По черному средь волнъ лазурю,
Такъ онъ летитъ въ опасный путь.

Ужъ тучи супостатъ засѣли 11
По высотамъ, въ ущельяхъ горъ[6],
Ужъ глыбы, громы полетѣли,
И освѣтили молньи взоръ[7];
Власы у храбрыхъ встали дыбомъ,
И къ сей отвагѣ, страшной дивомъ,
Склонился въ помощь сводъ небесъ.
Съ него зря бѣдствія толики,
Трепещетъ въ скорби Петръ Великій:
Гдѣ Россъ мой? — Слѣдъ и слухъ исчезъ.

Но что? не духъ ли Оссіана[9], 12
Пѣвца тумановъ и морей,
Мнѣ кажетъ подъ луной Морана[10],
Какъ шелъ онъ на царя царей?
Нѣтъ, зрю — Массена подъ землею[11]
Съ Рымникскимъ въ тмѣ сошлися къ бою:
Чело съ челомъ, глаза горятъ;
Не громы ль съ громами дерутся?
Мечами о мечи сѣкутся,
Вкругъ сыплютъ огнь, — хохочетъ адъ[12]!

Ведетъ туда, гдѣ вѣтръ не дышитъ 13
И въ высотахъ и въ глубинахъ,
Гдѣ ухо льдовъ лишь гулы слышитъ[8],
Катящихся на крутизнахъ.
Ведетъ — и скрытъ ужъ въ мракѣ гроба[13],
Ужъ съ хладнымъ смѣхомъ шепчетъ злоба:
Погибъ средь дерзкихъ онъ путей!
Но Россу гдѣ и что преграда?
Съ тобою Богъ — и горъ громада
Раздвиглась силою твоей.

Какъ Левъ могущій, отлученный 14
Ловцовъ коварствомъ отъ дѣтей,
Забралъ препятствомъ раздраженный,
Бросая пламя изъ очей,

Digitized by Google

Вздымая страшну гриву гнѣвомъ,
Крутя хвостомъ, рыкая зѣвомъ
И прескоча преграды, вдругъ
Ломаетъ копья, луки, стрѣлы:
Чрезъ непроходны такъ предѣлы
Тебя, герой, провелъ твой духъ.
Или, Везувія въ утробѣ 15
Какъ споря, океанъ съ огнемъ
Спираютъ въ непрерывной злобѣ
Горящу лаву съ вѣчнымъ льдомъ,
Клокочутъ глухо въ муракѣ бездны [и];
Но хладъ прорветъ какъ сводъ желѣзный,
На воздухъ льется пламень, дымъ, —
Таковъ и Россъ: средь горныхъ споровъ
На Галла сталъ ногой Суворовъ,
И горы треснули подъ нимъ.
Дадите ль вѣру вы, потомки, 16
Толь страшныхъ одолѣнью силъ?
Дѣла героевъ древнихъ громки,
До волнъ Средьземныхъ доходилъ
Алкидъ, и знакъ свой тамъ поставилъ
На то, чтобъ смертный трудъ оставилъ
И далѣ не дерзалъ бы взоръ;
Но, сильный Геркулесъ россійскій!
Тебѣ столпы его знать низки:
Шагаешь ты чрезъ цѣпи горъ.
Идетъ, одѣтъ сѣдымъ туманомъ, 17
По безднамъ [i] страшный исполинъ [14];
За нимъ летитъ въ доспѣхѣ рдяномъ
Вослѣдъ младый птенецъ орлинъ.
Кто витязь сей багрянородный [13],
Соименитый и подобный
Владыкѣ византійскихъ странъ?
Еще Россъ выше вознесется,
Когда и впредь не отречется
Несть Константинъ воинскій санъ [к].
Ужъ сыплются со скалъ безмѣрныхъ 18
Полки сквозь облаковъ, какъ дождь!
Ужъ мечутся въ враговъ надменныхъ:

Въ душахъ ихъ слава, Богъ и вождь;
Къ отечеству, къ царю любовью,
Или врожденной бранной кровью,
Иль къ вѣрѣ вѣрой всякъ крылатъ.
Не могутъ счесть мои ихъ взоры,
Ни всѣхъ наречь: — какъ молньи, скоры!
Вокругъ я блескомъ ихъ объятъ.

Не Гозоно ль тамъ, Богомъ данный[16], 19
Еще съ чудовищемъ въ рѣкѣ
На смертный бой, самоизбранный,
Плыветъ со знаменемъ въ рукѣ?
Копье и мечь изъ твердой стали,
О чешую преломившись, пали:
Сталъ безоруженъ и одинъ[л].
Но, не уважа лютымъ жаломъ,
Разитъ онъ звѣря въ грудь кинжаломъ.
Нѣтъ, нѣтъ, се ты, Россіянинъ[м]!

О, сколько храбрости россійской 20
Примѣровъ видѣлъ уже свѣтъ!
Европа и предѣлъ Азійской
Тому свидѣтельства даетъ.
Кто хочетъ, стань на холмъ высоко
И кинь со мной въ долину око
На птицъ, на ихъ парящій станъ[н].
Зри: въ воздухѣ склубясь волнистомъ,
Какъ грудью бьетъ соколъ ихъ съ свистомъ:
Стремглавъ падетъ сраженный вранъ.

Такъ козни зла всѣ упадаютъ, 21
О Павелъ, подъ твоей рукой!
Народы длани простираютъ,
Отъ бѣдъ спасенные тобой.
Но были бъ счастливѣй стократно,
Коль знали бы цѣнить обратно[17]
Твою къ нимъ милость, святость крылъ;
Во храмѣ жъ славы письменами
Златыми, чтимыми вѣками,
Всѣмъ правда скажетъ: «царь ты силъ!»

Изъ мраковъ возстаютъ стигійскихъ 22
Евгеній, Цесарь, Ганнибалъ;

Digitized by Google

Проходъ чрезъ Альпы войскъ россійскихъ
Ихъ души славой обуялъ.
«Кто, кто», — вѣщаютъ съ удивленьемъ, —
«Съ такою смѣлостью, стремленьемъ
Прешелъ[o] противъ природы силъ[18]
И вражьихъ тьмы попралъ затворовъ?
Кто больше насъ?» — Твой блескъ, Суворовъ,
Главы ихъ долу преклонилъ.
Возьми кто лѣтопись вселенной, 23
Геройскія дѣла читай;
Цѣня ихъ истиной священной,
Съ Суворовымъ соображай,
Ты зришь[п]: тѣхъ слабость, сихъ пороки
Поколебали духъ высокій;
Но онъ изъ младости спѣшилъ
Ко доблести простерть лишь длани;
Куда ни посланъ былъ на брани,
Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ[р].
О ты, страна, гдѣ были нравы, 24
Въ рукахъ оружье, въ сердцѣ Богъ[19]!
На поприщѣ которой славы
Могущій Леопольдъ не могъ[20]
Силъ капли поглотить силъ моремъ;
Гдѣ жизнь онъ кончилъ бѣдствомъ, горемъ!
Скажи, скажи вселенной ты,
Гельвеція, бывъ нашъ свидѣтель:
Чья Россовъ тверже добродѣтель?
Гдѣ больше духа высоты?
Промчи жъ, о Русса! ты Секванѣ[21] 25
Скорѣй духъ русскій, Павла мочь,
Цареубійцъ въ вертепѣ, въ станѣ
Ближайшу возвѣщая ночь.
Скажи: въ рукахъ съ перуномъ Павелъ,
Или хранитель міра, ангелъ,
Гремитъ, являя власть свою;
Престаньте нарушать законы[с]
И не трясите больше троны,
Внемлите истину сію:
«Днесь звѣрство ваше стало наго. 26

Digitized by Google

Вы рветесь за прибытокъ свой, —
Воюетъ Россъ за обще благо,
За свой, за вашъ, за всѣхъ покой;
Вы жертва лжи и своевольства, —
Онъ жертва долга и геройства;
Въ васъ равенства мечта, — въ немъ чинъ;
Суля вы вольность, взяли дани, —
Въ защиту царствъ простеръ онъ длани;
Вы чада тмы, — онъ свѣта сынъ».

Вамъ видимъ бѣгъ свѣтилъ небесныхъ: 27
Не правитъ ли имъ умъ единъ?
Въ словесныхъ тваряхъ, безсловесныхъ,
У всѣхъ есть вождь, иль господинъ:
Стихіевъ разность — разнострастье,
Верховный умъ — ихъ всѣхъ согласье,
Монарша цѣпь есть цѣпь сердецъ.
Царь — мнѣній связь, всѣхъ дѣйствъ причина,
И кротка власть отца едина —
Живаго Бога образецъ.

Гдѣ жъ скрыта къ правдѣ сей дорога, 28
Гдѣ въ вольнодумномъ сердцѣ мнятъ:
«Нѣтъ царской степени, нѣтъ Бога,» —
Быть тщетно счастливы хотятъ.
Ищай себѣ въ народѣ власти,
Попри свои всѣхъ прежде страсти,
А бывъ глава, будь всѣмъ слугой.
Но гдѣ жъ, гдѣ ваши Цинциннаты[22]?
Вы мните только быть богаты:
Корысти чуждъ прямой герой.

О доблесть воиновъ избранныхъ, 29
Собравшихъ лавры съ тьмы побѣдъ,
Безсмертной славой осіянныхъ,
Какой не видывалъ сей свѣтъ!
Вамъ предоставлено судьбами
Рѣшить споръ ада съ небесами:
Собщать ли солнцу блескъ звѣздамъ,
Законамъ естества ль встать новымъ,
Стоять ли алтарямъ Христовымъ,
И быть или не быть царямъ?

Digitized by Google

По доблести — царямъ сокровный[23], 30
По вѣрности — престоловъ щитъ,
По вѣрѣ — камень царствъ угольный[г],
Вождь — знаньемъ браннымъ знаменитъ,
Въ которомъ мудрость съ добротою,
Терпѣнье, храбрость съ быстротою
Вмѣстились всѣхъ изящныхъ душъ!
Сражаясь вѣры со врагами
И небо поддержавъ плечами,
Дерзай, великій Богомъ мужъ!

Дерзайте! вижу — съ вами ходитъ 31
Тотъ объ руку во всѣхъ путяхъ,
Что̀[у] перстомъ круги звѣздны водитъ
И молнію на небесахъ.
Онъ рекъ — и тучи удалились,
Велѣлъ — и холмы уклонились, —
Блеснулъ на вашихъ лучъ челахъ.
Пріятна смерть Христа въ любови,
И капли вашей святы крови:
Еще ударъ — и гдѣ нашъ врагъ?

Услышьте! вамъ соплещутъ други[24], 32
Поетъ Христова церковь гимнъ;
За ваши для царей заслуги,
Цари вамъ данники отнынь.
Доколь течетъ прозрачна Рона,
Потомство поздно безъ урона
Узритъ въ ней вашихъ битвъ зари;
Отнынѣ горы ввѣкъ Альпійски
Пребудутъ Россовъ обелиски[25],
Дымящи холмы — алтари.

[а] Встаетъ межъ ихъ пріятна пря (Первонач. рукоп.).
[б] Мосты ему — горящи бревны;
Пловетъ . . .
[в] . . . не колебаетъ.
[г] И въ страшныхъ ледникахъ своихъ,
Покрытыхъ вѣкъ снѣговъ слоями,
Морозовъ, стужъ грозитъ цѣпями
Всѣхъ умертвить, кто ступитъ въ нихъ.
[д] А тамъ — волшебною рукою.
— . . . бѣсовскою . . .
[е] . . . въ пещерахъ горъ.

Digitized by Google

ж И ослѣпили молньи взоръ (1800).
з Гдѣ ухо только гулы слышитъ
Катящихъ льдовъ на крутизнахъ.
и Клокочутъ глухо, ржутъ въ тмѣ бездны (Рукоп.).
і По холмамъ . . . (1800).
к Быть полководцемъ Константинъ.
л И беззащитенъ уже онъ (Рукоп.).
м . . . се ты, Багратіонъ.
н На птицъ, летящихъ тамъ на станъ (1800).
(Въ изд. 1808 г.: На сей парящихъ станъ, но измѣнено рукой Державина).
о Прошелъ . . .
. . . тьмы попралъ отпоровъ.
п Узришь . . .
р Пришелъ, узрѣлъ и побѣдилъ.
с Отъ золъ престаньте, беззаконны (Рукоп.).
т . . . подпорный.
у Кто (1800).

---

[1] По предписанію австрійскаго императора, Суворовъ, послѣ блистательныхъ побѣдъ своихъ въ сѣверной Италіи, послѣ занятія большей части крѣпостей ея, исторгнутыхъ имъ изъ рукъ Французовъ, долженъ былъ идти въ Швейцарію. Это было противно его собственному убѣжденію: онъ считалъ нужнымъ остаться еще мѣсяца два въ Италіи, чтобы упрочить свои завоеванія, и предвидѣлъ, что въ противномъ случаѣ Австрійцы не будутъ въ состояніи удержать ихъ. Тѣмъ не менѣе извѣстіе, что эрцгерцогъ Карлъ выступилъ изъ Швейцаріи и оставилъ тамъ Римскаго-Корсакова съ одними русскими войсками, заставило Суворова готовиться къ немедленному выступленію изъ Италіи. Между тѣмъ просьбы его, чтобы австрійское правительство для этого похода снабдило нашу армію необходимыми запасами, орудіями, лошадьми и проч., были оставлены безъ вниманія, и потому донесенія Суворова Императору и письмо къ Ростопчину, писанныя въ это время — въ концѣ августа и въ началѣ сентября — наполнены жалобами и опасеніями. 1-го сентября русскія войска, соединившись въ одну колонну, уже слѣдовали чрезъ Мортару, Новару, Турбиго и Варезе по прямой дорогѣ къ Сенъ-Готарду (Д. А. Милютина *Исторія войны въ 1799 г.*, т. III. гл. LIV). Державинъ въ *Объясненіяхъ* своихъ разсказываетъ: «Когда вошелъ графъ Суворовъ съ войсками во внутрь Альпійскихъ горъ, Цесарцы обѣщали для провозу тягостей и провіанта прислать муловъ и самаго провіанта, но не прислали *. Всѣ политики, знающіе сіи обстоятельства, заключали навѣрное, что

* Слова Державина явно основываются на донесеніи фельдмаршала отъ 9 сентября, въ которомъ онъ между прочимъ жалуется, что австрійскій генералъ Меласъ далъ ему муловъ только подъ горную артиллерію, а въ прочихъ отказалъ, увѣривъ, что Русскіе найдутъ ихъ въ Беллинсонѣ. Какъ это донесеніе, такъ и позднѣйшее, отъ 3 октября, составившее главный источникъ настоящей оды, напечатаны въ *Прибавленіи* къ *Спб. Вѣдомостямъ* 1 ноября 1799 г., № 87.

Digitized by Google

вождь сей и полки, предводимые имъ, пропадутъ въ горахъ неизбѣжно; отъ чего и были въ Петербургѣ всѣ въ крайней печали. Но вдругъ, когда были въ Гатчинѣ для торжества браковъ великихъ княженъ Александры и Елены Павловны (въ октябрѣ, см. ниже подъ этимъ же годомъ, стр. 190, стихотв. *На брачныя торжества*), получаетъ императоръ Павелъ донесеніе о преславномъ семъ переходѣ и побѣдѣ надъ непріятелями; то авторъ, будучи тогда сенаторомъ, находясь съ прочими въ Гатчинѣ, написалъ сію оду». Первые стихи ея относятся къ мрачнымъ ожиданіямъ, возбужденнымъ при дворѣ донесеніями Суворова передъ выступленіемъ его изъ Италіи. Все высказываемое далѣе въ честь полководца и войска вполнѣ подтверждается историческими свидѣтельствами, которыя мы и приводимъ въ примѣчаніяхъ.

Рукопись этой оды, подаренная Державинымъ В. Н. Каразину, передана 1867 г. въ библіотеку Академіи Наукъ г. Балясными. На ней надпись Каразина: «Оригиналъ, который былъ назначенъ для поднесенія императору Павлу I или и поднесенъ уже былъ, но возвращенъ автору якобы для напечатанія, точно не помню. Покойный Г. Р., даря мнѣ его, сказывалъ смѣшанно и въ полголоса что-то подобное: я ужъ и не посмѣлъ болѣе расспрашивать.»

Ода была напечатана отдѣльно въ началѣ 1800 г., въ Петербургѣ, въ «Императорской типографіи» (въ четвертку, 20 страницъ), подъ заглавіемъ: Переходъ въ Швейцарію чрезъ Альпійскія горы россійскихъ императорскихъ войскъ подъ предводительствомъ Генералиссима*; 1799 года. Между этимъ заглавіемъ и отмѣткою: *Съ дозволенія санктпетербургской цензуры* помѣщены въ видѣ эпиграфа два стиха изъ оды Ломоносова на взятіе Хотина (строфа 6):

«Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полки орлины.»

На оборотѣ заглавнаго листа напечатанъ курсивомъ еще другой эпиграфъ: «Великій духъ чтитъ похвалы достоинствамъ, ревнуя къ подобнымъ; малая душа, не видя ихъ въ себѣ, помрачается завистію. Ты, Павелъ! равняешься солнцу въ Суворовѣ; удѣляя ему свой блескъ, великолѣпнѣе сіяешь». Этотъ эпиграфъ, по замѣчанію Державина (*Об.*), написанъ «съ намѣреніемъ, дабы Павелъ познаnъ, что примѣчено публикою его недоброжелательство къ Суворову изъ зависти, для чего сія ода холодно и была принята»**. Къ началу и къ концу отдѣльнаго изданія оды приложены, безъ означенія именъ художниковъ, два гравированные рисунка, совершенно сходные съ найденными въ рукописи и помѣщенными въ нашемъ 1-мъ изданіи. Оттискомъ этого изданія оды мы обязаны

* Когда графъ Ростопчинъ прочелъ императору Павлу реляцію о переходѣ Альпійскихъ горъ, Государь тутъ же пожаловалъ Суворову званіе *генералиссимуса* и сказалъ: «Это много для другаго, а ему мало: ему быть ангеломъ» (Милютинъ, т. IV, стр. 167). Рескриптъ о томъ подписанъ 29 окт. 1799 (*Спб. Вѣд., Прибавл.* къ № 87).

** О первоначальной формѣ этого эпиграфа см. ниже послѣднее примѣчаніе къ одѣ.

Digitized by Google

С. Д. Полторацкому. Во второй разъ ода *На переходъ Альпійскихъ горъ* была напечатана въ изданіи 1808 г., ч. II, XXVII.

[2] ... Какъ бы склонились небеса.

Адами поэтъ называетъ неизмѣримыя пропасти въ Альпахъ, а наклонившимся небесамъ уподобляетъ тѣ страшные водопады, подъ которыми можно проходить, какъ подъ сводами (*Об.* Д.). Ср. строфу 7 оды Карамзина на восшествіе на престолъ императора Александра I.

[3] Умреть иль побѣдить здѣсь должно.

Въ донесеніи отъ 27 августа изъ Асти, наканунѣ своего выступленія въ горы, Суворовъ между прочимъ писалъ Императору: «поведу я теперь храброе в. и. в. воинство въ Швейцарію, куда высочайшая ваша воля путь мнѣ указуетъ, и тамо, на новомъ полѣ сраженія, поражу врага или умру со славою за отечество и Государя».

[4] Готово войско въ брань безстрашно.

«При самомъ бѣдственномъ положеніи русскихъ войскъ, никогда не слышалось ни ропота, ни жалобъ... Напротивъ того, Русскіе только и желали скорѣе сразиться съ противникомъ, чтобъ выдти наконецъ изъ тяжкаго положенія» (Милютинъ, т. IV, стр. 164).

[5] ... Скрежещетъ блѣдный голодъ въ тылъ.

«Густыя облака одѣвали всю поверхность горы, такъ что Русскіе карабкались наобумъ, ничего не видя передъ собою. Проводники разбѣжались, и войска должны были сами искать дорогу, погружаясь въ снѣжные сугробы. Вьюга немедленно же сметала всѣ слѣды, и каждый солдатъ долженъ былъ пробивать себѣ новый путь. Съ высоты горы слышались на днѣ долины густые раскаты грома; по временамъ сквозь густой, непроницаемый туманъ сверкала молнія. Огромные каменья, срываемые бурей, съ грохотомъ катились въ бездны. Никакими словами нельзя передать всего, что вытерпѣли русскія войска на этомъ ужасномъ переходѣ: всѣ, безъ различія, солдаты, офицеры, генералы, были босы, голодны, изнурены, промочены до костей. Каждый невѣрный шагъ стоилъ жизни: если кому случалось оступиться или поскользнуться, то не было уже спасенія» (тамъ же, стр. 159).

[6] Нахмурясь смотритъ Сенъ-Готаръ.

Слова изъ донесенія Суворова отъ 3 октября: «На каждомъ шагѣ въ семъ царствѣ ужаса зіяющія пропасти представляли отверзтые и поглотить готовые гробы смерти; дремучія, мрачныя ночи, непрерывно ударяющіе громы, ліющіеся дожди и густой туманъ облаковъ при шумныхъ водопадахъ, съ каменьями съ вершинъ низвергавшихся, увеличивали сей трепетъ. Тамъ является зрѣнію нашему гора Сенъ-Готардъ, сей величающійся колоссъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя тучи и облака плаваютъ» и т. д. (*Спб. Вѣдом.* 1799, *Прибавл.* къ № 87).

«Со стороны Италіи позиція на С.-Готардѣ была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая для вьюковъ, извилисто поднималась отъ Айроно къ крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣкая горные потоки Соречіа и Тремоло, она спускалась въ глубокія и тѣсныя

Digitized by Google

ихъ ложбины и снова взбиралась въ гору. Трудный этотъ путь становился даже весьма опаснымъ во время грозы и бури или въ зимнія вьюги; нерѣдко одиночные путники погибали отъ стужи и утомленія прежде чѣмъ достигали вершины горы» (Милютинъ, т. IV, стр. 35). Сенъ-Готардъ — высочайшій кряжъ въ Лепонтинскихъ Альпахъ; общая высота его 8000 футовъ, но есть отдѣльныя вершины, достигающія даже 10 т. ф. Горный проходъ находится на высотѣ 6443 футовъ надъ уровнемъ моря. «Войска были утомлены до крайности; гора казалась имъ безконечною; вершина ея какъ будто безпрестанно все росла передъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ виду» (тамъ же, стр. 40). «Вѣроятно, русскому полководцу и на мысль не приходили всѣ страшныя преграды, ожидавшія его на пути чрезъ С.-Готардъ. Суворовъ, конечно, не могъ изучить во всей подробности топографію этого края; но по тому самому и назначены были къ нему офицеры австрійскаго генеральнаго штаба, знакомые съ мѣстностію Швейцаріи. Одинъ изъ нихъ, полковникъ Вейротеръ, получившій впослѣдствіи такую извѣстность своими неудачными стратегическими планами*, пользовался довѣренностью фельдмаршала; онъ составлялъ въ продолженіе швейцарскаго похода всѣ диспозиціи и проекты; онъ велъ всю военную диспозицію; онъ же, сколько извѣстно, присовѣтовалъ и выборъ пути чрезъ С.-Готардъ» (тамъ же стр. 18).

[7] А тамъ — волшебница сѣдая.

Ср. въ одѣ *Осень во время осады Очакова* (томъ I, стр. 157): «Идетъ сѣдая чародѣйка» и въ *Евгеніи Онѣгина* Пушкина (гл. VII, строфы 29 и 30):

... «и вотъ сама
Идетъ *волшебница зима*...
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ *холмовъ*».

Въ первоначальной редакціи не было этой строфы (8-й); она приписана послѣ на поляхъ съ большими помарками. Въ отдѣльномъ изданіи 1800 г. она уже напечатана.

[8] Чудовище, какъ мостъ длиною — —
А тамъ — пещера черна спитъ.

«Въ тотъ день (*14 сентября*) предстояло всей колоннѣ пройти чрезъ такую тѣснину, гдѣ казалось сама природа хотѣла испытать, дѣйствительно ли нѣтъ ничего невозможнаго для русскихъ войскъ. Въ разстояніи одной версты съ небольшимъ отъ деревни Урзернъ, дорога по правому берегу Рейссы преграждена громадными утесами, которые отвѣсно врѣзываются въ самое русло рѣки. Сквозь эту естественную стѣну пробито узкое и низкое отверстіе, называемое *Урнерскою дырой* (Urner-Loch): оно имѣло около 80-и шаговъ длины и едва достаточно было для свободнаго прохода человѣка съ вьюкомъ. Дорога, выходя на свѣтъ изъ темнаго подземелья, огибаетъ гору въ видѣ карниза и круто спускается къ знаменитому *Чертову мосту*. Отъ входа въ Урнерскую пещеру до моста

* Особенно при Аустерлицѣ.

Digitized by Google

разстояніе не болѣе 400 шаговъ; на этомъ пространствѣ рѣка Рейсса прорывается какъ бы чрезъ трещину, между высокими, нависшими горами; низвергаясь нѣсколькими водопадами съ высоты 200 футовъ, неистовый потокъ, весь въ пѣнѣ, льется съ утеса на утесъ; гулъ его слышенъ на дальнее разстояніе. Отвѣсные утесы, спирающіе съ обѣихъ сторонъ величественный водопадъ, до того сближаются между собою, что одна смѣлая арка перекинута чрезъ потокъ, на высотѣ 75 футовъ надъ бездною» (Милютинъ, тамъ же, стр. 50 и слѣд.).

[9] Но что? не духъ ли Оссіана?

О вліяніи поэзіи Оссіана на Державина см. томъ I, особенно стр. 338 и 401, также въ настоящемъ томѣ стр. 168. Какъ Державинъ Оссіана, такъ Пушкинъ называлъ Байрона пѣвцомъ моря.

[10] Мнѣ кажетъ подъ луной Морана.

«Моранъ, полководецъ каледонскій, а царями царей называли они римскихъ цесарей, которые съ ними вели войну» (*Об.* Д.). Имя *Моранъ* встрѣчается уже на самыхъ первыхъ страницахъ *Оссіана* въ переводѣ Кострова и принадлежитъ сыну ирландскаго вождя Фитиля.

[11] Нѣтъ, зрю — Массена подъ землею *и проч.*

Генералъ Массена, командовавшій французскими войсками въ Швейцаріи и нанесшій при Цюрихѣ 16 сентября 1799 года пораженіе Римскому-Корсакову и Меласу (Милютинъ, тамъ же, стр. 103 и слѣдд.).

[12] ... хохочетъ адъ.

Въ этомъ выраженіи заключается двоякій смыслъ: 1) когда ударяются ружья о ружья по горамъ, то происходящій отъ того гулъ подобенъ хохоту; 2) кровопролитію радуется адъ (*Об.* Д.).

[13] Ведетъ — и скрытъ ужъ въ мракѣ гроба.

Ср. выше стр. 185 въ примѣчаніи.

[14] ... По безднамъ страшный исполинъ.

«Семидесятилѣтній старикъ, истерзанный огорченіями, утомленный тяжкою борьбою противъ козней и происковъ, выноситъ еще съ изумительною силой необычайные труды тѣлесные, терпитъ всякаго рода лишенія и въ обстоятельствахъ самыхъ затруднительныхъ сохраняетъ исполинскую силу духа ... Переходъ Русскихъ чрезъ эти горы до сихъ поръ еще живетъ въ памяти мѣстныхъ жителей, какъ преданіе полубаснословное ... Швейцарецъ говоритъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ: *Здѣсь проходилъ Суворовъ*» (Милютинъ, тамъ же, стр. 62 и 63). Ср. у Ломоносова (*Соч.* его, т. I, стр. 52): «По холмамъ грозный исполинъ».

[15] Кто витязь сей багрянородный *и проч.*

Еще въ началѣ италіянскаго похода, «26 апрѣля, часъ спустя по пріѣздѣ Суворова въ Вогеру, прибылъ туда же великій князь Константинъ Павловичъ. Россійскому Императору угодно было, чтобы юный, двадцатилѣтній царевичъ участвовалъ въ предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Италіи, подъ руководствомъ Суворова ... В. к. ѣхалъ въ италіянскую армію подъ именемъ графа Романова» (Милютинъ, т. II, стр. 21

Digitized by Google

и слѣд.). На пути же къ С. Готарду онъ постоянно находился при авангардѣ кн. Багратіона и переносилъ терпѣливо всѣ трудности такого перехода въ осеннюю ненастную погоду, такъ что историкъ ставитъ его «въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ и полезныхъ участниковъ швейцарскаго похода». Суворовъ писалъ о немъ Государю: «Всегдашнее присутствіе его высочества предъ войсками и на гибельныхъ стремнинахъ горъ оживляло ихъ духъ и бодрость. Исторія увѣковѣчитъ достохвальные его подвиги, которыхъ я имѣлъ быть честь очевидцемъ». Въ награду за эти подвиги пожалованъ великому князю, 28 октября въ Гатчинѣ, титулъ цесаревича (тамъ же, стр. 31 и 168).

[16] Не Гозоно ль тамъ, Богомъ данный ...

«*Богданъ* Гозоно, кавалеръ св. Іоанна Іерусалимскаго, въ Родосѣ убилъ въ единоборствѣ страшнаго крокодила, опустошившаго сей островъ» (Прим. Державина въ отдѣльномъ изд. оды, см. выше стр. 183). Этотъ самый подвигъ составляетъ предметъ баллады Шиллера, переведенной Жуковскимъ подъ заглавіемъ: *Сраженіе съ змѣемъ*. Лѣтъ черезъ 30 послѣ занятія кавалерами Родоса (онъ завоеванъ ими въ 1310 г.) появился на этомъ островѣ огромный крокодилъ, поглощавшій даже людей. Великій магистръ Вильневъ, боясь подвергнуть кавалеровъ опасности, запретилъ имъ предпринимать что-либо для истребленія чудовища; но кавалеръ Деодатъ Гозонъ (Dieudonné de Gozon), не смотря на то, убилъ этого крокодила. Вильневъ за такое неуваженіе къ власти наказалъ-было Гозона лишеніемъ кавалерской одежды, но потомъ простилъ его и пожаловалъ главнымъ намѣстникомъ ордена. Въ 1346 Гозонъ былъ избранъ въ санъ великаго магистра и умеръ въ 1353 (И. Черенкова *Исторія державнаго ордена св. Іоанна Іер.*; Воронежъ, 1803, ч I, стр. 79). Ссылаемся здѣсь на сказанное нами прежде о чтеніяхъ Державина (томъ I, стр. 236, примѣч. 29 къ одѣ *На коварство*).

[17] Коль знали бы цѣнить обратно —

«т. е. когда бы Цесарцы поступали съ тою же искренностію, съ какою русскія войска, на помощь имъ присланныя, поступали; но они изъ зависти, только словами въ нужныхъ случахъ довольствовали, а въ самомъ дѣлѣ возможныя дѣлали пакости, о чемъ изъ реляцій Суворова видно» (*Об.* Д.). Жалобы Суворова на непріятности, какія онъ терпѣлъ отъ австрійскаго министра барона Тугута и отъ вѣнскаго гофкригсрата, подробно изложены въ *Исторіи войны въ 1799 г.* и въ письмахъ его, напечатанныхъ Фуксомъ. Въ нашихъ рукахъ находится одно подлинное неизданное письмо знаменитаго полководца къ графу Анд. Кир. Разумовскому, которое наполнено обыкновенными его жалобами въ любимыхъ выраженіяхъ («проекторы, элоквенты, пустобаи», «bestimmt sagen») и кончается словами: «Полно писать, Бога ради, выводите меня изъ пургаторія. Ничто не мило». Потомъ въ особой припискѣ сказано: «Стыдно мнѣ бы было, чтобъ остатки Италіи въ сію кампанію не опорожнить отъ Французовъ. Потомъ и театръ во Франціи не былъ бы тяжелъ: мы бы тамъ нашли великую часть къ намъ благосклонныхъ»; къ чему наконецъ собственной рукой Суворова прибавлено:

Digitized by Google

«1) Опорожнить Италію отъ Французовъ: дать мнѣ полную волю.
2) Чтобъ мнѣ отнюдь не мѣшали гофкригсратъ и гадкіе проекторы.
3) Готовъ я къ Швейцаріи ли, Германіи ли, къ Франціи ли ...
Иначе: мнѣ здѣсь дѣла нѣтъ! домой, домой, домой.
Вотъ для Вѣны весь мой планъ. А. С.»

На письмѣ помѣта: іюня 21 дня 1799 года, г. Александрія *.

[18] Кто, кто — — прешелъ противъ природы силъ *и проч.*

О послѣдней части похода историкъ говоритъ: «Можно смѣло сказать, что еслибъ на мѣстѣ Суворова былъ всякій другой генералъ, то въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ счелъ бы долгомъ собрать военный совѣтъ и, обсудивъ разныя средства къ спасенію арміи, по всѣмъ вѣроятіямъ предпочелъ бы послѣднюю (*менѣе трудную*) изъ указанныхъ дорогъ.... Но едва ли кому-либо пришелъ бы на мысль тотъ путь, на который рѣшился Суворовъ ... Подобную тропинку, безъ сомнѣнія, можно было почесть непроходимою для войскъ, и конечно ни одной арміи не случалось еще проходить по такимъ страшнымъ стремнинамъ» (Милютинъ, т. IV, стр. 61). «Швейцарскій походъ по справедливости считается вѣнцомъ воинской славы Суворова, и безъ сомнѣнія первые полководцы въ свѣтѣ могли бы гордиться подобнымъ подвигомъ. Самъ императоръ Павелъ, въ рескриптѣ отъ 29 октября, писалъ фельдмаршалу: Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, недоставало вамъ одного рода славы — преодолѣть и самую природу» и проч. (тамъ же, стр. 166).

[19] Въ рукахъ оружье, въ сердцѣ Богъ.

«Славный Галлеръ въ поэмѣ *Альпы* такъ описывалъ древнихъ Швейцарцевъ» (Примѣч. Державина въ отдѣльномъ изданіи оды). Это не есть переводъ какого-нибудь выраженія поэмы *Die Alpen*, а сказано только въ духѣ Галлера, который идиллически изображаетъ чистые нравы и храбрость Швейцарцевъ. Русскій переводъ этого сочиненія см. въ *Спб. журналѣ* Пнина 1798 г., ч. I.

[20] Могущій Леопольдъ не могъ *и проч.*

Герцогъ Леопольдъ Австрійскій, сынъ императора Альбрехта I, былъ побѣжденъ 1800-ми Швейцарцами при Моргартенѣ въ 1315 году, не смотря на численное превосходство его войска. — Сколько извѣстно, Леопольдъ «кончилъ жизнь» (1326) не въ Швейцаріи, а въ Эльзасѣ.

Въ примѣчаніи къ этому стиху въ отдѣльномъ изданіи оды перепутаны числа.

[21] Промчи жъ, о Русса! ты Секванѣ *и проч.*

Русса или, правильнѣе, Рейсса (Reuss) — альпійскій притокъ Рейна, вытекающаго изъ С. Готарда. См. выше, стр. 184, примѣч. 6.

Секвана — латинское названіе Сены.

[22] Но гдѣ жъ, гдѣ ваши Цинциннаты *и проч.*

«Руссіе не имѣли никакой причины собственной къ войнѣ съ Фран-

* Сообщеніемъ этого, впрочемъ не вполнѣ сохранившагося письма мы обязаны А. С. Норову.

Digitized by Google

цузами, но вступились за угнетенную Европу (ср. 3 стихъ строфы 26); ... а напротивъ того послѣдствіе оказало, что и Французы начали революцію и сражались не за общее благо своего отечества, но для корыстныхъ видовъ, что всякій изъ генераловъ награбилъ милліоны» (*Об.* Д.). «Глубоко проникнутый безкорыстною цѣлью, съ которою Императоръ Россійскій поднялъ оружіе противъ республики французской, Суворовъ ставилъ пользу общаго дѣла выше частныхъ, своекорыстныхъ видовъ двора вѣнскаго» (Милютинъ, т. II, стр. 336).

[23] По доблести — царямъ сокровный.

Ср. слова Шишкова въ стихахъ *для начертанія на гробницѣ Суворова*:

«Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ причитался».

(*Соч.* А. Шишкова, ч. XIV, стр. 160).

Въ знакъ благодарности за побѣды Суворова сардинскій король далъ ему такой орденъ, «который по статуту могъ быть только даванъ принцамъ крови, для чего и назвалъ его своимъ родственникомъ» (*Об.* Д.). По *Словарю* Бантышъ-Каменскаго, Карлъ Эммануилъ IV прислалъ Суворову три ордена, дипломъ на чинъ генералъ-фельдмаршала королевскихъ войскъ, также на достоинство князя съ титуломъ его *двоюроднаго брата* (cousin). Изъ рескрипта императора Павла къ Суворову отъ 25 августа 1799 г. видно, что послѣдняя награда была пожалована герою за побѣду при Нови: «Отличіе, сдѣланное вамъ е. в. королемъ Сардинскимъ», писалъ Государь, «Я отъ всего сердца позволяю вамъ принять. Чрезъ сіе вы и Мнѣ войдете въ родство, бывъ единожды приняты въ одну царскую фамилію, потому что владѣтельныя особы между собою всѣ почитаются роднею» (Е. Фукса *Исторія росс.-австрійской кампаніи*, ч. III, стр. 268).

Этому обстоятельству Д. И. Хвостовъ обязанъ былъ графскимъ титуломъ. Женившись 17 января 1789 г. на племянницѣ Суворова княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ Горчаковой, сестрѣ бывшаго впослѣдствіи военнымъ министромъ А. И. Горчакова, Хвостовъ породнился съ славнымъ полководцемъ. Вотъ почему Суворовъ, получивъ сардинское княжество, выпросилъ у короля титулъ графа для Хвостова (*Время* 1862 г. № 6 и 11, Записки Тимковскаго въ *Москвитянинѣ* 1852, № 20, и *Рос. Родосл. книга* князя П. Долгорукова, ч. III).

Разъ сатирикъ Милоновъ *, проходя по толкучему рынку, увидѣлъ передъ одною лавкою портретъ графа Хвостова и сочинилъ двустишіе:

* Михаилъ Васильевичъ Милоновъ род. 1792 г. въ Воронежской губ. въ 5 верстахъ отъ Задонска, въ селѣ Панарьинѣ. Объ отцѣ его знаемъ только, что онъ былъ образованный человѣкъ, имѣлъ значительную библіотеку и принадлежалъ къ масонскимъ ложамъ; мать его была рожденная Семенова, Прасковья Петровна, невѣстка Анны Петровны Буниной. Сестра послѣдней, Марья Петровна, была за рязанскимъ дворяниномъ, Николаемъ Петровичемъ Семеновымъ, котораго сынъ Петръ Николаевичъ извѣстенъ какъ авторъ комедіи *Митюха Валдайскій* и пародіи на оду *Богъ* (см. томъ I, стр. 314). Двоюродные братья, М. Милоновъ и П. Семеновъ воспитывались вмѣстѣ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Милоновъ умеръ въ Петербургѣ 17 окт. 1821 г. Библіографическую статью о немъ помѣстилъ г. Лонгиновъ въ *Русск. Арх.* 1864, № 3.

Digitized by Google

«Прохожій! не дивись, на эту рожу глядя;
Но плачь, и горько плачь: ему Суворовъ — дядя!»

По ходатайству Суворова, Екатерина пожаловала Хвостова въ камеръ-юнкеры; когда же кто-то ей замѣтилъ, что Хвостову, по его наружности, не слѣдовало бы носить этого званія, то она отвѣчала: «Еслибъ Суворовъ попросилъ, то сдѣлала бы его и камеръ-фрейлиной» (Слышано въ 1859 г. отъ князя Н. А. Цертелева).

24 Услышьте! вамъ соплещутъ други.

Ср. стихи: ... «Ему Россія
И всѣ соплещутъ племена».
(*Соч.* Кострова, Спб. 1849, стр. 14).

«Да россихъ кораблей крылѣ ему соплещутъ».
(*тамъ же*, стр. 147).

25 Пребудутъ Россовъ обелиски.

«Когда отправился Суворовъ въ Италію, то авторъ тогда сказалъ, что онъ поставитъ по пути своемъ обелиски своихъ побѣдъ, что̀ онъ и сдѣлалъ, оставя таковыми Альпы» (*Об.* Д.). Ср. выше, стр. 154, строфу 6 пьесы *Орелъ*.

Въ черновой рукописи оды *На переходъ Альпійскихъ горъ*, послѣ 32-й строфы была еще одна, которая потомъ зачеркнута и обращена въ эпиграфъ. Вотъ ея редакція:

Великая душа лишь знаетъ,
О Павелъ! дать хвалу другимъ;
Душъ малыхъ зависть помрачаетъ
И солнце не блистаетъ имъ.
Монарха блескъ, свѣтила міра,
Чрезъ отліяніе порфира
Прекраснѣй намъ своимъ лучемъ.
Онъ отъ морей, отъ капль сверкаетъ,
Сіяньемъ взоры восхищаетъ:
Такъ ты — въ Суворовѣ твоемъ.

---

58. НА БРАЧНЫЯ ТОРЖЕСТВА [1].

На розовыхъ крылахъ Темпейску
Эротъ долину пролеталъ, —
Незапно во страну Рифейску
Впорхнулъ, гдѣ Сѣверъ обиталъ:
Увидѣлъ инеи, морозы,
Желѣзны шлемы и мечи,
Военныя вседневны грозы,
Съ оружья блещущи лучи;
Услышалъ отъ побѣдъ вкругъ звуки:

Digitized by Google

Тамъ грады, тамъ полки падутъ[2],
Тамъ злобѣ плѣнной вяжутъ руки,
Тамъ на мятежъ яремъ кладутъ;
Узрѣлъ — и съ ужаса и хладу
Крылами въ трепетѣ взмахнулъ[а],
Хотѣлъ летѣть назадъ въ Элладу;
Но какъ-то факелъ свой стряхнулъ —
И въ тмѣ вдругъ искры покатились:
Расцвѣлъ весной полночный край;
Орлы двухъ царствъ соединились;
Средь Гатчины открылся рай!
Плѣняетъ нѣжный громъ музыки,
Пылаютъ тысящи лампадъ,
Харитъ младыхъ прелестны лики
Въ вѣнцахъ предъ трономъ предстоятъ:
Тѣ пляшутъ, скачутъ; тѣ играютъ;
Тѣ скромныхъ взглядами очей
Сердца героевъ поражаютъ
И въ плѣнъ влекутъ богатырей.
Эротъ, красами удивленный,
«Не царство ль», рекъ: «я зрю мое[б]?
Но кто на тронѣ (дерзновенный!),
Отнявъ у Марса мечь, копье,
Да и мои всесильны стрѣлы[в],
Красу здѣсь съ храбростью вѣнчалъ»? —
«Маріи, Павла здѣсь предѣлы[г]»,
Ему весь Сѣверъ отвѣчалъ.

Хоръ.

Кто храбростью и красотою
Умѣетъ купно обладать,
Тотъ можетъ миромъ и войною
И свѣтомъ всѣмъ повелѣвать[д].
Вздохнулъ Эротъ: «Такъ пусть ужъ боги
Не ждутъ меня въ Темпейскій долъ;
Мнѣ святы Павловы чертоги:
Я въ нихъ поставилъ мой престолъ

Хоръ.

Ликуйте, Павелъ и Марія,
Любовь въ чертогахъ зря своихъ!

Digitized by Google

Хоть ваши дщери, днесь младыя[е],
Надѣли цѣпь царей чужихъ,
Но зримъ мы, чувствуемъ неложно
Вашъ разумъ, сердца доброту:
Гдѣ храбростью плѣнять не должно,
Туда вы шлете красоту.
   Такъ, Александра, не войною,
Но красотой плѣни ты свѣтъ;
И ты, Елена, не виною
Будь царскихъ распрь, народныхъ бѣдъ;
Но днесь, любви сопрягшись богомъ[ж],
Іосифъ, Павелъ, Фридерихъ!
Европѣ будьте вы залогомъ
Покоя, счастья, дней златыхъ!

[а] Блѣднѣя, крылья встрепенулъ
И вкругъ тутъ искры покатились (Первон. рукоп.).
[б] Сказалъ: Не царство ль здѣсь мое?
Но кто жъ на семъ престолѣ, смертный ...
[в] И ужъ мои дерзнувъ взять стрѣлы,
Красу и храбрость сочеталъ?
[г] Здѣсь Павла и Марій предѣлы (1804).
[д] И всей вселенной управлять (Рукоп.).
[е] Хоть ваши дщери дорогія
[ж] Но, сопрягшись любви днесь богомъ.

---

[1] Въ первоначальной рукописи это стихотвореніе названо эпиталамой, съ объясненіемъ, что оно написано по случаю бракосочетанія великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ, и Елены Павловны съ наслѣднымъ герцогомъ мекленбургскимъ, Фридрихомъ. Брачныя торжества происходили въ Гатчинѣ 12-го и 19-го октября 1799 года: въ первый день была свадьба младшей сестры (Елены Павловны), во второй день — старшей.

Александра Павловна родилась 29 іюля 1783 года. О разстроившемся планѣ ея супружества съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ было разсказано въ примѣчаніи къ стихотворенію *Побѣда красоты* (томъ I, стр. 513). Воспѣтый Державинымъ здѣсь бракъ ея былъ въ соотношеніи съ союзомъ между Россіей и Австріей противъ Франціи. Весною того же года великій князь Константинъ Павловичъ, отправляясь въ италіянскую армію къ Суворову, остановился въ Вѣнѣ, гдѣ былъ принятъ съ необыкновеннымъ восторгомъ: въ это самое время былъ утвержденъ актъ бракосочетанія Александры Павловны съ палатиномъ (Милютинъ, т. II, стр. 23). Когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ между союзниками возникли несогласія, то баронъ Тугутъ, боясь открытаго разрыва съ петербургскимъ дворомъ, старался усыпить его разными ухищреніями. «Пред-

Digitized by Google

стоявшее бракосочетаніе палатина съ великою княжною казалось барону Тугуту самымъ удобнымъ случаемъ для укрощенія гнѣва Императора россійскаго. Рѣшено было отправить эрцгерцога Іосифа въ Петербургъ со всевозможною торжественностію; огромная свита назначена для сопровожденія принца, и въ главѣ ея графъ Дидрихштейнъ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ кліентовъ барона Тугута» (тамъ же, т. III, стр. 255 и слѣд.). Эрцгерцогъ Іосифъ, сынъ императора Леопольда II и Маріи Луизы, родился 26 февраля 1776 г., сдѣлался 1796 палатиномъ венгерскимъ, потомъ былъ фельдмаршаломъ и умеръ 1 января 1847 г. Послѣ кончины Александры Павловны въ 1801 году (см. ниже подъ 1806 г. *Эродій надъ гробомъ праведницы*), онъ былъ женатъ еще два раза на нѣмецкихъ принцессахъ (ангальтской и виртембергской). О первой супругѣ его такъ отзывается г. Краевскій: «Ангельская кротость и доброта души ея, соединенныя съ необыкновенною красотою, живутъ еще до сихъ поръ въ памяти Русскихъ, видѣвшихъ ея дѣтство, и Венгерцевъ, уже начинавшихъ чувствовать на себѣ ея благотворительность» (*Энциклопед. лексиконъ*, т. I. Спб. 1835).

Елена Павловна родилась 13 декабря 1784 года, скончалась 12 сентября 1803. Супругъ ея, Фридрихъ Лудвигъ мекленбургскій, род. 2 іюня 1778, ум. наслѣднымъ великимъ герцогомъ 1819 г.

Портреты обѣихъ великихъ княженъ, въ разныхъ возрастахъ, можно видѣть въ Зимнемъ дворцѣ, въ Романовской галлереѣ; тамъ же и эрцгерцогъ Іосифъ представленъ на конѣ, на одной картинѣ съ великими князьями.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 36, подъ заглавіемъ Эпиталама на брачныя торжества, и въ изд. 1808, ч. III, xiii.

[2] Тамъ грады, тамъ полки падутъ.

Этотъ стихъ, помѣщенный въ *Анакр. пѣсняхъ* и въ рукописяхъ, пропущенъ въ изданіи 1808 г.

---

59. НА СМЕРТЬ НАРЫШКИНА [1].

1
Падущая съ небесъ рѣка!
Токъ свѣтлыхъ, безпрерывныхъ водъ!
Чья всемогущая рука,
О время! о минувшій годъ!
Твое теченье прекратила?
Какая мгла тебя сокрыла?
Гдѣ дѣлись дни, часы твои?
Гдѣ разновидныхъ дѣлъ струи?

2
Являло ль солнце красоту,
Блистало ль лаврами чело,
Когда побѣдъ на высоту
Всходилъ Алкидъ? — И все прошло [2]!

Ужъ не на верхъ теперь Альпійскій
Орелъ склоняетъ свой полетъ,
Но въ долъ, подъ сосны Боровицки: —
Все вѣчности жерло пожретъ.
Чтò было, то не придетъ вспять; 3
Проходитъ чтò, то вмигъ пройдетъ;
Что будетъ впредь, — не можно знать:
И вотъ Нарышкина ужъ нѣтъ, —
Нѣтъ въ домѣ семъ храмоподобномъ [3],
Веселомъ, свѣтломъ, благовонномъ,
Гдѣ жизнь цвѣла, довольствъ полна;
Но плачъ и тма и тишина!
Увы! — вотъ тотъ зеленый дубъ, 4
Вкругъ коего на дернѣ тѣнь,
Цвѣты и запахъ злачныхъ купъ
Гражданъ отвсюду въ ясный день,
Какъ птицъ, сзывали для витанья;
Гдѣ игры, шутки, рѣзвость, смѣхъ
И дружества рукоплесканья
Звучали по слѣдамъ утѣхъ.
Увы! — вотъ тотъ чертогъ [4], 5
Гдѣ зодчества, убранства вкусъ
Вели всѣхъ зрителей въ восторгъ,
И гдѣ подъ сладкимъ пѣньемъ музъ
Козловскаго плѣняли звуки [5];
Гдѣ ты гостей, простерши руки,
Безъ всякихъ сборовъ и суетъ,
За дружескій сажалъ обѣдъ.
Увы! — вотъ тотъ изящный храмъ, 6
Гдѣ купольный, тьмозвѣздный сводъ
Осіявалъ изъ разныхъ странъ
Сбиравшійся къ тебѣ народъ;
Гдѣ ты угощевалъ Фелицу,
И Лель своихъ во пляскахъ жертвъ
Въ цвѣточную вязалъ пленицу,
Гдѣ ты.... Ахъ! ты лежишь тутъ мертвъ...
Ты мертвъ! — и все прошло? — Нѣтъ, живъ! 7
Ты живъ въ сердцахъ твоихъ друзей:
Хотя печальный гробъ, сокрывъ,

Digitized by Google

Тебя лишилъ ихъ въ жизни сей;
Но ласкъ твоихъ и угощеній
Живутъ лучи въ воображеньи,
Живешь въ слезахъ блестящихъ ихъ
Ты ввѣкъ. — Се бисеръ чадъ твоихъ!

Придите, дѣвы юны, нѣжны, 6
Три грацьи, отрасли его[6]!
И, трупъ облобызавъ священный,
Оставленное отъ него
Въ приданство перло вы возьмите:
Въ немъ кладъ блаженства вамъ сокрытъ;
Гласъ добродушія внемлите;
Се дѣдъ изъ гроба говоритъ:

«Дѣла великія дивятъ, 9
Но зависть ихъ вокругъ шипитъ,
И добродѣтели темнятъ
Прекрасный часто страсти видъ;
Но кто ни родомъ, ни богатствомъ,
Ни знатнымъ чиномъ, а пріятствомъ
Себѣ почтенье заслужилъ,
Тотъ въ жизни и по смерти милъ».

Такъ, смертный! зиждетъ лишь отцовъ 10
Благословенье чадъ ихъ домъ:
А матернихъ проклятье словъ[7]
Преобращаетъ все вверхъ дномъ!
Не ставь слезъ сирыхъ за игрушку,
Чужихъ стяжаній не желай;
Брось бѣдному въ кошель полушку,
И отвори себѣ тѣмъ рай.

Проходитъ наша жизнь, какъ мигъ; 11
Но видны и по насъ слѣды
Дѣлъ нашихъ добрыхъ или злыхъ,
Какъ въ морѣ за кормой бразды.
Поставимъ же себѣ предметомъ,
Чтобъ съ симъ разлука наша свѣтомъ,
Какъ прямовидность средь садовъ,
Была наполнена цвѣтовъ.

[1] Л. А. Нарышкинъ, о которомъ сообщены свѣдѣнія при посвящен-

Digitized by Google

ной ему одѣ *На рожденіе царицы Гремиславы* (томъ I, стр. 498 и слѣдд.), умеръ, 66-и лѣтъ отъ роду, 9-го ноября 1799 года.

Эти стихи, по словамъ Державина, были написаны вскорѣ послѣ того, въ декабрѣ; по *Ключу къ соч.* его (стр. 89), они кончены, за недосугомъ, не прежде 1804 года. Остался только одинъ списокъ ихъ, не представляющій, противъ печатнаго текста, никакихъ варіантовъ. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, xxxviii.

[2] ... Всходилъ Алкидъ *и проч.*

Подъ этимъ именемъ здѣсь разумѣется Суворовъ, который тогда возвращался въ Петербургъ послѣ италіянскаго и швейцарскаго походовъ. Для выраженія: *сосны Боровицки* см. выше стр. 27, примѣч. 13. Державинъ предвидѣлъ (*Об.*), что Суворовъ будетъ худо принятъ и по чувствительности своей окончитъ скоро жизнь, что̀ и случилось (о смерти Суворова см. ниже стихотвореніе *Снигирь*, подъ 1800 г.). Когда писалась ода *На смерть Нарышкина*, фельдмаршалъ пользовался еще въ полной мѣрѣ благоволеніемъ Государя, какъ доказываютъ рескрипты, часто посылавшіеся ему въ это время: первый, въ которомъ Павелъ Петровичъ выразилъ ему свое неудовольствіе (вслѣдствіе слуха, будто Суворовъ въ продолженіе кампаніи имѣлъ при себѣ *дежурнаго генерала*), былъ отъ 20 марта 1800 г. (Милютинъ, т. V, стр. 218).

Л. А. Нарышкинъ былъ хорошій пріятель Суворову, и внука перваго вышла послѣ замужъ за сына втораго (*Об.* Д.). см. ниже прим. 6.

[3] Нѣтъ въ домѣ семъ храмоподобномъ *и проч.*

У Льва Александровича былъ на Мойкѣ, за Поцѣлуевымъ мостомъ, родъ загороднаго дома, гдѣ онъ въ лѣтнее время давалъ праздники. Въ саду, передъ самымъ крыльцомъ, стоялъ прекрасный, окруженный цвѣтущимъ дерномъ дубъ, подъ которымъ сиживали гости Нарышкина. Домъ этотъ, впослѣдствіи принадлежавшій барону Раллю и занятый нѣмецкимъ клубомъ, съ 1833 г. служитъ помѣщеніемъ Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся. При посѣщеніи этого дома въ 1843 г. мы слышали отъ директора заведенія, А. П. Турчанинова, что этотъ дубъ былъ привезенъ изъ Крыма въ угожденіе императрицѣ Екатеринѣ II, которая будто бы сидѣла подъ тѣнію его во время своего таврическаго путешествія.

[4] Увы! вотъ тотъ чертогъ ...

«Посреди дома была великолѣпная галлерея прекрасной архитектуры» (*Об.* Д.).

[5] Козловскаго плѣняли звуки.

Извѣстный Осипъ Антоновичъ Козловскій, директоръ музыки императорскихъ театровъ, родился въ Варшавѣ 1757 г., умеръ въ Петербургѣ 27 февр. 1831. Онъ вышелъ въ люди чрезъ кн. Потемкина и сочинялъ между прочимъ музыку къ хорамъ Державина, пѣтымъ на великолѣпномъ праздникѣ въ честь Екатерины по случаю взятія Измаила (томъ I, стр. 269). О Козловскомъ см. *Словарь дост. люд.* Бантышъ-Каменскаго.

[6] Три Грацьи, отрасли его —

т. е. три внуки: первая, графиня Соллогубъ, въ супружествѣ княгиня

Digitized by Google

Голицына (см. выше стр. 162); вторая, графиня Головкина, за графомъ Салтыковымъ; третья, Нарышкина, за княземъ Аркадіемъ Александровичемъ Суворовымъ (*Об.* Д.).

[7] А матернихъ проклятье словъ.

«Послѣ смерти Л. А. Нарышкина супруга его Марина Осиповна (томъ I, стр. 503, примѣч. 5) была огорчена отъ дѣтей тѣмъ, что они нарушили дяди ихъ роднаго, Александра Александровича Нарышкина, завѣщаніе, которымъ онъ упрочилъ имѣніе свое, одну половину женѣ своей Аннѣ Никитичнѣ Нарышкиной, а другую брату своему Льву Александровичу, а послѣ него имъ» (*Об.* Д.). А. А. Нарышкинъ, оберъ-шенкъ, род. 1726, ум. 1795 г. Супруга его, Анна Никитична, урожденная Румянцова, была двоюродная сестра Задунайскаго (Mém. de Cath. II, стр. 118; ср. томъ I, стр. 416).

---

60. ВВЕДЕНІЕ СОЛОМОНА ВЪ СУДИЛИЩЕ[1].

Восшелъ Дави́дъ въ сѣнь правды, 1
А съ нимъ и Соломонъ, —
Гдѣ казнь на злыхъ, благимъ награды,
Законы, врѣзанны святымъ жезломъ
[а] Въ скрижаль сапфирну, вкругъ златую,
Хранимы въ родъ и родъ. — Восшелъ и сѣлъ на тронъ!
Велѣлъ съ собой возсѣсть[а] и сыну одесную;
Старѣйшины предъ нимъ, склонившися челомъ,
По манію его возсѣли
Въ молчаньи на своихъ мѣстахъ.
Невидимо на высотахъ
Псалтыри струны загремѣли[б]:

«Боже! дай царю Твой судъ 2
И цареву сыну правду,
Да народу подадутъ[в]
И защиту и награду.
Да на горы миръ сойдетъ, 3
Правосудіе въ долины;
Бѣдныхъ да спасетъ отъ бѣдъ,
Плачущихъ отъ злой судьбины[г].
Да смиритъ клеветниковъ 4
И, какъ солнце ввѣкъ сіяетъ
И луна межъ облаковъ,
Такъ блистать на тронѣ станетъ.
Такъ сойдетъ онъ въ низкій домъ[д] 5

Digitized by Google

Съ высочайшаго престола,
Какъ снисходитъ дождь на холмъ
И роса на сушу дола.
Истина во всѣхъ сердцахъ, 6
Правда въ людяхъ населится,
И въ его блаженныхъ дняхъ
Счастіе возобновится.
Падши, пыль полижутъ ногъ 7
Орды передъ нимъ азійски,
И безцѣнности въ залогъ
Принесутъ цари ѳарсійски.
Да помолятся уму 8
Въ немъ подсолнечной владыки;
Поработаютъ ему
Подчинившися языки,
И покажутъ, что онъ былъ 9
Щитъ отъ сильныхъ всѣмъ безсильнымъ,
Вдовъ и сирыхъ прокормилъ
Токомъ благости обильнымъ [е];
Подданныхъ жалѣлъ лить кровь, 10
Ограждалъ отъ лихвъ, неправды [ж],
И къ себѣ ихъ чтилъ любовь
Выше всякія награды.
Долги будутъ дни ему, 11
Злато потечетъ рѣкою;
Дань легко дадутъ тому,
Кто любимъ отъ всѣхъ душою.
Нивы на вершинахъ горъ, 12
Садъ Ливанскій расплодится;
Градъ, поля восхитятъ взоръ,
Въ нихъ блаженство водворится.
Пальма, лавръ увьютъ чело, 13
Славою украсятъ вѣчной,
Чтобы имя процвѣло
Похвалой чистосердечной».

Какъ лучъ, на верхъ Ерусалима [3] 14
Снеслася благодать, — Израиль зрѣлъ:
«Да будетъ ввѣкъ», въ восторгѣ пѣлъ,
«Еговы длань благословима,

Digitized by Google

Пріосѣняющая насъ!» —
За симъ умолкъ псалтыри гласъ.

[а] Велѣвъ съ собою сѣсть (Рукоп.).
[б] ... возгремѣли.
[в] Да людямъ своимъ дадутъ.
[г] Утѣсненныхъ злой судьбины.
[д] Какъ снисходитъ дождь на холмы,
Капли на увядшій долъ,
Такъ сойдетъ онъ скудныхъ въ домы,
Оставляя свой престолъ.

(Здѣсь куплетъ по ошибкѣ начатъ женскимъ стихомъ, а отъ того и всѣ остальные куплеты въ первоначальной рукописи сложились невѣрно. Впослѣдствіи ошибка исправлена перестановкою стиховъ и другими измѣненіями, которыхъ мы однакожъ, для сбереженія мѣста, не приводимъ).

[е] Благъ потокомъ былъ обильнымъ.
[ж] Спасъ отъ лихвы, отъ неправды,
Самъ ихъ чтилъ къ себѣ любовь.
[з] Весь на царя, на царска сына
Народъ израильскій взиралъ:
«Да будетъ», онъ молясь вѣщалъ,
«Во вѣкъ вѣковъ благословима
Рука Всевышняго на насъ!»
И вдругъ умолкъ псалтыри гласъ.

---

[1] Написано въ Гатчинѣ въ ноябрѣ 1799 г. «по случаю введенія въ Сенатъ къ присутствію въ первый разъ императоромъ Павломъ сына его Александра Павловича» (*Об.* Д.). Первоначальное заглавіе было: *Введеніе царемъ Давидомъ въ первый разъ Соломона въ храмъ правосудія.* — Въ октябрѣ вечеромъ генералъ-прокуроръ Беклешовъ получилъ отъ Государя приказаніе, чтобы на другой день общее собраніе Сената было въ Гатчинѣ. Всѣ сенаторы, въ числѣ которыхъ былъ и Державинъ, отправились туда ночью, не зная, зачѣмъ велѣно имъ явиться. Комната, отведенная для присутствія, была длинная и узкая; огромный столъ оставлялъ мало мѣста для прохода. Въ половинѣ 10-го часа, когда собравшимся дано было знать, что Государь идетъ, сенаторы стали въ двѣ шеренги на одной сторонѣ комнаты. Императоръ вошелъ въ сопровожденіи великаго князя и, подойдя къ своимъ кресламъ, сказалъ: «Мм. гг., я хочу, чтобы наслѣдникъ мой занималъ первое по мнѣ мѣсто въ Сенатѣ.» Тогда великій князь сѣлъ по правую руку своего родителя. Объявивъ предметъ засѣданія — разсмотрѣніе проекта учрежденія запасныхъ магазиновъ въ Имперіи — и подписавъ нѣсколько указовъ, Государь пригласилъ сенаторовъ прогостить съ недѣлю въ Гатчинѣ и оставилъ собраніе. Съ тѣхъ поръ наслѣдникъ престола началъ присутствовать въ Сенатѣ, плѣняя всѣхъ своимъ благодушіемъ и вниманіемъ, съ какимъ онъ участвовалъ

Digitized by Google

въ совѣщаніяхъ (*Словарь достоп. людей*, Спб. 1847, въ статьѣ: *Веклешовъ*). О Веклешовѣ ср. *Жизнь Сперанскаго*, соч. барона Корфа, ч. I, стр. 49.

Почерпнуто изъ псалма 71, но вступленіе принадлежитъ самому Державину. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, v.

---

61. УТРО [1].

1800.

Огнистый Сиріусъ сверкающія стрѣлы
Металъ еще съ небесъ въ подлунные предѣлы;
Лежала на холмахъ вкругъ нощь и тишина,
Вселенная была безмолвія полна;
А только вѣтровъ свистъ, лѣсовъ листы шептали [a];
Шумъ бьющихъ въ камни волнъ, со скалъ потоковъ ревъ
И изрѣдка вдали рычащій левъ
Молчанье прерывали.
Клеантъ, проснувшійся въ пещерѣ, всталъ
И свѣта дожидался.
Но говоръ птицъ едва помалу слышенъ сталъ,
Вкругъ по брегамъ раздался
И вскликнулъ соловей;
Тумана, свѣта сѣть [б] по небу распростерлась,
Сокрылся Сиріусъ за ней,
И нощь бѣгущая чуть зрѣлась.
Мудрецъ восшелъ на вышній холмъ,
И тамъ, сѣдымъ склонясь челомъ,
Возсѣлъ на мшистый пень подъ дубомъ многолѣтнымъ
И внизъ изъ-подъ вѣтвей пустилъ свой взоръ
На море, на лѣса, на сини цѣпи горъ
И зрѣлъ съ восторгомъ благолѣпнымъ
Отъ сна на возстающій міръ.
Какое зрѣлище! какой прекрасный пиръ
Открылся всей ему природы!
Онъ видѣлъ землю вдругъ и небеса и воды
И блескъ планетъ,
Тонущій тихо въ юный, рдяный свѣтъ.
Онъ зрѣлъ, какъ солнцу путь Заря уготовляла,
Лиловые ковры съ улыбкой разстилала,
Врата востока отперла,
Крылатыхъ коней запрягла,

Digitized by Google

И звѣздъ царя, сего вѣнчаннаго возницу,
Румяною рукой взвела на колесницу;
Какъ, хоромъ утреннихъ часовъ окружена,
Подвигнулась въ свой путь она,
И восшумѣла вслѣдъ съ колесъ ея волна;
Багряны возжи напряглися
По конскимъ блещущимъ хребтамъ[в]:
Летятъ, вверхъ пышутъ огнь, свѣтъ мещутъ по странамъ,
И мглы подъ ними улеглися;
Тумановъ рѣки разлилися,
Изъ коихъ зыблющихъ сѣдинъ,
Челомъ сверкая золотымъ,
Возстали горы изъ долинъ
И воскурился сверхъ ихъ тонкій дымъ.
Онъ зрѣлъ: какъ свѣта богъ съ морями лишь сравнялся,
То алый лучъ по нихъ восколебался;
Посыпалися со скалъ
Рубины, яхонты, кристалъ,
И бисеры перловы[г]
Зажглися на вѣтвяхъ;
Багряны тѣни, бирюзовы
Слилися съ златомъ въ облакахъ, —
И все сіяніе покрыло!
Онъ видѣлъ, какъ сіе божественно свѣтило
На высоту небесъ взнесло свое чело,
И пропастей лицо лучами расцвѣло!
Открылося морей огнисто протяженье:
Тамъ съ холма внизъ глядитъ, навѣсясь, темный кедръ,
Тамъ съ шумомъ вержетъ китъ на воздухъ рѣкъ стремленье,
Тамъ челнъ на парусахъ бѣжитъ средь водныхъ нѣдръ;
Тамъ, выплывъ изъ пучины,
Играютъ, рѣзвятся дельфины
И рыбъ стада сверкаютъ чешуей,
И блещутъ чуды чрева бѣлизной;
А тамъ среди лѣсовъ гора переступаетъ, —
Подъемлетъ хоботъ слонъ и съ древъ плоды снимаетъ;
Здѣсь вмѣстѣ два холма срослись
И на верблюдѣ поднялись;
Тамъ конь, пустя по вѣтру гриву,

Бѣжитъ и мнетъ волнисту ниву;
Здѣсь кроликъ подъ кустомъ лежитъ,
Глазами красными блеститъ;
Тамъ серны, прядая съ холма на холмъ стрѣлами,
Стоятъ на крутизнахъ, висятъ подъ облаками;
Тутъ, взоры пламенны вверхъ устремляя къ нимъ,
На лапахъ жилистыхъ[1] сидитъ зубастый скимнъ[2];
Здѣсь пестрый, алчный тигръ въ лѣсъ крадется дебристый
И ищетъ, гдѣ залегъ олень роговѣтвистый;
Тамъ къ плещущимъ ключамъ въ зеленый, мягкій логъ
Стремится въ жаждѣ пить единорогъ;
А здѣсь по воздуху витаетъ
Пернатыхъ, насѣкомыхъ рой,
Лѣса, поля, моря и холмы населяетъ
Чудесной пестротой:
Тѣ въ златѣ, тѣ въ сребрѣ, тѣ въ розахъ, тѣ въ багрянцахъ,
Тѣ въ свѣтлыхъ заревахъ, тѣ въ желтыхъ, сизыхъ глянцахъ
Гуляютъ по цвѣтамъ вдоль рѣкъ и вкругъ озеръ;
Надъ ними въ высотѣ ширяется орелъ!
А тамъ съ пологихъ горъ селъ кровы, башенъ спицы,
Лучами отразясь, мелькаютъ на водахъ;
Тутъ слышенъ рога зовъ, тамъ эхо отъ цѣвницы,
Блеянье, ржанье, ревъ и топотъ на лугахъ;
А здѣсь сквозь птичій хоръ и шумъ отъ водопада
Несутся громы въ слухъ съ великолѣпна града
И изъявляютъ зодчихъ трудъ;
Тамъ поселяне плугъ влекутъ,
Здѣсь сѣти рыболовъ кидаетъ,
На удѣ блещетъ серебро;
Тамъ огнь съ оружья войскъ сверкаетъ. —
И все то благо, все добро!
Клеантъ, на все сіе взирая[e],
Былъ внѣ себя природы отъ чудесъ;
Верховный умъ Творца воображая,
Излилъ потоки сладкихъ слезъ:
«Все дѣло рукъ Твоихъ!» вскричалъ во умиленьи,
И, арфу въ восхищеньи[*]
Пріявъ, благоговѣнья полнъ,
Въ фригическій настроя тонъ[3],

Digitized by Google

Умолкъ. — Но лишь съ небесъ, сквозь дуба сводъ листвяный
Проникнувъ, на него палъ свѣтъ багряный, —
Брада сребристая, чело, [л]
Зардѣвшися, какъ солнце, расцвѣло:
Ударилъ по струнамъ — и отъ холма съ вершинъ
Какъ искръ струи въ долъ быстро покатились;
Далеко звуки разгласились;
Воспѣлъ онъ Богу гимнъ.

[а] Свисталъ лишь вѣтръ, лишь древъ листы шептали,
О камни пѣны шумъ, со скалъ потоковъ ревъ
И вдалекѣ рычащій левъ (Первон. рукоп.).
[б] Туманна свѣта тѣнь.
[в] ... спинамъ (1802).
[г] Жемчуги, бисеры перловы
Лѣсовъ зажглися на вѣтвяхъ (Рукоп.).
[д] ... нервистыхъ ... (1802).
[е] Клеантъ, все видя то и все внимая,
Былъ внѣ себя отъ сихъ естественныхъ чудесъ.
[ж] И арфу взялъ и въ восхищеньи,
На іоническій настроя тонъ,
Умолкъ и духа сталъ весь полнъ.
Когда съ небесъ ...

---

[1] *Утро* составляетъ, собственно, введеніе въ *Гимнъ Богу*. Поэтъ изображеніемъ великолѣпнаго утра хочетъ показать намъ, какъ созерцаніе природы пробудило вдохновеніе Клеанта и внушило ему знаменитый его гимнъ Зевсу. Разборъ этого стихотв. см. въ статьѣ князя Н. А. Цертелева: «О поэзіи описательной» въ *Соревнователѣ* 1823 г., ч. XXI, стр. 263. Ученый Грекъ Клеантъ (Cleanthes), уроженецъ мизійскаго города Асса, жившій лѣтъ за 260 до Р. Х., былъ долго слушателемъ Зенона и потомъ преемникомъ его въ аѳинской *стоѣ*. Скудость природныхъ дарованій вознаграждалъ онъ упорнымъ прилежаніемъ, такъ что «лампада Клеанта» вошла въ поговорку: онъ днемъ учился философіи, а ночью работалъ для своего пропитанія. Если вѣрить преданію, онъ 80-и или 90-та лѣтъ отъ роду уморилъ себя голодомъ.

«Утро и Гимнъ Клеантовъ» изданы вмѣстѣ отдѣльной брошюрой въ Петербургѣ въ 1802 году*. Первое вскорѣ появилось еще въ *Вѣстникѣ Европы* за августъ того же года (ч. IV, № 16, стр. 514) съ подписью *Державинъ* и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ къ заглавію *Утро*: «Оно напечатано въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Гимномъ Клеанта. Для удо-

* Надъ первымъ стихотвореніемъ выставлено приведенное нами двойное заглавіе; надъ вторымъ же *Гимнъ Богу*, а въ концѣ имя автора. Въ экземплярѣ Имп. Публ. библіотеки нѣтъ заглавнаго листа; но внизу послѣдней, 8-й страницы означено: «Съ дозволенія указнаго печатано въ типографіи Шнора 1802 года».

Digitized by Google

вольствія читателей Вѣстника, живущихъ въ Москвѣ и въ провинціяхъ, помѣщаю здѣсь эту въ самомъ дѣлѣ *живописную картину** утра». Въ изд. 1808 г. см. ч. II, LIV.

[2] На лапахъ жилистыхъ сидитъ зубастый скимнъ.

Скимнъ — дикій левъ; ср. томъ I, стр. 171.

[3] Въ фригическій настроя тонъ.

«Фригическій тонъ, которымъ Греки пѣли гимны богамъ» *(Об.* Д.). Фрйгійскимъ назывался одинъ изъ четырехъ главныхъ и древнѣйшихъ тоновъ греческой музыки, сильный и стремительный (см. *Новый Словотолкователь*, Спб. 1806, ч. III).

---

62. ГИМНЪ БОГУ[1].

О Ты, всесый, многоимянный, 1
Но тотъ же и вездѣ единъ!
Премудрый, вѣчный, несозданный,
Благій Творецъ и Властелинъ!
Что солнце подъ Собою трономъ,
Въ подножье звѣзды положилъ,
Единымъ правишь все закономъ
Своихъ неизмѣримыхъ силъ!
Коль не возбранно тварямъ смертнымъ 2
Къ Тебѣ взывать: Тебя пою!
Все, чтò ни вижу окомъ бреннымъ,
Все чтитъ Тебя въ вину свою.
Я самъ, я самъ, Твое творенье,
Подобье слабое, Твой сынъ[2],
Души моей вседневно пѣнье,
Тебѣ сей посвящаю гимнъ.
Сводъ неба, надъ моей главою 3
Чтò съ сонмомъ многихъ звѣздъ виситъ,
Вращаясь вкругъ земли, собою
Твое велѣніе творитъ;
Въ молчаньи движась, исполняетъ
Земля вся маніе Твое,
И вся природа совершаетъ
Тобой теченіе свое.
Перунъ, посолъ Твоихъ законовъ, 4

* Курсивъ употребленъ Карамзинымъ.

Digitized by Google

Въ Твоей всесильной длани спитъ:
Взгорясь безсмертной жизнью громовъ,
Страшитъ всю тварь, трясетъ, мертвитъ;
Но Ты жъ духъ жизни посылаешь,
И всѣ онъ существа живитъ;
Все имъ содержишь, оживляешь;
Твоя же власть — природы щитъ.

Чтò въ небѣ, морѣ, сушѣ зрится, — 5
Твое; чтò бездна обняла,
Все зиждется и все родится
Лишь отъ Тебя, — окромѣ зла:
Оно одно, изъ душъ порочныхъ
Возникнувъ, возмущаетъ свѣтъ;
Но мышцей силъ Твоихъ всемощныхъ
Въ порядокъ паки все идетъ.

Борьбу стихій и разногласье 6
Въ согласіе приводишь Ты,
Творишь изъ распрь покой и счастье[3],
Изъ зла и блага — красоты.
Міры Тобою пребываютъ,
Въ Тебѣ союзъ ихъ свѣта, тмы,
Который лишь разстроеваютъ
Одни порочные умы.

О бѣдные! найти мня счастье, 7
Закона общаго не чтутъ,
Кой, просвѣтивъ, пришелъ въ согласье
И къ счастью всѣмъ отверзъ бы путь.
Такъ, такъ, они его не знаютъ,
Бѣгутъ отъ правды, красоты,
Свое лишь благо почитаютъ,
А благо обще за мечты.

Спѣшатъ, летятъ ко громкой славѣ, 8
Къ богатствамъ, власти и чинамъ,
Къ великолѣпію, забавѣ,
Всѣхъ низкихъ слабостей къ сластямъ,
Которы льстятъ ихъ, обаваютъ
И въ сѣть обманами влекутъ;
Но лишь уловятъ, — исчезаютъ,
Оставя вслѣдъ имъ скорбь и студъ.

Digitized by Google

Но Ты, о Боже, благъ Содѣтель! 9
Богъ молній, грома, свѣта, тмы!
Вдохни въ ихъ душу добродѣтель,
Блесни и разжени ихъ мглы;
Возвысь ихъ умъ къ уму нетлѣнну,
Къ тому ихъ разуму взнеси,
Которымъ правишь Ты вселенну
И на земли и въ небеси,
Почтилъ Ты коимъ человѣка, 10
Чтобъ разумѣлъ Твои дѣла,
И чрезъ него отъ вѣкъ до вѣка
Гремѣла бы Твоя хвала:
Такъ должно праведно, прекрасно
Творенію Творца хвалить,
Въ восклицновеніяхъ всечасно
Его святое имя чтить.
Никто, никто изъ всѣхъ живущихъ 11
Среди земли, среди небесъ,
Не обрѣтетъ изъ тварей сущихъ
Столь удивительныхъ чудесъ,
Великихъ, славныхъ, непостижныхъ,
Каковъ великій Разумъ тотъ,
Что въ маніяхъ своихъ обширныхъ
Природѣ всей законъ даетъ. —
Онъ пѣлъ — и къ гласу столь священну 12
Главу, казалось, вознесенну
Вкругъ холмы, горы и лѣса
И сами вышни небеса
Съ благоговѣніемъ склонили;
Всѣ тщилися ему внимать,
Присутствіе Господне чтили:
Его могъ праведникъ призвать.

[1] Греческій гимнъ (Κλεάνϑους ὕμνος εἰς Δία), переведенный Державинымъ съ нѣмецкаго, состоитъ въ подлинникѣ изъ 38 экзаметровъ стоической формы и отличается прекраснымъ языкомъ и высокостью мыслей; нѣкоторые сомнѣваются въ древности его происхожденія и видятъ въ немъ сочиненіе христіанина. Онъ былъ въ первый разъ изданъ 1568 года Урсинусомъ въ Антверпенѣ; впослѣдствіи, особенно въ прошломъ столѣтіи, его часто переводили по-французски и по-нѣмецки; въ числѣ пере-

Digitized by Google

водчиковъ его были у Нѣмцевъ Гердеръ и Геренъ, у Французовъ Луи Расинъ и Вильменъ. Послѣдній перевелъ его очень близко, прозой, и говоритъ о немъ: «Это была новая форма лирической поэзіи, разумный порывъ души, нравственная сила безъ видимаго энтузіазма, но сдержанная и непоколебимая предъ заблужденіемъ и предъ угрозами свѣта. Написанный величественными экзаметрами, безъ стремительныхъ изгибовъ строфы и разнообразныхъ формъ ритма, въ простыхъ словахъ и могучихъ образахъ, этотъ гимнъ, конечно пѣтый на тонъ какой-нибудь древней суровой мелодіи, представляется намъ прекраснѣйшимъ отрицаніемъ тѣхъ униженій, въ которыя была увлекаема Греція, и тѣхъ блестящихъ заблужденій, которымъ она нѣкогда предавалась» (Essais sur le génie de Pindare и проч., Парижъ, 1859, стр. 252). Въ своемъ *Разсужденіи о лирической поэзіи* Державинъ говоритъ: «Довольно о гимнахъ и одахъ, которыхъ множество примѣровъ можно видѣть въ псалтири. Изъ языческихъ всѣхъ ближе подходитъ къ нимъ, по очищеннымъ мыслямъ отъ идолопоклонства и по высокому своему содержанію, гимнъ греческаго стоическаго философа Клеанта, напечатанный въ моихъ сочиненіяхъ». Изъ критическихъ изданій гимна мы пользовались напечатаннымъ 1835 г въ Лейпцигѣ Мерцдорфомъ съ примѣчаніями Штурца (Cleanthis hymnum in Jovem graece edidit и проч.). Изъ Русскихъ, кромѣ Державина, переводили этотъ гимнъ И. Мартыновъ и Мерзляковъ. Переводъ Мартынова, въ прозѣ (подъ заглавіемъ *Гимнъ Клеанта*), былъ напечатанъ въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи* Крылова за апрѣль 1793 года. Другой переводъ, въ прозѣ же, безъ подписи, помѣщенъ въ *Другѣ Просвѣщенія* за іюль 1804 г., въ статьѣ Евгенія Болховитинова *О гимнахъ*. Переводъ Мерзлякова, сдѣланный шестистопными и отчасти четырехстопными ямбами (подъ заглавіемъ *Гимнъ Зевесу*), открываетъ 2-ую часть его *Подражаній и переводовъ*. О Клеантѣ, которому приписываютъ этотъ гимнъ, см. 1-е прим. къ предыдущему стихотв. Въ статьѣ г. Галахова: *Карамзинъ какъ оптимистъ* гимнъ Клеантовъ и переводъ его, сдѣланный Державинымъ, упомянуты между произведеніями, въ которыхъ съ большею или меньшею ясностью обнаруживается система оптимизма; при чемъ изложено въ главныхъ чертахъ и содержаніе гимна. «Въ стихотвореніи этомъ», замѣчаетъ авторъ статьи, «ясно сказано, что все существующее происходитъ отъ Бога, кромѣ зла, которое творится порочными душами; что свѣтъ, возмущаемый зломъ, снова приводится въ порядокъ всемогущимъ Творцомъ». Выписавъ потомъ 6-ую строфу, г. Галаховъ продолжаетъ: «Источникъ бѣдствій, по словамъ гимна, заключается въ томъ, что мы, стремясь къ счастію, не почитаемъ *общаго* (т. е. всемірнаго) *закона*. Только познаніе истинныхъ законовъ природы и жизнь, по нимъ устроенная, могутъ отверзать путь къ блаженству, уничтожать противорѣчія. Такъ какъ люди *бѣгутъ отъ правды*, *красоты* (слѣдов. правда есть своего рода красота или, вѣрнѣе, правда и красота одно и то же), какъ какъ они имѣютъ въ виду только собственное благо, не думая о *благѣ общаго*, то они несчастны: счастье единственно возможно при согласіи отдѣльнаго съ общимъ» (*Отеч. Зап.*, т. CXVI, 1858, № 1, стр. 134).

Digitized by Google

Переводъ Державина напечатанъ отдѣльно въ 1802 г. вмѣстѣ съ стихотвореніемъ *Утро* (см. выше стр. 200); потомъ особо въ изданіи 1808 г., ч. II, LV.

Предлагаемъ сдѣланный нами съ подлинника буквальный переводъ Клеантова гимна:

«Славнѣйшій изъ безсмертныхъ, многоименный, вѣчно всемогущій Зевсъ, творецъ природы, всѣмъ правящій по закону, радуйся! Тебя должны призывать всѣ смертные: мы отъ тебя произошли, надѣлены даромъ рѣчи, одни изъ всего смертнаго, чтò живетъ и движется на землѣ. Потому стану тебя восхвалять, стану вовѣкъ прославлять твою державную мощь. Ибо тебѣ весь этотъ міръ, вращающійся вокругъ земли, повинуется, какъ бы ни правилъ ты, и охотно несетъ твою власть. Такъ ты держишь орудіе въ непобѣдимыхъ рукахъ, — обоюдуострую, пламенную, вѣчноживую молнію: подъ ударами ея вся природа цѣпенѣетъ, ею исполняешь ты общее слово, все проникающее, присущій и великимъ свѣтиламъ, и малымъ, такъ правя вселенной вовѣки, какъ высшій властитель. Безъ тебя, боже, ничто не совершается на землѣ, ни на эфирномъ небѣ, ни въ морской пучинѣ, кромѣ того, что творятъ злые въ своемъ безуміи. Но ты и неравное умѣешь уравнивать, нестройное приводить въ порядокъ, немилое мило тебѣ. Ибо ты такъ согласуешь добро со зломъ, что изъ всего родится одно вѣчносущее слово закона, отъ котораго уклоняются съ пренебреженіемъ только злые изъ смертныхъ, несчастные, которые, желая обладать благами, не замѣчаютъ и не слушаютъ божьяго закона; тогда какъ, слѣдуя ему разумно, вели бы жизнь счастливую. Они, напротивъ, чуждые прекрасному, стремятся одни за другими; одни, одержимые упорною жаждою славы, другіе, безъ всякой мѣры преслѣдуя прибыль; тѣ, въ роскоши предаваясь тѣлеснымъ наслажденіямъ, достигаютъ противнаго тому, чего ищутъ. Но, Зевсъ вседающій, собиратель тучъ, молніевержецъ! освободи насъ отъ бѣдственнаго заблужденія; сгони его съ души, дай ей обрѣсти разумъ, съ какимъ ты праведно всѣмъ управляешь, дабы, уваженные тобой, и мы взаимно тебя чтили, прославляя непрестанно дѣла твои, какъ прилично смертному существу, ибо для людей и боговъ нѣтъ ничего выше, какъ вѣчно прославлять по достоинству общій законъ.»

[2] Подобье слабое, твой сынъ.

Слово *подобье* есть и въ подлинникѣ: это — то мѣсто, которое мы перевели словами: *надѣлены даромъ рѣчи.* Въ греческомъ текстѣ (4-й стихъ): ἴῆς μίμημα λαχόντες. Первое слово значитъ слово, рѣчь, но оно читается, а потому и переводится различно: его не было въ томъ переводѣ, которымъ пользовался Державинъ. Подобно нѣкоторымъ другимъ переводчикамъ (напр. въ Hellas und Rom), мы позволили себѣ употребить *даръ* вмѣсто *подобіе.* У Мерзлякова вовсе нѣтъ этой мысли; вообще его *Гимнъ Зевесу*, собственно, только подражаніе, а не переводъ. Онъ начинается такъ:

«О Ты, подъ разными всечтимый именами,
Единый, Тотъ же, Сый!... верховный Богъ-Отецъ!

Digitized by Google

Слово *многоименный* въ 1-мъ стихѣ у Державина совершенно соотвѣтствуетъ греческому πολυώνυμε, и трудно согласиться съ Штурцомъ, полагающимъ, что здѣсь это слово должно значить вообще *препрославленный* — celebratissimus. И Вильменъ переводитъ: «nommé de plusieurs noms».

[3] Творишь изъ распрь покой и счастье.

Ср. въ *Фелицѣ*, томъ I, стр. 86, строфа 13:

Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.

---

63. ПЕРВАЯ ПѢСНЬ ПИНДАРА ПИѲИЧЕСКАЯ[1].

1 Златая арфа Аполлона,
Подруга чернокудрыхъ Музъ!
Твоимъ въ молчаньи звукамъ внемлетъ
Монархъ веселья, пляска, ликъ;
Когда же, хоромъ управляя,
Даешь къ совосклицанью знакъ, —
Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій
Ты можешь молньи потушить[2]!

2 Сидитъ на скипетрѣ Зевеса
Орелъ, пернатыхъ царь[4], и, внизъ
Спустя высокопарны крылья,
Во сладостномъ забвеньи спитъ.
Пріятна мгла, смежая вѣжды,
Главу его на перси гнетъ;
Бряцаньемъ тихимъ утомленный,
Чуть зыблется хребетъ его.

3 Свирѣпый Марсъ склоняетъ долу
Свое кроваво острее;
Утѣхой сердце упоенно,
Смягчась, плѣняется его.
И самые безсмертны боги
Забавъ сражаются отъ стрѣлъ,
Какія персты Феба мещутъ
И нѣжны груди Піеридъ.

4 Но тотъ, кого Зевесъ не любитъ,
Дрожитъ отъ звонкихъ пѣсенъ Музъ;

Digitized by Google

Трепещетъ на землѣ и морѣ
Вся груба, суща тварь отъ нихъ;
Трепещетъ и Тифей стоглавый[3],
Воитель бывый на боговъ:
Навер̑женъ страшною горою,
Онъ въ мрачномъ Тартарѣ лежитъ.
Килькійской оглашенной бездной[4] 5
Онъ нѣкогда воспитанъ былъ;
Вокругъ его каменно-морскій
Днесь кумскій и сицильскій брегъ
Космату грудь отягощаетъ;
Столпомъ, досягшимъ до небесъ,
Держащимъ на себѣ снѣгъ вѣчный,
Прижатъ, придавленъ Этной онъ.
Изъ челюстей своихъ изверѣжетъ 6
Потоками всежрущій огнь,
Который днемъ сквозь тучи дыма
Сверкаетъ искрами въ аэръ,
А ночью, вихрями крутяся,
Горящимъ каменнымъ дождемъ,
Съ ужаснымъ грохотомъ и ревомъ
Въ морскую глубину падетъ.
Не только зрѣть его ужасно, 7
Какъ жупелъ онъ Вулкановъ вверхъ
Горящими струитъ рѣками, —
О немъ ужасенъ даже слухъ:
Какъ Этной къ листомрачну верху[5]
И къ дну прикованъ цѣпью онъ,
Изъязвленнымъ хребтомъ простершись,
На терновыхъ лежитъ буграхъ.
О Зевсъ, горы сея властитель! 8
Помилуй и спаси чело
Страны, богатыя[a] плодами,
Близъ коей соименный градъ
Воздвигъ народовъ поселитель
И гдѣ въ ристалищѣ герольдъ
Пиѳійскомъ славу колесницы
Хироновой провозгласилъ!
Какъ въ понтъ пловцы пустясь, ликуютъ, 9

Digitized by Google

Зря вздуты вѣтромъ паруса,
Надеждою ихъ сердце льстится,
Что счастливо свой путь свершатъ:
Такъ сихъ торжествъ начало кажетъ,
Что градъ украсясь сей, и впредь
Въ вѣнцѣ побѣдъ, во блескѣ новомъ,
Возликовствуетъ на пирахъ.

О Фебъ, Лицея повелитель[6], 10
Делоса свѣтлый царь и другъ
Любимаго тобой потока
Кастальскихъ водъ, съ Парнасскихъ горъ
Текущихъ! о, услышь желанье!
Сей гласъ мой — и страну сію,
Героями превознесенну,
На сердцѣ напиши твоемъ!

Такъ милостью боговъ единыхъ 11
И въ добродѣтеляхъ своихъ
Всѣ процвѣтаютъ человѣки!
Блаженства лишь они дождятъ[7]:
Чрезъ нихъ премудрые — премудрость,
Краснорѣчивы — сладость устъ,
Могущіе — ихъ силу стяжутъ,
И всѣ дары текутъ отъ нихъ.

И я, исполнясь ихъ восторгомъ, 12
Вожделѣвая мужа пѣть,
Да брошу сильною рукою
Мое выспрь мѣдное копье,
Которое, прямымъ полетомъ
Межъ сподвижниковъ моихъ
Всѣхъ далѣй, всѣхъ быстрѣй промчася,
Со звукомъ въ мѣту попадетъ.

О, да всегда къ нему снисходитъ 13
И впредь веселье такъ, какъ днесь!
Осыпанъ счастія дарами,
Да забываетъ скорбь свою,
А помнитъ брани и побѣды,
Гдѣ жалъ онъ славу, цвѣтъ боговъ,
Гдѣ съ нимъ никто, кромѣ Гелона[8],
Благъ выше не снискалъ коронъ.

Digitized by Google

Но не тому ли ужъ подобенъ 14
Онъ древню Филоктету днесь,
На брань готову, снаряженну
По изволенію судебъ,
Котораго изъ славныхъ воевъ
Первѣйшій мужествомъ герой,
Толь рѣдкимъ посѣтя привѣтствомъ,
И дружбою почтилъ своей?

Тогда, вожди какъ приходили 15
Съ собой его подъ Трою звать,
Лежалъ, страдая въ Лемнѣ язвой,
Снабженный лукомъ, Фисовъ сынъ[9];
Хоть былъ безсильнымъ, слабымъ, тощимъ[б],
Но онъ низвергъ Пріамовъ градъ
И подвигъ совершилъ Данаевъ:
Угодно было такъ богамъ.

Возставь, о Боже! и Хирона 16
Ты такъ съ болѣзненна одра,
И въ временахъ ему грядущихъ
Во всѣхъ желаньяхъ даждь успѣхъ!
А ты, о Муза! колесницы[в]
Четвероконной торжествомъ
Восхити духъ и Диноменовъ[10]:
Не чужда сыну честь отца.

Ему ужъ скоро возгласится 17
И самому мной также пѣснь,
Какъ оному державцу Этны,
Кому Хиронъ воздвигъ сей градъ[11]
Златой свободы на твердынѣ,
По чертежу хилійскихъ правъ;
И Гераклидовъ родъ, Памфила,
Пребывъ Дорійцами доднесь,

Хранитъ Эгимовы завѣты 18
Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда, съ холмовъ
Тагета двигшись, взялъ приступомъ,
Отторгнувъ отъ Амеклы, Пиндъ,
Счастливо ею завладѣвши[г],
И днесь почтеннѣйшій сосѣдъ

Digitized by Google

Сталъ бѣлоконнымъ Тиндаридамъ,
И копій звуками цвѣтетъ.
Продли, продли, Зевесъ, то жъ счастье 19
И на Аменовыхъ водахъ[12],
Да о князьяхъ и о народѣ
Молва правдивая гремитъ!
Отцомъ возвышена младаго
Ты самъ царя сего води,
И старца умудряй мастита
Въ согласьи царства содержать.
Молю тебя, молю сынъ Хроновъ! 20
Да страшный ревъ военныхъ трубъ
Спокойства больше не смущаетъ,
Ни Тирянъ, ни Финикьянъ днесь[13].
Ты самъ, Зевесъ, при Кумѣ видѣлъ
Кораблегибельный позоръ
И оному ударъ подобный,
Имъ данный княземъ Сиракузъ.
Ты зрѣлъ, какъ сильной онъ рукою 21
Съ смятенныхъ бѣгствомъ кораблей
Свергалъ цвѣтущи войски въ море
И Грецію отъ рабства спасъ[14]!
Пѣснь благодарная Аѳинамъ
Принадлежитъ за Саламинъ:
И я хвалю, не умолкая,
Спартанъ за Китеронскій бой.
О, какъ въ сихъ страшныхъ двухъ сраженьяхъ 22
Стрѣлами ополченны тьмы
Надменныхъ Персовъ упадали!
Какъ на смѣющихся брегахъ
Водами свѣтлыми Химеры
Звукъ Диноменовыхъ сыновъ[15]
Гласится мной, достойно стершихъ
Геройской мышцей полкъ враговъ!
Пѣснь краткую, но содержащу 23
Въ себѣ дѣлъ болѣе, чѣмъ словъ,
Не столь хулители терзаютъ;
Но нагруженна черезъ край
Воображенье утомляетъ;

Digitized by Google

И собственныхъ хвала гражданъ
Завистникамъ жметъ тайно сердце:
Коль паче чужеземныхъ[е] честь[16]!
Межъ тѣмъ рождать пріятнѣй завистъ[ж], 24
Чѣмъ сожалѣнье намъ. — И ты
Не преставай идти вслѣдъ славѣ;
Рулемъ довѣрья правь народъ,
Судъ искушай въ горнилѣ правды:
Малѣйшу искру отъ царя
Свѣтъ за большой пожаръ считаетъ[з];
Тьмы вкругъ свидѣтелей тебя.
Ревнуешь ли потомства къ чести? 25
Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ
И щедрымъ быть не отрекайся;
Но паче, вѣтромъ парусъ твой
Вздувай, подобно мореходцамъ;
Лишь никогда, любезный мой,
Не обольщайся царедворцевъ
Лукавой сладостью словесъ.
Единъ гласъ памяти блаженной 26
Звучитъ за гробомъ, — и дѣла
Мужей великихъ воскрешаетъ[и]
Во лѣтописцахъ и пѣвцахъ.
Не умретъ Креза добродѣтель;
Но лютый, злобный Фаларисъ,
Людей въ волѣ сжигавшій мѣдномъ,
Не вспоминается добромъ.
Нигдѣ о немъ не звукнетъ арфа; 27
Ея не вторитъ юныхъ пѣснь:
О! такъ, Хиронъ, вкушенье жизни
Благополучья первый даръ,
Вторый же даръ благая слава:
А кто стяжалъ ихъ обоихъ,
Тому судьбы опредѣлили
Всѣхъ превосходнѣйшій вѣнецъ.

[а] Богатыя страны . . . (1803).
[б] . . . Фесовъ сынъ;
Хоть былъ безсиленъ, слабъ, шатался.
[в] А ты восхитъ и Диноменовъ,

Digitized by Google

О Муза! сей побѣдой духъ
Четвероконной колесницы.
г ... завладѣя —
И днесь почтенный сталъ сосѣдъ
На бѣлыхъ коняхъ Тиндаридамъ.
д И старца провождай ...
е ... иностранныхъ ...
ж Межъ тѣмъ всегда пріятнѣй ...
з Свѣтъ за большую почитаетъ.
и ... пробуждаетъ.

---

[1] По свойству своего таланта и по содержанію многихъ изъ своихъ произведеній Державинъ долженъ былъ питать особенное сочувствіе къ Пиндару; сознавая это, уже его современники (напр. Батюшковъ) съ тогдашней точки зрѣнія говорили про него: *нашъ Пиндаръ*. Дѣйствительно, какъ ѳивскій лирикъ по справедливости считалъ себя преемникомъ и продолжателемъ Гомера, такъ и нашъ поэтъ создалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ эпопею своей блистательной эпохи. Мы уже видѣли (томъ I, стр. 523), что онъ въ 1796 году написалъ въ честь А. Г. Орлова оду въ Пиндаровомъ духѣ подъ заглавіемъ *Аѳинейскому витязю* *. Настоящая ода есть первый его опытъ въ переводѣ изъ Пиндара, при чемъ онъ пользовался нѣмецкимъ переложеніемъ въ прозѣ Гедике, которому близко слѣдовалъ (Pindar's Pythische Siegshymnen, mit erklärenden und kritischen Anmerkungen verdeutscht von Fr. Gedike, Berlin u. Leipzig, 1779) **. Въ 1805 году Державинъ перевелъ оттуда же и первую олимпійскую оду. Само собою разумѣется, что при недостаткѣ другихъ пособій, и особенно знакомства съ греческимъ языкомъ, переводы Державина изъ Пиндара не отличаются точностью. Послѣ Державина эту оду стихами же переводили, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Пиндара, П. И. Голенищевъ-Кутузовъ (*Творенія Пиндара*, двѣ части, М. 1803 и 1804) и И. И. Мартыновъ (*Греч. классики*, ч. XXI и XXII, Спб. 1827).

Извѣстно, что Пиндаръ воспѣвалъ побѣдителей на греческихъ играхъ, по именамъ которыхъ оды его и раздѣляются на олимпійскія, *пиѳическія*, истмійскія и немейскія. Гіеронъ (*Хиронъ* у Державина), родомъ изъ Сиракузъ, возобновивъ городъ Катану, назвалъ его Этною по имени сосѣдней горы и потому на состязаніяхъ принялъ названіе *Этнянина*. Въ

* Еще гораздо прежде сочувствіе Державина къ Пиндару замѣчательнымъ образомъ выразилось въ стихахъ на празднество Потемкина (1791 г.), начинающихся словами:

Не такъ ли лира восхищенна,
Въ Пиндаровы цвѣтущи дни ...

и содержащихъ поэтическую характеристику пѣсней греческаго лирика. Вторая строфа этихъ стиховъ представляетъ любопытное сходство въ образахъ съ 2-ою же строфою помѣщаемой здѣсь оды (см. томъ I, стр. 272).

** Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ* говоритъ, что онъ пользовался также переводомъ Рамлера; но Рамлеръ, сколько извѣстно, не переводилъ Пиндара; эту оду перевелъ, прежде Гедике, Фоссъ (въ Deutsches Museum, янв. 1777): не его ли переводъ былъ также въ рукахъ нашего поэта?

Digitized by Google

26-ую и 27-ую пиѳіаду онъ побѣдилъ въ ристаніи, въ 29-ую — на колесницѣ, и на послѣднюю побѣду сочинена эта ода. 29 пиѳіада соотвѣтствовала 474 году до Р. Х. Городъ Этна былъ основанъ за два года до того. Нѣсколько ранѣе, около времени вступленія Гіерона на престолъ, начались изверженія Этны; на нихъ есть намеки въ этой одѣ. Въ томъ же году, когда Гіеронъ одержалъ эту побѣду, къ нему приходили послы изъ города Кумъ въ Италіи просить помощи противъ морскихъ силъ Этрусковъ. Гіеронъ подкрѣпилъ Кумы своимъ флотомъ, Этруски были разбиты, и флотъ возвратился домой съ торжествомъ. На эту побѣду намекаетъ настоящая ода (Pindar's Werke, griechisch mit metrischer Uebersetzung etc. von J. A. Hartung. Leipzig, 1855, ч. II, стр. 194). Замѣтимъ впрочемъ, что воспѣваемая здѣсь побѣда на пиѳійскихъ играхъ была одержана не самимъ Гіерономъ, а только его колесницей и конями; онъ же оставался дома (см. строфу 16).

Эта ода была напечатана въ *Вѣстникѣ Европы*, въ февралѣ 1803 г. (ч. VII, № 4, стр. 268), съ подписью *Державинъ*, подъ заглавіемъ: Первая Пиндарова пиѳическая пѣснь Этнянину Хирону, королю сиракузскому, на побѣду его колесницы. Державинъ тогда только что вступилъ въ должность министра юстиціи, и по этому поводу Карамзинъ, не зная, что переводъ сдѣланъ уже три года передъ тѣмъ, замѣтилъ внизу страницы: «Любители русскаго стихотворства порадуются, что славный поэтъ нашъ и среди важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ еще занимается Музами. Онѣ не могутъ упрекать любимца своего неблагодарностью. К.» О томъ, что Державинъ переводилъ изъ Пиндара, было заявлено въ *Вѣстникѣ Европы* уже за нѣсколько мѣсяцевъ до того, именно въ сентябрѣ 1802 года (ч. V, № 17, стр. 28), *стихами Г. Р. Державину на переводъ Пиндара*, подъ которыми означено: *Присланы изъ Петербурга*. Въ нихъ авторъ, подписавшійся Дмитрій Барановъ *, доказываетъ, что такой талантъ, какъ Державинъ, не долженъ переводить:

«Державину ль искать въ чужихъ странахъ примѣра?
Тому ли подражать, кто самъ примѣромъ сталъ?
Маронъ въ отечествѣ не перевелъ Гомера,
Съ Вандиковыхъ картинъ Корреджій не писалъ.
Пусть славитъ Греція элидски колесницы!
Кто духъ Горація съ Пиндаромъ съединилъ,
Къ лирическимъ красамъ путь новый намъ открылъ,
Кто подвиги гремѣлъ безсмертныя Фелицы,
Кто гласомъ Аонидъ героевъ россихъ пѣлъ, —
Того померкнутъ ли въ отечествѣ картины?
И еслибы теперь родился другъ Коринны (*т. е. Пиндаръ*).
Не онъ ли бы тебя, Державинъ, перевелъ?»

* Хорошій стихотворецъ, помѣстившій между прочимъ въ *Аонидахъ* Карамзина (кн. II) переводъ волтеровой сатиры «Le mondain», подъ заглавіемъ: *Любитель нынѣшняго свѣта*. Приводимые здѣсь стихи его къ Державину перепечатаны Жуковскимъ въ *Собраніи Руских стихотвореній* (Т. V), съ полною подписью автора.

Настоящій переводъ сдѣланъ едва ли безъ примѣненія къ современнымъ обстоятельствамъ, хотя въ *Объясненіяхъ* Державина о томъ и не сказано. Въ изданіи 1808 г. (ч. II, xxxIII) пѣснь Пиндара, кажется, не даромъ помѣщена между одой *На восшествіе на престолъ императора Александра* и *Гимномъ Кротости*: нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что подъ больнымъ Хирономъ поэтъ разумѣлъ Суворова. Легко также отыскать въ одѣ намеки на императора Павла и на вел. кн. Александра Павловича.

[2] Ты можешь молньи потушить.

Чтобъ показать, какъ переводилъ Державинъ, выпишемъ здѣсь начало перевода Гедике, служившаго ему подлинникомъ:

«Goldene Harfe Apollons, du der violenlockigen Musen mitgebietende Lenkerin, deinen Ackorden horchet der Tanz, der Freudenfürst, horchen die Sänger, wenn du, beherrschend den Chor, seinem Gesang voranzuhallen beginnst.

«Selbst des ewigen Feuers spaltenden Blitz löschest du aus. Oben auf Jupiters Zepter schlummert der Adler, der Vögel König, die schnellen Schwingen auf beiden Seiten hinabgebreitet. Dunkle Nacht, der Augenlieder süsse Fessel, geusst du hin über sein gebognes Haupt. Schlummernd hebt er den wiegenden Rücken empor, von deiner Töne Geschossen besiegt».

[3] Трепещетъ и Тифей стоглавый.

«По баснословію, Тифей — чудовищный исполинъ, со ста змѣиными главами, который воевалъ противъ боговъ, а особливо противъ Юпитера, повергшаго его наконецъ подъ тяжесть горы Этны, и онъ-то дѣлаетъ изъ оной толь ужасныя пламенныя изверженія» (*Об.* Д. по Гедике).

[4] Кильмійской оглашенной бездной.

Въ Киликіи, малоазійской области, земля родила Тифея; тамъ и жилъ онъ послѣ въ пещерѣ, получившей по этому извѣстность (Гедике). Въ нѣмецкомъ переводѣ: «Ihn nährte einst Kilikia's verrufene Kluft».

[5] Какъ Этной къ листомрачну верху ...

У Гедике: «Fürchterlich auch nur vom Pilger zu hören, wie er an Aetna's schwarzbeschattenem Gipfel und am Grunde gekettet liegt». *Листомрачный* верхъ соотвѣтствуетъ выраженію подлинника μελαμφύλλοις κορυφαῖς, что Гартунгъ переводитъ dunkellaubiger Gipfel.—Въ 8-й строфѣ стихи 4 и 5 соотвѣтствуютъ нѣмецкому выраженію: «dessen nahegränzende Namenstadt ihr glorreicher Bevölker (*поселитель*) verherrlichte».

[6] О Фебъ, Лицея повелитель.

«O Phöbus, Lykias und Delos Beherrscher»: Аполлонъ былъ особенно почитаемъ въ *Ликіи* и на островѣ Делосѣ. Впрочемъ *Лицей* былъ названъ такъ по имени близлежащаго храма Аполлона Ликійскаго.

[7] Блаженства лишь они дождятъ.

Ср. въ одѣ *На пріобрѣтеніе Крыма* (томъ I, стр. 126):

То воплощенно божество,
Которое дождитъ блаженства,

и въ *Провидѣніи* (тамъ же, стр. 396): Блаженствами дождятъ благихъ.

Digitized by Google

[8] Гдѣ съ нимъ никто, кромѣ Гелона.

Гелонъ — братъ Гіерона; они вмѣстѣ одержали при Гимерѣ побѣду надъ Карѳагенянами. Объ этомъ упомянуто у Гедике въ примѣчаніи, но въ текстѣ самой оды нѣтъ имени Гелона.

[9] Снабженный лукомъ, Фисовъ сынъ.

Не Фисовъ, а Пеасовъ (Pöas). — Филоктетъ, который, бывъ раненъ въ ногу отравленной стрѣлой Геркулеса, страдалъ въ Лемносѣ, пока не явились за нимъ Улиссъ и Неоптолемъ и не исцѣлилъ его сынъ Эскулапа. Съ нимъ сравнивается Гіеронъ потому, что и онъ во время прославляемаго торжества былъ боленъ. Оставшись при войскѣ, онъ ввѣрилъ управленіе города Этны своему сыну.

[10] Восхити духъ и Диноменовъ.

Диноменъ — сынъ Гіерона.

[11] Кому Хиронъ воздвигъ сей градъ *и проч*.

Гіеронъ назначилъ сына своего намѣстникомъ возобновленнаго города Этны. *Хилійскіе права* (Hyllische Gesetze) значитъ пелопонезскіе законы, ибо Пелопонезъ былъ покоренъ Гераклидами, которыхъ первымъ предводителемъ былъ Гиллусъ, сынъ Геркулеса. Новое населеніе города Этны составляли выходцы изъ Пелопонеза, потомки Гераклидовъ, между которыми былъ и Памфилъ, сынъ Эгима. Пиндаръ говоритъ, что жители Этны остались вѣрны обычаямъ древнихъ Дорійцевъ, пришедшихъ съ Гераклидами въ Пелопонезъ. Потомъ онъ точнѣе обозначаетъ мѣсто, откуда пришли поселенцы города Этны, именно хребетъ Тайгетскій, при подошвѣ котораго лежалъ городъ Amyklä; этотъ городъ покорили Дорійцы, спустившись, подъ предводительствомъ Гераклидовъ, съ горы Пинда, т. е. съ прилежащей къ нему области Дориды. Амиклы находились близъ Спарты, родины Тиндаридовъ, Кастора и Поллукса; слѣдовательно новые поселенцы города Этны были, до прихода въ Сицилію, какъ бы сосѣдями Тиндаридовъ. Неточность выраженій Державина въ 18 строфѣ конечно не ускользнетъ отъ внимательнаго читателя.

[12] И на Аменовыхъ водахъ.

Amenas, рѣка протекавшая чрезъ городъ Этну.

[13] Ни Тирянъ, ни Финикьянъ днесь.

Тирянъ вм. Тирренянъ, т. е. Этрусковъ. Подъ *Финикіянами* разумѣются здѣсь Карѳагеняне; подъ княземъ Сиракузъ — братъ Гіерона, Гелонъ (см. выше примѣч. 8), царствовавшій тамъ прежде Гіерона.

[14] И Грецію отъ рабства спасъ.

Карѳагеняне были въ союзѣ съ Персами.

[15] Звукъ Диноменовыхъ сыновъ —

т. е. Гіерона и Гелона, которыхъ отца звали также Диноменомъ. О Гимерѣ см. выше примѣч. 8.

[16] Коль паче чужеземныхъ честь.

Гіеронъ былъ собственно уроженецъ не Сиракузъ, а Гелы. Три послѣдніе стиха очень вѣрно передаютъ переводъ Гедике: «heimlich drückt

Digitized by Google

der Ruhm des Mitbürgers dem Neider das Herz, der Ruhm des Fremdlings am meisten». Но Гартунгъ такъ переводитъ: «Von fremden Verdiensten zu hören, drückt den Muth insgeheim beneidender Bürger herab» —

ἀστῶν δ' ἀκοὰ κρύφιον
θυμὸν βαρύνει μάλιστ' ἐσλοῖσιν ἐπ' ἀλλοτρίοις.

Для объясненія смысла этихъ стиховъ въ устахъ Державина см. выше, стр. 183, замѣчаніе его объ отношеніи императора Павла къ Суворову.

---

64. ГИТАРА[1].

Шестиструнная гитара, 1
У красавицы въ рукахъ,
Громы звучнаго Пиндара
Заглушая на устахъ,
Мнѣ за гласомъ звонкимъ, нѣжнымъ[a]
Пѣть велитъ любовь.

Я пою подъ миртой мирной, 2
На красы ея смотря,
Не завидую обширной
Власти самаго царя:
Взглядъ одинъ ея мнѣ нѣжный
Всѣхъ милѣй чиновъ.

Пусть вожди въ бояхъ дерутся, 3
Въ думахъ бара брань ведутъ;
Алыхъ устъ ея коснуться,
Вся моя побѣда тутъ:
Поцѣлуй ея мнѣ нѣжный
Выше всѣхъ даровъ.

Пусть герой свой блескъ сугубитъ, 4
Ждетъ безсмертія отликъ[2];
Милая меня коль любитъ, —
Мнѣ блаженнѣй вѣка мигъ,
И ея объятья нѣжны
Всѣхъ свѣтлѣй вѣнцовъ.

[a] Мнѣ за гласомъ ея нѣжнымъ (1804).

---

[1] Написана для Авдотьи Семеновны Жегулиной (Об. Д.). Жегулина вышла за-мужъ за генералъ-маіора Ивана Захаровича Ершова. Подъ старость она жила въ Симферополѣ и, не смотря на преклонныя лѣта,

Digitized by Google

занималась еще музыкой, пѣла громкимъ и чистымъ голосомъ. Она умерла въ Москвѣ, въ сентябрѣ 1863 г., лѣтъ около 80-ти отъ роду, сохранивъ почти до конца всѣ умственныя способности (М. Лонгиновъ).

Напечат. въ *Анакр. пѣсн.* 1804 г., стр. 142, и въ изд. 1808, ч. III, LXXXVII.

[2] Ждетъ безсмертія отликъ.

Отлика, простонародное слово, значитъ по академическому Словарю отмѣна, различіе, но здѣсь употреблено вмѣсто: *отличіе*.

---

65. Снигирь [1].

Что ты заводишь пѣсню военну, 1
Флейтѣ подобно, милый Снигирь?
Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на гіену?
Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ.

Кто передъ ратью будетъ, пылая [а], 2
Ѣздить на клячѣ, ѣсть сухари [2];
Въ стужѣ и въ знoѣ мечъ закаляя [б],
Спать на соломѣ, бдѣть до зари;
Тысячи воинствъ, стѣнъ и затворовъ,
Съ горстью Россіянъ все побѣждать [в]?

Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ [3]; 3
Шутками зависть, злобу штыкомъ [4],
Рокъ низлагать [г] молитвой и Богомъ;
Скиптры давая, зваться рабомъ;
Доблестей бывъ страдалецъ единыхъ [д],
Жить для царей, себя изнурять?

Нѣтъ теперь мужа въ свѣтѣ столь славна: 4
Полно пѣть пѣсню военну [е], Снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна:
Слышенъ отвсюду томный [ж] вой лиръ;
Львинаго сердца, крыльевъ орлиныхъ
Нѣтъ уже съ нами [з]! Что воевать?

[а] Кто будетъ пѣшій съ ратью ходить (1805).
[б] Въ стужѣ и въ знoѣ душу калить.
[в] Съ горстью Россіянъ вмигъ побѣждать?
Быть въ судѣ первымъ ...
[г] Рокъ поражать ...
[д] Доблестей только жертвой единыхъ.

Digitized by Google

[6] ... пѣсни военны ...
[7] ... томныхъ вой лиръ.
[8] Нѣтъ у насъ вождя ...

---

[1] Эти элегическіе стансы написаны по случаю кончины Суворова, послѣдовавшей 6-го мая 1800 г., въ квартирѣ племянника его, графа Д. И. Хвостова (см. выше стр. 189), жившаго на Крюковомъ каналѣ за Торговымъ мостомъ противъ Никольскаго рынка, въ домѣ, который нынѣ принадлежитъ г-жѣ Лобановой*. У поэта былъ снигирь, умѣвшій пѣть одно колѣно военнаго марша; когда «по преставленіи сего героя» поэтъ возвратился домой и услышалъ, что птичка его поетъ военную пѣснь, то и написалъ эти стихи въ память славнаго полководца (*Об.* Д.). Въ *Ключѣ къ соч. Держ.* (стр. 86) сказано: «Пѣснь сія написана тотчасъ по кончинѣ Суворова. Авторъ былъ при оной и, возвратясь домой, услышалъ, что ученый снигирь его напѣваетъ маршъ». Ѳ. П. Львовъ въ изданіи *Объясненій* употребляетъ только выраженіе *по кончинѣ Суворова*. Неизвѣстно, на какомъ основаніи въ смирдинскій комментарій (по большей части только повторяющій Львова) вошло свѣдѣніе, будто Державинъ написалъ эту пьесу по возвращеніи съ п о х о р о н ъ Суворова.

На другой день послѣ смерти генералиссимуса поэтъ писалъ Н. А. Львову въ Москву (см. въ нашемъ изданіи переписку Державина): «Герой нынѣшняго, а можетъ быть, и многихъ вѣковъ, князь Италійскій, съ такою же твердостію духа, какъ въ многихъ сраженіяхъ встрѣчалъ смерть, вчерась въ 3 часа по полудни скончался. Говорятъ, что хорошо это съ нимъ случилось. Подлинно, хорошо — въ такой славѣ внѣ, и въ такомъ неуваженіи внутрь окончить вѣкъ! Это истинная картина древняго великаго мужа. Вотъ урокъ, вотъ что есть человѣкъ!» — Въ тотъ же день Державинъ писалъ оренбургскому губернатору, Ивану Онуфріевичу Курису: «Письмо ваше князю Италійскому доставилъ. Я думаю, уже вы получили отвѣтъ отъ г. Хвостова. Но къ крайнему оскорбленію всѣхъ, вчерась по полудни въ 3 часа героя нашего не стало. Онъ съ тою же твердостію встрѣтилъ смерть, какъ и много разъ встрѣчалъ въ сраженіяхъ. Кажется, подъ оружіемъ она его коснуться не смѣла. Н ашла время, когда уже онъ столь изнемогъ, что потерялъ всѣ силы, не говорилъ и не глядѣлъ нѣсколько часовъ! Что дѣлать? хищницѣ сей никто противустоять не можетъ. Только безсильна истребить она славы дѣлъ великихъ, которыя навѣки останутся въ сердцахъ истинныхъ Россіянъ. Я препровождаю вамъ экземпляръ Перехода его чрезъ Альпы (т. е. оды на этотъ предметъ, см. выше стр. 173). Можетъ быть, найдете хотя одну черту души его и качествъ, которыя вамъ столь много извѣстны».

Державинъ обратилъ на себя вниманіе героя еще въ пугачевщину (1774 г.): Суворовъ, преслѣдуя злодѣя, услышалъ общія похвалы молодому

* Такъ показываетъ авторъ *Исторіи войны въ 1799 г.* (т. V, стр. 220). Тимковскій же означаетъ слѣдующимъ образомъ домъ, гдѣ умеръ Суворовъ: «по улицѣ къ Новому рынку, лицомъ на Сѣнную площадь» (*Мое поступленіе въ службу*, *Москвитянинъ* 1852, № 20, стр. 57).

Digitized by Google

гвардейскому офицеру, который отличался распорядительностью и храбростью, и кажется, вскорѣ послѣ того эти два необыкновенные человѣка сблизились (см. нашу статью *Державинъ и графъ Петръ Панинъ*, въ *Спб. Вѣдомостяхъ* 1863 г. № 210). Дружескія между ними отношенія продолжались до самой кончины фельдмаршала. За нѣсколько дней до нея Державинъ былъ у Суворова, который въ разговорѣ между прочимъ спросилъ у него: «Какую же ты мнѣ напишешь эпитафію?» — По моему, много словъ не нужно, отвѣчалъ Державинъ: довольно сказать: *Здѣсь лежитъ Суворовъ**. — «Помилуй Богъ, какъ хорошо!» произнесъ герой съ живостью, хотя и слабымъ уже голосомъ, пожимая руку поэта. Извѣстно, что мысль Державина была принята и что на гробницѣ Суворова дѣйствительно находится эта простая надпись: впослѣдствіи распространенная, она въ 1852 г. возстановлена въ прежнемъ видѣ (*Ист. войны въ 1799 г.*). Суворовъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Благовѣщенія. Похороны происходили въ Николинъ день. Императоръ Павелъ ожидалъ погребальное шествіе на Невскомъ проспектѣ у Публичной библіотеки и, снявъ шляпу передъ гробомъ, проронилъ нѣсколько слезъ, которыя должны были искупить незаслуженный гнѣвъ, повергнувшій огорченнаго старца въ могилу. Державинъ вполнѣ понималъ Суворова, любилъ и уважалъ его за доброе сердце и искреннее благочестіе; въ пьесѣ *Снигирь* слышится непритворное чувство. Одному изъ извѣстныхъ нашихъ писателей приходило на мысль, не разумѣлъ ли Державинъ подъ Снигиремъ Карамзина, который писалъ стихи на войну съ Французами. Дѣйствительно, очень кстати было бы спросить по этому поводу у Карамзина:

Что ты заводишь пѣсню военну,
Флейтѣ подобно, милый Снигирь?

Но предположеніе это падаетъ при ближайшей справкѣ, показывающей, что *Пѣснь воиновъ* сочинена Карамзинымъ не прежде 1806 года. *Гіеной* поэтъ называетъ французскую революцію, которую онъ въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ (напр. въ одѣ *Орелъ*, см. выше стр. 154) означаетъ именемъ *гидры:* «гіена — злѣйшій африканскій звѣрь», говоритъ онъ въ *Объясненіяхъ*.

Г. Погодинъ доставилъ намъ любопытный списокъ пьесы *Снигирь*, писанный очевидно въ первое время послѣ смерти Суворова, — на листкѣ почтовой бумаги съ траурнымъ кантикомъ.

Напечат. въ *Другѣ Просв.* за іюнь 1805 г. (ч. II, стр. 186), подъ заглавіемъ: Къ Снигирю. По кончинѣ князя Суворова, безъ подписи и съ примѣчаніемъ въ выноскѣ: «Сія пьеса прислана отъ неизвѣстнаго»; потомъ въ изд. 1808 г. ч. II, xxviii. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за февраль 1808 г. (ч. I, стр. 202) помѣщены стихи, подписанные К. З., подъ заглавіемъ: «Къ Г. Р. Державину по случаю кончины Суворова» (три строфы въ пятистопныхъ, въ то время еще мало употребительныхъ ямбахъ). Статью о послѣднихъ дняхъ Суворова см. въ *Спб. Архивѣ* 1822 г. № 10.

* Въ *Стихотвореніяхъ* Гнѣдича (Спб. 1832, стр. 204) есть *Надпись къ гробу Суворова:* «Ты ищешь монумента? — Суворовъ здѣсь лежитъ».

Digitized by Google

[2] Ѣздить на клячѣ, ѣсть сухари.

«Суворовъ, воюя въ Италіи, въ жаркіе дни ѣздилъ въ одной рубашкѣ предъ войскомъ на казачьей лошади, былъ по обыкновенію своему не прихотливъ въ кушаньи и часто ѣдалъ сухари; въ стужѣ и въ зноѣ, безъ всякаго покрова, какъ бы закалялъ себя подобно стали; спалъ на соломѣ или на сѣнѣ, вставалъ на зарѣ, а когда нужно было еще ранѣе предпринять ночную экспедицію на непріятеля, то самъ кричалъ пѣтухомъ, дабы дать знать, что скоро заря и что пора выступать, какъ объявлено было въ приказѣ, по первому крику пѣтуховъ» (*Об.* Д.).

[3] Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ.

Укажемъ въ этомъ стихѣ на любопытный случай неупотребительной формы будущаго, которая однакожъ не бросается въ глаза потому, что глаголъ *будетъ* не повторяется передъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ.

[4] Шутками зависть, злобу штыкомъ *и проч.*

Державинъ совершенно понималъ притворную шутовскую оригинальность, которою Суворовъ съ намѣреніемъ прикрывалъ геніальный умъ и необыкновенное соображеніе. Суворовъ самъ ему сознался, что притворяется для того, чтобы, смѣясь надъ нимъ и считая его дуракомъ, менѣе ему завидовали. Почти передъ самою смертью его случился при немъ разговоръ о Наполеонѣ; когда кто-то назвалъ послѣдняго великимъ, Суворовъ слабымъ голосомъ сказалъ: *Тотъ не великъ еще, кого таковымъ почитаютъ.*

Употребляя въ военныхъ дѣйствіяхъ чаще всего штыкъ, Суворовъ по видимому поступалъ жестоко, и многіе за это считали его варваромъ; но въ сущности онъ слѣдовалъ тутъ совсѣмъ другимъ побужденіямъ: онъ говорилъ, что въ непріятелѣ надобно поселить ужасъ, — тогда онъ скорѣй покорится и тѣмъ пресѣчется кровопролитіе; противоположный образъ дѣйствія можетъ только продлить войну на многіе годы, въ теченіе которыхъ прольется гораздо болѣе крови, нежели въ одномъ рѣшительномъ сраженіи. Суворовъ былъ набоженъ въ душѣ и твердо убѣжденъ, что счастіе человѣка исходитъ только отъ воли Божіей (*Об.* Д.).

---

66. ГИМНЪ САФЫ ВЕНЕРѢ [1].

Безсмертная Венера!
Всечтимая богиня,
Юпитерова дщерь,
Которая прельщаешь
Сердца всѣхъ земнородныхъ!
Не мучь души моей
Скукъ бременемъ, печалей,
Тебя въ томъ заклинаю;
Но пріиди ко мнѣ,
Какъ приходила прежде,

Digitized by Google

И именемъ Амура
Услышь мольбу мою,
И будь благопріятна,
И будь мнѣ милосерда,
Какъ нѣкогда была,
Когда ты оставляла
Домъ отчій позлащенный
И на твоей ко мнѣ
Роскошной колесницѣ
Съ Олимпа низлетала.
Легко съ высотъ ее
По воздуху носили
На рѣзвыхъ, быстрыхъ крыльяхъ,
Порхая, воробьи, —
И, кончивъ быстротечно
Свое они ристанье,
Съ ней возвращались вспять.
Тогда ты, всеблагая,
Своимъ лицомъ небеснымъ
Осклабясь на меня
Умильно, вопрошала:
О чемъ я такъ тоскую[a],
Зачѣмъ звала тебя
И коимъ средствомъ можно
Тревожный, заблужденный
Спокоить разумъ мой?
Кого я, бывъ влюбленна,
Желала бы увѣрить,
Разжалобить, смягчить
И удержать въ оковахъ?
«Кто тотъ неблагодарный»,
Ты такъ вѣщала мнѣ,
«Любезнѣйшая Сафа,
Тебя что презираетъ?
Тебѣ не внемлетъ кто?
Онъ ежели безчувственъ,
Не нѣженъ, не привѣтливъ
И отъ тебя бѣжитъ, —
Самъ бѣгать за тобою,

Искать тебя онъ станетъ;
Когда отвергъ твой даръ,
Пришлетъ тебѣ самъ дары;
Когда тебя не любитъ,
Полюбитъ столько вмигъ,
Сколь ты сама захочешь». —
Итакъ приди, Венера!
Приди ко мнѣ, спаси,
Освободи жестокихъ
Томленій, грусти, муки[б]!
Сверши и увѣнчай
Руки своей ты дѣло!
И все, чего желаетъ,
Дай сердцу моему.
Приди! возьмись, богиня,
Ты заступить собою
И защитить меня.

[а] О томъ, чѣмъ я страдаю (1804).
[б] Томленіевъ и муки.

---

[1] Изъ двухъ дошедшихъ до насъ одъ Сафо одна переведена Державинымъ довольно близко (см. выше стр. 27); настоящее стихотв. есть вольный переводъ другой, которую позднѣе Мерзляковъ перевелъ анапестомъ (*Подражанія и переводы*, Москва, 1826, ч. II, стр. 57). Тѣмъ же размѣромъ сдѣланъ въ новѣйшее время переводъ г. Водовозова, напечатанный въ концѣ статьи его: *Анакреонъ* (*Современникъ* 1857 г., № VIII). Тотъ и другой перевели обѣ оды Сафо, которыя при жизни Державина явились также въ упомянутыхъ нами выше, стр. 150, *Подражаніяхъ древнимъ, Николая Эмина*. Наконецъ въ 1808 г. напечат. въ Петербургѣ книжка подъ заглавіемъ: *Стихотворенія Сафы, объясненныя примѣчаніями, перевелъ В. Ан—чъ* (Анастасевичъ); но объ этой книжкѣ слѣдуетъ повторить замѣченное нами (стр. 29, въ выноскѣ) о подобномъ изданіи П. И. Голенищева-Кутузова.

Для незнающихъ подлиннаго *Гимна Сафо* переводимъ его буквально: «Пышнотронная, безсмертная Афродита, дитя Зевса! молю тебя, владычица, не изнуряй души моей муками и печалями. Но приди, такъ какъ ты и прежде выслушивала зовъ моей любви и, оставивъ золотой домъ отца, запрягала свою колесницу, и тебя везли быстрыя птицы, прилежно ударяя крыльями, съ неба на черную землю, черезъ все пространство эѳира. Вотъ уже и спустились: ты же, блаженная, улыбаясь безсмертнымъ лицомъ, спрашивала, чтò со мною, зачѣмъ я тебя звала и чего желаю для своего безумнаго сердца, кого хочу убѣдить и завлечь въ

Digitized by Google

свои сѣти: «Кто же, Сафо, тебя оскорбилъ? если онъ тебя бѣжитъ, скоро «будетъ тебя преслѣдовать; если не принимаетъ даровъ, онъ тебѣ пред«ложитъ свои; если не любитъ, скоро полюбитъ, хотя бы ты того не же«лала». Приди же ко мнѣ теперь и освободи отъ тяжелой заботы, и къ чему стремится мое сердце, все то доставь ему, и сама будь моей соратницей».

Переводъ Державина напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 135, и въ изд. 1808 г., ч. III, LXXXIV.

---

67. ПТИЦЕЛОВЪ[1].

Эротъ, чтобъ слабымъ старикомъ
Казаться, гуню[а] вздѣлъ худую,
Покрылся бѣлымъ парикомъ
И, бороду себѣ сѣдую
Привѣся, посохъ въ руки взялъ.
Пошелъ въ лѣсу ловить дичину
И тамъ по сучьямъ раскидалъ
Такъ хитро сѣть, какъ паутину;
А нужно гдѣ, то и златой
Разсыпалъ по мѣстамъ пшеницы,
Чтобы приманкою такой
Скорѣе побуждались птицы[б]
Слетаться въ потаенну сѣть.
Лишь столъ увидѣли богатый,
Не позамедлили летѣть[в]
Къ нему различныя пернаты,
И носиками ну клевать,
Ну зоблить зерна золотыя, —
А тутъ же въ сѣти попадать[г]
И путаться, какъ бы слѣпыя.
Эротъ, смекнувъ, что у одной
Голубки хвостикъ увязился
Во ячею и съ головой,
Вспорхнулъ — и къ добычѣ пустился[д],
Сверкнулъ, какъ огненна стрѣла,
И въ сердце вмигъ ея вонзился:
Ручьемъ кровь ала потекла.
Ахъ! не клевать было пшеницы
Вамъ, бѣднымъ пташкамъ, золотой!

Digitized by Google

Не вѣрьте, красныя дѣвицы,
Впередъ и бородѣ сѣдой[е]!

[а] ... ризу ... (Первон. рукоп.).
[б] Скорѣй къ нему слетались птицы (1804).
(Слѣдующаго въ текстѣ стиха вовсе не было).
[в] ... слетать.
[г] ... увязать.
[д] Вскочилъ изъ-за куста, вспрямился,
Вспылалъ ...
[е] И вы впредь бородѣ сѣдой.

---

[1] Въ первоначальной рукописи эта пьеса озаглавлена *Эротъ-птицеловъ*. Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 89, и въ изд. 1808 г., ч. III, LII.

Встрѣчающееся во второмъ стихѣ слово *чуня*, по объясненію Державина, — «простонародное названіе худаго крестьянскаго платья».

---

68. НА ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I[1].

1801.

Вѣкъ новый! Царь младый, прекрасный 1
Пришелъ днесь къ намъ весны стезей!
Мои предвѣстья велегласны
Уже сбылись, сбылись судьбой[а].
Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздухъ вѣютъароматъ;
На лицахъ Россовъ радость блещетъ,
Во всей Европѣ миръ цвѣтетъ.

Желанный всѣми неба житель, 2
Ты, Миръ, пришелъ къ намъ наконецъ;
Народовъ многихъ утѣшитель,
Отрада царствъ, покой сердецъ,
Пришелъ къ намъ ангелъ благодатный.
Коль шествіе твое красно[2]!
Коль намъ лучи твои пріятны!
Тобою все оживлено.
Се время намъ благопоспѣшно,
Се день спасенья и утѣхъ!

Уныла Муза, въ дни Борея 3
Дерзавшая вслухъ пѣсни пѣть,
Блаженству общему радѣя,

Уроки для владыкъ гремѣть!
Передъ царемъ, днесь благосклоннымъ,
Взявъ лиру, прахъ съ нея стряси,
И сердцемъ радостнымъ, свободнымъ
Вѣщай, греми, звучи, гласи
Того ты на престолъ вступленье,
Кого воспѣлъ я въ пеленахъ.
Уже, какъ путникъ утомленный, 4
Прешедшій дальный, тѣсный путь,
На лугъ, древами осѣненный,
Возлегъ отъ зноя отдохнуть
И внемлетъ вѣтерковъ дыханье,
Шумъ быстрыхъ водъ, цвѣты вокругъ
И нимфъ и птицъ совосклицанье:
Такъ мой весельемъ полный духъ,
Подъ скипетромъ твоимъ покоясь,
Прохладой дышитъ и поетъ.
На темный, вижу, шаръ подлунный 5
Съ равнинъ небесныхъ, горнихъ мѣстъ
Овенъ младый, золоторунный[3]
Незапно вшелъ и сталъ средь звѣздъ.
Не кротости ль символъ въ немъ зрится?
Не возрожденье ль прежнихъ благъ?
Екатерина воскресится
Знать Александра въ временахъ:
Такъ, такъ! она во внукѣ будетъ
Надъ нами царствовать вовѣкъ.
Осанка, скромность и пріятность, 6
Ея въ немъ виденъ духъ и умъ:
Усердье, ревность къ нимъ и святость
Въ полсвѣтѣ воздвигаютъ шумъ.
«Смотри!» другъ другу всякъ вѣщаетъ:
«Не образъ ли ея на немъ?
Ужъ по законамъ обѣщаетъ
Онъ быть, по сердцу ей, царемъ[4]».
О радость! духъ восторгъ объемлетъ:
Се вижу — въ облакахъ она
Стоитъ въ порфирѣ и вѣщаетъ, 7
Сквозь дверь небесну долу зря:

Digitized by Google

«Се Небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ царя. —
Внимать вы прежде не хотѣли
И презрѣли мою любовь;
Вы сами отъ себя терпѣли,
Я нынѣ васъ спасаю вновь[5]».
Рекла, — и тѣнь ея во блескѣ,
Какъ радуга, сокрылась въ свѣтъ.
Но что? Во плескахъ, восклицаньяхъ[6] 8
Ликующей толпы людей,
Духъ погружается въ стенаньяхъ,
На тлѣнность зря мірскихъ вещей!
Такъ: что̀ престолъ, вѣнецъ, держава,
Власть, сила и сіянье благъ,
Когда спокойнаго нѣтъ нрава
И въ насъ свирѣпствуетъ нашъ врагъ?
Увы! на что полки и стѣны,
Коль насъ невинность не стрежетъ?
Народны вздохи, слезны токи, 9
Молитвы огорченныхъ душъ,
Какъ паръ возносятся высокій
И зараждаютъ громъ средь тучъ:
Онъ вержется, падетъ незапно
На горды зданіевъ главы.
Внемлите правдѣ сей сто́кратно,
О власти сильныя, и вы!
Внемлите — и тѣснить блюдитесь
Вамъ данный управлять народъ.
Нѣтъ, ангелъ кротости и мира, 10
Любимый сынъ благихъ небесъ!
Ты не таковъ: твоя порфира,
Отъ благодарныхъ нашихъ слезъ,
Какъ роза, окропясь росою,
Прекраснѣйшій раскинетъ цвѣтъ;
Благоухающій тобою,
Намъ въ чувства сладость принесетъ.
Эдемъ въ твоей узримъ супругѣ[6]
И рай во дщеряхъ и сынахъ.
Не на словахъ ты милосердье 11

Digitized by Google

Покажешь, — на дѣлахъ твоихъ;
Развратъ прогонишь, суевѣрье
Ты нравовъ чистотой святыхъ;
Посадишь мудрость ты съ собою,
Велишь ей научать себя;
Пройдешь съ народною толпою,
Проникнетъ правда до тебя;
Ты въ мирѣ брань готовить станешь,
Войну обнимешь тишиной.

Твой домъ пребудетъ безопасенъ 12
И внѣ и внутрь отъ всякихъ золъ;
Не златомъ, — доблестью прекрасенъ
И твердъ на вѣрности престолъ.
Въ чертогахъ ужасъ да не кажетъ
Мечъ нагъ и лукъ съ стрѣлой въ рукахъ;
Любовь народная возляжетъ
На стражѣ при твоихъ вратахъ;
Спокойный сонъ твой оградится
Незыблемой стѣной сердецъ.

Не смѣютъ хитрость, лесть касаться 13
И разстилать тебѣ сѣтей;
Ихъ жены, дѣти ополчатся
Для безопасности твоей:
Доброта платится добротой,
А злоба злобѣ воздаетъ.
Твоею милостью, щедротой
Любимецъ твой весь будетъ свѣтъ.
Какъ солнце, тронъ твой утвердится;
Какъ небо, будутъ дни твои.

Какъ тихія рѣки токъ чистый, 14
Они предъ нами потекутъ;
Сверкающи струи сребристы
Міръ въ удивленье приведутъ:
Блаженствомъ напоятся селы,
Богатствомъ — городовъ брега,
Въ далекіе пойдутъ предѣлы
Поля цвѣтущи и луга;
Любезно эхо пронесется
Въ неизмѣримости морей.

Digitized by Google

О Боже! Ты внушилъ рыданье[7]
И бѣдства наши прекратилъ:
Днесь тѣхъ же слезъ Ты изліянье
Прими, какъ запахъ отъ кадилъ.
Отъ стоновъ — Ты велѣлъ быть грому,
Отъ радостей — лучи спусти,
И августѣйшему Ты дому
Печаль въ утѣхи обрати.
Какъ дождь сквозь солнце, да снисходитъ
Благословенье къ намъ Твое!

[а] ... тобой (Рукоп.).
[б] Но что? средь плесковъ, въ восклицаньяхъ.

---

[1] Въ рукописи заглавіе такое: «Ода на всерадостное на престолъ восшествіе императора Александра Перваго, случившееся 12-го марта, когда солнце въ знакъ Овна, на путь весны вступило и началося новое столѣтіе *, 1801 года». Это событіе вызвало много другихъ одъ, между которыми вниманія заслуживаютъ особенно двѣ, написанныя: Херасковымъ (см. *Библіогр. Записки* 1858, № 9) и Карамзинымъ (см. его *Сочиненія*). Всѣ эти оды исчислены въ *Русск. Архивѣ* 1867, стр. 987.

О воодушевленіи Державина при воцареніи Александра I Вигель говоритъ: «Державинъ, геній и дитя, поэтъ и пророкъ, какъ Давидъ, видя на тронѣ воспѣтаго имъ при рожденіи порфиророднаго отрока, увлекался сладчайшими мечтами. Все, что происходило въ глазахъ его, слишкомъ отзывалось поэзіей, чтобъ ему не нравиться, и онъ съ благодарностію принялъ званіе министра юстиціи и все, что уцѣлѣло отъ генералъ-прокурорской должности» (*Русск. Вѣстн.* 1864, № 4, стр. 468).

Нѣкоторыя выраженія въ 1-й строфѣ этой оды имѣютъ отношеніе къ пьесѣ 1779 года (томъ I, стр. 50) *На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока*, «гдѣ изображается Борей съ сѣдыми волосами, который прогоняется взглядомъ новорожденнаго». Но враги Державина видѣли въ стихахъ 5-мъ и 6-мъ изображеніе покойнаго Государя и довели это до императрицы Маріи Θеодоровны. Авторъ отвѣчалъ, что могутъ думать какъ хотятъ, но что стихи эти въ связи съ названною пьесой. Тѣмъ не менѣе тогдашній генералъ-прокуроръ Беклешовъ ** запретилъ цензурѣ

* Конечно новое столѣтіе началось съ 1801-го, а не съ 1800-го года, какъ новый десятокъ начинается не съ 10-ти, а съ 11-ти. Поэтому Суворовъ 1-го января 1800 г. неправильно писалъ императору Павлу: «Все воинство в. и. в. въ сей первый день наступающаго года и *новаго вѣка* повергается со мною къ подножію милостями и щедротами озарившаго насъ престола» (Фуксъ, ч. III, стр. 632).

** Александръ Андреевичъ Беклешовъ, род. 1 марта 1743 г. (за четыре мѣсяца до Державина), ум. 24 іюля 1808, былъ уже при Павлѣ I короткое вре-

Digitized by Google

пропускать эту оду, и потому она напечатана тогда не была. Императоръ Александръ, съ своей стороны, прислалъ за нее поэту брильянтовый перстень въ 5000 рублей **, а впослѣдствіи императрица Елисавета Алексѣевна, полюбопытствовавъ прочитать рукописныя сочиненія Державина, не сдѣлала никакихъ замѣчаній на эту оду, которая притомъ тогда же была переведена на языки французскій (княземъ Бѣлосельскимъ), нѣмецкій и другіе. Потому и нельзя уже было не напечатать ее въ изд. 1808 г. (*Об.* Д.); см. ч. II, xxxii.

[2] Коль шествіе твое красно!

Ср. у Ломоносова такое же обращеніе къ Миру въ началѣ 8-й оды:

«Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина» *и проч.*

Замѣтимъ относительно 5-го стиха 4-й строфы, что въ изд. 1808 г. и въ рукописяхъ стоитъ, вѣроятно по недосмотру, *внемля* вм. *внемлетъ.*

[3] Овенъ младый, золоторунный.

Овенъ — символъ кротости и небесный знакъ марта мѣсяца, въ который случилось восшествіе на престолъ императора Александра Павловича (*Об.* Д.).

[4] Ужъ по законамъ обѣщаетъ
Онъ быть, по сердцу ей, царемъ.

Въ день восшествія на престолъ императоръ Александръ объявилъ манифестомъ, что онъ будетъ «править Богомъ врученный ему народъ по законамъ и по сердцу премудрой бабки своей». Вигель говоритъ: «Послѣ четырехъ лѣтъ воскресаетъ Екатерина отъ гроба въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена. Но нѣтъ, даже и при ней не знали того чувства благосостоянія, коимъ объята была вся Россія въ первые шесть мѣсяцевъ владычества Александра. Любовь ею управляла, и свобода вмѣстѣ съ порядкомъ водворились въ ней. Не знаю, какъ описать то, что происходило тогда: всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе» (*Русск. Вѣстн.* 1864, № 3, стр. 162).

[5] Я нынѣ васъ спасаю вновь.

Сколько извѣстно, было завѣщаніе, сдѣланное императрицей Екатериной, чтобъ послѣ нея царствовать внуку ея, Александру Павловичу (*Об.* Д.).

мя генералъ-прокуроромъ (1799—1800, см. выше стр. 199) и вновь назначенъ въ эту должность тотчасъ по вступленіи на престолъ Александра. «Нѣсколько такихъ людей какъ Беклешовъ были драгоцѣннѣйшее наслѣдство, оставленное Екатериной, и нѣкоторое время ими только и жила Россія» (*Воспом.* Вигеля, Русс. Вѣст. 1864, № 2, стр. 595).

** Есть преданіе, будто Государь, получивъ отъ Державина эту оду, сказалъ: «Пусть онъ вспомнитъ, что̀ писалъ при восшествіи на престолъ моего отца». Замѣтимъ однакожъ, что начало царствованія императора Павла, какъ у насъ въ своемъ мѣстѣ показано (см. выше стр. 16), возбуждало во всѣхъ самыя отрадныя надежды.

Digitized by Google

Какъ видно изъ рукописнаго текста въ тетрадяхъ Державина, первоначальная редакція этой строфы была другая, но онъ передѣлалъ ее передъ напечатаніемъ оды въ 1808 году. Прилагаемъ здѣсь зачеркнутыя и измѣненныя строки:

Стоитъ въ порфирѣ — и вѣщала,
Сквозь дверь небесну долу зря:
«Давно я зло предупреждала,
Назначивъ внука вамъ въ царя;
Но вы внимать мнѣ не хотѣли,
Забывъ мою къ себѣ любовь,
Напасти безъ меня терпѣли,
Я нынѣ васъ спасаю вновь».

Этотъ варіантъ былъ уже напечатанъ *въ Русск. Архивѣ* 1863 г. (№ 2), по доставленному А. Н. Аѳанасьевымъ рукописному сборнику покойнаго Д. И. Языкова, почти совершенно согласно съ находящеюся въ бумагахъ поэта редакціею. Въ связи съ содержаніемъ этихъ стиховъ Державинъ въ *Запискахъ* своихъ (*Р. Б.*, стр. 322) разсказываетъ изъ времени, когда онъ служилъ при Императрицѣ: «Графъ Безбородко, выпросясь въ отпускъ въ Москву и откланявшись съ Императрицею, вышедъ изъ кабинета ея, зазвалъ Державина въ темную перегородку, бывшую въ секретарской комнатѣ, и на ухо сказалъ ему, что Императрица приказала ему отдать нѣкоторыя секретныя бумаги, касательныя до великаго князя, то какъ пришлетъ онъ къ нему послѣ обѣда, чтобъ пожаловалъ и принялъ у него; но неизвѣстно для чего, никого не приславъ, уѣхалъ въ Москву, и съ тѣхъ поръ Державинъ ни отъ кого ничего не слыхалъ о тѣхъ секретныхъ бумагахъ. Догадывались нѣкоторые тонкіе царедворцы, что онѣ тѣ самыя были, за открытіе которыхъ, по вступленіи на престолъ императора Павла I, осыпанъ онъ отъ него благодѣяніями и пожалованъ княземъ».

[6] Эдемъ въ твоей узримъ супругѣ.

Императрица Елисавета Алексѣевна (см. томъ I, стр. 362 и 381) отличалась необыкновенною кротостью (*Об.* Д.).

[7] О Боже! Ты внушилъ рыданье.

Внушилъ, т. е. внялъ. Ср. томъ I, стр. 234, прим. 13.

Приложеніе.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ИВАНА АЛЕКСѢЕВИЧА ВТОРОВА,

веденнаго 1801 года, во время пребыванія его въ Москвѣ.

(Доставлено Н. И. Второвымъ *).

... «Надобно сказать о нашемъ любезномъ монархѣ, что милости его и кротость беспримѣрны. Здѣсь всѣ, какъ вновь одушевленные, чув-

* Ник. Ив. Второвъ ум. 1 дек. 1865 вице-директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутр. дѣлъ. Некрологъ его см. въ *Спб. Вѣд.* 1865 дек. 17 (въ Отчетѣ Геогр. общества) и въ *Сѣв. Почтѣ* около того же времени.

ствуютъ свободу человѣчества, всѣ восхищаются его щедротами и, наслаждаясь весною, забываютъ зимніе ужасы. Всѣ пишутъ въ похвалу его стихи и прозу, грамотные и безграмотные, кто какъ умѣетъ; и (чего никогда не бывало) пишутъ то, чтò прежде чувствовали и чтò нынѣ чувствуютъ. Такъ много надѣются на снисхожденіе любезнаго царя, который, безъ сомнѣнія, мыслитъ по сердцу обожаемой всѣми бабки его, Великой Екатерины, говорящей въ стихахъ г. Державина:

Не запрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху и лесть.

«Ода г. Державина на вступленіе Государя на престолъ не была еще напечатана, но съ нея у многихъ были списки и читались съ жадностію. Разсказывали тогда, что Государь, принявъ сію оду, сдѣлалъ автору подарокъ, стòящій шести тысячъ рублей, и не приказалъ ему печатать оной. Потомъ, будто въ Сенатѣ г. Трощинской, отозвавъ г. Державина, говорилъ ему, что Государь приказалъ ему сказать, чтобъ онъ не только не печаталъ свою оду, но и никому не давалъ съ нея списковъ. Г. Державинъ, будто, съ огорченіемъ возразилъ ему, что вѣрно Государь приказалъ сказать ему о томъ не въ Сенатѣ. — Да! отвѣчалъ г. Трощинской, ежелибы существовала *Тайная*, тогда бы вамъ сказали тамо; а мнѣ ни время, ни мѣсто не назначено. — Кажется, сей анекдотъ подверженъ сумнѣнію, когда послѣ оказалась напечатанною сія ода въ сочиненіяхъ г. Державина*. Равнымъ образомъ и сіе невѣроятно, какъ разсказывали тогда за несумнѣнное, что сей же авторъ написалъ къ портрету Государя слѣдующую надпись:

Се образъ ангельскій любезныя души:
Ахъ, еслибъ вкругъ его всѣ были хороши!

«Надпись сія не понравилась окружающимъ его царедворцамъ и кто-то изъ нихъ подъ нею отвѣчалъ ему такъ, грубо и нелѣпо:

Конечно! только бы Державина не надо:
Паршивая овца и все испортитъ стадо**.

«Г. Карамзинъ за свои стихи получилъ перстень въ 2000 рублей. Много было стихотвореній прекрасныхъ и самыхъ уродливыхъ, каковы, напримѣръ, князя Ал. Голицына***, а особливо площаднаго стихомара-

* Слѣдовательно, эти строки *Записокъ* И. А. Второва писаны уже послѣ изданія соч. Державина въ 1808 году.

** Эти стихи на Державина приведены и въ *Запискахъ* его (*Р. Б.*, стр. 439), но нѣсколько иначе:

«Тебя въ совѣтѣ намъ не надо:
Паршивая овца
Все перепортитъ стадо».

По объясненію поэта, окружавшія новаго государя лица, Беклешовъ, Трощинскій и графъ А. Р. Воронцовъ, удалили Державина изъ государственнаго совѣта, чтобы онъ имъ ни въ чемъ не препятствовалъ: «тогда нѣкоторый подлый стиходѣй, въ угодность ихъ, не оставилъ на счетъ его пустить по свѣту эпиграмму».

*** Это былъ князь Алексѣй Ивановичъ Г., переводчикъ разныхъ романовъ,

Digitized by Google

теля Тодорскаго и проч. и проч... Многіе писали въ подражаніе г. Державина весьма свободно...»

также Вольтерова Эдипа, Генріады, авторъ комедій и проч. Собраніе его сочиненій и переводовъ, безтолковѣйшимъ образомъ составленное, издано въ 1798—1800 годахъ. Князь А. И. Голицынъ остался въ 1767, послѣ отца, малолѣтнымъ сиротой и воспитывался въ домѣ роднаго своего дяди, князя Петра Алексѣевича, оберъ-егермейстера Екатерины II; онъ чтилъ этого благодѣтеля какъ отца и посвятилъ ему нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій (М. Лонгиновъ).

---

69. Приношеніе красавицамъ [1].

Вамъ, красавицы младыя,
И супругѣ въ даръ моей,
Пѣсни Леля золотыя
Подношу я въ книжкѣ сей.
Нравиться ужъ я безсиленъ
И копьемъ и сайдакомъ,
Дуренъ, старъ и не умиленъ:
Бью стихами вамъ челомъ;
Бью челомъ, — и по морозамъ
Коль вы ѣздите въ саняхъ,
Лѣтомъ ходите по розамъ,
По лугамъ и муравамъ:
То и праха не лобзаю
Я прелестныхъ вашихъ ногъ;
Чувства тѣ лишь посвящаю,
Что любви всесильный богъ
Съ жизнью самой въ кровь мнѣ пламень,
Въ душу силу влилъ огня:
Сыплютъ искры — снѣгъ и камень
Подъ стопами у меня.

[1] Стихотвореніе это было задумано еще въ 1797 году: въ рукописи Казанскаго университета, начатой въ это время, стоитъ на первомъ мѣстѣ длинная пьеса: *Дашъ приношеніе*, которая открывается стихами:

«Ты со мной вечоръ сидѣла,
Милая, и пѣсни пѣла:
Садъ намъ надо, садъ, мой свѣтъ!
Я хоть думалъ: денегъ нѣтъ;
Но, любя, какъ отказаться?»

Вся эта пьеса, напечатанная въ *Библіограф. Запискахъ* 1858 г., № 11,

Digitized by Google

будетъ нами помѣщена между неизданными сочиненіями Державина. Здѣсь мы привели начало ея, чтобъ показать ея связь съ слѣдующимъ примѣч. поэта къ *Приношенію красавицамъ.* Онъ говоритъ, что поводомъ къ сочиненію *Анакр. пѣсней* былъ недостатокъ денегъ на отдѣлку сада при петербургскомъ домѣ его, о чемъ тужила жена его. Онъ шутя отвѣчалъ ей, что Музы дадутъ ему деньги, и началъ эти пѣсни, а потомъ естественно посвятилъ ихъ женѣ и вообще красавицамъ.

Приношеніе это напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ*, стр. 3, и въ изд. 1808 г., ч. III, I.

---

70. ТИШИНА[1].

Не колыхнетъ Волховъ темный, 1
Не шелохнетъ лѣсъ и холмъ;
Мещетъ на поля чуть блѣдный
Свѣтъ луна, и спитъ мой домъ.
Какъ — я мнилъ въ уединеньи — 2
Въ хижинѣ быть славну мнѣ?
Не живемъ, живя въ забвеньи:
Чтò въ могилѣ, то во снѣ[а].
Нѣтъ! талантъ не увядаетъ 3
Вѣчнаго забвенья въ тмѣ;
Изъ-подъ спуда онъ сіяетъ:
Я блесну на вышинѣ.
Такъ! пойду хотя въ забаву 4
За пѣвцомъ тіискимъ вслѣдъ
И, снискать его чтобъ славу,
Стану забавлять я свѣтъ.
Стану шуткою влюбляться, 6
На бумагѣ пить и пѣть[2],
Къ милымъ дѣвушкамъ[б] ласкаться
И въ сѣдинахъ молодѣть.
Я пою, — Пиндъ стала Званка[3]; 5
Совосплещутъ Музы мнѣ;
Возгремѣла[в] балалайка,
И я славенъ въ тишинѣ!

[а] Что въ могилѣ, что во снѣ (1804).
(Поправлено рукой Державина: Какъ въ могилѣ, такъ во снѣ.)
[б] Къ милымъ дѣвочкамъ ...
[в] Восшумѣла ...

Digitized by Google

[1] Напечатана въ *Анакреонтич. пѣсняхъ* 1804 г. стр. 138, и въ изданіи 1808, ч. III, LXXXV. Это одна изъ тѣхъ пьесъ, которыя первоначально были написаны безъ буквы *р* (см. выше стр. 81).

[2] На бумагѣ пить и пѣть.

Въ изд. 1808 г. этотъ и 4-й стихъ куплета читаются такъ:

На бумагѣ пить и ѣсть...
И въ сѣдинахъ будто цвѣсть.

Но въ поправкахъ, помѣщенныхъ Державинымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1809 г. (ч. VI, № 4, стр. 127), такая редакція отнесена къ опечаткамъ.

[3] Я пою, — Пиндъ стала Званка.

Эти стихи писаны на Званкѣ, о которой см. выше стр. 121.

---

71. Явленіе Аполлона и Дафны на Невскомъ берегу[1].

По гранитному я брегу
Невскому гулять ходилъ,
Сладкую весенню нѣгу,
Благовонный воздухъ пилъ;
Видѣлъ, какъ народъ тѣснился
Вкругъ одной младой четы:
Лучъ съ нея, блистая, лился,
Какъ отъ солнца красоты.
Кто — я думалъ въ изумленьѣ —
Чудна двоица сія?
Не боговъ ли вновь схожденье
Вижу въ ней на землю я?
Вижу точно Аполлона!
Вижу Дафну предъ собой!
Знать, сошедши съ Геликона,
Тѣшатся они Невой.
Такъ, они пришли конечно,
Смертнымъ скрывъ себя лицомъ;
Трепетаніе сердечно
Увѣряло духъ мой въ томъ[2].
Такъ, — и въ лицахъ лучезарныхъ,
И въ сапфирныхъ ихъ очахъ
Душъ пріятность свѣтодарныхъ,
Вижу я боговъ въ людяхъ!
Зрѣлъ, съ собой они какъ водятъ
Просвѣщенье, кротость, вкусъ;

Какъ Хариты вслѣдъ имъ ходятъ
И соборы нѣжныхъ Музъ,
Съ Нимфами поющи, пляшутъ;
Всплывъ, Наяды сверхъ Невы
Плещутъ воды; вѣтры машутъ
Ароматъ на ихъ главы.
Видѣлъ, Петрополь дивился
Какъ прекрасной сей четѣ:
Сѣверъ свѣтомъ озарился,
Всталъ — и въ мглистой темнотѣ,
Обогрѣвъ браду замерзлу,
Тихимъ ихъ сіяньемъ кровь,
Знича чтилъ въ нихъ и Зимстерлу [2], [а]
Возвращенныхъ вкупѣ вновь [б]
И, ликуя, увѣнчался
Перевязкой изъ цвѣтовъ.
Лель за дѣвою погнался,
А за юношей — Любовь.
Видѣлъ, видѣлъ Аполлона,
Видѣлъ съ нимъ и Дафну я!
Радостнаго звукомъ тона
Лира отдалась моя.

[а] Увѣряло меня въ томъ (1804).
[б] Возвращенныхъ къ нему вновь.

[1] Написано въ маѣ мѣсяцѣ на прогулку по невской набережной Александра Павловича и Елисаветы Алексѣевны. «При Александрѣ вдругъ пѣшеходство вошло въ моду, самъ царь подавалъ тому примѣръ. Всѣ стали гоняться за какою-то простотою»... (*Воспом.* Вигеля, *Русск. Вѣстн.* 1864, № 4, стр. 486). Подъ 2-мъ декабря 1806 года Жихаревъ разсказываетъ: «Сегодня наконецъ Богъ привелъ увидѣть Государя... Какая величавая наружность, какой красавецъ, и ко всему этому — какая душа! Я увидѣлъ его въ то время, когда онъ съ парада изволилъ идти гулять на дворцовую набережную, и слѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи; когда же, дойдя до Троицкаго моста, онъ оборачивался назадъ, я отходилъ въ сторону и не спускалъ съ него глазъ; онъ два раза останавливался и благосклонно изволилъ разговаривать съ какими-то генералами... что за ангельское лицо и плѣнительная улыбка!» (*Отеч. Зап.* 1855, т. XCIX, *Дневникъ чиновника*, стр. 393).

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 39, и въ изд. 1808, ч. III, XIV.

[2] Знича чтилъ въ нихъ и Зимстерлу.

«*Зничъ* — священный неугасимый огонь: по многимъ славянскимъ

Digitized by Google

городамъ имѣлъ храмы» и проч. — «*Зимстерла* — богиня, владычествующая надъ началомъ дня, т. е. заря» (Чулкова *Абевега русскихъ суевѣрій*, М. 1786).

72. Хоръ I на коронацію императора Александра I[1].

Что такъ орлы высокопарны 1
Подъ небомъ вьются? — Плескъ и звонъ!
Во храмѣ Божьемъ лучезарный
Блескъ видимъ царскихъ двухъ коронъ.
Луна ли съ солнцемъ совмѣстились?
Въ плоти ль два Ангела явились?
Се Александръ, Елисавета, 2
Красотъ возможныхъ образецъ
Онъ — обладатель душъ полсвѣта,
Она — владычица сердецъ.
Съ восторгомъ зритъ на нихъ Марія
И восихщенная Россія.
Се восторгомъ зримъ и мы; сердечны 3
Молитвы льемъ предъ алтаремъ:
Да будутъ дни ихъ свѣтлы, вѣчны,
И юнымъ славны мы царемъ!
Какъ солнце, міръ обнявъ лучами,
Такъ онъ, какъ Богъ, да правитъ нами!

[1] Въ рукописи: *Хоръ для концерта при коронаціи* и проч. Напечатанъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXIV.

73. Хоръ II на тотъ же случай[1].

Россиими летитъ странами 1
На златыхъ крылахъ молва;
Солнца новаго лучами
Освѣщается Москва.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ.
Облеченныхъ во порфиру 2
Видя въ царскихъ васъ вѣнцахъ,
Радость нашу кажутъ міру
Наши души на очахъ.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ.

Digitized by Google

Еслибъ можно было взоры 3
Кинуть въ наши вамъ сердца,
Вы бы зрѣли чадъ соборы,
Окружавшихъ мать, отца.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ.

Коль Россія вся дивится 4
Вашимъ нравамъ и красѣ:
Свѣтомъ всѣмъ благотвориться
Должно вамъ, коль любятъ всѣ.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ.

Видимъ мы уже породу 5
Божеску изъ вашихъ дѣлъ:
Отдаете вы свободу,
Страхъ и ужасъ отлетѣлъ.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ.

Будьте, ангелы, вѣкъ съ нами, 6
Знавъ сердцами обладать!
Ихъ обвивъ любви цвѣтами,
Вы могли насъ привязать.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ.

[1] Въ рукописи: *Хоръ для польскаго;* музыка Козловскаго. Напечатанъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXV.

---

74. ВѢНЧАНІЕ ЛЕЛЯ[1].

Колоколъ ужаснымъ звономъ
Воздухъ, землю колебалъ,
И Иванъ Великій громомъ
Въ полнощь, освѣщенъ, дрожалъ.
Я, пріятнымъ сномъ объятый
Макова въ тѣни вѣнца,
Видѣлъ: теремы, палаты,
Площадь Краснаго крыльца
Роемъ мальчиковъ летучимъ
Облелѣяны кругомъ!

Digitized by Google

Лѣсомъ шлемы ихъ дремучимъ,
Латы златомъ и сребромъ,
Копья сталію блистали
И чуть видѣлись сквозь мглы;
Стаями сверхъ ихъ летали
Молненосные орлы.
Но лишь солнце появилось
И затеплились кресты,
Море зыблюще открылось
Разныхъ лицъ и пестроты!
Шумъ, съ высотъ ліясь рѣкою,
Всѣми чувствы [а] овладѣлъ:
Своды храма предо мною
Я отверзтыми узрѣлъ.
Тамъ, въ волнахъ толпы стѣсненной,
Въ думѣ весь синклитъ стоялъ;
Я въ душѣ моей смятенной
Нѣкій ужасъ ощущалъ.
Но на тронѣ тамъ [б] обширномъ,
Во священной темнотѣ,
Вдругъ [в] въ сіяніи порфирномъ
Усмотрѣлъ на высотѣ
Двухъ я Геніевъ небесныхъ:
Коль безчисленны красы!
Сколько нѣжностей прелестныхъ!
Златоструйчаты власы,
Блескъ сафира, розы ранни
Ихъ устенъ, ланитъ, очесъ,
Улыбаясь, брали дани
Съ восхищенныхъ тьмы сердецъ.
И одинъ изъ нихъ, вѣнчаясь
Діадимою царей,
Ей четѣ своей касаясь [2],
Удвоялся блескомъ въ ней.
Тутъ изъ оконъ самыхъ верхнихъ [3],
По сверкающимъ лучамъ,
Тѣни самодержцевъ древнихъ,
Ниспустившися во храмъ,
Прежни лица ихъ пріяли

И сквозь ликовъ торжества
Въ изумленьи вопрошали:
«Кто такія божества,
Что, облекшись въ младость смертныхъ,
Съ кротостію скиптръ берутъ,
На обширность странъ несмѣтныхъ
Цѣпь цвѣточную кладутъ
И весь Сѣверъ вмигъ плѣнили
Именемъ однимъ царя?»
Громы духъ мой пробудили:
Разглашалося ура! —
Что такое сонъ сей значитъ?
Я съ собою размышлялъ:
Духъ ликуетъ, сердце скачетъ;
Отчего? я самъ не зналъ.
Кто на царство такъ вѣнчался?
Кто такъ души всѣ плѣнилъ?
Кѣмъ я столько восхищался,
Сладостныя слезы лилъ?
Послѣ Музы мнѣ сказали,
Кто такъ свѣтомъ овладѣлъ[4]:
«Царь сердецъ», онѣ вѣщали:
«Богъ любви, всесильный Лель».

[а] Мои чувства овладѣлъ (1804).
[б] Но на тронѣ вдругъ обширномъ.
[в] Вкругъ ...

---

[1] Аллегорическое описаніе коронаціи Александра I, написанное въ Москвѣ. Напечатано въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 41, и въ изд. 1808, ч. III, xv.

[2] Ей четѣ своей касаясь.

Этотъ стихъ должно понимать такъ: ею (діадимою) касаясь четѣ своей, т. е. той, которая составляла съ нимъ чету.

[3] Тутъ изъ оконъ самыхъ верхнихъ *и проч.*

«Величественные своды Успенскаго собора такъ и видятся при этихъ стихахъ. Четыре купола, въ солнечный день, дѣйствительно даютъ превосходную игру лучей» (П. Бартеневъ).

[4] Кто такъ свѣтомъ овладѣлъ.

Въ обоихъ изданіяхъ *завладѣлъ*, но поправлено рукой Державина.

Digitized by Google

75. НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I[1].

Предвѣчный! силою Твоею 1
Да веселится царь!
Да радостной своей душею
Торжествъ ликуетъ среди зарь!
Желанія его сердечны
Ты предварилъ и совершилъ;
Чело елеемъ благостыннымъ,
Главу сіяньемъ златовиднымъ
Монаршаго вѣнца покрылъ,
И ниспослалъ ему дни здравы, долговѣчны.
Да распрострется громка слава 2
О немъ вездѣ Тобой:
Порфира, скипетръ, мечъ, держава,
Вся царска сила, власть, рукой
Твоей на немъ взложенна,
Какъ на небѣ свѣтилъ, звѣздъ сонмъ
Тобой свой блескъ да получаетъ:
Твой взоръ его благословляетъ,
И на Тебя надеждъ онъ полнъ,
Да не позыблется и вся подъ нимъ вселенна!
Да срѣтитъ длань вооруженна 3
Мечемъ, кто на него! —
Какъ сильнымъ пещь огнемъ разжженна,
Такъ гнѣвъ отъ взора Твоего
На нихъ дохнетъ — и, скрывъ ихъ тмою,
Такъ въ молніяхъ пожнетъ своихъ,
Что дымъ вослѣдъ лишь воскурится;
Потомство, племя истребится,
И память даже вся о нихъ
Сотрется вмигъ съ лица земли Твоей рукою!
Пусть затѣваетъ брань сосѣдство, 4
А злоба — тайный ковъ;
Но не успѣетъ ихъ злодѣйство,
Когда самъ Богъ тебѣ покровъ.
Поставилъ Онъ тебя предметомъ
И цѣлію своихъ очесъ;
Не двигнется твоя держава,

Digitized by Google

Но паче возсіяетъ слава
Всѣхъ надъ тобой Его чудесъ,
И воспоемъ въ тебѣ царя надъ всѣмъ мы свѣтомъ.

[1] Въ первоначальной рукописи это стихотв. имѣетъ совершенно другую редакцію подъ заглавіемъ: *Пѣснь на коронацію Императора.* Въ такомъ видѣ пьеса эта, основывающаяся на 20-мъ псалмѣ, была написана въ Москвѣ, ко дню коронаціи, бывшей 15-го сентября, но впослѣдствіи передѣлана. Она не была поднесена Государю. Напечат. въ первый разъ въ изд. 1808 г., ч. II, ıx, подъ заглавіемъ *На коронацію Императора*, подъ которымъ помѣщалась и въ другихъ изданіяхъ Державина.

---

76. Гимнъ кротости[1].

Сіянье радужныхъ небесъ, 1
Души чистѣйшее спокойство,
Блескъ тихихъ водъ, эдемъ очесъ,
О Кротость, ангельское свойство!
Отливъ отъ Бога самого!
Тебѣ, тобою восхищенный,
Настроиваю, вдохновенный,
Я струны сердца моего.
Когда среди усердна жара 2
Другихъ піитовъ лирный звукъ
Царя земнаго полушара
Гремитъ — и онъ изъ щедрыхъ рукъ
Имъ сыплетъ бисеръ многоцѣнный,
Его наградъ я не прошу;
Но, послѣ всѣхъ, лептъ чувствій бренный
Тебѣ я, Кротость, приношу.
Тебѣ! и ты того достойна: 3
Ты ожерелье красоты,
Ты сану мудрости пристойна,
Все лучшимъ сотворяешь ты:
И добродѣтели святыя
Усовершаются тобой;
У зависти и стрѣлы злыя
Отъемлетъ милый образъ твой.
Подруга ль гдѣ ты дѣвъ прекрасныхъ, — 4
Ихъ скромный взглядъ — магнитъ сердецъ;

Digitized by Google

Наперсница ль въ любви женъ страстныхъ, —
Въ семействахъ счастья ты вѣнецъ[2];
Идутъ ли за твоей рукою
Въ совѣтахъ мужи и въ бояхъ, —
Плѣняютъ и враговъ тобою
Въ ихъ самыхъ страшныхъ должностяхъ.

А если царская порфира 5
И скиптръ украсятся тобой,
Монархъ тотъ благодѣтель міра.
Не солнцу ль равенъ онъ красой?
На высотѣ блистая трона,
Онъ освѣщаетъ и живитъ;
Въ предѣлахъ своего закона
Течетъ — и всѣмъ благотворитъ.

Не совмѣщаяся съ звѣздами, 6
Онъ саномъ выше всѣхъ своимъ;
Но равными для всѣхъ лучами
Онъ свѣтитъ праведнымъ и злымъ;
Проходитъ взоръ его сквозь бездны
И чела узниковъ златитъ[3];
Чертоги наполняя звѣздны,
Сіяньемъ въ хижины летитъ.

Куда свой путь ни обращаетъ, 7
Въ село, обитель или градъ:
Народъ его волной встрѣчаетъ,
И дѣти на него такъ зрятъ,
Какъ бы на Бога лучезарна.
Преклоншись старцы на клюкахъ,
Движеньемъ сердца благодарна,
Сверкаютъ радостью въ очахъ.

Такъ, Кротость, такъ ты привлекаешь 8
Народныя къ себѣ сердца;
Всѣхъ паче качествъ составляешь
Въ царѣ отечества отца.
Ты милосерда и снисходишь
Въ людскія страсти, суеты;
Надломленныя не преломишь
Былинки, но неправдѣ, ты.

Сквозь вратъ проходитъ[4] сокровенныхъ 9

Всеобщая къ тебѣ любовь;
Въ странахъ ты слышишь отдаленныхъ
Пролитую слезу и кровь[4];
И какъ елень въ жаръ къ току воду[б]
Стремится жажду утолять,
Такъ человѣчества ты къ стону
Спѣшишь, чтобъ ихъ скорѣй унять.
Ты не тщеславна, не спѣсива,
Пріятельница тихихъ Музъ,
Привѣтлива и молчалива;
Во всемъ умѣренность — твой вкусъ;
Языкъ и взглядъ твой не обидѣлъ
Нигдѣ, никакъ и никого:
О! еслибъ я[в] тебя не видѣлъ,
Не написалъ бы я сего[5].

[а] ... переходитъ ... (1801).
[б] ... въ жары по холмамъ
Къ потокамъ жажду утолять,
Такъ человѣчества ты къ стонамъ.
[в] Ахъ! еслибъ самъ тебя не видѣлъ.

---

[1] Написанъ въ Москвѣ, по случаю коронаціи (ср. прим. 1 къ предыдущей пьесѣ). Множество стихотворцевъ по поводу этого торжества писали императору Александру I похвальные стихи, за которые имъ были пожалованы брильянтовые перстни. Державинъ, не желая подать мысль, будто и онъ ищетъ награды, не писалъ въ одно время съ другими, а издалъ свою оду нѣсколько позже и съ намѣреніемъ оговорился во 2-й строфѣ. Поэтому онъ и въ самомъ дѣлѣ не получилъ за свои стихи ничего, а только приглашенъ былъ къ царскому столу (*Об.* Д.). Жихаревъ, разсказывая о вечерѣ, бывшемъ у Шишкова въ февралѣ 1807 г., говоритъ: «Г. Р.... вынулъ изъ кармана свои стихи: *Гимнъ кротости* и заставилъ читать меня. Я прочиталъ этотъ гимнъ къ полному удовольствію автора... Разумѣется, всѣ присутствующіе были или казались въ восторгѣ и похваламъ Державину не было конца». (*Отеч. Зап.* 1855, т. CI, «Дневникъ чиновника», стр. 126).

Напечат. въ первый разъ отдѣльно въ Москвѣ въ университетской типографіи (въ четвертку, 8 стр.) съ двумя — въ началѣ и въ концѣ — плохими виньетками, представляющими двухъ Эротовъ, которые украшаютъ цвѣтами щитъ. Потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, xxxiv.

[2] Въ семействахъ счастья ты вѣнецъ.

Въ одномъ письмѣ къ первой женѣ своей (въ іюлѣ 1793 г.) Державинъ выражалъ тѣ же мысли: «Знаешь ли, что тихость и смиреніе суть

Digitized by Google

первыя достоинства женщинъ, и они одни тѣ истинныя превосходства, которыя всѣ ихъ прелести и самое непорочнѣйшее поведеніе украшаютъ? Безъ нихъ страстнѣйшая любовь — вздоръ» (см. въ нашемъ изданіи переписку Державина).

[3] И чела узниковъ златитъ.

Многіе узники были освобождены, и имя тайной канцеляріи уничтожено (*Об.* Д.).

[4] Пролитую слезу и кровь.

Императоръ услышалъ, что въ Казани по неосновательнымъ подозрѣніямъ въ зажигательствѣ одинъ мѣщанинъ замученъ былъ пыткою: тотчасъ подъ рукою туда посланъ былъ флигель-адъютантъ, чтобы удостовѣриться въ справедливости слуха. Потомъ наряжено было слѣдствіе и виновные наказаны (*Об.* Д.). По этому-то поводу окончательно отмѣнена пытка; см. ниже, подъ 1805 г., стихотвореніе *Монументъ милосердію*. Самый случай, упоминаемый Державинымъ въ этомъ примѣчаніи, подробно изложенъ въ указѣ 27 сент. 1801; посланный въ Казань флигель-адъютантъ былъ подполковникъ Альбедиль (*Полн. Собр. Зак.*, т. XXVI, № 20.022).

[5] Не написалъ бы я сего.

Въ этой строфѣ — портретъ императора Александра I.

---

77. ГРАФИНѢ ОРЛОВОЙ[1].

Ты взорами орлица,
Достойная отца;
Душою голубица,
Достойная вѣнца.
Пріятности дивятся
Уму и красотамъ,
И въ денскахъ всѣ стремятся
Лишь по твоимъ слѣдамъ.
Явишься ль въ Петрополѣ, —
Побѣды поженешь:
Какъ флотъ отецъ твой въ морѣ,
Такъ ты сердца пожжешь.

[1] Графиня Анна Алексѣевна Орлова, дочь героя Чесменскаго, жила въ Москвѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ (см. томъ I, стр. 524). Ей было 16 лѣтъ, когда Державинъ написалъ эти стихи вскорѣ послѣ коронаціи «по случаю ея пріятной пляски французскаго танца» (*Об.* Д.). Она родилась 2 мая 1785 г., ум. 4 октября 1848. См. *Жизнь графини* и проч., соч. Н. Елагина, Спб. 1853.

Уже въ ранней молодости она заставляла говорить о себѣ. Такъ Грибовскій (*Записки*, стр. 50) вспоминаетъ: «... видѣлъ я, когда онъ (*графъ*

Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, представлялъ Государынѣ въ Зимнемъ дворцѣ, въ уборной, дочь свою графиню Анну. Графъ былъ въ военномъ аншефскомъ мундирѣ съ шитьемъ, а дочь въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и въ брильянтахъ. Государыня приласкала ее рукою за подбородокъ, похвалила и въ щечку поцѣловала. Когда они вышли, то Государыня сказала бывшимъ тутъ: Эта дѣвушка много добраго обѣщаетъ». Описанное Грибовскимъ представленіе Императрицѣ относится вѣроятнѣе къ 1796 году: изъ Записокъ Болотова видно, что графъ А. Г. Орловъ въ этомъ году осенью, сбираясь ѣхать за границу, прибылъ въ Петербургъ и жилъ здѣсь еще при вступленіи на престолъ императора Павла (*Русск. Архивъ* 1864 г., стр. 616).

Англичанка Бредфордъ въ прибавленіи къ Запискамъ Дашковой (Memoirs, т. II, стр. 230 и слѣдд.) разсказываетъ: «Графъ Алексѣй Орловъ жилъ въ Москвѣ и началъ именно тогда (1803) вывозить въ свѣтъ свою единственную дочь, замѣчательную своей красотой и талантами, но еще болѣе необыкновенною кротостью и нравственными достоинствами. Она сдѣлалась предметомъ общаго удивленія»; отецъ ея чрезвычайно желалъ представить ее княгинѣ Дашковой и для этого устроилъ балъ. «Графиня танцовала такъ чудно, съ такою врожденною граціей и съ такимъ благородствомъ, что движенія ея были какъ будто рѣчью, выражавшею всю простоту и прелесть ея души. По желанію графа, она протанцовала съ шалью, потомъ цыганскую пляску, казачка, тамбуринъ и другія танцы... Послѣ каждаго она подходила къ отцу, цѣловала руку у него и у княгини, и онъ съ нѣжною заботливостью набрасывалъ ей на плечи шаль».

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 125, подъ заглавіемъ *Графинѣ N*, и въ изд. 1808, ч. III, LXXVI.

---

78. БЕСѢДА СЪ ГЕНІЕМЪ[1].

Восхищенный явнымъ сномъ
Въ небо я моей душою,
Видѣлъ: Геній подъ вѣнцомъ
Собесѣдовалъ со мною.
Бѣлокуръ, голубоокъ,
Молодъ и лицомъ прекрасенъ,
Ростомъ строенъ и высокъ,
Тихъ, привѣтливъ и пріятенъ
Взору, сердцу и уму...
И во снѣ, его былъ внятенъ
Голосъ сердцу моему:
«Слушай, старый пѣснопѣвецъ!
Послужи еще мнѣ», рекъ:
«Я не грозный громовержецъ, —

Digitized by Google

Кроткій царь и человѣкъ:
Прозвучи мою ты славу!»
Взялъ я лиру, строю вновь, —
И пою его державу
И къ отечеству любовь.

[1] По возвращеніи изъ Москвы послѣ коронаціи, именно 23 ноября ввечеру, Державинъ былъ позванъ къ Государю и получилъ приказаніе ѣхать въ Калугу для изслѣдованія безпорядковъ и злоупотребленій, въ которыхъ обвинялся тамошній губернаторъ Лопухинъ (*Записки* Держ., *Р. Б.*, 444).

Написанная по поводу этого порученія *Бесѣда съ Геніемъ* напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 44, и въ изд. 1808, ч. III, XVI.

---

79. Голубка[1].

Отколь, голубка мила,
Летишь такъ рѣзво ты?
Откуда, бѣлокрыла,
На воздухъ льешь цвѣты
И сладкій запахъ въ чувства?
Кто, съ чѣмъ послалъ тебя[2]?

Голубка.

Богъ свѣта и искусства
Послалъ съ письмомъ меня
Къ красавцу молодому,
Къ владыкѣ всѣхъ сердецъ,
Къ тому божку земному,
Кто подданныхъ отецъ,
Кому меня Фелица
Въ наслѣдье отдала.
«Будь Хлорова ты птица»,
Съ усмѣшкою рекла:
«Носи ему съ небесной
Ты пѣсни вышины;
Какъ славой мнѣ, всемѣстной
Наполнь его страны».
И я съ тѣхъ поръ, какъ должно,
Ему, какъ ей, служу;
Пріятную, сколь можно,

Гармонію ношу;
А онъ за то златую
Мнѣ хочетъ вольность дать;
Но дастъ, иль нѣтъ, какую,
Мнѣ нечего желать[3].
Какая это воля,
Летала чтобъ одна;
Была бъ безвѣстна доля,
Была бы голодна?
Коль днесь пшеницей Хлоромъ
Изъ устъ его кормлюсь,
Его питаясь взоромъ,
Счастливою зовусь;
На лонѣ иль на племѣ
Кружусь, воркую я
И въ сладкомъ этомъ плѣнѣ
Мила всѣмъ пѣснь моя.
  Прости жъ меня, прохожій!
Не будь къ болтанью строгъ:
Сей день была похожей
Голубка на сорокъ[4].

[1] Въ этомъ подражаніи Анакреоновской одѣ замѣчательно его отношеніе къ современному вопросу: оно написано по поводу намѣренія императора Александра I освободить крестьянъ. Извѣстно, что Державинъ, подобно большей части государственныхъ людей того времени, былъ противъ этой мѣры (*Записки его*, *Р. Б.*, стр. 486 и слѣд.). Въ пьесѣ *Голубка* не трудно понять любимый доводъ тогдашнихъ, какъ и нынѣшнихъ защитниковъ крѣпостнаго права, именно ту мысль, что крестьянамъ гораздо лучше подъ властью помѣщиковъ, нежели можетъ быть на волѣ.

Подлинная ода (Εἰς περιστεράν, IX — 14) — одна изъ наиболѣе прославленныхъ похвалами поэтовъ, переводами и подражаніями. У насъ, еще прежде Н. А. Львова, передалъ ее въ вольномъ переводѣ И. И. Дмитріевъ (*Москов. журналъ* за декабрь 1792 г., ч. VIII, стр. 197). Дѣйствительно она стòитъ особеннаго вниманія и по вымыслу и по изложенію: поэтъ прекрасно придумалъ предоставить самой голубкѣ разсказъ, который иначе не могъ бы имѣть ни той сжатости, ни той простоты. Тѣмъ не менѣе, самого Анакреона никакъ нельзя признать авторомъ стихотворенія въ такомъ идиллическомъ родѣ, вовсе не свойственномъ пылкому его таланту и притомъ возникшемъ не прежде александрійскаго періода. Надобно прибавить, что примѣры обычая употреблять голубей для пересылки писемъ встрѣчаются у древнихъ гораздо позднѣе, и преимущественно у Римлянъ (Stark, Quaest. anacreontic, стр. 86).

Digitized by Google

Подражаніе Державина напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 116, и въ изд. 1808 г., ч. III, LXX.

[2] Кто, съ чѣмъ послалъ тебя.

Въ переводѣ Львова: «Кто, съ чѣмъ тебя послалъ?»

[3] Мнѣ нечего желать.

У Львова голубка говоритъ между прочимъ:

«И я служу ему
Усердно сколь возможно
И письма разношу
Его теперь, какъ видишь;
А онъ свободу дать
За то мнѣ обѣщаетъ.
Хоть пуститъ онъ меня,
Но все я съ нимъ останусь» и проч.

[4] Голубка на сорокъ.

У Львова: «Сегодня я была
Болтливѣе вороны».

Въ примѣчаніяхъ же къ его *Анакреону* сказано: «Въ тѣ времена черныя птицы видно болтливѣе были перепелесыхъ, потому что мы говоримъ: *болтлива какъ сорока*».

---

80. На разлуку[1].

Не раздаются больше звуки
Уже въ диванѣ мнѣ тобой;
Бѣгу всякъ часъ, бѣгу отъ скуки,
А скука слѣдуетъ за мной.
Когда жъ назадъ ты возвратишься,
Весельемъ мой наполнишь домъ?
Иль съ арфою навѣкъ простишься,
Съ мурзой, Милордомъ и котомъ[2]?
Пожалуй, возвратись скорѣе,
Пріятны возврати часы;
И Дашу сдѣлай веселѣе,
И почеши мурзѣ усы.

[1] Написано въ шутку, 2 іюля 1801 года*, по случаю отъѣзда Пелагеи Михайловны Бакуниной (см. выше стр. 114). Во 2-мъ стихѣ *дианомъ* названа гостиная, какъ замѣчено и на стр. 160. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. III, LIX.

* Этотъ годъ выставленъ при черновой редакціи стихотворенія; въ *Объясненіяхъ* невѣрно показанъ 1802 годъ.

Digitized by Google

[2] Съ мурзой, Милордомъ и котомъ.

Подъ *мурзой* авторъ разумѣетъ самого себя. *Милордомъ* назывался прекрасный пудель его, а котъ *Анюла* былъ всегдашній собесѣдникъ Державиныхъ въ домашнемъ быту (*Об.* Д.). Даша — вторая жена поэта.

---

81. ТОНЧІЮ[1].

Безсмертный Тончи! ты мое 1
Лицо въ томъ, слышу, пишешь видѣ,
Въ какомъ бы мастерство твое
Въ Омирѣ древнемъ, Аристидѣ,
Сократѣ и Катонѣ ввѣкъ
Потомковъ позднихъ удивляло,
Въ сѣдинахъ лысиной сіяло,
И въ немъ бы зрѣлся человѣкъ!
Но лысина или парикъ, 2
Но тога иль мундиръ кургузый
Содѣлали, что ты великъ?
Нѣтъ! — философія и музы:
Онѣ насъ славными творятъ.
О, еслибъ осѣнялъ духъ правый
И освѣщалъ меня лучъ славы, —
Присталъ бы всякій мнѣ нарядъ.
Такъ, живописецъ-философъ! 3
Пиши меня въ уборахъ чудныхъ,
Какъ знаешь ты; но лишь любовь
Увѣковѣчь ко мнѣ премудрыхъ.
А если слабости самимъ
И величайшимъ людямъ сродны, —
Не позабудь во мнѣ подобны,
Чтобъ зависть улыбалась имъ.
Иль нѣтъ: — ты лучше напиши 4
Меня въ натурѣ самой грубой,
Въ жестокій мразъ, съ огнемъ души,
Въ косматой шапкѣ, скутавъ шубой,
Чтобъ шелъ, природой лишь водимъ[2],
Противъ погодъ, волнъ, горъ кремнистыхъ,
Въ знакъ, что рожденъ въ странахъ я льдистыхъ,
Что былъ прапращуръ мой Багримъ[3].

Digitized by Google

Не испугай жены, друзей;
Придай мнѣ нѣжности немного,
Чтобъ былъ я ласковъ для дѣтей,
Лишь въ должности бъ судилъ всѣхъ строго;
Чтобъ жаръ кипѣлъ въ моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мнѣ вздыхали,
Хоть въ платонической любви.

[1] 10 марта 1806 года Жихаревъ, жившій тогда въ Москвѣ, записалъ въ своемъ дневникѣ: «У князя Ивана Сергѣевича Гагарина встрѣтилъ я знаменитаго живописца Тончи. Онъ женатъ на старшей дочери князя. Сѣдъ какъ лунь. Судя по виду, ему должно было лѣтъ около шестидесяти; но по живости разговора нельзя дать ему и сорока. Онъ занималъ всю бесѣду. Удивительный человѣкъ! кажется, живописецъ, а стòитъ любаго профессора: все знаетъ, все видѣлъ, всему учился. Толковалъ о политикѣ, наукахъ, современныхъ открытіяхъ, разсказывалъ разные анекдоты, одинъ другаго занимательнѣе... Что за любезный человѣкъ, и съ какимъ многосложнымъ образованіемъ этотъ Тончи! Послѣ всего, что я слышалъ о немъ и отъ него, не удивляюсь, что русская княжна вышла за италіянскаго живописца. Онъ страстно любитъ литературу и самъ пишетъ стихи... Тончи теперь мало занимается живописью и пишетъ иногда только портреты съ родныхъ жены своей. Портретъ, написанный имъ съ стараго князя, — произведеніе образцовое: кромѣ необычайнаго сходства, какая работа и какой колоритъ! Точно живой, такъ и выходитъ изъ полотна; но говорятъ, что этотъ портретъ, какъ онъ ни превосходенъ, ничто въ сравненіи съ портретомъ Державина, писаннымъ въ Петербургѣ. Тончи ни за что не хотѣлъ представить поэта въ парикѣ, а Державинъ не соглашался писать себя плѣшивымъ, и потому художникъ придумалъ надѣть на него русскую соболью шапку *. Сказываютъ, что это верхъ совершенства» (*Записки современника*, ч. I, стр. 336 и слѣдд.).

Посланіе *Къ Тончіо* написано какъ программа того самаго портрета, о которомъ здѣсь рѣчь идетъ и съ котораго сдѣлана профессоромъ Іорданомъ гравюра, приложенная къ I-му тому нашего изданія. Въ подлинной картинѣ $4\frac{1}{2}$ аршина длины и 1 саж. ширины. Около нижняго края латинское двустишіе, сочиненіе самого живописца:

«Justitia in scopulo, rutilo mens delphica in ortu
Fingitur, in alba corque fidesque nive.»

(т. е. правосудіе изображается въ скалѣ, пророческій духъ въ румяномъ

* Державинъ самъ не хотѣлъ, чтобъ Тончи писалъ его въ парикѣ, который онъ надѣвалъ только по необходимости, когда выѣзжалъ или принималъ почетныхъ гостей. Дома онъ предпочиталъ ходить въ колпакѣ: такъ онъ представленъ на портретѣ, писанномъ въ послѣдній годъ жизни его Базилевскимъ.

Digitized by Google

восходѣ, а сердце и честность въ бѣлизнѣ снѣга). Припомнимъ, что Тончи представилъ поэта сидящимъ передъ скалой, на снѣжномъ полѣ. Въ подлинной картинѣ на снѣгу замѣтны слѣды, которымъ живописецъ придавалъ особенное значеніе. Вѣроятно они должны соотвѣтствовать стихамъ: «Чтобъ шелъ, природой лишь водимъ,» и проч. Въ оригиналѣ виднѣется, сверхъ того, въ отдаленіи блескъ утренней зари. П. И. Бартеневъ слышалъ, что шуба, въ которой Державинъ изображенъ тутъ, была подарена ему иркутскимъ купцомъ Сибиряковымъ, потомки котораго хранятъ копію съ этого портрета, присланную ему поэтомъ въ знакъ благодарности. Отъ бывшаго иркутскаго губернатора г. Штубендорфа слышали мы, будто въ Иркутскѣ находится подлинникъ картины Тончи. Но такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что подлинникъ этого портрета Державина — въ Москвѣ, куда онъ перевезенъ изъ дома поэта послѣ смерти вдовы его, то выходитъ, что въ Иркутскъ была доставлена только *копія* произведенія Тончи.

При жизни Державиныхъ этотъ портретъ стоялъ въ нижнемъ этажѣ петербургскаго ихъ дома, въ столовой; тамъ его видѣли Аксаковъ и Жихаревъ. Первый въ своихъ *Воспоминаніяхъ* (М. 1856, стр. 374) говоритъ: «Портретъ Тончи походилъ на оригиналъ, какъ двѣ капли воды». Жихаревъ разсказываетъ въ *Дневникѣ чиновника:* «Покамѣстъ нашъ бардъ дремалъ въ своемъ креслѣ, я разсматривалъ извѣстный портретъ его, писанный Тончи. Какая идея, какъ написанъ, и какое до сихъ поръ еще (1806) сходство!» (*Отеч. Зап.* 1855, т. XCIX, стр. 398). Жена Державина, умершая въ 1842 г., завѣщала эту картину своему племяннику, Александру Николаевичу Львову (ум. 1849), почему она до сихъ поръ стоитъ въ домѣ вдовы послѣдняго, Натальи Николаевны, рожденной Мордвиновой, въ Москвѣ (у Спаса на Пескахъ).

Съ картины Тончи снятъ былъ еще при жизни поэта поясной портретъ, который распространился во многихъ копіяхъ и былъ не разъ прилагаемъ въ гравюрахъ и литографіяхъ къ разнымъ изданіямъ. Цѣлая картина Тончи воспроизведена въ первый разъ при нашемъ изданіи.

Высокое мнѣніе, какое Державинъ выражаетъ о Тончи въ этой пьесѣ, и похвалы, вообще воздаваемыя ему современниками, побудили насъ собрать о немъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній, за доставленіе которыхъ и считаемъ долгомъ выразить здѣсь нашу признательность князю Г. Г. Гагарину, князю М. Д. Волконскому и П. Н. Петрову (послѣдній познакомилъ насъ съ главнымъ печатнымъ источникомъ біографіи Тончи, съ книгою г. Рубини: Antologia italiana poetica del secolo decimo nono, Москва 1844, томъ II, стр. 199). Особенную же благодарность приносимъ Маріи Николаевнѣ Тончи, которая доставила намъ рукописи, служебныя бумаги и живописный портфель своего покойнаго отца.

Сальваторъ Сигизмундовичъ или, какъ его по-русски называли, Николай Ивановичъ Тончій (Tonci), родился въ Римѣ въ январѣ 1756 г. и, получивъ отличное образованіе, служилъ нѣкоторое время въ королевской неаполитанской гвардіи. Поэзія была первымъ искусствомъ, къ которому онъ пристрастился и которое доставило ему успѣхъ въ отечествѣ, такъ

Digitized by Google

что онъ сдѣлался членомъ одной академіи (Arcadia) и президентомъ другой (de' Forti). Пѣніе дало новый оборотъ судьбѣ его, а живопись прославила его въ странѣ, куда воображеніе конечно никогда его не переносило. Случайное обстоятельство вдругъ перебросило его на сѣверъ Европы. Однажды онъ участвовалъ въ вечерней серенадѣ: «Damigella,, pazzarella»; племянникъ послѣдняго короля польскаго, Станиславъ Понятовскій, который, находясь въ Римѣ, увидѣлъ его во время этой серенады, такъ былъ пораженъ его голосомъ, что пожелалъ съ нимъ познакомиться, и пригласилъ его ѣхать въ Польшу. Но между тѣмъ Варшава пала, и Понятовскій представилъ Тончи своему развѣнчанному дядѣ уже въ Гроднѣ, гдѣ италіянскій художникъ и облегчалъ ихъ горе чтеніемъ Данта. Вмѣстѣ съ ними онъ переѣхалъ въ Петербургъ и остался тамъ, когда Станиславъ Августъ умеръ (1798), а племянникъ его переселился въ Италію. Императоръ Александръ I предлагалъ Тончи мѣсто живописца при Эрмитажѣ съ обязанностію представлять ежегодно, за особенную плату, по одной картинѣ ко двору. Неизвѣстно, по какой причинѣ Тончи не воспользовался такимъ выгоднымъ предложеніемъ. Вскорѣ онъ переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ и провелъ остальные годы жизни, женившись въ 1805 г. на княжнѣ Натальѣ Ивановнѣ Гагариной.

Во время нашествія Французовъ Тончи, пользуясь особеннымъ расположеніемъ графа Ростопчина, выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ его канцеляріею; но на пути, отдѣлившись отъ прочихъ, наткнулся на партію казаковъ, и такъ какъ онъ не говорилъ по-русски, то былъ принятъ ими за шпіона и схваченъ. Къ счастію, черезъ деревушку, въ которой его посадили подъ караулъ, проѣзжалъ графъ Соллогубъ, хорошо знавшій его: Тончи былъ выпущенъ и отвезенъ во Владиміръ къ Ростопчину, который и далъ ему убѣжище въ своемъ домѣ. По другому разсказу, Тончи не хотѣлъ оставлять Москвы, надѣясь, что въ войскахъ Наполеона найдетъ соотечественниковъ и можетъ тамъ прожить спокойно; но когда начались пожары и грабежи, онъ выѣхалъ изъ Москвы и на дорогѣ былъ сперва ограбленъ, а послѣ задержанъ крестьянами, принявшими его за Француза. Тогда съ отчаянія Тончи перерѣзалъ себѣ горло; но его успѣли спасти и доставили его во Владиміръ, гдѣ нашлось у него много знакомыхъ, стараніями которыхъ онъ поправился. Впослѣдствіи Тончи самъ разсказывалъ, что онъ покушался на свою жизнь въ припадкѣ помѣшательства и съ той поры измѣнилъ свою прежде пантеистическую философію на болѣе христіанскую.

Въ память спасенія Россіи и своего собственнаго освобожденія Тончи написалъ для владимірскаго собора икону *Крещеніе Руси*. Его же кисти принадлежитъ позднѣйшее произведеніе — запрестольный образъ Вознесенскаго монастыря въ Кремлѣ. Кромѣ Державина, онъ написалъ еще превосходные портреты Безбородки, Суворова и Ростопчина, находившіеся вмѣстѣ съ другими портретами его работы въ кабинетѣ послѣдняго.

Живописью Тончи занимался, по большей части, какъ средствомъ для жизни, хотя и обладалъ въ ней замѣчательнымъ талантомъ: увѣряютъ, что онъ никогда ни у кого не бралъ уроковъ въ рисованіи, а изучилъ

Digitized by Google

искусство самъ, по картинамъ Рафаэля. Главнымъ призваніемъ своимъ онъ считалъ поэзію и въ ней думалъ обезсмертить себя.

Уже во время печатанія этого листа мы получили большой рукописный томъ италіянскихъ сочиненій Тончи, весь писанный его собственнымъ, красивымъ и четкимъ почеркомъ и имѣющій общее заглавіе: «Poesie Italiane d'un Russo, dedicate all' Italia, sua cara antica Patria. Volumo I.» Рукопись совершенно приготовлена къ печати и даже снабжена, еще въ 1831 г., цензурною помѣтою И. М. Снегирева. Цѣлую половину тома составляетъ большая поэма въ 33-хъ пѣсняхъ: L'Edeneide ossia la Verità scoperta dalla Ragione (Эдемъ, или Истина, открытая Разумомъ), сочиненіе въ родѣ Божественной Комедіи Данта и также написанное терцинами *: Іоаннъ Богословъ ведетъ поэта въ рай и объясняетъ ему всѣ тайны творенія и искупленія. Въ послѣдніе годы жизни онъ почти уже не занимался живописью, но безпрестанно перепpавлялъ свою Эденеиду.

Тончи былъ въ большомъ безпокойствѣ, что не успѣетъ окончательно отдѣлать и напечатать эту поэму. Сколько можно было судить по его разсказамъ, это сочиненіе заключаетъ въ себѣ автобіографическій смыслъ и изображаетъ переходъ собственнаго его воображенія, хотя и поэтическаго, но все таки нѣсколько разстроеннаго, и философскихъ его взглядовъ отъ скептицизма къ идеологіи и наконецъ къ христіанству.

За Эденеидою слѣдуютъ другія меньшія поэмы духовнаго и историческаго содержанія, потомъ басни и переводы изъ Горація и Виргилія. На особомъ листѣ нашли мы переводъ оды *Богъ* Державина. У Тончи была своя особенная философія: онъ любилъ утверждать, что все нами видимое и ощущаемое не имѣетъ дѣйствительнаго бытія, а только *кажется* намъ существующимъ **. Императоръ Александръ Павловичъ, удостоивавшій Тончи необыкновенно милостиваго обращенія, не разъ шутилъ въ разговорахъ съ нимъ надъ этой идеей. Однажды, когда Гарнеренъ поднялся въ воздушномъ шарѣ, Государь, обращаясь къ стоявшему возлѣ него Тончи, спросилъ по-французски: «Ну что, Тончи, развѣ этотъ шаръ не въ самомъ дѣлѣ поднялся на воздухъ?» — «А какое доказательство тому, возразилъ Италіянецъ, имѣете ваше величество, кромѣ того, что это вамъ кажется?»

Въ 1815 году Тончи поступилъ на службу, съ чиномъ канцеляриста. въ экспедицію кремлевскаго строенія (что нынѣ московская дворцовая контора) и участвовалъ, подъ начальствомъ кн. Н. Б. Юсупова, въ учре-

* Вотъ заглавія остальныхъ сочиненій рукописи: Orazione all' orto, Cristo al Limbo, Egloga 6 di Virgilio, La morte di Federigo il Grande, Orfeide (15 пѣсней), 8 favole, Il ritiro, L'Arte poetica d'Orazio, Arte pittorica. Сверхъ того есть одно напечатанное его сочиненіе: аллегорическая поэма въ драматической формѣ (Il patto fra la Pietá e il Rigore, Москва 1826), написанная на восшествіе на престолъ императора Николая.

** Въ сочиненіяхъ графа Хвостова есть посланіе къ Тончи относительно его системы *о призракахъ*. Подробное описаніе владимірской иконы, писанной этимъ художникомъ, и обстоятельствъ ея происхожденія можно найти въ *Путевыхъ запискахъ* того же автора, изданныхъ М. Н. Макаровымъ, М. 1824 (стр. 20—24).

Digitized by Google

жденіи архитектурной школы (нынѣ дворцовое архитектурное училище), въ которой и занималъ болѣе 25-ти лѣтъ должность инспектора рисовальныхъ классовъ. По этой службѣ Тончи жилъ въ Запасномъ дворцѣ близъ Красныхъ воротъ. Онъ вышелъ въ отставку 1842 г. въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Тончи достигъ глубокой старости: онъ умеръ въ декабрѣ 1844 г., почти девяноста лѣтъ, переживъ жену свою (ум. 1832 г.) и младшую дочь Софью. Старшая дочь его, Марія (род. 1814 г.), посвятила себя монашеству и живетъ въ Переяславскомъ монастырѣ.

Послѣ Тончи осталось у его родныхъ большое число писанныхъ имъ картинъ, но къ сожалѣнію, немногія изъ нихъ хорошо сбережены. Особенно любопытны между ними нѣсколько портретовъ его. Въ портфелѣ его много интересныхъ историческихъ этюдовъ, изъ которыхъ нѣкоторые отзываются однакожъ какою-то болѣзненностью фантазіи.

«Поэтъ, мыслитель, живописецъ и музыкантъ», говоритъ о Тончи г. Мельгуновъ, «онъ представлялся на дальнемъ сѣверѣ какимъ-то обломкомъ эпохи возрожденія» (*Совр. Лѣтопись* 1861, № 17).

По *Объясненіямъ* Державина, настоящее стихотвореніе написано въ ноябрѣ 1801 года по поводу разныхъ мнѣній о томъ, въ какомъ видѣ долженъ быть сдѣланъ портретъ его. Одни совѣтовали живописцу снять его въ мундирѣ и орденахъ; а другіе — «по примѣру антиковъ, — безъ всякихъ украшеній, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ». Тогда Тончи потребовалъ разрѣшенія у самого поэта, который, желая удовлетворить и ту и другую сторону споривших, просилъ написать себя такъ, какъ изложено въ послѣднихъ строфахъ посланія. Въ бумагахъ поэта остался особый листъ, на которомъ оно переписано на-чисто рукою В. В. Капниста, а рядомъ, тѣмъ же почеркомъ, и французскій переводъ въ прозѣ, сдѣланный вѣроятно самимъ переписывавшимъ для Тончи.

Эти стихи напечатаны въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 105, и потомъ безъ всякихъ перемѣнъ въ изд. 1808, ч. III, LXV.

[2] Чтобъ шелъ, природой лишь водимъ.

Ту же мысль, что онъ своимъ возвышеніемъ обязанъ преимущественно природному дарованію и характеру своему, Державинъ еще опредѣленнѣе выразилъ слѣдующимъ четырестишіемъ:

Кто велъ его на Геликонъ
И управлялъ его шаги?
Не школъ витійственныхъ содомъ, —
Природа, нужда и враги!

Эти стихи въ первый разъ были напечат. въ *Другѣ Просвѣщенія* 1806 г., № 3, стр. 280, въ примѣчаніи къ біографіи Державина въ *Новомъ опытѣ историч. словаря о росс. писателяхъ* преосвящ. Евгенія, при чемъ объяснено, что поэтъ сказалъ это «въ письмѣ къ одному любителю словесности, спрашивавшему его, гдѣ и отъ кого научился онъ своему искусству пѣснопѣнія». Потомъ въ *Памятникѣ отеч. музъ* на 1827 г., подъ заглавіемъ: *Черта къ біографіи Державина* (стр. 103), съ такимъ примѣчаніемъ:

Digitized by Google

«Объясненіе четырехъ сихъ строкъ, писалъ Г. Р. Державинъ къ графу Д. И. Хвостову, *составитъ исторію моего стихотворства, причины оного и необходимость»*. Самое письмо это см. въ статьѣ моей: *Переписка Евгенія съ Державинымъ* (*Сборникъ* Отдѣл. р. яз. и сл., т. V, вып. 1, стр. 67 и 68).

³ ··· прапращуръ мой Багримъ.

См. томъ I, стр. 492, прим. 2 къ *Приношенію Монархинѣ*.

---

82. КРЕСТЬЯНИНЪ И ДУБЪ [1].

1802.

Рубилъ крестьянинъ дубъ близъ корня топоромъ;
Звучало дерево, пускало шумъ и громъ [a],
И листья на вѣтвяхъ хотя и трепетали,
Близъ корня видючи топоръ,
Но, въ утѣшеніе себѣ, съ собой болтали,
По лѣсу распуская всякій вздоръ. —
А дубъ надѣялся на корень свой, гордился [2]
И презиралъ мужичій трудъ;
Мужикъ же все трудился
И думалъ между тѣмъ: пускай ихъ врутъ:
Какъ корень подсѣку, и вѣтви упадутъ!

[a] Звучало дерево какъ громъ,
На вѣтвяхъ листья трепетали,
Но въ утѣшеніе болтали
Между собою всякій вздоръ.
На корень свой надѣясь, дубъ гордился (1816).

---

¹ Въ I-мъ томѣ, при баснѣ *Левъ и Волкъ* (стр. 123) было уже упомянуто, что и эта область поэзіи была не чужда для Державина. Хотя настоящая басня и не была напечатана при его жизни, помѣщаемъ ее здѣсь потому, что она вошла уже въ нѣкоторыя изъ посмертныхъ изданій его сочиненій. Эта басня написана въ Калугѣ, куда Державинъ былъ посланъ императоромъ Александромъ I для изслѣдованія безпорядковъ, въ которыхъ обвинялся тамошній губернаторъ, Лопухинъ. Во время слѣдствія Державинъ подвергся разнымъ нареканіямъ; неблагопріятные для него толки распространялись особенно людьми, участвовавшими въ злоупотребленіяхъ губернатора. Ихъ-то, кажется, поэтъ и разумѣетъ подъ *листьями* и *вѣтвями* дуба; подъ *мужикомъ* же самого себя (*Зап.* Д., *Р. Б.*, стр. 444 и слѣд.

Басня *Крестьянинъ и дубъ* въ первый разъ была напечат. въ *Сынѣ отеч.* 1816 г., ч. 34, № XLIX, стр. 154; потомъ въ *Москвитянинѣ* 1842, ч. II, № 4, стр. 293.

Digitized by Google

[2] И дубъ надѣяся на корень свой, гордился.

Лопухинъ, по словамъ Державина (*Зап.*), разсчитывалъ на сильныхъ родственниковъ своихъ и друзей въ Петербургѣ, — князя Лопухина, Беклешова, Трощинскаго, Торсукова и другихъ.

---

83. КЪ ЦАРЕВИЧУ ХЛОРУ[1].

Прекрасный Хлоръ! Фелицынъ внукъ, 1
Сынъ матери премилосердной,
Сестеръ и братьевъ нѣжный другъ,
Супругъ супругѣ милый, вѣрный!
О ты, чей ростъ и взоръ и станъ
Есть витязя, породы царской,
Который больше другъ, чѣмъ ханъ
Орды, страны своей татарской!
Послушай, неба серафимъ,
Ниспосланный счастливить смертныхъ,
Чтò пишетъ Солнцевъ сынъ, браминъ,
Желая благъ тебѣ несмѣтныхъ:
Достигъ незапно громкій слухъ 2
До насъ, живущихъ въ Кашемирѣ,
Что будто Зороастровъ духъ
Воскресъ въ подлунномъ здѣшнемъ мірѣ
И, воплотясь въ тебѣ, о Хлоръ!
Возсѣлъ на нѣкоемъ престолѣ,
Дабы расцвѣлъ добротъ соборъ
На немъ, неслыханныхъ дотолѣ.
Такъ точно: говорятъ, что ты 3
Какой-то чудный есть владѣтель;
Души и тѣла красоты
Совокупя на добродѣтель,
Быть хочешь всѣхъ земныхъ владыкъ
Страшнѣй, не страхомъ, но любовью,
Блаженствомъ подданныхъ великъ,
Не покореньемъ царствъ и кровью.
Такъ: шепчутъ, будто саму власть, 4
Въ твоихъ рукахъ самодержавну,
Господства безпредѣльну страсть,

Digitized by Google

Ты чтишь[а] за власть самоуправну;
Что будто мудрая та блажь
Нерѣдко въ умъ тебѣ приходитъ,
Что царь — законовъ только стражъ,
Что онъ лишь въ дѣйство ихъ приводитъ
И ставитъ въ томъ въ примѣръ себя;
Что ты живешь лишь для народовъ,
А не народы для тебя,
И что не свыше ты законовъ;
А тѣхъ пашей, эмировъ[б], мурзъ
Не любишь и не терпишь точно,
Что, сами ползая средь узъ,
Мухъ давятъ въ лапахъ полномочно
И бить себѣ велятъ челомъ;
Что ты не кажешься имъ богомъ,
Не ѣздя на царяхъ верхомъ[2];
Сидишь и ходишь въ рядъ съ народомъ;
Что, не стирая съ туфлей прахъ
У муфтьевъ, дервишей, имановъ,
Въ сѣдыхъ считаешь бородахъ
Ихъ гласъ за гласъ ты алкорановъ;
Что, чувствуя въ себѣ одномъ
Ты власть Небесъ, а слабость смертныхъ,
Имъ разбирать себя судомъ
Велишь чрезъ гражданъ частныхъ, честныхъ;
Раздоры миромъ прекращать,
Закону съ совѣстью поладить,
И больше, шерсть чтобъ не терять,
Овцамъ въ репейники не лазить[3].

Еще толкуютъ тожъ, что гласъ 5
Къ тебѣ народа тайно входитъ;
Что тысячью ты смотришь глазъ
И въ шапкѣ-невидимкѣ бродитъ
Вездѣ твой духъ, — и на коврахъ
Летаетъ будто самолетахъ,
Въ чалмахъ, жупанахъ, чеботахъ,
А нужно гдѣ, то и въ жилетахъ,
Чтобъ какъ-нибудь невинность спасть;
И словомъ: многими путями

Digitized by Google

Ты кротку простирая власть,
Какъ солнце, грѣешь міръ лучами.
И даже будто бы съ собой[в] 6
Даешь ты случай всѣмъ встрѣчаться,
Писать на голубяхъ, съ тобой[4]
Такъ-сякъ и лично[г] объясняться;
И злость и глупость на позоръ
Печатавъ, выставлять листами[5];
Молоть языкомъ всякій вздоръ
И въ лавкахъ торговать умами;
И будто ты, увидя разъ
Лису иль волка въ агнчей кожѣ[д],
Вмигъ отъ своихъ сгоняешь глазъ,
Хотя бъ ихъ зрѣлъ въ какомъ вельможѣ.
А наконецъ, хотя и ханъ, 7
Но такъ ты чудно, странно мыслишь,
Что будто на себѣ кафтанъ
Народу подлежащимъ числишь[6];
Пировъ богатыхъ не даешь,
Убранство, роскошь презираешь,
Въ чертогахъ низменныхъ живешь[7],
Царицу четверней катаешь
И, ходя иногда пѣшкомъ,
Ты по садамъ цвѣты срываешь,
Но злата не соришь мѣшкомъ;
Торопишься въ дѣлахъ не скоро[е];
Такъ шьешь, чтобъ послѣ не пороть;
Мнишь, не доходомъ въ домѣ споро,
А гдѣ умѣренный расходъ[8].
И подлинно[ж], весьма чудесный 8
Бывалъ ли гдѣ такой султанъ?
Да Оромазъ блюдетъ небесный
Тебя, гаремъ, сѣдой диванъ
И всю твою орду татарску!
Да ангелъ самъ Инсфендармасъ[9],
Покрывъ главу крылами ханску,
Съ своихъ тебя не спуститъ глазъ
И узелъ укрѣпитъ священный
На поясѣ твоемъ всегда[10]!

Digitized by Google

Да ароматомъ растворенный
Твой огнь не гаснетъ никогда,
И я дивлюсь и восхищаюсь
Лишь добродѣтелямъ твоимъ,
Какъ той звѣздѣ, что поклоняюсь [11]
И коей подношу здѣсь гимнъ!
Въ хвалу тебѣ и въ присвоенье
Ея красотъ и всѣхъ потребъ,
Да имя, Хлоръ, твое, правленье
Напишется на дскѣ судебъ!

Когда же подлая и даже подкупная [з], 9
Прищуря мрачный взоръ, гдѣ зависть или злость
На насъ прольетъ свой ядъ, — простимъ имъ грѣхъ, вздыхая:
Не прейдутъ бѣдные чрезъ Ариманов мостъ [12].

[а] Ты чтешь ... (Первон. рукоп.).
[б] А тѣхъ пашей, визиревъ, мурзъ (1803).
[в] И даже будто находить.
[г] Писать на голубяхъ, просить,
Съ тобою лично ...
[д] Лису, въ ягнячьей кожѣ, волка,
Вмигъ отъ своихъ гоняя глазъ,
Уже не терпишь ихъ нисколько.
[е] Торопишься на казнь не скоро (Рукоп.).
[ж] Ну подлинно ... (1803).
[з] Когда жъ на насъ гдѣ подкупная,
Глаза сощуря, зависть, злость
Свой пуститъ ядъ, — простимъ, вздыхая:
Не прейдутъ Ариманов мостъ.

---

[1] Написано на Званкѣ, въ томъ же родѣ какъ ода *Фелица*, при которой нами уже объясненъ поводъ къ названію *Хлоромъ* внука императрицы Екатерины II (томъ I, стр. 90 и 91). Напечатано отдѣльно, вмѣстѣ съ слѣдующимъ стихотвореніемъ, въ 1803 году въ «императорской типографіи», подъ заглавіемъ Посланіе индѣйскаго брамина и Гимнъ Солнцу (въ листъ большаго формата, 13 страницъ). Имя автора нигдѣ не выставлено; подъ общимъ заглавіемъ отмѣчено: «Съ дозволенія санктпетербургскаго гражданскаго губернатора». Послѣ заглавія на особомъ полулистѣ большая картина, въ концѣ же втораго стихотворенія — другая; обѣ совершенно соотвѣтствуютъ приложеннымъ къ нашему 1-му изданію соч. Державина. Въ изд. 1808 г., см. ч. II, xxxv.

[2] ... Не ѣздя на царяхъ верхомъ.

«Сезострисъ, египетскій царь, запрягалъ побѣжденныхъ царей въ колесницу, а императоръ Александръ любилъ чрезвычайно просто со всѣми обращаться» (*Об.* Д.).

[3] Овцамъ въ репейники не лазить.

Въ этомъ и въ четырехъ предыдущихъ стихахъ заключается намекъ на «правила третейскаго совѣстнаго суда, которыя Императоръ приказалъ тогда автору написать: написаны были и имъ словесно апробованы; но прочимъ гг. министрамъ какъ не понравились, то и не изданы, ибо при оныхъ нельзя уже бы было заводить ябедою въ суды и давить народъ неправосудіемъ въ судебныхъ мѣстахъ, изъ которыхъ, какъ овцы изъ репейниковъ, не выходятъ безъ того тяжущіеся, чтобъ не потерять своей шерсти» (*Об.* Д.). Объ этомъ подробнѣе въ *Запискахъ* его (*Р. Бес.*, стр. 471 и слѣд.) и въ біографіи. Ср. также одно изъ примѣчаній къ пьесѣ *Лебедь*, подъ 1804 г.

[4] Писать на голубяхъ ...

«Въ Египтѣ было обыкновеніе, что писали къ своимъ пріятелямъ чрезъ голубей; то и относится сей стихъ къ тому, что къ Императору доходили нерѣдко письма, неизвѣстно чрезъ кого, такъ, какъ бы приносимы были птицами» (*Об.* Д.). О голубиной почтѣ ср. выше стр. 250.

[5] Печатавъ, выставлять листами *и проч.*

«Въ 1802 г. случилось въ Петербургѣ весьма мерзкое происшествіе, что женщина хорошаго состоянія тирански и постыднымъ образомъ была умерщвлена неизвѣстными людьми: то выставлены были публикаціи о сыскѣ сихъ мерзавцевъ, и нѣкоторые по подозрѣнію только высланы изъ города. — При семъ Государѣ, а особливо въ первые годы царствованія, свободно можно было говорить о всемъ, какъ не затруднительно было и печатаніе книгъ, которыми книгопродавцы торговали» (*Об.* Д.).

[6] Народу подлежащимъ числишь.

«Государь сей, будучи въ министерскомъ комитетѣ, въ которомъ и авторъ присутствовалъ, сказалъ при случаѣ требованія денегъ на нѣкоторые не столько нужные расходы, что онъ долженъ отчетомъ въ томъ народу, ибо деньги не его, но принадлежатъ государству» (*Об.* Д.).

[7] Въ чертогахъ низменныхъ живешь *и проч.*

«Государь сей не любилъ великолѣпія и роскоши, жилъ лѣтомъ большею частію на Каменномъ острову въ небольшомъ домѣ; самъ и императрица ѣздили четверней съ однимъ лакеемъ, а въ подражаніе имъ и вся публика, такъ что цуговъ совсѣмъ не употребляли, кромѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны» (*Об.* Д.). Ср. начало 8-й строфы *Фелицы* и примѣч. 13 къ этой одѣ (томъ I, стр. 85 и 96).

[8] ... А гдѣ умѣренный расходъ.

«Императоръ сей по умѣренному расходу на свой дворъ накоплялъ суммы, на кои покупаны были отъ владѣльцевъ изъ удѣльнаго департамента крестьяне и причислены въ казну» (*Об.* Д.).

[9] Да ангелъ самъ Инсфендармасъ.

Въ книгѣ Зендъ-Авеста ангелъ Инсфендармасъ упоминается какъ покровитель страны (*Об.* Д.). Въ извѣстномъ персидско-англійскомъ словарѣ Джонсона (1852) имя «Isfandārmuz» (اسفندارمز) объяснено между

Digitized by Google

прочимъ какъ названіе ангела, завѣдывающаго двѣнадцатымъ мѣсяцемъ солнечнаго года (выписка В. В. Вельяминова-Зернова).

[10] На поясѣ твоемъ всегда.

На поясѣ брамины носили нѣсколько таинственныхъ узловъ; они же смотрѣли, чтобъ не угасалъ священный огонь (*Об.* Д.).

[11] Какъ той звѣздѣ, что поклоняюсь —

т. е. солнцу, которому въ Индіи поклонялись (*Об.* Д.).

[12] Не прейдутъ бѣдные чрезъ Аримановъ мостъ.

Брамины вѣрятъ, что души по смерти переходятъ черезъ мостъ злаго духа Аримана и, ежели онѣ не очищены, то свергаются въ неизмѣримыя бездны. Послѣдніе четыре стиха были отвѣтомъ на пасквиль, написанный на Державина однимъ писателемъ, который имѣлъ худое зрѣніе и употреблялъ лорнетъ (*Об.* Д.). Можетъ быть, здѣсь разумѣется именно тотъ пасквиль, который приведенъ выше, стр. 234, въ извлеченіи изъ дневника Второва.

---

84. ГИМНЪ СОЛНЦУ [1].

Ліющее златыя рѣки 1
Съ неизмѣримой высоты,
Неизсякаемыя въ вѣки
Непостижимы красоты,
О солнце! о душа вселенной!
О точный обликъ божества!
Позволь, да мыслью восхищенной,
О благодѣтель вещества!
Дивящеся лучамъ твоимъ,
Пою тебѣ священный гимнъ.

Услышь меня, свѣтило міру! 2
И пламеннымъ съ высотъ лицомъ,
Богъ свѣта, преклонись на лиру,
И озари твоимъ лучемъ [a],
Да гласы съ струнъ ея прольются;
Какъ протяженны съ звѣздъ лучи,
Мои вѣщанья раздадутся
Глубокой вѣчности въ ночи,
И повторятъ твои хвалы
Земля и вѣтры и валы.

Какъ въ первый разъ на тронъ вступило 3
Ты, тихія зари въ вѣнцѣ,

Digitized by Google

Блистаньемъ холмы озлатило, —
Земное расцвѣло лице:
Ушли и бури и морозы,
Снеслись зефиръ и тишина,
Отверзлись благовонны розы,
И, улыбнувшися, весна
Дохнула радость, торжество.
Всѣмъ благотворно божество!
  Носяся въ воздухѣ высоко, 4
Сквозь неизмѣрны бездны зришь;
Небесъ всевидящее око,
Собой все держишь и живишь;
Дѣлишь вселенну въ небосклоны,
Опредѣляешь времена;
Ты пишешь ей твои законы,
Кладешь предѣлы нощи, дня;
Льешь блескъ звѣздамъ, свѣтъ твари всей,
И учишь царствовать царей.
  Порфирою великолѣпной 5
Объявъ твоею шаръ земной,
Рукой даруешь непримѣтной
Обилье, жизнь, тепло, покой.
Орловъ лучами воскрыляешь,
На насѣкомыхъ въ тмѣ блестишь,
Со влагой огнь свой возвращаешь [6]
И несгараемо горишь.
Предвѣчно бытіе твое,
Съ тобой, царь міра, и мое.
  Такъ, свѣта океанъ чудесный! 6
Кто истины не видитъ сей,
Того ума предѣлы тѣсны,
Не знаетъ сущности твоей;
Не зритъ: чѣмъ больше раздѣляешь
Себя ты на другихъ тѣлахъ, —
Любезнѣе очамъ сіяешь
На холмахъ, радугахъ, моряхъ.
Ты образъ добраго царя:
Край ризы твоея — заря.
  Любезно, тихо, постоянно, 7

Digitized by Google

Не воспящаяся ничѣмъ,
Блистательно и лучезарно
Вѣкъ шествуешь своимъ путемъ.
Надъ безднами и высотами
Безъ ужаса взнося свой зракъ,
Ты исполинскими шагами
Отвсюду прогоняешь мракъ;
Несовратимъ, непобѣдимъ
Природы сильный властелинъ!
Я истины ищу священной, 8
Блаженства, сердца чистоты,
Красы и доблести нетлѣнной:
Мнѣ вкупѣ ихъ являешь ты[в].
Когда же ты благимъ и злобнымъ
Не престаешь вовѣкъ сіять,
Восторгомъ нѣкакимъ[г] духовнымъ
Тебя стремлюсь я обожать:
Такъ, такъ: кто больше благъ быть могъ?
Дивлюсь, едва ли ты не Богъ!
О мудрыхъ цѣль ума и взора[д]! 9
Монаршей власти образецъ!
Средь звѣздъ блистающаго хора,
Какъ царь, иль вождь, или отецъ,
Сѣдящій на сапфирномъ тронѣ,
Свое сіяніе дѣлишь
И, самъ ходя въ твоемъ законѣ,
Кругъ мірозданія крѣпишь:
Тамъ блещетъ каждый свѣтъ[е] другимъ,
А всѣ присутствіемъ твоимъ.
Величествъ и добротъ зерцало! 10
Безумію невѣждъ прости,
Тебя они коль знаютъ мало:
Твоимъ ихъ свѣтомъ просвѣти.
Наставь, чтобъ всякъ былъ меньше злобнымъ;
Въ твое подобье облачи;
Быть кроткимъ, свѣтлымъ, а не гордымъ,
Твоимъ примѣромъ научи:
Какъ ты, чтобъ жили для другихъ,
Не ради лишь себя однихъ[ж].

Digitized by Google

[а] ... огнемъ ... (Первон. рукоп.).
[б] Съ тѣхъ огнь свой влагой возвращаешь.
[в] И все мнѣ представляешь ты.
[г] ... нѣкіимъ ... (1803).
[д] О любомудраго цѣль взора (Рукоп.).
[е] ... міръ ...
[ж] Не только для себя однихъ (1803).

---

[1] Написано на Званкѣ и принадлежитъ къ предыдущему стихотв., съ которымъ въ первый разъ и напечатано вмѣстѣ въ 1803 г. (см. выше стр. 262); потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, xxxvi.

---

85. ЛИЗѢ. ПОХВАЛА РОЗѢ[1].

Я воспѣлъ весну прекрасну[а],
Нынѣ розу я пою;
Всѣхъ цвѣтовъ пою изящну
Я красавицу мою.
Лиза! другъ мой милой, юной!
Розѣ гласъ свой посвящай,
На гитарѣ тихострунной
Пѣснь мою сопровождай[2].
Роза зрѣнію любезна,
Обонянію мила,
Здравью, разуму полезна
И невинностью свѣтла.
Роза пѣнія достойна,
Даръ священный алтарей;
Царствъ владычицамъ подобна,
Въ одѣяніи царей.
Роза, если устрашаетъ,
Тернъ свой ставя чести въ щитъ:
Во цвѣтахъ благоухаетъ,
Очи, души веселитъ;
Розовы уста прекрасны,
На ланитахъ милъ ихъ смѣхъ,
На грудяхъ лилейныхъ ясны,
Розу похвалить чѣмъ, мало:
Будь мнѣ, Лиза, ею — ты!

Святъ вѣнецъ ихъ мудрецамъ;
Розы дѣвамъ украшенье,
Восхищенье молодцамъ.
Розы лучшее убранство
И пріятностей младыхъ;
Розы красотѣ въ подданство
Клонятъ и владыкъ земныхъ.
Розы въ пиршествахъ утѣха[3], —
На гостяхъ, какъ огнь, цвѣтутъ;
Розы въ скукѣ не помѣха,
Услаждаютъ скорбь и трудъ.
Розовы листы, нагрѣты
Вздохомъ устъ, ударомъ рукъ, —
Счастливой любви обѣты, —
Громкій производятъ звукъ[4].
Розы тожъ намъ помогаютъ,
Какъ и стрѣлы, побѣждать;
Коль красу гдѣ выхваляютъ[б],
Льзя ли розой не назвать?
Роза другъ зари румяной,
Дщерь весны и кринъ небесъ;
Миръ даетъ душѣ печальной[в],
Изсушаетъ токи слезъ.
Розу въ лучшіе дни года
Прославляетъ соловей;
Зефиръ вѣетъ, и природа
Улыбается вся ей.
Розы въ жизни насъ прельщаютъ,
Намъ по смерти розы честь;
Стихотворцы воспѣваютъ
Розовой Авроры перстъ[5].
Роза всѣмъ кустамъ царица,
Ароматовъ сладкихъ мать;
Бисеромъ своимъ зарница
Розу любитъ окроплять[г].
Роза міру покрывало,
Образъ солнца[д], красоты;
Любы Лелю для утѣхъ.
Розы старцамъ утѣшенье,

Digitized by Google

[в] Воспѣвалъ весну прекрасну,
Нѣжну розу днесь пою (1804).
[б] Сколь красу ни выхваляютъ.
[в] Душѣ грѣшной, окаянной
Очищенье токомъ слезъ.
— Страсти грѣшной ... (Рукоп.).
[г] Розу любитъ усыпать (1804).
[д] Солнца образъ, красоты.

---

[1] Написано на Званкѣ въ честь молоденькой племянницы Державиныхъ, дочери Н. А. Львова, Елисаветы Николаевны (род. 2 сент 1788 г., ум. 28 дек. 1864), той самой, которая нѣсколько лѣтъ спустя, писала подъ диктовку поэта *Объясненія* на его сочиненія, а въ недавнее время обязательно передала намъ рукопись этого комментарія (см. томъ I, стр. XXVIII Предисловія). О покойномъ мужѣ ея, Ѳедорѣ Петровичѣ Львовѣ, издавшемъ въ 1834 году передѣланныя имъ для печати *Объясненія* Державина, см. ниже, подъ 1805 г., примѣчанія къ пьесѣ *Весна*.

Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 г. (№ 7) помѣщена учено-литературная статья *Роза*, написанная для этого журнала нѣмецкимъ ботаникомъ докторомъ Кономъ (стр. 337—361). Въ концѣ ея онъ говоритъ: «Почти всѣ древніе писатели, начиная съ Сафо и Анакреона, — Ѳеокритъ и Мосхъ, Горацій и Овидій, Катуллъ и Авзоній, — воспѣли розу въ элегіяхъ, одахъ и эпиграммахъ; и съ этихъ-то классическихъ временъ гремитъ непрерывная хвала розѣ; въ среднихъ вѣкахъ выражается она пѣснями романскихъ трубадуровъ и германскихъ миннезенгеровъ, потомъ переходитъ въ баллады Данта, въ сонеты Петрарки, въ канцоны и мадригалы Тасса; проходитъ всѣ стихотворныя формы, въ устахъ всевозможныхъ поэтовъ, и, дойдя до нашихъ дней, сливается въ полный хоръ. А кто не знаетъ, какъ прославляетъ розу восточная поэзія? Кому неизвѣстенъ прелестный персидскій миѳъ — любовь Розы и Соловья, которымъ такъ часто пользовался персидскій пѣвецъ Гафизъ?» — Подобное говорится о розѣ въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* 1804 г., № 6, гдѣ напечатано въ переводѣ извлеченіе изъ Nouveau Dictionnaire d'histoire naturelle, par Sonnini и проч.: «Кто не знаетъ сего цвѣта? кто не удивлялся ему? Всѣ красавицы любятъ его, всѣ любовники его ищутъ, всѣ стихотворцы воспѣваютъ его» и т. д. Отъ древнихъ почитаніе розы перешло и въ новѣйшія литературы. Гервинусъ говоритъ о нѣмецкихъ Анакреонтикахъ 18-го столѣтія: «Эти душистые пѣвцы цвѣтовъ и любви ищутъ въ розѣ эмблемы всей жизни, образа человѣческой непорочности и добродѣтели, урока о мудрости Того, кто ее создалъ» и проч. (Geschichte der d. Dichtung, т. IV, стр. 236). Въ честь розы есть пѣсня и въ народной германской поэзіи. Пьеска Гёте Heidenröslein есть только измѣненная редакція народной пѣсни, записанной Гердеромъ (Göthe's Werke, въ 40 томахъ, т. I, стр. 12).

У Анакреона есть двѣ оды (Εἰς ῥόδον, V — 42 и LIII — 53, 54), въ которыхъ можно видѣть первообразъ стихотворенія Державина; по-

дражалъ онъ собственно послѣдней. Ср. стихи Н. Эмина *Роза* въ его *Подражаніяхъ древнимъ* (см. выше стр. 150).

Стихотв. Державина было положено на музыку Нейкомомъ, напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 118, и въ изд. 1808, ч. III, LXXI.

[2] ... Пѣснь мою сопровождай.

Ср. у Львова первые четыре стиха оды *На Розу:*

«*Воспою весну* цвѣтущу,
Нѣжну *розу воспою!*
Пѣснь мою, о другъ мой милый!
Гласомъ ты *сопровождай.*»

[3] Розы въ пиршествахъ утѣха.

И у Львова: «*Роза въ пиршествахъ утѣха*».

[4] Громкій производятъ звукъ.

Въ переводѣ Львова:

«Розовый румяный листъ,
На рукѣ согрѣтъ прекрасной,
Какъ пріятно намъ въ любви
Разрѣша сомнѣнье звукомъ
Счастье и успѣхъ сулитъ.»

Трудно было бы понять какъ эти стихи Львова, такъ и еще болѣе подражаніе имъ у Державина, еслибъ въ изданіи перваго не было примѣчанія, изъ котораго видно, что комментаторъ (Евг. Булгаръ) совершенно особеннымъ образомъ толковалъ соотвѣтствующее мѣсто Анакреона:

«Г. Мутонетъ де Клерфонъ», говоритъ ученый архипастырь, «не хо-«тѣлъ разумѣтъ сихъ стиховъ и перевелъ ихъ такъ: Qu'il est agréable «de tenir d'une main délicate cette fleur consacrée à l'Amour et d'en res-«pirer la douce odeur! Но г. Дасье въ комментаріяхъ своихъ на Теокрита «толкуетъ смыслъ сихъ стиховъ слѣдующимъ образомъ: У Грековъ «былъ обычай загадывать, любитъ ли кто кого, положа на не-«совсѣмъ сжатый кулакъ розовый листочекъ, и, подувъ на «оный, ударить ладонью. Если листикъ щелкнетъ, то любитъ «и проч. Сей любовный оракулъ и по сю пору еще остался; и мнѣ очень «жаль, что мальчишки окаянные кленовыми листами, и безъ всякаго нѣж-«наго замысла, употребляютъ таинство, про которое и Теокритъ въ XI «идилліи ст. 30 какъ про дѣло говоритъ. Я узналъ, говоритъ онъ, ужъ «на сихъ дняхъ, любишь ли ты меня или нѣтъ. Маковый листо-«чекъ совсѣмъ не щелкнулъ, но завялъ подъ рукой моей. Въ «Теокритѣ *подъ локтемъ моимъ* сказано; и это былъ такого же рода про-«вѣщатель, только инымъ образомъ: Розовый листикъ сгибали пу-«зырькомъ такъ, что края онаго собирались вмѣстѣ и, за «оные держа двумя пальцами, ударяли локтемъ. Собранный «и запертой въ листикѣ воздухъ, при освобожденіи своемъ, «издавалъ тихимъ или громкимъ звукомъ прорицаніе счастли-«вой или несчастливой любви» (*Анакреонъ* Львова, стр. 269).

Digitized by Google

Matthieu Guthrie въ сочиненіи Dissertations sur les Antiquités de Russie (Спб. 1795) также признаетъ подобный смыслъ въ стихахъ Анакреона. По его словамъ (стр. 109), древніе Греки щелкали маковыми или розовыми листьями на лбу, на губахъ или на рукѣ и по различному звуку судили объ удачѣ или неудачѣ въ любви: эта забава, прибавляетъ онъ, употребительна также въ русскихъ деревняхъ, гдѣ такое гаданіе называется «schalka» (щелкъ), или «khlapouschka».

Ничего подобнаго нѣтъ у другихъ извѣстныхъ намъ переводчиковъ Анакреона. Новѣйшій изъ нихъ, г. Баженовъ, такъ передаетъ мѣсто, подавшее поводъ къ этому примѣчанію:

«Сладко бережно руками
Грѣть цвѣточекъ ароматный,
Что влечетъ къ себѣ Эротъ.»

Впрочемъ комментаторы Анакреона не совсѣмъ согласны въ чтеніи этого мѣста въ подлинникѣ (см. у Мельгорна стр. 184 и у Штарка стр. 73; послѣдній говоритъ: «quippe quae (*rosa*)... homines quoties quis in semita spinosa invenit manibusque continuit, magnopere delectet»).

[5] Розовой Авроры перстъ.

И у Львова: «*Розовый Авроры перстъ*
Стихотворцы воспѣваютъ.»

У Эмина: «Піиты пишутъ всѣ: Аврора
О нѣжныхъ розовыхъ перстахъ.»

Въ концѣ пьесы Державинъ вовсе не воспользовался, по примѣру Анакреона, миѳомъ о происхожденіи розы, которую будто бы родила земля и боги окропили ее нектаромъ въ то самое время, когда Афродита вышла изъ моря, а Аѳина изъ головы Зевса.

---

86. КУЗНЕЧИКЪ[1].

Счастливъ, золотой кузнечикъ,
Что въ лѣсу куешь одинъ!
На цвѣточный сѣвъ лужечекъ,
Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ[2]:
Всѣмъ любуяся на волѣ,
Воспѣваешь вѣкъ ты свой;
Взглянешь лишь на что ты въ полѣ[а],
Всѣмъ доволенъ, все съ тобой.
Земледѣльцевъ по сосѣдству
Не обидишь ты ничѣмъ[3];
Ни къ чьему не льнешь наслѣдству,
Самъ богатъ собою всѣмъ.
Пѣснопѣвецъ тепла лѣта!

Digitized by Google

Аполлона нѣжный сынъ!
Честный обитатель свѣта,
Всѣми Музами любимъ!
Вдохновенный, гласомъ звонкимъ
На земли ты знаменитъ;
Чтутъ живые и потомки:
Ты философъ! ты піитъ!
Чистъ въ душѣ своей, незлобенъ,
Удивленіе ты намъ[б]:
О, едва ли не подобенъ,
Мой кузнечикъ, ты богамъ[4]!

[а] На что взглянешь только въ полѣ (1804).
[б] Удивленье ты людямъ.

---

[1] Подражаніе Анакреоновской одѣ (XLIII, 32 — Εἰς τέττιγα). Древніе весьма часто упоминаютъ о цикадахъ (кузнечикахъ), прославляя ихъ пѣніе, возбуждаемое крыльями и ножками, ихъ пищу, состоящую изъ росы, ихъ старость и божественность. Греки, и особливо Аѳиняне, высоко цѣнили это насѣкомое. Анакреоновская ода превозноситъ счастіе цикады потому, что она, освѣжившись росою, поетъ на высокихъ деревьяхъ, что ей оттуда все открыто, что ее любятъ земледѣльцы и вообще люди, что она, по любви къ ней Музъ и Аполлона, одарена пѣніемъ, не знаетъ старости и блаженствомъ почти равняется богамъ. Подобныя похвалы цикадѣ встрѣчаются и у другихъ поэтовъ отдаленной древности, почему и возможно, что эта пѣснь принадлежитъ самому Анакреону (Мельгорнъ и Штаркъ).

У Нѣмцевъ подражалъ ей Гёте (An die Cicade), который, тяготясь своею должностною и придворною жизнью, часто мечталъ о другой, хотя менѣе блестящей, но болѣе свободной, болѣе отрадной для поэта жизни, и воспользовался у Анакреона плѣнительною аллегоріей такого существованія*. То же сдѣлалъ у насъ еще Ломоносовъ въ пьесѣ, напечатанной въ первый разъ въ *Собесѣдникѣ* 1784 г. (ч. XI), подъ заглавіемъ: «Стихи, сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ, когда сочинитель въ 1861 «году ѣхалъ просить о подписаніи привилегіи для академіи, бывъ много «разъ прежде за тѣмъ же». Кромѣ исчисленныхъ выше (стр. 47 и 48) русскихъ переводчиковъ Анакреона, эту пѣснь перевелъ также, въ 1822 г., Гнѣдичъ (см. его *Стихотворенія*, Спб. 1832, стр. 140)**.

Кузнечикъ Державина, написанный безъ буквы *р* (см. выше стр. 81), напечатанъ въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 146, и въ изд. 1808, ч. III, хс.

* Göthe's Gedichte, erläutert etc. von H. Viehhoff, Düsseldorf 1846, т. I, стр. 489.
** Насъ могутъ упрекнуть, что мы не упомянули здѣсь объ эпической шуткѣ г. Полонскаго *Кузнечикъ-музыкантъ* (Спб. 1859), въ которой такъ много яркихъ и граціозныхъ картинъ природы. Сознаемъ свою вину, хотя впрочемъ

Digitized by Google

[2] Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ.

Въ переводѣ Н. А. Львова:

«Счастливъ, счастливъ ты, кузнечикъ,
Выпивъ капельку росы;
На высокихъ ты деревьяхъ
Такъ поешь, *какъ господинъ*.»

[3] Не обидишь ты ничѣмъ.

У Львова: «Земледѣльцамъ ты пріятель,
Не обидишь ихъ ничѣмъ».

[4] О, едва ли не подобенъ,
Мой кузнечикъ, ты богамъ.

У Львова: «Старости не знаешь ты.
О премудрый пѣснолюбецъ!
О безкровный сынъ земли!
Ты болѣзнямъ не подверженъ,
Равенъ ты почти богамъ».

Буквальный переводъ съ греческаго: «Старость тебя не изнуряетъ, мудрый, рожденный землею, любящій пѣсни, не страдающій, одаренный плотью безъ крови, почти подобный богамъ».

Эти послѣдніе стихи пѣсни — самые трудные въ ней для перевода. Евгеній Булгаръ объясняетъ: «Теогоны почитали не кровь въ жилахъ языческихъ ихъ боговъ ліющуюся, но нѣкоторую прозрачную влажность, которую они ἰχὼς именовали, и Анакреонъ потому только кузнечика съ богами сравниваетъ, что выше назвалъ его безкровнымъ земли сыномъ».

герой г. Полонскаго, любовникъ бабочки Сильфиды и другъ сверчка Гуляки, вовсе не сродни классической цикадѣ древнихъ. Но почему же онъ — отъ начала до конца поэмы *кузнечекъ*, а не *кузнечикъ*?

---

87. Охотникъ[1].

За охотой ты на Званку 1
Птицъ поѣхалъ пострѣлять;
Но, бѣлянку и смуглянку
Вдругъ увидѣвъ, сталъ вздыхать.

Что такое это значитъ, 2
Миленькій охотникъ мой?
Ты молчишь, а сердце плачетъ:
Птицы ль не убилъ какой?

Дѣвъ ли остренькіе глазки 3
Понадѣлали хлопотъ?
Съ ихъ ланитъ, изъ алой краски,
Зрѣлъ я, цѣлился Эротъ.

Какъ же быть? и чѣмъ лѣчиться? 4
Птичекъ ты багрилъ въ крови:
И тебѣ пришло томиться [a]
Отъ смертельныя любви.

[a] И тебѣ знать вѣкъ томиться (1804).

---

[1] Написано на Званкѣ для Михайла Петровича Яхонтова. Это былъ одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Державиной, которыхъ мать, урожденная княжна Мышецкая (Прасковья Петровна), была родная сестра ея матери и имѣла помѣстья въ Псковской губерніи. Старшій его братъ, **Николай** Петровичъ, о которомъ Державинъ упоминаетъ въ своихъ *Запискахъ* (*Р. Бес.*, стр. 340), служилъ въ иностранной коллегіи, былъ хорошій музыкантъ, сочинилъ между прочимъ оперу *Сильфъ*, которой слова написаны Н. А. Львовымъ, и умеръ въ 1838 году. **Михаилъ** Петровичъ Яхонтовъ, герой пьесы *Охотникъ*, служилъ при императорѣ Павлѣ въ Преображенскомъ полку, потомъ вышелъ въ отставку капитаномъ, жилъ въ Псковской губерніи и умеръ въ 1830 году. Онъ не былъ женатъ и гостилъ по сосѣдству съ Державиными, у третьяго брата, Петра Петровича, служившаго также въ Преображенскомъ полку, участвовавшаго въ отечественной войнѣ, а потомъ въ заграничныхъ походахъ и умершаго въ 1852 г. Его имѣнье, село Антоньево, находилось въ 30-и верстахъ отъ Званки на другомъ берегу Волхова (Слыш. отъ А. П. Кожевниковой).

Эти стихи, какъ сказано въ *Объясненіяхъ* Державина, написаны по тому поводу, что Яхонтовъ, пріѣхавъ къ нему въ гости, увидѣлъ двухъ дѣвицъ (Бакуниныхъ?) и влюбился.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 127 и въ изд. 1808, ч. III. LXXVIII.

---

88. ПЛѢННИКЪ [1].

Опутавъ Леля Музы 1
Въ цвѣточномъ тенетѣ,
Стеречь, повергши въ узы,
Вручили Красотѣ.
Ужъ Лада ходитъ, проситъ, 2
Чтобъ ей сыскать его,
И выкупъ знатный носитъ [a]
Съ собою за него.
Но плѣнника пусть долю 3
Хоть выкупъ сей прерветъ [б]:
Онъ сладкую неволю
Свободѣ предпочтетъ.

Digitized by Google

[а] И выкупъ она носитъ (1804).
[б] Но плѣнникову долю
Пусть выкупъ чей прерветъ.

---

[1] Подражаніе Анакреоновской одѣ (Εἰς Ἔρωτα, — XXX, 19), которою Державинъ еще гораздо прежде воспользовался отчасти въ пьесѣ *Спящій Эротъ* (томъ I, стр. 469). Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 149, и въ изд. 1808, ч. III, xcııı. Потомъ перепечат. въ *Разсужденіи о лирической поэзіи* (*Чт. въ Бесѣдѣ люб. р. сл.*, кн. II), какъ примѣръ вкуса въ простомъ слогѣ.

Львовъ такъ перевелъ подлинную оду:

«Цвѣтною вязью *Музы*
Опутали Любовь,
И связанну *вручили*
Въ храненье *Красотѣ*.
Теперь Венера, *искупъ*
Носящая съ собой,
Вездѣ прилежно ищетъ
Эрота искупить;
Но пусть ему свободу
Кто хочетъ возвратитъ:
Онъ сладкую неволю
Свободѣ предпочтетъ».

---

89. ЛЮБУШКѢ[1].

Не хочу я быть Протеемъ,
Чтобы оборотнемъ стать;
Невидимкой или змѣемъ
Въ теремъ къ дѣвушкамъ летать;
Но желалъ бы я тихонько,
Безъ огласки отъ людей,
Зеркаломъ въ уборной только[а]
Быть у Любушки моей:
Чтобъ она съ умильнымъ взоромъ
Обращалася ко мнѣ,
Станомъ, поступью, уборомъ
Любовалася во мнѣ.
Иль бы, сдѣлавшись водою[б],
Я ей тѣло омывалъ;
Вкругъ монистой[2] золотою,
Руки блескомъ украшалъ;
Въ видѣ благовонной мази

Digitized by Google

Умащалъ бы ей власы,
На грудяхъ въ цвѣточной вязи
Отѣнялъ ея красы;
Иль, обнявши бѣлу шею [в],
Былъ жемчугъ ея драгой;
Ставъ хоть обувью твоею,
Жала бъ ты меня ногой.

[а] Зеркаломъ бы мнѣ только
Стать у Любушки моей,
Чтобы часто она взоромъ (1804).
[б] Иль я, сдѣлавшись водою,
Ей бы тѣло умывалъ,
Иль монистой золотою.
[в] Иль, объявъ я бѣлу шею,
Былъ жемчугъ твой дорогой.

---

[1] Подражаніе Анакреоновской одѣ *Къ Дѣвушкѣ своей* (Εἰς κόρην, — XX, 22). Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 147, и въ изд. 1808, XCI.

[2] Вкругъ монистой золотою.

Монисто (сред. род.) — ожерелье; ср. томъ I, стр. 395, строфу 6 *Провидѣнія*.

---

90. ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНІЕ [1].

Еслибъ милыя дѣвицы
Такъ могли летать, какъ птицы [а],
И садились на сучкахъ:
Я желалъ бы быть сучочкомъ,
Чтобы тысячамъ дѣвочкамъ [2]
На моихъ сидѣть вѣтвяхъ.
Пусть сидѣли бы и пѣли,
Вили гнѣзда и свистѣли,
Выводили и птенцовъ;
Никогда бъ я не сгибался, —
Вѣчно бъ ими любовался,
Былъ счастливѣй всѣхъ сучковъ [б].

[а] Такъ летали будто птицы (1804).
[б] Былъ милѣе всѣхъ сучковъ.

---

[1] По мнѣнію Мартынова (*Греч. классики*, ч. XXIII, стр. 164), Державинъ въ этихъ стихахъ, написанныхъ безъ буквы *р* (ср. выше стр. 81), воспользовался тою же Анакреоновскою одою, которой онъ подражалъ въ

Digitized by Google

предыдущей пьесѣ. Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 144, и въ изд. 1808, ч. III, LXXXVIII. Это одна изъ тѣхъ пьесъ Державина, которыя бывало помѣщались въ пѣсенникахъ. Такъ она напеч. въ *Новѣйшемъ пѣсенникѣ* 1819 г. (Спб.), гдѣ находится и стихотвореніе *Хмель* (см. ниже стр. 278).

[2] Чтобы тысячамъ дѣвочкамъ.

Надъ этимъ стихомъ часто подшучивали, не зная, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. даже кругомъ Москвы, простолюдье почти безъ исключенія и теперь говоритъ *дѣвдчка*, а не *дѣвочка* (П. Бартеневъ). Объ этомъ произношеніи свидѣтельствуетъ и г. Даль, относя его къ числу явленій новгородскаго нарѣчія (*Полн. словарь* его, ч. I, стр. XXXIII, пунктъ 1).

---

91. СТАРИКЪ [1].

Мнѣ дѣвушки шептали: 1
«Ты старъ и сѣдъ и лысъ;
Вотъ зеркало», сказали,
«Возьми и посмотрись.» —
«Что нужды мнѣ, не знаю [а], 2
Я старъ», сказалъ, «иль нѣтъ;
Я только увѣряю [б],
Что я душой не сѣдъ.
И старику нужнѣе [в] 3
Въ веселіи пожить,
Приходитъ чѣмъ скорѣе
Меня похоронить» [г].

[а] Что нужды, я не знаю (1804).
[б] Въ томъ только увѣряю.
[в] Что старику нужнѣе.
[г] Его похоронить.

---

[1] Подражаніе Анакреоновской одѣ *На себя самого* (Εἰς ἑαυτόν, XI, 6), которая у Львова такъ переведена:

«Мнѣ дѣвушки сказали:
Ты старъ, Анакреонъ;
Вотъ зеркало, смотрися;
Ужъ нѣтъ ни волоска
На лбѣ твоемъ плѣшивомъ. —
Есть волосы, иль нѣтъ,
Я этого не знаю;
Но то мнѣ лишь извѣстно:
Веселость старику

Digitized by Google

Тѣмъ болѣе прилична,
Чѣмъ къ гробу ближе онъ».

Ср. Соч. Ломоносова, смирд. изд., т. I, стр. 209 («Анакреонтъ, ода VI»). Напечатано въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 148, и въ изд. 1808, ч. III, хсп.

---

92. БАБОЧКА[1].

На цвѣты съ цвѣтовъ летая,
Въ полѣ бабочка живетъ;
Не тоскуя, не вздыхая,
Сладкій медъ одинъ съ нихъ пьетъ.
Чтò счастливѣе сей доли,
Какъ бы бабочкою быть,
На своей всегда жить волѣ
И любви лишь сладость пить?
Я бы пилъ — и, вновь влюбляясь,
Лишь въ весельи дни провелъ[a]
И, съ духами сочетаясь,
Былъ нетлѣнія символъ.

[a] Всѣ въ веселіи дни велъ (1804).

---

[1] Въ первоначальной редакціи и въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г. (стр. 145) эта пьеска была безъ буквы *р* (см. выше стр. 81); въ изд. 1808 г. ч. III, LXXXIX.

---

93. ХМЕЛЬ[1].

Хмель какъ въ голову залѣзетъ,
Всѣ бѣгутъ заботы прочь,
Крезъ съ богатствами исчезнетъ;
Пью! — и всѣмъ вамъ добра ночь.
Плющемъ лежа увѣнчанный,
Ни во что весь ставлю свѣтъ;
Въ бой идетъ пускай мужъ бранный, —
У меня охоты нѣтъ[a].
Мальчикъ! чашу сокомъ алымъ
Поспѣши мнѣ наливать;
Мнѣ гораздо лучше пьянымъ,
Чѣмъ покойникомъ, лежать.

Digitized by Google

[2] Къ дракѣ мнѣ охоты нѣтъ.
Мальчикъ! скоро съ сокомъ алымъ
Вели чашу подавать (1804).

---

[1] Подражаніе Анакреоновской одѣ (XXVI, Εἰς ἑαυτόν,—46, Εἰς φιλοπότην), весьма сходное съ переводомъ Львова; почему и неправдоподобна сдѣланная на автографѣ рукою Евгенія Болховитинова надпись: «Г. Р. Державинъ писалъ полухмельной: надъ этимъ и заснулъ. Кажется, въ февр. 1801 г.» Невѣроятно, чтобъ полухмельной работалъ съ книгою въ рукахъ или такъ хорошо помнилъ текстъ, принятый имъ въ основаніе. Притомъ извѣстно, что Державинъ никогда не предавался неумѣренному употребленію даровъ Вакха. Еще въ 1783 г., возражая критику, осуждавшему въ Фелицѣ сравненіе поэзіи *съ вкуснымъ лимонадомъ*, Державинъ между прочимъ замѣтилъ: «мурза, писавшій сію оду, не охотникъ до крѣпкихъ напитковъ, которые никогда у него въ умѣ никакого удовольствія не составляютъ». Это свидѣтельство самого поэта вполнѣ подтверждается разсказами близкихъ къ нему лицъ о его образѣ жизни. Евгеній только въ 1804 г. былъ назначенъ викаріемъ новгородскимъ, и это сдѣлалось поводомъ къ знакомству его съ Державинымъ, по близости Званки къ Хутыню, гдѣ жилъ Евгеній. Такимъ образомъ замѣтка Евгенія на рукописи *Хмеля* не могла быть сдѣлана ни по личному воспоминанію его, ни по разсказу свѣжаго свидѣтеля и, вѣроятно, основывается на догадкѣ лица, отъ котораго Евгеній получилъ рукопись, — догадкѣ, вызванной содержаніемъ стихотворенія. Въ достовѣрности показанія можно тѣмъ болѣе сомнѣваться, что по означенному въ надписи времени, выходило бы, что эти стихи написаны въ Петербургѣ, самъ же Державинъ говоритъ, что онъ написалъ ихъ на Званкѣ. За этотъ автографъ обязаны мы М. И. Сухомлинову, который получилъ его отъ покойнаго архіепископа Филарета черниговскаго.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 122, согласно съ автографомъ, и въ изд. 1808, ч. III, LXXIII. съ нѣкоторыми измѣненіями.

Для сравненія прилагаемъ всю оду въ переводѣ Львова:

«*Хмель какъ въ голову* ударитъ,
То *заботы всѣ* заснутъ;
Я богатъ тогда какъ *Крезусъ*
И хочу лишь сладко пѣть.
Лежа, плющемъ увѣнчанный,
Ни во что я ставлю все.
Пусть, кто хочетъ, тотъ сражайся,
Я покуда буду пить, —
Мальчикъ! полную мнѣ *чашу*
Поскорѣй *вели подать*:
Лучше мнѣ гораздо пьянымъ,
Чѣмъ покойникомъ лежать.»

Digitized by Google

94. Анакреоново удовольствіе[1].

Почто витіевъ правилъ
Мнѣ вьючить бремена[а]?
Премудрость я оставилъ:
Не надо мнѣ она[б].
Вы лучше поучите,
Какъ сокъ мнѣ Вакховъ пить:
Съ прекрасной помогите
Венерой пошутить.
Ужъ нѣтъ мнѣ больше силы
Съ ней одному владѣть;
Подай мнѣ, мальчикъ милый,
Вина хоть поглядѣть;
Авось еще немного
Мой разумъ усыплю:
Приходитъ время строго,
Покину, что люблю.

[а] Вы учите меня (1804).
[б] Не надобна она.

---

[1] Написанное на Званкѣ подражаніе Анакреоновской одѣ (XXXVI, Εἰς τὸ ἀνειμένως ζῆν, — 50, Εἰς τὸ ἀνέτως ζῆν). Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804, стр. 121, и въ изд. 1808, ч. III, LXXII.

Той же Анакреоновской одѣ подражалъ Л. Мей въ пьесѣ *Беззаботность* (*Стихотворенія* его, Спб. 1857, стр. 53).

Вотъ переводъ Львова:

«На что *витіевъ правилъ*
Вы учите меня?
Къ чему мнѣ безполезны
Годятся рѣчи ихъ?
Меня *учите лучше*
Пить Вакховъ сладкій *сокъ;*
Учите съ *Афродитой*
Прекрасною играть,
Когда мои сѣдины
Увѣнчанны вѣнкомъ.
Подай воды мнѣ, *мальчикъ!*
Налей ты мнѣ *вина*
И *усыпи мой разумъ.*
Ты скоро ужъ меня

Digitized by Google

Умершаго схоронишь. —
А въ гробѣ уже нѣтъ,
Ужъ больше нѣтъ желаній.»

---

95. МОРЕХОДЕЦЪ[1].

Что вѣтры мнѣ и сине море?
Что громъ и штормъ и океанъ?
Гдѣ ужасы и гдѣ тутъ горе,
Когда въ рукахъ съ виномъ стаканъ?
Спасетъ ли насъ компасъ, руль, снасти?
Нѣтъ! сила въ томъ, чтобъ духъ пылалъ[a].
Я пью и не боюсь напасти:
Приди хотя девятый валъ[2]!
Приди, и волнъ зіяй утроба!
Мнѣ лучше пьянымъ утонуть,
Чѣмъ трезвымъ доживать до гроба
И съ плачемъ плыть въ толь дальній путь.

[a] Нѣтъ! сила въ томъ, коль въ сердцѣ жаръ (1804).

---

[1] Эта пьеса очевидно въ родствѣ съ предыдущею, подлѣ которой она и помѣщена поэтомъ въ собраніяхъ его сочиненій: въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 123, и въ изд. 1808, ч. III, LXXIV.

[2] Приди хотя девятый валъ.

См. выше, стр. 170, примѣчаніе 6 къ одѣ *На побѣды въ Италіи*, къ которому можно прибавить указаніе на стихи Пушкина въ *Евгеніи Онѣгинѣ*:

«На берегъ радостный выноситъ
Мою ладью девятый валъ» (изд. Анненк., т. IV, стр. 203).

---

96. МАХІАВЕЛЬ[1].

Царей намѣстникъ иль учитель
Великихъ иль постыдныхъ дѣлъ!
Душъ слабыхъ, мелкихъ обольститель,
Поди отъ насъ, Махіавель!
Не надо намъ твоихъ замашекъ,
Обмановъ тонкихъ, хитростей:
Довольно полныхъ пуншемъ чашекъ
Для счастія честныхъ людей;

Digitized by Google

Довольно видѣть сквозь покалы
Всю нашихъ внутренность сердецъ,
На бой насъ посылать, на балы,
Изъ лавровъ плесть и розъ вѣнецъ.

[1] Написано на Званкѣ, «по случаю примѣченныхъ авторомъ принятыхъ сего писателя* правилъ» (*Об.*). Эти слова Державина обнаруживаютъ неудовольствіе, возбужденное въ немъ вѣроятно тѣмъ, что по возвращеніи его изъ Калуги, куда онъ ѣздилъ на слѣдствіе, назначенъ былъ, впрочемъ по собственному его желанію, комитетъ для повѣрки его дѣйствій во время этой командировки (*Записки Держ.*, *Р. Бес.*, стр. 450 и слѣд.). Напечатано въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 124, и въ изд. 1808, ч. III, LXXV.

* Махіавеля.

---

97. ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ[1].

Что нужды мнѣ до града?
Въ деревнѣ я живу.
Мнѣ лентъ и звѣздъ не нада:
Вельможей не слыву;
О томъ лишь я стараюсь[2],
Чтобъ счастливо прожить;
Со всѣми обнимаюсь
И всѣхъ хочу любить.
Кто вѣдаетъ, что̀ будетъ?
Сегодня мой лишь день[3],
А завтра всякъ забудетъ
И все пройдетъ какъ тѣнь.
Зачѣмъ же мнѣ способну
Минуту потерять,
Печаль и скуку злобну
Пирушкой не прогнать?
Сокровищъ мнѣ не нада:
Богатъ, съ женой коль ладъ;
Богатъ, коль Лель и Лада[4]
Мнѣ дружны и Усладъ;
Богатъ, коль здравъ, обиленъ,
Могу поѣсть, попить,
Подъ-часъ я не безсиленъ
Съ Миленой пошалить.

Digitized by Google

[1] Писанное на Званкѣ подражаніе той же Анакреоновской одѣ (XV—7), которая выше, стр. 108, уже указана какъ источникъ пьесы *Къ самому себѣ.* Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 126, подъ загл. *Жизнь деревенская*, и въ изд. 1808, ч. III, LXXXVII.

[2] О томъ лишь я стараюсь.

У Львова: «И только въ то стараюсь,
Чтобъ нѣжный ароматъ
Браду мою умастилъ».

[3] Сегодня мой лишь день.

У Львова: «Сегодняшній день мой;
Чей завтрашній, кто знаетъ».

[4] Богатъ, коль Лель и Лада *и проч.*

«Славянскія божества: *Лель* — Амуръ, *Лада* — Венера, *Усладъ* — Бахусъ» (*Об.*) Ср. Чулкова *Краткій миѳологическій лексиконъ*, Спб. 1767. Объ употребленіи Державинымъ славянскихъ миѳическихъ названій см. выше стр. 75.

---

98. КЪ СКОПИХИНУ[1].

1803.

Не блещетъ серебро, въ скупой 1
Землѣ лежаще сокровеннымъ.
Скопихинъ! врагъ его ты злой,
Употребленіемъ полезнымъ
Пока твоимъ не оцѣнишь,
Сіяющимъ не учинишь[2].

Безсмертно Мининъ будетъ жить, 2
Рѣшившійся своимъ имѣньемъ
Москву отъ плѣна свободить,
И тотъ Демидовъ, что съ терпѣньемъ[3]
Свой вѣкъ казну копилъ, и вдругъ
Далъ милліоны для наукъ[а].

О, если Шереметевъ къ днямъ[4] 3
Своимъ еще прибавилъ вѣку[б]:
То не по тѣмъ своимъ пирамъ,
Что были дивомъ человѣку[в],
Гдѣ тысячи расточены,
Народъ, цари угощены;

Гдѣ, какъ въ волшебныхъ нѣкихъ снахъ[г], 4
Зимой въ морозъ, противъ природы,
Цвѣтущую весну въ садахъ,

Digitized by Google

Шумящія съ утесовъ воды
И звѣздъ разсыпавъ милліонъ,
Свой домъ представилъ раемъ онъ[4].
Нѣтъ, нѣтъ! не роскошью такой 5
Его днесь въ свѣтѣ прославляютъ;
Столы прошли, какъ сонъ пустой:
Ихъ гости скоро забываютъ;
Но тѣмъ обрѣлъ онъ всѣхъ любовь,
Что бѣднымъ далъ, больнымъ[е] покровъ[5].
Сіи щедроты въ родъ и родъ, 6
Какъ солнечны лучи, не умрутъ,
Со дня ихъ на день блескъ течетъ:
Отъ Бельта до Амура будутъ
Съ почтеніемъ всѣ зрѣть на нихъ,
По сущность учрежденій ихъ[6].
Престань и ты жить въ погребахъ, 7
Какъ кротъ въ ущельяхъ подземельныхъ[*],
И на чугунныхъ тамъ цѣпяхъ
Стеречь, при блескѣ искръ елейныхъ,
Висящи бочки серебра
Иль лаять псомъ вокругъ двора.
Томимый скорбью водяной 8
Чѣмъ больше пьетъ, тѣмъ больше жаждетъ;
Вредомъ вредъ умножая свой,
Сугубой слабостію страждетъ,
Доколь причину онъ бѣды,
Не выгонитъ изъ жилъ воды[7].
Лишаясь нѣкихъ пользъ своихъ, 9
Держа Владиміровъ равенство[8]
Въ торгу противу странъ чужихъ,
Стяжалъ и честь и благоденство.
Хоть часто чернь и злобный свѣтъ
И добродѣтель зломъ зоветъ[9];
Но нѣтъ: она въ себѣ одной 10
Всѣ блага смертныхъ заключаетъ;
Уча ихъ оцѣнять собой,
Тѣмъ лавръ и пальму доставляетъ,
Кто могъ безъ зависти терпѣть,
На злаго равнодушно зрѣть.

Digitized by Google

[а] Далъ въ пользу милліонъ наукъ (1805).
[б] Своимъ прибавилъ дни въ потомки.
[в] Что были пышны, славны, громки
И свѣту на диво даны.
[г] Что шехераздъ въ волшебныхъ снахъ,
Какъ въ мразъ зимой, противъ природы.
[д] Онъ раемъ представлялъ свой домъ.
[е] Что бѣднымъ далъ, больнымъ ввѣкъ кровъ.
[ж] Твоихъ, сквозь ночи, подземельныхъ.
(Между 7-й и 8-й строфами находилась слѣдующая исключенная въ изданіи 1808 г.:)
Рѣшись и побѣди себя:
Умножь съ сего щедротой часа
Свой больше кладъ, чѣмъ у тебя
Съ уральскимъ, Тавра и Кавказа,
Съ ліонской ярославску ткань:
Сердца суть вящша дань.
[з] Несчастной добродѣтель чтетъ.

---

[1] Написано на Званкѣ въ подражаніе Горацію (книга II, ода 2). Въ *Объясненіяхъ* Державина эта пьеса отнесена къ 1804 году, но на первоначальной ея рукописи ясно выставленъ 1803, что̀ согласно и съ обстоятельствами, на которыя указываетъ текстъ. Это — единственное произведеніе Державина въ должности министра, которую онъ занималъ въ этомъ году. Подъ *Скопихинымъ* (ср. скопидомъ) онъ разумѣетъ милліонера Собакина, никогда не употреблявшаго своихъ богатствъ на общеполезныя учрежденія (*Об.* Д.). Вѣроятно, стихотвореніе написано по поводу значительныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ съ такою цѣлью Шереметевымъ и Демидовымъ, и поднесенія имъ за то золотыхъ медалей въ Сенатѣ*. Оно напечат. въ *Другѣ Просвѣщенія* за апрѣль 1805 года (ч. II, стр. 7) съ полнымъ прописаніемъ именъ какъ этихъ двухъ вельможъ, такъ и Владимірова, и съ подписью: *Отъ неизвѣстнаго;* потомъ въ изд. 1808 г., II, XLVI, съ означеніемъ приведенныхъ именъ только начальною буквой и нѣсколькими точками, послѣ чего эта пьеса такъ печаталась и въ другихъ изданіяхъ, кромѣ Штукинскаго (см. наше Предисловіе въ томѣ I, стр. XXIII).

[2] Сіяющимъ не учинишь.

Начало оды, послужившей поэту образцомъ, Ad Crispum Sallustium:

»Nullus argento color est avaris
Abdito terris, inimice lamnae,
Crispe Sallusti, nisi temperato
Splendeat usu.»

Въ переводѣ г. Фета:

«Къ блеску сребра, что скупой зарываетъ,
Правъ ты, Саллюстій, питая презрѣнье;

* Объ этомъ см. *В. Е.* 1803, № 11, стр. 234 и слѣд.

Digitized by Google

Цѣну ему лишь одно удвояетъ:
Употребленье.»

[3] И тотъ Демидовъ, что съ терпѣньемъ *и проч.*

Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, род. 1738 г., ум. 1821. Московскій университетъ получилъ въ даръ отъ Демидова кабинетъ естественной исторіи, библіотеку, собраніе медалей и проч. «Происшествіе весьма важное для университета и служащее несравненною честью россійскому патріотизму есть сіе самое дѣяніе просвѣщенной благотворительности, которою упоминаемый покровитель наукъ обязалъ современниковъ и потомство вѣчною благодарностью. Даяніе безпримѣрное въ лѣтописяхъ наукъ: капиталъ 100,000 рубл., съ которыхъ внесены имъ въ университетъ ежегодные проценты 5000 р.; драгоцѣнный кабинетъ естественныхъ произведеній, собранный имъ подъ глазами Добантона и Лесепеда; многочисленная библіотека; другой капиталъ 100,000 рубл. и 3578 душъ для заведенія университетскаго училища въ Ярославлѣ. Таковы сіяющія изъявленія любви къ отечеству и просвѣщенію, которыми ознаменовалъ себя почтенный благотворитель Московскаго императорскаго университета» и проч. (М. Н. Муравьевъ въ отчетѣ министру за 1803 г., *Исторія Моск. универс.*, стр. 330). Утвердивъ 6 іюня распоряженіе Демидова, Александръ I повелѣлъ вручить ему въ общемъ московскомъ собраніи Сената золотую медаль съ его изображеніемъ и приличною надписью (*Словарь достоп. людей*, М. 1836).

[4] О, если Шереметевъ къ днямъ *и проч.*

Оберъ-камергеръ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, род. 1751, ум. 1809 г.

[5] Что бѣднымъ далъ, больнымъ покровъ.

«Подобно отцу умѣлъ онъ угощать высокихъ посѣтителей, давать праздники, превышавшіе пышностію и блескомъ даже тѣ, которымъ удивлялись современники Екатерины; но воспоминаніе объ увеселеніяхъ уничтожается временемъ, а графъ Николай Петровичъ соорудилъ себѣ памятникъ гораздо прочнѣйшій: *Страннопріимный домъ*, служащій украшеніемъ Москвы, успокоеніемъ убогихъ» и проч. На это учрежденіе Шереметевъ назначилъ ежегодно по 75,000 руб.; здѣсь устроены богадѣльня на 100 человѣкъ и больница на 50 человѣкъ, и сверхъ того выдаются значительныя суммы на разныя человѣколюбивыя и богоугодныя цѣли. Александръ I повелѣлъ 25 апрѣля 1803 года, чтобы въ общемъ собраніи Сената вручена была графу Шереметеву золотая медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ его портрета, а на другой — приличной надписи (*Словарь достоп. людей*, М. 1836).

[6] По сущность учрежденій ихъ.

Сущность вм. *существованіе*, слѣдов. пока будутъ существовать учрежденія.

[7] Не выгонитъ изъ жилъ воды.

У Горація: «Crescit indulgens sibi dirus hydrops,
Nec sitim pellit nisi causa morbi

Fugerit venis, et aquosus albo
Corpore languor.»

У г. Фета: «Множится въ нѣгѣ болѣзнь водяная,
Жажда неймется, доколь не успѣла
Сущность недужная, влага больная
Выйти изъ тѣла.»

[*] Держа Владиміровъ равенство.

«Владиміровъ, купецъ петербургскій, торговавшій во время императрицы Елисаветы, который, бывъ великій капиталистъ, не давалъ утѣснять иностраннымъ купцамъ русскихъ: скупая у нихъ товары за хорошую цѣну, послѣ продавалъ своимъ за умѣренную и поддерживалъ тѣмъ торгъ и дешевизну въ товарахъ» (*Об.* Д.).

---

99. Свобода[1].

Теплой осени дыханье, 1
Помаваніе дубовъ,
Тихое листовъ шептанье,
Восклицанье голосовъ
Мнѣ лежащему въ долинѣ
Наводили сладкій сонъ.

Видѣлъ я себя стоящимъ 2
На высокомъ вдругъ холму[а],
На плоды вдали глядящимъ,
На шумящу близъ волну, —
И какъ будто въ важномъ чинѣ[б]
Я носилъ на плечахъ холмъ.

Дальше: — власти мнѣ святыя 3
Иго то велѣли несть,
Всѣ вѣнцы суля земные,
Титла, золото и честь.
«Нѣтъ!» возставъ отъ сна глубока,
Я сказалъ имъ: «не хочу,

Не хочу моей свободы, 4
Совѣсть на мечты мѣнять:
Гладки воды, коль погоды
Ихъ не могутъ колебать.
Власть тогда моя высока[в],
Коль я власти не ищу».

[а] На высокомъ мигъ холму (1804).

[б] И какъ въ нѣкомъ будто чинѣ.
[в] Власть моя тогда высока,
Когда власти не ищу.

---

[1] Написано по случаю увольненія Державина отъ должности министра юстиціи въ октябрѣ 1803 года. Подъ высокимъ холмомъ онъ разумѣетъ свое общественное положеніе и соединенныя съ нимъ тяжкія обязанности. Императоръ Александръ I, увольняя его, предлагалъ ему остаться въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Сенатѣ съ сохраненіемъ полнаго министерскаго жалованья (16,000 руб.); но Державинъ, чувствуя себя оскорбленнымъ, предпочелъ совершенно оставить службу съ пенсіею въ 10 т. руб. (*Об.* и *Зап.* Д., *Р. Бес.*, стр. 495). Объ отсутствіи въ первоначальной редакціи буквы *р* см. выше стр. 81.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 152, и въ изд. 1808, ч. III, xcv.

---

100. ПАМЯТЬ ДРУГУ[1].

Плакущія березы воютъ, 1
На черну наклоняся тѣнь;
Унылы вѣтры воздухъ роютъ;
Встаетъ туманъ по всякій день —
Надъ кѣмъ? кого сія могила[2],
Обросши повиликой вкругъ,
Подъ мѣдною доской сокрыла?
Кто тутъ? Не Музъ ли, вкуса другъ?

Другъ мой[а]! Увы! озлобясь, Время 2
Его спѣшило въ гробъ сокрыть,
Что сѣя онъ познаній сѣмя,
Мнилъ вѣки пользой пережить;
Воздвигнувъ изъ земли громады[3]
И зодчества блестя челомъ,
Трудился, чтобъ полнощи чады
Искусствъ покрылися вѣнцомъ.

Встань, духъ поэзьи русской древней, 3
Съ кѣмъ, вторя, онъ Добрыню пѣлъ[4],
Межъ завтреней и межъ обѣдней,
Взмахнувъ крыла, въ свирѣль гремѣлъ, —
И лебедь, солнца какъ при всходѣ,
Подъ красный вечеръ, на водахъ
Раздавшись кликами въ природѣ,
Вѣщай, тверди: тутъ Львова прахъ.

Digitized by Google

Довольны ль эхомъ симъ, Хариты, 4
Чтобъ персть вамъ милую найти?
Таланты рѣдки знамениты,
Вокругъ пестрѣютъ ихъ цвѣты:
Облаговоньте жъ возліяньемъ
Сердецъ вы друга своего;
Изящнымъ, легкимъ дарованьемъ
Теките, Музы, вслѣдъ его[5].
Но кто жъ моей гитары струны[б] 5
На нѣжный будетъ тонъ спущать,
Ѳивейски молньи и перуны
Росой тіиской упоять[6]?
Кто памятникъ надъ мной поставитъ[7],
Подъ дубомъ тотъ сумрачный сводъ,
Въ которомъ могъ меня бы славитъ[в],
Играя съ громами, Эротъ?
Ужъ нѣтъ тебя! ужъ нѣтъ! — Придите 6
Сюда вы, Дружба и Любовь!
Печаль и вздохи съедините,
Гдѣ скрытъ подъ пеленою Львовъ[г].
Ахъ, плачьте, чада! плачьте, други[д]!
Цѣлуй въ послѣдній разъ, краса!
Ужъ слезы Лизы[е] и супруги[8],
Какъ пламенна горитъ роса

[а] Такъ, мой! . . . (Первон. рукоп. и 1805).
[б] Но кто же лиры моей струны (Рукоп.).
[в] Въ которомъ могъ меня твой славить (Рукоп. и 1805).
[г] Надъ пеленой, взоръ скрывшей львовъ (1805).
(Здѣсь *львовъ* было употреблено въ видѣ прилагательнаго, какъ въ стихѣ: *Ты ломоносовымъ перомъ*, см. томъ I, стр. 81. Удивительно, что Дмитріевъ пропустилъ оба стиха безъ замѣчанія. Нынче подобное употребленіе собственныхъ именъ осталось только въ немногихъ названіяхъ урочищъ: Аничковъ мостъ, Чернышевъ переулокъ).
[д] Плачьте, чада, плачьте, други (Рукоп.).
[е] А слезы Лизы . . . (Рукоп. и 1805).

---

[1] Н. А. Львовъ, о которомъ часто упоминается въ примѣчаніяхъ I-го тома (см. особенно стр. 365, 468, и тамъ же Предисловіе), былъ очень болѣзненъ въ послѣдніе годы жизни, и вскорѣ послѣ поѣздки къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, которымъ составилъ описаніе, онъ умеръ,

52-хъ лѣтъ отъ роду, 27 декабря 1803 года. Въ *Мѣсяцословѣ съ росписью государственныхъ чиновъ* за этотъ годъ онъ записанъ слѣдующимъ образомъ: «Членъ экспедиціи государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства, тайный совѣтникъ, управляющій училищемъ землянаго битаго строенія и коммисіи о разработкѣ и употребленіи каменнаго угля». Жена Львова пережила его только четырьмя годами (ум. 1807 г.), и послѣ ея смерти три дочери ихъ: Елисавета (въ замужствѣ Львова же), Вѣра (въ замужствѣ Воейкова) и Прасковья (— Бороздина, род. 1793, ум. 1839) жили въ домѣ Державиныхъ (см. выше стр. 121 и 269). Львовъ имѣлъ также двухъ сыновей, Александра и Леонида, давно уже умершихъ, но оставившихъ потомство.

Пьеса эта въ первый разъ была напечатана въ *Вѣстникѣ Европы*, ч. XIX, 1805, № 4 (стр. 299). Когда она уже набиралась, И. И. Дмитріевъ предложилъ нѣсколько измѣненій. «Благодарю тысячу разъ», отвѣчалъ Державинъ 23 января, «за примѣчанія и поправки. Видите, какъ худо безъ друзей писать. Не увидишь, какъ ошибешься; но ежели еще не напечатаны, то не лучше ли переправить такимъ образомъ *Ахъ! плачьте, чада! плачьте, други!* (строфа 6, стихъ 5, см. варіантъ д): ибо мнѣ кажется, тутъ нужно повтореніе: то и можно прибѣгнуть къ обыкновенной у нашей братьи затычкѣ. У *цѣвницы*, или у дудки струнъ нѣтъ, хотя поэзія и имѣетъ вольность называть лады струнами, а струны ладами. То не лучше ли такъ: *Но ктожъ моей гитары струны На нѣжный будетъ тонъ спущать?* (строфа 5, см. вар. б). Впрочемъ, ежели уже подъ прессъ попало, то быть тому такъ. Пребываю съ почтеніемъ и преданностію» (Письмо 13 изъ напечатанныхъ М. А. Дмитріевымъ въ 10-й книжкѣ *Москвитянина* 1848 г.).

Съ этими поправками стихотвореніе и явилось въ журналѣ Каченовскаго; потомъ оно было напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, LII, съ немногими новыми перемѣнами.

² Надъ кѣмъ? кого сія могила *и проч.*

Львовъ и жена его похоронены рядомъ въ ихъ новоторжскомъ имѣніи Черенчицахъ или, какъ оно иначе называется, селѣ Никольскомъ, почему и владѣлецъ его часто подписывался *Львовъ Никольскій* и въ шутку говаривалъ, что его со временемъ пожалуютъ графомъ Никольскимъ.

³ Воздвигнулъ изъ земли громады.

Львовъ придумалъ способъ строить домà изъ земли и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе императора Павла, по повелѣнію котораго построилъ въ Гатчинѣ изъ этого новаго матеріала такъ называемый *пріоратъ*, красиво расположенное зданіе, до сихъ поръ сохранившееся. Впослѣдствіи нѣсколько такихъ строеній возникло и въ Никольскомъ, куда приказано было отправить на выучку по два работника изъ каждой губерніи, такъ что ихъ собралось тамъ болѣе 100 человѣкъ. Это было въ связи съ указомъ, состоявшимся 21 августа 1797 года, объ учрежденіи училища *землянаго битаго* строенія (*Полн. Собр. Зак.*, т. XXIV, № 18,103); директоромъ этого училища назначенъ былъ Львовъ. Понятно, что сомнительное въ своихъ результатахъ изобрѣтеніе вызвало много разно-

Digitized by Google

родныхъ толковъ, пересудовъ и насмѣшекъ. Кажется, опыты землебитнаго строенія производились и въ окрестностяхъ Москвы. Карамзинъ разсказывалъ покойному графу Блудову, что однажды, гуляя тамъ, онъ увидѣлъ, какъ крестьяне толкутъ землю, и на вопросъ, что̀ они дѣлаютъ, услышалъ отъ нихъ отвѣтъ: «Толчемъ, да безъ толку». За то другіе ожидали очень многаго отъ изобрѣтенія Львова, и Державинъ написалъ къ портрету его двустишіе:

«Хоть взятъ онъ отъ земли и въ землю онъ пойдетъ,
Но въ зданьяхъ земляныхъ онъ вѣчно проживетъ».

О зодческомъ искусствѣ Львова было уже говорено въ томѣ I: онъ издалъ томъ *Палладіевой архитектуры* и *Школу деревенской архитектуры*. Кстати прибавимъ, что Львовъ открылъ между прочимъ копи каменнаго угля и написалъ о томъ брошюру. Объ отправленіи его «для осмотра имѣющихся удобныхъ къ тому мѣстъ въ Валдайскихъ горахъ и учиненія въ томъ опыта» Екатерина II писала къ Н. П. Архарову изъ Царскаго Села 17 іюля 1786 года (*Русск. Архивъ* 1864 г., ср. 897)*.

[4] ... онъ Добрыню пѣлъ.

При стихотвореніи *Н. А. Львову* (т. I) было также упомянуто о началѣ богатырской поэмы *Добрыня*, написанномъ имъ въ духѣ русскихъ былинъ. «Онъ любилъ», говоритъ Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ*, «русское природное стихотворство, самъ писалъ стихи, а особенно въ простонародномъ вкусѣ былъ неподражаемъ». Словами «межъ завтреней и межъ обѣдней» поэтъ хочетъ означить такіе часы, которые болѣе другихъ благопріятны ясному выраженію мыслей; въ это же время дня древніе сказочные богатыри совершали свои подвиги: такъ Илья Муромецъ между заутреней и обѣдней впервые пріѣхалъ въ Кіевъ (*Об.* Д.).

[5] Теките, Музы, вслѣдъ его.

Своимъ тонкимъ вкусомъ, разнообразными талантами, общительнымъ, веселымъ нравомъ и легкостью писать стихи, особливо шутливые, Львовъ пріобрѣлъ большой вѣсъ въ литературномъ кругу, который собирался около него. Въ этомъ, болѣе нежели въ собственныхъ его трудахъ, заключается значеніе Львова для его эпохи,—значеніе, о которомъ согласно говорятъ многіе изъ его современниковъ, какъ-то Державинъ, И. И. Дмитріевъ, Ѳ. П. Львовъ, Жихаревъ и др. Памятниками любви его къ народной поэзіи и къ музыкѣ остаются: напечатанное Прачемъ изданіе русскихъ пѣсенъ съ предисловіемъ Львова, переводъ «объясненія музыки Сартія» при сочиненіи Екатерины II *Начальное управленіе Олега*, также его драматическія шутки и проч. Если вспомнить, что онъ же издалъ *Русскаго лѣтописца*, *Разсужденіе о перспективѣ*, *Русскую пиростатику* и проч., то можно конечно пожалѣть, что онъ брался за слишкомъ многое и увлекался проектами, но нельзя, съ другой стороны, не подивиться его многостороннимъ дарованіямъ, живости любознательнаго ума его и неутомимой дѣятельности.

* Ср. въ томѣ V нашего изд. письма Львова къ Держ. отъ 13 августа и 18 сентября 1786.

Digitized by Google

[6] Росой тiиской упоять —

«т. е. өивскаго пѣвца Пиндара пѣсни тiискимъ, или Анакреономъ умягчать, ибо онъ, съ авторомъ нерѣдко занимаясь поэзiей, давалъ ему совѣты, относящiеся къ прiятному вкусу» (*Об.* Д.). Это свидѣтельство самого Державина очень важно для оцѣнки влiянiя, какое имѣлъ на его дѣятельность Львовъ. Не получивъ порядочнаго воспитанiя, не зная древнихъ языковъ, Львовъ однакожъ въ значительной степени дополнилъ свое образованiе чтенiемъ, знакомствомъ съ языками французскимъ и итальянскимъ, заграничными путешествiями и обращенiемъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Такимъ образомъ Державинъ находилъ въ немъ многое, чего ему самому недоставало, и, судя по поправкамъ и замѣчанiямъ Львова, оставшимся въ рукописяхъ, можно сказать, что онъ многое въ искусствѣ понималъ вѣрно, хотя самъ и не обладалъ высшимъ творческимъ даромъ.

[7] Кто памятникъ надъ мной поставитъ?

Въ одномъ письмѣ къ Державину Львовъ, будучи гораздо моложе его, обѣщалъ поставить ему монументъ (*Об.* Д.).

[8] Ужъ слезы Лизы и супруги.

Лиза — Елисавета Николаевна, старшая дочь покойнаго (*Об.* Д.); см. выше стр. 118).

---

101. ФОНАРЬ[1].

1804.

Гремитъ органъ на стогнѣ трубный[a], 1
Пронзаетъ нощь и тишину;
Очаровательный огнь, чудный,
Малюетъ на стѣнѣ луну.
Въ ней ходятъ тѣни разнородны:
Волшебникъ мудрый, чудотворный,
Жезла движеньемъ, устъ, очесъ,
То ихъ творитъ, то истребляетъ;
Народъ толпами поспѣшаетъ
Смотрѣть къ нему такихъ чудесъ.

Явись! 2
И бысть.
Пещеры обитатель дикiй,
Изъ тмы ужасной превеликiй
Выходитъ левъ.
Стоитъ, по гривѣ лапой кудри
Златыя чешетъ, вьетъ хвостомъ;
И ревъ
И взоръ его, какъ въ мракѣ бури,
Какъ яры молнiи, какъ громъ,

Digitized by Google

Сверкая по лѣсамъ, грохочетъ.
Онъ рыщетъ, скачетъ, пищи хочетъ
И, межъ древесъ
Озѣтя агницу смиренну[2],
Прыгнувъ, разверзъ ужъ челюсть гнѣвну...
Исчезнь! исчезъ.
Явись! 3
И бысть.
Средь гладкихъ океана, стклянныхъ,
Зарею утренней румяныхъ,
Спокойныхъ нѣдръ,
Голубосизый, солнцеокой,
Усатый, тучный рыбій князь,
Осетръ,
Изъ влаги появясь глубокой,
Пернатой лыстью вкругъ струясь,
Сквозь водну дверь глядитъ, гуляетъ...
Но тутъ ужасный звѣрь всплываетъ
Къ нему изъ безднъ:
Стремитъ въ свои водъ рѣки трубы[3]
И какъ серпы занесъ ужъ зубы...
Исчезнь! исчезъ.
Явись! 4
И бысть.
Съ долины мирныя, зелены
Въ полудни лебедь, вознесенный
Подъ облака,
Веселый гласъ свой ниспускаетъ.
Его долина, роща, холмъ,
Рѣка
Стократно эхомъ повторяетъ...
Но тутъ, какъ быстрый съ свистомъ громъ,
На рамена его сребристы
Орелъ прожорливый, когтистый
Упалъ съ небесъ:
Клюетъ, терзаетъ, бьетъ крылами,
И пухъ летитъ какъ снѣгъ полями...
Исчезнь! исчезъ.
Явись! 5

Digitized by Google

И бысть.
Спустилось солнце; вечеръ темный
Открылъ на небѣ милліоны
Горящихъ звѣздъ.
Огнисты, легки метеоры
Слетаютъ блещущимъ клубкомъ
Отъ мѣстъ
Превыспреннихъ, — и въ міракѣ взоры,
Какъ искры, веселятъ огнемъ:
Одна на домъ тутъ упадаетъ,
Раздута вѣтромъ, зажигаетъ,
И въ пламѣ городъ весь!
Столбомъ дымъ, жупелъ въ воздухъ вьется,
Пожаръ, какъ рдяны волны, льется...
Исчезнь! исчезъ.
Явись! 6
И бысть.
Торговый гость, смотря на счеты,
Отъ жажды къ злату и заботы
Хотя дрожитъ
Товарищей надъ барышами,
Въ паи дѣля товары ихъ;
Но бдитъ
И ползаетъ надъ чертежами
Всечасно странствіевъ морскихъ.
Въ очкахъ его всезряще око
Ужъ судно зритъ въ моряхъ далеко
Сквозь сладкихъ слезъ:
На немъ вздутъ парусъ, флагъ, дымъ, пламень[4],
Близъ пристани подводный камень...
Исчезнь! исчезъ.
Явись! 7
И бысть.
Оратай нивъ трудолюбивый,
Богобоязный, терпѣливый,
Проливъ свой потъ,
Ходя подъ зноемъ за сохою
И тукомъ угобзя бразды,
Ждетъ годъ

Digitized by Google

От҃ брошенныхъ его рукою
Сѣмянъ собрать себѣ плоды.
Златымъ колосья сокомъ полны,
Уже колеблются, какъ волны,
И тѣнь небесъ
Его трудъ правый осѣняетъ;
Но градъ изъ тучи упадаетъ...
Исчезнь! исчезъ.
Явись! 8
И бысть.
Чета младая новобрачныхъ —
Въ златыхъ, блистающихъ, безмрачныхъ
Цѣпяхъ своихъ —
Любви въ блаженствѣ утопаетъ;
Преодолѣвъ припятства всѣ,
Женихъ
Отъ радости въ восторгѣ таетъ
И, въ плѣнъ отдавшися красѣ,
Забывъ на ложѣ прежни скуки,
Въ уста ее цѣлуетъ, въ руки,
И средь завѣсъ
Коснулся ужъ забавъ рукою;
Но блещетъ Смерть надъ нимъ косою...
Исчезнь исчезъ.
Явись! 9
И бысть.
Отважный, дерзкій вождь, счастливый,
Чрезъ свой пронырливый, кичливый
И твердый духъ
Противны разметавъ знамены,
И на чело свое собравъ
Вокругъ
Съ народовъ многихъ лавръ зеленый,
И царскія права поправъ,
Въ чаду властолюбивой страсти
У всей народной силы, власти
Взялъ перевѣсъ;
Гражданъ не внемлетъ добрыхъ стону,
Простеръ десницу на корону [5]...

Digitized by Google

Исчезнь! исчезъ,

Не обаятельный ль, волшебный 10
Магическій сей міръ фонарь,
Гдѣ видны тѣни перемѣны,
Гдѣ, веселяся ими, царь
Иль магъ какой, волхвъ непостижный,
Въ своихъ намѣреньяхъ обширный,
Планетъ кругъ тайно съ высоты
Единымъ перстомъ обращаетъ
И земнородныхъ призываетъ
Мечтами быть, иль зрѣть мечты?

Почто жъ, о смертный дерзновенный, 11
Невѣжда средь своихъ наукъ!
Летая мыслями надменный,
Иль ползая въ пыли, какъ жукъ,
Бѣжишь ты счастья за мечтами,
Толь преходящими предъ нами,
Бывъ гостемъ, позваннымъ на пиръ?
Не лучше ль блескомъ ихъ не льститься;
Но Зодчему тому дивиться,
Кто создалъ столь прекрасный міръ?

Такъ будемъ, будемъ равнодушно 12
Мы зрительми Его чудесъ,
Что рокъ велитъ, творить послушно,
Забавой бывъ другихъ очесъ:
Пускай Тотъ управляетъ нами,
Кто движетъ солнцами, звѣздами:
Онъ знаетъ ихъ и нашъ конецъ!
Велитъ, — я возвышаюсь;
Речетъ, — я понижаюсь.
Сей міръ — мечты: ихъ Богъ творецъ!

[a] Органъ веселый, возглашая,
Пронзаетъ нощи тишину
И лучъ, средь фонаря блистая,
Рисуетъ на стѣнѣ луну.
Въ ней ходятъ тѣни разнородны,
Отвсюду волны льются черны;
Распяливъ, смотрятъ, очеса:
Жезломъ волшебникъ потрясаетъ
И громогласно возглашаетъ:

Придите, зрите чудеса.
Сей міръ ничто, какъ представленье
Волшебной скрытою рукой,
Въ различныхъ образахъ движенье
Всѣмъ тѣни видимой какой.
Вертѣть волшебникъ появится,
Махнетъ жезломъ и затемнится:
Одна другу смѣняетъ тварь (Первонач. рукоп.).

---

[1] Поводомъ къ сочиненію *Фонаря* было одно оптическое зрѣлище, какъ сказано въ *Ключѣ къ соч. Держ.* (стр. 90); но конечно это стихотвореніе вызвано было и тѣми размышленіями о суетѣ мірской, съ которыми Державинъ не могъ не оглядываться на свое недавно оконченное гражданское поприще. *Фонарь* тогда же явился отдѣльно, въ одно время съ *Колесницею* (см. томъ I, стр. 375)*; потомъ онъ былъ напечатанъ съ подписью *Державинъ* въ *Другѣ Просвѣщенія:* имъ открывается книжка этого журнала за іюль 1804 года; и наконецъ въ изд. 1808 г., ч. II, XL; здѣсь, какъ и у насъ, пьеса раздѣлена на строфы, чего прежде не было.

[2] Озѣтя агницу смиренну.

Въ *Опытѣ областнаго великор. Словаря* есть слово *зетить*, «подсматривать, выглядывать съ осторожностію».

[3] Стремитъ въ свои водъ рѣки трубы —

китъ, который извергаетъ изъ себя воду струями (*Об.* Д.).

[4] На немъ вздутъ парусъ, флагъ, дымъ, пламень *и проч.*

Это какъ будто предвидѣніе парохода.

[5] Простеръ десницу на корону.

Державинъ уже предсказывалъ непрочность Наполеонова владычества. (См. выше строфу 3 оды *на Новый 1798 годъ*, стр. 91 — 93).

* Въ четвертку, безъ заглавнаго листа; *Фонарь* занимаетъ 7 страницъ; *Колесница* — 5; обѣ пьесы безъ всякой подписи.

---

102. МУЖЕСТВО[1].

1 Что привлекательнѣй очамъ,
Какъ не огня во тмѣ блистанье?
Что восхитительнѣе намъ,
Когда не солнечно сіянье?
Что драгоцѣннѣй злата есть
Средь всѣхъ сокровищъ нашихъ тлѣнныхъ?
Межъ добродѣтелей отмѣнныхъ
Чья Мужества превыше честь?

2 Въ лучахъ, занятыхъ отъ порфиръ,

Digitized by Google

Видалъ наперсниковъ я счастья;
Зрѣлъ удивляющія міръ
Могущество и самовластье;
Сребра зрѣлъ горы на столахъ,
Вельможъ надменность, роскошь, пышность,
Прельщающую сердце лишность;
Но умъ прямыхъ не зрѣлъ въ нихъ благъ.

При улыбаньи красоты, 3
Подъ сладкогласіемъ музыки,
Волшебныхъ игръ и дивъ мечты
Меня плѣняли пляски, лики;
Но посреди утѣхъ такихъ,
Какъ чувства въ нѣгѣ утопали,
Мои желанія искали
Какихъ-то общихъ благъ — моихъ.

Пальмиры пышной и Аѳинъ 4
Гдѣ были празднества, позоры,
Тамъ нынѣ средь могилъ, пустынь,
Слѣды звѣрей встрѣчаютъ взоры.
Увы! въ мѣста унынья, скукъ
Что̀ красны зданья превратило?
Уединенье водворило
Что̀ въ храмахъ вкуса и наукъ?

Не злымъ ли зубомъ стеръ ихъ Кронъ, 5
Не хищны ль варваровъ набѣги?
Нѣтъ! нѣтъ! великихъ душъ уронъ.
Когда въ объятья вверглись нѣги,
Ко злату въ цѣпи отдались:
Вмигъ доблести презрѣнны стали,
Подъ тяжестью пороковъ пали,
Имперьи въ прахѣ погреблись.

О, еслибъ храбрый Леонидъ 6
Поднесь и Зиновія жили,
Не премѣнился бъ царствъ ихъ видъ,
Величія бъ примѣромъ были.
Но жаръ какъ духа потушенъ,
Какъ бѣдность пресмыкаться стала,
Увидѣли Сарданапала
На тронѣ съ пряслицей межъ женъ.

Digitized by Google

Итальи честь, художествъ цвѣтъ, 7
Остатки древностей безцѣнны!
Безъ Римлянъ, побѣждавшихъ свѣтъ,
Гдѣ вы? гдѣ? — Галломъ похищенны[2]!
Безъ бодрственной одной главы,
Чѣмъ вознеслась Собійсковъ слава,
Ставъ женъ Цитерою, Варшава[3]
Ужъ не соперница Москвы.

Украсъ чело кто звѣздъ вѣнцемъ 8
И обладателемъ будь міра,
Какъ радуга сіяй на немъ
Багряновидная порфира;
Но если духъ въ немъ слабъ, — полковъ,
Когортъ его всѣ громы мертвы[4];
Вожди безъ духа — страховъ жертвы
И суть рабы своихъ рабовъ.

Такъ доблесть, сердца правота, 9
Огонь души небесъ священный,
Простѣйшихъ нравовъ высота,
Духъ крѣпкій, сильный, но смиренный, —
Творецъ величествъ на земли!
Тобою вои побѣждаютъ,
Судьи законы сохраняютъ,
Счастливо царствуютъ цари.

Тобой преславный родъ Славянъ 10
Владыкой сдѣлался полсвѣта,
Господь осми морей, тьмы странъ;
Душа его, тобой нагрѣта,
Какихъ вновь дивъ не сотворитъ?
Тамъ Гермогенъ, какъ Регулъ, страждетъ;
Ильинъ, какъ Децій, смерти жаждетъ[5];
Резановъ Гаму замѣнитъ[6].

Одушевляй россійску грудь 11
Всегда, о Мужество священно!
Присутственно и впредь намъ будь
Во время скромно, время гнѣвно.
Взлетимъ коль оперенны мы
Твоими страшными крылами:

Digitized by Google

Кто встанетъ противъ насъ? — Богъ съ нами!
Мы вспѣнимъ понтъ, тряхнемъ холмы!

[1] Начато еще въ 1797 году по случаю происшедшей въ Павловскѣ фальшивой тревоги во время присутствія тамъ императора Павла, когда на дворцовомъ плацу внезапно появилась гвардія вслѣдствіе звука почтовой трубы, принятаго за сигнальный призывъ, который иногда раздавался изъ дворца (Гельбигъ, стр. 472). Кончено въ 1804 г.

Напечатано въ изд. 1808 г., ч. II, XLI.

[2] . . . Галломъ похищенны.

«Когда Французы покорили себѣ Италію, то Наполеонъ, тогдашній консулъ, а нынѣшній императоръ, всѣ рѣдкія произведенія художества приказалъ вывезти въ Парижъ, что̀ и исполнено» (*Об.* Д.).

[3] Ставъ женъ Цитерою, Варшава *и проч.*

т. е. Варшава пала отъ растлѣнія нравовъ, отъ недостатка мужества. Предыдущій стихъ ср. съ стихомъ И. И. Дмитріева: «Исчезла Собіесковъ слава» (томъ I нашего изданія, стр. 451).

[4] Когортъ его всѣ громы мертвы.

Наподобіе римскихъ когортъ образованы были при Екатеринѣ II легкія полевыя команды, состоявшія изъ пѣхоты, драгуновъ, казаковъ и четырехъ единороговъ артиллеріи; въ нихъ было по 50 человѣкъ. (*Об.* Д.). Вигель въ своихъ *Воспоминаніяхъ* разсказываетъ изъ эпохи своего дѣтства, около 1790-го года: «Мы (*онъ и маленькій сынъ графини Браницкой*) смотрѣли разъ въ окошко на плацъ кіевской крѣпости и на гауптвахту, гдѣ стояли въ караулѣ какіе-то новонабранные малороссійскіе пѣшіе казаки стрѣлки, которые были раздѣлены не на полки, а на когорты, и потому называли ихъ когортами; ихъ не успѣли еще обмундировать, и они были въ сѣрыхъ кафтанахъ, какъ ратники 812-го года» (*Русск. Вѣстникъ* 1864 г., № 1, стр. 264).

[5] Ильинъ, какъ Децій, смерти жаждетъ.

Ильинъ, флотскій офицеръ, который въ сраженіи при Чесмѣ подплылъ на брандерѣ (зажигательномъ суднѣ) къ фланговому турецкому кораблю, положилъ въ него брандскугель и тѣмъ рѣшилъ исходъ боя. При увольненіи впослѣдствіи отъ службы онъ получилъ пенсію въ 300 руб. Когда онъ умеръ, пережившая его сестра осталась бы безъ куска хлѣба, еслибъ лишилась этой пенсіи. Тогда Гераковъ (Гаврило Васильевичъ), учитель кадетскаго корпуса, напечаталъ извѣстіе о подвигѣ Ильина. Дѣло было доведено до свѣдѣнія императора Александра I, и Ильиной отдана по смерть пенсія ея брата * (*Об.* Д.). О самомъ Гераковѣ см. *Воспом.* Булгарина, ч. I, стр. 283—288.

[6] Резановъ Гаму замѣнитъ.

Николай Петровичъ Резановъ (род. 1764, ум. 1807 г.), былъ назна-

* По словамъ Булгарина (*Воспом.*, ч. I, стр. 287), пенсію получили дочери Ильина.

Digitized by Google

ченъ въ 1803 г. посланникомъ въ Японію и отправился туда на кораблѣ *Надежда*, на которомъ капитанъ Крузенштернъ предпринялъ кругосвѣтное путешествіе. По этому-то поводу Державинъ и сравниваетъ Резанова съ Васко-де-Гама. Извѣстно, что это посольство не имѣло успѣха: оно было принято Японцами дурно и не привело къ установленію сношеній съ ними. Въ 1806 году Резановъ, отпустивъ корабли въ дальнѣйшее плаваніе, самъ поѣхалъ сухимъ путемъ въ Петербургъ, но на пути черезъ Сибирь занемогъ и 1-го марта слѣдующаго года умеръ въ Красноярскѣ (объ экспедиціи Резанова см. статью Карамзина «О россійскомъ посольствѣ въ Японію», Соч. его, изд. Смирд., т. I, стр. 388; *Путешествіе* Крузенштерна, Спб. 1819; *Двукратное путешествіе Хвостова и Давыдова*, Спб. 1810, и *Записки* В. М. Головина, Спб. 1851). Какъ видно изъ *Введенія* Крузенштерна, Резановъ былъ женатъ на дочери Шелехова (см. томъ I, стр. 529) и много способствовалъ къ тому, что императоръ Павелъ 1799 г. утвердилъ Американскую компанію. Резановъ былъ хорошо извѣстенъ Державину, который, бывъ опредѣленъ къ дѣламъ Императрицы въ 1791 году, взялъ его къ себѣ въ правители канцеляріи (см. біографію Резанова въ Словарѣ митрополита Евгенія, *Записки* Держ. и его переписку). При назначеніи въ посланники Резановъ получилъ званіе оберъ-камергера и аннинскую ленту.

---

103. ВЕСНА[1].

Таетъ зима дыханьемъ Фавона[2], 1
Взгляда бѣжитъ прекрасной весны;
Мчится Нева къ Бельту на лоно;
Съ брега суда спущены[а].

Снѣгомъ лѣса не блещутъ, ни горы; 2
Стогновъ согрѣть не пышетъ[б] огонь[3];
Ломятъ стада, играя, затворы;
Рыща, ржетъ на полѣ конь.

Нимфы въ лугу подъ луннымъ сіяньемъ[в], 3
Ставъ въ хороводъ, вечерней зарей,
Въ пѣсняхъ поютъ весну съ восклицаньемъ,
Пляшутъ, топочутъ стопой.

Солнце лучемъ лиловымъ на взморье[г] 4
Броситъ какъ огнь, Петрополь вкушать
Свѣжій зефиръ валитъ въ лукоморье[4];
Ѣдешь и ты тамъ гулять.

Ѣдешь, — и зришь злакъ, небо, лѣсъ, воды, 5
Милу жену, вкругъ рощу сыновъ[5];
Прелесть всю зришь съ собой ты природы,
Счастливъ симъ, счастливъ ты, Львовъ!

Digitized by Google

Что жъ ты стоишь такъ мало утѣшенъ? 6
Плюнь на твоихъ лихихъ супостатъ, —
Если прибытокъ оный безгрѣшенъ,
Ревель что далъ и Кронштадтъ[6]:
Выкати, дай, ты дай непремѣнно 7
Бочку скорѣй намъ устрицъ на столъ;
Портеръ, вино, что искрами пѣнно,
Каплетъ что златомъ, какъ смоль[д];
Въ толстомъ стеклѣ что выжимки силы, 8
Въ сверткахъ травы[7] что слаще сота[е];
Сокъ намъ подай, что молніей въ жилы,
Быстро летитъ что въ уста!
Выставь намъ все. — Такъ время пріятно, 9
Должно твоихъ друзей угощать.
Дышать пока сады ароматно,
Розы спѣши собирать.
Видишь, мой другъ, и самъ ты вседневно, 10
Мигъ что одинъ не сходенъ съ другимъ[ж];
Въ мірѣ земномъ все, видишь, премѣнно:
Гладкій понтъ часто холмимъ.
Самый твой торгъ, — имперій цвѣтъ, слава, 11
Первый къ вреду, растлѣнію шагъ[8]:
Блага лишь суть: здоровье, забава,
Честность, — все прочее прахъ.

[а] Отъ биржи суда спущены (Рукоп.).
[б] Стогновъ въ столицѣ не грѣетъ огонь.
[в] Подъ блескомъ луны, воздуха сводомъ
Тихой вечерней румяной зарей
Дѣвы въ Ямской поютъ хороводомъ.
[г] Солнца съ закатомъ, ходитъ на взморье
Запахъ Петрополь свѣжій вкушать;
Съ семействомъ и ты въ рай, въ лукоморье
Пріѣхалъ на лѣто дышать.
[д] Что сѣра златая, что смоль.
[е] Что въ сверткахъ соломы слаще сота.
[ж] Минута одна не схожа съ другой:
Въ тлѣнномъ семъ мірѣ все перемѣнно,
Понтъ гладкій холмится волной.
[з] Первый къ ихъ порчѣ, растлѣнію шагъ.

---

[1] Посланіе къ Ѳедору Петровичу Львову, двоюродному брату Николая Александровича. Этотъ Ѳ. Львовъ, впослѣдствіи женатый во второмъ

бракѣ на Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой (см. выше стр. 269), служилъ директоромъ канцеляріи министра коммерціи, графа Ник. Петр. Румянцова, былъ знатокъ музыки (позднѣе директоръ пѣвческой капеллы), занимался литературой и издалъ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ и *Объясненія* Державина (Спб. 1834), диктованныя поэтомъ второй женѣ Львова *, когда она была еще молодой дѣвушкой. Одно время Ѳ. П. Львовъ служилъ у кн. Лопухина въ коммиссіи составленія законовъ, а напослѣдокъ въ канцеляріи государственнаго совѣта помощникомъ статсъ-секретаря. Въ этой должности онъ и умеръ въ концѣ 1835 г.

Пьеса *Весна* въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, особливо же въ началѣ, представляетъ подражаніе Горацію, именно одѣ къ Секстію (кн. I, 4) и одѣ къ Манлію Торквату (кн. IV, 7). Далѣе Державинъ оставляетъ латинскаго поэта, и посланіе къ Львову едва только напоминаетъ оду къ Деллію (кн. II, 3). *Весна* написана на Званкѣ и хотя въ *Объясненіяхъ* Державина отнесена къ 1805 г., однакожъ помѣщается нами здѣсь на основаніи отмѣтки, находящейся на первоначальныхъ ея рукописяхъ. Эти рукописи любопытны, показывая намъ многочисленныя измѣненія, чрезъ которыя она проходила, пока достигла окончательнаго вида. Самая первая редакція начиналась такъ:

Взглядомъ весеннимъ, вѣтровъ дыханьемъ
Таетъ, уходитъ лихая зима.
Крикомъ матросовъ, машинъ стенаньемъ.
    Пристань судами полна.
Вечеромъ, утромъ громы грохочутъ,
Несяся далече по быстрой Невѣ;
Пестрые флаги на мачтахъ, хлопочутъ,
    Въ стекляной блестя синевѣ.

Продолженіе частью слишкомъ не отдѣлано, частью написсно неразборчиво. Въ современную тетрадь стихотвореніе занесено уже совершенно иначе, но опять зачеркнуто, при чемъ рукой Державина торопливо надписано: «Исправить въ стопосложеніи». Изъ этой средней редакціи, въ которой поэтъ былъ недоволенъ смѣшеніемъ анапестовъ и ямбовъ съ дактилями и хореями, мы возьмемъ нѣсколько наиболѣе любопытныхъ варіантовъ. Наконецъ, въ той же тетради, черезъ нѣсколько страницъ, читается окончательно исправленный текстъ этого стихотворенія.

Оно напечатано въ изданіи 1808 г., ч. II, LI.

[2] ... дыханьемъ Фавона.

Favonius — западный вѣтеръ, римское названіе Зефира.

У Горація: «Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni,
    Trahuntque siccas machinae carinas,
Ac neque jam stabulis gaudet pecus, aut arator igni;
    Nec prata canis albicant pruinis.

* Собственныя сочиненія его напечатаны, Спб. 1831 г., въ двухъ частяхъ подъ заглавіемъ: *Часы свободы въ молодости;* во 2-ую ч. вошли *Письма Скимнина*, изданныя отдѣльно въ Спб. же 1818 г.

Digitized by Google

Въ переводѣ г. Фета:

Ужъ строгая зима отъ вешнихъ устъ слетѣла,
И вновь бѣжитъ вода съ изсохшаго руля;
Нѣтъ стойла у скота, огня у земледѣла,
И бѣлымъ инеемъ не устланы поля.

[3] Стогновъ согрѣть не пышетъ огонь.

На стогнахъ или площадяхъ, въ большіе морозы, раскладывается огонь для народа (*Об.* Д.). Ср. томъ I, стр. 118, прим. 18.

[4] . . . Петрополь — — валитъ въ лукоморье.

Здѣсь разумѣется гулянье, бывающее ежегодно 1-го мая въ Екатерингофѣ, на взморьѣ (*Об.* Д.). По замѣчанію *Ключа къ с. Д.*, (стр. 94), *Весна* написана по случаю приглашенія къ Львову въ загородный домъ 1-го мая.

[5] Милу жену, вкругъ рощу сыновъ.

У Ѳ. П. Львова было въ то время семь сыновей отъ перваго брака —съ Надеждой Ильиничной Березиной, которой мать, урожденная Дьякова, Анна Алексѣевна, была старшая сестра Державиной и самая пригожая изъ всѣхъ дочерей Алексѣя Аѳанасьевича.

[6] Ревель что далъ и Кронштадтъ.

«При городѣ Ревелѣ и Кронштадтѣ были таможни, которыя, иногда контрабандою полученные товары по закону арестовавъ, присылали по обыкновенію г. Львову» (*Об.* Д.).

«Г. Львовъ, будучи неоднократно посыланъ для прекращенія тайнаго привоза иностранныхъ товаровъ, извѣстенъ былъ по значительнымъ конфискаціямъ, какія онъ сдѣлалъ, и, возбуждая зависть, озабоченъ былъ клеветою, почему авторъ и говоритъ выше: *Чтожъ ты стоишь, такъ мало утѣшенъ?*» (Примѣч. самого Ѳ. Львова въ *Объясн.*, Спб. 1834, ч. I, стр. 59).

[7] Въ сверткахъ травы . . .

Италіянскія сладкія вина привозятся по большой части въ стклянкахъ, оплетенныхъ травой (*Об.* Д.).

---

104. ВОЛХОВЪ КУБРѢ[1].

Напрасно, Кубра дорогая, 1
Поешь о славѣ ты моей;
Прелестна дѣвушка младая!
Мнѣ пѣть бы о красѣ твоей.
Хотя угрюмъ и важенъ взоромъ 2
И сѣдина на волосахъ,
Но рѣдко бурями и громомъ
Въ моихъ бушую я лѣсахъ[2].
Я мирный гражданинъ, торговый, 3
И безпрестанно въ хлопотахъ;

Digitized by Google

За старымъ караваномъ новый
Ношу лѣниво на плечахъ;
Наполненъ барками, судами, 4
На парусахъ и бичевой,
Я русскихъ пѣсенъ голосами
Увеселяю слухъ лишь свой[а].
Межъ холмиковъ, дубковъ саженыхъ[3] 5
Ведетъ полога мурава
Моихъ въ снѣ путниковъ наемныхъ,
Плывущихъ спустя рукава[б].
Иль видятъ золотыя нивы, 6
То пестроту цвѣтовъ въ лугахъ;
То лучь съ серповъ и косъ игривый
Въ муравленыхъ горитъ водахъ.
Шумящи перловы пороги 7
Имъ слабо преграждаютъ путь:
Премудро, справедливо боги
Богатство за труды даютъ.
И бардъ мой съ арфой ветхострунной 8
Хоть, сидя на холму, поетъ[4],
Но, представляя вечеръ лунной,
Онъ тихій голосъ издаетъ.
Увы! сколь парусомъ пробѣгшихъ, 9
На лямкахъ шедшихъ зрѣлъ ладей!
И сколько подъ луной умершихъ[в]
Онъ духомъ зритъ своихъ друзей!
Уже и вождь ногой желѣзной 10
Ступавшій Александра въ слѣдъ,
Прекрасный человѣкъ, любезный,
Лучь бѣдныхъ, — блещетъ между звѣздъ[5].
И ты, въ Наядахъ бывъ извѣстной, 11
Не завсегда волной шуми:
Но розовой рукой, прелестной,
Вздохнувъ, Меналка обойми.
Съ Біономъ, Геснеромъ, Марономъ, 12
Потомства поздняго въ умѣ
Твердясь пастушьимъ, сельскимъ тономъ,
Съ кузнечикомъ свѣтись во тмѣ[6].

Digitized by Google

[а] ... лишь мой (1804).
[б] Плывутъ спустя внизъ рукава.
[в] И сколько, сколько онъ умершихъ
Лишь лирой зритъ своихъ друзей.

---

[1] На Волховѣ была Званка Державина, а на Кубрѣ имѣніе графа Д. И. Хвостова *Слободка*. *Кубра*, рѣчка, впадающая въ Нерль (притокъ Волги), течетъ въ Переяславль-залѣсскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи *.

Въ *Другѣ Просвѣщенія* за январь 1804 года Хвостовъ напечаталъ оду *рѣкѣ Кубрѣ* и послѣ часто обращался къ ней же (см. статью г. Колбасина *Пѣвецъ Кубры* въ журналѣ *Время* 1802 г., № 6, и *Письмо* княгини А. Шаликовой въ № 11 этого журнала за тотъ же годъ). По поводу этой оды явились въ слѣдующей книжкѣ *Друга Пр.* стихи гр. Салтыкова: *Сочинителю оды рѣкѣ Кубрѣ*. Наконецъ въ іюльской книжкѣ этого журнала за тотъ же годъ гр. Хвостовъ помѣстилъ, по выраженію Державина (*Об.*), высокопарную оду въ похвалу его, подъ заглавіемъ *Барду*. Она начиналась стихами:

«Пускай, Кубра, мой гласъ стремится
Съ твоихъ пріятныхъ береговъ
До мѣстъ, гдѣ грозный Волховъ зрится,
Шумя среди сѣдыхъ валовъ.»

На эту-то оду и отвѣчалъ Державинъ изъ Званки посланіемъ: *Волховъ Кубрѣ*, которое было послано къ гр. Хвостову при письмѣ Державина отъ 25 іюля (см. его переписку) и напечатано въ первый разъ въ *Другѣ же Просвѣщенія* за сентябрь 1804 г. (ч. III, стр. 192), безъ подписи, но съ примѣчаніемъ издателя: «Хотя сія пьеса сообщена намъ отъ графа Хвостова безъ имени сочинителя; но всякій легко угадаетъ, что она есть твореніе преславнаго барда, вмѣстѣ Горація и Анакреона нашего». Передъ нею въ томъ же нумерѣ журнала напечатана съ подписью *Державинъ* ода его *На возвращеніе изъ Персіи гр. Зубова* (см. выше стр. 19). Во второй разъ пьеса *Волховъ Кубрѣ* явилась въ изд. 1808 г., ч. II, XLII.

Замѣтимъ, что въ *Сынѣ отечества* 1812 г., № VII, помѣщено было, безъ подписи, еще стихотвореніе *Кубрѣ*, написанное по случаю смерти князя Багратіона, скончавшагося 12 сентября близъ Слободки въ селѣ Симахъ, имѣніи родственника его, князя Бориса Андреевича Голицына.

[2] Въ моихъ бушую я лѣсахъ.

Рѣка Волховъ, текущая по иловатой почвѣ, имѣетъ воды мрачныя, однакожъ довольно тихія, и мѣстами на обоихъ берегахъ ея растетъ лѣсъ. По ней идутъ караваны судовъ съ припасами для Петербурга (*Об.* Д.).

[3] Межъ холмиковъ, дубковъ саженыхъ.

По обѣ стороны рѣки тянутся холмики, а между ними луга, гдѣ по повелѣнію Петра Великаго насажены дубы (*Об.* Д.).

* Другая Кубра того же имени впадаетъ въ Волгу ниже Сызрани и упоминается Палласомъ въ его *Путешествіи*.

Digitized by Google

[4] Хоть, сидя на холму, поетъ.

Здѣсь разумѣется холмъ въ саду Званки, гдѣ Державинъ любилъ сидѣть. См. ниже, подъ 1807 г., стихи: «Евгенію. Жизнь званская».

[5] Лучъ бѣдныхъ, — блещетъ между звѣздъ.

Это сказано о графѣ В. А. Зубовѣ, который, 1794 г. потерявъ ногу въ Польшѣ, имѣлъ искусственную желѣзную ногу и умеръ въ Курляндіи 21 іюня 1804 года *. Подъ Александромъ разумѣется герой македонскій (см. выше стр. 25 и томъ I, стр. 509). Шишковъ написалъ стихи на смерть Зубова.

[6] Съ кузнечикомъ свѣтись во тмѣ.

Кузнечикъ употреблено здѣсь въ смыслѣ свѣтящагося червя. При появленіи пьесы Державина нѣкоторые думали, что подъ *кузнечикомъ* онъ разумѣлъ П. И. Голенищева-Кутузова, товарища Хвостову по изданію *Друга Просвѣщенія* ** (слышано отъ покойнаго графа Блудова). Но самъ Державинъ въ своихъ *Об.* говоритъ, что этими словами поэтъ намекалъ Хвостову, чтобъ онъ держался лучше скромнаго пастушескаго рода, а «не надувался за Пиндаромъ», какъ въ названной одѣ *Барду* (*Об.* Д.).

Въ *Ключѣ*, изданномъ Остолоповымъ, этого примѣчанія нѣтъ, но въ первоначальной рукописи этого коментарія оно было, какъ показываетъ слѣдующее свидѣтельство самого *пѣвца Кубры*, находящееся въ примѣчаніяхъ къ 1-му тому его стихотвореній (Спб. 1828): «Мнѣ случилось», говоритъ онъ, «видѣть 1803 года въ Новгородѣ, еще при жизни Державина, рукопись, называемую *Ключъ къ его стихотвореніямъ*, который нынѣ въ разныхъ изданіяхъ печатается. Въономъ написано было объ авторѣ сего стихотворенія: *Стихотворецъ сей не имѣетъ дарованія*». Но Хвостовъ былъ такъ увѣренъ въ несправедливости этого приговора, что прибавляетъ: «Покоряясь таковому заключенію знаменитаго поэта нашего времени и пріятеля своего, авторъ осмѣливается печатать какъ сіе, такъ и прочія свои стихотворенія» ** (Примѣчаніе къ пьесѣ: *Г. Р. Державину*). Кн. П. А. Вяземскій, посѣтивъ въ 1812 году епископа Евгенія Болховитинова въ Вологдѣ, видѣлъ у него рукопись *Ключа* и слышалъ отъ преосвященнаго, что когда онъ передъ тѣмъ жилъ въ Новгородѣ, то гр. Хвостовъ, заѣхавъ къ нему и не заставъ его дома, началъ перелистывать эту

* Въ послѣднее время жизни Зубовъ, генералъ отъ инфантеріи и членъ Государственнаго совѣта, былъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса. См. слово, говоренное на его погребеніи 24 іюня законоучителемъ корпуса Августиномъ, въ присутствіи великаго князя Константина Павловича, въ Троицкой Сергіевской пустыни (Брошюра въ сборникѣ А. А. Куника).

** См. томъ I, стр. 375.

*** Эти строки представляютъ двоякій интересъ: онѣ во 1-хъ обозначаютъ приблизительно время, къ которому относится происхожденіе *Ключа*; во 2-хъ показываютъ близкое участіе, какое принималъ Державинъ въ составленіи этого комментарія: Хвостовъ, какъ видно изъ его примѣчанія, считалъ его самого авторомъ *Ключа*. Ближайшія свѣдѣнія, подтверждающія это свидѣтельство, см. въ *Сборникѣ* Отдѣленія русск. яз. и словесн., т. V, вып. I, стр. 215, 216.

Digitized by Google

тетрадь и попалъ на примѣчаніе, подобное вышеприведенному, выписанному нами изъ *Объясненій*. Противъ этого мѣста Хвостовъ написалъ на поляхъ: «Гаврила Романовичъ, кажется, ошибается, полагая, что названный имъ поэтъ не способенъ къ лирическому роду» и въ доказательство того онъ тутъ же исчислилъ нѣкоторыя оды свои (слыш. отъ кн. Вяземскаго).

Въ 1834 г. графъ Хвостовъ, по поводу изданія Львовымъ *Объясненій* Державина, записалъ въ одну изъ своихъ тетрадей слѣдующее:

«Пѣвецъ Кубры не вправѣ толковать вообще о всѣхъ сочиненіяхъ или о *Ключѣ* на соч. Державина. Онъ просто жалѣетъ, что сей *Ключъ* напечатанъ къ оскорбленію памяти знаменитаго стихотворца, обилующаго дарованіемъ. *Ключъ* сей не иное что, какъ кладовая, въ которой собраны всевозможныя хулы на царей, вельможъ и современниковъ Державина. Если онъ точно его, то не дѣлаетъ чести нравственности старика. Что же касается собственно до графа Дмитрія Ивановича, то ему *Ключъ* сей, по дружбѣ митрополита кіевскаго, былъ открытъ еще въ 1803 г.; онъ сдѣлалъ на оный возраженіе весьма легкое (см. т. I, примѣч. 55), а теперь присовокупляетъ, черезъ 30 лѣтъ, 18 по смерти Державина, что онъ не постигаетъ, почему оду его онъ называетъ *высокопарною*: она очень проста, а стихъ: «Свѣтись кузнечикомъ во тьмѣ» теменъ съ примѣчаніемъ и безъ примѣчанія. Виргилій въ эклогахъ такъ же великъ, какъ и въ Энеидѣ, и почему родъ пиндарической не терпитъ подражанія? Худо подражать не годится, а хорошій подражатель имѣетъ свой вѣсъ, — и только. Аминь и Богу слава!» (Изъ рукописей гр. Хвостова, хранящихся у М. И. Семевскаго).

---

105. МАНЕВРЫ[1].

Громовой упряжи, тучъ молненныхъ правитель, 1
На ржущихъ бурями летающій коняхъ,
О Геній браней! богъ героевъ, покровитель,
Живущій мужества въ сердцахъ!
Изъ вьющихся круговъ съ жерлъ мѣдныхъ, дыма, треска,
Съ бѣгущаго струей по тьму ружей блеска,
Склони угрюмый, грозный взоръ
На лирный слабый голосъ мой.

Ты научилъ Петра потѣхами, въ дни млады, 2
Разсадникъ насадить перуновъ и побѣдъ;
Румянцова — въ степяхъ водить гремящи грады[2];
Суворова — во сердце вредъ
Врагу вносить, какъ громъ, какъ молніи, штыками;
Флотъ Чичагова спасть отъ трехъ силъ между льдами[3];
А Круза — паруса въ отпоръ
Поднять Петрополю стѣной.

Digitized by Google

Ты мужество вливалъ герою молодому[4] 3
Безмѣрны высоты и бездны проходить,
Зрѣть съ скалъ на колыбель почіющаго грому,
По молніямъ полки водить,
И, грудь порфирну скрывъ, нетрепетно эгидомъ
Разить средь Альповъ змѣй съ полуночнымъ Алкидомъ,
Чтобъ, браннымъ Святославомъ ставъ,
Свой взять соименитый градъ.

Монарху Сѣвера давъ орлій духъ и смѣлость, 4
Какъ въ выспренность взлетать, какъ ниспускаться въ долъ,
Вдыхай, вдыхай ему науки бранной зрѣлость,
Какъ охранять ей царствъ престолъ.
Онъ, воевъ храбрыхъ грудь сплотя во тверды стѣны,
Искусствомъ кажетъ вмигъ волшебныя премѣны:
То ихъ дѣля, то ихъ смѣшавъ,
Зоветъ съ нихъ огнь и смерть и адъ.

Встань, Цезарь, Ганнибалъ, Карлъ, Фридрихъ, изъ могилы! 5
И изумленный взоръ изъ мрака бросьте свой
На движущіяся фаланговъ россикихъ силы,
На сей блестящій, красный строй!
И въ томъ признайтесь вы безъ самолюбья страсти:
Чтобы вселенную своей подвергнуть власти,
То Діевъ только сынъ возмогъ[5]
И можетъ развѣ русскій царь. —

Такъ, Александромъ бывъ, будь побѣдитель свѣта, 6
О исполиновъ вождь! Но не чрезъ брань и кровь;
А милосердіемъ и мудростью одѣта
Пусть будетъ мочь твоя, — любовь.
Какъ Зевсъ, держи перунъ и имъ сверкай по небу;
Но благотворному подобясь больше Фебу,
Свѣти на свѣтъ, какъ свѣта богъ,
Миря грозой мятежну тварь[6]!

[1] Писано на Званкѣ; напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, XLVIII.

[2] Румянцова — въ степяхъ водить гремящи грады — т. е. карè, введенныя имъ въ употребленіе вмѣсто прежнихъ рогатокъ. Ср. томъ I, стр. 276, стихи:

Создалъ Румянцовъ по степямъ,
Подвигъ ходящи съ громомъ грады.

Digitized by Google

[3] Флотъ Чичагова спасть отъ трехъ силъ *и проч.*

Адмиралъ Василій Яковлевичъ Чичаговъ (род. 1726, ум. 1809) 2 мая 1790 года отстоялъ въ ревельскомъ рейдѣ эскадру изъ 10 судовъ противъ 30 слишкомъ шведскихъ кораблей, изъ которыхъ одинъ былъ имъ принужденъ къ сдачѣ, а другіе отбиты. Императрица Екатерина, приказавъ сдѣлать бюстъ адмирала, поручила Державину сочинить къ нему краткую надпись, которая и будетъ помѣщена въ III-мъ томѣ нашего изданія (*Зап.* Держ., *P. B.*, стр. 306). — Вице-адмиралъ Александръ Ивановичъ Крузъ (род. 1727, ум. 1798) около того же времени отразилъ шведскій флотъ, приближавшійся въ превосходныхъ силахъ къ Кронштадту.

[4] Ты мужество вливалъ герою молодому —

великому князю Константину Павловичу, переходившему Альпы съ Суворовымъ, котораго поэтъ разумѣетъ подъ именемъ Алкида. См. выше стр. 186.

[5] То Діевъ только сынъ возмогъ —

т. е. Александръ Македонскій, признавшій Юпитера отцомъ своимъ (*Об.* Д.).

[6] Миря грозой мятежну тварь.

«Авторъ думалъ, что по силѣ и пространству Россійской Имперіи нѣтъ ей нужды въ завоеваніяхъ, но она должна быть посредницей всѣхъ воюющихъ европейскихъ народовъ, успокоивая ихъ миромъ» (*Об.* Д.).

---

106. Оленину[1].

Обычьевъ русскихъ, вида, чувства, 1
Моей поэзьи изографъ[2],
Чьего и славный Бритъ искусства
Не снесъ, красѣ возревновавъ;
Въ чьемъ рашкулѣ[3], мѣлу, чернилахъ
Видна такъ жизнь, какъ въ пантомимахъ,
Оленинъ милый! вспомяни
Твое мнѣ слово — и черкни.

Представь мнѣ воина, идуща[5] 2
Съ прямымъ безстрашіемъ души
На явну смерть и смерть несуща[6],
И словомъ Росса напиши:
Какъ ржетъ предъ нимъ Везувій ярый[4],
Надъ нимъ дождь искръ, громовъ удары,
За нимъ — скрылъ мракъ его стопы —
Лежатъ Иракловы столпы!

Тебѣ ... такъ! Россу только можно 3

Digitized by Google

Отечества представить духъ;
Услуги вѣрной ждать не должно
Отъ иностранныхъ слабыхъ рукъ.
И впрямь, огромность Исполина
Кто облечетъ, окромѣ сына
Его и тѣломъ и душой?
Намъ тѣсенъ всѣхъ другихъ покрой.
Когда наука иль природа 4
Дадутъ и духъ и умъ и вкусъ,
Ни чинъ, ни должность, ни порода
Быть не претятъ друзьями Музъ.
И только ль въ полѣ на сраженьи
И за зерцаломъ дѣлъ въ вершеньи[5]
Сыновній нуженъ царству жаръ?
Нѣтъ! проклятъ всякъ сокрывшій даръ.
Три дщери своего рожденья[6] 5
Судили Небеса послать,
Чтобъ свѣтъ, красу и утѣшенье
На землю мрачну проливать;
Схватясь красавицы руками,
Съ улыбкой, тихими стопами
Проходятъ міръ ... и се въ нашъ вѣкъ
Пришли въ полнощь, какъ Петръ предрекъ[7].
Пусть духъ поэта сотворяетъ, 2
Вливаетъ живописецъ жизнь,
А чувства музыкантъ вдыхаетъ,
Къ образованью ихъ отчизнъ;
И насъ коль Геніи вдыхаютъ,
Отъ сна съ зарею возбуждаютъ, —
Не стыдно ль нѣгу обнимать?
Пойдемъ Сатурна побѣждать[б]!

[а] Представь еще ты образъ война (Первонач. рукоп.).
[б] На явну смерть, на адъ спокойно
Идуща Росса напиши.

[1] Посланіе это находится въ связи съ рисунками, которыми Оленинъ, по дружбѣ къ Державину, украсилъ рукопись его стихотвореній. Въ І-мъ томѣ нашего изданія (стр. 250) уже было разсказано, что эту рукопись, вѣроятно въ началѣ нынѣшняго столѣтія, поэтъ посылалъ въ Лондонъ для награвированія виньетокъ; но такъ какъ онъ не сошелся въ цѣнѣ

Digitized by Google

съ тамошними художниками, которые просили за эту работу 12000 р., (*Ключъ* къ *соч. Держ.* стр. 91), то Державинъ потребовалъ рукопись свою обратно. По возвращеніи ея оказалось, что въ ней недоставало одного рисунка. Оленинъ обѣщалъ сдѣлать его вновь, но медлилъ болѣе года; по этому поводу Державинъ и написалъ настоящее посланіе. Просьба была, какъ кажется, исполнена: по крайней мѣрѣ, въ новѣйшей рукописи мы находимъ передъ одою *На взятіе Измаила* виньетку, нарисованную по той самой программѣ, которая изложена въ этихъ стихахъ (см. куплетъ 2-й).

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ родился въ первые годы царствованія Екатерины II: въ 1774 г. онъ былъ записанъ въ пажескій корпусъ пажемъ, а въ 1780 г. отправленъ въ Дрезденъ для обученія «воинскимъ и словеснымъ наукамъ» въ тамошней артиллерійской школѣ, гдѣ и пробылъ пять лѣтъ. Безъ сомнѣнія, пребываніе въ этомъ городѣ, гдѣ издавна поощрялись искусства, много способствовало къ развитію въ Оленинѣ художественнаго направленія. Выпущенный между тѣмъ изъ корпуса капитаномъ, онъ поступилъ въ артиллерію; но уже въ 1795 году, въ чинѣ полковника, оставилъ военную службу и перешелъ на гражданское поприще, гдѣ мы при Павлѣ I находимъ его сенатскимъ оберъ-прокуроромъ и директоромъ школы титулярныхъ юнкеровъ, учрежденной для образованія юристовъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра, Оленинъ перешелъ экспедиторомъ въ канцелярію государственнаго совѣта, и съ этихъ-то поръ начинается для него рядъ быстрыхъ успѣховъ: въ томъ же 1801 году онъ уже пожалованъ въ статсъ-секретари; въ 1802 онъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ назначенъ для составленія канцеляріи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; въ 1803 — товарищемъ министра удѣловъ; въ 1808 — помощникомъ главнаго директора Императорской Публичной Библіотеки (гр. А. С. Строганова), на мѣсто котораго онъ черезъ три года самъ поступилъ. Такимъ образомъ онъ, безпрестанно возвышаясь, получилъ, послѣ паденія Сперанскаго, за отсутствіемъ Шишкова, важное порученіе править должность государственнаго секретаря *. Но главная его дѣятельность въ послѣдніе годы жизни относилась къ Академіи Художествъ, которой онъ былъ болѣе 20-ти лѣтъ президентомъ. Пожалованный 1827 г. въ члены государственнаго совѣта, а 1830 въ дѣйствительные тайные совѣтники, онъ умеръ 17 апрѣля 1843 г. 78-ми лѣтъ. Онъ былъ женатъ на Елисаветѣ Марковнѣ Полторацкой и оставилъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ трое до сихъ поръ живы. Произнести рѣшительный судъ о степени значенія Оленина для исторіи нашего образованія теперь еще невозможно. Мнѣнія о немъ чрезвычайно разнообразны; но, избѣгая крайностей, можно кажется уже въ настоящее время

* Адмиралъ А. С. Шишковъ назначенъ былъ въ это званіе единственно для составленія государственныхъ актовъ и сопутствовалъ Государю въ армію, а потомъ и въ послѣдующія его поѣздки; должность же его по совѣту, съ тѣхъ поръ до назначенія въ нее въ 1827 году другаго лица (Марченко), лежала всегда исключительно на Оленинѣ (баронъ М. Корфъ въ *Жизни графа Сперанскаго*, Спб. 1861, т. II, стр. 42).

Digitized by Google

согласиться, что онъ сдѣлалъ болѣе, какъ любитель искусствъ и литературы, нежели какъ государственный человѣкъ. Его упрекаютъ, можетъ быть не совсѣмъ безъ основанія, въ томъ, что онъ брался за слишкомъ многое. Чрезмѣрная любознательность, простиравшаяся между прочимъ на множество языковъ, не исключая даже еврейскаго, и на всѣ отрасли искусства, не позволяла ему сосредоточиться на одной какой-нибудь части: на это указываетъ длинный списокъ брошюръ о самыхъ разнородныхъ, частію маловажныхъ предметахъ, которыя носятъ на себѣ имя Оленина. Съ другой стороны онъ безспорно заслуживаетъ благодарность соотечественниковъ за то поощреніе и покровительство, какое находили въ его домѣ русскіе литераторы и художники; имя Оленина и его *Пріютина* (близъ выборгской дороги) связано съ біографіею Озерова, Гнѣдича, Крылова, Батюшкова и другихъ писателей. Еще въ молодости Оленинъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ литературнаго круга, къ которому принадлежали Державинъ, Львовъ, Капнистъ и проч. Вмѣстѣ съ Львовымъ онъ участвовалъ въ первомъ посмертномъ изданіи басенъ Хемницера (Спб., 1799). По отзыву, слышанному нами отъ покойнаго Востокова, Оленинъ оказалъ несомнѣнныя услуги русской археологіи: ему обязаны были К. М. Бороздинъ, А. И. Ермолаевъ и И. А. Ивановъ своимъ путешествіемъ въ южную Россію, гдѣ они составили альбомъ древностей, находящійся въ с.-петербургской Публичной библіотекѣ. Г. Солнцеву, говорятъ, Оленинъ подалъ первую мысль изданія извѣстнаго его сочиненія о русскихъ древностяхъ. Оленинъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Державину и отмѣтилъ своимъ именемъ большую часть рисунковъ, воспроизведенныхъ при 1-мъ академическомъ изданіи сочиненій нашего поэта.

Нѣкоторые утверждаютъ, будто Оленинъ самъ не умѣлъ рисовать и что ему принадлежали только идеи, которыя выполнялись тремя жившими у него помощниками; но это мнѣніе опровергаютъ лица, коротко его знавшія и свидѣтельствующія, что хотя онъ дѣйствительно держалъ при себѣ помощниковъ, однакожъ и самъ рисовалъ карандашемъ и тушью. Въ одномъ примѣчаніи къ настоящей пьесѣ (*Об.*) и Державинъ такъ выражается о немъ: «любитель художествъ и самъ хорошій рисовальщикъ».

Посланіе *Оленину* напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, XLV.

[2] Обычьевъ русскихъ *и проч.*

Первые два стиха пьесы показываютъ, что Оленинъ въ живописи дорожилъ народными сюжетами. *Изографъ*—невѣрно переданное греческое слово ζωγράφος (съ котораго буквально переведено наше *живописецъ*). Въ этой ошибкѣ Державина виноватъ Н. А. Львовъ, который, переводя Анакреона, началъ XLIX (24) оду словами: «Послушай, изографъ изящный» (Ἄγε, ζωγράφων ἄριστε) *.

* Въ новѣйшей терминологіи *изографіей* называется искусство передавать почерки снимками, fac-simile.

Digitized by Google

[3] Въ чьемъ рашкулѣ ...

Рашкуль, по академическому словарю, карандашъ, употребляемый для живописи, — отъ нѣмецк. Reisskohle — уголь для рисованія.

[4] Какъ ржетъ предъ нимъ Везувій ярый.

О словѣ *ржать* въ этомъ смыслѣ см. примѣч. 2 и 6 къ одѣ *На взятіе Измаила* (томъ I, стр. 237).

[5] И за зерцаломъ дѣлъ въ вершеньи.

Зерцала, или наклеенные указы въ рамкахъ, строго напоминающіе судьямъ законы и правосудіе, учреждены были Петромъ Великимъ и находились на столѣ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, даже и въ Сенатѣ. Когда же Екатерина II издала учрежденіе о губерніяхъ или, лучше, уставъ о благочиніи, содержащій также зерцало, или наставленіе судьямъ, но только весьма кроткое, болѣе на нравоученіи, нежели на самодержавіи основанное; то хотя указа объ отмѣнѣ прежнихъ зерцалъ и не было, однакожъ они съ тѣхъ поръ стали мало по малу выходить изъ употребленія, и теперь рѣдко гдѣ въ присутственныхъ мѣстахъ бываютъ видны (*Об.* Д.). Извѣстно, что въ нынѣшнее время опять видны зерцала во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ. Кажется, они появились снова въ первые годы царствованія императора Николая.

[6] Три дщери своего рожденья —

три главныя искусства: поэзія, живопись и музыка (*Об.* Д.).

[7] Пришли въ полнощь, какъ Петръ предрекъ.

«Петръ В. сказалъ, что науки и художества странствуютъ по всему свѣту: придетъ время, что посѣтятъ и нашъ край» (*Об.* Д.).

[8] Пойдемъ Сатурна побѣждать —

т. е. побѣждать время или забвеніе (*Об.* Д.).

---

107. ЛЕБЕДЬ[1].

Необычайнымъ я пареньемъ 1
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душой безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь.

Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный, 2
Не задержусь[a] въ вратахъ мытарствъ[2]
Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подъ собой блескъ царствъ.

Да, такъ! хоть родомъ я не славенъ; 3
Но, будучи любимецъ Музъ,
Другимъ вельможамъ я не равенъ,
И самой смертью предпочтусь.

Не заключитъ меня гробница, 4

Средь звѣздъ[а] не превращусь я въ прахъ[б],
Но, будто нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ[в].

И се ужъ кожа, зрю, перната 5
Вкругъ станъ обтягиваетъ мой;
Пухъ на груди, спина крылата;
Лебяжьей лоснюсь[г] бѣлизной[4].

Лечу, парю, — и подъ собою 6
Моря, лѣса, міръ вижу весь;
Какъ холмъ, онъ высится главою,
Чтобы услышать Богу пѣснь[5].

Съ Курильскихъ острововъ до Буга, 7
Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
Народы, свѣта съ полукруга,
Составившіе Россовъ родъ,

Со временемъ о мнѣ узнаютъ: 8
Славяне, Гунны, Скиѳы, Чудь[6],
И всѣ, что̀ бранью днесь пылаютъ,
Покажутъ перстомъ, — и рекутъ:

«Вотъ тотъ летитъ, что̀, строя лиру 9
Языкомъ сердца говорилъ
И, проповѣдуя миръ[д] міру[7],
Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ.»

Прочь съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ, 10
Друзья мои! хоръ Музъ, не пой! —
Супруга! облекись терпѣньемъ:
Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой[8]

[а] Не укосню ... (Первонач. рукоп.).
[б] Съ звѣздами вмѣстѣ не сгнію.
[в] Я гласъ изъ облакъ излію.
И вотъ ужъ ...
Подернула вокругъ меня.
[г] Лебяжья блещетъ бѣлизна.
Лечу, взношусь, — и подъ ногами
Моими міръ какъ точка днесь;
Морями, рощами, горами
Мою, я вижу, внемлетъ пѣснь.
[д] Миръ проповѣдывалъ онъ міру,
Мечты прекрасныя творилъ.

---

1 Это — послѣ *Приношенія монархинѣ* и *Памятника* третье стихотвореніе, въ которомъ Державинъ выразилъ сознаніе въ своемъ высокомъ по-

Digitized by Google

этическомъ призванія и безсмертіи. *Лебедь* — подражаніе одѣ Горація *Къ Меценату* (кн. II, 20). Бѣлинскій, считая пьесу Державина оригинальною, называетъ ее «странною и невыдержанною въ цѣломъ» и находитъ заключающуюся въ ней мысль «изысканною и неловко выраженною». (*Соч.* Бѣл., ч. VII, стр. 145). Критику не было извѣстно ни стихотвореніе Горація, ни то символическое значеніе, какое издревле придавалось лебедю. Съ разными видоизмѣненіями оно встрѣчается уже въ Индіи, въ Греціи и потомъ у большей части сѣверныхъ народовъ. По причинѣ своей бѣлизны лебедь вездѣ былъ символомъ свѣта, а по своему пѣнію — символомъ поэзіи. Вотъ почему онъ признавался по преимуществу птицею Аполлона, бога свѣта и вмѣстѣ поэзіи (Коссель, Der Schwan in Sage und Leben, Берлинъ 1861). По Аристотелю, души поэтовъ послѣ смерти обращаются въ лебедей и сохраняютъ въ этомъ видѣ даръ пѣнія. Ту же оду Горація см. въ переводахъ Капниста (*Соч.* его, стр. 458), Мерзлякова *Чувство безсмертія* (*Подраж. и переводы*, ч. II, стр. 145) и г. Фета (*Оды Горація*, стр. 63).

Подражаніе Державина напечатано въ изд. 1808 г., ч. II, LXXIX, послѣднею пьесой, заканчивающей томъ, точно такъ какъ *Памятникъ* заключаетъ 1-ую часть изданія. *Лебедемъ* и у Горація заключается 2-я книга одъ.

[2] Не задержусь въ вратахъ мытарствъ.

У католиковъ признается чистилище, а у греко-россіянъ принимаются по легендарному преданію (въ Четіихъ Минеяхъ) *мытарства*, или заставы, изъ духовъ состоящія, гдѣ души умершихъ должны дать отчетъ въ злыхъ и добрыхъ своихъ дѣлахъ добрымъ и злымъ духамъ (*Об.* Д.).

Выраженіе: «Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный» (т. е. по безсмертной душѣ и по сочиненіямъ) внушено словомъ biformis во 2-мъ стихѣ оды:

«Non usitata, non tenui ferar
Penna biformis per liquidum aethera
Vates» и проч.

Но Горацій подъ двойною формой разумѣетъ соединеніе поэта и лебедя.

[3] Средь звѣздъ . . .

или орденовъ (*Об.* Д.).

[4] Лебяжьей лоснюсь бѣлизной.

Въ переводѣ Капниста:

«Ужъ голени мои покрылись
Шаршавой, жесткой кожей вдругъ;
Власы сѣдые превратились
Въ волнистый, бѣлоснѣжный пухъ;
Изъ перстовъ перья показались,
И крылья по плечамъ разстлались!»

[5] Чтобы услышать Богу пѣснь.

Намекъ на оду *Богъ* (*Об.* Д.).

[6] Славяне, Гунны, Скиѳы, Чудь —

древніе обитатели Россіи, изъ которыхъ составилось государство (*Об.* Д.). Ср. томъ I, стр. 205, прим. 9 къ *Изображенію Фелицы*.

Digitized by Google

[7] И, проповѣдуя миръ міру.

Державинъ по повелѣнію императора Александра, составилъ проектъ учрежденія третейскаго суда, принятый Государемъ благосклонно, но по проискамъ завистниковъ не утвержденный (*Об.* Д. и *Записки* его, *Р. Б.*, стр. 471). Ср. выше стр. 263.

[8] Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой.

Для сравненія выпишемъ послѣдніе стихи изъ перевода г. Фета:

«Я не велю мой гробъ рыданьями безславить.
Къ чему нестройный плачъ и неприличный стонъ?
Уйми надгробный вой и прикажи оставить
Пустыя почести роскошныхъ похоронъ.»

---

108. Внимание[1].

Тебя какъ Музы слышатъ 1
И какъ ты слышишь ихъ,
Пріятностію дышатъ
Въ пріятностяхъ твоихъ.

Эротъ, смотря тихонько, 2
Сказалъ: «Какъ ты мила!»
Будь счастлива имъ столько,
Какъ Музами была.

Любовью ты владѣя, 3
Прикуй ее къ себѣ,
Чтобы, летать не смѣя,
Привыкнула къ тебѣ;

Привыкла бъ жить съ тобою, 4
И такъ бы вы сжились,
Какъ бабочка свѣчою,
Собою вы сожглись.

Красавицы, вздыхая, 5
Завидовали бъ вамъ:
Я, пѣсни вамъ слагая,
Слагалъ бы красотамъ, —

Красамъ, хвалу что трубятъ[a], 6
И мнѣ, какъ ты, льстя Музъ:
А тѣмъ, кто Музъ не любятъ[2],
Пѣть пѣсенъ не берусь.

[a] Красамъ, которы любятъ,
Какъ ты, ласкаютъ Музъ;

Digitized by Google

А тѣмъ, кто Музамъ грубятъ,
Пѣть пѣсенъ не берусь (1804).

---

[1] Соч. по просьбѣ Плюсковой. Наталья Яковлевна Плюскова, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, получила шиферъ при выпускѣ оттуда. Это было при императорѣ Павлѣ, который и взялъ ее ко двору вмѣстѣ съ другими пятью *шиферницами*. Какъ умная и образованная дѣвица, она нашла доступъ въ общество первыхъ литераторовъ того времени, познакомясь съ Державинымъ, Дмитріевымъ, Карамзинымъ и др. Въ домѣ Державина она была впослѣдствіи безсмѣнною посѣтительницею его *Бесѣды*. Преданіе утверждаетъ, что она питала нѣжную страсть къ И. И. Дмитріеву. Справедлива или нѣтъ эта молва, извѣстно, что онъ до конца своей жизни переписывался съ Плюсковою; но въ письмахъ ихъ, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, выражается только взаимное уваженіе. Иванъ Ивановичъ былъ хорошъ собою, и этому онъ обязанъ многими слухами въ томъ же родѣ; не всѣ они имѣютъ основаніе. Плюскова, бывшая старшею фрейлиной императрицы Маріи Ѳеодоровны, умерла въ 1840-хъ годахъ въ Царскомъ Селѣ.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 140, подъ заглавіемъ: Н. Я. П., и въ изд. 1808, ч. III, LXXXVI.

[2] А тѣмъ, кто Музъ не любятъ.

Въ изд. 1808 г.: А тѣмъ, что насъ не любятъ, но рукой Державина исправлено.

---

109. УТѢШЕНІЕ ДОБРЫМЪ[1].

Не ревнуй отнюдь лукавымъ, 1
Беззаконнымъ не завидь:
Скоро Смерть серпомъ кровавымъ
Ихъ пріидетъ поразить:
Упадутъ — и вмигъ увянутъ,
Какъ подкошенны цвѣты.

Положись во всемъ на Бога; 2
Землю населя, трудись;
Добръ будь, не желая многа,
Въ честь Господню насладись:
Онъ подастъ тебѣ, что сердце
Пожелаетъ лишь твое.

Вышнему во всемъ довѣрься, 3
Будь во всемъ Ему открытъ,
Крѣпко на Него надѣйся, —
Въ пользу все твою свершитъ:

Вознесетъ, какъ солнце, правду,
И невинность, яко день.
Посвятясь Творцу, мужайся, 4
Будь въ Его законѣ твердъ;
Счастьемъ злыхъ не ослѣпляйся,
Гордымъ не ходи вослѣдъ:
Не ходи, не раболѣпствуй,
Смертныхъ Богомъ не твори.
Не печалься, не сердися[2], 5
Не злословь и злыхъ глупцовъ;
Паче въ доблестяхъ крѣпися,
Умудряйся средь трудовъ.
Ты увидишь: зло поникнетъ,
Добродѣтель возлетитъ.
Подожди мигъ, и не будетъ 6
Самый вредъ тебѣ во вредъ;
Будто вѣтеръ пепелъ сдунетъ,
Такъ исчезнетъ злобы слѣдъ:
Кротость же наслѣдитъ землю
И сладчайшій вкуситъ миръ.
Яры взоры грѣшникъ мещетъ 7
И надъ праведникомъ бдитъ;
Зубомъ на него скрежещетъ,
Втай вездѣ его слѣдитъ.
Но Господь врагу смѣется,
Близкій видя рокъ его.
Мечъ злодѣи извлекаютъ, 8
Лукъ натягиваютъ свой:
Низложить они алкаютъ
Правыхъ сердцемъ и душой;
Но ихъ луки сокрушатся,
Обратится мечъ имъ въ грудь.
Лучше малое стяжанье, 9
Нажитое все трудомъ,
Чѣмъ сокровищей собранье,
Скоро скопленно съ грѣхомъ:
Въ праведныхъ рукахъ все споро, —
Грѣшниковъ скудѣетъ длань.
Добрыхъ Богъ благословляетъ: 10

Digitized by Google

Твердо ввѣкъ наслѣдство ихъ:
Въ люты глада дни питаетъ
Отъ щедротъ Онъ ихъ своихъ;
Мытари жъ, какъ овны, жирны;
Но изсохнетъ весь ихъ тукъ.
Грѣшникъ, взявъ, не возвращаетъ; 11
Праведникъ всегда даетъ:
Сѣмена ль кому ссужаетъ,
То земля приноситъ плодъ;
На кого жъ положитъ клятву,
Плодъ тѣхъ вѣрно погубленъ.
Богомъ человѣкъ крѣпится, 12
Коль на добромъ онъ пути;
Хоть падетъ, не сокрушится;
Встанетъ паки, чтобъ идти:
Вышняго рука поддержитъ
Во всѣхъ случаяхъ его.
Былъ я младъ — и состарѣлся: 13
Добрыхъ въ крайности не зрѣлъ,
Чтобъ въ забвеньи родъ ихъ зрѣлся,
Чтобы хлѣба не имѣлъ:
Сами всѣхъ они снабжаютъ,
И въ довольствѣ чада ихъ.
Уклонись отъ злодѣяній, 14
Дѣлай благо, — Богъ съ тобой;
Онъ судья — и воздаяньи
Держитъ всѣ Своей рукой:
Сѣмя даже зла погибнетъ, —
Добродѣтель расцвѣтетъ.
Льетъ всегда благочестивый 15
Токи мудрости изъ устъ;
Мужъ человѣколюбивый
Изрекаетъ правый судъ:
Въ сердцѣ чистомъ Богъ правитель,
Тверды истины стопы.
Ищетъ, ищетъ беззаконный, 16
Чтобъ невинность погубить;
Нѣтъ, онъ мнитъ, ей обороны,
А не видитъ, — Богъ ей щитъ:

Digitized by Google

На судѣ ль ей быть случится,
Будетъ правою она.
Потерпи жъ еще немного, 17
Потерпи, храня законъ;
Какъ пріидетъ время строго
И на злобу грянетъ громъ, —
Вознесешься и получишь
Достояніе твое.
Видѣлъ, видѣлъ нечестивыхъ, 18
Вознесенныхъ яко кедръ;
Но по нѣкихъ дняхъ бурливыхъ
Я ихъ мѣста не обрѣлъ;
Вопрошалъ ходящихъ мимо,
И никто не отвѣчалъ.
Вѣдай: честность и невинность 19
Увѣнчаются вѣнцомъ;
Злость, нечестье, горделивость
Кончатся своимъ концомъ:
Богъ помощникъ людямъ добрымъ,
Воздаятель Онъ и злымъ.

[1] Почерпнуто изъ 36 псалма. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, VII.

[2] Не печалься, не сердися.
Ср. у Пушкина (1825):
«Если жизнь тебя обманетъ, *Не печалься*, *не сердись*.»

---

110. НА БЕЗБОЖНИКОВЪ [1].

Царствуетъ, вижу, всюду развратъ, 1
Къ правдѣ сокрыты путь и дорога:
Глупые, злые въ сердцѣ ихъ мнятъ:
«Гдѣ добродѣтель? — вѣрно, нѣтъ Бога:
Случай все, случай творитъ!» —
Нѣтъ, нѣтъ, злодѣи! есть Богъ и зритъ 2
Вашу съ высотъ Онъ глупость и дерзость;
Видитъ сквозь самый мрачный зенитъ
Гнусны дѣянья, совѣстей мерзость;
Грозно вамъ въ громѣ гремитъ:
«Я ли забвеннымъ вами могъ быть, 3

Digitized by Google

Всюду блистая въ дивныхъ твореньяхъ?
Въ солнцѣ ль меня не хощете чтить,
Звѣздъ въ милліонахъ, въ тваряхъ, въ растеньяхъ?
Вамъ ли меня позабыть?

«Всѣ позабыли: зритъ ли тѣхъ свѣтъ, 4
Хлѣбъ мой вкушая, кто бъ помнилъ меня?
Страха боятся, страха гдѣ нѣтъ;
Тщетной надеждой духъ свой маня,
Тлѣнное вѣчнымъ всякъ чтитъ.» —

Сгибнутъ и кости съ тѣломъ душъ тѣхъ, 5
Кои безбожно рабствуютъ міру. —
Духъ мой! кумировъ презри ты всѣхъ:
Звучну пріемля царскую лиру,
Бога единаго мой!

[1] Почерпнуто изъ 52 псалма. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, VIII. Во 2-ой и 4-ой строфахъ сдѣланы нами, по рукописной поправкѣ Державина, незначительныя отступленія отъ текста изданія 1808 г.

---

111. ФАЛКОНЕТОВЪ КУПИДОНЪ[1].

Дружеской вчерась мы свалкой
На охоту собрались,
На полу въ избѣ повалкой
Спать на сѣнѣ улеглись.
Въ полночь, самой той порою,
Какъ заснула тишина,
Сребряной[a] на насъ рукою
Сыпала свой свѣтъ луна:
Вдругъ изъ оконъ Лель блестящихъ
Въѣхалъ на лучѣ верхомъ
И, меня нашедъ межъ спящихъ,
Тихо въ бокъ толкнулъ крыломъ.
«Ну», сказалъ онъ: «на охоту
Если хочешь, такъ пойдемъ;
Мнѣ оставь стрѣлять заботу,
Ты иди за мной съ мѣшкомъ.»
Всталъ я и, держась за стѣнку,
Шелъ на цыпкахъ, чуть дышалъ;

Digitized by Google

За спиной онъ въ тулѣ стрѣлку,
Палецъ на устахъ держалъ.
Тихой выступкой такою
Мнилъ онъ лучше дичь найти;
Мнѣ жъ, съ плѣшивой головою,
Какъ слѣпцу, велѣлъ идти:
Шли, — и только наклонялись
На гнѣздо младыхъ куницъ.
Молодежь вкругъ засмѣялись[а], —
Насъ схватили у дѣвицъ.
Испугавшися смертельно,
Камнемъ сталъ мой Купидонъ:
Я проснулся, — радъ безмѣрно[б],
Что тò былъ одинъ лишь сонъ.
Сна однако столь живаго
Голова моя полна;
Вижу въ мраморѣ такаго
Точно Купидона я.
«Не шути, имѣвъ грудь цѣлу»,
Улыбаясь, онъ грозитъ:
«Вмигъ изъ тула выну стрѣлу»,
Слышу, будто говоритъ[в].

[а] Золотой ... (1804).
[б] Но проснувшись, радъ безмѣрно:
Чтò я видѣлъ, это сонъ.
[в] Онъ, я слышу, говоритъ.

---

[1] Это замѣчательное произведеніе скульптуры принадлежало къ картинной галлереѣ князя Безбородки, которая по смерти знаменитаго владѣльца досталась брату его, графу Ильѣ Андреевичу. Домъ ихъ, гдѣ она посѣщалась многочисленной публикой, былъ противъ почтамта. «Тамъ», говоритъ Реймерсъ, «особеннаго вниманія заслуживаетъ маленькій Купидонъ изъ бѣлаго мрамора, который указательнымъ пальцемъ плутовски зажимаетъ себѣ ротъ. Это — образцовое произведеніе Фалконета, доставившее ему мѣсто въ парижской академіи художествъ *. Проведите рукой по мрамору: вамъ покажется, что онъ дышитъ теплотою жизни. Внизу статуи извѣстная надпись Вольтера:

* По поводу этихъ строкъ г. Шугуровъ замѣтилъ, что не это произведеніе, а статуя Милона Кротонскаго доставила Фалконету въ 1745 г. мѣсто въ парижской академіи художествъ (*Осмнадцатый вѣкъ*, изд. П. Бартеневымъ, кн. I, М. 1868, стр. 270).

Digitized by Google

Qui que tu sois, voici ton maître,
Il l'est, le fut ou doit l'être».

(Oeuvres de Voltaire, изд. Beuchot, т. XIV, стр. 333, «Inscription pour une statue de l'Amour dans les jardins de Maisons».)

Надпись Вольтера была также вырѣзана подъ статуями Амура въ замкѣ Сирей и въ jardins des Sceaux.

Батюшковъ въ статьѣ своей: *Путешествіе въ зáмокъ Сирей* говоритъ: «Напрасно мы искали въ саду мраморнаго Амура, который нѣкогда стоялъ подъ балкономъ, съ надписью изъ Антологіи: Qui que tu sois, voici ton maître и проч., которую перевелъ г. Дмитріевъ:

«Кто бъ ни былъ ты, пади предъ нимъ:
Былъ, есть иль будетъ онъ владыкою твоимъ!»

(*Соч.* Батюшкова, Спб. 1834, ч. I, стр. 176.)

Нынѣ эту статую можно видѣть въ Императорскомъ Музеѣ.

Французскій художникъ Фальконетъ, извѣстный особенно отлитіемъ конной статуи Петра Великаго, род. въ 1716 г., находился въ Петербургѣ отъ 1766 до 1778, умеръ въ Парижѣ 1791 г. Ср. въ томѣ I, стр. 20.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 150, и въ изд. 1808 г., ч. III, xciv.

[2] Молодежь вкругъ засмѣялись —
особенность Державинскаго языка: см. томъ I, стр. 82 и 517.

---

112. ПИРРѢ[1].

Какой тамъ молодецъ проворной, 1
Прекрасный, статный, вспрысканъ весь
Водой душистой, благовонной,
Въ саду, въ цвѣтахъ между древесъ,
Тебя въ бесѣдкѣ обнимаетъ,
Толь страстно къ сердцу прижимаетъ
И огнь съ смѣющихся пьетъ розъ?
И для кого ты такъ небрежно
На голубые взоры нѣжно
Спустила прядь златыхъ волосъ[2]?
Увы! онъ сколько разъ слезами 2
Омочитъ страстную любовь,
Какъ вдругъ межъ черными волнами,
Отплывъ далеко отъ береговъ,
Себя увидитъ, проклиная...
Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
Кто столько легковѣрнымъ сталъ,

Digitized by Google

Что вѣкъ тобой мнитъ наслаждаться,
Тотъ долженъ искренно признаться,
Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.
О злополучна и несчастна, 3
Безопытная молодежь!
Предъ кѣмъ ты, бывши такъ прекрасна,
Свою, блистая, прелесть льешь?
Но еслибъ что меня касалось,
Тебѣ ль, другой ли помечталось, —
Скажу: бывалъ я на моряхъ,
Терпѣлъ и кораблекрушенья:
Но днесь, въ знакъ моего спасенья,
Виситъ уже спущенъ мой флагъ[3].

[1] Подражаніе Горацію (кн. I, ода 5), которое любопытно сравнить съ передѣлками Капниста, Мерзлякова и В. Пушкина. Есть еще переводъ стихами въ *Чтеніи для вкуса, разума и чувствованій*, ч. I (см. тамъ статью «О лирическомъ стихотворствѣ»). Напечат. въ изд. 1808 г., ч. III, XLV. Помѣщено также въ *Эротическихъ стихотвореніяхъ, собранныхъ Григоріемъ Книжникомъ* (Спб. 1860).

[2] Спустила прядь златыхъ волосъ.

«Въ сіе время модная прическа женщинъ состояла въ томъ, что спускали прядями волосы на лицо» (*Об.* Д.). Здѣсь поэтъ говоритъ, очевидно, о времени, когда онъ переложилъ эту оду Горація, въ которое дѣйствительно была такая мода, какъ свидѣтельствуетъ сохранившійся портретъ второй жены Державина. У Горація же не такъ: «... Cui flavam religas comam», т. е. для кого ты подвязываешь русые волосы? См. выше стр. 159, стихъ: «На чело спустя власы».

[3] Виситъ уже спущенъ мой флагъ.

У Горація совсѣмъ иначе: говоря о спасеніи своемъ отъ опасной любви къ Пиррѣ, онъ примѣняетъ къ своему положенію обычай спасавшихся отъ кораблекрушенія вѣшать въ храмѣ, въ честь боговъ-избавителей, дѣску, на которой изображался или описывался случай избавленія, и при ней разные другіе предметы въ знакъ воспоминанія или признательности.

---

113. На пастушій балетъ[1].

На дерну лежа зеленомъ,
Я въ свирѣль мою игралъ;
Въ сердцѣ цѣльномъ, не плѣненномъ,
Я любви еще не зналъ.

Digitized by Google

Но, откуда ни возьмися,
Подбѣжалъ ко мнѣ дитя:
«Дай свирѣлку, потрудися,
Поучи», сказалъ шутя.
Отдалъ я ему свирѣлку,
Началъ онъ въ нее играть;
Поигравъ, мнѣ кинулъ стрѣлку,
Сталъ я съ стрѣлкой той плясать;
И со стрѣлкой таковою
Шестьдесятъ ужъ лѣтъ пляшу:
Не скучаю красотою
И любовь въ душѣ ношу.

[1] Сочинено въ ноябрѣ мѣсяцѣ «по случаю представленнаго при дворѣ пастушьяго балета» (*Об.* Д.). Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 154, и въ изд. 1808, ч. III, xcvi.

---

114. МОНУМЕНТЪ МИЛОСЕРДІЮ[1].

1805.

Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.
(Матѳ. V, 7).

1 Слетаетъ съ неба лучъ въ полнощи,
На гробѣ теплится свѣча;
Благоухаютъ миррой[а] рощи,
Ліется съ горъ ручей, журча,
Зефиры шепчутся съ цвѣтами,
Колеблется луна водами,
Чуть съ перепеломъ крастель въ ладъ
И соловей вдали мнѣ слышенъ:
Кому тутъ монументъ возвышенъ?
Миръ праху твоему, мужъ святъ!
2 Не праведника ль спятъ тутъ кости,
Который сердоболенъ былъ,
Изъ зѣва ослѣпленной злости
Исторгъ невинность и сразилъ
Чудовище, алкавше крови?
Далъ къ человѣчеству въ любови
Примѣръ — и жизнь его сберегъ[б]?
Сію вѣтвь миртову царица,

Какъ древле кротка голубица,
Законовъ принесла въ ковчегъ[2].
Но что по мраку за картина 3
Въ эѳирѣ развилася вкругъ?
Безмѣрна разныхъ лицъ долина,
Какъ звѣздъ, насѣялася вдругъ!
Тутъ, облеченное лучами
Явилось божество съ вѣсами
И, мечъ и вѣтвь держа рукой,
Рекло — гласъ громы повторили: —
«Блажени милостивы были:
Помилованы будутъ мной!»
Не страшный ль, грозный, неумытный, 4
Нелицемѣрный вижу судъ[в],
Предъ коимъ днешни, первобытны,
Отчетъ дать смертные идутъ[г]?
Такъ! вижу я царей съ рабами:
Равно стоятъ передъ вѣсами,
Раскрыты[д] совѣсти лежатъ.
И се зрю: Петръ, Елисавета
Съ Екатериной въ блескѣ свѣта
Грядутъ съ улыбкой пальму взять[3].
Идутъ и обращаютъ взоры 5
На тѣхъ вельможъ, вождей, судей,
Бесѣды коихъ, разговоры,
Ко сожалѣнію[е] людей,
На милосердье ихъ склоняли;
Которы имъ совѣтъ давали:
Тотъ казнь, тотъ пытки истребить,
Тотъ тайны расклепать затворы.
Наумовъ! и тебя въ ихъ хоры
Велѣла Милость помѣстить.
Почто жъ гремѣвшіе[ж] столь браньми 6
Вожди за облакомъ стоятъ?
Лицо свое скрывая дланьми,
Глядѣть на лавры не хотятъ?
Почто вселенной побѣдитель,
Народовъ многихъ покоритель,
Отъ чашъ, наполненныхъ кровей,

Digitized by Google

Ему тѣнями подносимыхъ,
Съ стенаніемъ вокругъ ходимыхъ,
Отворотился, слыша: «Пей!»
«Пей, пей[3]! ты налилъ ихъ», вѣщали. 7
Увы! почто же на гробахъ
Вождей мы зданья созидали,
Коль память золъ[з] тягчитъ ихъ прахъ?
Не глупости ли знакъ тщеславной
И самый мавзолей тотъ славной,
Который обагренъ въ крови?
У вѣчности свои суть правы.
Ахъ! такъ: Богъ истинныя славы —
Богъ милосердья и любви.
Прейдутъ[і] куренія святыни, 8
И дни и времена пройдутъ,
Разрушатся столпы, твердыни,
На царства царства упадутъ;
Поищутъ дивной пирамиды[к],
И не найдутъ, — а развѣ виды.
Иль мрачный въ ней звѣриный логъ.
Перунъ небесъ чему коснется, —
И мѣдь и мраморъ расплывется:
Противится гордынѣ Богъ.
Такъ, вѣтви кротости святыя[4], 9
Врата отверзшія темницъ[л],
Прогнавшія тѣнь Гарпьи злыя,
Спокоившія вдовъ, дѣвицъ!
Что суть бичи предъ вами міра,
Коль ваша свѣтлая порфира,
Какъ теплотворный лучъ весны,
Полсвѣта миромъ оживляетъ,
Наукъ цвѣтами украшаетъ?
Тріумфъ вашъ — неба вышины!
Но если злоба ополчится 10
Нарушить сладкій нашъ покой;
Возставъ, Россія окружится[м],
Какъ тучей, чадъ своихъ стѣной.
Богъ милости предъ ней предыдетъ:
Онъ выше облакъ воды вздыметъ[н]

Digitized by Google

И съ шумомъ ихъ со всѣхъ сторонъ
Громъ броситъ на чело возницы,
На всадника, на колесницы:
И гдѣ грозившій Фараонъ[5]?

[а] ... смирной (1805).
Чуть льется съ горъ ручей, журча,
Жужукаетъ зефиръ съ цвѣтами,
Чуть зыблется луна водами,
Чуть крастель съ перепеломъ въ ладъ (1805).
[б] ... — и человѣчество сберегъ.
[в] Нелицемѣрный это судъ.
[г] ... придутъ.
[д] Открыты ...
[е] На сожалѣніе людей.
[ж] Почто жъ сіявшіе столь браньми.
[з] Да, пей ...
[и] ... зла ...
[і] Пройдутъ ...
[к] Поищутъ вѣчной пирамиды,
... какъ токмо виды,
... въ нихъ звѣриный логъ.
Чему могущество коснется.
[л] Но кто отверзъ врата темницъ,
Прогналъ и тѣни Гарпій злыя,
Спокоилъ вдовъ, сиротъ, дѣвицъ,
Предъ тѣми что̀ герои міра?
И ваша свѣтлая порфира,
Когда, въ подобіе весны,
Россію миромъ осѣняетъ,
Наукъ цвѣтами осыпаетъ.
[м] Россія встанетъ, окружится.
[н] Онъ перстомъ воды, громы двинетъ.
Падутъ, шумя, со всѣхъ сторонъ
На всадниковъ, на колесницы,
На верхъ падутъ главы возницы:
И гдѣ тутъ гордый Фараонъ?

---

[1] Написано въ память покойнаго генералъ-маіора Егора Александровича Наумова, члена военной коллегіи. Будучи, въ чинѣ подполковника, главнымъ судьей въ с.-петербургской государственной конторѣ, онъ на практикѣ убѣдился, что пытка не составляетъ надежнаго средства къ открытію истины, что часто люди слабые, изнемогая подъ тягостью мукъ, напрасно взводятъ на себя важныя преступленія, тогда какъ злодѣи крѣпкаго сложенія, знакомые сверхъ того съ пріемами для смягченія мукъ, выносятъ иногда жесточайшія истязанія, не признаваясь въ своихъ винахъ. Наумовъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Екатерины II, и она, не смотря на противодѣйствіе нѣкоторыхъ вельможъ, дала сперва секретный указъ, а потомъ и открытый законъ объ отмѣнѣ пытокъ и пристраст-

Digitized by Google

ныхъ допросовъ. Признавая Наумова виновникомъ этого распоряженія, Державинъ давно хотѣлъ передать потомству память его человѣколюбиваго подвига, но со дня на день отлагалъ исполненіе своей мысли, пока графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, письмомъ отъ 24 февраля 1805 г., не исходатайствовалъ у Государя разрѣшеніе, чтобъ при гробѣ отца его въ кіевской церкви, во время панихидъ, постоянно находилось по два отставныхъ штабъ-офицера, которые получали бы жалованье отъ потомковъ покойнаго (ср. подробности учрежденія въ *Словарѣ достоп. людей*, М. 1836). Поэтъ, какъ онъ далѣе самъ объясняетъ, вздумалъ по этому поводу показать, одою въ честь Наумова, что такіе *монументы милосердія* угоднѣе Богу, чѣмъ тѣ пышные памятники, которые удовлетворяютъ только людской гордости: послѣдняго рода монументъ уже прежде былъ поставленъ Румянцову, какъ государственному человѣку, императоромъ Павломъ въ Петербургѣ; но память его, какъ христіанина, можно бы лучше почтить благодѣяніями кроткими и чуждыми тщеславія, какъ то: подачею милостыни, учрежденіемъ больницъ и т. п. (*Об.* Д.).

Ода эта была тогда же напечат. въ *Сѣверн. Вѣстникѣ* за апрѣль 1805 г. (№ VI, стр. 76) безъ подписи; потомъ въ изд. 1808 г. ч. II, LIII, при чемъ имя *Наумова* было означено только начальною буквой, тогда какъ въ *Сѣв. В.* оно было выставлено вполнѣ.

[2] Законовъ принесла въ ковчегъ.

«Указъ, положенный въ ковчегъ законовъ, здѣсь уподобляется миртовой вѣтви, которую голубка принесла Ною въ ковчегъ, въ знакъ безопасности и спокойствія» (*Об.* Д.).

[3] Грядутъ съ улыбкой пальму взять.

Елисавета уничтожила смертную казнь, Петръ III закрылъ тайную канцелярію, а Екатерина II нѣсколько разъ ограничивала пытку (*Об.* Д.).

[4] Такъ, вѣтви кротости —

т. е. потомки ознаменовавшихъ себя кротостію и милосердіемъ. Императоръ Александръ въ первые годы своего царствованія уничтожилъ самое названіе секретныхъ дѣлъ *, повелѣвъ даже дѣла по оскорбленію Величества производить обыкновеннымъ уголовнымъ порядкомъ и отворить всѣ темницы, гдѣ содержались секретные узники, такъ что «нѣкоторые балагуры, будучи выпущены изъ Петропавловской крѣпости, написали на дверяхъ дома, гдѣ содержались: «*Свободенъ отъ постоя*». Императрица Марія Ѳеодоровна основала многія учрежденія для содержанія бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ и для обученія недостаточныхъ дѣвицъ (*Об.* Д.).

[5] И гдѣ грозившій Фараонъ.

«Подъ *Фараономъ* разумѣется Наполеонъ» (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 94). Ср. выше, стр. 297, замѣченное нами о томъ, какъ рано поэтъ предсказывалъ паденіе французскаго диктатора. Любопытно, что послѣ 1812 года Наполеонъ не разъ былъ представляемъ въ нашихъ народныхъ каррикатурахъ Фараономъ, утопающимъ въ Чермномъ морѣ (см. между про-

* Или вѣрнѣе, запретилъ употреблять самое названіе пытки. См. *Полн. Собр. Зак.*, т. XXVI, № 20.022 (имен. ук. сенату 27 сент. 1801). Ср. выше стр. 247).

Digitized by Google

чимъ *Совр. Лѣтопись* 1864, № 15, *Празднества въ Москвѣ по случаю взятія Парижа*).

Покойный П. А. Плетневъ, перечитавъ это стихотвореніе въ нашемъ изданіи, посланномъ ему въ Парижъ, замѣтилъ, что послѣдняя строфа отзывается подражаніемъ прекрасному окончанію 9-й оды Ломоносова (*Соч.* его, изд. Смирд., ч. I, стр. 109):

«Но если гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ, —
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ тебѣ преклонитъ
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предыдетъ ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ».

---

115. ЗИМА[1].

Поэтъ.

Что ты, Муза, такъ печальна, 1
Пригорюнившись, сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Склоча волосы, глядишь;
Цитры, флейты и скрипицы
Въ бѣлы руки не берешь;
Ни божественной Фелицы,
Ни Плѣниры не поешь?

Муза.

Что мнѣ пѣть? — Ахъ! гдѣ Хариты[2]? 2
И друзей моихъ ужъ нѣтъ!
Львовъ, Хемницеръ въ гробѣ скрыты,
За Днѣпромъ Капнистъ живетъ.
Вельяминовъ, лиръ любитель,
Богатырь, пѣвецъ въ кругу,
Беззаботный свѣта житель,
Согнутъ скорбями въ дугу.

Поэтъ.

Да! Фелицы нѣтъ, Плѣниры, 3
Нѣтъ Харитъ, и нѣтъ друзей:
Звукъ торжественныя лиры

Digitized by Google

Посвятишь кому твоей?
Посвятишь ли въ честь ты Хлору[3],
Иль Добрадѣ въ славу ты?
Трубъ у нихъ не слышно хору;
Дни ихъ тихи, какъ листы.

Муза.

Тотъ сидитъ всегда за дѣломъ, 4
Та покоитъ вдовъ, сиротъ;
Въ покрывалѣ скромномъ, бѣломъ,
Такъ Зима готовитъ плодъ.
Не видать ея работы,
Не слыхать ея машинъ,
Но по скукѣ зрятся льготы,
И земля цвѣтетъ какъ кринъ.

Поэтъ.

Между тѣмъ къ намъ, Вельяминовъ, 5
Ты приди хотя согбенъ:
Огнь разложимъ средь каминовъ,
Милыхъ сердцу соберемъ,
И подъ арфой тихогласной,
Наливая алый сокъ,
Воспоемъ нашъ хладъ прекрасной;
Дай Зимѣ здоровье Богъ!

[1] Въ первоначальной рукописи къ заглавію прибавлено: «П. Л. Вельяминову.» Эта пьеса замѣчательна, какъ въ первый разъ вырвавшееся у Державина сознаніе, что лучшая пора его поэзіи уже миновалась невозвратно, что нѣтъ уже чистѣйшихъ источниковъ его творчества, — ни благоговѣнія къ Фелицѣ, ни любви, ни той дружбы, которая прежде была такъ плодотворна для его таланта. По замѣчанію г. Галахова (*Ист. р. сл.*, т. I, стр. 523), первая строфа есть подражаніе русской народной пѣснѣ.

Напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, XLIX, гдѣ всѣ имена означены только начальными буквами.

[2] ... Ахъ! гдѣ Хариты *и проч.*

Подъ *Харитами* разумѣются здѣсь великія княжны Александра и Елена Павловны * (см. томъ I, стр. 494). О бракосочетаніи ихъ см. выше стр. 192.

Н. А. Львовъ умеръ 27 дек. 1803 (см. выше стр. 289). Хемницеръ

* У императора Павла было шесть дочерей: Александра (род. 1783, ум. 1801), Елена (р. 1784, у. 1803), Марія (р. 1786, у. 1859), Екатерина (р. 1788, у. 1819), Ольга (р. 1792, у. 1795) и Анна (р. 1795, у. 1865).

Digitized by Google

кончилъ жизнь въ Смирнѣ 1784 г. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ короткихъ пріятелей Державина и участвовалъ своими совѣтами въ развитіи поэтическаго таланта его. Капнистъ жилъ въ то время въ своей Обуховкѣ, въ Миргородскомъ уѣздѣ (см. выше стр. 73).

О Вельяминовѣ сообщено уже нѣсколько свѣдѣній въ I-мъ томѣ (стр. 466). Дополнимъ его характеристику нѣсколькими новыми чертами, переданными намъ по большой части А. П. Кожевниковымъ.

Не бывъ никогда женатъ, онъ не только держалъ себя чудакомъ, но былъ похожъ на юродиваго, велъ кочевую жизнь, имѣлъ лошадку и кибиточку, въ которой разъѣзжалъ по своимъ пріятелямъ; онъ гостилъ у нихъ, шутилъ, забавлялъ дѣтей, которыхъ училъ напр. по командѣ плавать на паркетѣ или танцовать по-китайски. Будучи совершенно лишенъ практическаго смысла, онъ всегда былъ безъ денегъ и столько же мало берегъ чужія, какъ и свои. Спѣшимъ однакожъ прибавить, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличался безукоризненною честностью и пользовался полнымъ довѣріемъ своихъ друзей. Но вотъ примѣръ его распорядительности. Однажды Завадовскій, у котораго онъ служилъ и былъ домашнимъ человѣкомъ, поручилъ ему, отлучаясь изъ дому, ключи своего бюро; по возвращеніи Завадовскій былъ очень удивленъ, найдя въ своемъ кабинетѣ большую картину, которой тамъ прежде не было (Фебъ, везомый Гòрами). Вельяминовъ объяснилъ, что эту картину принесли съ предложеніемъ купить ее и что онъ ужъ заплатилъ за нее 2000 р., вынутыхъ изъ бюро. Весь образъ жизни Вельяминова былъ страненъ: «Зачѣмъ обѣдать?» говаривалъ онъ: «я съѣмъ поутру булку бѣлаго хлѣба, да и сытъ на цѣлый день!» Случалось, что онъ иногда запоздаетъ вечеромъ къ кому-нибудь изъ своихъ пріятелей: тогда онъ и ночуетъ у подъѣзда въ своей кибиточкѣ. Столько же поражалъ Вельяминовъ и своею наружностью: онъ былъ совершенно рябой и почти ослѣпъ отъ оспы. Въ Никольскомъ имѣніи, у Н. А. Львова, былъ особый домикъ, построенный для Вельяминова на холмѣ, который поэтому и назывался *Петровой юркой*. Можно представить себѣ, какъ должна была огорчить его смерть Львова, и вѣроятно, эта потеря — одна изъ «скорбей», которыми онъ, по словамъ Державина, былъ согнутъ въ дугу. О пріязни къ нему поэта говоритъ Жихаревъ (*Записки Совр.*, стр. 118), находя это посланіе «исполненнымъ очаровательной меланхоліи, не смотря на жесткость нѣкоторыхъ стиховъ».

[3] Посвятишь ли въ честь ты Хлору *и проч.*

Царевичъ *Хлоръ* — императоръ Александръ I (см. выше стр. 262): *Добрада*, добрая волшебница (Чулкова *Русскія сказки*, М. 1780, ч. I), именемъ которой Державинъ означалъ императрицу Марію Θеодоровну. Онъ написалъ особое драматическое сочиненіе *Обитель Добрады*. Лицо этого имени есть также въ его *Добрынѣ*. Къ послѣднему стиху этого куплета онъ присоединяетъ примѣчаніе: «Въ то время не было еще никакой войны, и при дворѣ жили весьма тихо, такъ что не было ни увеселеній, ни праздниковъ». Императора Александра должно разумѣть также въ двухъ заключительныхъ стихахъ пьесы, потому что онъ былъ прекрасенъ лицомъ и хладнокровенъ. *Алый сокъ* означаетъ пуншъ, бывшій тогда въ большомъ употребленіи (*Об.* Д.).

Digitized by Google

116. ВРЕМЯ[1].

О Дьяковъ! Дьяковъ! какъ время 1
Быстро въ вѣчность все несетъ!
Будто море смертныхъ племя:
За волной волна течетъ.
Ни поклоновъ счетъ молебныхъ,
Ни посты, ни тяжкій трудъ
Старостью напечатлѣнныхъ
Лба морщинъ ужъ не сотрутъ,
Не удержатъ дней летящихъ,
Люту смерть не воспятятъ.
Такъ, мой другъ! хотя адепты[2] 2
Пьютъ безсмертья эликсиръ;
Въ ризы воздуха одѣты,
Ангельскій составятъ міръ;
Но до онаго мы время
Всѣ подъ плотію живемъ,
Носимъ разрушенья бремя
И конечно всѣ помремъ;
Лишь божественная искра
Вѣчно будетъ жить — нашъ духъ.
Духъ! — и тѣ дѣла не умрутъ, 3
Производятъ что добро:
Жить они за гробомъ будутъ,
Лавромъ намъ увьютъ чело.
Что жъ въ сей жизни потеряемъ,
Что намъ сдѣлаютъ бѣды,
Если мы награды чаемъ
Тамъ за здѣшніе труды?
Только нужно запастися
Котомою добрыхъ дѣлъ.
Такъ, едина добродѣтель 4
Здѣсь и тамъ счастливитъ насъ!
Если совѣсть нашъ свидѣтель, —
Не ужасенъ смертный часъ,
Не ужасенъ ревъ гоненья,
И коварство не хитро.
Длинно время для терпѣнья,

Digitized by Google

Для веселія быстро;
Но премудрый проживаетъ
Равнодушно весь свой вѣкъ.
  Имъ и время не владѣетъ, 5
Ниже злато, ни сребро;
Онъ порядку дѣлъ радѣетъ,
Любитъ общее добро;
Убѣгая пышныхъ вздоровъ
И блестящихъ мелочей,
Онъ во санѣ прокуроровъ,
Всѣхъ вельможъ, судей, царей
Чтитъ лишь только человѣка
И желаетъ самъ имъ быть.
  Коль съ невинныхъ снялъ желѣзы, 6
Ускорилъ коль правый судъ,
Коль отеръ сиротски слезы,
Не бралъ лихвы, не былъ плутъ,
Дѣлалъ то, что дѣлать должно:
И безъ чина ты почтенъ[3].
Напротивъ, живя безбожно,
Всѣми временщикъ презрѣнъ:
Утѣсняя добродѣтель,
Самъ онъ тмитъ свой свѣтлый санъ.

[1] Посланіе къ шурину Державина, Николаю Алексѣевичу Дьякову (см. томъ I, стр. 408), бывшему до того губернскимъ прокуроромъ въ Москвѣ. Въ основной идеѣ Державинъ слѣдовалъ здѣсь одѣ Горація *Къ Постумію* (кн. II, 14).

Въ *Запискахъ Соврем.* (стр. 175) читаемъ подъ 14 октября 1805 года: «Шуринъ Г. Р. Державина, Н. А. Дьяковъ, показывалъ нѣсколько его писемъ и между прочимъ собственноручное его посланіе, въ которомъ нашъ бардъ дѣлаетъ намеки на увольненіе Дьякова отъ должности московскаго прокурора и какъ будто утѣшаетъ его въ невзгодѣ.» Выписавъ потомъ первые шесть стиховъ послѣдней строфы, Жихаревъ продолжаетъ: «Прочіе стихи не припомню; только Иванъ Ивановичъ (*Дмитріевъ*) говоритъ, что Дьяковъ совсѣмъ не изъ разряда тѣхъ людей, которые бы могли внушать поэтическія посланія. И точно, мнѣ показался онъ не болѣе какъ прокуроромъ, но прокуроромъ зажиточнымъ и наторѣлымъ въ хорошемъ обществѣ». — *Время* напечатано въ изд. 1808 г., ч. II, L, причемъ имя Дьякова означено только начальною буквой.

[2] Такъ, мой другъ! хотя адепты *и проч.*

«Адепты, масоны самой высочайшей степени, начальники ложъ масонскихъ, къ которымъ Дьяковъ принадлежалъ» (*Об.* Д.).

Digitized by Google

[3] И безъ чина ты почтенъ.

«Онъ былъ отставленъ отъ службы безъ всякой вины, по недоброжелательству своего министра» (*Об.* Д.). Князь П. В. Лопухинъ былъ тогда министромъ юстиціи, получивъ эту должность послѣ Державина. Ср. все это мѣсто съ относящимися къ самому Державину стихами 14-й строфы въ одѣ *Мой истуканъ* (томъ I, стр. 425).

---

117. ЦИРЦЕЯ[1].

На каменной скалѣ, страшилищѣ природы,
Безплодный дикій верхъ вознесшей къ небесамъ,
Цирцея, слезъ проливъ потокъ,
Отчаянна, блѣдна, дрожаща, полумертва,
Тоски сердечной жертва,
Свой злой оплакивала рокъ.
Тамъ, бросясь съ высоты бродящій взоръ на воды
Улисса по слѣдамъ,
По тмѣ, по вѣтру, по волнамъ[а]
Бѣгущаго, какъ ей казалось, догоняетъ.
Ужъ видѣть думаетъ, и въ изступленьи семъ,
Какъ бы спокоясь, отдыхаетъ;
Въ прерывчатомъ[б] вздыханіи своемъ
Обратно такъ его, рыдая[в], призываетъ:
«Рушитель моего покою!
Постой, жестокій! оглянись!
Не жаръ твой раздѣлить со мною,
Изъ сожалѣнья возвратись
И ускори хотя мнѣ смерть!
Любовью сердце умерщвленно,
Но ей еще оно дышитъ.
Тиранъ! ахъ, такъ ли заплаченно
То пламя, что тобой горитъ?
Рушитель моего покою!
Постой, жестокій! оглянись!
Не жаръ твой раздѣлить со мною,
Изъ сожалѣнья возвратись
И ускори хотя мнѣ смерть!» —
Въ такихъ она словахъ печаль свою являетъ;
Но ко волшебству вмигъ прибѣжище беретъ:
Со воплемъ всѣхъ боговъ изъ ада призываетъ[г],

Digitized by Google

Паркъ, Фурій, Немезисъ, Цербера, Флегетона[д],
Гекату злобную и лютаго Алктона,
Чтобъ возвратили къ ней любви ея предметъ.
Тутъ срубъ на алтарѣ кровавомъ загорѣлся
Снисшедшей молніей и въ мигъ единъ пожерлся;
Пары сгустилися, покрылся мракомъ свѣтъ,
Остановилося теченіе планетъ
И рѣки съ шумомъ вспять побѣгли въ вихрѣ зѣльномъ;
Въ жилищѣ самъ Плутонъ содрогся подземельномъ.
Столь голосомъ грознымъ
Подвигся весь адъ[е],
Подъ гуломъ громовымъ
Сводъ звукнулъ Плеядъ;
Завѣса ужасна
Подернула свѣтъ;
Дно тартара мрачна,
Содрогшись, реветъ;
Кипитъ и ярится
Морь бурна волна;
Отъ страха вратится[ж]
Кровава луна.
Такое сильное очарованье злобы
Во преисподней всѣхъ встревожило тѣней:
Встаютъ, отъ ужаса оставя сонъ свой, гробы,
И въ воздухѣ вдали, Эреба въ безднѣ всей,
Глухой, унылый вопль, печальны завыванья,
Ревъ, скрежетъ слышенъ ихъ;
И съ ними страшныхъ бурь смѣшенныя свистанья,
Исшедшихъ изъ могилъ, вертеповъ, нѣдръ земныхъ[з].
Но всѣ усилія безплодны суть сіи,
О ты, любовница несчастна!
Сильнѣйшему тебя ты божеству подвластна;
Чрезъ чары ты свои
Могла потрясть весь міръ и молніей ужасной
Зѣвъ ада распалить;
Но то, чего не могъ свершить твой взоръ прекрасной[и],
Не можешь злобой учинить[і].
Любовь никакъ нельзя принудить:
Чужихъ она не терпитъ правъ, —

Digitized by Google

Зависѣть отъ себя лишь любить:
Ей нравишься, — лишь милымъ ставъ,
Законъ ея весь свѣтъ плѣняетъ,
Ни чьихъ не вѣдаетъ сама.
Зима поля цвѣтовъ лишаетъ,
Вѣнчаетъ розами весна,
Борей Зефировъ прогоняетъ,
Зефиръ Бореевъ, солнце тма;
А какъ любовь ужъ улетаетъ,
Не возращается она.

[а] По вѣтру, по волнамъ (1806)*.
Бѣгущаго его, казалось ... (Рукоп. и 1806).
[б] Въ прерывчивомъ ...
[в] ... всхлипая ...
[г] ... заклинаетъ (1806).
[д] ... Алектону.
Взываетъ къ тройственной Гекатѣ, къ Флегетону.
[е] Подвигнулся адъ (Рукоп. и 1806).
И гуломъ громовымъ.
[ж] Вспять съ страху вратится.
[з] ... вертеповъ подземныхъ.
[и] А злобой лишь — чего не могъ твой взоръ прекрасный — (1806).
(Въ этомъ стихѣ, противъ рукописи, было опущено только слово *того* послѣ *лишь*.)
[і] Не можешь учинить (Рукоп. и 1806).

* Варіанты, при которыхъ выставленъ или подразумѣвается одинъ 1806 г., и составляютъ тѣ поправки, съ которыми ода явилась въ *Вѣстникѣ Европы*.

---

[1] Переводъ съ французскаго, сдѣланный на Званкѣ. Кантата Ж.-Б. Руссо, послужившая подлинникомъ этой пьесы, считалась образцовымъ произведеніемъ, которымъ всѣ восхищались. Такъ Карамзинъ въ статьѣ *Оссіанъ* (*Пантеонъ иностр. словесн.*, ч. II) говоритъ по поводу одной оды Грея, *Бардъ:* «Послѣ Руссовой *Цирцеи* мы не знаемъ ни одного лирическаго произведенія, въ которомъ бы столько было жара, драматической живости и смѣлыхъ картинъ.» Державинъ, переведя одну за другою эту кантату Руссо и пьесу Шиллера: «Laura am Klavier», отправилъ оба перевода въ Москву къ Каченовскому для напечатанія ихъ въ *Вѣстникѣ Европы*. Каченовскій былъ не совсѣмъ доволенъ ими, и это привело къ непріятностямъ, которыя чуть было не поссорили Державина съ Дмитріевымъ; отношенія же между Дмитріевымъ и Каченовскимъ, по этому случаю, дѣйствительно испортились. Мы не знаемъ всѣхъ подробностей дѣла; но изъ одного письма Державина къ Дмитріеву можно вывести слѣдующее. Каченовскій, печатая *Цирцею*, позволилъ себѣ сдѣлать въ ней кое-какія незначительныя поправки; это не понравилось Державину, тѣмъ

Digitized by Google

болѣе, что онъ, какъ кажется, прежде не согласился, по просьбѣ Каченовскаго, измѣнить нѣкоторые стихи; теперь онъ, не смотря на извиненія редактора журнала, выразилъ свое неудовольствіе въ письмѣ къ Дмитріеву; Каченовскій въ оправданіе свое приписалъ поправки Дмитріеву, который, хотя и неохотно, принялъ ихъ на себя. Тогда Державинъ, привыкшій къ замѣчаніямъ и исправленіямъ И. И. Дмитріева, успокоился. Вотъ и самое письмо его, отъ 2 марта 1806 г., напечатанное въ числѣ другихъ М. А. Дмитріевымъ: «Письмо ваше отъ 22 числа минувшаго мѣсяца получилъ. Какъ я уже отвѣчалъ предъ симъ вамъ на просьбу г. Каченовскаго, то на письмо его, послѣ мною полученное по той же самой матеріи, и не разсудилъ дѣлать повторенія къ вамъ написаннаго, уповая, что вы покажете ему письмо мое; а симъ и кончится смѣшная переписка наша и мы будемъ по-прежнему пріятели. Но изъ нынѣшняго вашего письма вижу, что по вашему совѣту переправилъ онъ переводъ мой *Цирцеи*; слѣдовательно онъ и не виноватъ ни въ чемъ передо мною. Вы же какъ по вашей дружбѣ ко мнѣ уже и прежде поправляли въ стихахъ моихъ что вамъ не покажется, и я нерѣдко слѣдовалъ вашимъ совѣтамъ; то и теперь также бездѣлка не можетъ между нами сдѣлать ни малѣйшей непріятности. Недоразумѣнія и ошибки всѣмъ людямъ свойственны. Касательно жъ *Дѣвы за клавесинами*» и т. д. (продолженіе см. подъ слѣдующимъ стихотвореніемъ).

Цирцея Руссó еще гораздо прежде была переведена кѣмъ-то (см. *Музу* Мартынова 1796 г., ч. I, стр. 133). Позднѣе перевелъ ее Востоковъ (*Стихотворенія* его, Спб. 1821, стр. 13). Переводъ Державина напечатанъ въ *Вѣстникѣ Европы* за февраль 1806 г. (ч. XXV, № 3, стр. 164) съ подписью *Д-нъ*; потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, XLIII.

---

118. Дѣва за арфою[1].

Владѣющимъ твоимъ перстамъ, 1
О дѣва! арфы надъ струнами[а],
Обезтѣлесенъ, обездушенъ,
Я будто истуканъ стою.
Царица жизни ты и смерти,
Силъ правишь тысячьми, какъ магъ[б]!
Благоговѣя, чуть шумитъ 2
Вкругъ воздухъ, на тебя приникши;
Ко пѣнью твоему прикованъ
Стоитъ, кружася въ вихрѣ, вѣкъ,
И тьмы веселія въ безмолвьи
Природы всей къ тебѣ влечетъ.
Волшебница! одно твое воззрѣнье,
Одинъ твой звукъ плѣнитъ всю тварь.

Digitized by Google

И звоны, полные души[в], 3
Со струнъ[г] роскошно устремленны,
Какъ Серафимы, вновь рождаясь,
Изъ неба порхаютъ, блестятъ;
И какъ, истекши изъ хаоса
И вихремъ зиждущимъ взнесясь,
Изъ мрака солнцы возсіяли:
Твоихъ такъ гласовъ токъ златый.
Пріятно — какъ сребристый ключъ, 4
Журча, по камышкамъ катится;
Великолѣпно, важно — вдругъ
Какъ грома съ облаковъ органы;
Стремительно — вдали съ утеса
Какъ шумный, пѣнистый потокъ;
Отрадно — какъ межъ липъ
Тѣнистыхъ, благовонныхъ,
И шепчущихъ осинъ
Влюбленны вѣтерки дыхаютъ;
Уныло, мрачно, тяжело —
По мертвымъ дебрямъ какъ ужасный шорохъ нощи;
И вой, протяжно исчезая,
Влечется слезною Коцитовой волной.
Но стой и мнѣ повѣдай, дѣва: 5
Въ связи ль съ духами ты небесъ?
И тотъ ли ихъ языкъ въ Эдемѣ,
Музыка коимъ говоритъ?
Завѣса отъ очесъ упала[д]! 6
Затворы слуха отперлись!
О дѣва! — я дышу живѣе ...
Иль огнь эѳирный, очищая,
Ужъ вихремъ выспрь меня несетъ?
Мелькаютъ сквозь небесъ раздранныхъ
Младыхъ духовъ мнѣ въ солнцахъ троны:
За гробомъ утрення заря!
Прочь, прочь, съ понятьемъ насѣкомыхъ,
Кощуны, прочь! — есть Богъ!

[а] О дѣва! клавесинъ струнами (Первонач. рук. и 1808).
[б] ... какъ богъ!
[в] Полны гармоніи душой.

Digitized by Google

г Изъ струнъ...
...порхаютъ, кишатъ.

---

¹ Переведено на Званкѣ изъ Шиллера. Подлинникъ (Laura am Klavier) — одно изъ раннихъ произведеній нѣмецкаго поэта; переводъ далеко не точенъ, хотя Держ. и отбросилъ риѳму, которая есть въ оригиналѣ. Объ отправленіи этой пьесы къ Каченовскому вмѣстѣ съ *Цирцеею* сказано уже въ 1-мъ прим. къ *Цирцеѣ*; но въ печати явилась сначала одна кантата Руссо, вслѣдствіе чего Держ. и писалъ Дмитріеву въ томъ же письмѣ отъ 2 марта 1806 г., изъ котораго выше приведены уже первыя строки: «Касательно жъ *Дѣвы за клавесинами*, бѣлыми стихами написанной, то мнѣ извѣстно отвращеніе ваше отъ сей поэзіи, какъ отъ протухлой рыбы, которая непріятна вкусу вашему: то и не мудрено теперь, что она г. Каченовскимъ при первомъ разѣ была не напечатана. А потому и прошу сказать ему, что зависитъ теперь отъ васъ предавать ее тисненію или оставить; однако для любящихъ нѣмецкаго и греческаго языковъ безриѳменную поэзію она будетъ въ собраніи моихъ сочиненій напечатана, и васъ прошу, какъ особливаго охотника до риѳмъ, въ томъ на меня, хотя для извѣстной мнѣ дружбы вашей, не погнѣваться» (*Москвит.* 1848 г., №10, п. 15). Однакожъ и эта пьеса вскорѣ появилась въ *Вѣстн. Евр.*, именно въ 1-ой апрѣльской кн. 1806 г. (ч. XXVI, № 7, стр. 175), при чемъ заглавіе было, какъ въ первоначальной рукоп: *Дѣва за клавесиномъ*. Это-то стихотвореніе, какъ мы слышали отъ гр. Блудова, собственно и было поводомъ къ неудовольствію между Каченовскимъ и Дмитріевымъ. Покойный нашъ президентъ разсказывалъ, что Каченовскій, получивъ стихи и будучи недоволенъ ими, попросилъ Мерзлякова перевести ту же пьесу Шиллера, а между тѣмъ написалъ Державину, что *его* переводъ не можетъ быть напечатанъ, такъ какъ въ редакціи есть уже другой. Держ. оскорбился и послалъ къ Каченовскому рѣзкій отвѣтъ*. Получивъ его, издатель *Вѣстника* отправился къ Дмитріеву съ просьбою объяснить знаменитому переводчику, что *Дѣва за клавесиномъ* не была тотчасъ напеча-

* Мы нашли въ бумагахъ Державина слѣдующее черновое письмо его къ Каченовскому: «М. г. мой Михайла Трофимовичъ! Прекрасные и легкіе стихи г. Мерзлякова не есть переводъ, а подражаніе, и самое отдаленное, Шиллеровой Лаурѣ. Прочтите съ подлинникомъ — и говорить будетъ не о чемъ. Я хотѣлъ передать землякамъ на ихъ языкѣ автора сего краткость, силу и выразительную гармонію также въ стихахъ, но только въ бѣлыхъ, поелику риѳма на моемъ счету ничего не значитъ; но видно, у васъ этотъ родъ не въ употребленіи (*зачеркнуто: не въ уваженіи*), а можетъ быть и дуренъ: то согласно примѣчанію вашему, въ концѣ журнала помѣщенному, прошу не печатать, какъ и *Цирцею*, ежели уже не тиснута». Очевидно, что письмо это было написано послѣ появленія во 2-й кн. *Вѣстн. Евр.* 1806 г. перевода Мерзлякова: *Къ Лаурѣ за клавесиномъ*. Было ли оно отправлено, неизвѣстно; но въ 7-й кн. того же журнала за этотъ годъ была напечатана и *Дѣва за арфою* Державина. (Ср. М. Дмитріева *Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 72). Послѣдними словами своего письма Держ. разумѣлъ объявленіе Каченовскаго, что онъ за недостаткомъ мѣста не можетъ печатать всѣхъ получаемыхъ имъ со-

Digitized by Google

тана по совѣту Дмитріева. Дм. на это не соглашался, и тогда-то между ними произошелъ споръ, имѣвшій послѣдствіемъ взаимное охлажденіе. М. А. Дмитріевъ, въ примѣч. къ напечатанному имъ письму Державина, говоритъ также объ этотъ объясненіи и прибавляетъ: «Такъ какъ одинъ изъ нихъ (*Каченовскій*) былъ довольно желченъ, а другой (*И. И. Дмитріевъ*), соблюдая самъ въ отношеніи къ другимъ всѣ законы приличія, любилъ однако, чтобъ и въ отношеніи къ нему сохраняли вѣсъ и мѣру; то послѣ этого объясненія они уже видались рѣдко и только случайно.» Относительно прочихъ обстоятельствъ мы имѣетъ полное основаніе принять свидѣтельство гр. Блудова, потому что во 2-ой январской кн. *Вѣстн. Евр.* 1806 г. дѣйствительно напечатанъ переводъ Мерзлякова, въ стихахъ съ риѳмами, подъ заглавіемъ: «Къ Лаурѣ за клавесиномъ».

Во второй разъ *Дѣва за арфою* напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, XLIV.

[2] Завѣса отъ очесъ упала.

Этого и слѣдующихъ стиховъ нѣтъ въ переводѣ Мерзлякова. Они взяты изъ первоначальной редакціи стихотворенія Шиллера, которымъ впослѣдствіи исключены. Ихъ можно найти въ Supplemente zu Schillers Werken, herausg. v. Karl Hoffmeister. Stuttg. u. Tübing. 1840. (И. Ханенко.)

чиненій и переводовъ и проситъ доставителей не требовать отъ него возвращенія присылаемыхъ бумагъ, а «оставлять у себя», прибавляетъ онъ, «съ нихъ списки, и если по прошествіи одного мѣсяца піеса не будетъ напечатана въ моемъ журналѣ, принимать другія мѣры сдѣлать ее извѣстною публикѣ» (*В. Е.* 1806, № 2).

---

119. ЛѢТО[1].

Знойное лѣто весна увѣнчала 1
Розовымъ, алымъ по кудрямъ вѣнцомъ;
Липова роща, какъ жаръ, возблистала
Вкругъ меда листомъ.
Желтые грозды, сквозь листъ продираясь, 2
Запахомъ, рдянцемъ нимфъ сельскихъ манятъ;
Травы и нивы, косой озаряясь,
Какъ волны шумятъ.
Стклянныя рѣки лучемъ полудневнымъ, 3
Жидкому злату подобно, текутъ;
Кравы и овцы съ млекомъ накопленнымъ
Подъ кущи бѣгутъ.
Сизые враны, орлы быстропарны, 4
Крылья спустивши, подъ хврастомъ сидятъ;

Digitized by Google

Тучная роскошь въ тѣни сокъ прохладный
Пьетъ, ищетъ отрадъ.
Видишь ли, Дмитревъ: всего изобилье, 5
Самое благо быть можетъ намъ зломъ[а];
Счастье и нѣга разума крылья
Сплошь давятъ ярмомъ.
Въ домѣ живъ лѣтомъ, въ раю ты небесномъ, 6
Въ славномъ помѣстьѣ сызранскомъ[2] съ отцомъ[б],
Мышлю, лѣнишься пѣть въ хорѣ прелестномъ,
Цвѣсть Музъ подъ вѣнцомъ.

[а] Самое благо какъ можетъ быть зломъ.
[б] Близко Сызрани, въ помѣстьѣ съ отцомъ
Мню я, лѣнишься ...

---

[1] Державинъ, проводя лѣто на Званкѣ и думая, что И. И. Дмитріевъ также въ деревнѣ, послалъ ему эти стихи безъ подписи. Между тѣмъ Дмитріевъ жилъ въ Москвѣ; онъ тотчасъ узналъ автора и отвѣчалъ ему стихами же, которые мы помѣщаемъ въ приложеніи. Тѣ и другіе были напечатаны въ *Вѣстникѣ Европы* 1805 г.: посланіе Державина — въ сентябрской книжкѣ (ч. XXIII, № 18, стр. 107), безъ подписи, а отвѣтъ Дмитріева въ октябрской (№ 19), съ подписью буквы *Д.* При стихахъ Державина было примѣчаніе: «Авторъ не подписалъ своего имени — это и не нужно. Читатели узнаютъ россійскаго барда по напѣву. *Изд.*». Жихаревъ разсказываетъ подъ 9-мъ января 1805: «У Ивана Ивановича никого изъ записныхъ охотниковъ читать стихи свои не было. За то самъ хозяинъ заставилъ меня прочитать посланіе его къ Державину, въ отвѣтъ на присланные стихи нашего Пиндара. Вотъ такъ стихи! Ив. Ив. владѣетъ языкомъ мастерски». Во второй разъ *Лѣто* было напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, LVI, при чемъ имя Дмитріева было обозначено только начальной буквой, тогда какъ въ *В. Е.* оно было помѣщено цѣликомъ.

[2] Въ славномъ помѣстьѣ сызранскомъ ...

Рѣчь идетъ о родовомъ имѣніи Дмитріевыхъ, селѣ Богородскомъ, принадлежащемъ нынѣ Ѳ. М. Дмитріеву. Оно находится въ 27-ми верстахъ отъ Сызрани; съ одной стороны окружено горою, покрытою лѣсомъ, и дѣйствительно имѣетъ красивое мѣстоположеніе.

Приложеніе.

КЪ Г. Р. ДЕРЖАВИНУ.

Бардъ безъимянный[1], тебя ль не узнаю?
Орлій издавна знакомъ мнѣ полетъ.
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю —
Въ жилищѣ суетъ.

Digitized by Google

Тщетно поэту искать вдохновеній
Тамо, гдѣ враны глушатъ соловьевъ:
Тщетно въ дубравахъ здѣсь бродитъ мой геній
Близъ свѣтлыхъ ручьевъ.
Тамо встрѣчаетъ на каждомъ онъ шагѣ
Рдяныхъ Сатировъ и Вакховыхъ жрицъ[2],
Скачущихъ съ воплемъ и плескомъ въ отвагѣ
Вкругъ древнихъ гробницъ.
Гулъ ихъ *эвоэ*[3] несется вдоль рощи,
Гонитъ пернатыхъ скрываться въ кустахъ;
Даже далече наводитъ средь нощи
На путника страхъ.
О пѣснопѣвецъ! одинъ ты способенъ
Пѣть и подъ шумомъ сердитыхъ валовъ,
Какъ и при нивѣ — себѣ лишь подобенъ —
Языкомъ боговъ!

[1] «Авторъ, не подписавши своего имени, думалъ, что я въ деревнѣ, и пѣнялъ мнѣ за мою лѣность.» (*Соч.* Дмитріева.)

[2] «Здѣсь описаны Цыгане и Цыганки, которые во все лѣто промышляютъ въ Марьинской рощѣ пѣснями и пляскою. Для тѣхъ, которые не живали въ Москвѣ, можно прибавить, что въ этой рощѣ было кладбище для иностранныхъ; теперь же надгробные камни служатъ для гуляющихъ вмѣсто столовъ и стульевъ. — Д.» *В. Е.* 1805. № 19.

[3] *Эвоэ*, или *эванъ* былъ употребительнѣйшій припѣвъ вакханокъ при отправленіи ихъ оргій. — Д.»

---

120. ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА[1].

Возьми, Египтянка, гитару, 1
Ударь по струнамъ, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всѣхъ пляской восхищай,
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.
Неистово, роскошно чувство, 2
Нервъ трепетъ, млѣніе любви,
Волшебное заразъ искусство
Вакханокъ древнихъ оживи.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.
Какъ ночь — съ ланитъ сверкай зарями, 3
Какъ вихорь — прахъ плащемъ сметай,

Digitized by Google

Какъ птица — подлетай крылами
И въ длани съ визгомъ ударяй.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.
Подъ лѣсомъ нощію сосновымъ, 4
При блескѣ блѣдныя луны,
Топоча по доскамъ гробовымъ,
Буди сонъ мертвой тишины.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.
Да вопль твой эвоа ужасный, 5
Вдали мѣшаясь съ воемъ псовъ,
Ліетъ повсюду гулы страшны[a],
А сластолюбію — любовь.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.
Нѣтъ, стой, прелестница! довольно! 6
Музъ скромныхъ больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Какъ русска дѣва, пропляши.
Жги души, огнь бросай въ сердца
И въ нѣжнаго пѣвца[2].

[a] Хоть льетъ повсюду . . . (1805)
Но сластолюбію — любовь.

---

[1] Написано вслѣдствіе приложеннаго сейчасъ отвѣта Дмитріева на пьесу *Лѣто*, по поводу жалобы его, что цыганскія пѣсни мѣшаютъ ему въ Москвѣ заниматься поэзіей. Замѣтимъ, что у Дмитріева есть также пѣсня подобнаго содержанія: «Пой, скачи, кружись, Параша», появившаяся еще въ книжкѣ его: *И мои бездѣлки* (М. 1795, стр. 221).

Напечат. въ *Вѣстникѣ Европы* за ноябрь 1805 (ч. XXIV, № 22, стр. 134), съ подписью *Д—нъ*, и потомъ въ изд. 1808 г., ч. III, LX.

[2] И въ нѣжнаго пѣвца —
т. е. Дмитріева, какъ автора эротическихъ пѣсенъ и сказокъ (*Об. Д.*).

---

121. Мщеніе[1].

Богъ любви и восхищенья
У пчелы похитилъ сотъ,

Digitized by Google

И пчелой за то въ отмщенье
Былъ ужаленъ тутъ Эротъ.
Встрепенувшися, несчастный
Крадены, сердясь, соты
Въ розовы уста, прекрасны,
Спряталъ юной красоты.
«На», сказалъ: «мои хищенья
Ты для памяти возьми,
И отнынѣ наслажденья
Ты въ устахъ своихъ храни».
Съ тѣхъ поръ Хлою дорогую
Поцѣлую лишь когда,
Сласть и боль я въ сердцѣ злую
Ощущаю завсегда.
Хлоя, жаля, услаждаетъ,
Какъ пчелиная стрѣла:
Медъ и ядъ въ меня вливаетъ,
И, томя меня, мила.

[1] Переведено на Званкѣ изъ Греческой Антологіи, говоритъ Державинъ; но это невѣрно. Первоначальнымъ источникомъ передѣлокъ на эту тему можно считать, по мнѣнію академика Нàука, слѣдующее мѣсто изъ пастушеской повѣсти Лонгоса о любви Дафниса къ Хлоѣ: «Что со мною дѣлается отъ поцѣлуя Хлои? ея губы нѣжнѣе розы, ея уста слаще меду; поцѣлуй же горче пчелинаго жала» *. — Лонгосъ (Λογγός) жилъ въ 4-мъ или 5-мъ вѣкѣ по Р. Х. Пьеса не могла быть переведена изъ Антологіи уже потому, что въ этомъ сборникѣ имя *Хлои* вовсе не встрѣчается. Въ *Собраніи Соч. Шишкова* (ч. XIV, стр. 232) мы находимъ стихи того же содержанія подъ заглавіемъ: *Поцалуй, переводъ съ итальянскаго.* Дѣйствительно, подлинникъ ихъ принадлежитъ извѣстному поэту Гуарини (Labbra baciate), а ему подражалъ нѣмецкій анакреонтикъ Гёцъ (J. N. Götz, 1721 — 1781; см. его Vermischte Gedichte, ч. II, стр. 125), откуда вѣроятно и заимствовано *Мщеніе* Державина.

Напечат. въ изд. 1808 г., ч. III, xcvii.

Въ четвертомъ стихѣ Державинъ поправилъ карандашемъ:

«Былъ ужаленнымъ Эротъ».

* Τί ποτέ με Χλόης ἐργάζεται φίλημα; χείλη μεν ῥόδων ἁπαλώτερα, καὶ στόμα κηρίων γλυκύτερον· τὸ δὲ φίλημα κέντρου μελίττης πικρότερον [Longi Pastoralia, ed. P. L. Courier. Парижъ 1829, p. 23).

122. Чечотка[1].

На розу сѣвъ, уснула
Чечотка подъ цвѣткомъ;
Едва заря сверкнула
Румянымъ огонькомъ,
Проснулась, встрепенулась.
Жемчужинки лежатъ,
Скорлупка развернулась:
Вкругъ желты крошки спятъ,
Глядятъ и ожидаютъ
Капль сребряной росы,
Чтò имъ съ листковъ стекаютъ,
Какъ солнечны красы.
Самецъ, прижмясь у вѣтки,
Тихохонько глядитъ.
«Ты милъ, а больше дѣтки»,
Чечотка говоритъ:
«Лети и попекися
Сыскать имъ червячковъ».
Съ тѣхъ поръ, покой, простися!
Онъ рѣдко межъ цвѣтовъ.

[1] Написано на Званкѣ. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. III, xcviii.

---

123. Осень[1].

1 На скирдахъ молодыхъ сидючи Осень
И въ поляхъ зря вокругъ годъ плодоносенъ,
Съ улыбкой свои всѣмъ дары даетъ,
Пестротой по лѣсамъ живо цвѣтетъ,
Взоръ мой дивитъ!

2 Разныхъ птицъ голоса, вьющихся тучи,
Шумъ сноповъ, бѣгъ телѣгъ, оси скрипучи,
Стукъ цѣповъ по токамъ, въ рощахъ лай псовъ,
Жницъ съ знамемъ идущихъ гулъ голосовъ
Слухъ мой плѣнитъ.

3 Какъ милъ сей природы радостный образъ!
Какъ тварей довольныхъ сладостенъ возгласъ,

Гдѣ Осень обилье рукою ведетъ,
Царямъ и червямъ всѣмъ пищу даетъ
Общій Отецъ!
Но чтоже вдругъ, Ярцовъ[2]! черныя бури, 4
Грохоча такъ, кроютъ неба лазури?
Здѣсь тихій токъ съ ревомъ роетъ волна,
Тамъ въ блѣдныхъ туманахъ ржетъ намъ война:
Благъ ли Творецъ?
«Ахъ! благъ всѣхъ Зиждитель», я слышу, ты рекъ: 5
«Невѣжда продерзкій лишь ты, человѣкъ,
Не видишь, не знаешь пользы своей;
Самъ часто своихъ ты ищешь сѣтей:
Хранитъ только Богъ[а].»
О! правда то, правда! — Смиримъ же предъ Нимъ 6
Нашъ глупый мы ропотъ и волю дадимъ
Всемощной десницѣ солнце водить;
Бѣгъ міра превратна станемъ сносить,
Чтяща свой рокъ.
Такъ если съ Урала златые ключи 7
Въ царскій лилъ кладязь[б], ихъ самъ не пьючи,
Я дни мнилъ Астреи, миръ и покой
Ввесть распрей въ вертепъ, — и съ чистой душой
Благъ всѣмъ желалъ;
Но то коль не надо, — оставимъ судьбамъ 8
Премудрымъ дать лучшій здѣсь жребій людямъ;
Сѣвъ, сами прикажемъ въ нашемъ гнѣздѣ
Осени доброй намъ дать по трудѣ
Счастья покалъ.

[а] Хранитель твой Богъ (1805).
[б] Лилъ въ царскій ты кладязь . . .

---

[1] Написана на Званкѣ; напечат. въ первый разъ въ *Вѣстникѣ Европы* за декабрь 1805 г. (ч. XXIV, № 33, стр. 189), съ подписью *Д—нъ*; потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, LVII.

[2] Но чтоже вдругъ, Ярцовъ! . . .

Аникита Сергѣевичъ Ярцовъ, род. 1737, ум. 1819, былъ женатъ на сестрѣ Н. А. Львова, Надеждѣ Александровнѣ, и такимъ образомъ былъ въ родствѣ съ Державинымъ. Еще 14-и лѣтъ онъ вступилъ на службу по горной части и продолжалъ ее до 1802 г. Въ 1770-хъ годахъ онъ

Digitized by Google

былъ оберъ-бергмейстеромъ олонецкихъ Петровскихъ заводовъ, а потомъ находился въ Екатеринбургѣ начальникомъ заводовъ уральскихъ; тамъ открылъ онъ многіе золотые рудники и значительно усилилъ добываніе золота, но, какъ замѣчаетъ Державинъ (*Об.*), по безкорыстію самъ ничѣмъ не пользовался. По выходѣ его въ отставку, ему поручено было составить проектъ горнаго положенія и написать исторію горнаго дѣла въ Россіи; послѣдній трудъ былъ исполненъ имъ въ 8-и рукописныхъ томахъ, съ планами и виньетками, но неизвѣстно, гдѣ остались эти книги. Ярцовъ умеръ 82-хъ лѣтъ въ сельцѣ Новосельѣ (Тверской губ.), принадлежавшемъ женѣ его. Онъ оставилъ подробныя записки о своей служебной дѣятельности, находящіяся въ рукахъ дочери его, Любови Аникитичны Ярцовой, которой наша дѣтская литература обязана нѣсколькими замѣчательными сочиненіями.

Въ *В. Е.* намѣсто фамиліи *Ярцовъ* поставлено вымышленное имя *Шахтинъ*; въ изд. 1808 Я.....

---

124. ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА[1].

Какъ свѣтятся блестки 1
На розѣ росы,
Такъ милы усмѣшки
Невинной красы.
Младенческій образъ
Видъ въ каплѣ зари.
А быстро журчащій 2
Межъ розъ и лилей,
Какъ перломъ блестящій
По лугу ручей:
Такъ юности утро,
Играя, течетъ.
Рѣка жъ или взморье 3
Полдневной порой
Какъ въ долъ иль на взгорье
Несется волной:
Такъ мужество бурно
Страстями блеститъ.
Но озеро стекляно, 4
Утихнувъ отъ бурь,
Какъ тихо и важно
Чуть кажетъ лазурь:
Такъ старость подъ вечеръ
Стоитъ на клюкѣ.

Digitized by Google

Сколь счастливъ, кто въ жизни 5
Всѣ возрасты велъ,
Страшась укоризны
Внутрь совѣсти золъ!
На западъ свой ясный
Онъ весело зритъ.

[1] Писано на Званкѣ; напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, LVIII.

---

125. ПИНДАРОВА ОЛИМПИЧЕСКАЯ ПЕРВАЯ ПѢСНЬ [1].

Всѣхъ элементовъ вода превосходнѣй, 1
Злато богатствъ среди пышныхъ, вельможныхъ
Какъ между всѣхъ преизящнѣе блескомъ,
Пышущу пламени нощью подобно.
Хощешь ли, Муза, побѣды возвысить, —
Звѣздъ не ищи, свѣтозарнѣе тихихъ
Солнца полдневна лучей теплотворныхъ,
Кои, пустыню воздушну протекши,
Міръ освѣщаютъ вокругъ, — и славнѣйшихъ
Ты не ищи же торжествъ олимпійскихъ [2].
Душу поэтовъ они 2
Пламенемъ всю наполняютъ,
Кронова сына когда,
Сидя Хирона въ чертогахъ,
Счастьемъ, богатствомъ цвѣтущихъ,
Звучно возносятъ, поютъ.
Скиптръ правосудья вращаетъ 3
Онъ въ многостадной Тринакрѣ [a],
Доблестей цвѣтъ всѣхъ сбирая,
Блещетъ, красой озаряясь
Пѣсенъ согласныхъ съ музыкой,
Кои мы дружески, часто
Сидя съ нимъ вкругъ за трапезой,
Въ славу ему восклицаемъ.
Снемли съ стѣны сей дорійскую цитру [3], 4
Коль олимпійскій конь побѣдоносный,
Нынѣ на рыцарскихъ играхъ риставшій,
Сладостнымъ духъ твой плѣняетъ восторгомъ.

Digitized by Google

О! какъ онъ берегомъ быстро Алфея
Безъ подстреканія, гордо, красиво,
Мчалъ сиракузска царя конелюбна,
Къ цѣли летя по всему ипподрому,
Громкой побѣдой межъ всѣми блистая,
Честь своему пріобрѣлъ тѣмъ владыкѣ.
Слава доньнѣ о немъ 5
Селы, града пролетаетъ,
Рождшимъ толь много вождей
Лидскимъ Пелопсомъ селенны[4];
Богъ, препоясавый моремъ
Землю, его возлюбилъ.
Мощный Нептунъ, какъ изъяла 6
Врѣюща свѣтла коноба
Клота его, и ему тутъ
Кости слоновой вложила
Снѣга бѣлѣйшее рамо.
Вѣрь, что чудесность бываетъ:
Сплошь, пестро сказокъ убранство
Нравится болѣе правды.
Прелесть поэзьи, волшебная сила, 7
Звукомъ своимъ всѣхъ плѣнитъ, услаждая;
Ризою басню почтенной облекши,
Ложному часто даетъ вѣроятность,
Лучшій свидѣтель грядущее время;
Смертныхъ всѣхъ есть лишь одна принадлежность,
Чтобъ съ умиленіемъ въ сердцѣ глубокимъ
Провозглашать всѣмъ боговъ благостыню.
Если не будетъ кто виннымъ въ чемъ много,
Тотъ и отвѣту подвергнется мало.
Сыне Танталовъ! тебя 8
Нынѣ воспѣть я намѣренъ
Прежде не пѣта никѣмъ, —
Твой какъ отецъ на трапезу
Звалъ всѣхъ боговъ въ свой любимый
Градъ, Сипилію, къ себѣ:
Скиптра трезубна державецъ, 9
Страстью къ тебѣ вспламеняся,
Взявши тебя, какъ добычу,

Digitized by Google

Зевсу всечтиму далече
На огнеконномъ снарядѣ
Въ свѣтлы взнесъ неба чертоги;
Но для услуги сей самой
Былъ Ганимедъ тамъ ужъ прежде.
Бывшу жъ тебѣ отъ всѣхъ смертныхъ сокрыту, 10
Какъ отыскать и посланцамъ родившей
Было тебя уже больше не можно:
Завистью мрачною, злой, воушенны
Тайны сосѣды всѣмъ слухъ распустили,
Будто бы тѣло твое все на части
Было прерублено острой сѣкирой
И, во кипящей водѣ разваренно,
Ночью богамъ въ кругу пира носимо;
Сладостно ими, какъ снѣдно, пожерто.
Но возвѣщать мнѣ о томъ, 11
Будто безсмертные алчны,
Дерзко, безумно, грѣшно; —
Сильно того я страшуся.
Коль богохульниковъ часто
Ярый сражаетъ перунъ!
Чтили ль кого земнородныхъ 12
Неба блюстители, боги, —
Былъ то Танталъ. Но, увы! онъ,
Чашей блаженствъ упоенный,
Много собою кичася,
Гнѣвной свелъ мщенье десницы:
Камень надъ нимъ преужасный
Зевсъ, яко гору, навѣсилъ.
Вѣчно съ главы его отрѣваетъ, 13
Вѣчно бѣжитъ отъ него и спокойство:
Жалкій страдалецъ, межъ трехъ онъ четвертый[5]
Жизнь провождаетъ свою всю въ мученьи,
Сколь въ безполезномъ, столь горькомъ рыданьи,
Что у боговъ, даровавшихъ безсмертье,
Тайно священный похитилъ онъ нектаръ,
Также унесъ и амброзію сладку
Для угощенія смертныхъ клевретовъ.
О, суета сокрываться отъ вышнихъ!

Digitized by Google

Въ кару за тяжкій толь грѣхъ 14
Боги обратно сослали
Сына въ родъ смертныхъ его,
Столь увядающій скоро.
Юность же розоцвѣтуща
Чернымъ лишь власомъ вокругъ

Щеки его отѣнила, 15
Сердце прельстилось мгновенно
Бракомъ ему обѣщаннымъ
Со Ипподаміей милой,
Дщерью владѣльца Олимпій[6].
Къ пѣину онъ ночью шедъ морю,
Трезубодержца водхолмна
Вызвалъ, и богъ лишь явился, —

«Сильный царь водъ!» рекъ онъ: «ежели дары 16
Благоугодны тебѣ суть Венеры,
Мѣдно копье удержи Аэммона,
Скрой въ Элизей и меня ты съ собою[7]
На колесницѣ твоей быстротечной.
Тамъ съ нимъ сразяся, побѣду обрящу.
Тридцать ужъ имъ жениховъ перебито;
Дочь же его и понынѣ въ невѣстахъ.
Такъ! лишь опасностей тѣ не встрѣчаютъ,
Коихъ вся въ нѣжности жизнь протекаетъ.

Мнѣ же коль рокъ ужъ судилъ, 17
Чтобъ умереть неизбѣжно,
Вѣкъ свой безславно почто
Мрачности въ нѣдрѣ скрывая,
Дѣлъ уклоняться геройскихъ,
Жизнь всю влачить со стыдомъ?

Нѣтъ! нѣтъ! — иду я сражаться! 18
Путь лишь открой мнѣ счастливый.» —
Тако вѣщая, — и спѣшно
Душу онъ бога восхитилъ,
Кой, озаряя въ немъ сердце,
Пролилъ сіянье на взоры,
Давъ ему неутомимыхъ
Коней златыхъ съ колесницей[8].

Отъ Аэмионова гнѣва избѣгши, 19
Дѣву исторгъ онъ со славой ко браку,
Седмь воевождей ему породившу;
Тщилися чтить всѣ они добродѣтель.
Днесь ему жертвы курятся надгробны,
Кои на брегѣ онъ злачномъ Алфея
Во благолѣпіи внемля, почіетъ.
Холмъ его вкругъ какъ могильный обходятъ,
Тожъ и алтарь его въ праздничныхъ играхъ,
Гдѣ собирается сонмъ чужестранцевъ.

Блещетъ далеко Пелопсъ 20
Славой торжествъ олимпійскихъ
Со ипподромовъ своихъ;
Сила гдѣ, быстрость ногъ гибкихъ,
Мышцы и жилы напрягшись,
Рьяно вдругъ спорятъ съ собой.

Лучъ отъ побѣды награда, 21
Витязей ввѣкъ услаждаетъ,
Слаще златаго сота.
Да и кому чѣмъ сей вящше
Радостью льзя наслаждаться,
Какъ не тому, гдѣ вседневно
Съ блескомъ она вспять струится
И утѣшаетъ насъ снова[9]?

Пѣснью эольской и мнѣ днесь надлежитъ[10] 22
Витязя игръ увѣнчать бранноносна,
Конна ристанья по праву извѣстну.
Кто межъ гостей здѣсь есть изъ иностранныхъ,
Иль изъ живыхъ гдѣ суть люди на свѣтѣ,
Царствъ что̀ въ правленьи, наукъ и художествъ,
Во превосходствѣ съ нимъ могъ бы поспорить?
Нѣтъ! не дерзнетъ ужъ никто, какъ онъ только,
Быть возвеличенъ подвижниковъ въ ликѣ
Благозвучащими пѣсньми достойно.

Богъ твой покровъ, о Хиронъ! 23
Нѣжно онъ бдитъ надъ тобою,
Коль онъ не сниметъ впредь длань,
Взыду на красный холмъ Кроновъ[11]

Digitized by Google

И въ сладкогласнѣйшихъ кликахъ
Бѣгъ колесницъ воспою.

Муза меня окрыляетъ, 24
Какъ быстролетную стрѣлу:
Взнесся тотъ симъ, а сей онымъ [12],
Ты же надъ всѣми вершина.
Шествуй же, въ долъ не взирая,
Сей и всегда высотою:
Благо съ тобой жить мнѣ, витязь!
Грецію пѣсни освѣтятъ.

* ... Сицильи (Рукоп.).

---

[1] Переведена на Званкѣ въ дополненіе къ первой *пиѳической пѣсни* (см. выше стр. 209): обѣ оды посвящены одному и тому же лицу, — Гіерону, королю сиракузскому; *олимпическая* воспѣваетъ побѣду его на конѣ, одержанную въ 77-ую олимпіаду. При этомъ переложеніи поэтъ слѣдовалъ опять преимущественно нѣмецкому переводчику Гедике; вѣроятно, въ рукахъ его былъ сверхъ того и подстрочный русскій переводъ: заключаемъ это по двумъ такимъ переводамъ *второй* олимпійской оды, писаннымъ чужою рукой, которые мы нашли въ его бумагахъ: онъ конечно намѣревался перевести и эту оду, однакожъ болѣе не переводилъ изъ Пиндара.

Въ настоящей одѣ поэтъ восхваляетъ правосудіе и мудрость Гіерона и при этомъ обращается къ исторіи Пелопса, бывшаго нѣкогда царемъ Элиды, гдѣ праздновались олимпійскія игры. Замѣтимъ, что по словамъ Діодора, «Гіеронъ предавался скупости и самовластію и былъ далекъ отъ той правоты и честности, которыми отличался его братъ и предшественникъ, Гелонъ; потому многіе желали отложиться отъ него и превозмогали свое неудовольствіе только изъ уваженія къ памяти послѣдняго». Корысть царя, выражавшаяся въ налогахъ, которыми онъ обременялъ своихъ подданныхъ, была въ связи съ его щедростью къ поэтамъ: при дворѣ его жили Симонидъ, Пиндаръ, Бакхимедъ, Эпихармъ, Эсхилъ, Ксенофанъ и другіе. Пиндаръ находился въ Сиракузахъ въ то самое время, когда онъ писалъ первую олимпійскую пѣснь, — какъ это видно изъ нея. Эта ода назначалась къ пѣнію за столомъ царя. Пиндаръ — приверженецъ монархической власти и вельможъ; но онъ при этомъ вовсе не одобряетъ неблагородныхъ средствъ и несправедливости властителей въ обращеніи съ подданными; онъ замѣчаетъ недостатки своихъ царственныхъ друзей, не раболѣпствуетъ передъ ними и среди похвалъ даетъ имъ совѣты и предостереженія; однакожъ онъ и порицаетъ ихъ съ такою искреннею любовью, съ такимъ достоинствомъ, что никогда не возбуждаетъ ихъ гнѣва (Гартунгъ Pindar's Werke, ч. I, стр. 182).

Digitized by Google

Первая олимпійская ода переведена впослѣдствіи и Мерзляковымъ *. Переводъ Державина стоилъ ему, какъ показываютъ рукописи, много труда и потребовалъ нѣсколько редакцій, изъ которыхъ первоначальныя были проще позднѣйшихъ. По принятому нами общему правилу, мы слѣдуемъ тексту изданія 1808 г., см. ч. II, LXXVI.

[2] ... Ты не ищи же торжествъ олимпійскихъ —

т. е. торжествъ славнѣе олимпійскихъ. По ученію Ѳалеса и нѣкоторыхъ другихъ философовъ, вода есть источникъ или основаніе всей матеріи. Смыслъ этой строфы такой: какъ вода превосходитъ всѣ стихіи, какъ золото — всѣ металлы и какъ солнце помрачаетъ всѣ звѣзды, такъ и олимпійскія игры выше всѣхъ другихъ (*Об.* Д. по Гедике). Выраженіе *пустыню воздушну* (Aetherwüste) близко къ подлиннику: небо какъ будто пустѣетъ, когда явится солнце и своими лучами затмитъ всѣ другія свѣтила.

[3] Снемли съ стѣны сей дорійскую цитру *и проч.*

Эпитетъ *дорійскій* означаетъ здѣсь музыкальный тонъ, самый торжественный и величественный, которымъ пѣлись оды въ честь боговъ и героевъ; другіе тоны были: іонійскій, лидійскій и фригійскій; ср. выше стр. 204. — *Конь побѣдоносный* соотвѣтствуетъ греческому имени скаковаго коня Гіеронова Φερένιχος (Ферениxъ); онъ былъ почти такъ же знаменитъ, какъ боевой конь Александра.

[4] Лидскимъ Пелопсомъ селенны —

т. е. села и города въ Пелопонесѣ, гдѣ въ героическое время господствовалъ Пелопсъ, приведшій туда поселенцевъ изъ Лидіи. Эта мысль подаетъ Пиндару поводъ перейти къ Пелопсу. «Посидонъ», говоритъ онъ, «нѣкогда любилъ его послѣ того, какъ Клото (одна изъ Парксъ) извлекла его изъ свѣтлаго котла за бѣлое плечо, украшенное слоновой костью». Припомнимъ басню о Пелопсѣ. Боги угостили отца его Тантала. Этотъ, желая отплатить имъ, пригласилъ ихъ къ себѣ и, чтобы подать имъ самое драгоцѣнное яство, сварилъ тѣло своего сына. Одна голодная Деметерь (Церера), не замѣтивъ обмана, съѣла плечо Пелопса; Зевсъ во-время догадался и велѣлъ бросить изрубленные члены назадъ въ котелъ, откуда Клото вынула его цѣлаго и живаго, давъ ему взамѣнъ съѣденнаго плеча новое изъ слоновой кости. Пиндаръ отвергаетъ эту сказку, какъ недостойную боговъ, называя ее прямо, въ слѣдующей строфѣ, баснью и ложью, и намѣсто ея разсказываетъ другое, что̀, по его словамъ, не согласно съ прежнимъ преданіемъ и никѣмъ еще не было пѣто. *Сипилъ* — гора и городъ при подошвѣ ея въ Лидіи, столица Тантала. По Пиндару, Пелопсъ былъ взятъ съ пира Посидономъ; послѣдній на золотой колесницѣ увезъ его въ Зевсовъ чертогъ для исполненія обязанности чашника, которую уже прежде исполнялъ Ганимедъ. *Коновъ*, цркслав. — котелъ.

[5] Жалкій страдалецъ, межъ трехъ онъ четвертый.

Боги, согласясь посѣтить Тантала, но гнушаясь земною пищей, при-

* Начало ея переведено также въ *Чтеніи для вкуса и разума*, ч. I, въ статьѣ о лирическомъ стихотворствѣ.

Digitized by Google

несли съ собой нектаръ и амвросію; Танталъ не могъ удержаться, чтобъ не похитить часть небесной снѣди: вотъ вина его. О казни Тантала разсказывается различно. Пиндаръ представляетъ ее несходно съ обыкновеннымъ миѳомъ; то же представленіе встрѣчается однакожъ и у другихъ поэтовъ: по Пиндару, Танталъ безпрестанно старается оттолкнуть отъ своей головы висящую надъ нимъ скалу, готовую раздавить его, но тщетны его усилія. Три товарища его въ мученіяхъ были: Сизифъ, Титій и Иксіонъ.

[6] Дщерью владѣльца Олимпій.

Олимпія — городъ области Элиды, гдѣ совершались славныя игры (о формѣ *Олимпій* см. между прочимъ томъ I, стр. 90). Прекрасная Ἱπποδάμεια была дочь царя Иномая, или Ойномая (Οἰνόμαος — а не *Аэмона*, какъ называетъ его Державинъ). Ему было предсказано оракуломъ, что тотъ, кому достанется Гипподамія, будетъ виновникомъ его смерти. Иномай обѣщалъ ее тому, кто побѣдитъ его въ ристаніи, но побѣжденный имъ женихъ, лишаясь ея руки, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ умерщвляемъ отцомъ. Иномай сажалъ жениха въ одну колесницу съ дочерью и отправлялъ ихъ впередъ; потомъ онъ пускался вслѣдъ за ними и, догнавъ колесницу, бросалъ копье въ ристателя. Такъ онъ убилъ уже тринадцать (не *тридцать*, какъ у Державина) жениховъ, изъ головъ которыхъ хотѣлъ построить храмъ Аресу. Но Пелопсъ, вспомоществуемый своимъ покровителемъ Нептуномъ и ободряемый самой Гипподаміей, одержалъ побѣду и получилъ руку Гипподаміи.

[7] Скрой въ Элизей и меня ты съ собою.

У Гедике: «Sende mich auf dem schnellsten deiner Wagen nach Elis, dass ich durch dich den Sieg mir erjage», т. е. «отправь меня на самой быстрой изъ твоихъ колесницъ въ *Элиду*, чтобъ я чрезъ тебя достигъ побѣды», что̀ близко и къ подлиннику.

[8] Коней златыхъ съ колесницей.

У Пиндара: колесницу златую съ быстрокрылыми, неутомимыми конями (*Об.* Д.).

[9] И утѣшаетъ насъ снова.

Здѣсь темнота произошла вслѣдствіе неясности подлиннаго текста въ этомъ мѣстѣ, которое переводчики передаютъ различно. У Гедике: «Ist auch eine der Menschenfreuden grösser als die, die jeden Morgen zurückkehrt? — есть ли человѣческая радость выше той, какая всякое утро возвращается?» У Гартунга же: «Heiterer Sonnenschein aber erhellt dann wonniglich des Siegers Lebenspfad — веселое сіяніе солнца освѣщаетъ благодатно жизненную стезю побѣдителя». У Мерзлякова совершенно произвольный переводъ.

[10] Пѣснью эольской ....

т. е. изъ Ѳивъ, родины Пиндара, гдѣ въ древности жили Эолійцы (*Об.* Д.).

[11] Взыду на красный холмъ Кроновъ.

У Гедике холмъ Кроніона (т. е. Зевса): «Этотъ холмъ былъ не вдалекѣ отъ олимпійскаго ристалища, такъ что съ него можно было смотрѣть на игры.»

Digitized by Google

[12] Вавесся тотъ симъ, а сей онымъ.

У Гедике: «Hiehin schwingt einer der Menschen, dorthin der andre sich auf, Aber den Fürsten thürmt sich der höchste Gipfel empor», чему, хотя не совсѣмъ близко, соотвѣтствуетъ у Мерзлякова:

«Судьба назначила всѣмъ разные удѣлы:
Санъ царственный вождя предъ всѣми вознесенъ».

---

126. ПОХОДЪ ОЗИРИДА[1].

Алое облако сходитъ, 1
Свѣтъ озлащающе весь;
Оку и слуху низводитъ
Блески и звуки небесъ.
Что за видѣнье?
Чувствъ упоенье
Душу влечетъ!
Новый ли идетъ на землю то годъ?

Или толь свѣтлаго вида 2
Духъ созерцательный мой
Юнаго вновь Озирида
Видитъ, какъ идетъ войной
Въ бой на гіену,
Миромъ вселенну
Всю побѣдить,
Дней въ ней златыхъ сады насадить?

Вслѣдъ его Музы 3
Идутъ, поютъ;
Вязь цвѣтовъ, узы,
Легку кладутъ
Цѣпь на народы,
Царствъ на главы.
Пней хороводы[2],
Кочки, совы
Вкругъ ихъ толпятся
Счастья въ залогъ:
Сонмомъ ложатся
Подлѣ у ногъ.

Или то Фивъ лучезарный, 4
Милый богъ свѣта идетъ?

Digitized by Google

Стрѣлъ за спиной быстропарный
Тулъ онъ гремящихъ несетъ:
Двурожецъ въ рукахъ[3],
Огнь быстрый въ очахъ,
Гнѣвъ на челѣ;
Ищетъ Тифона онъ страшнаго въ мглѣ,
Видитъ — и вмигъ натягаетъ 5
Вервью кленову стрѣлу;
Вержетъ — и рогъ содрогаетъ,
Воетъ струна — и во мглу
Лучъ улетаетъ,
Свищетъ, сверкаетъ,
Съ трескомъ разитъ
Грудь остріемъ, — сталь чешуйна звенитъ.
Кровь по хрупчату 6
Вьется песку;
Злобу зубату,
Адску тоску
Льетъ князь тмы зѣвомъ,
Крылья и хвостъ
Бьетъ, — и пыль съ ревомъ
Когтьми деретъ;
Ядъ потаенно
Блещетъ, шипитъ,
Фивъ зритъ презрѣнно;
Лукъ лишь гремитъ.
Или то царь златокудрый, 7
Доблій мой вождь, полубогъ[4],
Рождшись что Сѣвера бури,
Въ люлькѣ, морозы возмогъ,
Дунувъ зефиромъ,
Воззря сапфиромъ,
Вмигъ укротить,
Красное солнце къ веснѣ возвратить?
Вѣрно онъ, съ Фивомъ толь схожій 8
Пурпуромъ, свѣтлымъ лицомъ,
Ростомъ, осанкой пригожій,
Бѣлымъ на шлемѣ перомъ, —
Онъ, кому Геньи

Digitized by Google

Всѣ въ восхищеньи
Слили дары,
Я кого пѣлъ, — днесь ставитъ шатры!

Даждь ему Небо 9
Злость побѣдить,
Дланями Феба[5]
Міръ умирить,
Силы вѣсами
Царства сравнять,
Домъ свой лучами
Славы обнять!
Я Полимнію
Въ ликъ соглашу;
Пѣсньми Россію
Всю освѣщу.

[1] Во время первой войны съ Наполеономъ императоръ Александръ рѣшился ѣхать въ Берлинъ, чтобы склонить Пруссію оставить свой нейтралитетъ и пропустить русскія войска чрезъ ея владѣнія. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 9 сентября, и на этотъ-то случай написано настоящее стихотвореніе. Отъѣздъ Государя къ арміи считался событіемъ чрезвычайнымъ, ибо въ продолженіе 80-ти лѣтъ, протекшихъ отъ кончины Петра Великаго, русскіе императоры не являлись на войнѣ (Мих.-Данилевскій, *Опис. первой войны* и проч., Спб. 1844, стр. 67).

Напеч. въ первый разъ безъ подписи въ *Любителѣ словесности* (Остолопова) 1806 г., № 1, стр. 6; потомъ въ изд. 1808, ч. II, LIX.

[2] Пней хороводы *и проч.* —
т. е. дикіе непросвѣщенные народы, которые, покоряясь музамъ, признали надъ собой власть Озирида, или Солнца (*Об.* Д.).

[3] Двурожецъ въ рукахъ —
лукъ съ изогнутыми концами.

[4] Доблій мой вождь, полубогъ.

Намекъ на оду *Съ бѣлыми Борей власами* (томъ I, стр. 50; ср. тамъ же стр. 361).

[5] Дланями Феба.

Фебъ = Фивъ (по извѣстному произношенію греческаго Φοῖβος).

---

127. ГЛАСЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО ОБЩЕСТВА[1].

Небесъ зерцало, въ коемъ ясный 1
Мы видимъ отблескъ Божества,
О! ангелъ нашихъ дней прекрасный,

Digitized by Google

Благаго образъ Существа,
Который, какъ весна, сапфиромъ
Глядитъ на насъ, дышитъ зефиромъ
И багряницей зарь, цвѣтовъ,
Отъ дальнихъ странъ благоухаетъ,
Насъ помнитъ, любитъ, утѣшаетъ,
Взаимну въ насъ родя любовь!
Любовь любимаго народа, 2
Се перло царскаго вѣнца!
Не санъ, не клятва, не порода
Творятъ отечества отца, —
Любовь. Она всѣ царства зиждетъ:
Велитъ горѣ — и съ мѣста идетъ;
Речетъ — и тихнетъ шумъ морей,
Ты зришь днесь самъ на ратномъ полѣ,
Чѣмъ всѣхъ царей ты въ свѣтѣ болѣ
И чѣмъ народъ твой всѣхъ храбрѣй.
Странъ чуждыхъ хвально чтить искусство 3
И, ихъ любя, благотворить;
Но Росса сердце, сына чувство,
Отецъ! чѣмъ можешь замѣнить? —
Пусть предаютъ полки тамъ грады [2];
Но мы, мы всѣ тебѣ ограды:
Ты только будь у насъ главой.
Какъ богъ, въ подобьи исполина
Шагни, — и свѣта половина
Другая будетъ подъ тобой.
Мы слышимъ, полнъ къ тебѣ любовью, 4
Летитъ тамъ Россъ на трубный гласъ
И увѣнчался уже кровью;
Но дѣти есть еще у насъ:
Возьми ихъ всѣхъ и насъ на жертву,
И прежде ты Россію мертву
Узришь всю трупомъ предъ собой,
Чѣмъ измѣнимъ тебѣ и вѣрѣ,
Смѣняемъ Ормъ, польстя химерѣ [3],
Отцовъ съ доскою гробовой.
Пусть вождь, тиранъ тамъ гордый, бранный, 5
Средь хитростей своихъ, коварствъ,

Куетъ мечи и умыслъ тайный
Плететъ на плѣнъ сосѣднихъ царствъ;
Но ты, владѣтель бывъ полсвѣта,
Благотворящая планета
Обширныхъ странъ и тьмы сердецъ,
Не посягнешь безъ нуждъ на брани:
Тебѣ пріятнѣе нѣтъ дани,
Какъ миротворческій вѣнецъ.
Коль подвигъ славенъ, благороденъ, 6
Чтобы враждующихъ смирять!
Но коль великъ, богоподобенъ,
Чтобъ царства падши поднимать! —
Посредникъ плачущей Европы!
Отъ Чукчей въ знойны Ѳіопы,
Какъ огнь, сверкнетъ твой славы громъ.
Мы видимъ: небо растворилось,
И надъ Петрополемъ явилось
Царей сословье, звѣздный сонмъ.
Межъ ними Петръ, Екатерина 7
(О, Россамъ радостный соборъ)!
«Благопріятна намъ судьбина,»
Петръ рекъ, къ нимъ осклабляя взоръ:
«Трудовъ мы сколько прилагали,
Чтобъ Европейцы насъ узнали
И допускали въ ихъ союзъ:
Теперь праправнукъ торжествуетъ,
Престоламъ равный вѣсъ даруетъ
И бережетъ ихъ всѣхъ отъ узъ.»
Какъ святъ восторгъ душъ горнихъ, радость, 8
Что видятъ насъ на сей чредѣ!
Подруга истины есть храбрость,
Мзда добродѣтель по трудѣ.
Они насъ всѣ благословляютъ,
Во Александра духъ вливаютъ
Миръ общій, вѣчный міру дать[4].
Цари колѣни преклоняютъ,
Народы, царства прибѣгаютъ
Стопы спасителя лобзать.
Россія нынѣ, какъ невѣста, 9

Digitized by Google

Ждетъ съ брачнымъ жениха вѣнцомъ,
Повсюду ищетъ время, мѣста,
Чтобы навѣдаться о немъ:
То клонитъ слухъ, то выситъ взоры,
То всходитъ на высоки горы
Зрѣть солнца своего восходъ.
Тебя такъ Сѣверъ ожидаетъ,
Твоей блескъ тѣни примѣчаетъ:
Приди свой радовать народъ!
Предстань, любезнѣйшій, народу,
Какъ рекъ, любезному тебѣ;
Воздвигни къ торжеству природу
Ты всю во срѣтенье себѣ:
Ѳимьямы въ храмахъ воскурятся,
Чертоги славой озарятся,
И нашъ воспламенится духъ.
О, еслибъ въявь онъ засвѣтился!
Въ подобномъ блескѣ бъ ты явился,
Какъ Тотъ, Кто правитъ солнцевъ кругъ.

[1] Написано по поводу рескрипта императора Александра I с-петербургскому военному генералъ-губернатору Вязмитинову, гдѣ Государь по возвращеніи изъ арміи выразилъ жителямъ столицы свое благоволеніе за ихъ «усердные отзывы и добрыя желанія», какъ говоритъ Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ*. «Поелику», прибавляетъ онъ, «Государь возвратился не весьма съ радостными вѣстями и не ожидалъ усерднаго отъ публики пріему, то ему изображеніе чувствъ въ сей одѣ весьма было пріятно.» Аустерлицкое сраженіе было 20 ноября, а 27 императоръ Александръ, простившись съ королемъ прусскимъ, поѣхалъ изъ Голича въ Петербургъ (Мих.-Данилевскій).

Напечатано отдѣльно два раза (въ четвертку, безъ означенія года) подъ заглавіемъ: *Гласъ санктпетербургскаго общества по случаю высочайшаго благоволенія*, *объявленнаго ему главнокомандующимъ ноября 29 дня*. При одномъ изъ этихъ двухъ изданій находится противъ текста нѣмецкій переводъ въ стихахъ, подписанный: Carl Woldemar von Brümmer. Въ бумагахъ поэта попался намъ и рукописный французскій переводъ въ прозѣ. — Въ изд. 1808 г. см. ч. II, LX.

[2] Пусть предаютъ полки тамъ грады.

Носились слухи, что Австрійцы измѣною предали Французамъ многіе города (*Об.* Д.).

[3] Смѣняемъ Ормъ, польстя химерѣ —
т. е. чѣмъ промѣняемъ отечество за какія бы ни было сокровища: *Ормъ* — Персидскій заливъ, обильный жемчугомъ (*Об.* Д.).

Digitized by Google

[4] Миръ общій, вѣчный міру дать.

«Авторъ думалъ, что Государь, имѣвшій столь храброе и многочисленное войско, конечно миръ Европѣ доставитъ, но Богу того не угодно было» (*Об.* Д.). Слова, замѣчательныя по времени, когда они были сказаны (1809 г.) *, такъ же какъ и слѣдующее примѣчаніе къ стиху: Какъ миротворческій вѣнецъ: «Авторъ думалъ, что нѣтъ приличнѣе достоинства и славы для Императора россійскаго, какъ быть миротворцемъ Европы».

* Припомнимъ, что въ этомъ году Державинъ диктовалъ свои *Объясненія*.

---

128. НА БАГРАТІОНА [1].

1806.

О, какъ великъ На-поле-онъ [a]!
Онъ хитръ и быстръ и твердъ во брани;
Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
Къ нему съ штыкомъ Бог-раті-онъ.

[a] Кричатъ, что Бонапартъ есть новый Марсъ во брани;
Всѣ удивленія ему приносятъ дани.
Пришелъ Русакъ *Бог-рати-онъ*
И показалъ, каковъ *На-поль-онъ* (1805).

---

[1] Въ продолженіе заграничнаго похода въ 1805 году князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, находясь въ арьергардѣ Кутузова, успѣлъ отличиться многими подвигами и пріобрѣлъ громкую славу въ Россіи. Послѣ заключенія пресбургскаго мира онъ 19 января 1806 г. прибылъ въ Петербургъ, а во второй половинѣ слѣдующаго мѣсяца его ждали въ Москву. «Толковали, какимъ бы лучше образомъ сдѣлать ему торжественный пріемъ», говоритъ Жихаревъ. По его же свидѣтельству, въ Москвѣ ходили въ то время по рукамъ эти стихи Державина (*Зап. Соврем.*, стр. 280, 308 и 327). Въ первоначальной редакціи (см. выше варіантъ) они были напечатаны въ *Другѣ Просвѣщенія* 1805 г. (№ XII, стр. 232) вслѣдъ за слѣдующимъ четырестишіемъ:

Ко удивленію вселенной
Багратіонъ явилъ, что онъ прямой Русакъ:
Бронею мѣдною отъ Марса покровенный,
Не могъ онъ никогда разсыпаться какъ *Макъ*.

Потомъ стихи тѣ были напечатаны крупнымъ шрифтомъ на особомъ листѣ (Имп. Публ. Библ. и Акад. Библ., *Разныя соч.*). Впослѣдствіи появились они въ *Благонамѣренномъ* за февраль 1818 года (стр. 278) при письмѣ Д. Кн. изъ Вѣны отъ 1 января, въ которомъ между прочимъ сказано: «Кто не помнитъ прекрасныхъ стиховъ Г. Р. Державина на случай побѣды,

Digitized by Google

одержанной надъ Бонапарте княземъ Багратіономъ? Въ одномъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ журналовъ помѣщено слабое подражаніе онымъ на богемскомъ языкѣ, написанное еще въ 1813 году. Вотъ оно:

Na pole on Cysar chodiwal, a bil se, a wyhral:
Przez rok wyhrati ne bude *na pole on*.

Переводъ: «Въ поле вышелъ императоръ и сражался и побѣждалъ, но на слѣдующій годъ не будетъ болѣе побѣждать *на полѣ онъ*».

Наконецъ эти же стихи перепечат. въ *Сѣв. Пч.* 1848, № 100, при статейкѣ И. Б. (Быстрова).

Къ стихамъ Державина издатель *Благонамѣреннаго* присовокупилъ примѣчаніе: «Въ то же самое время и на сей же самый случай написалъ кто-то еще слѣдующіе четыре стиха:

Дунулъ вѣтръ бурный, рушитъ препону,
Рветъ всѣ преграды *на полѣ онъ!*
Русскій поставилъ грудь въ оборону,
Кто сей могучій? — *Богъ рати онъ.*

«Послѣдній стихъ, кажется, лучше нежели у Гавріила Романовича.»

---

129. Г. Озерову на приписаніе Эдипа [1].

Витія, кому Мельпомена, 1
Надѣвъ котурнъ, дала кинжалъ,
А Сѣверъ, какъ лавромъ, изъ клена
Вѣнцомъ зеленымъ увѣнчалъ
Блестяще чело!
О ты, что собою представилъ [а] 2
Софокла съ Оссіаномъ вдругъ [2],
Въ Эдипѣ, намъ въ Бардахъ прославилъ [б]
Расиновъ, Кребильйоновъ духъ,
Дѣвъ слезъ ремесло!
Коль жалость и ужасъ вдыхаешь, 3
И жжешь ты хладныя сердца;
Съ глазъ токи, съ душъ вздохи сзываешь,
Напрасно чтишь во мнѣ пѣвца [в],
Но демственникъ ты [3].
Ты Музъ алтарей тѣхъ служитель, 4
Которыхъ чудотворный гласъ —
Народной толпы просвѣтитель
Скорѣй чрезъ театръ, чѣмъ Парнассъ:
Ты — огнь съ высоты,

Digitized by Google

Огнь, что, изъ мрака сверкая, 5
Зміями рѣжетъ сквозь эѳиръ,
Но Лель съ струнъ тіискихъ порхая[г],
Мой чуть звеня, какъ въ зной зефиръ
На вѣжды сонъ льетъ.
Иль могъ коль съ Пиндаромъ геройство, 6
Съ Гораціемъ я сладость лить:
То можетъ во гробѣ потомство
И блескъ вельможъ мнѣ удѣлить:
Тамъ лавръ мой взрастетъ,

[а] ... собой усынóвилъ (Черн. рукоп.).
[б] ... присвоилъ.
[в] То тщетно во мнѣ находишь пѣвца, —
Демственникъ ты!
[г] Пѣсни жъ мои, съ лиры порхая,
Могутъ звенѣть въ зной, какъ зефиръ,
Что сонъ къ намъ ведетъ.
Если жъ гдѣ доблестей свойства
Могъ Россамъ гдѣ сѣять я въ грудь,
Быть можетъ, въ исторьи потомства
И блескъ средь вельможъ мнѣ дадутъ.

---

[1] Это отвѣтъ на слѣдующее посвященіе, съ которымъ и издана трагедія *Эдипъ въ Аѳинахъ*, представленная въ первый разъ 23 ноября 1804 года: «Г. Р. Державину. Посвящая вамъ сію трагедію, я приношу мой даръ не тѣмъ достоинствамъ, кои возвели васъ на высокія степени въ государствѣ. Пусть безпристрастное потомство судитъ ваши подвиги на службѣ отечества: авторъ *Эдипа* желалъ только принести дань удивленія и восторга тому великому генію, который явилъ себя единственнымъ соперникомъ *Ломоносова* и съ выспреннимъ пареніемъ *Пиндара* умѣлъ соединить философію *Горація* и прелестную игривость *Анакреона;* который своимъ перомъ, смѣлымъ и животворнымъ, представилъ природу въ красотахъ ея и ужасѣ и царицу *киргизъ-кайсацкой орды* изобразилъ кистію *Рафаэля*. Вдохновеннымъ пѣснямъ вашей музы, величественнымъ какъ стройное теченіе вселенной, плѣнительнымъ какъ свѣтлый *ключъ Гребеневскій*, быстрымъ, блистательнымъ какъ *водопадъ Суны*, поучительнымъ какъ смерть, современница міровъ, и безсмертнымъ какъ герои, предметы хвалы вашей, я обязанъ живѣйшими наслажденіями въ жизни; и, можетъ быть, сіянію вашей славы буду обязанъ я спасеніемъ труда моего отъ мрака забвенія. Для меня и то уже послужитъ достоинствомъ въ потомствѣ, когда скажутъ, что авторъ *Эдипа* умѣлъ почитать геній *Державина*.»

О впечатлѣніи, какое произвела на публику эта трагедія при своемъ появленіи, можно судить между прочимъ по отзыву Жихарева (*Зап. Соврем.*, стр. 160). О томъ же см. письмо Державина къ Оленину отъ 25 ноября 1808 г. въ VI томѣ нашего изданія. Стихи Державина служатъ отто-

Digitized by Google

лоскомъ общаго мнѣнія. Были однакожъ люди, косо смотрѣвшіе на возникавшую славу молодаго трагика; впереди ихъ стоялъ Шишковъ, встрѣчавшій недоброжелательно всякое новое дарованіе. Подъ его вліяніемъ скоро разстроились добрыя отношенія обоихъ поэтовъ. Державинъ отзывался не совсѣмъ благопріятно о произведеніяхъ Озерова; раздражительный Озеровъ * приписывалъ это зависти отъ безсилія написать что-либо подобное. Державинъ, желая доказать противное, сталъ сочинять трагедіи. Такъ самъ онъ въ своихъ *Объясненіяхъ* откровенно сознаетъ первоначальную причину, побудившую его вступить на поприще драматической поэзіи.

Посланіе къ Озерову отправилъ онъ при слѣдующемъ письмѣ, найденномъ нами вчернѣ на оборотѣ рукописи этихъ стиховъ: «Извиняюсь, что умедлилъ я благодарить васъ за приписаніе мнѣ вашего Эдипа; причиною тому, что нѣкоторое общество пріятелей, предпріявъ разсмотрѣть сіе твореніе, думало примѣтить несравненныя всѣ красоты его и нѣкоторыя погрѣшности: то и хотѣлъ оное сообщить вамъ при сихъ моихъ стихахъ, какъ знакъ истиннаго моего доброжелательства и признанія изящнаго таланта вашего. Но поелику трудъ тотъ замѣшкался и не знаю, скоро ли кончится, то, предоставляя себѣ впредь послать къ вамъ оный, препровождаю теперь изображеніе чувствъ моихъ.» Однимъ изъ главныхъ лицъ въ упоминаемомъ здѣсь обществѣ пріятелей былъ конечно Шишковъ.

Сличивъ эти строки съ глубоко-почтительнымъ письмомъ Озерова, мы легко поймемъ, что онъ, прождавъ долго отвѣта, не могъ быть доволенъ ими и что они положили начало охлажденію между нимъ и Державинымъ.

Ср. стихи Капниста къ Озерову по поводу представленія Эдипа, въ первый разъ напечатанные въ *Сѣв. Вѣстникѣ* 1805, ч. VI, № 5, стр. 190; въ *Соч.* Капниста, Смирд. изд., см. стр. 487. Извѣстіе о первомъ представленіи этой трагедіи — въ *Сѣв. Вѣстникѣ* ч. IV, стр. 217.

Стихи Державина *Озерову* были написаны 26 февраля. Напеч. въ изд. 1808 г., ч. II, LXI.

[2] Софокла съ Оссіаномъ вдругъ *и проч.*

Изъ Оссіана взятъ сюжетъ *Фингала*; эту трагедію Державинъ называетъ *Бардами*.

[3] Но демственникъ ты, —

т. е. пѣвецъ—отъ «демственнаго пѣнія», введеннаго къ намъ изъ Греціи (*Об.* Д.).

* «Чувствительность его сразила» сказалъ Жуковскій объ Озеровѣ. Кстати, передадимъ здѣсь слышанное нами отъ покойнаго графа Блудова о кончинѣ нашего трагика, — его двоюроднаго брата. Озеровъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора, служилъ совѣтникомъ въ лѣсномъ департаментѣ (по министерству финансовъ) и терпѣлъ большія непріятности отъ своего начальника, управлявшаго министерствомъ, государственнаго казначея Θедора Александровича Голубцова. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1808 году Озеровъ былъ «уволенъ вовсе отъ службы», безъ всякой оговорки и безъ пенсіи. Онъ уѣхалъ въ деревню и тамъ, предавшись своему горю, впалъ въ умственное разстройство, въ которомъ и умеръ въ концѣ 1816 г. По словамъ гр. Блудова, Озеровъ родился въ одинъ годъ съ Наполеономъ I — 1769.

Digitized by Google

130. ЭРОДІЙ НАДЪ ГРОБОМЪ ПРАВЕДНИЦЫ[1].

Въ далекой, но единовѣрной 1
Паритъ Эродій мой странѣ;
Унылый, жалобный, плачевный,
Его кликъ огнь льетъ въ сердце мнѣ.
Что за восторгъ благочестивый,
О, врагъ зміевъ храмолюбивый!
Вдыхаетъ мнѣ сей твой полетъ?
Я вижу за волнами волны:
Славяно-Россовъ родъ сокровный,
Какъ сонмы водъ, течетъ въ твой слѣдъ.

Я вижу нѣкую простую 2
И неизвѣстну въ свѣтѣ весь, —
Надъ малой церквью тѣнь густую,
Вокругъ нависшій юный лѣсъ
Оливъ, миртъ, лавровъ благовонныхъ,
И пѣсней сладостныхъ, духовныхъ
Тамъ тихій раздается стонъ;
Но златомъ не горда гробница.
Се что? — Не скрыта ль тутъ царица,
Сіявшая въ лучахъ коронъ?

Нѣтъ! — ангелъ тутъ уснулъ тѣлесный, 3
Сотрясшій тлѣна суеты,
Добротъ прозябшій кринъ небесный
Души и тѣла красоты,
Предъ коимъ всѣ сіянья міра,
Богатства, почести, порфира,
Какъ предъ луною мрачна дебрь.
Зри: блещетъ весь, цвѣтетъ пустыня;
Почіетъ въ Богѣ тутъ богиня,
Жена, сестра монарха, дщерь!

И запахъ льетъ ужъ лавръ зеленый 4
Во знакъ побѣды красотой;
Оливы — нравы что смиренны;
А мирты — что любви душой
Къ супругу своему горѣла,
Сердцами подданныхъ владѣла;
А тѣсный храмъ — чтобъ въ твердь неслись

Digitized by Google

Молитвы изъ него лишь вѣрныхъ,
Не слышались бы лицемѣрныхъ,
И волки съ агнцы не паслись[2].
Прочь, Фурья зависти, отъ гроба[3] 5
Блаженной, и не смѣй взглянуть
Ты на него, когда внутрь злоба
Твою терзаетъ тайно грудь!
Виждь: ангелъ, въ небо возносяся,
Со облакъ долу преклоняся,
Простивъ тебя, благословитъ;
На матерь склабясь, сестръ и братьевъ,
Средь бабки и отца объятьевъ,
Отмщать за грѣхъ твой не велитъ.
Теките жъ къ праведницы гробу, 6
О Влахъ и Сербъ, близнецъ Славянъ!
И, презря сокровенну злобу,
Ея лобзайте истуканъ,
Клянясь предъ всемогущимъ Богомъ
Симъ намъ и вамъ святымъ залогомъ,
Что нѣкогда предъ нимъ вашъ мечь
Въ защиту вѣры обнажится,
Чрезъ рвы и горы устремится
Васъ къ стаду нашему привлечь.
Какъ урны глиняны, скудельны, 7
На круговратной зиждясь дскѣ,
И зданья, буйно вознесенны
На рыхлосыпчатомъ пескѣ:
Такъ точно всѣ черезъ коварства
Распространившіяся царства
И козньми славныя страны
Въ коротко время разрушатся,
Страстьми своими сокрушатся,
И слѣдъ ихъ будетъ мѣстомъ тмы.
Займутъ престолъ цари другіе; 8
Ихъ скиптры къ ихъ врагамъ прейдутъ;
Замышленные ковы злые
На ихъ самихъ главы падутъ;
Расторгнется и возмутится,
Въ пустыняхъ дикихъ водворится

Digitized by Google

Обманчивый, невѣрный родъ;
Но честь и вѣрность сохраняяй,
По правдѣ, вѣрѣ побораяй,
Великъ всегда, блаженъ народъ!

Великъ, кто на войнѣ кровавой 9
Стоялъ, неустрашимъ душой;
Одинъ противу тьмы за славой
Летѣлъ — и умеръ, какъ герой!
Великъ, кто въ узахъ и въ неволѣ
Былъ столь же твердъ, какъ въ ратномъ полѣ[4],
И предъ тираномъ ницъ не легъ;
На даръ, на ласки негодуя,
Надъ гладомъ, жаждой торжествуя,
Отечеству быть вѣрнымъ могъ.

Вы видѣли при Остерлицахъ[5], 10
Въ чьихъ адъ и въ чьихъ былъ Богъ сердцахъ!
На вашихъ люта Смерть границахъ,
Побѣду вѣся на вѣсахъ,
Едва ль кому вѣнецъ вручила:
Но Сѣвера не пала сила,
Ни вѣра, пи любовь къ царямъ:
Врожденно Русскимъ есть геройство,
И ваше намъ подобно свойство;
Однимъ бы солнцемъ грѣться намъ!

Не раздѣляетъ тѣхъ пространство, 11
Въ комъ кровь и умъ и духъ одинъ:
Славяно-русско-сербско царство —
Одинъ со Венгромъ исполинъ;
И праведны ли тѣ уставы,
Чтобъ насъ лишать одной державы?
Межъ братьевъ нерушимъ союзъ:
Гробъ Александры вкругъ цвѣтами
Осыпавъ и оплакавъ съ нами,
Еще ли вы средь чуждыхъ узъ?

Поутру сребряно-огнисты 12
Какъ блещутъ капли на цвѣтахъ,
Ея духъ въ радугахъ, зрю, чистый,
Сверкнувъ Моравьи на поляхъ,

Digitized by Google

Сраженья мѣсто посѣщаетъ,
Надъ Россовъ тѣхъ костьми вздыхаетъ,
Кто мужественно пролилъ кровь,
И, осыпая ихъ росами,
Зритъ свѣтлыми на васъ зарями,
Что вы являли къ намъ любовь.

Мы не забудемъ благодарность[6] 13
И чувствъ нѣжнѣйшей дружбы къ вамъ;
Ни время не затмитъ, ни дальность
Благодѣяній вашихъ намъ:
Извѣстны матери, какъ въ раны
Ихъ чадъ вы тщились лить бальзамы
И огнь устъ влагой утолять;
Отцы — какъ души ободряли
Младыхъ героевъ и внушали
За славу бѣдства презирать.

Храмъ, твердымъ мужемъ соруженный, 14
И благочестія алтарь,
Правдивой вѣрой озаренный!
Стой всѣхъ до померцанья зарь
Подобно неподвижну холму,
И къ святу праведницы дому
Любящихъ святость собирай:
Ты жъ, стражъ его, Музъ другъ, Музовскій!
О житель Венгріи, сынъ россійі!
Единомысліе вперяй.

[1] Написано (3 марта) на преждевременную кончину молодой и прекрасной великой княгини Александры Павловны. О бракѣ ея съ эрцгерцогомъ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ, см. выше стр. 192. Городъ Офенъ сдѣлался ея мѣстопребываніемъ; своею кротостью, человѣколюбіемъ, простотою обращенія, наконецъ прелестью всего существа своего русская царевна вскорѣ снискала на чужбинѣ всеобщую народную любовь. Но это-то самое и поставило ее въ невыносимое положеніе, возбудивъ противъ нея ненависть вѣнскаго двора и особенно первой супруги Франца II, завистливой, коварной, исполненной религіознаго фанатизма Терезы. Ни горячая любовь добраго и просвѣщеннаго мужа, ни высокій санъ его не могли оградить ее отъ преслѣдованій вражды и отъ горькихъ униженій. Находясь въ Вѣнѣ, незадолго передъ роковымъ для нея разрѣшеніемъ отъ бремени, она помѣщена была въ уединенномъ домикѣ въ углу шенбруннскаго сада и терпѣла лишенія даже въ столѣ своемъ, такъ

Digitized by Google

что духовникъ ея, отецъ Самборскій *, самъ приносилъ ей съ рынка рыбу, которую ей потомъ готовила дочь его. Младенецъ, родившійся вскорѣ послѣ возвращенія Александры Павловны въ Офенъ, прожилъ только нѣсколько часовъ, а черезъ девять дней скончалась и сама великая княгиня, къ глубокой скорби своего супруга и всего венгерскаго народа. Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, эта неожиданная смерть возбудила множество толковъ: ее приписывали разнымъ причинамъ; особенно распространилась молва объ отравѣ. Время не разъяснило тайны: при нѣжномъ сложеніи молодой палатины, при вынесенныхъ ею огорченіяхъ, ее легко могла постигнуть и естественная смерть. Но ненависть къ русскому имени и изувѣрство не успокоились и послѣ того. Великую княгиню задумали похоронить при участіи римскаго духовенства; когда же Самборскій воспротивился тому, хотѣли перевести ея тѣло ночью, безъ всякихъ почестей. Самборскій назначалъ для ея останковъ мѣсто въ саду, подаренномъ ей палатиномъ; вѣнскій дворъ напротивъ предлагалъ помѣстить ея прахъ подъ капуцинскою церковью въ смрадномъ

* Протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій, род. въ 1733 г., болѣе сорока лѣтъ жизни провелъ на службѣ при миссіяхъ нашего двора въ чужихъ краяхъ. Онъ началъ это поприще въ Лондонѣ и здѣсь считалъ одною изъ своихъ первыхъ обязанностей помогать совѣтами и указаніями русскимъ путешественникамъ. Особенно старался онъ знакомить ихъ съ состояніемъ земледѣлія и мануфактуръ въ Англіи, отличаясь свѣдѣніями въ сельскомъ хозяйствѣ и фабричныхъ производствахъ. Въ 1781 г. онъ, по избранію императрицы Екатерины II, сопровождалъ въ путешествіи по Европѣ великаго князя Павла Петровича и супругу его, а въ 1785 былъ назначенъ законоучителемъ, наставникомъ въ англійскомъ языкѣ и духовникомъ къ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, и тогда-то вѣроятно устроилъ въ Александровкѣ, близъ Павловска, тотъ садъ съ храмомъ царевича Хлора, о которомъ мы уже упомянули въ I-мъ томѣ (стр. 93); позднѣе онъ исполнялъ тѣ же обязанности при великихъ княжнахъ. Въ 1788 г. получилъ онъ мѣсто протоіерея при Софійскомъ соборѣ (подъ Царскимъ Селомъ). Въ 1797 году онъ былъ избранъ въ члены экспедиціи государственной экономіи, опекунства иностранныхъ и сельскаго хозяйства, и ему поручено главное завѣдываніе школою земледѣлія, основанною близъ Царскаго Села на дорогѣ въ Павловскъ. Въ 1799 г., по случаю брака великой княжны Александры Павловны, Самборскій отправился въ качествѣ духовника ея въ Венгрію; по кончинѣ же молодой палатины, въ 1801 г., онъ путешествовалъ по Греціи и др. южнымъ странамъ, жилъ нѣсколько времени въ пожалованномъ ему имѣніи Харьковской губ. и наконецъ возвратился въ Россію. Остальные годы жизни провелъ онъ въ Петербургѣ, переселяясь на лѣто въ Александровку, гдѣ и видѣли его воспитанники 1-го курса лицея; первый директоръ этого заведенія, В. Ѳ. Малиновскій, былъ женатъ на дочери его. Самборскій умеръ 82-хъ лѣтъ, 5 октября 1815 года, посреди многочисленнаго семейства, оставивъ по себѣ память человѣка съ высокимъ образованіемъ и истиннымъ благочестіемъ (Евгенія *Словарь пис. духовн. чина;* Ephémérides russes, т. IV, стр. 27; также *Жизнь графа Сперанскаго*, соч. барона Корфа, т. I, стр. 9, 67 и слѣдд.). Прибавимъ, что упомянутый нами въ I-мъ томѣ авторъ поэмы: *Александрова*, Джунковскій, былъ воспитанникъ Самборскаго; на французскій языкъ ее перевелъ Массонъ (см. его Mémoires, т. II, стр. 106).

Digitized by Google

погребѣ, куда ходъ былъ съ площади, на которой бабы продавали лукъ чеснокъ и всякую зелень. Самборскій не допустилъ этого, и окончательно мѣстомъ погребенія избрана была недавно купленная деревня въ двухъ нѣмецкихъ миляхъ отъ Офена. Здѣсь положили построить православную церковь надъ гробомъ палатины; для этого вѣнскій оберъ-гофмейстеръ опять указывалъ мѣсто между винными погребами; но прибывшій въ Офенъ русскій министръ Муравьевъ-Апостолъ настоялъ, чтобы церковь была на открытомъ и чистомъ мѣстѣ. Нерасположенный къ Россіи архитекторъ построилъ ее не такъ, какъ слѣдовало по проекту, утвержденному нашимъ дворомъ, а въ видѣ надгробной пирамиды, столь тѣсной внутри, что богослуженіе съ трудомъ могло совершаться. Тѣмъ не менѣе, только что этотъ небольшой храмъ былъ освященъ въ присутствіи палатина при большомъ стеченіи народа, туда перенесено было тѣло великой княгини. Самборскій насадилъ вокругъ церкви оливъ, лавровъ и миртовъ, и въ ней началъ служить избранный имъ преемникъ его, отецъ Николай Музовскій, впослѣдствіи достигшій высшаго священническаго сана (см. Записку *Самборскаго* въ газетѣ *День* 1862 г., № 37). Александра Павловна «родилась 29 іюля 1783, была обвѣнчана 19 октября 1799, умерла 16 марта 1801 г.*; въ замужствѣ прожила только 15 мѣсяцевъ, испытавъ такія огорченія, которыя могли бы сломить и всякую другую сильнѣйшую и болѣе приготовленную къ борьбѣ натуру, нежели эту 17-тилѣтнюю женщину. — — Эта преждевременная смерть прекрасной женщины, такъ мало жившей и такъ много пострадавшей, произвела въ Россіи и Венгріи самое тяжелое и грустное впечатлѣніе. Благородное негодованіе къ австрійской политикѣ, возбужденное въ нашемъ обществѣ обращеніемъ вѣнскаго кабинета съ Суворовымъ, спасителемъ Австріи (см. выше стр. 187), ожило тогда у насъ съ новою силою. Стихотвореніе Державина *Эродій надъ гробомъ праведницы* довольно живо передаетъ то сильное движеніе гнѣва и негодованія, которое произвела въ русскомъ обществѣ вѣсть объ этой ранней смерти» (*День* — *Нѣсколько предварительныхъ словъ*, гдѣ выписаны и отрывки изъ настоящей оды). Почему поэтъ въ 1806 году воспользовался обстоятельствомъ, случившимся за пять лѣтъ назадъ, это легко понять, вспомнивъ отношенія Россіи къ Австріи во время борьбы съ Наполеономъ. Эродій — аистъ, символъ благочестія (см. томъ I, стр. 171).

Въ первый разъ напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, LXII, гдѣ имена *Венгръ*, *Сербъ*, *Александра*, *Моравія* и *Музовскій* означены только начальными буквами; то же соблюдалось и въ прежнихъ посмертныхъ изданіяхъ.

* Итакъ она разрѣшилась еще при жизни императора Павла — 4 марта скончалась уже по вступленіи на престолъ Александра I. Въ Павловскѣ, поэтически-прекрасномъ мѣстопребываніи императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ дворцовомъ саду, сооруженъ великой княгинѣ (1814 г.) памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ отдѣльный для нея устроенный садикъ. Это замѣчательное произведеніе Мартоса описано Жуковскимъ въ его элегіи *Славянка* и въ особомъ къ ней примѣчаніи.

Digitized by Google

² И волки съ агнцы не паслись.

Здѣсь разумѣются два народа: Австрійцы — католики, и венгерскіе Славяне — православные; послѣдніе были преданы великой княгинѣ и прибѣгали толпами къ ея гробу. Потому-то и построили надъ нимъ самую маленькую церковь, чтобъ они не могли сбираться тутъ въ большомъ числѣ и не утверждались въ своей вѣрѣ (*Об.* Д.).

³ Прочь, Фурья зависти, отъ гроба.

Державинъ, читавшій въ подлинникѣ записку Самборскаго, намекаетъ тутъ на императрицу Терезу, которая, какъ онъ прибавляетъ (*Об.*), боялась, чтобъ императоръ Павелъ не сдѣлалъ палатина королемъ венгерскимъ. По словамъ Державина, Самборскій думалъ, что Александра Павловна умерла отъ яда. Ѳ. Львовъ въ изданныхъ имъ *Объясненіяхъ* замѣнилъ это примѣчаніе другимъ, которое и попало въ *День*, какъ будто принадлежащее самому Державину.

⁴ Былъ столь же твердъ, какъ въ ратномъ полѣ —

Русскіе, которые въ плѣну у Наполеона отвѣчали ему мужественно и не оказали передъ нимъ робости (*Об.* Д.).

⁵ Вы видѣли при Остерлицахъ.

Въ аустерлицкомъ сраженіи нельзя ни той, ни другой сторонѣ приписать совершенную побѣду, ибо еслибъ на слѣдующій день корпусъ Эссена и другіе, бывшіе въ дѣйствіи, атаковали Французовъ, то послѣдніе никакъ не могли бы спастись; но императоръ Александръ велѣлъ прекратить военныя дѣйствія и возвратиться въ отечество (*Об.* Д.). Ср. выше, стр. 363, примѣч. 1 къ одѣ *Гласъ с-петербургскаго общества.*

⁶ Мы не забудемъ благодарность *и проч.*

Венгерцы оказывали Русскимъ всякое содѣйствіе и помогали намъ въ недостаткахъ и болѣзняхъ (*Об.* Д.).

---

131. ОБЛАКО [1].

1 Изъ тонкой влаги и паровъ
Исшедъ невидимо, сгущенно,
По-малу, тихо вознесенно
Лучемъ надъ высотой холмовъ,
Отливомъ свѣта освѣтяся,
По безднѣ голубой носяся,
Гордится облако собой,
Блистая солнца красотой.

2 Или прозрачностью сквозясь
И въ разны виды премѣняясь,
Рубиномъ, златомъ испещряясь
И багряницею стелясь,

Digitized by Google

Струясь, сбираясь въ сизы тучи,
И вдругъ схолмяся въ холмъ пловучій,
Застѣниваетъ солнца зракъ:
Забывъ свой долгъ и благодарность,
Его любезну свѣтозарность
Сокрывъ отъ всѣхъ, наводитъ мракъ.

Или не долго временщикъ 3
На свѣтлой высотѣ бываетъ,
Но, вздувшись тукомъ, исчезаетъ
Скорѣй, чѣмъ сдѣлался великъ:
Подъ лучезнойной тяготою
Разорванъ молніи стрѣлою,
Обрушась каплями падетъ —
И ужъ его на небѣ нѣтъ!

Хотя жъ онъ въ чадахъ гдѣ своихъ 4
Во мглахъ, въ туманахъ возродится
И къ выспренностямъ вновь стремится,
Но рѣдко достигаетъ ихъ:
Давленьемъ воздуха гнетомый
И влагой внизъ своей влекомый,
На блата, тундры опустясь,
Ложится въ нихъ, и зрится — грязь.

Не видимъ ли вельможъ, царей 5
Живаго здѣсь изображенья?
Одни, — изъ праха, изъ презрѣнья
Пренизкихъ возводя людей
На степени первѣйшихъ садовъ,
Творятъ боговъ въ нихъ, истукановъ,
Имъ ввѣря власть и скипетръ свой;
Не видя, ихъ что ослѣпляютъ.
Любезной доброты лишаютъ,
Темня своею чернотой;

Другіе, — счастья бывъ рабы, 6
Его рукою вознесенны,
Сіяньемъ ложнымъ украшенны,
Страстей не выдержавъ борьбы
И доблестей путь презря, правды,
Превѣсясь зломъ, какъ водопады,
Падутъ стремглавъ на низъ во мглахъ:

Digitized by Google

Бывъ идолы, бываютъ прахъ.
Но добродѣтель красотой 7
Своею собственной сіяетъ;
Пускай несчастье помрачаетъ, —
Свѣтла она сама собой.
Какъ Антонины на престолѣ,
Такъ Эпиктиты и въ неволѣ
Почтенны суть красой ихъ душъ. —
Пускай чей злобой блескъ затмится;
Но днесь иль завтра прояснится
Безсмертной правды солнца лучъ.
О вы, имѣющи боговъ 8
Въ рукахъ всю власть и всю возможность,
Въ себѣ же смертнаго ничтожность,
Ввергающую бѣдствій въ ровъ,
Цари! отъ васъ вашъ тронъ зависитъ
Унизить зломъ, добромъ возвысить;
Имѣйте вкругъ себя людей,
Незлобьемъ, мудростью младенцевъ;
Но бойтесь счастья возведенцевъ,
Ползущихъ пестрыхъ вкругъ васъ змѣй.
И вы, наперсники царей, 9
Друзья, цвѣтущи ихъ красою,
Ихъ пишущи жизнь, смерть рукою
Поверхъ земель, поверхъ морей!
Познайте: съ вашимъ всѣмъ соборомъ
Вы съ тѣмъ равны лишь метеоромъ,
Который блещетъ отъ зари,
А сами по себѣ — пары.
И ты, кто потерялъ красу 10
Наружну мрачной клеветою!
Зри мудрой, твердою душою:
Подобенъ міръ сей колесу.
Се спица внизъ и вверхъ вратится,
Се капля мглой иль тучей зрится:
Такъ чтожъ снѣдаешься тоской[а]?
Въ кругу твореній обращаясь
Той внизъ, другою вверхъ вздымаясь[б],
Умѣй и въ прахѣ быть златой.

Digitized by Google

[а] Такъ чтожъ тебѣ ввергаться въ грусть (Первон. рукоп.).
[б] Нанизъ ли, вверхъ ли поднимаясь,
Златой лишь каплей, спицей будь.

---

[1] Писано 20 марта. Судя по послѣднимъ строфамъ, эти стихи сочинены не безъ примѣненія къ самому автору, который, какъ видно, не всегда примирялся съ новымъ своимъ положеніемъ, удалявшимъ его отъ всякаго вліянія на дѣла и не могшимъ однакожъ вполнѣ оградить его отъ злоязычія свѣта. Едва ли это стихотвореніе не имѣетъ отношенія къ тому, что̀ онъ разсказываетъ въ концѣ своихъ *Записокъ*: Государь милостиво принялъ отъ него проектъ мѣръ для обороны Россіи противъ нашествія Французовъ, но, послѣ поѣздки за границу, перемѣнилъ обращеніе съ нимъ и показывалъ ему холодность. По *Об.* Д., эти стихи, вмѣстѣ съ двумя слѣдующими пьесами, написаны въ 1807 г., но при рукописномъ текстѣ они отмѣчены годомъ ранѣе. Напечат. отдѣльно подъ загл. Облако, громъ и радуга, и въ *Соч. и переводахъ Росс. Ак.*, ч. II, стр. 174; потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXVI.

---

132. ГРОМЪ[1].

Въ тяжелой колесницѣ грома 1
Гроза, на тмѣ воздушныхъ крылъ
Какъ страшная гора несома,
Жметъ воздухъ подъ собой, — и пыль
И понтъ кипятъ, летятъ волнами,
Древа вверхъ вержутся корнями,
Ревутъ брега и воетъ лѣсъ;
Средь тучныхъ тучъ, раздранныхъ съ трескомъ,
Въ тмѣ молніи багрянымъ блескомъ
Чертятъ гремящихъ слѣдъ колесъ.

И се, какъ ночь осення, темна 2
Нахмурясь надо мной челомъ,
Хлябь пламенемъ разсѣлась черна,
Сверкнулъ, взревѣлъ, ударилъ громъ, —
И своды потряслися звѣздны,
Стократно отгласились бездны,
Гулъ восшумѣлъ, и дождь и градъ,
Простерся синій дымъ полетомъ,
Дубъ вспыхнулъ, холмъ сталъ водометомъ,
И капли радугой блестятъ.

Утихло дуновенье бурно: 3

Чуть слышенъ шумъ и сѣрный смрадъ;
Пространство воздуха лазурно
И чела въ златѣ горъ горятъ.
Природѣ ужъ не страшны грозы,
Дыхаютъ ароматомъ розы,
Пернатыхъ раздается хоръ;
Зефиры легки, насѣкомы
Цѣлуютъ злаковъ зыбки холмы,
И путникъ осклабляетъ взоръ.

Кто Сей, который тучи гонитъ[2] 4
По небу, какъ стада овновъ,
И перстомъ быстры рѣки водитъ
Между гористыхъ береговъ?
Кто море очертилъ въ предѣлы,
На шумны, яры волны бѣлы
Незримы наложилъ бразды?
Чьимъ маніемъ вѣтръ вземлетъ крыла,
Стихіевъ засыпаетъ сила,
Блескъ въ хаосѣ возникъ звѣзды?

И въ мигъ единый милліоны 5
Кто дланію возжегъ планетъ?
О Боже! — се Твои законы,
Твой взоръ міры творитъ, блюдетъ.
Какъ сталью камень сыплетъ искры,
Такъ отъ Твоей струятся митры
Въ мракъ солнцы, средь безмѣрныхъ мѣстъ.
Ты дхнешь: какъ прахъ, вновь сферы встанутъ;
Ты прервешь духъ: какъ злакъ, увянутъ;
Твои слѣды суть бездны звѣздъ.

О вы, безбожники, не чтущи 6
Всевышней власти надъ собой,
Въ развратныхъ мысляхъ тѣхъ живущи,
Что случай все творитъ слѣпой,
Что умъ лишь вашъ есть царь вселенной!
Взгляните, въ буйности надменной,
На сей ревущій страшный мракъ,
На тѣ огнемъ блестящи рѣки, —
И вѣрьте, дерзки человѣки!
Что все величье ваше — прахъ.

Digitized by Google

Но если вы и впрямъ всемочны, 7
Почто жъ вамъ грома трепетать?
Нѣтъ! гордости пути порочны
Богъ правды долженъ наказать.
Гдѣ ваша мочь тогда, коварства,
Вновь созданны цари и царства,
Какъ рокъ на васъ свой склонитъ перстъ?
Огонь и воды съединятся,
Земля и небо ополчатся,
И мечъ и лукъ сотрется въ персть.
Но тотъ, кто почитаетъ Бога, 8
Надежду на Него кладетъ,
Сей не боится время строга:
Какъ холмъ средь волнъ, не упадетъ.
Пусть зѣльна буря устремится:
Душой всѣхъ превзойти онъ тщится,
Безстрашенъ, мужественъ средь бѣдъ;
И подъ всесильнымъ даже гнѣвомъ,
Подъ зыблющимъ, падущимъ небомъ,
Благословя Творца, уснетъ.
Труба величья силъ верховныхъ, 9
Витія Бога и посолъ,
О громъ! гроза духовъ тѣхъ гордыхъ,
Кѣмъ колебался звѣздъ престолъ!
Земли ты чрево растворяешь
И плодородьемъ міръ вѣнчаешь;
Но твой же можетъ бросить тулъ
И жупловъ тьмы на князя ада.
Встань! грянь! — и вслѣдъ его упада
По безднамъ возгрохочетъ гулъ.

[1] Писано 1 апрѣля. Напечат. отдѣльно и въ *Соч. и перев. Росс. Ак.*, ч. II, стр. 177; потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXVII.

[2] Кто Сей, который тучи гонитъ.

Это мѣсто, по замѣчанію г. Галахова (*Ист. русс. сл.*, т. I, стр. 521), напоминаетъ строфу Ломоносова въ *Подражаніи Іову*: «Кто море удержалъ брегами» и проч. Слѣдующая за тѣмъ строфа Державина имѣетъ нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ мѣстомъ оды *Богъ*.

Digitized by Google

133. РАДУГА[1].

Взглянь, Апеллесъ! взглянь въ небеса! 1
Въ сумрачномъ облакѣ тамъ,
Видишь, какая изъ лентъ полоса,
Огненна ткань блещетъ очамъ,
Склонясь надъ твоею главою
Дугою!

Пурпуръ, лазурь, злато, багрянецъ, 2
Съ зеленью тѣнь, сліясь съ серебромъ,
Чудный, отливный, блещущій глянецъ
Сыплютъ вокругъ, тихимъ лучемъ
Зѣницъ къ утѣшенью сіяютъ,
Плѣняютъ!

Гдѣ красота, блескъ разноцвѣтныхъ 3
Камней драгихъ, свѣтлость порфиръ,
Прелести красокъ яркихъ, несмѣтныхъ,
Чѣмъ завсегда славится міръ,
Чѣмъ могутъ монархи хвалиться, —
Свѣтиться?

О Апеллесъ! взявши орудье, 4
Кисти свои, — дерзкой рукой
Съ разныхъ цвѣтовъ вмигъ полукружье
Сдѣлай, составь твердой чертой, —
Составь, и сзови зрѣть Аѳины
Картины.

Нѣтъ, изографъ! хоть превосходишь[2] 5
Всѣхъ мастерствомъ дивнымъ твоимъ;
Вижу, что средствъ ты не находишь
Съ мастеромъ въ томъ спорить такимъ,
Чей взглядъ все одинъ образуетъ, —
Рисуетъ.

Только одно солнце лучами 6
Въ капляхъ дождя, въ долъ отразясь,
Можетъ писать сими цвѣтами
Въ мракѣ и мглѣ, вѣчно свѣтясь.
Умѣй подражать ты ему:
Лей свѣтъ въ тму.

Зри, какъ оно лишь отвращаетъ 7

Digitized by Google

Свѣтлый свой взоръ съ облака вспять, —
Живость цвѣтовъ вмигъ исчезаетъ,
Краски картинъ тмятся опять:
Бѣги ты такого труда
Отъ стыда.

Можетъ ли кто въ свѣтѣ небесномъ 8
Чтиться равно солнцу тому,
Въ сердцѣ моемъ мрачномъ, тѣлесномъ
Что озаривъ тяжкую тму,
Творитъ его радугой мира?
Пой, лира! —

Бога воспой, — смѣлымъ пареньемъ 9
Чистаго внутрь сердца взноси
Духъ мой къ Нему, утреннимъ пѣньемъ,
Чтобы Творецъ, внявъ съ небеси,
Вліялъ чувствъ моихъ въ глубину
Тишину.

Свѣтлая чтобъ радуга мира[a], 10
Въ небѣ явясь въ цвѣтѣ зарей,
Стала въ залогъ тихихъ дней міра,
Къ счастію всѣхъ царствъ и царей.
Онъ всѣхъ ихъ одинъ просвѣтитъ,
Примиритъ.

[a] И свѣтлая бъ радуга мира,
Возставъ надъ Европою всей (Рукоп.).

---

[1] Писано 25 апрѣля. Напеч. отдѣльно вмѣстѣ съ пьесою *Громъ* и въ *Соч. и перев. Росс. Ак.*, ч. II, стр. 182; потомъ въ изд. 1808, ч. II, LXVIII.

[2] Нѣтъ, изографъ …
См. выше стр. 313, примѣч. 2.

---

134. РАСПУСКАЮЩАЯСЯ РОЗА[1].

О цвѣтъ прекрасный, осыпаемъ 1
Поутру перловой росой,
Зефиромъ въ полдень лобызаемъ!
Открой скорѣй румянецъ твой.

Ахъ, нѣтъ! помедль: еще не знаешь 2
Всѣхъ тварей тлѣнныхъ ты тщеты:

Digitized by Google

Въ тотъ мигъ, какъ изъ пеленъ проглянешь
Увы! должна увянуть ты.
И ты цвѣтешь не такъ ли, Хлоя? 3
Не съ тѣмъ ли родилась на свѣтъ,
Чтобъ всѣхъ, прельстя, лишить покоя
И скоро потерять свой цвѣтъ?
Покинь же стебель твой опасный, 4
Укрась, о роза! Хлоѣ грудь;
Коль ты цвѣтокъ изъ всѣхъ прекрасный,
На ней блаженнѣе всѣхъ будь.
Царицей будь на ней отнынѣ; 5
Украсивъ грудь, умри на ней:
Завидуя твоей судьбинѣ,
Захочетъ смерти всякъ твоей.
О, такъ! немного дней продлится, 6
Какъ будешь ты на ней блистать:
Благоуханьемъ огнь родится,
По Хлоѣ будетъ всякъ вздыхать.
Вздыхай! плѣняй! тебѣ Лель страстный 7
Покажетъ скоро путь; — но знай:
Увеселяя взоръ прекрасный,
Грудь украшай, но сокрывай.
А если наглой кто рукою 8
Покой дерзнетъ твой возмутить, —
Вздохнувъ по мнѣ, спѣши иглою
Твоей сопернику отмстить.

[1] Вольный переводъ съ французскаго соч. графа Мих. Юрьевича Віельгорскаго, къ которому Батюшковъ написалъ посланіе (см. его *Соч.*, Спб. 1834, ч. II, стр. 138). Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, xcix.

---

135. ГРАФУ СТЕЙНБОКУ[1].

Кого на брегѣ моря бурна 1
Близъ ветхихъ града стѣнъ, въ тѣни,
Жизнь не богата, но не скудна
Течетъ, и онъ пріятно дни
Проводитъ, избѣжавъ столицы,
Желаніевъ своихъ въ границы

Умѣренность постановивъ,
А малый домикъ окруживъ
Свой садомъ, нивами, стадами,
Въ семьѣ, съ супругой и друзьями,
Ничѣмъ внутрь сердца не смущенъ:
Тотъ мудръ — и истинно блаженъ!
Такъ, милый графъ! волненье Бельта — 2
Быстротекущихъ образъ лѣтъ;
Видъ Гапсаля — видъ тлѣнна свѣта[2],
Чтò скоро рушится, падетъ;
Древесны тѣни, птичекъ пѣнья —
Спокойной совѣсти, смиренья
И добродѣтели удѣлъ.
Когда твой трудъ плодомъ поспѣлъ
И нивъ колосья золотые
Возблещутъ въ полѣ, и младые
Взыграютъ агнцы на лугу:
Чтò знатныхъ блескъ сихъ благъ въ кругу?
Ничто. — Итакъ, наскучатъ грады 3
И ихъ когда забавы намъ,
Пойдемъ искать утѣхъ, прохлады
Мы къ злачнымъ Волхова брегамъ[3],
Или въ твоемъ помѣстьи новомъ[4],
Во храмѣ возсѣдя Петровомъ,
Чтò въ честь ему ты мнишь вознесть,
Велимъ хоръ музъ къ себѣ привесть,
И Вѣрушку съ Люси такъ сладимъ[5],
Что пламенной ихъ пляской сгладимъ
Съ сѣдыхъ морщины нашихъ лбовъ,
Обрѣзавъ крылья у годовъ.
Часы веселія суть кратки, 4
Минута скуки — цѣлый вѣкъ:
Ахъ! для чего же люди падки
Къ заботамъ? Страждетъ человѣкъ
Не для того ль, что ищетъ части
Своей всякъ въ гордости и власти;
Самъ мучась, мучитъ и другихъ
На счетъ крылатыхъ дней своихъ?
Престанемъ же къ звѣздамъ моститься[6];

Digitized by Google

А лучше съ Серномъ Льву рѣзвиться,
Съ Державой Яхонту блистать:
Придетъ къ намъ зависть танцовать.

[1] Графъ Стейнбокъ, отставной бригадиръ (ум. 1824 въ Ревелѣ), былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Дьяковой, родной сестрѣ второй жены Державина (см. томъ I, стр. 408). Посланіе это написано въ сентябрѣ, у графа въ имѣніи Линденъ, подъ Гапсалемъ; усадьба съ прекраснымъ садомъ лежала на берегу моря. Напеч. въ изд. 1808 г., ч. II, LXXIII.

[2] Видъ Гапсаля — видъ тлѣнна свѣта.

Гапсаль—старинный рыцарскій зáмокъ, отъ котораго остались однѣ развалины (*Об.* Д.).

[3] Мы къ злачнымъ Волхова брегамъ.

На Волховѣ сельцо Званка, имѣніе Державиныхъ, куда графъ Стейнбокъ ѣзжалъ иногда (см. выше стр. 196).

[4] Или въ твоемъ помѣстьи новомъ *и проч.*

Графъ, незадолго передъ тѣмъ купивъ имѣніе Линденъ, намѣревался построить тамъ небольшой храмикъ на томъ мѣстѣ, гдѣ отдыхалъ подъ деревьями Петръ Великій, когда приставалъ съ галернымъ флотомъ во время шведской войны (*Об.* Д.).

[5] И Вѣрушку съ Люси такъ сладимъ *и проч.*

Вѣрушка—Вѣра Николаевна Львова, дочь Николая Александровича (томъ I, стр. 365, и II, стр. 289); Люси — Елисавета Ѳедоровна Штернбергъ, впослѣдствіи графиня Делагарди, воспитанница графини Стейнбокъ (ср. выше стр. 74); онѣ вмѣстѣ мастерски плясали (*Об.* Д.).

[6] Престанемъ же къ звѣздамъ моститься *и проч.*

т. е. перестанемъ желать чиновъ и высшихъ должностей. *Сернъ* (Steinbock = каменный баранъ) означаетъ здѣсь владѣльца мызы Линденъ; такая же игра словъ заключается въ словахъ: Левъ, Держава и Яхонтъ. Подъ первымъ именемъ разумѣется Ѳ. П. Львовъ, о которомъ сообщены свѣдѣнія на стр. 302. При изданіи своихъ сочиненій онъ принялъ названіе *Скимнина*, отъ греческаго слова *скимнъ* (σκύμνος = молодой левъ, томъ I, стр. 171). О Яхонтовыхъ см. выше стр. 274. Поэтъ хочетъ сказать, что лучше искать простыхъ наслажденій въ кругу родныхъ и друзей.

---

136. НА РОЖДЕНІЕ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ[1].

1
Склоненной лаврами главой
Воспрянь, Россія, отъ мечтаній
И, щитъ взложа на грудь, лукъ въ длани
Пріявъ, возстань, оставь покой,

Digitized by Google

И, доблести горя восторгомъ,
Иди, водима правды Богомъ,
На брань, какъ на торжественъ пиръ!
Се, счастлива межъ звѣздъ планета,
Родилася Елисавета, —
И мечъ твой дастъ Европѣ миръ.
Когда Авроры алый перстъ 2
Востока отворяетъ двери,
И солнцевъ конь изъ синей дебри
Вмигъ скачетъ чрезъ безмѣрность мѣстъ:
Царь звѣздъ златитъ лицо вселенны.
Такъ духъ мой, днемъ симъ возбужденный,
Зарю царевны пѣть летитъ.
О, свѣтлой радости и новой!
Дщерь соименную Петровой
Россіи Александръ даритъ!
Вообразивъ моей весны 3
Цвѣтущія, младыя лѣта,
Какъ скипетромъ Елисавета
Намъ разсыпала свѣтлы дни,
Какъ страху Божью поучались,
Мы въ правдѣ, вѣрѣ укрѣплялись,
Любили съ трепетомъ царей:
Мои обрадованны взоры
Поющихъ дѣвъ и юношъ хоры
Тамъ зрятъ средъ злачныхъ нивъ, полей.
О, сколь красотъ, пріятствъ, добротъ! 4
Какіе честны, тверды нравы!
Любовь къ отечеству, духъ славы!
Россъ и тогда былъ царствъ оплотъ:
Кто смѣлъ коснуться исполина?
Главу его Екатерина
Еще превыше вознесла.
Да будутъ дни благословенны
Такъ и рожденныя царевны,
Чтобъ отча въ ней душа цвѣла,
Умъ кроткой матери и нравъ, 5
Чтобъ ангелъ въ ней на свѣтъ явился,
Съ Маріей въ благости сравнился,

Сиротъ и вдовъ богиней ставъ.
Какіе раздаются клики,
Отъ Бельта до Камчатки лики,
При имени Елисаветъ!
Встрѣчая въ ней прошедше время,
Печать всѣхъ благъ, — красу Эдема
Силъ описать не достаетъ.

Пеленъ, Хариты, станьте вкругъ; 6
Премудрость, сядь близъ колыбели,
И вѣкъ ее чтобъ Музы пѣли,
Вдыхайте ей къ нимъ вкусъ и духъ;
А днесь была звѣздой чтобъ славы,
Какъ у Непрядвы и Полтавы
Мы стерли супостатовъ рогъ.
Она лишь только улыбнется, —
Отъ Александра громъ прострется,
Предыдетъ Россамъ въ браняхъ Богъ.

[1] Великая княжна Елисавета Александровна род. 4 ноября 1806, ум. 30. апр. 1808 г. (Ср. выше стр. 160). По нѣкоторымъ преданіямъ, всѣ въ Россіи радовались, что брачный союзъ Александра увѣнчался плодомъ. Но Вигель говоритъ противное и, упомянувъ о разочарованіи, которое распространилось въ публикѣ, когда узнали, что родилась дочь, кончаетъ замѣчаніемъ: «Бѣдное дитя, названное по матери Елисаветою, было принято народомъ съ досадою, какъ неудача: тѣмъ болѣе привязалась къ ней мать, которая однакожъ, какъ и первою дочерью Маріею, была ею осчастливлена только полтора года» (*Р. Вѣстн.* 1864, № 5, стр. 185).

Напечат. тогда же отдѣльно; потомъ въ изд. 1808. ч. II, LXIX.

---

137. НА ОТПРАВЛЕНІЕ ВЪ АРМІЮ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКАГО[1].

Взлетѣлъ маститый Орлъ, — паритъ, 1
Ширяется межъ звѣздъ крылами,
Свистъ буръ, блескъ молній подъ когтями;
И змѣй, во мглѣ клубясь, шипитъ.
Оставшій мечь Екатерины[2],
Булатъ, обдержанный въ бояхъ, —
Каменскій, ты полки орлины
Ведешь на брань, — и Галлу страхъ!

Digitized by Google

Иди! иди! предходитъ Богъ 2
Передъ хоругвью Александра,
И пламемъ жруща саламандра
Онъ въ прахъ твоихъ повергнетъ ногъ.
Суворовъ былъ водимъ тожъ Богомъ
И разженялъ враговъ онъ тьму.
Я, вдохновенный Музъ восторгомъ,
Побѣды предвѣщалъ ему.
Такъ: вышней силой я держусь[3]; 3
Ты — именемъ и духомъ камень,
Холодностью угасишь пламень[4];
Сразись! — и я не постыжусь.
Отечество стыдомъ не кроя
(Нашъ царь его не долженъ несть),
Дерзай, мужъ, избранный въ героя:
Ты Россъ, — побѣда или смерть!
Побѣда! — лавръ твой съ сѣдиной 4
Младымъ птенцамъ явитъ путь къ славѣ,
Лучъ Александровой державѣ,
И дастъ Европѣ онъ покой.
О Россы! вы не посрамитесь,
Природный васъ днесь вождь ведетъ:
Во блескѣ новомъ вы явитесь,
Вѣнцы за правду Небо шлетъ.

[1] Вся Россія, и особенно Москва, признавала фельдмаршала гр. Каменскаго достойнымъ соперникомъ Наполеона въ военномъ искусствѣ. Извѣстны были отличныя дѣйствія его въ турецкихъ войнахъ Екатерины II, но никто не зналъ, какъ думала объ немъ сама Государыня. Передъ смертью Потемкинъ поручилъ свою армію Каховскому. Каменскій, будучи старѣе этого генерала чиномъ, не захотѣлъ ему подчиниться и созвалъ совѣтъ для рѣшенія вопроса, кому предводить арміею. Узнавъ о томъ, Императрица писала статсъ-секретарю Попову: «Сердце мое слышало, что отъ Каменскаго при арміи добра не будетъ, когда, при отъѣздѣ князя изъ Царскаго Села, я упрошена была его отпустить съ нимъ. Собраніе генераловъ подчиненныхъ ради сужденія, кому командовать, доказываетъ довольно безразсудность собирателя, и послѣ сего поступка уже къ нему довѣренности имѣть едва ли возможно*». Въ 1806 году общій голосъ въ пользу гр. Каменскаго, тогда 69-тилѣтняго старца, былъ почти столько же едино-

* О поведеніи Каменскаго послѣ смерти Потемкина см. *Записки Л. Н. Энгельгардта*, стр. 127 и слѣд.

Digitized by Google

душенъ, какъ въ 12-мъ году въ пользу Кутузова. Императоръ Александръ, основываясь на общественномъ мнѣніи, назначилъ Каменскаго главнокомандующимъ и въ лестномъ рескриптѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, писалъ ему: «Распоряжайтесь и дѣйствуйте войсками во всѣхъ случаяхъ по вашему усмотрѣнію» (Мих.-Данилевскій, *Описаніе второй войны съ Наполеономъ*, Спб. 1846, стр. 73). О томъ, какъ общество въ то время смотрѣло на Каменскаго, свидѣтельствуетъ и Жихаревъ подъ 6-мъ сентября 1806 г.: «Фельдмаршалъ гр. Каменскій въ Петербургѣ и будетъ, кажется, командовать арміею. Опытные люди говорятъ, что онъ всегда извѣстенъ былъ за отличнаго тактика, а съ Бонапарте это качество не лишнее» и проч. (*Отеч. Зап.* 1855, т. XCIX, *Дневникъ чиновника*, стр. 363). Ср. *Воспоминанія* Вигеля, *Русск. Вѣстн.* 1864 за май, стр. 186 — 190. О назначеніи Каменскаго и внезапномъ оставленіи имъ арміи см. также *Записки С. Глинки* въ *Р. Вѣстникѣ* 1865 за іюль, стр. 234, *Записки Нессельроде*, *Р. В.* 1865 за октябрь, стр. 537 и 538. Ср. ниже стихотв. *Евгенію. Жизнь званская*, строфу 55.

Напечат. сперва отдѣльно (на листахъ въ осмушку съ подписью *Державинъ*), потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXX, съ припискою къ заглавію: Ноября   дня 1806 года.

[2] Оставшій мечъ Екатерины.

И Вигель въ своихъ *Воспоминаніяхъ* (ср. здѣсь прим. 1) говоритъ о немъ: «Гр. Каменскій, послѣдній мечъ Екатерины, видно слишкомъ долго лежалъ въ ножнахъ и отъ того заржавѣлъ».

[3] Такъ: вышней силой я держусь.

Девизъ Державина на его печати, утвержденной императоромъ Павломъ (*Записки* Д., *Р. Б.*, стр. 427).

[4] Холодностью угасишь пламень.

Каменскій, во время прежней службы своей, показывалъ въ сраженіяхъ холодность и способность не терять духа въ опасностяхъ; но къ несчастію, въ настоящую войну случилось совершенно противное (*Об.* Д.). Извѣстно, какъ оправдалъ Каменскій довѣренность Государя и высокое о себѣ мнѣніе публики. На смерть его отъ руки убійцы, 12 авг. 1809 г., написалъ стихи Жуковскій. О жестокости Каменскаго говоритъ Сегюръ въ своихъ *Mémoires*, Парижъ 1843, т. II, стр. 139 и 141.

---

138. ДѢТЯМЪ, НА КОМЕДІЮ ИХЪ И МАСКАРАДЪ [1].

1807.

Являлъ недавно сладкій сонъ
Пенея мнѣ долину злачну;
Я зрѣлъ сквозь дебрь древесъ прозрачну:
Игралъ на скрипкѣ Аполлонъ.
Вблизи его Эротовъ тьма,
Все дутики, всѣ краснощеки,

Digitized by Google

Крылаты, бѣлы, чернооки,
И Нимфъ прекрасныхъ кутерьма
Плясала подъ свирѣльми ихъ;
Всѣ обнимались другъ со другомъ,
И всѣ, рѣзвясь, вертѣлись кругомъ.
Въ восторгѣ былъ я, зря на нихъ!
Хотѣлъ, чтобъ сихъ любви божковъ,
Харитъ толь милыхъ видѣть въявѣ;
Но что? — Въ твоей простой забавѣ,
Съ семьей твоей я зрю ихъ, Львовъ!

[1] Писано въ январѣ 1807 г. для Ѳедора Петровича Львова (см. выше стр. 302). Напечат. въ изд. 1808, ч. III, стх.

139. ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА[1].

1 Прикованна цѣпьми къ утесистой скалѣ,
Огромной, каменной, досягшей тверди звѣздной,
Нахмуренной надъ бездной,
Средь яра рева волнъ, въ ночи, во тмѣ, во мглѣ,
Напасти Андромеда жертва,
По вѣтру распустя власы,
Трепещуща, блѣдна, чуть дышаща, полмертва,
Лишенная красы,
На небо тусклый взоръ вперя, ломая персты,
Себѣ ждетъ скорой смерти;
Лія потоки слезъ, въ рыданіи стенетъ
И тако вопіетъ:

2 «Ахъ! кто спасетъ несчастну?
Кто гибель отвратитъ?
Прогонитъ смерть ужасну,
Которая грозитъ?
3 «Чье мужество, чья сила,
Чрезъ мечь и крѣпкій лукъ,
Покой мнѣ возвратила
И оживила бъ духъ?
4 «Увы! мнѣ нѣтъ помоги,
Надеждъ, отрады нѣтъ;

Digitized by Google

Прогнѣвалися боги;
Скрежеща, Рокъ идетъ.
«Чудовище ... Ахъ! вскорѣ 5
Сверкнетъ зубовъ коса.
О горе мнѣ! о горе!
Избавьте, небеса!» —

Но Небеса къ ея моленію несклонны. 6
На скачущи вокругъ сѣдыя, шумны волны
Змѣями молніи летя изъ мрачныхъ тучъ,
Жгутъ воздухъ, пламенемъ горючъ,
И рдянымъ заревомъ понтъ синій обагряютъ;
За громомъ громы ударяютъ,
Освѣчивая въ тмѣ бездонну ада дверь,
Изъ коей дивій волъ, иль преисподній звѣрь
Стальночешуйчатый, крылатый,
Серпокогтистый, двурогатый,
Съ наполненнымъ зубовъ-ножей, разверзтымъ ртомъ,
Стоящимъ на хребтѣ щетиннымъ тростникомъ,
Съ горящими, какъ угль, кровавыми глазами,
Отъ коихъ по водамъ огнь стелется струями,
Между раздавшихся воспѣненныхъ валовъ,
Какъ островъ между стѣнъ, межъ синихъ льда бугровъ
Возсталъ, плыветъ, на брегъ заноситъ лапы мшисты,
Колеблетъ холмъ кремнистый
Прикосновеніемъ однимъ.
Прочь ропщущи бѣгутъ гнетомы волны имъ.

Печальная страна 7
Вокругъ молчитъ;
Изъ облаковъ луна
Чуть-чуть глядитъ,
Чуть дышатъ вѣтерки,
Чуть слышенъ стонъ
Царевниной тоски
Сквозь смертный сонъ;
Никто ей не дерзаетъ
Защитой быть:
Чудовище зіяетъ,
Идетъ сглотить.

Digitized by Google

Но внемлетъ плачъ и стонъ Зевесъ 8
Вездѣ безъ помощи несчастныхъ.
Вскрылъ вѣжди онъ очесъ
И всемогущій скиптръ судебъ всевластныхъ
Подъялъ. — И се герой
Съ Олимпа на конѣ крылатомъ,
Какъ быстро облако, блестяще златомъ,
Летитъ на долъ, на бой,
Избавить страждущую дѣву.

Уже не внемлетъ онъ его гортани реву,
Ни свисту бурныхъ крылъ, ни зареву очей,
Ни ужасу роговъ, ни остротѣ когтей,
Ни жалу, издали смертельный ядъ точащу,
Все въ трепетъ приводящу;
Но свѣтлы звѣзды какъ чрезъ сине небо рѣя,
Такъ стрѣлы быстрыя, копье стремитъ на змѣя.

Частая сѣча меча 9
Сильна могуща плеча,
Стали о плиты стуча,
Ночью блеща, какъ свѣча,
Эхо за эхами мча,
Гулы сугубитъ, звуча.

Ужъ чувствуетъ драконъ, что силъ его превыше 10
Небесна воя мочь:
Онъ становится будто тише
И удаляется коварно прочь;
Но, кольцами склубясь, вдругъ съ яростію злою,
О бездны опершись изгибистымъ хвостомъ,
До звѣздъ возставъ, какъ дубъ вѣтвистою главою,
Онъ сердце раздробить рогатымъ адскимъ лбомъ
У витязя мечтаетъ;
Бросается, — и вспять отъ молній упадаетъ
Священнаго меча,
Чуть движа по землѣ свой трупъ, въ крови влача.
Отъ воя звѣря вкругъ вздрогнули черны враны,
Шумитъ ихъ въ дебряхъ крикъ: сокрыло море раны,
Но чермна кровь его по пѣннымъ водъ буграмъ,
Какъ рдяный блескъ видна пожара по снѣгамъ.

Digitized by Google

Вздохи и стоны царевны 11
Сердца ужъ больше не жмутъ;
Трубятъ Тритоны, Сирены,
Музы и Нимфы поютъ;
Вольность поютъ Андромеды,
Храбрость Персея гласятъ;
Плескъ ихъ и звукъ про побѣды
Холмы и долы твердятъ:
«Побѣда! побѣда!
Жива Андромеда!
Живи, о Персей,
Вѣкъ славой твоей!»

Не зримъ ли образа въ Европѣ Андромеды, 12
Во Россѣ бранный духъ, Персея славны слѣды,
Въ Губителѣ мы баснь живаго саламандра[2],
Ненасытима кровью?
Во плоти божества — могуща Александра?
Полнъ милосердіемъ, къ отечеству любовью,
Онъ рекъ: «Когда еще злодѣю попущу,
Я царства моего пространна не сыщу,
И честолюбію вселенной не достанетъ.
Лети, Орелъ! да громъ мой грянетъ!» —

Грянулъ межъ Бельта заливовъ, 13
Вислы и Шпреи бреговъ:
Галлы средь жаркихъ порывовъ
Зрѣли, духъ Русскихъ каковъ!
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами, — чтите всѣ Росса!
Весело Россъ проливаетъ 14
Кровь за законъ и царя;
Страха въ бою онъ не знаетъ,
Къ нимъ лишь любовью горя.
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами, — чтите всѣ Росса!
Россъ добродѣтель и славу 15
Чтитъ лишь наградой своей,
Трудъ и походы въ забаву;
Ищетъ побѣдъ иль смертей.

Digitized by Google

Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами, — чтите всѣ Росса!
Жизнь тѣхъ прославимъ полезну, 16
Кто суть отчизны щитомъ:
Слава монарху любезну!
Слава тебѣ, Бенингсонъ!
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами, — чтите всѣ Росса!

Повѣся шлемъ на мечь[3], имъ въ землю водруженной, 17
Предъ воинства лицомъ хвалу Творцу вселенной,
Колѣно преклоня, съ простертьемъ рукъ, воспѣлъ
На мѣстѣ брани вождь: — въ Россіи громъ взгремѣлъ!

[1] Въ рукописи къ заглавію прибавлено: «Кантата на побѣду Французовъ Русскими». Пьеса написана по случаю сраженія при Прейсишъ-Эйлау, бывшаго 27 января 1807 года. Обѣ воевавшія стороны приписали себѣ побѣду. Эйлауская битва была въ свое время самою упорною и кровопролитною; Наполеонъ не пріобрѣлъ въ ней никакой существенной выгоды, потерялъ знамена, не отбивъ ни одного, и не могъ нѣсколько дней тронуться съ мѣста. Онъ стоялъ въ мнѣніи современниковъ такъ высоко, что невыигранное имъ сраженіе считали почти проиграннымъ. Потому-то извѣстіе о битвѣ при Прейсишъ-Эйлау было принято въ Петербургѣ съ восторгомъ: отбитыя французскія знамена были возимы по улицамъ кавалергардами съ музыкой; Государь пожаловалъ Бенигсену андреевскую ленту и роздалъ множество другихъ орденовъ, именно, четыремъ лицамъ болѣе, нежели за Бородинское сраженіе (Мих.-Данилевскій, *Опис. 2-й войны съ Напол.*, стр. 190 и слѣдд.). О дѣлѣ при Прейсишъ-Эйлау Вигель такъ отзывается: «Чтò ни говори Французы, сраженіе это мы выиграли, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ четырехмѣсячное послѣ него бездѣйствіе Наполеона, который не очень любилъ отдыхать на лаврахъ» (*Р. Вѣстн.* 1864, № 5, стр. 190 и 194). Какъ видно изъ тогдашнихъ газетъ, извѣстіе о прейсишъ-эйлаускомъ дѣлѣ привезъ въ Петербургъ флигель-адъютантъ Станицкій (Ставицкій?) 2-го февраля. Въ краткомъ донесеніи Бенигсена было между прочимъ сказано: «Войска прославили себя вновь знаменитою побѣдою... Непріятель совершенно разбитъ... Я не премину представить обстоятельную реляцію о сей достопамятной побѣдѣ, увѣнчавшей войска Вашего Императорскаго Величества вновь безсмертною славою на поляхъ при Прейсишъ-Эйлау.» То же было потомъ повторено и въ подробномъ донесеніи главнокомандующаго (*С-петерб. Вѣдом.* 1807 г., № 11, 18, и 23 въ *Прибавленіяхъ*). О впечатлѣніи, произведенномъ этимъ извѣстіемъ, и о вниманіи публики къ Ставицкому см. *Дневникъ чиновника* (*Отеч. Зап.* 1855, т. CI, стр. 123 — 125). Очеркъ біографіи Бенигсена въ *Русск. Архивѣ* 1868, стр. 1837 — 1860.

Въ 1802 году Княжнинъ напечаталъ мелодраму *Андромеда и Персей*.

Digitized by Google

Ода Державина появилась сперва отдѣльно, потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXXI.

² Въ Губителѣ мы баснь живаго саламандра.

Въ отдѣльномъ изданіи пьесы напечатано было: *Въ Наполеонѣ баснь* . . . ; но такъ какъ при выходѣ ея въ свѣтъ былъ уже заключенъ миръ, то стихъ измѣненъ (*Об.* Д.). *Саламандръ* — вымышленное существо въ видѣ человѣка, живущее будто бы въ огнѣ. Баснь эта существовала уже при Аристотелѣ. Державинъ не разъ прилагалъ это имя къ Наполеону; ср. выше № 137, строф. 2.

³ Повѣся шлемъ на мечъ . . .

По одержаніи побѣды Бенигсенъ воткнулъ свою шпагу въ землю, повѣсилъ на нее свою каску и, положивъ крестъ на барабанъ, приказалъ въ виду всей арміи служить благодарственный молебенъ, и во все продолженіе его стоялъ на колѣняхъ (*Об.* Д.).

---

140. ЦѢПОЧКА[1].

Посладъ я средь сего листочка 1
Изъ мелкихъ колецъ тонку нить:
Искусная сія цѣпочка
Удобна грудь твою покрыть.
Позволь съ нѣжнѣйшимъ дерзновеньемъ 2
Обнять твою ей шею вкругъ;
Захочешь, — будетъ украшеньемъ;
Не хочешь, — спрячь ее въ сундукъ.
Иной вѣдь на тебя такую 3
Наложитъ цѣпь, что, ахъ! грузна:
Обдумай мысль сію простую,
Красавица! — и будь умна.

¹ Переводъ съ нѣмецкаго, говоритъ Державинъ (*Об.*). Подлинникъ можно найти между мелкими стихотвореніями Гете, подъ заглавіемъ: «Mit einem goldenen Halskettchen» (см. Göthe's Werke въ 40 томахъ, т. I, стр. 60, и Göthe's Gedichte, erläutert von H. Viehoff, ч. I, стр. 153). При этомъ и двухъ слѣдующихъ стихотвореніяхъ находится въ рукописи отмѣтка: «въ февралѣ 1807 года.»

Цѣпочка напечатана въ изд. 1808 г., ч. III, с.

---

141. КЪ МАТЕРИ, КОТОРАЯ САМА ВОСПИТЫВАЕТЪ ДѢТЕЙ СВОИХЪ[1].

Иныхъ веселье убѣгаетъ, 1
Съ тобой оно живетъ всегда:

Digitized by Google

Гдѣ разумъ съ красотой блистаетъ,
Тамъ не скучаютъ никогда.
Являя благородны чувства, 2
Не судишь ты страстей людскихъ:
Обнявъ науки и искусства,
Воспитываешь чадъ своихъ.
Въ такомъ уединеньи скромномъ 3
Ты такъ добротами блестишь,
Какъ Ангелъ въ храмѣ благовонномъ,
Всѣмъ обожать себя велишь.

[1] Написано для альбома княгини Татьяны Васильевны Юсуповой, рожденной Энгельгардтъ (см. томъ I, стр. 162). Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, оп. Въ текстѣ этого изданія 4-й стихъ 1-го куплета читается: Не скучно тамо никогда; но онъ исправленъ въ экземплярѣ, принадлежавшемъ Державину.

---

142. Къ добродѣтельной красавицѣ [1].

Тѣлесна красота, душевна добродѣтель
Являютъ мудрому единую мѣту.
Коль зритъ у первой онъ согласіе въ чертахъ,
А правду у другой и въ мысляхъ и въ дѣлахъ:
То видитъ въ двухъ одну прямую красоту,
Иль лучше, образецъ тѣхъ вышнихъ совершенствъ,
По коимъ красоты и благости Содѣтель,
Для наслажденія блаженствъ
И плоти и духовъ,
Образовалъ боговъ.
Они красотъ и благъ прямыхъ другъ въ другѣ зрѣньемъ
И вѣчнымъ ихъ собой взаимнымъ наслажденьемъ
Произвели любовь.
Сіи же существа, прекрасныя, благія,
Коль суть не вымыслы и не мечты пустыя:
То ужъ конечно ты
Одна изъ Геніевъ, иль ангельскихъ міровъ,
Таланты чьи, дѣла, умъ, тѣла красоты
Приводятъ духъ въ восторгъ, во нѣжны чувства кровь
И въ философію и въ старость льютъ любовь.

Digitized by Google

[1] Подъ этимъ названіемъ должно разумѣть, вѣроятно, графиню Екат. Вас. Скавронскую, во второмъ бракѣ Литта (см. о ней выше стр. 124). Ср. въ томѣ III четырестишіе *Къ портрету прекрасной и добродѣтельной женщины*. Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, ciii.

---

143. СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА[1].

I.

Соломонъ (*одинъ*).

Зима ужъ миновала, 1
Ни дождь, ни снѣгъ нейдетъ;
Земля зеленой стала,
Синь воздухъ, лугъ цвѣтетъ.

Все взглядъ веселый мещетъ, 2
Жизнь новую все пьетъ;
Ливанъ по кедрамъ блещетъ,
На листьяхъ липы медъ.

Птицъ нѣжныхъ воздыханье 3
Несется сквозь листовъ;
Любовь ихъ, лобызанье
Вьетъ гнѣзда для птенцовъ.

Шиповый запахъ съ луга 4
Дыхаетъ ночь и день:
Приди ко мнѣ, подруга,
Подъ благовонну тѣнь!

Приди плѣниться пѣньемъ 5
Небесъ, лѣсовъ, полей,
Да слухомъ и видѣньемъ
Вкушу красы твоей.

О! коль мнѣ твой пріятный 6
Любезенъ тихій видъ,
А паче, ароматный
Какъ вздохъ ко мнѣ летитъ.

II.

ИХЪ ПЕРЕКЛИКЪ.

Суламита.

Скажи, о другъ души моей! 7
Подъ коей миртой ты витаешь?

Digitized by Google

Какой забавитъ соловей?
Гдѣ кедръ, подъ коимъ почиваешь?

Соломонъ.

Когда не знаешь ты сего, 8
Пастушка милая, — овечекъ
Гони ты стада твоего
На дворъ, что въ рощѣ между рѣчекъ.

Суламита.

Скажи, какой изъ всѣхъ цвѣтовъ 9
Тебѣ прекраснѣй, благовоннѣй,
Чтобъ не искать межъ пастуховъ
Тебя, — и ты бъ былъ мной довольнѣй.

Соломонъ.

Какъ въ домъ войдешь, во всѣхъ восторгъ 10
Вдохнешь ты тамъ своей красою;
Введетъ царь дѣву въ свой чертогъ,
Украситъ ризой золотою.

Суламита.

Мнѣ всякій домъ безъ друга пустъ. 11
Мой другъ прекрасенъ, младъ, умиленъ:
Какъ на грудяхъ онъ розы кустъ;
Какъ виноградъ, онъ крѣпокъ, силенъ.

Соломонъ.

Моей младой подруги видъ 12
Всѣхъ возвышеннѣй женъ, прекраснѣй.

Суламита.

Какъ горликъ, на меня онъ зритъ, — 13
Въ самой невинности всѣхъ страстнѣй.

Соломонъ.

Она мила, тѣнистый верхъ 14
И кедръ на брачный одръ къ намъ клонитъ.

Суламита.

Онъ милъ, — и намъ любовь готовитъ 15
Въ травѣ душистой тьму утѣхъ.

III.

Суламита (*одна*).

Сколь милый мой прекрасенъ! 16
Тамъ, тамъ вонъ ходитъ онъ:

Digitized by Google

Лицомъ — какъ мѣсяцъ ясенъ;
Челомъ — въ заряхъ Сіонъ.
Съ главы его струятся
Волнъ желтые власы;
Съ вѣнца, какъ съ солнца, зрятся
Блистающи красы.

Сколь милый мой прекрасенъ! 17
Взоръ тихъ, какъ голубинъ;
Какъ арфа, доброгласенъ;
Какъ огнь уста; какъ кринъ,
Цвѣтутъ въ ланитахъ розы;
Пріятности въ чертахъ,
Какъ май, прогнавъ морозы,
Смѣются на холмахъ.

Сколь милый мой прекрасенъ! 18
Тимпана звучный громъ
Какъ съ гуслями согласенъ,
Такъ онъ со мной во всемъ.
Но гдѣ мой другъ любезный?
Гдѣ сердца моего
Супругъ? Внявъ гласъ мой слезный,
Сыщите мнѣ его.

Сколь милый мой прекрасенъ! 19
Пошелъ онъ въ садъ цвѣтовъ.
Но вечеръ ужъ ненастенъ,
Рветъ розы, знать, съ кустовъ.
Ахъ! нѣтъ со мной, — ищите,
Всѣ кличьте вы его,
Мнѣ душу возвратите;
Умру я безъ него.

IV.

Соломонъ и Суламита (*вмѣстѣ*).

Положимъ на души печать, 20
Въ сердцахъ союзомъ утвердимся;
Другъ друга будемъ обожать;
Въ любви своей не премѣнимся.

Digitized by Google

Хоръ дѣвъ.

Любовь сердцамъ 21
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (*вмѣстѣ*).

Лишь ревность намъ страшна, ужасна, 22
Какъ пламя яро ада мрачна.

Хоръ.

Любовь сердцамъ 23
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (*вмѣстѣ*).

Вода не можетъ угасить 24
Взаимна пламени любови;
Имѣніемъ нельзя купить
Волненья сладостнаго крови.

Хоръ.

Любовь сердцамъ 25
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (*вмѣстѣ*).

Лишь ревность намъ страшна, ужасна, 26
Какъ пламя яро ада мрачна.

Хоръ.

Любовь сердцамъ 27
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

[1] Заимствовано изъ *Пѣсни пѣсней* и въ рукописи названо *Кантатой.* «Суламита» по-еврейски значитъ миролюбивая (по другому толкованію — совершенство). Въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Вольтера (изд. Beuchot) оно несправедливо объяснено словомъ невѣста. Мѣсто *Пѣсни пѣсней* (VI, 12, и VII, 1), гдѣ употреблено это имя, читается такъ въ славянской библіи: «Обратися, обратися, Суламитино, обратися, обра-

Digitized by Google

тися, и узримъ въ тебѣ. Что увидите у Суламитины, приходящія яко лики полковъ?» Между сочиненіями, въ которыхъ разработанъ предметъ *Пѣсни пѣсней*, не слѣдуетъ забывать книгу Гердера: Salomon's Lieder der Liebe (1778): см. его Sämmtliche Werke, Stuttg. u. Tüb. 1827, ч. IV. Этотъ сюжетъ находимъ не разъ у писателей прежняго времени, между прочимъ у Вольтера «Précis du cantique des cantiques», гдѣ женихъ названъ еврейскимъ же словомъ «Chaton» (Oeuvres de Voltaire, éd. Beuchot, т. XII, стр. 227).

Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, CIV.

---

144. НА ВЫСТУПЛЕНІЕ КОРПУСА ГВАРДІИ ВЪ ПОХОДЪ [1].

Громовая стрѣла, 1
Лучъ молньи быстропарной,
Подобіе орла —
О духъ Россіи бранной!
Простряся быстрыми крылами
Средь мразовъ, бурь, между снѣгами,
Лети предъ строемъ Александра,
Лети — и грянь на саламандра;
Греми, рази ехиднъ 2
Илектра на волнахъ [2];
Освободи Берлинъ,
Лежащій во зміяхъ,
Обвившихъ вкругъ его все тѣло.
Твое, тебя достойно дѣло —
Плесть лавръ себѣ изъ новой славы,
Къ улыбкѣ витязя Полтавы.
Такъ Петръ тронъ прусскій взнесъ 3
И царствъ въ чреду поставилъ;
Знакъ перстомъ далъ съ небесъ,
Праправнукъ чтобъ избавилъ
Отъ жрущаго его дракона,
Открылъ въ немъ образъ Лаокона [3],
Но спасшагось стрѣлами Феба,
О Россъ! будь громъ, падущій съ неба!
Ступай и побѣди 4
Никѣмъ непобѣдимыхъ;
Обратно не ходи
Безъ звѣздъ, на персяхъ зримыхъ.

Digitized by Google

Безъ звѣздъ, на персяхъ зримыхъ.
Ты храбрыхъ цвѣтъ, могущъ, прекрасенъ,
Быть долженъ славой міру гласенъ,
Что чтишь друзей своихъ союзы,
Полкъ Александра — щитъ Медузы.

[1] Какъ означено въ заглавіи рукописнаго текста, гвардія выступала въ заграничный походъ противъ Французовъ отъ 13-го до 17-го февраля 1807 года. «Близъ Юрбурга императоръ Александръ въ концѣ марта представлялъ прусскому королю гвардію свою. Отборное войско сіе шло при трескучихъ морозахъ самыми усиленными маршами; дневки бывали послѣ пяти или шести переходовъ ... Общее желаніе всѣхъ чиновъ гвардіи помѣряться съ Французами и тѣлесныя силы людей и лошадей превозмогали трудности похода ... Послѣ смотра монарховъ гвардія пошла изъ Юрбурга на соединеніе съ арміею» (Михайловскаго-Данилевскаго *Описаніе второй войны съ Наполеономъ*, Спб. 1846, стр. 253). Въ «Дневникѣ чиновника» (*Отеч. Зап.* 1855, т. CI, стр. 132) читаемъ: «9 февраля, суббота. Сегодняшній литературный вечеръ у Гаврила Романовича начался чтеніемъ стиховъ его на выступленіе въ походъ гвардіи». На эти стихи А. Писаревъ написалъ отвѣтъ, помѣщенный въ *Вѣстникѣ Европы* 1807 г. (ч. XXXIII, № 12, стр. 276).

Напечат. сперва отдѣльно, потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXXII.

[2] Илектра на волнахъ.

ἤλεκτρον — янтарь: Балтійское море у береговъ Пруссіи.

[3] Открылъ въ немъ образъ Лаокона.

Подъ Лаокооном здѣсь разумѣется Берлинъ, подъ Фебомъ — Александръ I (*Об.* Д.).

---

145. Молитва по отъѣздѣ въ армію Александра I 1807 года марта 16 дня[1].

Господи! возсылаютъ 1
Къ Тебѣ свои мольбы, —
Взоръ, длани простираютъ
Смиренные рабы:
Взгляни сквозь страшны бездны
Съ высотъ Твоихъ святыхъ
На вздохи, токи слезны,
На огнь ѳимьямовъ ихъ.
Взгляни и виждь: Россія,
Тьмой душъ, какъ звѣздъ, горя

Digitized by Google

Средь тверди голубыя,
Гласитъ: Спаси Царя!
   Храни его на брани, 2
Покой въ пути, паси;
Твои незримы длани
Вездѣ надъ нимъ носи,
Будь твердый щитъ отъ злобы.
Ты зришь, сколь врагъ его
Геройскихъ душъ свелъ въ гробы
Средь звѣрства своего:
Тамъ мать лишилась сына,
Тамъ братъ палъ смерти въ долъ,
Четы здѣсь половина —
И Ты, Творецъ, доколь....
   Доколѣ токи крови 3
Велишь намъ, грѣшнымъ, лить?
Богъ благости, любови
Жестокъ не можетъ быть:
Престани же отъ гнѣва,
Ревъ бури усмири;
Хлябь алчную Эрева
Перунами запри;
Ударь! — и съ крылъ Зефира
Снесется тихій день:
Благоуханну мира
Дастъ Александръ намъ сѣнь.

[1] «Желая лично удостовѣриться въ положеніи дѣлъ на театрѣ войны, обозрѣть храброе свое войско и оживить слабѣвшій духъ прусскаго двора, императоръ Александръ отправился 16-го марта изъ Петербурга въ армію чрезъ Ригу и Митаву. Его сопровождали оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Будбергъ и генералъ-адъютанты графъ Ливенъ и князь Волконскій. Въ Полангенѣ, 24-го марта, Императоръ былъ встрѣченъ прусскимъ королемъ» (*Опис. 2-ой войны* и проч., стр. 249). Эти стихи тогда же были напечатаны отдѣльно, положены на музыку Нейкомомъ и пѣты въ филармоническомъ обществѣ придворными пѣвчими. Напечат. въ изд. 1808 г. ч. II, LXXIV, подъ заглавіемъ: *Молитва по Высочайшемъ отсутствіи въ армію Его Императорскаго Величества.*

Digitized by Google

146. МОИ ГРАЦИИ[1].

Се дѣвы милыя, что̀ мой склоняють духъ 1
Къ себѣ умомъ, красой и сердца воспитаньемъ;
Любя ихъ каждую, равно всѣхъ любишь вдругъ
Подъ добродѣтели святымъ сіяньемъ.
Важна и весела улыбкой та своей, 2
Другая кроткихъ чувствъ и въ робости любима,
Плѣняетъ третія огнемъ своихъ очей:
Отъ ангеловъ стрѣла неизбѣжима.
Златое яблоко прекраснѣйшей изъ нихъ 3
Бывъ долженъ подарить, я бъ раздѣлилъ на части,
Иль старшая возьми: увѣренъ, что однихъ
Ревнивыхъ склоненъ духъ отмщенья къ страсти.
Взоръ Лизы, какъ эѳиръ: свѣтла ея душа. 4
Взоръ Вѣры, Паши черенъ, какъ скромна ночь съ звѣздами.
Амуръ и Гименей! бѣгите къ нимъ спѣша:
Пріятности вовѣкъ жить будутъ съ вами.

[1] Написано въ Свѣтлое воскресенье и послано вмѣсто краснаго яичка племянницамъ поэта: Елисаветѣ, Вѣрѣ и Прасковьѣ Львовымъ (см. выше стр. 290. и слѣд.). Напечатано въ изд. 1808 г., ч. III, cxi.

---

147. БЛАЖЕНСТВО СУПРУГИ[1].

Блаженна та жена, которая, изъ круга 1
Уклоншись роскоши, какъ бы звѣзда въ тѣни,
Въ содружествѣ сестры, въ объятіи супруга
Проводитъ въ тишинѣ благословенны дни!
Подъ сѣверомъ сѣдымъ ни мразъ, ни вихрь, ни вьюга 2
Не ужасаютъ ихъ; но, лиліямъ они
Подобно сплетшимся среди тѣниста луга,
Лишь непорочности своей цвѣтутъ въ сѣни.
Не въ силахъ возмутить спокойства ихъ шумъ града, 3
Ни прихоти богатствъ, ни зависть, ни досада;
Но, бывъ довольными они своей судьбой,
Не ищутъ на землѣ благъ рая, Альдорада[2]; 4
Но совѣсть чистая и Небо имъ награда.
Почтенная Стейнбокъ! ты зришь здѣсь образъ свой.

Digitized by Google

[1] Написано для графини Стейнбокъ, урожденной Дьяковой (см. выше стр. 384), и помѣщено въ альбомѣ графини Спренгпортенъ *. Въ рукописи заглавіе: *Сонетъ*. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. III, схп.

[2] . . . Альдорада.

Правильнѣе *Эльдорадо* (испанское слово el Dorado = золотой, т. е. край), баснословная страна въ южной Америкѣ, куда уже съ шестнадцатаго столѣтія отправлялись искатели приключеній, — «государство», говоритъ Державинъ (*Об.*), «о коемъ пишетъ Вольтеръ въ сказкѣ своей Кандидѣ».

* Баронъ, впослѣдствіи графъ Спренгпортенъ (Göran Magnus Sprengporten), шведъ финскаго происхожденія, перешелъ въ русскую службу во время войны 1788 г., былъ въ 1808 г. финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и умеръ въ 1819. Онъ всегда мечталъ о составленіи изъ Финляндіи независимаго великаго княжества подъ гарантіею Россіи и Швеціи. Женатъ былъ на дѣвицѣ Глансеншерна (Svenskt biografiskt Lexikon).

---

148. ЕВГЕНІЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ [1].

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей, 1
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
Не ищетъ при дворѣ ни злата, ни честей,
И чуждъ суетъ разнообразныхъ!

Зачѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть, 2
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, сиренъ подъ власть
И предъ вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что̀ съ вольностью златой, 3
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ — дней въ останкѣ.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ: 4
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ [2]
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши въ ней, 5
Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала [3]!

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ, 6
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще;

Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще.
Иль, накормя моихъ пшеницей голубей, 7
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги;
Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ, 8
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашковъ въ воздухѣ[4], въ кустахъ свистъ соловьевъ,
Ревъ кравъ, громъ желнъ и коней ржанье.
На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточка, — и паръ 9
Повѣетъ съ дома мнѣ манжурской иль левантской,
Иду за круглый столъ: и тутъ-то растобаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьянской,
О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей, 10
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лицы,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасъ мо́ей свѣтлицы, —
Въ которой поутру, иль въ вечеру, порой 11
Дивлюся въ Вѣстникѣ, въ газетахъ иль журналахъ,
Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
Гдѣ есть Суво́ровъ въ генералахъ;
Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей, 12
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ и кружевъ и вязани[5];
Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ[a], 13
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю злато подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
Сребро, трепещуще лещами;
Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ 14
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,
А тѣмъ лѣкарствица въ подспорье[6];
Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ, 15
Усастый староста, иль скопидомъ брюхатый
Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой; —
И гдѣ, случается, художники млады 16

Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;
И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ, 17
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы, въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.
Оттуда прихожу въ святилище я Музъ, 18
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль къ небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;
Иль въ зеркало временъ, качая головой, 19
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ, — и драки человѣковъ.
«Все суета сутъ!» я, воздыхая, мню; 20
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна:
«О, коль прекрасенъ міръ! Чтожъ духъ мой бременю?
Творцомъ содержится вселенна.
Да будетъ на земли и въ небесахъ Его 21
Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего
И строится моя Имъ доля.»
Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей 22
Сбираются ко мнѣ, не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки[6].
Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ 23
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ,
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ большихъ,
Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.
Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ[5]; 24
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ, — и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ:
Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ, 25
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ[7]
Тамъ щука пестрая — прекрасны!

Digitized by Google

Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ, 26
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравой.

Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ, 27
И липца, воронка[8] и чернопѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ, —
Бесѣда за сластьми шутлива.

Но молча вдругъ встаемъ: — бьетъ, искрами горя, 28
Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ бревенъ[9]:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
Царицъ, царевичей, царевенъ.

Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ; 29
Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными играми.

Иль изъ кристальныхъ водъ, купаленъ, между древъ, 30
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ,
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ.

Иль въ стекла оптики картинныя мѣста 31
Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ грады, царства,
Моря, лѣса, — лежитъ вся міра красота
Въ глазахъ, искусствъ чрезъ коварства;

Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь, звѣзды зря 32
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ стремленью:
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, текутъ, горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льетъ 33
И, движа машину, древа на доски дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ;
Клокоча, огнь толчетъ и мелетъ.

Иль любопытны, какъ бумажны руны волнъ 34
Въ лотки сквозь игль, колесъ, подобно снѣгу льются
Въ пушистыхъ локонахъ, и тьмы вдругъ веретенъ
Маріиной рукой прядутся[10].

Иль какъ на ленъ, на шелкъ цвѣтъ, пестрота и лоскъ, 35
Всѣ прелести, красы, берутся съ поль царицы[11];
Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ

Куется въ бердыши милицы [12],
И сельски ратники какъ, царства ставъ щитомъ, 36
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убранствѣ,
«За Вѣру, за Царя, мы», говорятъ, «помремъ,
Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ [13]!»
Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по брегу пѣшъ, верхомъ, 37
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей.
Иль стоя внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ, 38
Какъ дернъ бугритъ соха, злакъ травъ падетъ косами,
Серпами злато нивъ, — и ароматовъ полнъ
Порхаетъ вѣтръ межъ нимфъ рядами.
Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь 39
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю ступень
Къ холмамъ и рощамъ синетемнымъ.
Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь; 40
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день
И пьемъ подъ небомъ чай душистый.
Забавно, въ тьмѣ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки, 41
Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ [14];
Какъ парусы суда, и лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣснью духомъ.
Прекрасно, тихіе, отлогіе брега 42
И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны
Какъ, полосаты ихъ клоня поля, луга,
Стоятъ надъ токомъ струй безмолвны.
Пріятно, какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы, 43
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамитъ народа,
Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ полосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода.
Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ, 44
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ,
Звучитъ музыка духовая.
Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ ревётъ; 45
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами

Digitized by Google

Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.

Но скучитъ какъ сія забава сельска намъ, 46
Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ,
Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
Блистать, музыкой, пляской, пѣньемъ.

Амурчиковъ, харитъ плетень, иль хороводъ, 47
Занявъ у Таліи игру и Терпсихоры,
Цвѣточные вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ;
А мы на нихъ и пялимъ взоры.

Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ, 48
Здѣсь тихогрома[15] съ струнъ смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ, — и въ естествѣ согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы.

Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ, — 49
На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусь въ мечтахъ умильныхъ;

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ[16]? 50
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Ахъ! гдѣ жъ, ищу я вкругъ, минувшій красный день? 51
Побѣды, слава гдѣ, лучи Екатерины?
Гдѣ Павловы дѣла? — Сокрылось солнце, — тѣнь! ...
Кто вѣсть и впредь полетъ орлиный?

Видъ лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ: 52
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подъ нимъ въ спокойствѣ человѣкъ,
Но мещетъ днесь и онъ перуны[17].

Умолкнутъ ли они? — Сіе лишь знаетъ Тотъ, 53
Который къ одному концу всѣ правитъ сферы;
Онъ перстомъ ихъ Своимъ, какъ строй какой ведетъ,
Ко благу общему склоняя мѣры.

Онъ корни помысловъ, Онъ зритъ полетъ всѣхъ мечтъ 54
И поглумляется безумству человѣковъ:
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ
И днешнихъ и грядущихъ вѣковъ.

Грудь Россовъ утвердилъ, какъ стѣну, онъ въ отпоръ 55

Digitized by Google

Темиру новому подъ Пультускомъ, Прейсшъ-лау;
Младыхъ вождей расцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
А скрылъ Орла сѣдаго славу [18].
Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ нощей. 56
Что жизнь ничтожная? моя скудельна лира?
Увы! и даже прахъ спахнетъ съ моихъ костей
Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.
Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ [19], 57
Не воспомянется нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дуплъ огнезеленый взглядъ
И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.
Иль нѣтъ, Евгеній! ты, бывъ нѣкогда монхъ 58
Свидѣтель пѣсенъ здѣсь, взойдешь на холмъ [20] тотъ странный,
Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ
Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный,
Отъ коего, какъ громъ катается надъ нимъ, 59
Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ и збруи мѣдной гулы
Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
Въ лѣсахъ, трясясь, звучатъ стрѣлъ тулы.
Такъ, развѣ ты, отецъ, святымъ твоимъ жезломъ 60
Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны,
И свитыхъ вкругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
Прогонишь — блѣдну зависть — въ бездны;
Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней, 61
На возвышеніе, на пониженье счастья,
Единой правдою меня въ умахъ людей
Чрезъ Кліи воскресишь [a] согласья [21].
Такъ, въ мракѣ вѣчности она своей трубой 62
Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзывы
Отъ лиры моея шумящею рѣкой
Неслись чрезъ холмы, долы, нивы.
Ты слышалъ ихъ — и ты, будя твоимъ перомъ [b] 63
Потомковъ отъ сна, близъ сѣвера столицы,
Шепнешь въ слухъ страннику, вдали какъ тихій громъ:
«Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы.»

[a] Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птичень и прудовъ (1807).
[b] А тѣмъ лѣкарственно снадобье.
... по биркамъ, по костямъ.
(поправлено рукой Державина въ изданіи 1808 г.).

Digitized by Google

[в] ... рабы запыхавшись бѣгутъ (1807).
[г] ... сокъ, искрами горя,
Бьетъ сладкихъ русскихъ древъ до ...
[д] Предъ мной искусствъ ...
[е] Сталь жесткая, какъ мягкій ...
[ж] ... жней ...
[з] Чрезъ Кліи возгласишь согласья.
[и] ... и ты, твоимъ перомъ
Будя потомковъ сонъ ...

---

[1] Евгеній Болховитиновъ, извѣстный особенно своими двумя словарями русскихъ писателей, былъ назначенъ въ январѣ 1804 года епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новгородскимъ, и занималъ эту должность до января 1808 г., когда его перевели въ вологодскую епархію. Живя въ продолженіе этого времени въ Хутынскомъ монастырѣ, онъ сблизился съ Державинымъ, проводившимъ лѣтніе мѣсяцы на Званкѣ, въ 60-ти верстахъ оттуда (подробности ихъ сближенія см. въ *Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и слов.*, т. V, вып. 1, «Переписка Евгенія съ Державинымъ»; о Званкѣ см. въ настоящемъ томѣ стр. 121). Евгеній бывалъ здѣсь у поэта: извѣстно особенно одно его посѣщеніе, — именно въ 1807 году, — въ память котораго былъ нарисованъ акварелью видъ Званки, величиною въ полъ-листа большаго формата: это работа служившаго при Державинѣ секретаремъ Абрамова (томъ I, стр. 290), который былъ на всѣ руки, готовилъ празднества, фейерверки, а въ случаѣ надобности исправлялъ также должность архитектора и живописца. Подлинный рисунокъ принадлежитъ нынѣ Кіевской Духовной семинаріи, обязательно доставившей его во II-е отдѣленіе Академіи Наукъ. Гравюра съ него была приложена еще въ 1810 году къ *Вѣстнику Европы* (№ 2). Копію съ этого самаго рисунка видѣлъ С. Т. Аксаковъ 1809 г. въ кабинетѣ Дмитрія Борисовича Мертваго, надъ письменнымъ его столомъ, но стихи были безъ подписи, и онъ не зналъ, чьи они (*Русс. Вѣстн.* 1857, № 5, стр. 129).

На оборотѣ подлиннаго рисунка помѣщены слѣдующіе стихи, подписанные своеручно Державинымъ и помѣченные 22 іюля 1807 г.:

На память твоего, Евгеній, посѣщенья
Усадьбы маленькой изображенъ здѣсь видъ.
Горацій какъ бывалъ Меценомъ въ восхищеньи,
Такъ былъ обрадованъ тобой мурза-піитъ.

Подъ этими стихами Евгеній написалъ:

«Средь сихъ болотъ и ржавинъ *)
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ
Безсмертны пѣсни повторялъ
Безсмертный нашъ пѣвецъ Державинъ.»

* *Ржавина* — то же, что *ржавецъ*, — топкое мѣсто, содержащее въ себѣ желѣзную руду. — Въ статьѣ С. Аксакова въ *Р. Вѣст.* этотъ стихъ читается: «Средь сихъ лѣсовъ, болотъ и ржавинъ», но въ автографѣ Евгенія нѣтъ слова *лѣсовъ*.

Digitized by Google

Въ объясненіе этихъ стиховъ прибавимъ со словъ Державина (*Об.*), что Евгеній, бывая на Званкѣ, любилъ слушать эхо отъ пушечныхъ выстрѣловъ, которые нѣсколько разъ отдавались по лѣсамъ волховскихъ береговъ.

Берега Волхова отъ Новгорода вообще низки и ровны; но на мѣстѣ Званки земля подымается довольно круто длиннымъ, овальнымъ холмомъ. Посрединѣ его возвышалась усадьба; фасадъ ея къ рѣкѣ былъ украшенъ балкономъ на столбахъ и каменною лѣстницей, передъ которою билъ фонтанъ; снизу по уступамъ холма былъ устроенъ покойный всходъ. Теперь ничего этого уже нѣтъ: видны только остатки крыльца; на мѣстѣ же самаго дома лежатъ разбросанные кирпичи и сложена груда камней. Причины разрушенія его объяснены нами въ статьѣ: *Званка и могила Державина* въ *Соврем. Лѣтописи* 1863, № 33. Уцѣлѣли только немногія строенія, какъ-то: баня, каретный сарай и часовня. Все здѣсь тихо, пустынно, мрачно; а было время, когда на этомъ мѣстѣ кипѣла жизнь привольная и шумная. По примѣру Горація, который въ своихъ стихахъ часто упоминаетъ о своей виллѣ (Н. М. Благовѣщенскаго *Горацій и его время*, гл. VI), Державину вздумалось описать весь свой бытъ на Званкѣ, и онъ посвятилъ это описаніе Евгенію, какъ своему доброму сосѣду и усердному почитателю. Въ черновой, испещренной поправками рукописи оно отнесено къ маю мѣсяцу. Первоначально заглавіе было: Жизнь на Званкѣ; потомъ предполагалось: Жизнь моя на Званкѣ, или еще иначе Картина жизни званской. Посвященіе Евгенію приписано уже послѣ всего. — Евгеній род. 1767 г. въ Воронежѣ, ум. 1837 въ Кіевѣ (см. его біографію передъ Словаремъ свѣтскихъ писателей). По сюжету, приближается къ этому стихотворенію *Похвала сельской жизни* (см. выше, стр. 102)

Напечат. въ *Вѣстникѣ Европы* за августъ 1807 г. (ч. XXXIV, № 16, стр. 268), съ означеніемъ при заглавіи года и мая мѣсяца; потомъ въ изд. 1808, ч. II, LXXVII.

[2] ... красотъ позоръ,

т. е. позорище, зрѣлище (ср. томъ I, стр. 438, прим. 3.).

[3] И честолюбія избѣгъ отъ жала.

Съ октября 1803 года Державинъ былъ въ отставкѣ.

[4] Барашковъ въ воздухѣ *и проч.*

т. е. бакасовъ, которые кричатъ какъ барашки; *желна* — родъ дятла; поэтъ разумѣетъ шумъ, который далеко отдается, когда онѣ долбятъ клювомъ деревья. *Паръ манджурскій* и *левантскій* — чай и кофе (*Об.* Д.).

[5] Ковровъ и кружевъ и вязани.

На Званкѣ были небольшія фабрики: суконная и ковровая. — Упомянутый въ предыдущемъ куплетѣ Вѣстникъ есть *Вѣстникъ Европы*, въ которомъ, какъ читатели могли видѣть, нашъ поэтъ часто помѣщалъ стихи свои.

[6] Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.

Мѣстныя преданія подтверждаютъ эту черту въ сельской жизни Державина. Помнящіе его крестьяне говорятъ, что онъ былъ для нихъ ис-

Digitized by Google

тиннымъ отцомъ: бѣднымъ покупалъ лошадей, коровъ, давалъ хлѣбъ и строилъ дома. Онъ вставалъ въ 6 часовъ утра, выходилъ на крыльцо, гдѣ его каждое утро ожидали до 30-ти человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ, садился среди ихъ, заставлялъ читать молитвы и раздавалъ имъ разныя сласти (слышано отъ священника сельца Званки).

[7] ... и съ голубымъ перомъ *и проч.*

И. И. Дмитріевъ въ Запискахъ своихъ (*Взглядъ на мою жизнь*, стр. 56) разсказываетъ о Державинѣ: «Въ другой разъ замѣтилъ я, что онъ за обѣдомъ своимъ смотритъ на разварную щуку и что-то шепчетъ; спрашиваю тому причину. «А вотъ я думаю», сказалъ онъ, «что еслибы случилось мнѣ приглашать въ стихахъ кого-нибудь къ обѣду, то при исчисленіи блюдъ, какими хозяинъ намѣренъ потчевать, можно бы сказать, что будетъ *и щука съ голубымъ перомъ.*» За тѣмъ Дмитріевъ ошибается, прибавляя: «И мы чрезъ годъ или два услышали этотъ стихъ въ его посланіи къ князю А. А. Безбородкѣ» (онъ разумѣетъ *Приглашеніе къ обѣду*, томъ I, стр. 462). Нѣтъ, тамъ замѣчателенъ другой стихъ въ этомъ же родѣ: *Шекснинска стерлядь золотая.* Дмитріевъ смѣшалъ эти два выраженія. — Съ *янтаремъ* сравнена, по объясненію Державина «выпускная желтая икра.»

[8] И липца, воронка ...

Липецъ — медъ, на подобіе вина приготовленный, желтаго цвѣта; воронокъ — тоже медъ, но черный, съ воскомъ вареный (*Об.* Д.).

[9] Древъ русскихъ сладкій сокъ ...

Березовый или яблочный сокъ, приготовляемый въ видѣ шампанскаго (*Об.* Д.).

[10] Маріиной рукой прядутся.

«Императрица Марія Ѳеодоровна выписала изъ Англіи прядильную машину, на которой одинъ человѣкъ болѣе нежели на сто веретенахъ можетъ прясть» (*Об.* Д.). Подобныя машины дѣлались послѣ на Александровской мануфактурѣ.

[11] ... берутся съ поль царицы.

Здѣсь разумѣется красильня, гдѣ красятъ шелкъ, шерсть, ленъ и бумагу травяными красками, сбираемыми съ царицы полей, т. е. Флоры (*Об.* Д.).

[12] Куется въ бердыши милицы.

«Въ сіе время, по повелѣнію императора Александра, была набираема милиція для защищенія границъ отъ Французовъ» (*Об.* Д.).

[13] Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ.

Надобно вспомнить ненавистное значеніе, какое тогда простой народъ въ Россіи уже соединялъ съ именемъ Французовъ.

[14] Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ.

Рыбная ловля, называемая *колотомъ*: нѣсколько десятковъ маленькихъ лодочекъ медленно движутся; въ каждой по два человѣка; опустивъ въ воду сѣтки, стучатъ палками объ лодки; испуганная рыба мечется и попадаетъ въ сѣтки (*Об.* Д.).

Digitized by Google

[15] Здѣсь тихогрома ...

Тихогромъ — буквальный переводъ слова piano-forte. Ср. подъ 1809 г., въ слѣдующемъ томѣ, *Цѣленіе Саула.*

[16] Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ.

Этотъ стихъ послужилъ Пушкину эпиграфомъ къ стихотворенію *Осень* (*Соч. Пушкина*, изд. Анненк., ч. II, стр. 517 и 541).

[17] Но мещетъ днесь и онъ перуны.

«Императоръ Александръ былъ кроткаго духа и съ мирнымъ расположеніемъ, но заведенъ былъ окружающими его въ весьма непріятныя военныя дѣла» (*Об.* Д.). Замѣчательное воззрѣніе на войны Александра I, вѣроятно распространенное между Русскими въ 1809 и 1810 г., когда писались *Объясненія*, откуда выписаны эти строки.

[18] А скрылъ Орла сѣдаго славу.

Назначенный главнокомандующимъ престарѣлый Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, вскорѣ по прибытіи на театръ войны въ Польшу, сложилъ съ себя начальство и уѣхалъ въ Россію (ср. выше стр. 387). Тогда Бенигсенъ принялъ команду и отразилъ непріятеля при Пултускѣ. О сраженіи при Прейсишъ-Эйлау см. примѣч. 1 къ пьесѣ *Персей и Андромеда* (стр. 393).

[19] Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ, *и проч.*

Ранѣе чѣмъ, вѣроятно, предполагалъ самъ поэтъ, исполнилось это предсказаніе (см. выше, стр. 412); но имя Званки не забыто: оно извѣстно всякому образованному Русскому. Единственный обитаемый нынѣ домъ на Званкѣ, это — скромное жилище священника; красивая здѣшняя церковь, заложенная еще при Державинѣ, окончена и освящена въ 1839 году. — Весь 57-й куплетъ, какъ и нѣкоторые другіе, написанъ уже при одной изъ позднѣйшихъ редакцій пьесы.

[20] ... взойдетъ на холмъ.

Близъ дома Державина въ саду былъ холмъ, или курганъ, на которомъ поэтъ часто сиживалъ. Въ этихъ стихахъ онъ воспользовался сказкой, будто одинъ новгородскій вождь былъ волхвъ, отъ котораго и рѣка получила названіе (ср. подъ 1813 г., въ слѣдующемъ томѣ, стихотвореніе *Новгородскій волхвъ Злогоръ*).

[21] Чрезъ Кліи воскресишь согласья.

Державину были извѣстны историко-литературные труды Евгенія. Составленныя имъ біографіи писателей, въ томъ числѣ и самого Державина, печатались въ *Другѣ Просвѣщенія* еще въ 1806 году.

---

149. ПРИЗНАНІЕ [1].

Не умѣлъ я притворяться,
На святаго походить,
Важнымъ саномъ надуваться

И философа брать видъ;
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ:
Умъ и сердце человѣчье
Были геніемъ моимъ.
Если я блисталъ восторгомъ[a],
Съ струнъ моихъ огонь летѣлъ, —
Не собой блисталъ я, Богомъ:
Внѣ себя я Бога пѣлъ.
Если звуки посвящались
Лиры моея царямъ, —
Добродѣтельми казались
Мнѣ они равны богамъ.
Если за побѣды громки
Я вѣнцы сплеталъ вождямъ, —
Думалъ перелить въ потомки
Души ихъ и ихъ дѣтямъ.
Если гдѣ вельможамъ властнымъ
Смѣлъ я правду брякнуть въ слухъ, —
Мнилъ быть сердцемъ безпристрастнымъ
Имъ, царю, отчизнѣ другъ.
Если жъ я и суетою
Самъ былъ свѣта обольщенъ, —
Признаюся, красотою
Бывъ плѣненнымъ, пѣлъ и женъ.
Словомъ: жегъ любви коль пламень,
Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ, —
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ.

[a] Если былъ плѣненъ восторгомъ,
Зря на міръ сей, небеса, —
Духъ гремѣлъ на лирѣ Богомъ,
Чтилъ Его я чудеса.
Если прелестями міра
Чувства льстилися, мечтой, —
Славила Фелицу лира,
Хлоръ благоухался мной,
И любви позналъ я пламень,
Падалъ и вставалъ въ мой вѣкъ.
Попирай мой гробный камень,

Буде кто не человѣкъ (Первонач. редакція. **Набросано рукой Державина на внутренней сторонѣ переплета одной изъ его тетрадей**).

---

[1] По словамъ самого Державина, это — объясненіе на всѣ его сочиненія. Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, сxiv.

---

150. АТАМАНУ И ВОЙСКУ ДОНСКОМУ[1].

Платовъ! Европѣ ужъ извѣстно, 1
Что силъ Донскихъ ты страшный вождь:
Въ расплохъ, какъ бы колдунъ, всемѣстно
Падешь какъ снѣгъ ты съ тучъ, иль дождь;
По черныхъ вороновъ полету,
По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
По рыску волчью видя мѣту,
Подходишь къ вражьимъ вдругъ носамъ
И, зря на тускъ, на блескъ червонца,
По солнцу иль противу солнца
Свой учреждаешь ертаулъ[2]
И тайный ставишь караулъ.
Въ травѣ идешь — съ травою равенъ; 2
Въ лѣсу — и равенъ лѣсъ съ главой;
На конь вскокнешь — конь тихъ, не нравенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой.
По камню ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь — и слѣду нѣтъ;
По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ
Плывешь ты въ день — лишь струйка слѣдъ;
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной —
Стрѣлу сѣчешь ей вслѣдъ пущенной
И, бросся петли округъ шей,
Фазановъ удишь, какъ ершей[3].
Разилъ ты Льва[4], Лунѣ гнулъ роги, 3
Ходилъ противу Солнца въ бой;
Медвѣдей, тигровъ средь берлоги
Могучей задушалъ рукой:
Почто жъ вепря щетиночерна,
Залегшаго въ лѣсахъ средь блатъ,

Digitized by Google

Съ клыковъ котораго кровь, пѣна
Течетъ, — зловоніе и ядъ, —
Отъ рыла взрыты вкругъ могилы,
Отъ взоровъ пламенны свѣтилы
Край заревомъ покрыли весь, —
Арканомъ не схватилъ поднесь?

Чтожъ сталъ? — Борза коня не стало[5]? 4
Возьми коверъ свой-самолетъ.
Ружейнаго ль снаряду мало?
Махни ширинкой, лѣсъ падетъ.
Запаса ли не видишь хлѣбна?
Гложи желѣзны просфиры.
Жупанъ ли, епанча ль потребна?
Самъ невидимкой все бери.
Сапогъ нѣтъ? ступни самоходны
Надѣнь, перчатки самородны,
И дуй на огнь, на мразъ, на гладъ:
Россійской силѣ нѣтъ преградъ.

Бывало, вѣдь и въ прежни годы 5
Взлетала саранча на Русь,
Многообразные уроды
Грозили ей налогомъ узъ.
Былъ грѣхъ: отъ сваръ своихъ кряхтѣли,
Теряли янствомъ и главы;
Но лишь на Бога мы воззрѣли,
Отъ сна вспрянули, будто львы.
Былъ врагъ Чипчакъ — и гдѣ Чипчаки?
Былъ недругъ Ляхъ — и гдѣ тѣ Ляхи?
Былъ сей, былъ тотъ: ихъ нѣтъ; а Русь?...
Всякъ знай[a], мотай себѣ на усъ.

Да какъ же это такъ случалось? 6
Заботились, какъ днесь, цари;
Премудро все распоряжалось,
Водили рать богатыри;
При Святославичѣ Добрыня
Убилъ дракона въ облакахъ;
Чернецъ Донскаго — исполина
Татарскаго повергъ во прахъ;
Голицынъ, Шереметевъ, Львовы[6]

Digitized by Google

Крушили зубы въ дни Петровы;
Побѣдъ Екатерины лавръ:
Чесма, Кагулъ, Крымъ, Рымникъ, Тавръ.
Неужъ-то Альпы въ мірѣ шапка? 7
Тамъ молньи Павла видѣлъ Галлъ:
На клячѣ бѣлая рубашка
Не разъ его въ усы щелкалъ;
Или теперь у Александра
При войскѣ нѣту молодца?
Съ крестомъ на адска Саламандра [7]
Ужель не сыщется бойца?
Внемли же моему ты гласу:
Усердно помоляся Спасу,
Въ четыре стороны поклонъ —
И изъ ноженъ булатъ ты вонъ!
И съ свистомъ звонкимъ, молодецкимъ, 8
Разбойника сбрось Соловья
Съ дубовъ копьемъ вновь мурзавецкимъ [8],
И будь у насъ второй Илья;
И, заперши въ желѣзной клѣткѣ,
Какъ желтоглазаго сыча,
Уранга, сфинкса на веревкѣ [9]
Примчи, за плечьми вторача;
Иль двадцать молодцовъ отборныхъ,
Лицомъ, лѣтами, ростомъ сходныхъ,
Пошли ты за себя за злымъ;
Двадцатый хоть пріѣдетъ съ нимъ.
Для лучшей храбрыхъ душъ поджоги 9
Ты разскажи имъ русску быль,
Что старики, бывъ въ службѣ строги,
Всѣ невозможности чли въ пыль:
Сжигали грады воробьями [10],
Ходили въ лодкахъ по землѣ,
Топили вражій станъ прудами,
Имѣли пищу въ киселѣ,
Спускались въ мрачны подземелья,
Животъ считали за бездѣлья;
Къ отчизнѣ ревностью горя,
За вѣру мерли и царя.

Digitized by Google

Однакожъ, чтобъ не быть и жертвой, 10
Ты мечъ имъ кладенецъ отдай,
Живой водой ихъ спрысни, мертвой
И горы злата обѣщай;
Черкешенокъ, Грузинокъ милыхъ,
У коихъ зарныя уста,
Бровь черна, жилъ по тѣлу синихъ
Сквозь виденъ огнь и красота,
А на грудяхъ, какъ пухъ зыбучихъ,
Лилей кусты и розъ пахучихъ
Манятъ къ себѣ и старцевъ длань:
Ты, словомъ, все сули имъ въ дань.
Я дочь свою и самъ крестову[11], 11
Красотку юную, во бракъ
Отдамъ тому, кто грудь орлову
На славный сей отважитъ шагъ;
Денисовымъ и Краснощокимъ[12],
Орловымъ, Иловайскимъ вслѣдъ,
По безднамъ, по горамъ высокимъ
Въ домъ отчій лавръ кто принесетъ;
Дѣвицы, барыни Донскія,
Вздѣвъ платья русскія, златыя,
Введутъ его въ крестовъ чертогъ[13]
И воспоютъ: великъ нашъ Богъ!
Подъ вечеръ, утромъ, на зарянкѣ, 12
Сей радостный услыша гласъ,
Живя уединеннымъ въ Званкѣ,
Такъ-сякъ взбреду я на Парнассъ
И пѣсню войску тамъ Донскому,
Тебѣ на гусляхъ пробренчу,
Да бѣлому царю[14], младому,
Въ вѣнцѣ алмазы расцвѣчу!
Пусть звукъ ужасныхъ днешнихъ боевъ
Сподвижниковъ его героевъ
Мой повторяетъ холмъ и лѣсъ,
И гулъ шумитъ, какъ громъ небесъ!

* Французъ ... (Рукопись).

Digitized by Google

[1] Въ рукописи заглавіе: *Платову.* Написано въ маѣ мѣсяцѣ по случаю многихъ удачныхъ сшибокъ легкихъ войскъ нашихъ, подъ предводительствомъ Донскаго атамана Платова, съ Французами. Матвѣй Ивановичъ Платовъ прославился въ войнѣ 1807 года своими нечаянными нападеніями на непріятеля * (*Об.* Д.). Послѣ эйлаускаго боя (см. выше стр. 393) Наполеонъ 5-го февр. отступилъ на лѣвый берегъ Пассарги. Платовъ, по отъѣздѣ кн. Багратіона въ Петербургъ принявъ начальство надъ авангардомъ, слѣдовалъ за Французами. Потомъ, во второй половинѣ февраля, Бенигсенъ, расположивъ армію вокругъ Гейльсберга, поставилъ авангардъ въ Лаунау, куда вскорѣ возвратился и Багратіонъ. Платовъ, съ павлоградскимъ гусарскимъ, съ десятью казачьими полками и ротою Донской артиллеріи, былъ посланъ къ Ортельсбургу и Вилленбергу содержать сообщеніе между главною арміей и корпусомъ Эссена. Марта 2-го, выступя къ своему назначенію, Платовъ доносилъ, что отъ сраженія при Эйлау до 1-го марта, съ небольшимъ въ мѣсяцъ, взято было Донцами, во время пребыванія арміи подъ Кенигсбергомъ, при отступленіи Французовъ за Пассаргу и въ ежедневныхъ поискахъ, 37 офицеровъ и 2254 нижнихъ чиновъ. День и ночь тревожа непріятеля, казаки надоѣли Наполеону до такой степени, что въ одномъ изъ тогдашнихъ бюллетеней онъ назвалъ ихъ посрамленіемъ рода человѣческаго — la honte de l'espèce humaine. По окончаніи войны императоръ Александръ пожаловалъ Донскому войску почетное знамя (Мих.-Данилевскій, *Описаніе второй войны*, стр. 233 и 401). По замѣчанію г. Галахова, пьеса эта поражаетъ бойкимъ народнымъ складомъ рѣчи и доказываетъ знакомство Державина съ народной литературой. Жуковскій подражалъ Державину, изображая подвиги Платова въ *Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ.*

Напечат. сперва отдѣльно, потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXXV.

[2] Свой учреждаешъ ертаулъ —

т. е. «отводный караулъ, изъ часоваго состоящій, который, какъ завидитъ непріятеля вдали, то вертится на лошади по солнцу или противъ солнца, давая чрезъ то знать, далеко или близко непріятель, во многомъ или маломъ числѣ» (*Об.* Д.). По академич. же словарю, *ертаулъ*, старинное слово, означаетъ полкъ или отрядъ легкихъ войскъ, ходившій впереди главнаго войска для провѣдыванія непріятеля, — авангардъ. Казаки заключаютъ о близости селеній или войскъ по разнымъ примѣтамъ: по полету птицъ, по направленію дыма, по эху, звѣздамъ и проч. По тусклости или блеску золота они узнаютъ, какова будетъ погода, и потому ближе или далѣе ставятъ свои потаенные караулы.

[3] Фазановъ удишь, какъ ершей.

Въ первоначальной редакціи вмѣсто *фазановъ* стояло *Французовъ*; но когда состоялся миръ, то изъ уваженія къ союзникамъ настоящее ихъ имя перемѣнено на аллегорическое. Французы хорохорятся или тщеславятся какъ фазаны, и колются или защищаются какъ ерши (*Об.* Д.).

* См. книгу Н. Смирнова: *Жизнь и подвиги графа М. И. Платова*, М. 1821, и *Вѣстн. Евр.* 1822, ч. 121, № 3, стр. 201.

Digitized by Google

[4] Разилъ ты Льва *и проч.*

Левъ — Шведы, Луна — Турки, Солнце — Персіяне, по гербамъ этихъ народовъ. Картина *вепря щетиночерна* основывается по миѳѣ о вепрѣ эриманескомъ, котораго убилъ Геркулесъ. Здѣсь разумѣется непріятель, всю зиму стоявшій въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ защитою артиллеріи (*Об.* Д.).

[5] Чтожъ сталъ? — Борза ль коня не стало.

Эта строфа намекаетъ на недостатки, которые терпѣла армія въ тогдашнюю войну, такъ что мы не могли воспользоваться своими неоднократными побѣдами. Государь писалъ о томъ военному министру Вязмитинову и отнялъ мундиръ у чиновниковъ провіантскаго и коммисаріатскаго вѣдомствъ (*Об.* Д. и Мих.-Данилевскій, стр. 401).

[6] Голицынъ, Шереметевъ, Львовы.

Изъ Львовыхъ, которыхъ было нѣсколько при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Петрѣ Великомъ, здѣсь должно разумѣть преимущественно князей Михаила Никитича и Петра Григорьевича. Оба были стольниками и участвовали во второмъ азовскомъ походѣ: первый завѣдывалъ судными дѣлами, а послѣдній, въ званіи воеводы у большаго полковаго знамени, начальствовалъ ратными людьми московскаго чина и по покореніи Азова назначенъ былъ тамъ воеводою (Н. Устрялова *Ист. царств. П. В.*, т. II, стр. 262, 263 и 296).

[7] Съ крестомъ на адска Саламандра.

Ср. выше стр. 387 и 394.

[8] Съ дубовъ копьемъ вновь мурзавецкимъ —

«мурзѣ или дворянину принадлежащимъ, т. е. богато-оправленнымъ» (*Об.* Д.). Эпитетъ *мурзавецкій* не разъ встрѣчается въ былинахъ, изданныхъ 1804 г. Ключаревымъ; въ изданіи Калайдовича (1818) копье *мурзамецкое.* О знакомствѣ Державина съ первымъ изъ этихъ изданій см. въ слѣдующемъ томѣ примѣчанія при пьесѣ *Царь-дѣвица*, подъ 1812 г.

[9] Уранга, сфинкса на веревкѣ ...

«Авторъ позволилъ себѣ сими именами назвать вождя Французовъ тогда, какъ были военныя дѣйствія между Россіей и Франціей и когда въ публичныхъ манифестахъ, не щадя, другъ друга поносили. Наполеонъ нарицался антихристомъ». *Урангъ* употреблено вмѣсто *орангъ-утангъ*: ср. томъ I, стр. 180. По былинѣ объ Ильѣ-Муромцѣ, онъ привязалъ Соловья-разбойника къ сѣдельной лукѣ и повезъ его *въ торокахъ.*

[10] Сжигали грады воробьями.

Это и слѣдующія выраженія основываются на лѣтописныхъ разсказахъ и историческихъ событіяхъ, каковы: воробьи Ольги, корабли Олега, затопленіе Тулы при второмъ самозванцѣ, мучные колодцы во время осады Бѣлгорода Печенѣгами при Владимірѣ и заключеніе Ѳеодора Никитича Романова (Филарета) въ Варшавѣ.

[11] Я дочь свою и самъ крестову.

У графа Васильева (род. 1742, ум. 1807) была дочь Марья Але-

Digitized by Google

ксѣевна, которую крестилъ Державинъ. Она вышла замужъ за Донскаго уроженца, казачьяго полковника графа Василія Васильевича Орлова-Денисова. Алексѣй Ивановичъ Васильевъ былъ издавна сослуживцемъ и пріятелемъ Державина. По смерти Екатерины II онъ занималъ должность сперва государственнаго казначея, а потомъ министра финансовъ. При сочиненіи этого стихотворенія онъ былъ еще живъ: умеръ отъ удара 15 августа въ томъ же году.

[12] Денисовымъ и Краснощокимъ *и проч.*

Извѣстные своею храбростью атаманы войска Донскаго. Денисовъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева (см. переписку съ нимъ Державина въ томѣ V нашего изданія). — *Краснощоковъ*, солдатскій герой Семилѣтней войны. Про него до сихъ поръ поются пѣсни (П. Бартеневъ).

[13] Введутъ его въ крестовъ чертогъ.

Крестовая палата — образная пріемная комната.

[14] Да бѣлому царю . . .

Ср. томъ I, стр. 342.

---

151. ЛУЧЪ [1].

Князь-Громъ имѣлъ Умилу, 1
Прекрасну, нѣжну дочь:
Очей прелестныхъ силу
Кто зрѣлъ, тлѣлъ день и ночь.
У этого жъ князь-Грома
Былъ щитоносецъ Лучъ:
Съ геройствомъ грудь знакома
Не ужасалась тучъ;
Ко князю онъ услуженъ,
Въ опасностяхъ съ нимъ былъ,
И князь, ему тожъ друженъ,
Его за сына чтилъ.
Сосѣдъ тогда княжною 2
Плѣнился, Вѣтеръ-ханъ,
Съ влюбленною душою
Простеръ ко браку длань.
Нужна была князь-Грому
Сосѣда Вѣтра ночь:
Любовнику такому
И обѣщалъ онъ дочь.
Нельзя было тутъ силѣ
Противиться никакъ:

Digitized by Google

Пришло сказать Умилѣ,
Хоть не по сердцу: *такъ!*
Души волненья страстной 3
Не могъ тутъ Лучъ сносить;
За сердце онъ прекрасной
Умилы хочетъ мстить.
Но въ рыщари какъ Небомъ
Онъ не былъ посвященъ,
Сражаться Вѣтра съ ревомъ
Природой не рожденъ:
То, чтобъ отцу любезной
Ничѣмъ не согрубить,
Рѣшился огнь свой нѣжной
Въ туманахъ, въ мракахъ скрыть.

[1] Въ рукописи заглавіе *Романсъ*. Написано въ маѣ мѣсяцѣ по просьбѣ забытаго нынѣ писателя, Захарова *, который, сочинивъ комедію, желалъ имѣть для нея романсъ. По Іоакимовой лѣтописи, *Умилой* называлась мать Рюрика, дочь Гостомысла (Татищева *Ист. Россіи*, кн. I, часть I, ст. 34). Тоже имя *Умила* встрѣчается между дѣйствующими лицами комической оперы Екатерины II *Новгородскій богатырь Боеславичъ*. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. III, cxIII.

* Иванъ Семеновичъ Захаровъ (умершій сенаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ 30 января 1816 года) сдѣлался, при учрежденіи Бесѣды любителей русскаго слова, предсѣдателемъ одного изъ 4-хъ разрядовъ ея. Главные труды его исчислены при его некрологѣ въ *Извѣстіяхъ Росс. Акад.* 1816 г. (кн. II). Когда умеръ Захаровъ, то въ Арзамасскомъ обществѣ, по принятому тамъ шуточному обычаю, Блудовъ произнесъ покойному надгробное слово: каждый новый членъ долженъ былъ, при вступленіи въ общество, сказать такую рѣчь, но не предшественнику своему (Арзамасцы всѣ безсмертны), а покойнику, взятому на прокатъ изъ Бесѣды (слышано отъ графа Д. Н. Блудова).

---

152. НА МИРЪ 1807 ГОДА, ГОСУДАРЫНЯМЪ ИМПЕРАТРИЦАМЪ[1].

Весна вѣнцомъ вѣнчалась лѣта; 1
Порхаетъ по цвѣтамъ зефиръ;
Сіяньемъ солнечнымъ нагрѣта,
Земля лобзаетъ сладкій миръ. —
Кому жъ по Богѣ мы священный[a]
Возжжемъ благодаренья жаръ?

Digitized by Google

Не вамъ ли, божества смиренны,
За сей намъ столь безцѣнный даръ?
По громамъ бисеры драгія 2
Отъ радугъ какъ въ дождяхъ блестятъ:
Елисавета и Марія,
Такъ кинувъ къ намъ веселый взглядъ,
Знать дали, что покой Европы
Возставилъ Александровъ мечъ.
Какъ лучъ отъ Норда въ южны тропы
Ихъ пробѣжала мирна рѣчь.
Но, Муза! — коль бываетъ сладость 3
По горечи вкуснѣй устамъ,
А по печалямъ если радость
Цвѣтетъ пріятнѣе сердцамъ:
То прежде дни представь бурливы,
Какъ въ бѣдствахъ подвизался Россъ;
Потомъ пой лавры и оливы[б],
Чѣмъ онъ главу свою вознесъ.
Корабль какъ въ пѣнномъ, шумномъ морѣ, 4
Подобно скорлупѣ въ волнахъ,
Носящійся стихіевъ въ спорѣ,
Тонущій въ безднахъ, въ облакахъ,
Въ разверзты низвергаясь пасти,
Мракъ ада видитъ предъ собой,
Трескъ внемлетъ ребръ, дна, скрипы снасти
И съ мачтъ токъ молніевъ струей;
Иль какъ лѣсовъ въ трущобѣ львица, 5
Объемлема пожаромъ вкругъ[в],
Вздымая гриву, взоръ, чудится,
Внявъ древъ паденье, грохотъ, стукъ,
И что бѣжитъ къ ней ржущій пламень
На грудь, на чресла и на тылъ,
Стоитъ недвижима, какъ камень,
Но не теряетъ духа силъ:
Такъ въ тяжки оны дни Россія[г] 6
Войной была окружена,
Какъ съ всей Европою Азія
Была на насъ ополчена.
Шли Галлы, Персы, Туркоманы,

Digitized by Google

Шелъ льстивый другъ, шелъ тайный врагъ,
Наполеономъ обаянный,
Къ намъ взнесшимъ свой гигантскій шагъ.
И побѣдитель сей кичливый, 7
Какъ валъ, что, изъ струи родясь,
Чѣмъ далѣй въ путь свой токъ строптивый[в],
Тѣмъ больше грознымъ становясь,
Такъ взросъ побочныхъ водъ приливомъ,
Что будто нѣкій страшный холмъ
Подъ тѣни своея нагибомъ
Блескъ солнца затмевалъ челомъ,
Унизя Рима и Германій 8
Такъ духъ, что, ими въявь и втай
Господствуя, несыты длани
Простеръ и на полночный край.
И зрѣлъ ли онъ себѣ препону,
Коль могъ бы вѣру колебнуть,
Любовь къ отечеству и къ трону?
Но онъ ударилъ въ русску грудь.
О русска грудь неколебима[д]! 9
Твердѣйшая горы стѣна,
Скорѣй ты ляжешь трупомъ зрима,
Чѣмъ будешь кѣмъ побѣждена.
Не разъ въ огняхъ, въ громахъ, средь бою
Въ крови тонувши ты своей,
Примѣры подала собою,
Что Россовъ въ свѣтѣ нѣтъ храбрѣй.
Врагъ, предъ собой скалу желѣзну[е] 10
Узря, позналъ своихъ тлѣнъ силъ;
Вѣтвь дружбы мирную, зелену
Предъ Александромъ предложилъ.
Монархъ человѣколюбивый,
Чтобъ крови за корысть не лить,
Намѣсто лавровъ взялъ оливы
И повелѣлъ спокойству быть.
Простите жъ, кротости богини[ж], 11
Что я смущалъ вашъ громомъ слухъ;
Благодѣянья и святыни
Вашъ паче услаждаютъ духъ.

Digitized by Google

Се зрю, вы обратили взоры
На вдовъ убитыхъ, на сиротъ
И льете войновъ на соборы
Увѣчныхъ вы дожди щедротъ.
Но миротворецъ, Царь державный, 12
Какъ пальмъ вамъ принесетъ вѣнецъ,
За даръ его толико славный,
Спокоивъ у своихъ сердецъ,
Внушите мысль ему охранну[3],
Къ геройству возбуждая духъ:
Врагъ примиренный, снесшій рану,
Не можетъ быть надежный другъ.
А вы, лишившіяся бранью 13
Отцовъ, супруговъ, братьевъ, чадъ,
Гордитесь той безцѣнной данью,
Что вамъ любезны кости спятъ
На полѣ незабвенныхъ боевъ. —
Кто не умретъ? — смерть всѣхъ сразитъ;
Но термопильскихъ духъ героевъ
Живетъ понынѣ, — Леонидъ.
Пусть лесть, гордыней ослѣпленна[3], 14
Завоевателей трубитъ;
Но тихая свирѣль смиренна
Нравъ ангельскій поетъ и чтитъ
Маріи днесь, Елисаветы,
И ждетъ, что ихъ супругъ и сынъ
Не будетъ въ громы ужъ одѣтый,
Но миромъ — міра властелинъ.
Какъ съ Божьяго лица отливы 15
Блистаютъ въ милліонахъ звѣздъ,
Такъ позлатитъ онъ грады, нивы
Опустошенныхъ злобой мѣстъ,
Вездѣ ему душъ восхищенье
Изъ чувства истинна добра
Вслѣдъ воззвучитъ благословенье,
А не наемное ура!
Поэзьи дальновидный Геній 16
Грядущу мнѣ предрекъ судьбу:
Падетъ Европа на колѣни

Digitized by Google

Предъ тѣмъ, кто прекратитъ борьбу
И токъ прольетъ въ ней дней блаженныхъ.
Се ужъ паритъ его орелъ!
О радость! въ тулѣ дѣвъ священныхъ
Зрю тучи сладкихъ сердцу стрѣлъ!

[а] Кому жъ по Богѣ огнь святыни
Возжегъ днесь фиміама жаръ?
Вамъ, вамъ, о кроткія богини!
За сей благопріятный даръ (Первонач. рукоп.).
[б] Какъ въ ужасахъ творилъ онъ дивы
И, бывъ гнетомъ, превыше росъ.
[в] Охваченна пожаромъ вдругъ.
[г] Подобно такъ огнемъ Россія
Войны была окружена,
Европа вся и съ ней Азія
Съ мечемъ на насъ ополчена;
Тамъ Галлы, Персы, Агаряны,
Тамъ льстивый другъ, тамъ скрытый тать,
Наполеона обуянны
Вдругъ счастьемъ, славой, — двигли рать.
И побѣдитель горделивый,
Какъ отъ струи волна родясь,
Чѣмъ далѣй въ путь течетъ шумливый,
Тѣмъ большимъ валомъ становясь,
Растетъ часъ отъ часу водами
И, холмомъ поднебеснымъ ставъ,
Ужъ не стремится межъ брегами,
Но презираетъ святость правъ.
[д] О русска грудь непоборима!
Надежная царя стѣна.
[е] Скалу зря Бонапартъ железну
Въ тебѣ, позналъ своихъ тлѣнъ силъ;
Преклоншись, мира вѣтвь зелену
И милосердья испросилъ.
[ж] Простите, благости богини,
Что вамъ я смѣлъ о брани пѣть.
Вы къ Музамъ склонны, героини,
И въ васъ я мышлю образъ зрѣть
Царицъ щедроты и любови:
То садъ коль днесь оливъ цвѣтетъ
Для прекращенья смертныхъ крови,
Пріятнѣй вамъ, чѣмъ лавръ побѣдъ.

(Между строфами 12-ою и 13-ою позднѣйшей редакціи были первоначально двѣ строфы, исключенныя впослѣдствіи. Приводимъ послѣднюю изъ нихъ:)

Вы зрѣли русскаго народа
Къ себѣ усердье и любовь:
Какого служба, жертва рода,
Сокровищи, покой и кровь

Digitized by Google

Отечеству непринесенны,
Чтобъ волю совершить царя?
На смерть сыны какъ въ бракъ веденны
Отъ сохъ, синклита, алтаря.
[2] Пусть свѣтъ, гордыней ослѣпленный,
Завоевателей гремитъ;
Но добродѣтели смиренной
Любезнѣй тотъ, кто царствамъ щитъ.
Алкаяй жертвъ льетъ токъ багровый
И любитъ рабство, низость, лесть;
А охраняяй отчи кровы
Объемлетъ доблесть, правду, честь.
Итакъ днесь бранною трубою
Супруга, сына не пою;
Прельщенъ его душой святою
И старость чувствуя мою,
Безсиленъ въ путь летѣть орлиный,
Съ Пиндаромъ плесть вѣнцы побѣдъ,
Какъ на чело Екатерины
И Павла я сплеталъ изъ звѣздъ.
Побѣдъ его предоставляя
Младымъ пѣвцамъ гремѣть я честь,
Любезнаго царя лобзая,
Хочу въ немъ кротость превознесть,
По легкомъ вслѣдъ ходя Катуллѣ,
Чтобъ вѣкъ его въ добротахъ цвѣлъ:
Небесныхъ дѣвъ въ священномъ тулѣ
Пріятныхъ много сердцу стрѣлъ.

---

[1] Эта ода, написанная по поводу заключенія тильзитскаго мира, была тогда же поднесена императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ и Елисаветѣ Алексѣевнѣ; но Государю не было угодно, чтобъ она сдѣлалась извѣстною (*Об.* Д.). Напеч. 1816 г. въ ч. V, xxv, съ примѣчаніемъ: «не была поднесена», съ значительными измѣненіями и нѣкоторымъ сокращеніемъ противъ первоначальнаго текста, откуда извлекаемъ болѣе характеристическіе варіанты. Первые четыре стиха напоминаютъ начало 4-й оды Ломоносова («Уже врата отверзло лѣто»).

Въ 1815 г. Державинъ послалъ списокъ этой оды Мерзлякову, при письмѣ отъ 26 августа, и говорилъ ему:

«Я прилагаю при семъ оду неизвѣстную еще въ свѣтѣ, сочиненную въ отсутствіе Государя Императора, на миръ съ Французами въ 1807 году, которую поднесъ-было я Государынямъ Императрицамъ; но по прибытіи Императора, по подчеркнутымъ строкамъ, яко того времени политикѣ не соотвѣтствующимъ, она не напечатана, а будетъ въ пятой книгѣ моихъ сочиненій. Вы изъ нея увидите, что подчеркнутыя строки, яко выливщіяся изъ сердца, любящаго отечество, могутъ патріоту нравиться, но они, вмѣсто того, по тогдашнему времени не таковы казались *. Также хотѣлъ

* Безъ сомнѣнія, тутъ разумѣются: 2-ая половина 6-й строфы, 7-ая, 8-ая, 10-ая, конецъ 12-й и 16-ая.

Digitized by Google

я вамъ показать въ сей одѣ описаніе обуреваемаго корабля, по сравненію съ Пиндаромъ г-на Кастельветра *, и ниже окруженной пожаромъ львицы, — достаточны ли они къ изображенію тѣхъ бѣдствій, въ которыхъ была въ сіе время Россія? — Миръ былъ, какъ извѣстно, не весьма выгоденъ, радоваться было можно, какъ просто сказать, съ оглядкою, а для того и не могъ я предаться полному вдохновенію; а какъ боецъ, сшедшій съ поля сраженія, хотя показывался торжествующимъ, но будучи глубоко раненъ, изливалъ свою радость съ нѣкоторымъ уныніемъ. Но оно меня теперь утѣшаетъ, когда всякъ видитъ, что сбылись мои предусмотрѣнія.»

[2] Какъ валъ, что, изъ струи родясь,
Чѣмъ далѣй въ путь свой текъ, строптивый.

Ср. у Ломоносова (*Соч.* его, т. I, стр. 85):

«Какъ токъ волшебныя рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ.»

[3] Внушите мысль ему охрану *и проч.*

Обѣ Государыни дѣйствительно предостерегали императора Александра I отъ обольщеній Наполеона.

* Это выраженіе Державина относится къ слѣдующему мѣсту въ разборѣ оды его *На взятіе Варшавы*, напечатанномъ Мерзляковымъ въ *Амфіонѣ* за іюль 1815 г.: «Державинъ кончилъ столь же высоко, какъ началъ, хотя въ срединѣ иногда и казался ниже обыкновеннаго своего паренія. Довольно, что онъ достигнулъ своей цѣли. Прекрасно сравниваетъ Кастельвестро Пиндара съ кораблемъ, вынесеннымъ изъ гавани бурею. Сперва онъ былъ видимъ во всемъ своемъ блескѣ; — буря усилилась, — онъ является то на поверхности воды, то подъ водою, то въ пламени, то въ мракѣ. Стоящіе на берегу почитали его уже и погибшимъ, потонувшимъ; но вдругъ небо просіяло, море утихло, и корабль стоитъ на берегу» и проч. (ср. томъ I, стр. 455). — Кастельветро (Castelvetro), италіянскій писатель, род. 1501, ум. 1571; мелкія критическія сочиненія его издалъ Муратори 1727 г. въ Миланѣ подъ заглавіемъ: «Opere varie critiche». Описаніе корабля въ бурю и львицы среди пожара находится въ 4-й и 5-й строфахъ настоящей оды.

---

153. ПОМИНКИ [1].

Побѣдительница смертныхъ,
Не имѣя силъ терпѣть
Красоты побѣдъ несмѣтныхъ,
Поразила Майну, — Смерть.
Возрыдали вкругъ Эроты,
Всплакалъ, возрыдалъ и я;
Музы, зря на мрачны ноты,
Пѣли гимнъ ей, и моя

Digitized by Google

Горесть повторяла лира,
Убѣжала радость прочь,
Прелести сокрылись міра,
Тишина и черна ночь
Скутали мой домъ въ запоны.
Отъ земли и отъ небесъ
Слышны эха только стоны;
Плачемъ мы — и плачетъ лѣсъ;
Воемъ мы — и воютъ горы.
Плачъ сей былъ бы безъ конца,
Еслибъ алый лучъ Авроры,
Богъ, что свѣтитъ Музъ въ сердца,
Не предсталъ — и мнѣ сіяньемъ
Не влiялъ утѣхи въ грудь.
«Помяни», рекъ, «возлiяньемъ
Доблесть и покоенъ будь».
Взялъ я урну и росами
Чистыми, будто кристалъ,
Полну наточилъ слезами:
Гробъ обливъ, поцѣловалъ, —
И изъ праха возникаютъ
Се три розы, сплетшись въ кустъ,
Веселятъ, благоухаютъ,
Разгоняютъ мрачну грусть.

[1] Написано на Званкѣ въ сентябрѣ на смерть сестры Державиной, Марьи Алексѣевны Львовой (томъ I, стр. 408), которую поэтъ называетъ *Майной*. Подъ *тремя розами* въ концѣ стихотворенія разумѣетъ онъ трехъ оставшихся послѣ нея дочерей, которыя съ тѣхъ поръ жили въ его домѣ (см. выше стр. 460). Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, cxvii.

---

154. НАДЕЖДА НА БОГА[1].

1 Богъ намъ прибѣжище и сила,
Помощникъ въ скорбяхъ, средь враговъ!
Хотя бъ вселенная грозила
И горы, двигшись съ береговъ,
Въ сердца морскія прелагались,
Не убоюсь, — защитникъ Онъ!

Digitized by Google

Пусть громъ гремитъ, бурюютъ бури, 2
И до небесъ восходитъ понтъ,
Сверкаютъ молньи средь лазури
И рдѣетъ черный горизонтъ;
Но водъ[а] кипящихъ устремленье
Увеселитъ лишь Божій градъ.
Богъ посреди — священны стѣны 3
Не двигнутся Его никѣмъ:
Со утромъ придутъ перемѣны;
Смятутся вражески тьмы темъ,
Уклонятся престолы, царствы,
Дастъ Вышній гласъ, — вздрогнетъ земля!
Господь помощникъ мой, спаситель — 4
Придите, зрите чудеса! —
Заступникъ жезлъ и защититель[б],
Моя и слава и краса.
Онъ хощетъ, — и враждебны сонмы
Оцѣпенѣютъ вкругъ меня!
Съ концовъ земныхъ сопхнутся брани[в], 5
Лукъ сокрушится, копіе;
Блаженныхъ, мирныхъ дней, дѣяній
Исполнитъ наше житіе,
Мечи желѣзны переплавитъ
Въ плуги, серпы и косы Онъ, —
И упразднится злоба ада, 6
Да разумѣетъ человѣкъ,
Что Небо тѣмъ покровъ, отрада[г],
Кто въ правдѣ свой проводитъ вѣкъ.
Такъ! — Богъ, Господь мой мнѣ заступникъ
И на Него надѣюсь я!

[а] Но рекъ . . . (1808).
[б] . . . покровитель.
[в] . . . сопхнетъ Онъ брани,
Лукъ сокрушитъ и копіе;
. . . мирныхъ пожеланій.
[г] . . . ограда.

---

[1] Подражаніе псалму 45. Писано на Званкѣ 8 сентября и положено на музыку Нейкомомъ; потомъ, вмѣстѣ съ слѣдующимъ стихотвореніемъ *Сѣтованіе*, напечатано отдѣльно въ Академіи Наукъ (1808 г.) и подне-

Digitized by Google

сено императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Затѣмъ оба стихотворенія напечатаны въ *Русск. Вѣстникѣ* 1808 г., ч. I, № 3 (стр. 316), подъ заглавіемъ: *Два псалма, посвященные* и проч.; наконецъ 1816 г. въ ч. V, III и IV.

---

155. СѢТОВАНІЕ.

Услышь, Творецъ, моленье 1
И вопль моей души;
Сердечно сокрушенье,
Вздыханія внуши,
И слезъ моихъ отъ тока
Не отврати лица.
Но въ день, въ который стражду, 2
Зову Тебя, стеня,
Твоихъ щедротъ какъ жажду,
Воззри Ты на меня
И съ высоты небесной
Скорѣй меня услышь.
Ты видишь: исчезаютъ 3
Всѣ дни мои, какъ дымъ;
Всѣ силы умираютъ;
Какъ злакъ подъ зноемъ злымъ
Падетъ, блѣднѣетъ, вянетъ, —
Изныло сердце такъ.
Сожженна грудь слезами, 4
Хлѣбъ, сонъ забвенъ, покой;
Плоть ссохлася съ костями;
Какъ остовъ образъ мой,
И гласъ отъ воздыханій
Въ устахъ моихъ исчезъ.
Какъ птица въ мглѣ унывна, 5
Оставленна на здѣ[а],
Иль схохленна, пустынна
Сѣдяща на гнѣздѣ
Въ нощи, въ лѣсу, въ трущобѣ, —
Лію стенаньемъ гулъ[б].
Друзья днесь уклонились, 6
Враги меня тѣснятъ,
И тѣ, что мной хвалились,

Digitized by Google

Клянутъ меня, бранятъ
За то, что пища — пепелъ,
А слезы мнѣ питье.
И все сіе отъ гнѣва, 7
Увы! Твоихъ очесъ,
Что Ты, Создатель неба,
На высоту вознесъ
И внизъ меня низвергнулъ, —
Увялъ, поблекъ[в] мой цвѣтъ.
Воззри же на смиренну 8
Молитву Ты мою,
И жертву воскуренну
Не уничтожь сію,
Да въ роды возвѣстится
Твое спасенье мнѣ.

[а] Изсохло ... (1808).
[б] Лію я стономъ гулъ.
[в] ... изсохъ ...

---

[1] Подражаніе псалму 101. Писано на Званкѣ 27 сентября и, такъ же какъ предыдущее стихотвореніе, положено Нейкомомъ на музыку (см. выше *Надежда на Бога*). Въ своихъ *Запискахъ* (*Р. Б.*, стр. 501) Державинъ разсказываетъ, что императоръ Александръ прогнѣвался на него за этотъ псаломъ, въ которомъ изображено сѣтованіе Давида о бѣдствіи отечества, и чрезъ князя А. Н. Голицына сдѣлалъ ему выговоръ, «отнеся смыслъ онаго на Россію и говоря: *Россія не бѣдствуетъ.*» По замѣчанію П. И. Бартенева, эта и предыдущая пьесы не были голосомъ брюзгливаго и удаленнаго отъ дѣлъ старика, а голосомъ всей Россіи, уже почувствовавшей тяжесть континентальной системы.—Стихъ 4, *внуши* зн. внемли.

[2] Оставленна на здѣ.

«На кровлѣ». Д. — *Зидъ* значитъ, собственно, стѣна.

---

156. ПРОПОВѢДЬ[1].

Благо проповѣдать Бога 1
И всегда вѣщать о Немъ,
Что премудрость, сила многа,
Истина и благость всѣмъ
Зрится во вселенной чудной;
Ночью славенъ Онъ и днемъ, —

Digitized by Google

И Ему отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ.
Возвеличилъ меня сильно 2
Во твореньяхъ Онъ своихъ.
Въ краткій вѣкъ мой изобильно
Насладяся я благихъ,
Веселюся въ вечеръ лунной
Чудныхъ дѣлъ Его умомъ, —
И Ему отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ.
Мужъ безумный благъ не знаетъ, 3
Дивъ не разумѣетъ сихъ
И, трава какъ, увядаетъ
Въ мрачныхъ помыслахъ своихъ;
Но я вѣрю въ Промыслъ чудной:
Былъ моимъ Онъ ввѣкъ щитомъ, —
И Ему отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ.
Всѣ враги мои погибнутъ, — 4
Господи! Твои враги.
Злы дѣла ихъ въ ровъ низринутъ,
Вознесутся же благи.
Въ старости маститой, мудрой
Правда возблеститъ челомъ, —
И Тебѣ отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ.
Я взгляну презрѣннымъ окомъ 5
На противниковъ моихъ.
Какъ въ лукавствіи глубокомъ,
Во глумленьи скажутъ ихъ:
«Фениксъ, праведникъ подспудной,
«Кедръ изъ праха взросъ вновь[2] холмъ.» —
И Тебѣ отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ.
Насажденны въ дому Бога 6
Доблести изъ тли взойдутъ:
Честность, мудрость, вѣра строга
Въ царствѣ россκомъ процвѣтутъ,
И промчится гласъ повсюдной:

Digitized by Google

Правъ Богъ! нѣтъ неправды въ Немъ!
И Тебѣ отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ.

[1] Псаломъ 91. Писано на Званкѣ 29 сентября. Напечатано 1816 г. въ ч. V, vi.

[2] Кедръ изъ праха взросъ вновь...

Въ рукописи вмѣсто *вновь* стоитъ *какъ*. Въ псалтыри мѣсто это читается: «Праведникъ яко *финикъ* процвѣтетъ: яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится.»

---

157. БЛАГОДАРНОСТЬ[1].

Исповѣмся я душою, 1
Сердцемъ всѣмъ Тебѣ моимъ:
Средь поющихъ Ангелъ строю
Цитрой благодарный гимнъ
Возбрячу, что Ты глаголу,
Господи, внялъ устъ моихъ.
Храму Твоему святому 2
Въ умиленьи поклонюсь,
Богу кроткому, благому
Слезъ рѣками проліюсь,
Что вознесъ меня отъ долу
На чреду высотъ Своихъ.
Богъ и впредь меня услышитъ, 3
Какъ Его я призову;
Умъ и сердце мнѣ возвыситъ,
Крѣпость дастъ, подобну льву,
И своей мнѣ силой душу
Расширитъ, наполнитъ грудь.
И услышатъ и познаютъ 4
Власти и цари земны,
Что тѣ ввѣкъ не погибаютъ,
Кто Творцомъ охранены.
Я всѣ ужасы разрушу,
Правды, славы въ путь пойду.
Издалече Богъ надменныхъ 5
Угнетаетъ бѣдъ ярмомъ,
А съ высотъ на униженныхъ

Digitized by Google

Призираетъ благъ лучомъ;
Тѣхъ низводитъ, сихъ возводитъ,
Маніемъ весь правитъ свѣтъ.
О всесильный! если скорбью 6
Я и впредь сражусь, стеня, —
Оживляй Твоей любовью,
Провождай въ слезахъ меня,
И какъ громъ на злыхъ снисходитъ,
Духъ Тебя мой да поетъ.

[1] Подражаніе псалму 137-му. Писано на Званкѣ 30 сентября. Напеч. 1816 г., въ ч. V, VII.

---

158. УМИЛЕНІЕ[7].

Не Богу ль повинится 1
Во всемъ душа моя?
Не отъ Него ль струится
Спасеніе ея?
Такъ Онъ одинъ хранитель,
Защитникъ, покровитель,
Броня моя и шлемъ:
Не двигнуся я въ Немъ.
Доколѣ человѣки 2
Подобныхъ имъ гнетутъ,
Кровавыя льютъ рѣки,
Зорятъ жилища, жгутъ;
И стѣны хоть сотренны,
Ихъ кущи разрушенны;
Но въ сердцѣ звѣрску желчь
Несутъ, огонь и мечъ.
И цѣну совѣщаютъ, 3
Меня какъ свергнуть, чѣмъ;
Всѣ жаждутъ, всѣ алкаютъ
Знать о вредѣ моемъ;
Благословятъ устами,
Губятъ, клянутъ сердцами,
Измѣны строя ковъ;
Но Богъ — мой Спасъ, Покровъ.

Digitized by Google

Такъ, Онъ заступникъ, слава, 4
Краса моя, вѣнецъ,
Надежда и избава,
Владыко и Отецъ.
О смертные! внимайте:
Предъ Нимъ лишь преклоняйте
И духъ вашъ и главы;
Но суетны суть вы!
Вы любите хищеньи, 5
Надѣетесь на ложь,
Живете въ подкрѣпленьи
Неправедныхъ вельможъ;
Ко роскоши, къ богатству,
Корысти, святотатству
Летятъ духъ, умъ, сердца. —
Увы! — иль нѣтъ Творца?
Нѣтъ, есть! — Его держава, 6
Въ вселенной всей, и судъ
Всѣмъ, милость и управа
Его въ тотъ вѣкъ дадутъ
Намъ по дѣяньямъ долю. —
Блаженъ, Твою кто волю
Соблюсть въ сей жизни могъ,
О мой Творецъ и Богъ!

[1] Подражаніе псалму 70-му. Писано на Званкѣ 2-го октября. Напеч. 1816 г., въ ч. V, v.

---

159. ИЗДАТЕЛЮ МОИХЪ ПѢСНЕЙ[1].

1808.

Пѣсней моихъ издаватель! 1
Другъ Сіонидъ и пѣвецъ[2]!
Въ храмѣ искусствъ обитатель!
Если ихъ кисть и рѣзецъ
Тѣнь хоть едину въ картинѣ
Бога-Творца изразятъ,
Въ мраморѣ ль, мѣди, холстинѣ
Хлора, Фелицу явятъ:

Digitized by Google

Сгложутъ ли, Лабзинъ, черви въ могилѣ
Со мною тебя?
Сгложутъ, коль самыя Музы 2
Только мечтаній рабы:
Тлѣна носящее узы
Смерти не уйдетъ татьбы.
Гдѣ, ахъ! завѣса Апелла?
Фидія Дій? — прахъ и персть.
Гдѣ Иліонъ, Тиръ и Пелла?
Развѣ убѣгли съ ихъ мѣстъ?
Нѣтъ! тамъ, гдѣ башни неба касались,
Обломки лежатъ.
Но Меонидъ[3] въ кругѣ міра 3
Въ словѣ безсмертномъ живетъ:
Громкая правдою лира,
Духа печать, не умретъ.
Геніи въ мракѣ такъ зримы,
Нощью какъ въ небѣ огни;
Памятны будутъ Зосимы[4]:
Въ духѣ Евгенья они
Прейдутъ къ потомству. — Солнце лучами
Проходитъ сквозь мракъ.
Такъ чрезъ тебя я прольюся 4
Цѣлаго свѣта вокругъ;
Въ книгахъ, какъ въ стеклахъ, возжгуся:
Узрятъ далече мой духъ.
Чтожъ воспрещалъ ты брамину[5]
Сѣять въ Лапландцахъ лучи?
Жегъ ѳиміамъ, иль лучину,
Свѣтъ проливалъ онъ въ ночи.
Долгъ саламандра жечь, — долгъ поэта
Въ міръ правду вѣщать.
Шествуй со мною безстрашно 5
Ты въ проповѣдничій путь;
Бога вѣщай велегласно,
Въ пѣсняхъ созвучникъ мнѣ будь;
Всюду хвали добродѣтель,
Святость и истину славь;
Доблестей Россовъ свидѣтель,

Digitized by Google

Памятникъ вѣчный оставь
Въ звукахъ Багрима[6]: то и во гробѣ
Насъ червь не сгрызетъ.

[1] Въ 1808 году изданы сочиненія Державина въ четырехъ частяхъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ пріятеля его, Александра Θедоровича Лабзина, котораго участіе въ этомъ дѣлѣ уже оцѣнено нами въ Предисловіи къ I-му тому (стр. XX). О Лабзинѣ см. сверхъ того стр. 143 настоящаго тома.

Стихи *Издателю моихъ пѣсней* написаны 20 января. Напеч. въ изд. 1808 г., ч. II, LXXVIII, гдѣ имя Лабзина означено только буквой Л.

[2] Другъ Сіонидъ и пѣвецъ *и проч.*

Подъ *Сіонидами* (или правильнѣе, *Сіонитами*) должно разумѣть Музъ въ отношеніи къ духовной поэзіи: Клопштокъ называлъ свою Музу «die Sionitin.» Лабзинъ издавалъ въ 1806 г. *Сіонскій Вѣстникъ* и, какъ конференцъ-секретарь академіи художествъ, жилъ въ ея зданіи.

[3] Но Меонидъ...

т. е. Гомеръ.

[4] Памятны будутъ Зосимы.

Зосимы, четыре брата, — Анастасій, Николай, Зой и Михаилъ Павловичи, богатые Греки, жившіе въ Россіи и употребившіе большіе капиталы на изданіе книгъ для просвѣщенія своего народа; они напечатали между прочимъ и многія рукописныя сочиненія бывшаго славенскаго и херсонскаго архіепископа, Евгенія Булгара (род. 1715 г. на островѣ Корфу, умеръ 1806 въ Петербургѣ), о которомъ мы уже упоминали, какъ о комментаторѣ Анакреона при переводѣ Львова (см. выше стр. 47). Когда М. Н. Муравьевъ былъ попечителемъ Московскаго округа Зосимы прислали въ даръ тамошнему университету болѣе 50-ти томовъ древнихъ греческихъ писателей, напечатанныхъ ими въ разныхъ типографіяхъ Европы (Шевырева *Ист. Моск. ун.*, стр. 373).

[5] Что жъ воспрещалъ ты брамину *и проч.*

Въ 1803 году, вскорѣ послѣ появленья посланія къ царевичу Хлору (см. выше стр. 259), Лабзинъ написалъ къ Державину стихи, въ которыхъ шуточнымъ образомъ объяснялъ, что напрасно описывать Лапландцамъ красоты солнца и что точно такъ же безполезно говорить правду тѣмъ, которые понять ее не въ состояніи. Потому-то Державинъ здѣсь доказываетъ, что напротивъ долгъ поэта говорить во всякомъ случаѣ правду (*Об. Д.*).

[6] Въ звукахъ Багрима...

См. томъ I, стр. 492.

Digitized by Google

160. НА БАЛЕТЪ ЗЕФИРЪ И ФЛОРА [1].

Что за призраки прелестны, 1
Легки, свѣтлы существа,
Сонмъ эѳирный, сонмъ небесный,
Тѣни, лица божества
Въ неописанномъ восторгѣ
Мой лелѣютъ, нѣжатъ духъ?
Не боговъ ли я въ чертогѣ? —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!
Вижу холмъ подъ облаками, 2
Озлащаемый лучемъ,
Осѣняемый древами,
Ожурчаемый ключемъ;
Средь сребристыхъ водъ и брегу
Лебедей, дѣтей зрю вдругъ;
Вижу всю эдемску нѣгу. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!
Слышу: дышитъ повсемѣстно, 3
Порхаетъ вкругъ розъ Зефиръ,
Улыбается прелестно
Красота отъ звуковъ лиръ;
Душъ невинныхъ разговоры
Какъ гармонія вокругъ,
Какъ зари, ихъ свѣтятъ взоры. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!
Дремлетъ злоба съ мрачнымъ свойствомъ, 4
Спитъ, нахмурясь, бранный жаръ;
Миръ, объемляся съ спокойствомъ,
Пьютъ божественный нектаръ:
Духи вверхъ и внизъ шурмуютъ,
Хороводы вьются вкругъ;
Съ дружбою любовь ликуютъ. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!
Правъ ты, что воображеньемъ 5
Могъ сихъ таинствъ доходить,
Что мы плоти съ отверженьемъ
Будемъ съ Ангелами жить.
Ахъ! коль ложно это чувство,

Digitized by Google

Нашъ безсиленъ, смертенъ духъ:
Не творило бъ дивъ искусство. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!
Не могли бъ мы возвышаться
И къ понятію духовъ,
Ихъ блаженствомъ утѣшаться
На земли, средь облаковъ;
Днесь ихъ разность въ томъ лишь съ нами,
Что нашъ связанъ съ тѣломъ духъ:
Будемъ, будемъ мы богами!
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

[1] Написано 31 января на представленіе этого знаменитаго въ то время балета въ эрмитажномъ театрѣ. Напечат. тогда же въ *Драматическомъ Вѣстникѣ*, ч. I, стр. 47, подъ загл. *Диѳирамбъ* и проч. и съ подписью: Державинъ; потомъ въ изд. 1808 г. ч. III, сх.

[2] Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Сведенборгъ (по нѣмецкому произношенію, Шведенбургъ) — род. 1688, ум. 1772 г. — Шведъ родомъ, извѣстный мистикъ и ясновидецъ, изложившій въ своихъ сочиненіяхъ особенную систему религіи.

---

161. АЛЬБАУМЪ [1].

Когда земны оставишь царства,
Пойдешь въ Эдемъ, иль Элизей,
Харонъ вопроситъ, иль мытарства,
Изъ жизни подорожной сей [2]:
Поэтовъ можешь одобренья
Въ альбаумѣ твоемъ явить;
Духамъ отдавъ ихъ для прочтенья,
Паспортъ твой ими замѣнить.
По нихъ тебя узнаютъ тѣни,
Кто ты и въ свѣтѣ какъ жила;
Твои всѣ чувства, помышленьи
Раскроются, какъ солнцемъ мгла.
Тогда ты можешь оправдаться,
И, ахъ! иль обвиненной быть,
Въ путь правый, лѣвый провождаться,
Святой иль окаянной слыть.
Тогда черта, взглядъ, вздохъ, цвѣтъ, слово

Digitized by Google

Сей книги записной въ листахъ
Духовно примутъ тѣло ново
И обличатъ тебя въ дѣлахъ,
Во всѣхъ часахъ твоихъ, мгновеньяхъ.
Ты станешь на судѣ нагой:
Въ поступкахъ, мысляхъ и движеньяхъ
Мракъ самый будетъ послухъ твой.
Поэтъ, тебя превозносившій,
Прямымъ заговоритъ лицомъ,
Порокъ иль добродѣтель чтившій
Своимъ возопіетъ листомъ.
Листъ желтый, напримѣръ, надменность
Явитъ, что гордо ты жила:
На синемъ скупость вскрикнетъ, ревность,
Что ты соперницъ врагъ была;
На сребряномъ вструбитъ богатство,
Что ты въ свой вѣкъ прельщалась имъ;
На тёмномъ зашипитъ лукавство,
Что въ грудь вилась друзьямъ твоимъ;
На аломъ засмѣется радость,
Что весело любила жить;
На розовомъ воспляшетъ младость,
Что съ ней хотѣла вѣкъ свой длить;
На глянцоватомъ самолюбье
Улыбкою своей дастъ знать,
Что было зеркало орудье
Красотъ твоихъ, дабы прельщать;
Надежда на листкахъ зеленыхъ
Шепнетъ о всѣхъ твоихъ мечтахъ;
На сѣренькихъ листкахъ смиренныхъ
Печаль завоетъ во слезахъ.
Но Геній, благъ твоихъ свидѣтель,
На бѣлыхъ листьяхъ, въ блескѣ словъ,
Покажетъ вѣру, добродѣтель
И безпорочную любовь.

[1] Написано 14 мая для Натальи Алексѣевны Колтовской. Имя этой дамы встрѣчается въ *Запискахъ* Державина (*Р. Б.*, стр. 406): въ царствованіе императора Павла онъ былъ назначенъ опекуномъ ея; эта опека, по словамъ его, была весьма щекотлива, потому что Государь, очарован-

Digitized by Google

ный Колтовскою, «хотѣлъ, по его нраву, круто ея благосостояніе исправить». Она была дочь богатаго горнозаводчика Турчанинова и вела съ своимъ мужемъ (Ильею Васильевичемъ, ген.-поруч., ум. 1796?) тяжбу по имѣнію; Державинъ былъ убѣжденъ въ ея правотѣ и, какъ видно изъ дальнѣйшаго его разсказа (стр. 440), имѣлъ по этому поводу непріятности съ Беклешовымъ, который былъ на сторонѣ ея мужа, — ничтожнаго чиновника, но человѣка съ состояніемъ. Державинъ былъ влюбленъ въ Колтовскую, и ее въ 1808 году часто видали въ его домѣ. Въ 1815—16 годахъ покойный В. И. Панаевъ, будучи на вечерѣ у Державина, замѣтилъ «нѣжное обращеніе хозяина съ тогдашнею красавицею, г-жею Колтовскою, женщиною лѣтъ 35-ти, бойкою, умною. Г. Р. почти не отходилъ отъ нея и казался бодрѣе обыкновеннаго» (*Вѣст. Евр.* 1867, т. III, стр. 248, «Воспом. Панаева»).

Напеч. сперва въ *Русск. Вѣстникѣ* 1808 г. за іюнь (ч. II, стр. 310) подъ заглавіемъ *Въ альбаумъ красавицъ*, при чемъ въ выноскѣ примѣчаніе издателя о происхожденіи альбомовъ; потомъ въ изд. 1808 г., ч. III, сxviii. *Альбаумъ* — ошибочная форма слова, введенная нѣкоторыми нѣмецкими писателями.

2 Харонъ вопроситъ, иль мытарства, *и проч.*

т. е. Харонъ или мытарства спросятъ подорожной изъ сей жизни (о мытарствахъ см. выше стр. 316).

---

162. Посылка плодовъ[1].

Когда дѣлящая часы небесъ планета, 1
Къ намъ возвращаяся, приходитъ жить съ тельцомъ:
Отъ пламенныхъ роговъ щедрота льется свѣта,
Міръ облекается и блескомъ и тепломъ.
Не только лишь земля, съ наружности одѣта, 2
Цвѣтами долъ пеститъ и кроетъ злакомъ холмъ,
Но, и въ безжизненной внутрь влажности нагрѣта,
Плодотворительнымъ чреватѣетъ лучемъ
И сими насъ даритъ, другими ли плодами. 3
Подобна солнцу ты межъ красными женами,
Очей твоихъ лучемъ пронзая сердце мнѣ,
И помыслы родишь и словеса любовны. 4
Но, ахъ! они къ тебѣ колико ни наклонны,
Въ цвѣтущей не живалъ я никогда веснѣ.

1 Это и два слѣдующія стихотворенія — довольно близкіе переводы изъ Петрарки, сдѣланные или по печатному нѣмецкому переводу, или, еще вѣроятнѣе, по рукописному буквальному переложенію на русскій языкъ. Они отмѣчены послѣдовательно 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ іюля. Это об-

стоятельство, какъ и то, что при двухъ изъ нихъ означено имя Н. Н., заставляетъ предполагать, что поэтъ самъ былъ подъ вліяніемъ нѣжнаго чувства, выраженнаго Петраркой. Но кто была новая Лаура? по всей вѣроятности, та же Колтовская, которой посвящены непосредственно предъ симъ помѣщенные стихи: *Альбаумъ*.

Настоящая пьеса озаглавлена въ рукописи: *Сонетъ при посылкѣ плодовъ къ Н. Н.* Это 9-й сонетъ Петрарки, въ подлинникѣ начинающійся стихомъ:

Quando 'l pianeta che distingue l'ore ...

Напечатано въ изд. 1808 г., ч. III, cxix.

---

163. ПРОГУЛКА[1].

Находятся съ такимъ въ природѣ твари зрѣньемъ, 1
Что быстро свой взносить на солнце могутъ взоръ;
Но суть и тѣ, кому лучъ вреденъ удареньемъ,
А подъ вечеръ они выходятъ лишь изъ норъ.
Иныя жъ нѣкакимъ безумнымъ вожделѣньемъ 2
И на огонь летятъ, красотъ въ немъ зря соборъ;
Но лишь касаются, сгараютъ мановеньемъ,
И я бѣднякъ сихъ толпъ и образъ и позоръ!
Безсиленъ будучи сносить лучи свѣтила, 3
Которымъ я прельщенъ, — ни тѣни, коя бъ скрыла
Меня гдѣ отъ него, ни мѣста я не зрю;
Но съ потупленными, слезящими очами 4
Влекусь чрезъ силу зрѣть на солнце межъ женами,
Не мысля, ахъ! о томъ, хоть ею и сгорю.

[1] 17-й сонетъ Петрарки, который въ подлинникѣ начинается такъ:

Son animali in mondo di si altera
Vista, che'ncontr' al sol pur si difende...

При первоначальной редакціи было заглавіе: *Сонетъ на прогулку, чтобъ увидѣть Н. Н.* См. предыдущую пьесу.

Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, cxx.

---

164. ЗАДУМЧИВОСТЬ[1].

Задумчиво, одинъ, широкими шагами 1
Хожу и мѣряю пустыхъ пространство мѣстъ,
Очами мрачными смотрю передъ ногами,
Не зрится ль на пескѣ гдѣ человѣчій слѣдъ.

Digitized by Google

Увы! я помощи себѣ между людями 2
Не вижу, не ищу, какъ лишь оставить свѣтъ;
Веселье коль прошло, грусть обладаетъ нами,
Золъ внутреннихъ печать на взорахъ всякій чтетъ.
И мнится, мнѣ кричатъ долины, рѣки, холмы, 3
Какимъ огнемъ мой духъ и чувствія жегомы,
И отъ дражайшихъ глазъ что̀ взоръ скрываетъ мой.
Но нѣтъ пустынь такихъ, ни дебрей мрачныхъ, дальныхъ, 4
Куда любовь моя въ мечтахъ моихъ печальныхъ
Не проходила бы бесѣдовать со мной.

[1] 28-й сонетъ Петрарки, откуда это переведено, начинается словами:

Solo e pensoso i più deserti campi
Vo misurando a passi tardi e lenti...

При первоначальной редакціи перевода заглавіе: *Любовная меланхолія.* Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, cxxi.

---

165. ПЛАЧЪ ЦАРИЦЫ[1].

Развернулась лишь лилея 1
И на солнце стала зрѣть;
Улыбнулася, алѣя,
Только роза, — ссѣкла смерть.
Будто мраморна, царица
На супружней выѣ зрится.
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ;
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!
Плачетъ добрая царица: 2
Рокъ у ней злой дщерь унесъ;
Какъ роса, огнемъ струится
На ланитахъ капля слезъ,
Скорбь души изображая.
Дщерь бездушну лобызая,
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!
Въ одиночествѣ, въ разлукѣ, 3
Какъ супруга нѣтъ со мной,
Кто мнѣ въ горести и скукѣ
Собесѣдникъ будетъ мой?

Digitized by Google

Чей мнѣ взоръ и лепетанье
Вспомнитъ Ангеловъ витанье?
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!
Кто царя во дни унывны 4
Взглядомъ милымъ озаритъ;
Руки распростря невинны,
Взять на лоно приманитъ?
Ахъ! кто бранному герою
Дѣтской честь отдастъ игрою[2]?
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!
Тяжко бремя кто короны 5
Будетъ нашей облегчать?
Подъ порфирой духа стоны
Упованьемъ услаждать?
Безъ надежды наслажденья
Цѣлый свѣтъ не награжденье.
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!
Прочь и скипетръ и держава 6
И блестящій дворскій сонмъ!
Суета и царска слава,
Если смерть грозитъ серпомъ.
Такъ царица возглашала
И утѣхамъ не внимала.
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!
Но межъ ей и межъ супруга 7
Стоя плачуща, Любовь
Лобызаніемъ другъ друга
Утоляетъ смутну кровь.
Весь народъ, имъ благъ радѣя,
Проситъ: кроткая лилея!
Райскій кринъ! благоухай!
Новые плоды намъ дай.

[1] Написано на смерть великой княжны Елисаветы Александровны (см. выше, стр. 384, стихи на ея рожденіе). Напеч. въ изданіи 1808 г., ч. III, cxv.

Digitized by Google

[2] Дѣтской честь отдастъ игрою.

Малютка, видя, какъ часовые отдаютъ Государю честь ружьемъ, стала при встрѣчахъ съ родителемъ дѣлать то же самое игрушками, какія у нея въ рукахъ случатся (*Об.* Д.).

---

166. Обитель Добрады [1].

Палемонъ.

Среди плетеныя, шиповыя ограды,
Подъ тѣнью липъ, дубовъ,
Между сиренъ и розовыхъ кустовъ
Домъ благодатныя, неблазныя Добрады [2],
Богини всякаго добра,
Царицы тьмы щедротъ,
Въ полугорѣ стоитъ и вдаль чрезъ долъ съ высотъ
Блеститъ изъ мрамора столпами;
А передъ ними, какъ сребра
Съ уступами гора,
Шумящій водоскатъ [a], жемчужными струями
Сверкая, сыплется въ рѣку,
И прогоняетъ дѣвъ задумчивыхъ тоску.
Здѣсь возвышается алтарь Творцу вселенной [b],
И обелисковъ рядъ несется къ небесамъ,
Царямъ,
Вождямъ,
Друзьямъ,
Вкругъ благовоніемъ вседневно окуренной;
А тутъ пестрѣются различные цвѣты,
Для вящшей сада красоты
Въ узорчатыхъ грядахъ,
Какъ будто на коврахъ,
Между извивистыхъ златыхъ тропинъ, песчаныхъ,
По коимъ ходитъ ликъ небесныхъ Валкъ избранныхъ [8].
На мѣстѣ семъ
Добрада въ обществѣ своемъ,
Во сельской простотѣ, но божеству приличной, —
Во знойный день,
Въ вечерній часъ обычной,
Подъ солнцемъ рощи какъ кидаютъ длинну тѣнь,

Digitized by Google

И отъ очей за нимъ черепокожна чуда[4],
Ползуща среди звѣздъ, не зрима ни откуда,
Алѣютъ воды, горы и лѣса,
И въ золотѣ горятъ багряномъ небеса;
Шумъ тварей тише становится,
И легкій порхаетъ Зефиръ,
Рой насѣкомыхъ, чуть вдали жужжа, толпится,
И клонится къ дремотѣ міръ, —
Возсѣвши на скамьѣ муравчатой, дернистой,
Богиня воздухъ черплетъ чистой
И смотритъ на свои утучненны стада,
Идущи тяжело съ мычаньемъ изъ долины;
Иль зритъ средь озера стеклянныя равнины,
Какъ тихо тянется за лебедемъ бразда;
Иль слушаетъ, склонясь, преливистыя трели,
Какъ изъ-за рощи къ ней
Доходятъ голоса пастушеской свирѣли;
Иль громкій соловей
Какъ торжество своей
Любови страстной воспѣваетъ,
Отрывисто звучитъ,
За громомъ громъ катитъ
И всю себя внимать природу заставляетъ[5];
Потомъ же, утомясь,
Свой тише, тише гласъ
Какъ бы степенно ниспускаетъ
И, сладостно стеня, въ восторгѣ умолкаетъ.
А иногда молву
Вкругъ слышитъ по лѣсамъ богиня птицъ безгнѣздныхъ[6],
Какъ чадъ своихъ любезныхъ
Онѣ къ себѣ зовутъ: ау, ау, ау!
Отъ скучныхъ стоновъ сихъ склоня свою главу,
Подъ часъ задумчиво сидитъ,
Молчитъ;
А эхо тожъ: ау, ау!
Безперерывно повторяетъ,
Добрадѣ сердце раздираетъ.
Она вздыхаетъ,
Токъ слезный проливаетъ

И бывши бѣдствія и Лизу вспоминаетъ [7],
Что въ майскій свѣтлый, юный день
Недавно скрылася во смертну тѣнь,
Ее, отца и мать оставивши въ печали;
Или грустить,
Печальный кажетъ видъ,
Отсутственно изъ дали
Любезну дочь свою къ себѣ всечасно ждетъ
И заунывну пѣснь такъ про себя поетъ:

Арія.

Богиней я слыву, —
Нейдутъ заботы прочь:
Тебя къ себѣ зову,
Приди, любезна дочь!
Ау, ау ау!
Весна цвѣтитъ траву,
Зимы исчезла мочь:
Тебя къ себѣ зову,
Приди, любезна дочь!
Ау, ау, ау!

Но чувствъ какъ таковыхъ умильныхъ насладится,
Объемлетъ на одрѣ богиню сладкій сонъ
А Дажбогъ [8], сшедъ съ небесъ, къ ней стражемъ становится
И осѣняетъ звѣздъ щитомъ [в].
Валкала ликъ [9] тогда подъ арфой тихострунной,
Какъ шепчущій камышъ морской или ручей
Въ вѣтреноватый часъ, часъ лунной,
Отвсюду ей
Во слухъ гармонію ліетъ [г],
Дреманье и покой, на вѣжды мглу ведетъ.

Хоръ.

О духи всемірны!
Крылѣ вы эѳирны
Прострите надъ ней;
Струися, ручей
Дремоты пріятной!
Душѣ благодатной,
Чистой во всемъ,
Зрися рай сномъ.

Digitized by Google

Дафнисъ.

Надъ злачнымъ садомъ симъ Добрады
Востока днесь златилась дверь:
Ужъ не предвѣстье ль то отрады?
Не возвратится ли къ ней дщерь
Изъ дальныхъ, чуждыхъ странъ, изъ области супруга?
Не скажешь ли о томъ что, Палемонъ, намъ ты?

Дафна.

Я, я скажу: моя подруга,
Здѣсь рвавши на зарѣ цвѣты
На поясъ, на вѣнецъ, и какъ ихъ соплетала,
Тихонько на ушко,
Чтобъ не подслушалъ кто,
Мнѣ такъ шептала:
«Сегодня праздникъ у Добрады, —
Пріѣхала къ ней дочь.»
Я вмигъ украдкой прочь
Убѣгла отъ сестеръ,
Чтобы и мнѣ, въ ея примѣръ,
Украсить мой нарядъ и въ день такой пріятный,
Толь свѣтлый, милый, благодатный,
Усердья моего всѣхъ больше показать.
Какъ будутъ дочь и мать
Себя взаимно обнимать
И сладку межъ собой семейну жизнь вкушать!

Дафнисъ.

Какъ! ужъ пріѣхала къ намъ гостья ожиданна?
О радость сердцу несказанна!
О душъ ей преданныхъ восторгъ!
Здорову ли ее принесъ обратно Богъ?
Цвѣтетъ ли красота ея, цвѣла какъ прежде,
И вѣчно чтобъ съ ней жить, быть можемъ ли въ надеждѣ?

Палемонъ.

Какъ на отечество свое она глядитъ,
На мать, на братьевъ, сестръ? Въ бесѣдахъ говоритъ
Своимъ ли языкомъ?

Дафнисъ.

Спросила ли о комъ?
Узнала ли друзей и тѣ мѣста природны,

Digitized by Google

Гдѣ развивалися красы порфирородны
И улыбалась въ ней младенческа душа?

Дафна.

Все такъ же хороша:
Не разнится ни въ чемъ весеннихъ дней съ зарею;
Съ середнею своей и младшею сестрою
Привѣтлива, скромна и ласкова ко всѣмъ;
Всечасно мать лобзаетъ;
А мать ее
Объемлетъ, къ сердцу прижимаетъ
И, на лицѣ явя веселіе свое,
Разлуку забываетъ.
Природа съ нихъ беретъ другой повсюду видъ,
И вкругъ торжественно сіяньемъ все блеститъ:
Тамъ горы, тамъ лѣса играютъ,
Тамъ рыбы вверхъ изъ водъ какъ бы взлетаютъ,
Сверкая перьемъ, чешуей [10];
Повсюду, словомъ, все восторгъ являетъ свой.
Прекрасны дѣвы хороводомъ
И пляшутъ и поютъ, ея живяся взоромъ.

Арія.

О, какъ обитель
Добрады цвѣтетъ!
Всякій къ ней житель
Блаженно живетъ,
Счастливо, пріятно,
Зритъ какъ обратно
Прибывшу въ ней дщерь. —
Намъ рай здѣсь теперь!

Палемонъ.

И о житьѣ она своемъ
За тридевять земель, заморскомъ, разсказала
Тебѣ и всѣмъ?

Дафна.

Подробно, все, съ начала
И даже до конца.
Какъ встрѣчена была отъ матери, отца,
Супруга своего и отъ всего народа;
И какъ отъ хоровода

Digitized by Google

Всѣхъ тамошнихъ какихъ-то Музъ
По тамошнему пѣть ей былъ усердный гимнъ.
Я вытвердить его успѣла наизусть,
И языкомъ своимъ,
Коль Дафнисъ согласится
Со мною потрудиться,
Всѣмъ сердцемъ порадѣть, —
То можемъ мы его вдвоемъ здѣсь и пропѣть[e].

Дафнисъ.

Зачни лишь, Дафна, ты; а я къ тебѣ пристану
И вторить стану.

ДУЭТЪ.

Дафна и Дафнисъ.

«Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща[11],
Блескъ златымъ вѣнцомъ дающа,
Изъ чужаго небосклона
Принесенна къ намъ на лоно!
И съ сладчайшими плодами
Зеленѣй всегда листами!»

ТРІО.

Палемонъ, Дафнисъ и Дафна.

«Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща,
Къ небесамъ главу несуща!
И, дни бурные зимою,
Не касайтесь къ ней косою!»

Палемонъ.

Когда въ чужомъ ее такъ славили народѣ,
То стыдно будетъ намъ,
Коль въ собственномъ своемъ отечествѣ и родѣ
Мы воли не дадимъ сердцамъ
И, чувствъ своихъ къ отрадѣ,
Сегодня торжества не изъявимъ Добрадѣ.
Поди, о Дафнисъ! поскорѣй
И предъ алтарь ты къ ней
Сзови всѣхъ пастуховъ съ селеніевъ окружныхъ,
Участниковъ ея щедротъ,
Да въ восклицаніяхъ содружныхъ
Пускай и весь народъ
За здравіе Добрады,

Digitized by Google

За всѣхъ ея родныхъ
Творцу моленье льетъ
И восхищенныхъ чувствъ своихъ
Являетъ радость и прохлады.

Молитва народа.

О Боже! зри
Мольбы сердечны:
Съ высотъ простри
Дни счастья вѣчны,
И всякихъ золъ
Избавь Добраду;
Царя, престолъ
Прими въ ограду
И насъ храни:
Дай свѣтлы дни.

Хоръ сиротъ.

Ты отъ смерти воскресила
И изъ праха насъ взяла,
Воспитала, воскормила,
Просвѣщеніе дала.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Сирыхъ благодарность зри.

Хоръ дѣвицъ.

Ты нашъ разумъ озарила
И украсила нашъ нравъ;
Всѣмъ искусствамъ научила,
Вмѣсто матери намъ ставъ.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Дѣвъ днесь благодарность зри.

Хоръ вдовъ.

Ты насъ дланію покрыла,
Даровала намъ покой,
Жизнь несчастну прекратила
Щедрою твоей рукой.
О Добрада благодатна!

Digitized by Google

Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Вдовъ днесь благодарность зри.

Хоръ ремеслъ.

Ты искусствомъ надѣлила,
Намъ познанія дала:
Прясть и ткать насъ научила,
Пользу общую ввела.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Музъ днесь благодарность зри.

Хоръ общій.

Ты намъ милости являешь
И щедротами даришь;
Всѣхъ ласкаешь, угощаешь,
По достоинствамъ насъ чтишь.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Общу благодарность зри[ж].

Палемонъ.

Но зрите, какъ сія божественна царица
Скромна и все добро лишь для добра творитъ[з];
Хотя сіяетъ всѣмъ, какъ бы небесъ зарница,
Но взоръ прозрачная тончица[12]
Ея, какъ легкій облакъ, тмитъ,
Когда ей ароматъ съ полсвѣта душъ горитъ.

[а] ... водопадъ (1808).
[б] ... Зиждителю вселенной.
[в] И звѣзднымъ стережетъ ее щитомъ.
[г] Вокругъ гармонію ліетъ.
[д] Рвавъ днесь на зарѣ цвѣты.
[е] ... его самъ-другъ и здѣсь пропѣть.
[ж] Всѣхъ насъ благодарность зри.
[з] Скромна, не жаждетъ хвалъ, добро лишь для добра творитъ.

---

[1] Эта пьеса, имѣющая драматическую форму, по содержанію своему принадлежитъ однакожъ вполнѣ къ лирическому роду, и потому мы, слѣдуя примѣру самого Державина, помѣщаемъ ее между мелкими стихотвореніями. Она написана въ іюнѣ мѣсяцѣ по случаю ожиданія въ *Пав-*

Digitized by Google

ловскѣ императрицею Маріей Θеодоровной изъ чужихъ краевъ дочери ея Маріи Павловны, супруги наслѣднаго принца, съ 1828 г. великаго герцога саксенъ-веймарскаго, Карла Фридриха (великая княгиня родилась 1786 г., вступила въ бракъ 1804, овдовѣла 1853, скончалась 1859). *Добрада* (Марія Θеодоровна) — имя доброй волшебницы, встрѣчающееся въ *Русскихъ сказкахъ* Чулкова (ср. выше стр. 333); но, какъ показано будетъ ниже, Державинъ подъ этимъ именемъ разумѣлъ богиню. — Примѣры подобныхъ пьесъ въ діалогической формѣ Державинъ могъ видѣть между прочимъ у Рамлера, котораго пьеса: «Das Fest des Daphnis und der Daphne» вѣроятно послужила ему образцомъ для его *Новоселья молодыхъ* (томъ I, стр. 472). Между разговаривающими есть у Рамлера и *Филемонъ*, котораго подобіе въ *Обители Добрады* является подъ именемъ *Палемона* *.

Пьеса открывается картиною извѣстной части прекраснаго сада въ Павловскѣ, любимомъ мѣстопребываніи Маріи Θеодоровны. Подъ рѣкою, въ которую льется водоскатъ, разумѣется Славянка, воспѣтая впослѣдствіи (1816) Жуковскимъ.

Обитель Добрады была напечатана въ *Русск. Вѣстникѣ* за ноябрь 1808 г. (ч. IV, стр. 212) съ такимъ въ концѣ примѣчаніемъ С. Глинки: «Издатель Русск. Вѣстн. благодаритъ почтенную особу за сообщеніе изъ Петербурга сей лирической драмы. Хотя знаменитый сочинитель не подписалъ своего имени, но читатели легко отгадаютъ оное по кисти пламенной и живописательной». Къ заглавію были прибавлены слова: «Пастушеская мелодрама съ речитативомъ и хорами, по случаю пріѣзда» и проч. Передъ текстомъ исчислены дѣйствующія лица: «Палемонъ, Дафнисъ, Дафна, народъ», и далѣе замѣчено: «Дѣйствіе въ обители Добрады. Садъ, украшенный пирамидами и цвѣтниками; въ перспективѣ водоскатъ, текущій въ рѣку». Имя *Добрады* такъ объяснено въ выноскѣ: «Богиня древнихъ сѣверныхъ славянскихъ народовъ». Къ нѣкоторымъ стихамъ сдѣланы самимъ поэтомъ примѣчанія, которыя потомъ перенесены имъ и въ *Объясненія*. Въ *Запискахъ* С. Глинки послѣ разсказа о неудовольствіи на него Державина (см. въ томѣ III нашего изданія примѣч. къ пьесѣ *Русскимъ Граціямъ*) замѣчено: «Гаврила Романовичъ сообщилъ въ мое изданіе драматическій отрывокъ подъ заглавіемъ: *Праздникъ у Добрады*, посвященный императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ; съ того времени у поэта съ *Русскимъ Вѣстникомъ* существовалъ миръ ненарушимый» (*Р. Вѣстн.* 1865, № 7, стр. 260).

Во второй разъ *Обитель Добрады* напечатана въ изд. 1808 г., ч. III, CXVI.

[2] Домъ благодатныя, неблазныя.

Здѣсь Державинъ позволилъ себѣ прилагательныя *благодатная* и *неблазная*, желая показать, что они могутъ быть употребляемы не въ одномъ священномъ смыслѣ, и тѣмъ подкрѣпить мнѣніе Шишкова, высказанное

* Въ 1788 г. въ Москвѣ издана отдѣльно сказка; «Добрада, волшебница, или образъ доброжелательства ближнему, соч. А. Л.» Въ *Вѣстникѣ Европы* 1809 г., № 23, помѣщена повѣсть *Три пояса*, въ которой также является это лицо, равно какъ и въ оперѣ Крылова (1807) *Илья Муромецъ*.

Digitized by Google

нимъ въ Россійской Академіи при пересмотрѣ словаря ея, но встрѣтившее много противорѣчій, особенно со стороны духовныхъ членовъ Академіи, такъ что изъ споровъ по этому поводу возникла даже переписка; однакожъ цензура пропустила стихъ Державина безъ всякаго замѣчанія (*Об.* Д.).

Въ 1808 году адмиралъ Шишковъ, тогда еще не президентъ Россійской Академіи, представилъ ей въ рукописи начало *Опыта Славенскаго Словаря*, надъ которымъ онъ въ тó время трудился. Такъ какъ въ этомъ словарѣ заключалось, между прочимъ, истолкованіе текстовъ св. Писанія, то онъ подвергся духовной цензурѣ. По разсмотрѣніи его новгородскимъ митрополитомъ Амвросіемъ и калужскимъ епископомъ Ѳеофилактомъ, оберъ-прокуроръ св. синода возвратилъ въ Академію рукопись съ замѣчаніями духовныхъ лицъ. О словѣ *благодать* было между прочимъ сказано: «Въ свѣтскихъ матеріяхъ оно никогда не должно быть употребляемо; а богословы, проповѣдники и вообще всѣ нравоучители церковные изъясняются онымъ по приличію и по надобности». Далѣе, о словѣ *неблазный* замѣчено, что оно «исключительно принадлежитъ единой Пресвятой Дѣвѣ». Вслѣдствіе этихъ и другихъ замѣчаній, въ Академіи было рѣшено начала словаря не печатать. Продолженіе его набиралось въ *Сочиненія и переводы Росс. Ак.* (ч. 3); но вскорѣ печатаніе опять пріостановлено: тверской архіепископъ Меѳодій заявилъ, что словарь не можетъ издаваться безъ духовной цензуры; тогда, по требованію президента, Нартова, и съ согласія Шишкова, списокъ словаря, «свѣренный съ подписанными самимъ сочинителемъ печатными листами», препровожденъ былъ къ князю Голицыну. Тѣмъ дѣло и кончилось. — Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ Академіи разсматривалась рукопись Павла Львова: «Михаилъ Романовъ во храмѣ славы россійскихъ героевъ»; находившіяся въ ней слова: *неблазныя обиталища* положено было замѣнить словами: *удаленныя отъ соблазна обиталища* (Подлинные протоколы Росс. Академіи 1808 г.).

3 ... небесныхъ Валкъ —

см. выше стр. 169.

4 ... черепокожна чуда ...

Здѣсь разумѣется небесный знакъ Рака, соотвѣтствующій іюню мѣсяцу (*Об.* Д.).

5 И всю себя внимать природу заставляетъ.

Ср. у самого Державина пьесы: *Соловей* (томъ I, стр. 475) и *Соловей во снѣ* (томъ II, стр. 80); также у Крылова:

«Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры».

Для родословной крыловскаго *Соловья* не лишены интереса слѣдующіе, хотя и плохіе, стихи извѣстнаго Михайла Попова, который очевидно подражалъ въ нихъ описанію пѣнія соловья, находящемуся въ Риторикѣ Ломоносова и заимствованному изъ Плинія младшаго (см. томъ I, стр. 478).

«Урчалъ, дробилъ, визжалъ, кудряво, густо, тонко,
Порывно, косно вдругъ, вдругъ томно, тяжко, звонко,

Digitized by Google

Стеналъ, хрипѣлъ, щелкалъ, скрыпѣлъ, тянулъ, вилялъ
И разностью такой людей и птицъ плѣнялъ».
(Притча *Соловей* въ *Досугахъ* М. Попова, Спб. 1772,
ч. I, стр. 30).

[6] ... птицъ безгнѣздныхъ.

«Кукушки собственныхъ гнѣздъ не имѣютъ» (*Об.* Д.). Любопытныя свѣдѣнія объ этой чертѣ быта кукушки можно найти въ Gespräche mit Göthe Эккермана, т. II.

[7] ... и Лизу вспоминаетъ —

покойную великую княжну Елисавету Александровну (см. выше стр. 384 и 445).

[8] А Дажбогъ ...

Мы сохранили въ этомъ имени ороографію Державина. Въ *Краткомъ миөологическомъ лексиконѣ* Чулкова читаемъ: «*Даждбогъ*, или Дашуба (?), славянскій кіевскій богъ; почитали его богомъ подателемъ благъ и также еще богомъ богатства».

[9] Валкала ликъ ...

Валгалла, рай Скандинавовъ (см. выше стр. 168 и 170).

[10] ... Сверкая перьемъ, чешуей.

Рыба, скачущая изъ воды, — одна изъ любимыхъ картинъ Державина: ср. выше, между прочимъ, стр. 38, стихи: «По рдяну водъ стеклу мелькаютъ Вверхъ рыбы серебромъ» и 42: «Рыбы мечутся изъ водъ».

[11] Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща.

«Сіи два куплета — точный переводъ изъ кантаты Шиллеровой, пѣтой въ Веймарѣ при пріѣздѣ туда ея высочества» (*Об.* Д.). Подъ кантатой поэтъ разумѣетъ драматическое представленіе: Die Huldigung der Künste, кажется, послѣднее произведеніе Шиллера, написанное по прибытіи великой княгини въ Веймаръ и богатое прекрасными стихами, относящимися къ Россіи. Вотъ подлинное мѣсто:

Wachse, wachse, blühender Baum
Mit der goldnen Früchtekrone,
Den wir aus der fremden Zone
Pflanzen in den heim'schen Raum!
Fülle süsser Früchte, beuge
Deine immergrünen Zweige *.

[12] Но взоръ прозрачная тончица,

Тончица — тонкое покрывало (*Об.* Д.), слово церковно-славянское, собственно: тонкая ткань.

* Дополненіе, обязательно доставленное намъ Ив. Ив. Ханенко, чрезъ П. И. Бартенева.

---

167. ВОДОМЕТЪ [1].

Лучъ шумящій, водометный,
Свыше сыплюща роса!

Digitized by Google

Гдѣ въ тѣни, въ день знойный, лѣтній,
Совершенная краса,
Раскидавъ по дерну члены
И, сквозясь межъ струй, вѣтвей,
Сномъ объята, въ видѣ пѣны,
Взглядъ влекла души моей;
Гдѣ на зыблющу склонялись
Лилiи блестящу грудь,
Зарьныхъ розы устъ касались
И желали къ нимъ прильнуть;
Воздухъ свѣжестью своею
Ей спѣшилъ благоухать;
Травки, смятыя подъ нею,
Не хотѣли возставать;
Гдѣ я очи голубыя
Небесамъ подобно зрѣлъ,
Съ коихъ стрѣлы огневыя
Въ грудь бросалъ мнѣ злобный Лель.
О мѣста, мѣста священны!
Хоть лишенъ я васъ судьбой;
Но прелестны вы, волшебны,
И столь милы мнѣ собой,
Что поднесь о васъ вздыхаю
И забыть никакъ не могъ;
Съ жалобой напоминаю:
Мой послѣдній слышьте вздохъ.

[1] Въ рукописяхъ поэта нѣтъ никакого указанія на счетъ повода къ сочиненію этихъ стиховъ, написанныхъ собственной его рукой въ тетради, переписанной по большей части секретаремъ его. Вѣроятно, они относятся къ фонтану, находившемуся передъ усадьбой Державина и упомянутому въ 44-ой строфѣ *Жизни званской* (см. выше стр. 408), и рѣчь идетъ едва ли не о той же особѣ, которая составляетъ предметъ стихотвореній 161—164. Судя по послѣднимъ стихамъ, пьеса написана осенью, по возвращеніи поэта изъ деревни.

Напеч. въ изд. 1808, ч. III, cxxII, гдѣ въ 11-мъ стихѣ невѣрно: *зарь ихъ*.

Конецъ II-го Тома.

Digitized by Google

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ ТОМА II.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРИМѢЧАНІЕ
КЪ ТОМУ II.

Дѣва за арфою.

Стр.

342. Къ прим. 2. Вотъ подлинные стихи, которыми первоначально кончалась пьеса Шиллера Laura am Klavier:

Von dem Auge weg der Schleier!
Starre Riegel von dem Ohr!
Mädchen! Ha, schon athm' ich freier,
Läutert mich ätherisch Feuer,
Tragen Wirbel mich empor?
Neuer Geister Sonnensitze
Winken durch zerrissner Himmel Ritze —
Ueber Grabe Morgenroth!
Weg, Ihr Spötter, mit Insektenwitze,
Weg, es ist ein Gott!

Въ I-мъ Томѣ замѣчены еще слѣдующія опечатки:

Стран.		Напечатано:	Должно быть:
xxix.	въ 1-мъ подстрочномъ примѣчаніи:	въ томѣ III	въ томѣ V, вып. 1
272.	въ послѣднемъ куплетѣ, 3-мъ стихѣ:	не перси	на перси
432.	во 2-мъ стихѣ снизу:	почтенъ я	почтенъ и
539.	въ 1-й строкѣ:	321.	381.
542.	въ 7-й строкѣ:	472.	475.

22 56 8

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google